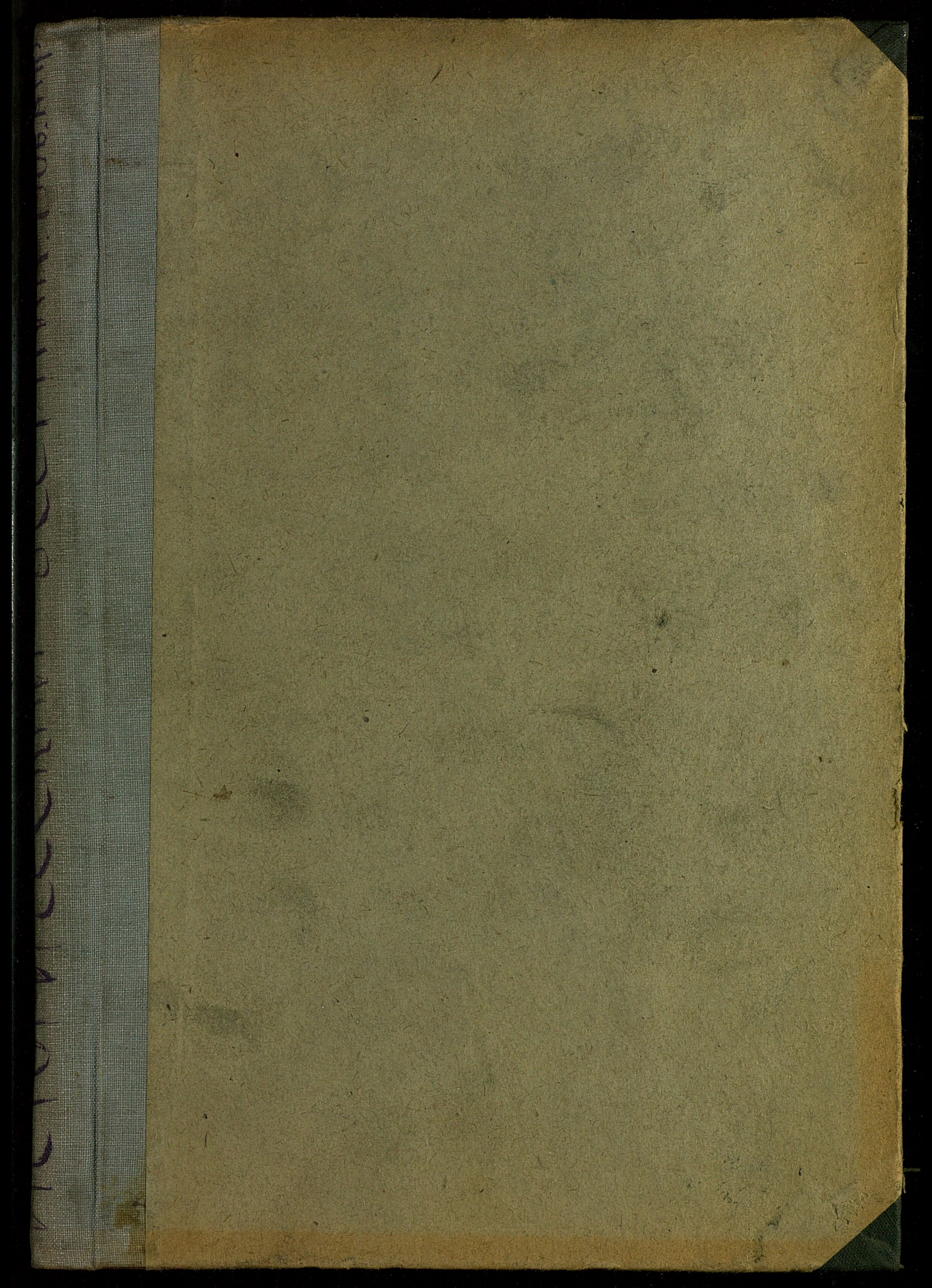

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

АПРѢЛЬ, 1906 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

АПРѢЛЬ, 1906 г.

(См. слѣд. стран.).

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

ТОМЪ CIV.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ CIV

1906

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1906

СЕРГѢЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ САЛТЫКОВЪ

Съ портрета принадлежащаго А. А. Васильчикову.

ДОЗ ЦЕНЗ. 24 МАРТА 1906 Г. СПБ.

ЗВѢЗДА ЦЕСАРЕВНЫ [1].

(1710—1734 г.).

VII.

Судъ надъ Меншиковыми свершился. Ихъ лишили всѣхъ земныхъ благъ и сослали въ Раненбургъ, гдѣ имъ оставили имѣніе, въ которомъ они были обречены на строгое заточеніе.

Невзирая на жизнь, полную волненій во время этихъ событій, невзирая на то, что у всѣхъ, какъ во дворцахъ, такъ и въ хижинахъ одно только было на умѣ и на языкѣ: несчастье павшаго временщика и радость мщенія за вынесенныя отъ него гоненія и обиды, цесаревна не забыла своего обѣщанія и доставила Ермилычу свиданіе, съ глазу на глазъ, съ царемъ.

Что именно произошло между сыномъ казненнаго Петромъ Бутягина и Петровымъ внукомъ, осталось тайной. Вернувшись къ Праксиной послѣ дарованной ему аудіенціи, Ермилычъ показалъ золотую табакерку, пожалованную ему царемъ, въ память службы его отца, но про то, что они сказали другъ другу, и какъ царь принялъ его откровенія и совѣты, онъ уклонился передавать подробно, а видъ у него былъ такой мрачный, что нельзя было не догадаться, что покидаетъ онъ Петербургъ въ весьма удрученномъ настроеніи.

Передъ его уходомъ цесаревна пожелала его видѣть, и на ея вопросъ, доволенъ ли онъ своимъ свиданіемъ съ царемъ, онъ от-

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CIII, стр. 713.

вѣтилъ, точно не разслышавши ея словъ, пожеланіемъ ей здоровья, всякаго благополучія, а паче всего—божескаго благословенія.

— Къ казакамъ теперь пойдешь?—спросила она, не настаивая на своемъ первомъ вопросѣ.

— Нѣтъ, ваше высочество, тамъ мнѣ дѣлать нечего.

— Развѣ царь ничего тебѣ для нихъ не обѣщалъ?

— Дай Богъ тебѣ здоровья, Петрова дщерь, ты у насъ теперь осталась послѣдней надеждой,—отвѣчалъ онъ.

— Я ему при случаѣ опять про тебя и про твоихъ казаковъ напомню,—объявила она.

Онъ низко, въ поясъ, ей поклонился и, цѣлуя протянутую руку, объявилъ, что возвращается въ свой монастырь, чтобъ за нее молиться.

— Иди, Христосъ съ тобою.

А когда онъ вышелъ, она долго смотрѣла ему вслѣдъ и проговорила вполголоса и какъ бы про себя, но, тѣмъ не менѣе, настолько громко, чтобъ стоявшая возлѣ нея Праксина могла ее услышать:

— Плоховатъ у насъ царенокъ-то!

Въ Москвѣ Ермилычъ былъ откровеннѣе и сознался Лыткиной и Ветлову, что русскимъ людямъ на царя разсчитывать нечего.

— Гасятъ въ отрокѣ духъ, и не на царство лиходѣи его готовятъ, а на то, чтобъ именемъ его Русскую землю разорять. Не устаетъ насъ Господь карать, и готовятся намъ испытанія горше прежнихъ. Ты правду сказалъ, Иванъ Васильевичъ, — обратился онъ къ Ветлову:—Долгорукіе налягутъ на насъ тяжелѣйшимъ гнетомъ, чѣмъ былъ Меншиковскій. Молиться надо и бордствовать, да помнить, что тамъ, гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость.

— Здѣсь наши многаго ожидаютъ отъ его свиданія съ бабкой,—замѣтила Авдотья Петровна:—она, говорятъ, собирается ему всю правду высказать. Старица благочестивая,—продолжала она, не смущаясь унылымъ молчаніемъ, съ которымъ ее слушали:— ждали въ ней проявленія властолюбія при поворотѣ фортуны, однако скромнѣе прежняго показывается и ни на шагъ отъ монашескихъ своихъ обѣтовъ не отступаетъ.

— Очистилась ея душа страданіями, значитъ, а при очищеніи завсегда и просвѣтлѣніе въ мысляхъ бываетъ, — замѣтилъ Ермилычъ.—Она теперь, можетъ, и не видѣвши внучатъ, поняла ихъ лучше тѣхъ, что съ утра до вечера и съ вечера до утра—съ ними. Великое дѣло страданіе,—прибавилъ онъ со вздохомъ.—Ея страда еще не окончилась, горько ей будетъ, когда увидитъ дѣтей своего мученика-сына!

— И зачѣмъ только Петръ Филипповичъ при немъ остается!— сказалъ Ветловъ.—Ушелъ бы отъ грѣха, до бѣды.

— А ты все свое, паренекъ,—улыбнулся старикъ,—тебѣ друзей своихъ жаль. И намъ съ Авдотьей Петровной ихъ жаль, и мы

дорого бы дали и спокойнѣе смерти бы ждали, кабы Господь вырвалъ ихъ изъ темнаго омута, въ которомъ каждую минуту лютая опасность ихъ ждетъ, да не такъ живи, какъ хочется, а какъ Богъ велитъ, паренекъ, вотъ что допрежъ всего надо помнить.

На этотъ разъ онъ оставался здѣсь всего только нѣсколько дней, и долго о немъ не было въ домѣ у Вознесенія ни слуху ни духу.

Позднею осенью дворъ переѣхалъ въ Москву.

Ожили московскіе старолюбцы, и снова стали собираться у Авдотьи Петровны друзья ея покойнаго мужа съ своими единомышленниками. Отрадно имъ было послушать разсказы Петра Филипповича и Лизаветы Касимовны про царя и про цесаревну, но съ каждымъ разомъ разговоры становились сдержаннѣе и безсодержательнѣе, такъ что бесѣда оживлялась только во время ихъ отсутствія, такъ неохотно отвѣчали они на разспросы о царской семьѣ, къ которой оба стояли такъ близко.

А вскорѣ наступило такое время, что и при свиданіяхъ наединѣ супруги Праксины затруднялись передавать другъ другу то, что у нихъ было на душѣ. Все рѣже и рѣже посѣщали они Лыткину съ Филиппушкой, и мало-по-малу прежній духъ тоскливаго страха и жуткаго недоумѣнія сталъ замѣнять промелькнувшій было метеоромъ лучъ надежды и блаженныхъ упованій, не въ одномъ домѣ у Вознесенія, а также и въ прочихъ московскихъ домахъ и дворцахъ.

Царь проводилъ время въ недостойныхъ сану его увеселеніяхъ, въ обществѣ пустомъ и развратномъ, къ которому, ко всеобщему негодованію, присоединялась и цесаревна Елисавета Петровна. Готовиться къ царствованію у него не было ни времени, ни охоты, и по городу ходили печальные разсказы о его ссорахъ съ наставникомъ его, умнымъ графомъ Остерманомъ, и съ добродѣтельной сестрой его, великой княжной Натальей Алексѣевной.

Расползлись слухи эти и дальше, по всему Русскому царству, порождая легенды, одну другой безотраднѣе, волнуя умы злыми предчувствіями.

Россія начинала терять вѣру въ силу божественной благодати надъ юнымъ царемъ, и самый народный духъ, столь доселѣ твердый въ вѣрѣ на милость Всевышняго и на совѣсть царскую, начиналъ заражаться смятеніемъ.

Опять опустѣлъ домикъ Авдотьи Петровны и, кромѣ Ветлова, не покидавшаго въ ту зиму Москвы, да молодого подьячаго, Докукина, никто не навѣщалъ по вечерамъ Лыткина съ Филиппушкой, который чувствовалъ себя, невзирая на близость родителей, болѣе сиротой, чѣмъ тогда, когда они жили въ Петербургѣ.

Докукинъ былъ человѣкъ съ большими странностями, такой робкій и молчаливый, что, если-бъ не Ветловъ, никогда бы не до-

гадаться о его начитанности и учености. Гдѣ именно столкнулся съ нимъ Ветловъ,—неизвѣстно, но черезъ него Докукинъ попалъ и во дворецъ къ Праксину, у котораго онъ былъ раза два и на самое короткое время, при чемъ успѣлъ, однакожъ, проявить такую ненависть къ Долгорукимъ, что осторожный Петръ Филипповичъ больше его къ себѣ не приглашалъ, а, узнавъ случайно, что онъ повадился къ Лыткиной, нарочно зашелъ къ женѣ, чтобъ ей сказать, какъ ему не нравится, что этотъ Докукинъ ходитъ къ ея пріемной матери. Такихъ незнаемыхъ людей надо остерегаться.

— Почемъ знать, съ какими цѣлями поноситъ онъ Долгорукихъ? Можетъ, соглядатаемъ его кто къ намъ заслалъ. По нынѣшнимъ временамъ всякаго подвоха можно ждать, а на меня и безъ того князь Иванъ недоброжелательно поглядываетъ. Чуетъ вѣрно сердце его мою къ нему ненависть за то, что портитъ царя,—прибавилъ онъ со вздохомъ.

— Ты бы, Петръ Филипповичъ, подъ предлогомъ болѣзни, что ли, отказался отъ должности да уѣхалъ бы съ Филиппушкой въ Лебедино,—сказала Лизаветка.

— Не время теперь службу царскую бросать, — угрюмо замѣтилъ онъ.—Вотъ, Богъ дастъ, повѣнчаемъ его на царство, ну, тогда надо думать, что и графъ Остерманъ и прочіе, что скорбятъ о немъ не меньше нашего, наберутся силы и смѣлости сказать Долгорукимъ правдивое слово и сократятъ общимъ совѣтомъ ихъ власть надъ царемъ.

— Хорошо, кабы такъ, — вздохнула Лизавета. — Пора! дѣло-то при нихъ невпримѣръ хуже, чѣмъ при Меншиковыхъ, пошло.

— Вотъ и ты, какъ тотъ Докукинъ, говоришь,—замѣтилъ мужъ.

— Да вѣдь и ты тоже думаешь, Петръ Филипповичъ...

Онъ промолчалъ, а она, подождавъ съ минуту, продолжала:

— Во всякомъ случаѣ, раньше и моя цесаревна жила честнѣе, а теперь даже и думать не хочется, куда она идетъ отъ отчаянія... Ужъ въ городѣ стали поговаривать про то, что она вмѣстѣ съ Долгоруковыми царя губитъ.

— Пыталась ты ей все это представить?

— Сколько разъ! Да она ужъ не та, что была раньше, слушать-то меня слушаетъ, а чтобъ хоть крошечку исправиться — и не думаетъ. Съ Александромъ Борисовичемъ все-таки сдерживалась, онъ ей каждую минуту напоминалъ про ея званіе и къ чему званіе это ее обязываетъ. Ему было лестно быть любимымъ цесаревной, императорской дочерью, имѣющей права на русскій престолъ... вѣдь чуть было императрицей не сдѣлалась! Ну, а тепепешній-то ея сердечный другъ иного поля ягода: чѣмъ она проще себя держитъ, тѣмъ она ему ближе. Въ Александровскомъ совсѣмъ какъ простые люди живутъ, со всѣми встрѣчными и поперечными она знакомится, всѣхъ къ себѣ зазываетъ, съ крестьян-

скими дѣвушками въ хороводахъ ходитъ и съ парнями деревенскими пѣсни поетъ... Я такъ это понимаю, что она съ отчаянья такъ себя повела, не можетъ утѣшиться, что престола лишилась во второй разъ черезъ Меншиковыхъ. Какъ свалили ихъ, она первое время страданіями ихъ тѣшилась, только, бывало, про нихъ и говоритъ да разспрашиваетъ, каждой ихъ слезой радовалась, ну, а какъ увидѣла, что при Долгорукихъ ей не легче, и что, чего добраго, эти еще крѣпче свою фамилію къ царству приладятъ, чѣмъ Меншиковы, и затосковала она пуще прежняго, а, чтобъ забыться, и кружится безъ устали, то съ простыми дѣвками да парнями, то съ возлюбленнымъ, то съ царемъ и съ тѣми, которые его окружаютъ. И чѣмъ только все это кончится,—одному Богу извѣстно! Намеднись горевали мы съ Маврой Егоровной объ ней и договорились до того, что самое было лучшее замужъ ее отдать за какого нибудь нѣмецкаго принца... все же лучше, чѣмъ черезъ Долгоруковскіе происки въ монастырь попасть.

— До этого еще далеко, не цари еще Долгорукіе, чтобъ царскую дочь въ монастырь заточить...

— Сами-то еще не цари, и царями, Богъ дастъ, никогда не будутъ, а что дочь свою старшую они въ царицы прочатъ, это по всему видно...

— Не оборвались бы на этомъ, какъ Меншиковъ. У нихъ дочь на шесть лѣтъ старше царя, и слава про нее нехорошая идетъ... Тебѣ кто про этотъ новый Долгоруковскій прожектъ говорилъ?—спросилъ онъ угрюмо.

— Да ужъ я отъ многихъ слышала. Мавра Егоровна увѣряетъ, что у нихъ все къ тому подведено: царя по цѣлымъ днямъ съ нею оставляютъ, а когда ея нѣтъ, ему въ уши про нее братъ ея жужжитъ и прочіе. Вѣдь теперь у васъ во дворцѣ, кромѣ тебя, нѣтъ ни единой души, ими не закупленной, самъ ты это знаешь.

Да, онъ это зналъ, и каждое слышанное отъ жены слово служило ему мучительнымъ подтвержденіемъ ни на минуту на перестававшихъ терзать его, и днемъ и ночью, догадокъ.

Долгоруковы хотятъ женить царя на княжнѣ Екатеринѣ. И женятъ, если имъ не помѣшаютъ во-время... А какъ помѣшать? Сказать прямо самому царю о грозившей ему опасности? Представить ему всѣ пагубныя послѣдствія этой интриги? Но вѣдь, во всякомъ случаѣ, кромѣ обрученія, онъ ничему не подвергается до поры до времени. Онъ скажетъ, если теперь съ нимъ объ этомъ заговорить, что обрученіе ни къ чему не обязываетъ. Развѣ онъ не былъ обрученъ съ Меншиковой, и развѣ это помѣшало ему сослать свою невѣсту вмѣстѣ со всей ея фамиліей? Какъ объяснить ему, насколько Долгорукіе опаснѣе Меншиковыхъ, и какъ отъ нихъ труднѣе избавиться, чѣмъ отъ такихъ безъ роду и племени проходимцевъ, какъ бывшій пирожникъ? Да и постыдно

царю русскому второй разъ обручаться съ дѣвицами, на которыхъ онъ не имѣетъ твердаго намѣренія жениться, и потому только, что у него своей воли нѣтъ... И какъ знать, какую надъ нимъ заберетъ власть такая красивая и въ жизненныхъ дѣлахъ многоопытная дѣвица, какъ княжна Екатерина, вѣдь не для того же, чтобъ любить и холить мальчика-царя, жертвуетъ она любовью къ человѣку, въ котораго страстно влюблена и котораго должна была сдѣлаться супругой. Разумѣется, ей захочется найти вознагражденіе за принесенную жертву, а въ чемъ ей искать это вознагражденіе, если не въ утѣхахъ честолюбія и властолюбія?

Положеніе съ каждымъ днемъ обострялось все больше и больше. При послѣднемъ своемъ свиданіи съ мужемъ Лизавета напомнила ему, что возлѣ царя остался только онъ одинъ, не подкупленный фаворитами, а, дня два спустя, онъ былъ призванъ къ князю Ивану, чтобъ выслушать строгій выговоръ за то, что онъ дозволяетъ себѣ слишкомъ фамильярно обращаться съ его величествомъ, давать ему совѣты беречь свое здоровье и избѣгать излишествъ въ кушаньѣ и питьѣ, тогда какъ въ той должности, которую онъ занимаетъ, ему надо только заботиться о царскомъ гардеробѣ да о надзорѣ за волосочесами, портными и прочимъ людомъ, на обязанности которыхъ лежитъ забота о платьѣ царскомъ и бѣльѣ.

— Во время одѣванія и когда въ покоѣ нѣтъ придворныхъ, ты позволяешь себѣ разговаривать съ царемъ о предметахъ, не имѣющихъ никакого касательства до твоей обязанности; вчера ты даже то того забылся, что осмѣлился ему напомнить о томъ, что онъ пятую ночь раньше, какъ въ пятомъ часу утра, не ложится почивать... Твое ли дѣло заботиться о здоровьѣ его величества, когда онъ окруженъ вельможами, которые лучше тебя знаютъ, что ему полезно и что вредно? Предупреждаю тебя,—продолжалъ всемогущій въ то время князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій,— что мнѣ это очень непріятно, и что тебѣ было бы лучше во̀-время убраться изъ дворца, подобру-поздорову, чѣмъ дождаться, чтобъ я тебя выгналъ, какъ прочихъ. Намъ нужны возлѣ царя преданные намъ люди, понимаешь? — прибавилъ онъ, вскидывая гнѣвный взглядъ на слушавшаго его въ почтительной позѣ у двери Праксина.

— Въ недостаткѣ преданности моему царю никто упрекнуть меня не можетъ, ваше сіятельство,—сдержанно отвѣчалъ Петръ Филипповичъ.

Отвѣтъ этотъ привелъ царскаго любимца въ такую ярость, что лицо его покрылось багровыми пятнами, и ему стоило большого усилія, чтобъ не кинуться на ничтожнаго камерлакея, дозволившаго себѣ дать ему урокъ общежитія, и не вытолкать его изъ покоя, тѣмъ не менѣе, вспомнивъ, что время еще не пришло для него проявлять свою власть надъ царскими слугами, онъ повернулся къ окну, съ минуту времени передъ нимъ постоялъ въ

раздумьѣ, а затѣмъ, обратившись къ продолжавшему стоять у двери Праксину, спросилъ, не желаетъ ли онъ получить болѣе покойное и лучше оплачиваемое мѣсто, чѣмъ то, которое онъ теперь занимаетъ.

— Я могу просить батюшку, чтобъ онъ назначилъ тебя смотрителемъ царскаго дворца въ Петербургѣ или котораго нибудь изъ его загородныхъ домовъ, а, можетъ быть, тебѣ было бы пріятнѣе управлять царскими имѣніями, въ Малороссіи или на Волгѣ?

— Я на свое положеніе при царѣ не жалуюсь, ваше сіятельство,—отвѣчалъ Праксинъ.

Ужъ это было слишкомъ, и сдавленный гнѣвъ молодого князя вырвался наружу въ крикливомъ возгласѣ:

— Ступай вонъ, если понимать меня не хочешь! И не пеняй на насъ, если съ тобой случится что нибудь худое.

Праксинъ ушелъ къ себѣ домой, вполнѣ просвѣщенный относительно того, что ждетъ его въ самомъ скоромъ будущемъ, и съ рѣшимостью не покинуть своего поста, не попытавшись спасти царя отъ разставляемой ему новой ловушки. Времени терять нельзя было.

Въ тотъ же вечеръ, или, лучше сказать, на слѣдующее утро, потому что царь вернулся изъ загороднаго дома Долгорукихъ, гдѣ былъ балъ съ фейерверкомъ и катаніемъ въ саняхъ, далеко за полночь, Праксинъ въ почтительнѣйшихъ выраженіяхъ сталъ его умолять подумать о своемъ здоровьѣ, вспомнить, что черезъ нѣсколько дней должно произойти священное торжество вѣнчанія его на царство, и что вся Россія съ животрепещущимъ волненіемъ слѣдитъ за каждымъ его шагомъ и сокрушается недостойнымъ образомъ жизни, который его заставляютъ вести въ такое важное для него и для всѣхъ его подданныхъ время.

Въ обширномъ покоѣ съ расписнымъ потолкомъ и со стѣнами, обитыми штофомъ, подъ одинъ цвѣтъ съ пологомъ, окружавшимъ со всѣхъ сторонъ золоченую кровать посреди, не было, кромѣ ихъ двухъ, ни души, и, опустившись на колѣни передъ царемъ, лежавшимъ уже на этой кровати, Праксинъ продолжалъ настаивать на необходимости для царя измѣнить жизнь, учиться, чтобъ сдѣлаться достойнымъ править ввѣреннымъ ему Богомъ народомъ. Увлекшись волновавшимъ его чувствомъ любви къ родинѣ и поощренный терпѣливымъ вниманіемъ, съ какимъ его слушали, и серьезнымъ выраженіемъ устремленныхъ на него дѣтскихъ глазъ, Праксинъ распространялся о святости великаго таинства, которое готовятся надъ нимъ свершить, и объ обязанностяхъ, налагаемыхъ на него этимъ таинствомъ.

— Не о танцахъ и не о забавахъ долженъ его величество теперь думать, а о томъ, чтобъ испросить у Господа Бога силъ и разума на великій, святый подвигъ! Ваше величество должны

пребывать въ постѣ и въ молитвѣ, а не въ бѣсовскихъ развлеченіяхъ...

— Вотъ и бабушка то же самое говоритъ,—замѣтилъ вполголоса царственный мальчикъ,—и сестра, и графъ Андрей Ивановичъ...

— Всѣ, кто васъ любитъ и желаетъ блага родинѣ, вамъ то же самое скажутъ, ваше величество.

— Нѣтъ, ты не знаешь, князь Иванъ говоритъ, что надо пользоваться жизнью, что выучиться всему, что мнѣ надо знать, я всегда успѣю, что молодость одинъ только разъ въ жизни бываетъ... А княжна Екатерина все надо мною смѣется, называетъ меня ребенкомъ и увѣряетъ, что я не умѣю быть большимъ... Мнѣ ея издѣвки ужъ надоѣли, Филиппычъ, она меня все дразнитъ, все стыдитъ... А куда дѣвался тотъ старичекъ босой, котораго приводила ко мнѣ тетенька Лизавета Петровна, когда мы еще были въ Петербургѣ? Онъ тоже мнѣ говорилъ про Бога и что мнѣ надо не веселиться и не играть, а учиться, все учиться, потому что я царь... Многое онъ еще говорилъ, и про дѣдушку и моего родителя, но я тогда о другомъ думалъ, вѣдь мы тогда Меншикова подъ судъ отдали, и я думалъ: какъ-то намъ будетъ житься съ Долгоруковыми?... Я плохо его слушалъ, и ему вѣрно показалось, что онъ мнѣ надоѣлъ... Ушелъ онъ такой грустный, что мнѣ захотѣлось его вернуть, чтобъ хорошенько съ нимъ проститься и сказать ему, чтобъ онъ ко мнѣ опять пришелъ когда нибудь... Я табакерку золотую ему подарилъ... князь Иванъ сказалъ, что и серебряной было бы довольно, къ чему страннику золотая табакерка... Но у меня ничего другого не было, чтобъ дать ему отъ меня на память... Мнѣ въ тотъ день князь Иванъ привелъ того итальянца съ органомъ и съ собачками... Хороши были эти собачки, мнѣ ихъ хотѣлось купить, да Иванъ сказалъ, что онъ слишкомъ дорого за нихъ проситъ, и что лучше выписать такихъ изъ чужихъ странъ, лучше будутъ и дешевле... И вотъ до сихъ поръ не выписали, а обѣщали, и еще говорятъ, что я царь, и что всѣ должны меня слушаться...

— Ваше величество, не давайте имъ вершить всѣ дѣла государственныя безъ одобренія верховнаго совѣта! Не слушайте однихъ Долгорукихъ! Совѣтуйтесь съ другими... съ отчаяньемъ вскричалъ Праксинъ, чувствуя, что почва ускользаетъ у него изъ-подъ ногъ, что никогда больше не придется ему высказать царю то, что ему нужно знать, и вмѣстѣ съ тѣмъ сознавая, какъ слабо и непрочно впечатлѣніе, производимое его словами на слабый, несложившійся умъ ребенка, и какъ быстро будетъ забыта его восторженная рѣчь, подъ наплывомъ новыхъ впечатлѣній!

Какъ дорого бы онъ далъ, чтобъ свершилось чудо! Чтобъ въ этомъ мальчикѣ созрѣлъ вдругъ разумъ, развилась бы, окрѣпла

душа, загорѣлся бы въ немъ внезапно яркимъ пламенемъ мужественный духъ! Жизни бы онъ для этого не пожалѣлъ. Вѣдь этотъ ребенокъ—послѣдній отпрыскъ царскаго корня, правнукъ обожаемаго царя Алексѣя Михайловича, родной сынъ замученнаго за православную вѣру царевича Алексѣя, память котораго такъ дорога всѣмъ русскимъ людямъ...

Но маленькій царь смотрѣлъ на него со страхомъ въ широко раскрытыхъ отъ недоумѣнія глазахъ. Никогда еще никто не позволялъ себѣ такъ кричать въ его покояхъ... Онъ все еще очень любилъ Филиппыча, и ему очень бы не хотѣлось, чтобъ и онъ такъ же пострадалъ за него, какъ другіе; дѣтское его сердце чувствовало, что человѣкъ этотъ—послѣдній другъ, преданный ему не изъ выгодъ, а изъ-за чего-то другого, ему еще не понятнаго, но прекраснаго и высокаго; дѣтское его сердце признавало то, чего дѣтскій умъ еще охватить не могъ, и онъ началъ его унимать, чтобъ онъ успокоился, пересталъ бы говорить такъ громко, чтобъ, Боже сохрани, не услышали и не донесли бы Долгоруковымъ...

— Мнѣ вѣдь ужъ изъ-за тебя перепало, Филиппычъ, оба, и князь Иванъ и князь Алексѣй Григорьевичъ, выговаривали мнѣ за то, что я не по-царски обращаюсь съ прислугой и позволяю имъ разговаривать со мною о томъ, до чего имъ нѣтъ дѣла... Это они на твой счетъ, Филиппычъ, они знаютъ, что я только съ тобою разговариваю наединѣ, ни съ кѣмъ больше. Новыхъ-то, которыхъ они ко мнѣ приставили, я боюсь и терпѣть ихъ не могу... И она тоже, княжна Екатерина, изъ-за тебя надо мною издѣвалась... Я пуще всего ея боюсь, Филиппычъ, она всѣхъ ихъ злѣе... Марья Меншикова была скучная, и все, бывало, у нея на глазахъ слезы, мнѣ это было противно, и я былъ радъ ее сослать, чтобъ никогда не видѣть, а эту я ненавижу, но отъ нея труднѣе отдѣлаться... Ты этого, ради Бога, никому не говори, Филиппычъ, вѣдь они меня могутъ... извести,—вымолвилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.

— Батюшка! государь! Да какъ ты могъ такое про меня подумать?... Вѣдь я жизнь за тебя готовъ отдать... вѣдь ты мнѣ дороже сынка родного... какой же я на тебя доносчикъ! — пролепеталъ задыхающимся отъ волненія шопотомъ Праксинъ, припадая къ рукѣ царственнаго мальчика и обливая ее слезами, неудержимо хлынувшими у него изъ глазъ.—Прости, родимый, что обезпокоилъ тебя, помѣшалъ тебѣ почивать... Напрасно я это, знаю, что напрасно...

Да, онъ это теперь понималъ, какъ нельзя лучше. Напрасно погубилъ онъ себя и лишилъ возможности послужить царю, когда служба его могла бы быть полезна. Напрасно не сообразилъ онъ тщету своихъ вожделѣній: двѣнадцатилѣтній мальчикъ останется ребенкомъ, что ему ни говори и что съ нимъ ни дѣлай, онъ подѣтски будетъ и думать и чувствовать...

Въ ту ночь Праксинъ совсѣмъ не ложился спать. Онъ вышелъ изъ царской спальни, когда царь уже заснулъ, и вмѣсто того, чтобъ итти въ свою комнату, рядомъ съ гардеробной, переодѣлся изъ придворной одежды въ простую, накинулъ на себя теплый плащъ, нахлобучилъ на голову мѣховую шапку и вышелъ изъ двора на улицу. Городъ еще спалъ, и было совсѣмъ темно,—плохо освѣщали въ то время улицы рѣдкіе фонари,—но Петръ Филипповичъ такъ хорошо зналъ всѣ входы и выходы въ Кремлѣ, что очень скоро добрался до святыхъ воротъ и, отвѣтивъ на окликъ часового, что идетъ свой, направился къ часовнѣ, изъ которой огонь отъ свѣчей и лампадъ былъ виденъ издалека. Тутъ онъ долго молился, предавая все свое существо на волю Божію, до тѣхъ поръ молился, пока не сталъ заходить въ часовню народъ, идущій по своимъ ежедневнымъ дѣламъ, кто въ лавки, кто на рынокъ, куда уже начинали съѣзжаться крестьяне съ деревенскимъ товаромъ.

Короткій зимній день еще не занимался, а жизнь уже кипѣла во всю, когда онъ вышелъ изъ часовни, чтобъ итти къ церкви Вознесенія повидаться въ послѣдній разъ со своимъ сыночкомъ, съ старушкой, замѣнившей мать его женѣ, и съ Ветловымъ, которому онъ передъ образомъ поклялся обратиться къ нему, когда ему въ трудное время понадобится другъ и помощникъ.

Къ нему первому онъ и пошелъ, войдя въ домъ съ чернаго крыльца, послѣ того, какъ Грицко, всегда раньше всѣхъ просыпавшійся въ домѣ, заслышавъ его стукъ въ калитку, поспѣшилъ ему ее растворить.

— Мнѣ бы Ивана Васильевича повидать, старина. Если спитъ, я его разбужу. Такое приспѣло время, что необходимо сейчасъ съ нимъ переговорить,—объявилъ Петръ Филипповичъ, проникая за старымъ казакомъ на молчаливый и пустой дворъ, окруженный строеніями съ запертыми ставнями, среди снѣжныхъ сугробовъ.— Ты меня такъ къ нему проводи, чтобъ мнѣ никого не разбудить.

Грицко молча направился по тропинкѣ къ сѣнямъ и растворилъ вынутымъ изъ кармана ключомъ большой висячій замокъ у двери въ горницы.

— Огонька тебѣ вздуть, или впотьмахъ дорогу найдешь?— спросилъ онъ шопотомъ.

— Ничего мнѣ не надо, начинаетъ ужъ свѣтать, дойду, Богъ дастъ, куда мнѣ надо,—отвѣчалъ тѣмъ же шопотомъ Праксинъ, проникая въ горницу съ лѣстницей на антресоли, гдѣ всегда останавливался Ветловъ, когда пріѣзжалъ въ Москву.

Рядомъ съ его комнатой была другая побольше, гдѣ жилъ Филиппушка.

Ветловъ не спалъ. Онъ проснулся при первомъ стукѣ въ калитку, и у него тотчасъ же мелькнула мысль, что это пришелъ Праксинъ. Горенка слабо освѣщалась бѣлесоватымъ свѣтомъ, проникавшимъ

со двора въ отверстіе, продѣланное въ ставнѣ, и огонькомъ лампадки, горѣвшей передъ образами у Филиппушки, и, поднявъ голову съ подушки, онъ съ замирающимъ сердцемъ прислушивался къ легкому скрипу снѣга подъ ногами идущихъ отъ воротъ къ крыльцу, мысленно творя молитву.

— Войдите, войдите, Петръ Филиппычъ, я не сплю,—сказалъ онъ вполголоса, когда дверь растворилась, и на порогѣ появился Праксинъ.

Прежде чѣмъ подойти къ его постели, Петръ Филипповичъ заглянулъ въ сосѣднюю комнату и притворилъ въ нее дверь.

— Спитъ, слава Богу, нашъ мальчикъ!—прошепталъ онъ, опускаясь на кровать Ветлова.—Я къ тебѣ отъ всего свѣта тайкомъ пришелъ, Ванюша, и нарочно въ такое время, когда никто не догадается, что мы видѣлись сегодня рано утромъ.

— Что случилось?—спросилъ Ветловъ.

— Бѣда, которую мы съ тобою ждали, кажется, надвигается. Не сегодня—завтра, меня, можетъ быть, арестуютъ, надо о спасеніи Филиппушки подумать. Увезъ бы ты его въ Лебедино, Ванюша.

— А Лизавета Касимовна?

Отъ волненія у него такъ сперло дыханіе, что слова произносились съ трудомъ.

— Лизавета цесаревну не оставитъ въ настоящее время. Я ее ужъ на этотъ счетъ пыталъ. Воля у нея твердая, ничѣмъ ея не убѣдишь: не стоитъ противъ рожна прати.

— Я сдѣлаю все, что ты прикажешь, Петръ Филипповичъ, а только дозволь мнѣ тебѣ мою мысль высказать.

— Говори, голубчикъ, я для того и пришелъ, чтобъ съ тобою совѣтъ держать, на тебя на одного оставляю я моихъ дорогихъ сынка и жену.

— Спасибо, Петръ Филипповичъ, спасибо за довѣріе. Радъ за тебя и за твоихъ жизнь отдать и, если хочешь, сейчасъ поѣду съ Филиппушкой въ Лебедино. Но будетъ ли онъ тамъ цѣлѣе,—вотъ что надо обмыслить. А какъ же Лизавета Касимовна здѣсь одна останется? Съ кѣмъ ей посовѣтоваться, если ты будешь въ неволѣ, на кого ей положиться? А Филиппушкѣ ничего здѣсь не грозитъ, ребенокъ за отца отвѣтчикомъ быть не можетъ... А если бъ даже такъ и случилось, что захотѣли бы на немъ гнѣвъ сорвать, такъ вѣдь самъ понимаешь, руки у нихъ длинны, вездѣ достанутъ и его, и меня, а Лизавета Касимовна и вовсе здѣсь на виду, въ дворцѣ цесаревны.

Не будь Праксинъ такъ разстроенъ, онъ, можетъ быть, замѣтилъ бы, какъ дрожалъ голосъ его молодого друга, когда онъ произносилъ это имя, но въ эту минуту ему было не до того, чтобъ удивляться, что Ветловъ заботится больше о его женѣ, чѣмъ о немъ и о ихъ ребенкѣ, и онъ объявилъ, что именно потому и при-

шелъ къ молодому своему другу, а не къ женѣ, чтобъ не навлекать на нее лишняго подозрѣнія.

— Я ужъ давно избѣгаю къ ней заходить,—продолжалъ онъ,— во дворцѣ у цесаревны меня ни разу не видѣли съ тѣхъ поръ, какъ мы въ Москвѣ; видимся украдкой въ церкви, на улицѣ, въ лавкѣ знакомаго купца, а надняхъ я заходилъ въ огородъ къ просвирнѣ, чтобъ ей сказать насчетъ того молодца, котораго ты и сюда, ко мнѣ приводилъ, чтобъ она его не принимала.

У Ветлова захолонуло сердце отъ тяжелаго предчувствія.

— Ты развѣ что нибудь недоброкачественное про него узналъ?

— Всѣмъ вамъ, мнѣ близкимъ людямъ, надо незнаемыхъ людей остерегаться, а ужъ особливо такихъ отчаянныхъ да шалыхъ, какъ этотъ твой Докукинъ. Походя вѣдь Долгоруковыхъ ругаетъ и клянетъ, того не соображая, что доносчиками Москва кипитъ съ тѣхъ поръ, какъ царь здѣсь живетъ. Долго ль изъ-за такого молодца совсѣмъ невинному человѣку въ бѣду попасть! Я бы тебѣ совѣтовалъ отъ такихъ, какъ отъ чумы, бѣгать, Ванюша.

— Я ему ужъ сказалъ, чтобъ онъ больше сюда не лазилъ,— замѣтилъ съ смущеніемъ Ветловъ.

— Вамъ надо всѣмъ съ большой опаской теперь жить. Гдѣ думаешь ты съ Лизаветой повидаться, чтобъ порученіе ей мое передать?

— Пусть она сама рѣшитъ, ей лучше знать. Зайду къ ранней обѣднѣ въ Успенскій соборъ, она туда каждый разъ, какъ можетъ урваться, приходитъ...

— Гдѣ знаете, тамъ и устройте себѣ свиданіе, мнѣ тебя осторожности не учить, самъ понимаешь, чему подвергаешь и себя и ее... Скажи ей отъ меня, что я прошу ее ради самого Бога, которому мы съ нею такъ часто вмѣстѣ молились, чтобъ обо мнѣ узнавать не доискивалась и отъ свиданій со мной наотрѣзъ отказывалась. Все, чего я прошу у Бога, чтобъ безъ шуму и незамѣтно уйти изъ этого міра...

— Да что случилось-то, Петръ Филиппычъ? — спросилъ Ветловъ, замѣчая, что посѣтитель его собирается уходить.—Тяжко мнѣ не знать, откуда тебѣ грозитъ бѣда...

— А еще тяжелѣе станетъ, когда узнаешь... На допросѣ-то съ пытками куда легче стоять человѣку, которому ничего не извѣстно!..

— Боишься, что я тебя выдамъ?—дрогнувшимъ голосомъ произнесъ Ветловъ.

— Не за себя, голубчикъ, а за тѣхъ, кого тебѣ поручаю, боюсь. Ты имъ нуженъ свободный да сильный, цѣльный однимъ словомъ, а не искалѣченный да подозрѣваемый. Намъ замѣстители нужны, чтобъ начатое нами дѣло продолжали, когда насъ не будетъ. Блюди нашъ народъ въ лѣсу, Ванюша. Какъ я его велъ, и ты веди. Понялъ?

И, не дожидаясь отвѣта, избѣгая встрѣчаться съ нимъ взглядомъ, чтобъ не выдать, можетъ быть, сердечной муки, терзавшей его, Праксинъ подошелъ къ двери въ сосѣднюю комнату и, растворивъ ее, нѣсколько мгновеній простоялъ на порогѣ, глядя на спавшаго сына и мысленно творя молитву.

— Спитъ,—глухо проговорилъ онъ, возвращаясь къ Ветлову.— Оно такъ-то лучше... пусть тогда только узнаетъ, когда все свершится. Ты сумѣешь ему все объяснить, чтобъ зналъ, что отецъ его остался вѣренъ своей совѣсти до конца, совѣсти русскаго православнаго человѣка. Когда войдетъ въ разумъ, ты ему это объясни, какъ слѣдуетъ: что такое родина, царь-помазанникъ и вѣра православная. Я тебя хорошо узналъ, Ванюша, ты изъ крѣпкихъ, ты не дашь въ немъ угаснуть духу, ты такой же, какъ и его мать... Спаси ее, Господи! До послѣдняго издыханія буду за васъ, за троихъ, молить Бога, чтобъ не разъединялъ васъ въ духѣ... Много я объ этомъ думалъ, Ванюша, Господь все къ лучшему устраиваетъ, это намъ только по скудоумію нашему кажется, что надо было бы такъ и этакъ сдѣлать, чтобъ все было хорошо, а какъ по-нашему выйдетъ, и плачемся... Докукинъ твой правъ, промѣняли мы кукушку на ястреба, сверзивъ Меншикова для Долгорукихъ! — проговорилъ онъ, пригибая совсѣмъ близко къ слушателю свое поблѣднѣвшее отъ волненія лицо, съ сверкающимъ, вдохновеннымъ взглядомъ.—А какъ мы радовались удачѣ! Вотъ что значитъ безъ Бога-то дѣло затѣивать!

Всю жизнь помнилъ Ветловъ этотъ взглядъ, съ лѣтами все глубже и глубже проникаясь восторженнымъ благоговѣніемъ къ своему другу.

Правъ былъ Петръ Филиппычъ Праксинъ, довѣряя ему все, что у него было дорогого на землѣ: Ветловъ способенъ былъ его понимать и оцѣнить его дружбу. Не для чего ему было его больше разспрашивать; теперь ему все было ясно: когда исправить послѣдствія заблужденія невозможно, жизнь теряетъ смыслъ, и остается искать утѣшенія за гробомъ. Есть разочарованія, такъ глубоко изъязвляющія сердце, что ничѣмъ раны не залѣчишь.

Онъ не пошелъ провожать Праксина и, безъ словъ обнявшись съ нимъ, долго смотрѣлъ на дверь, изъ которой тотъ вышелъ, стараясь себя убѣдить, что это былъ не сонъ, а дѣйствительность, и что посѣтилъ его самъ Петръ Филипповичъ, а не духъ его.

Прошло нѣсколько дней, повидимому, безъ перемѣнъ, но князь Иванъ при первомъ свиданіи съ царемъ замѣтилъ, что мальчикъ задумчивъ и относится неохотно ко всѣмъ его предложеніямъ. Не обрадовался онъ даже празднику за городомъ, съ ужиномъ въ лѣсу, послѣ охоты, которымъ онъ разсчитывалъ привести его въ

восхищеніе, и замѣтилъ, что передъ торжествомъ коронаціи не о забавахъ ему надо думать, а о молитвѣ и постѣ.

— Я мнилъ, что ваше величество собирается вѣнчаться на царство, а не въ монахи постригаться, — попытался было пошутить князь Иванъ, но ребенокъ былъ еще подъ впечатлѣніемъ разговора съ Праксинымъ и запальчиво приказалъ ему молчать.

— Вы всѣ хотите изъ меня дурака сдѣлать... чтобъ я ничему не учился... ничего бы не зналъ, и чтобъ вамъ за меня государствомъ править! Вы хуже Меншиковыхъ, вы всѣхъ добрыхъ людей отъ меня отстраняете... я этого не хочу... Какъ Меншиковыхъ сослалъ, такъ и васъ! — кричалъ онъ въ изступленіи, которое очень скоро перешло въ истерическій припадокъ, переполошившій весь дворецъ.

Въ одно мгновеніе разнеслось по всей окружающей мѣстности, а затѣмъ и дальше, что у царя припадокъ падучей. Всѣ сбѣжались, послали за докторами, царственнаго ребенка стали растирать, поить успокоительными средствами, уложили въ постель. Явился немедленно князь Алексѣй Григорьевичъ. Больной отвернулся отъ него и гнѣвно спросилъ:

— Гдѣ Филиппычъ? Позовите его.

Желаніе это было немедленно исполнено, приказано было привести Праксина въ царскую спальню. Онъ былъ недалеко и тотчасъ же явился, а князь Алексѣй Григорьевичъ, выходя изъ покоя, сказалъ сопровождавшему его сыну:

— Вотъ кто возстановляетъ противъ насъ государя!

— Теперь я и самъ это вижу,—отвѣчалъ князь Иванъ и разсказалъ отцу слышанное отъ царя передъ припадкомъ.

— Дѣло зашло дальше, чѣмъ можно было ожидать,—замѣтилъ его отецъ.—Надо этого человѣка съ нашей дороги убрать. Случай къ тому представится, а пока торопиться не для чего. Мнѣ и жена его, что при Елисаветѣ, не нравится... Дружитъ съ Шуваловыми, съ Воронцовыми... Если такихъ не отстранять, для чего же было удалять Меншиковыхъ?

— Проявляются ужъ людишки, которые Меншиковыхъ жалѣютъ.

— Знаю я. Надо было этого ждать. Такія побѣды всегда потомъ отрыгаются...

Враги Праксина были люди умные и ловкіе. Какъ нельзя лучше воспользовались они совѣтами, даваемыми имъ царю, и сами заговорили съ этимъ послѣднимъ о необходимости для него готовиться по-христіански къ предстоящему священному торжеству, какъ только царственный отрокъ былъ въ состояніи ихъ слушать. Явился къ нему для этого подосланный княземъ Алексѣемъ Григорьевичемъ придворный священникъ и повелъ съ нимъ душеспасительный разговоръ, менѣе тронувшій его тѣхъ словъ, что

вырвались наканунѣ изъ глубины души у Петра Филипповича, но, тѣмъ не менѣе, болѣе приличествовавшій предстоявшему случаю, чѣмъ пустое времяпровожденіе, къ которому систематически пріучали малолѣтняго государя.

Убѣдившись въ томъ, что увѣщанія его принесли плоды, Праксинъ опять удалился на задній планъ и продолжалъ исполнять свои обязанности камерлакея, избѣгая оставаться наединѣ съ царемъ, а также всякихъ сношеній съ окружающими, и все такъ хорошо шло, такъ успокоилось, что можно было бы и забыть о случившемся, если бъ Петръ Филипповичъ не зналъ, что это спокойствіе не что иное, какъ затишье передъ бурей, неминуемо долженствовавшей разразиться надъ его головой. Не такіе были люди Долгоруковы, чтобъ потерпѣть близъ царя человѣка, разгадавшаго ихъ планы и не останавливающагося передъ ихъ разоблаченіемъ. Онъ понималъ, что они только ждутъ случая, чтобъ погубить его.

И случай этотъ представился, мѣсяцъ спустя послѣ коронаціи.

Когда царь возвращался отъ обѣдни во дворецъ, изъ толпы выбѣжалъ человѣкъ съ челобитной въ рукахъ, которую онъ съ громкимъ крикомъ бросилъ къ его ногамъ. Бумага была передана князю Алексѣю Григорьевичу; государь прошелъ дальше, а податель ея, въ которомъ Праксинъ, шедшій за царемъ вмѣстѣ съ прочими придворными служителями, узналъ тотчасъ же Докукина, былъ тутъ же арестованъ и отведенъ къ Преображенскій приказъ.

Если въ продолженіе послѣднихъ недѣлъ Праксину и приходило иногда въ голову, что ожидаемый крестъ его минуетъ, то теперь надѣяться на это было уже невозможно, и онъ благодарилъ Бога за то, что успѣлъ заранѣе приготовиться къ развязкѣ. Прошло еще нѣсколько дней, во время которыхъ онъ продолжалъ избѣгать свиданій со своими близкими, и роковой часъ для него пробилъ.

Священное торжество, къ которому царь готовился въ продолженіе нѣсколькихъ дней, встрѣчая только серьезныя лица и слыша только суровыя слова, окончилось благополучно. Все, что онъ долженъ былъ выучить наизусть, чтобъ сказать во всеуслышаніе народу, было имъ вытвержено и произнесено безъ запинки. Тяжелое впечатлѣніе утомительнаго обряда разсѣялось при выходѣ изъ храма, при громкомъ и радостномъ звонѣ колоколовъ и при радостныхъ кликахъ народа, толпившагося вокругъ него въ такомъ великомъ множествѣ, что, когда онъ вышелъ на площадь, то куда бы онъ ни повернулъ голову, всюду восхищенному его взору представлялось море головъ, съ восторженно и любовно устремленными на него глазами. Отовсюду неслись къ нему добрыя пожеланія и благословенія. Растроганный и умиленный до глубины души, вошелъ онъ во дворецъ, и, когда послѣ поздравленій высшихъ чиновъ подошелъ къ нему въ числѣ прочихъ придворныхъ

служителей Праксинъ, царь вспомнилъ то, что произошло между ними въ ту роковую ночь.

— Будь покоенъ, никогда не забуду я того, что ты мнѣ сказалъ,—прошепталъ онъ ему на ухо, нагнувшись къ нему, въ то время, когда Петръ Филипповичъ цѣловалъ протянутую ему руку.

Но такое торжественное настроенiе долго продолжаться не могло у двѣнадцатилѣтняго мальчика. За священными торжествами послѣдовали свѣтскiя празднества, между которыми самымъ веселымъ и блестящимъ долженъ былъ быть тотъ, что готовился въ загородномъ домѣ князей Долгорукихъ. Весь городъ говорилъ про этотъ праздникъ, и каждый считалъ за счастье на него получить приглашенiе, такое множество затѣйливыхъ развлеченiй было заготовлено на этотъ день: катанiе въ саняхъ, обѣдъ въ зимнемъ саду, спектакль, живыя картины, балетъ и наконецъ маскарадъ въ освѣщенныхъ a giorno роскошно декорированныхъ залахъ, при звукахъ оркестровъ, все это должно было завершиться возвращенiемъ въ городъ по дорогѣ, освѣщенной горящими кострами и смоляными бочками, въ сопровожденiи верховыхъ съ зажженными факелами.

Царь былъ въ этотъ день особенно веселъ. Наканунѣ ему цѣлый вечеръ наперерывъ описывали удовольствiя, которыя его ожидаютъ; онъ примѣривалъ красивый, заморскiй костюмъ, въ которомъ долженъ былъ танцовать съ княжной Долгоруковой въ первый парѣ, открывая маскарадъ, и онъ съ такимъ нетерпѣнiемъ ждалъ этой минуты, что долго не могъ заснуть и проснулся позже обыкновеннаго. Пришлось торопиться къ празднеству, такъ что за волосочесами и портными, просидѣвшими надъ работой всю ночь, чтобъ сдѣлать необходимыя передѣлки въ маскарадномъ платьѣ, и явившимися, чтобъ одѣть въ него царя, Праксинъ не могъ даже на минуту къ нему приблизиться. Онъ могъ только издали на него смотрѣть и по весело оживленному лицу его и беззаботно сверкавшимъ глазамъ убѣдиться, что отъ впечатлѣнiй, навѣянныхъ на него торжествами прошлой недѣли, ни въ умѣ его, ни сердцѣ не осталось и слѣда. Опять сдѣлался онъ тѣмъ же легкомысленнымъ и падкимъ до удовольствiй мальчикомъ, какимъ онъ былъ до вѣнчанiя своего на царство, и опять тѣ же люди, влiянiе которыхъ поколебалось было на нѣсколько дней, овладѣли его душой.

Но зато перемѣна, свершившаяся въ сердцѣ Праксина, была не изъ преходящихъ: равнодушiе его ко всему земному возрастало по мѣрѣ того, какъ онъ все яснѣе и яснѣе ощущалъ близость смерти. За самоотверженiе его, за то, что онъ «клалъ жизнь за други свои», Господь даровалъ ему величайшее утѣшенiе, доступное человѣку на землѣ—сознанiе исполненнаго долга и предчувствiе небесной за это награды. Ко всему, что вокругъ него происходило, онъ от-

носился съ такимъ чувствомъ, точно онъ на все это взираетъ съ недосягаемой для земныхъ существъ небесной высоты, не только безъ злобы и безъ досады, но даже и безъ желанія способствовать, хотя бы словомъ, исправленію свирѣпствовавшаго зла. Господь попускаетъ. Онъ же, всеблагій и долготерпѣливый, положитъ всему этому предѣлъ, когда найдетъ это нужнымъ и какими захочетъ средствами, черезъ ему угодныхъ людей, а его дѣло сдѣлано, и только бы скорѣе наступилъ для него конецъ. Въ томъ, что исходъ будетъ смертельный, онъ такъ мáло сомнѣвался, что ни одной минуты не въ силахъ былъ остановить мысли не только на спасеніи, но даже на заточеніи или ссылкѣ въ сибирскія тундры, туда, куда отправились, чтобъ никогда больше оттуда не возвращаться, такое великое множество близкихъ ему и по крови и по сердцу людей. Вѣдь ужъ скоро сорокъ лѣтъ, какъ преслѣдованіе за православную вѣру и за русскій духъ неуклонно подтачиваетъ въ корнѣ русскіе устои, безпощадно истребляя всѣхъ защитниковъ этихъ устоевъ.

Проводивъ царя въ толпѣ прислужниковъ до коляски, запряженной шестерней разукрашенныхъ перьями коней, Праксинъ вернулся къ себѣ въ горенку рядомъ съ гардеробной и нашелъ въ ней сыщиковъ, производившихъ у него обыскъ. Тутъ же ждали и стражники, которые должны были отвести его въ ту самую темницу, гдѣ уже восьмой день томился Докукинъ, въ сообщничествѣ съ которымъ Праксинъ былъ оговоренъ.

VIII.

Очень тайно производилось въ Преображенскомъ приказѣ дознаніе по Докукинскому дѣлу. Всѣ мѣры были приняты, чтобы толки о немъ по городу не распространялись. Отъ царя оно совсѣмъ было скрыто, и его такъ ловко увѣрили, что Праксинъ, по экстренному семейному дѣлу, отправился въ отпускъ, въ деревню свою, что мало-по-малу онъ совсѣмъ сталъ забывать про существованіе своего любимаго камерлакея. Иначе и не могло быть при разсѣянной жизни, которую его заставляли вести. Что же касается до человѣка, позволившаго себѣ такъ дерзко нарушить порядокъ коронаціоннаго торжества, бросивъ къ его ногамъ челобитную, эпизодъ этотъ давно ужъ безслѣдно изгладился изъ памяти царственнаго юноши.

Лизавета Касимовна скрывала свое горе и тревогу такъ искусно, что только по ея худобѣ да по землистому цвѣту лица цесаревна догадалась наконецъ, что ее постигла какая нибудь большая бѣда.

— Ты не примѣтила, какъ измѣнилась Праксина?—спросила она однажды у Мавры Егоровны.

— Какъ не замѣчать! Надо еще удивляться, какъ у нея хватаетъ силъ служить вашему высочеству при душевной мукѣ, которою она терзается,—отвѣчала Шувалова.

— Что съ нею случилось?

— Мужъ ея замѣшанъ въ Докукинскомъ дѣлѣ.

Цесаревна поблѣднѣла отъ испуга.

— И ты до сихъ поръ молчала! Вѣдь она насъ всѣхъ можетъ подвести!

— Если бъ ваше высочество подвергались малѣйшей опасности отъ ея присутствія во дворцѣ, давно бы ея здѣсь не было, но безпокоиться на этотъ счетъ нечего. Мой мужъ ужъ говорилъ объ этомъ съ княземъ Алексѣемъ Григорьевичемъ, который вполнѣ его успокоилъ. Самъ Праксинъ такъ мало замѣшанъ въ дѣлѣ Докукина, что давно бы его выпустили на волю, если бъ онъ самъ на себя не наклепалъ съ перваго же допроса, въ присутствіи Долгорукихъ.

— Какъ? Почему? Что онъ сказалъ? Разскажи мнѣ все, что ты знаешь. Я хочу знать!

Она оглянулась по сторонамъ, подозвала къ себѣ ближе свою гофмейстерину и съ сверкавшими любопытствомъ глазами повторила:

— Все, все мнѣ разскажи! Ты даже и представить себѣ не можешь, какъ мнѣ нужно все знать!

Случись все это раньше, она, можетъ быть, прибавила бы къ этому, что наканунѣ, вечеромъ ея сердечный дружокъ, Алексѣй Никифоровичъ Шубинъ, уже сообщилъ ей, что Праксинъ не въ деревнѣ, а въ тюрьмѣ, и что ему грозитъ казнь за преступленіе высочайшей государственной важности; но Елисавета Петровна за послѣднее время съ каждымъ днемъ набиралась все больше и больше опыта и осторожности, и многое теперь скрывала отъ ближайшихъ своихъ друзей.

Мавра Егоровна, у которой раньше тоже были причины скрывать отъ нея то, что она знала про Праксина, передала ей глухіе слухи, ходившіе по городу про заключенныхъ въ Преображенскомъ приказѣ и про отвѣты ихъ на допросахъ съ пристрастіемъ, которыми ихъ терзали въ присутствіи лицъ, близко заинтересованныхъ въ томъ, чтобы узнать подробности заговора.

Но сообщниковъ у Докукина не оказывалось, и приходилось арестовывать людей за то только, что они съ нимъ встрѣчались у общихъ знакомыхъ и разговаривали съ нимъ о предметахъ, не имѣющихъ ни малѣйшаго отношенія къ поданной имъ государю челобитной, въ которой выставлялась въ рѣзкихъ выраженіяхъ невинность Меншиковыхъ въ приписываемыхъ имъ государственныхъ преступленіяхъ и въ обвиненіи Долгорукихъ въ преступленіяхъ много тяжелѣйшихъ. Царю представили къ подписи распоряженіе о высылкѣ павшаго временщика съ семьей въ отдаленный сибир-

скій городокъ Березовъ, съ отнятіемъ у несчастныхъ послѣдняго имущества, а затѣмъ снова принялись вымучивать отъ Докукина доказательства мнимаго участія Праксина въ заговорѣ въ пользу Меншикова. И вотъ тутъ-то этотъ послѣдній, точно раздосадованный на Докукина за то, что онъ отрицаетъ всякое съ нимъ сообщничество, высказалъ Долгорукимъ столько горькихъ истинъ, что врядъ ли оставятъ его послѣ этого въ живыхъ.

— Онъ имъ сказалъ, что они умышленно вытравляютъ изъ сердца царя любовь къ родинѣ, останавливаютъ развитіе его разума, чтобъ сдѣлать его неспособнымъ царствовать, растлеваютъ его тѣло раннимъ возбужденіемъ страстей, пріучаютъ его къ пьянству, къ опасному общенію съ женщинами, и все это для того, чтобъ при его неспособности къ серьезному труду править государствомъ его именемъ...

— Онъ имъ все это сказалъ прямо въ глаза!—вскричала цесаревна, всплескивая руками.

— И это, и другое, много хуже этого. Говорятъ, что князь Алексѣй Григорьевичъ скрежеталъ зубами, его слушая, но, тѣмъ не менѣе, далъ ему договорить до конца и не позволилъ князю Ивану его прерывать...

— Неужели тезка все это знаетъ? Кто же ей это могъ сказать?

— Ваше высочество изволитъ забывать про ея мать. Пани Стишинская свой человѣкъ у Долгоруковыхъ, и тамъ отъ нея нѣтъ тайнъ. А, можетъ быть, ей все это даже съ умысломъ разсказали, чтобъ она повліяла на дочь... Не даромъ же Стишинская приходила третьяго дня къ дочери съ предложеніемъ выпросить ей свиданіе съ мужемъ.

— И что же тезка?

— Наотрѣзъ отказалась.

— Умница!—вырвалось радостное восклицаніе у цесаревны.

— Я ужъ говорила вашему высочеству, что опасаться ея нечего.

— Какъ ты думаешь, почему именно отказалась она отъ предложенія матери?—продолжала любопытствовать цесаревна.

— Не могу вамъ этого сказать навѣрное, но думаю, что на всѣ ея рѣшенія имѣетъ большое вліяніе тотъ молодой человѣкъ, съ которымъ и она, и мужъ ея очень дружны. Онъ и раньше довольно часто ее навѣщалъ, а теперь рѣдкій день къ ней не заходитъ...

— Ветловъ? Его хорошо знаетъ Алексѣй Никифоровичъ и очень его хвалитъ. Они близко сошлись во Владимирѣ, гдѣ у этого Ветлова есть родственники... Ужъ не замѣшанъ ли и онъ въ Докукинскомъ дѣлѣ?—съ испугомъ сообразила цесаревна.—Это было бы ужасно... Долгоруковы не упустятъ удобнаго случая сдѣлать мнѣ непріятность...

— Не безпокойтесь, ваше высочество. Первое время за Ветлова можно было опасаться, благодаря его близкому знакомству съ

Праксиными, а также потому, что онъ и Докукина съ ними познакомилъ, но онъ поступилъ очень умно: прямо и не дождавшись, чтобъ его вытребовали, отправился къ князю Алексѣю Григорьевичу, который его тотчасъ же принялъ и съ часъ времени разговаривалъ съ нимъ наединѣ—о чемъ, никому, кромѣ ихъ двухъ, да, можетъ быть, Лизаветѣ Касимовнѣ неизвѣстно, но съ тѣхъ поръ имя его изъ слѣдственнаго дѣла вычеркнуто, это я знаю изъ достовѣрнаго источника. Надо такъ полагать, что не за одного себя ходилъ онъ говорить съ княземъ, а также, и даже преимущественно, за Лизавету Касимовну. Она очень печалится и душевно скорбитъ, но никакихъ опасеній у нея ни за себя, ни за сына нѣтъ.

— Но что же могъ онъ сказать князю? Чѣмъ могъ онъ его увѣрить въ своей неприкосновенности къ дѣлу, по которому страдаетъ Праксинъ?—продолжала свой допросъ цесаревна, сильно заинтригованная услышанными подробностями.

— Кто его знаетъ! Можетъ быть, князь по одному виду его догадался, почему онъ такъ преданъ семьѣ Праксиныхъ.

— Какая же тому особенная причина?

— Ваше высочество! Если бъ вы только его видѣли въ присутствіи Лизаветы Касимовны, то не спрашивали бы объ этомъ...

— Они влюблены другъ въ друга? — съ живостью спросила цесаревна.

— Онъ любитъ ее безъ памяти. Что же до нея касается, то я увѣрена, что она этого и не подозрѣваетъ... Да и самъ-то онъ...

— Не можетъ этого быть! Развѣ можно не видѣть, не чувствовать, когда человѣкъ въ тебя влюбленъ?

— Можно, ваше высочество, и сами вы никогда не узнаете про то, какое чувство вы внушаете многимъ...

Цесаревна покраснѣла, и смущенная улыбка заиграла на ея красивыхъ, пурпуровыхъ губахъ.

— Полно вздоръ говорить! Разскажи мнѣ лучше про мою тезку. Мужа-то своего она любитъ, что ли?

— Любитъ, ваше высочество.

— Значитъ, она страшно несчастна! Знать, что любимаго человѣка мучатъ, что ему грозитъ казнь, и что ничѣмъ не можешь ему помочь,—что можетъ быть ужаснѣе этого! Мнѣ кажется, что я ни за что бы не выдержала такой нравственной пытки... Боже мой, какъ она должна страдать! Боже мой! Бѣдная, бѣдная тезка!—вскричала она съ слезами.

Слова эти Мавра Егоровна должна была вспомнить, нѣсколько лѣтъ спустя, при обстоятельствахъ, благодаря которымъ катастрофа съ Праксинымъ не могла не воскреснуть въ ея памяти. Ужъ не предчувствіемъ ли того, что должно было ее самое постигнуть, были вызваны слезы состраданія къ чужому горю, сверкнувшія въ прекрасныхъ глазахъ цесаревны?

— Ваше высочество, извольте успокоиться,—сказала Шувалова, тронутая чувствительностью своей госпожи:—мы переживаемъ такое время, что всего можно ждать, всякихъ напастей, и это каждому изъ насъ. Къ постигшей ихъ бѣдѣ Праксина давно готовилась. Посмотрите, какъ она покорно, вполнѣ полагаясь на волю Божію, переноситъ свое горе! Ветловъ куда больше убивается за своего друга, чѣмъ она! Я увѣрена, что когда они промежъ себя говорятъ про Петра Филипповича, ей приходится его утѣшать, а не ему ее.

— И ты говоришь, что она не только не любитъ этого Ветлова, но даже и не подозрѣваетъ, что онъ въ нее влюбленъ! А каковъ онъ изъ себя? Можетъ быть, такъ дуренъ, что смотрѣть на него не хочется?

— Напротивъ, ваше высочество, онъ очень собой хорошъ. А какой умный, начитанный, и, невзирая на молодость, она годомъ его старше, нѣтъ человѣка, который бы его не уважалъ.

— Это ничего, что онъ годомъ ея моложе,—продолжала преслѣдовать вслухъ завертѣвшуюся въ ея умѣ мысль цесаревна.—Никакъ не могу я вѣрить, чтобъ она не подозрѣвала его любви. Если бъ еще они рѣдко видѣлись, но ты говоришь, что онъ у нихъ, какъ свой, что онъ всегда останавливается у нихъ, когда пріѣзжаетъ изъ деревни, что и теперь она всегда встрѣчаетъ его дома, когда пріѣзжаетъ навѣщать сына, какъ же это можетъ быть, что онъ никогда, ни единымъ словомъ, ни единымъ взглядомъ не выдалъ бы свою сердечную тайну? Какой онъ изъ себя? Вѣдь ты его видѣла?

— Сколько разъ, ваше высочество, и видѣла его, и говорила съ нимъ.

— Глаза у него глубые, какъ у Алексѣя Никифоровича? Онъ высокій, стройный? Бороду носитъ?

— У него очень пріятное лицо, и бородка у него русая, а какого цвѣта глаза, этого я не замѣтила, знаю только, что они загораются любовнымъ блескомъ, не только когда входитъ Лизавета Касимовна, но и въ ея отсутствіе, кагда заговорятъ про нее. Волосы у него кудрявые, а ростомъ онъ, кажется, будетъ немного пониже Алексѣя Никифоровича и худощавѣе его... Кажется, онъ придерживается старой вѣры, судя по степенной походкѣ его да потому, что другого платья, кромѣ русскаго, я на немъ не видѣла. Во всякомъ случаѣ онъ изъ старолюбцевъ, это можно замѣтить съ перваго взгляда на него.

— Да вѣдь и тезка большая старолюбка и съ такимъ отвращеніемъ носитъ французское платье, что оно на ней сидитъ, какъ онашеская ряса!—замѣтила со смѣхомъ цесаревна.—А вѣдь красавица и, какъ ни уродитъ себя, на многихъ производитъ впечатлѣніе... И она такъ-таки ни крошечки не догадывается, что самый къ нимъ ближайшій человѣкъ умираетъ отъ любви къ ней? Изумленія достойна такая слѣпота!

— Я вамъ больше скажу, ваше высочество. Мнѣ часто кажется, что и самъ онъ не подозрѣваетъ, какое у него къ ней чувство, и оскорбился бы до глубины души, если бы кто нибудь ему это сказалъ... Они странные люди, такихъ у насъ при дворѣ никогда не было, да и не будетъ. Они, точно по ошибкѣ, къ намъ попали. Не разъ мы съ мужемъ объ этомъ говорили. Онъ вначалѣ-то относился къ Праксинымъ подозрительно, вѣдь ихъ на мѣста поставилъ самъ князь Александръ Даниловичъ...

— А про Меншиковыхъ ты что слышала?—прервала цесаревна.

— Страда ихъ только, можно сказать, теперь началась. Княгиню совсѣмъ больную потащили въ ссылку; отняли у нихъ все, что можетъ дать покой и удобство...

— Бѣдные!—вздохнула Елисавета Петровна.—И что же они?

— Князю надо только изумляться, какъ онъ измѣнился, и куда только дѣвалась его гордыня и жестокосердіе! Смирился передъ Богомъ такъ, что узнать его нельзя. Ну, а дѣти-то у него всегда были кроткія и простыя, не то, что Долгоруковскія, — прибавила она со злобой.

— Правда, правда, немного мы выиграли отъ перемѣны, — замѣтила цесаревна.

И помолчавъ она приказала послать сказать Шубину, что ждетъ его, чтобы ѣхать въ Александровское...

— Да вѣдь сегодня ваше высочество ждутъ у царя на вечеринку съ пріѣзжими пѣвцами,—напомнила Мавра Егоровна.

— Нѣтъ, Мавра, не въ силахъ я сегодня никого изъ нихъ видѣть. Слишкомъ тяжело, слишкомъ болитъ сердце, одинъ только человѣчекъ и можетъ меня успокоить и развеселить... Знаешь, мнѣ часто кажется, что всего было бы лучше, если бы я съ нимъ куда нибудь подальше удалилась отъ двора. Поселиться бы намъ въ моемъ малороссійскомъ имѣніи, у хохловъ. Помнишь, какъ хорошо разсказывалъ про тѣ мѣста тотъ старичокъ, котораго вы съ тезкой ко мнѣ приводили въ Петербургѣ послѣ ареста Меншиковыхъ? Онъ много дѣльнаго говорилъ, Егоровна, я часто его вспоминаю и очень бы желала его видѣть... надо будетъ спросить про него у Праксиной... Онъ мнѣ говорилъ, что меня тамъ любятъ... Какъ бы хорошо мнѣ тамъ было!

— Не извольте про это думать, ваше высочество, вамъ совсѣмъ другое назначеніе дано отъ Бога...

— Какое назначеніе? Два раза стояла я такъ близко къ престолу, что мнила себя на немъ, мысленно ужъ распоряжалась Россіей, кого карала, кого миловала, все передѣлывала и перестроивала по своимъ мыслямъ, и все это рушилось по волѣ Божіей и по стараніямъ моихъ недруговъ,—чего мнѣ больше ждать? У насъ царствуетъ молодой царь, моложе меня, въ жены ему прочатъ самую гордую, властолюбивую и сильную духомъ дѣвушку Русскаго

царства, умную и ловкую, и къ тому же безсердечную... Она сумѣетъ такъ дѣло поставить, что мнѣ о батюшкиномъ наслѣдіи и думать будетъ нельзя... Пойдутъ у нихъ дѣти...

— Да они еще не обвѣнчаны, ваше высочество, и раньше, какъ черезъ четыре года, царь жениться не можетъ...

— И-и-и-и, милая! Такимъ, какъ Долгоруковы, все возможно! Ну, а только скажу тебѣ, что жить мнѣ вѣчно въ такомъ страхѣ за себя и за всѣхъ своихъ, какъ я живу теперь, становится невтерпежъ... Ступай-ка къ Алексѣю Никифоровичу, позови его ко мнѣ да распорядись, чтобы намъ скорѣе карету запрягли. Закатимся мы съ нимъ на весь день къ себѣ, туда, гдѣ намъ бояться нечего, гдѣ можно забыться отъ здѣшней мучительной несносной связы, притворства и вѣчнаго страха сказать лишнее, тому перекланяться, этому недокланяться, каждое свое слово, каждую улыбку, каждое движеніе обдумывать... сухотно все это, надоѣло!

— А что же, ваше высочество, прикажете доложить царю?

— Пусть доложатъ, чтобы меня не ждали, да пусть это скажутъ при царской невѣстѣ, она такъ этому обрадуется, что не дастъ ему ни минутки про меня задуматься, вотъ увидишь!

— Сейчасъ пошлю Праксину за Алексѣемъ Никифоровичемъ...

— Пошли, онъ ей всегда радъ, а сюда ты ея не присылай, пожалуйста. Какъ увижу я ея печальное лицо, такъ опять у меня сердце закручинится, а я сегодня хочу про все дурное забыть, хочу весь день провести весело, радостно и любовно!

— Слушаю, ваше высочество.

Цесаревна уѣхала со своимъ возлюбленнымъ, когда еще солнце стояло высоко на небѣ и такъ припекало землю, что остававшійся въ ложбинахъ снѣгъ побѣжалъ по улицамъ ручьями, образовывая на каждомъ шагу лужи, а когда оно ушло за гору, и стало темнѣть, въ комнату Лизаветы, въ которой она, запершись на ключъ, молилась передъ образами, на свободѣ изливая Спасителю свое отчаяніе и печаль,—постучались.

Пришлось подняться съ колѣней, пойти къ двери, снять заложенный крючекъ съ двери и отворить ее, чтобы впустить Ветлова.

При первомъ взглядѣ на него Лизавета догадалась, что мужа ея въ живыхъ нѣтъ.

Исполнилъ Господь желаніе Праксина; ни одно еще уголовное дѣло не кончалось въ Преображенскомъ приказѣ такъ тихо и быстро, какъ дѣло по обвиненію камерлакея его величества Праксина въ сообщничествѣ съ государственнымъ преступникомъ Докукинымъ, осмѣлившимся мечтать о низверженіи временщиковъ, замѣнившихъ у власти Меншиковыхъ. Никто не хлопоталъ за Праксина, и самъ онъ каждымъ своимъ словомъ на допросѣ способствовалъ торжеству своихъ враговъ. На объявленіе ему смертной казни онъ отвѣчалъ молчаніемъ и объ одномъ только просилъ

своихъ судей—дозволить ему повидатьси съ Ветловымъ, чтобы передать ему свои предсмертныя желанія относительно жены своей и сына, прибавляя къ этому, чтобы свиданіе это, буде оно разрѣшится, происходило при свидѣтеляхъ.

Когда объ этомъ было доложено князю Алексѣю Григорьевичу Долгорукову, онъ приказалъ дать знать Ветлову, что ему разрѣшено повидаться съ осужденнымъ, и, не довѣряя своимъ клевретамъ, самъ присутствовалъ при свиданіи друзей передъ вѣчной резлукой.

Въ краткихъ словахъ Петръ Филипповичъ поручилъ своему молодому другу свою маленькую семью, а также все свое состояніе, при чемъ выразилъ желаніе, чтобы Ветловъ увезъ Лизавету съ мальчикомъ въ Лебедино, подальше отъ свѣта.

— Не приказываю я вамъ этого, а только совѣтую, предоставляя на вашу волю сдѣлать такъ, какъ будете считать лучше...

А затѣмъ, обращаясь къ стоявшему въ темномъ углу подземелья, служившаго ему мѣстомъ заключенія, князю, прибавилъ съ низкимъ поклономъ:

— И тебя, князь, прошу за жену мою и за сына, да не отразится твой гнѣвъ съ моей головы на невинныхъ.

На это князь ничего не отвѣтилъ ему, но, повернувшись къ Ветлову, произнесъ торжественно:

— Всегда, во всякое время и за всякими нуждами обращайся ко мнѣ. А теперь иди себѣ съ Богомъ, тебѣ здѣсь больше дѣлать нечего.

— Спасибо, князь, — проговорилъ твердымъ голосомъ Праксинъ и, крѣпко обнявъ Ивана Васильевича, повторилъ ему сказанное княземъ:

— Иди себѣ съ Богомъ, тебѣ здѣсь дѣлать больше нечего.

Все это передалъ Ветловъ Лизаветѣ, которая, выслушавъ его, упала на колѣни передъ образами и сотворила первую молитву за упокой души мужа. Долго молилась она со слезами и рыданіями, и когда наконецъ кончила и хотѣла подняться, увидѣла, что Ветловъ стоитъ на колѣняхъ позади нея и тоже обливается горячими слезами объ общемъ ихъ другѣ.

Всегда расположена она была къ нему, всегда довѣряла ему больше всѣхъ на свѣтѣ, но въ эту минуту только поняла, какъ много значитъ для нея этотъ человѣкъ, и мысленно поблагодарила мужа за то, что онъ оставилъ ее на попеченіе такого покровителя, какъ Иванъ Васильевичъ.

За годъ, проведенный при дворѣ, Лизавета коротко ознакомилась съ жизнью, полной опасностей, которую здѣсь всѣ вели, начиная отъ высшихъ и кончая низшими; послѣ ночи, проведенной безъ сна, въ раздумьѣ, она обратилась къ Маврѣ Егоровнѣ за совѣтомъ насчетъ своей будущей жизни. Пришла она къ ней чуть

свѣтъ, но ужъ застала ее вставшей и въ большомъ разстройствѣ: царемъ такъ овладѣли Долгоруковы, что онъ видимо отдаляется отъ сестры и тетки. Великая княжна заболѣла отъ огорченія, а онъ, чѣмъ бы ей ласку оказать, даже о здоровьѣ ея ни разу не справился въ продолженіе цѣлой недѣли, а когда вчера ему доложили о томъ, что цесаревна, извиняясь спѣшнымъ дѣломъ, вызвавшимъ ее въ деревню, не можетъ быть на его вечеринкѣ, онъ не только не выказалъ ни малѣйшаго сожалѣнія, но даже какъ будто этому обрадовался. Но это было не все: опять получено графомъ Остерманомъ письмо отъ принца Морица съ возобновленіемъ брачнаго предложенія цесаревнѣ, и когда царю про это доложили, онъ сказалъ: «И чего только тетушка ждетъ, чтобы выходить замужъ? Будетъ разбирать жениховъ, такъ въ старыхъ дѣвкахъ останется».

Передавая это Лизаветѣ, Мавра Егоровна плакала: такъ ей было жаль свою госпожу и страшно за нее.

— Начнутъ ее теперь нудить всячески, чтобы приняла предложеніе Морица, а она безъ ума отъ новаго своего дружка, и дерзостно откажется; да еще, можетъ быть, такъ вспылитъ, что лишнее наговоритъ новымъ правителямъ государства, а эти на все пойдутъ, чтобы отъ нея избавиться... Повѣришь ли, Касимовна, намеднись, какъ прислали сластей сюда отъ царя, я дрожма дрожала, чтобы не было въ нихъ отравы. Долго ли подсыпать какого нибудь зелья въ ѣду или питье? Отъ Долгорукихъ все станется. Охъ, Касимовна! Не надо было намъ торопиться Меншиковыхъ губить, наказываетъ насъ за нихъ Господь, да и не за нихъ только!..

На что Долгорукіе были способны, Лизавета знала лучше, чѣмъ кто либо, но она не прерывала свою собесѣдницу, а терпѣливо ждала, чтобы она высказала ей все, что у нея было на душѣ. О себѣ успѣетъ она ей сказать; ея горе вѣковое, до гробовой доски будетъ она помнить друга и жить по его завѣщанію. Онъ это зналъ, умирая, и потому ничего не приказывалъ ей черезъ Ветлова такого, что могло бы стѣснить ее, насиловать ея волю. Зналъ онъ, что не отступитъ она ни въ чемъ отъ того, что и самъ бы онъ приказалъ ей дѣлать, если бы былъ живъ. Помѣстилъ онъ ее къ цесаревнѣ, и теперь не время ее покидать. Каждое слово, произносимое Шуваловой, убѣждало ее въ этомъ. Что тутъ разсуждать да совѣтоваться, надо по совѣсти поступать, вотъ и все.

— Голубушка моя! — вскричала Мавра Егоровна, вспомнивъ, что при появленіи Лизаветы она такъ увлеклась своими личными заботами, что забыла о несчастіи, постигшемъ Праксину.—Простите меня, ради Бога! Болтаю я вамъ тутъ про наши дѣла, а вамъ не до нихъ, съ вашимъ страшнымъ лютымъ горемъ!

— Мое горе ужъ ничѣмъ не поправишь, Мавра Егоровна, будемъ о живыхъ думать. Сколько ни плачь, сколько ни сокрушайся, Петра Фолипповича намъ ужъ не поднять...

Голосъ ея порвался, но, подавивъ усиліемъ воли рыданіе, подступившее къ горлу, она прибавила рѣшительнымъ тономъ:

— Это мое личное горе, и съ нимъ я справлюсь, но ваше горе общее, и я не оставлю въ настоящее время цесаревну.

— Милая вы моя, хорошая!—вскричала Мавра Егоровна, крѣпко ее обнимая.—Если бы вы только знали, какъ вы меня этимъ утѣшили! Какъ узнала я вчера отъ мужа, что нѣтъ больше на землѣ Петра Филипповича, тотчасъ пришло мнѣ въ голову, что мы и васъ лишимся... а въ теперешнее-то время, вы только подумайте, каково бы мнѣ было безъ васъ!

— Располагайте мною, я васъ не покину,—повторила Лизавета.

Ей было отрадно это повторять; изнывшая въ страхѣ и тоскѣ душа требовала усиленной дѣятельности и самоотверженія; никогда еще не чувствовала она въ себѣ такой непреодолимой потребности жертвовать собою и забывать о себѣ для другихъ. Чѣмъ опаснѣе, чѣмъ труднѣе были эти жертвы, тѣмъ болѣе прельщали онѣ ее.

— А сынъ вашъ? Вѣдь въ нашемъ дѣлѣ вы можете погибнуть, какъ вашъ мужъ,—замѣтила Шувалова.

— У моего сына есть отецъ. Петръ Филипповичъ поручилъ его Ветлову.

— Могу я это сказать цесаревнѣ?

— Я прошу васъ объ этомъ. Не хотѣлось бы мнѣ самой ее этимъ безпокоить. У нея такъ много своихъ заботъ, что ей не до чужихъ печалей, и мы находимся при ней не для того, чтобъ смущать ей душу нашими страданіями, а чтобъ по возможности ее развлекать и покоить.

— Самъ Господь васъ намъ послалъ, голубушка!

— Все отъ Господа,—вымолвила Праксина.

Глаза ея были сухи, и въ ея взглядѣ, кромѣ обычной задумчивости, ничего не выражалось.

Весь этотъ день Мавра Егоровна провела въ Александровскомъ у цесаревны, а Лизавета не выходила изъ своей комнаты, гдѣ въ полнѣйшемъ одиночествѣ готовилась къ новой своей жизни, вдовы казненнаго за государственное преступленіе, при дворѣ опальной царской дочери, окруженной врагами, жаждущими ея гибели.

Когда поздно вечеромъ цесаревна вернулась въ свой дворецъ, между вышедшими на крыльцо ее встрѣчать приближенными, стояла и Праксина, которая по обыкновенію послѣдовала за нею въ ея уборную, чтобъ помочь ей раздѣться. Вошла туда и Мавра Егоровна.

— Мы много говорили про тебя сегодня, тезка, спасибо тебѣ за то, что покинуть насъ не хочешь,—сказала Елисавета Петровна взволнованнымъ голосомъ. — Я имѣю тебѣ сдѣлать предложеніе и была бы очень счастлива, если бъ ты его приняла...

— Приказывайте, ваше высочество, если я при васъ остаюсь, то для того, чтобъ исполнять ваши желанія,—отвѣчала сдержанно Лизавета.

— Вотъ не согласишься ли ты взять къ себѣ твоего мальчика и переѣхать съ нимъ ко мнѣ въ Александровское? Мнѣ тамъ нужна домоправительница, и лучше тебя намъ человѣка не найти. Алексѣй Никифоровичъ мѣсто это возлюбилъ и подолгу тамъ живетъ, да и самой мнѣ тамъ такъ привольно и хорошо, что вѣкъ бы тамъ жила,—прибавила она съ улыбкой.

Праксину тронуло деликатное вниманіе цесаревны. Она поняла, какъ ей тяжело оставаться въ городѣ и среди обстановки, въ которой произошли послѣднія событія, съ такими ужасными для нея и для ея сына послѣдствіями, и ей хотѣлось, удерживая ее при себѣ, устроить существованіе ея, по возможности, если не отраднѣе, то, по крайней мѣрѣ, спокойнѣе.

Она поцѣловала ея руку и отвѣчала, что будетъ жить и служить ей, гдѣ ей будетъ угодно, что же касается до ея сына, онъ у ея пріемной матери, которую она ни за что не рѣшится огорчить разлукой съ ребенкомъ: онъ родился и выросъ на ея глазахъ, и она любитъ его, какъ родного внука.

— Дѣлай, какъ хочешь, мнѣ только нужно, чтобъ тебѣ получше жилось, тезка, и поближе ко мнѣ, — отвѣчала цесаревна, обнимая ее.

Черезъ нѣсколько дней, повидавшись съ Авдотьей Петровной, съ Филиппушкой и съ Ветловымъ, котораго она нашла въ домѣ у Вознесенія, откуда онъ послѣднее время очень мало выходилъ, Лизавета переѣхала на постоянное житье въ Александровское, гдѣ страстно предалась занятіямъ по хозяйству.

Обстоятельства такъ складывались, что всѣ приверженцы цесаревны, чувствуя на себѣ гнетъ Долгоруковской подозрительности, старались удаляться подъ разными, болѣе или менѣе благовидными, предлогами отъ царскаго двора, и все рѣже и рѣже можно было ихъ встрѣчать, какъ въ Лефортовскомъ у царя, такъ и въ Головкинскомъ дворцѣ у Долгорукихъ. Избѣгали они также и частыхъ встрѣчъ съ той, которой были преданы, съ цесаревной, общество которой со дня на день становилось малочисленнѣе въ городѣ, но зато въ Александровскомъ популярность ея росла со дня на день среди крестьянскаго населенія, имѣвшаго къ ней невозбранный доступъ, и у мелкихъ помѣщиковъ, которыхъ она принимала у себя съ ихъ женами и дѣтьми, какъ радушная хозяйка одного съ ними общественнаго положенія.

И популярность эта начинала уже безпокоить Долгорукихъ, не упускавшихъ удобнаго случая наговаривать на нее царю такъ хитро и ехидно, что охлажденіе между членами царской семьи не переставало усиливаться.

Такъ прошло лѣто. Цесаревнинъ сердечный другъ, Шубинъ, успѣлъ за это время коротко узнать Праксину съ сыномъ, который часто ее навѣщалъ въ сопровожденіи Ветлова, и тѣсно сблизиться

съ этими людьми. Полюбили и они его, всей душой, жалѣя, что такой добрый и честный человѣкъ не способенъ играть болѣе значительной роли въ жизни своей царственной возлюбленной. Самую снисходительность, оказываемую ему Долгорукими, надо было приписать его скромному, лишенному честолюбія, нраву: онъ казался имъ такъ ничтоженъ, что они его не опасались. Вкусы у него были простые, онъ любилъ природу, хозяйство и общество людей простого званія, и вообще онъ казался Лизаветѣ недостойнымъ того положенія, до котораго возвела его любовь цесаревны, но Праксина слишкомъ хорошо знала жизнь своей госпожи, ея страданія, безпомощность и одиночество, чтобъ осуждать ее за то, что она поддавалась недостойнымъ ея сана и высокаго рожденія слабостямъ.

Въ новомъ своемъ положеніи Лизавета нашла много отрады; здѣсь ей не надо было себя насиловать и притворяться передъ чванными царедворцами, съ которыми у нея было такъ мало общаго, и изъ которыхъ она многихъ презирала всѣмъ сердцемъ; здѣсь ей можно было сближаться, не по обязанности, а по душевному влеченію, съ неиспорченными, простыми русскими людьми, и, что всего было для нея важнѣе, она здѣсь могла обрѣсти самое себя, собрать душевныя свойства, если не растерянныя, то подавленныя безсиліемъ проявляться въ противной ихъ существу сферѣ. Здѣсь она могла заниматься своимъ сыномъ, изучать его характеръ и сердце, заставить его понять и полюбить ее еще сильнѣе и сознательнѣе прежняго, а также оцѣнить благотворное на него вліяніе Ветлова, который усердно помогалъ ей направлять умъ и сердце мальчика по пути, которому всю жизнь слѣдовалъ его покойный отецъ.

Филиппу было десять лѣтъ, и, благодаря исключительнымъ обстоятельствамъ, въ которыхъ онъ росъ, онъ былъ развитъ не по лѣтамъ. Способности у него были блестящія, и тотъ старикъ, которому покойный отецъ поручилъ его ученіе, находилъ вмѣстѣ съ Ветловымъ, что жаль было бы не использовать этихъ способностей для болѣе высокой цѣли, чѣмъ жизнь въ лѣсной глуши, въ заботахъ о несложномъ деревенскомъ хозяйствѣ.

Того же мнѣнія держалась и единственная оставшаяся у Лизаветы пріятельница при дворѣ цесаревны, Мавра Егоровна, которая въ одинъ прекрасный день пріѣхала въ Александровское со слѣдующимъ предложеніемъ.

Ростовскій стольникъ и воевода, Илларіонъ Григорьевичъ Воронцовъ, человѣкъ большого ума и высокой добродѣтели, весьма цѣнимый цесаревной и къ сыновьямъ котораго, Михаилу и Роману Илларіоновичамъ, состоящимъ при ней камерпажами, она особенно благоволитъ, просилъ Мавру Егоровну Шувалову предложить Праксиной взять на свое попеченіе ея сына.

— Мнѣ кажется, что съ вашей стороны было бы грѣшно не воспользоваться этимъ предложеніемъ, — продолжала Мавра Егоровна, немного смущенная молчаніемъ своей слушательницы. — Воронцовы люди небогатые, но добродѣтели извѣстной, пользуются полнымъ довѣріемъ цесаревны и воспитали такъ хорошо своихъ старшихъ сыновей, что для вашего мальчика великое было бы счастье воспитываться въ такой семьѣ.

Лизавета обѣщала подумать.

Да и было о чемъ. Передъ ея сыномъ открывались двѣ дороги: одна—полная душевнаго мира и спокойствія, въ лѣсной глуши, вдали отъ свѣтскаго шума и суеты мірской, съ темными людьми, зарабатывавшими въ потѣ лица насущный хлѣбъ, другая—полная опасностей и искушеній, шума и блеска, съ заманчивыми цѣлями, изобилующая сильными ощущеніями, горькими разочарованіями и душевными волненіями...

— Съ такими способностями, какъ у Филиппа, сколько онъ можетъ принести пользы родинѣ!—проговорилъ вполголоса и какъ бы про себя Ветловъ.

Лизавета за нимъ послала послѣ отъѣзда Шуваловой; онъ, какъ всегда, немедленно явился на ея зовъ, и она передала ему сдѣланное ей предложеніе для сына.

День клонился къ вечеру. Они сидѣли вдвоемъ на дерновой скамейкѣ въ цвѣтникѣ, у опушки роскошнаго парка, дремавшаго въ лучахъ заходящаго солнца, совсѣмъ одни и въ тишинѣ, нарушавшейся только шелестомъ листьевъ да равномѣрнымъ шумомъ капель, падающихъ изъ фонтана въ окружавшій его мраморный бассейнъ. Разговоръ ихъ прерывался долгими промежутками молчанія, во время котораго Лизавета молила Бога внушить ей рѣшеніе согласно Его святой волѣ, а Ветловъ, по временамъ останавливая на ней полный страстной любви взглядъ, котораго она не замѣчала, спрашивалъ себя: неужели онъ и сегодня уѣдетъ въ городъ, не высказавши ей своей сердечной тайны, не узнавъ рѣшенія своей судьбы? Чего же еще ждать? Должна же она наконецъ знать, что̀ она для него, и что отъ нея зависитъ сдѣлать изъ жизни его рай или адъ!

— Я себя спрашиваю: какъ рѣшилъ бы этотъ вопросъ Петръ Филиппычъ?—сказала она, наконецъ, поднимая на своего собесѣдника полный мучительнаго недоумѣнія взглядъ.

Мысли его такъ далеко отлетѣли отъ занимавшаго ее вопроса, что онъ не вдругъ понялъ, о чемъ она говоритъ. Но она, не спуская съ него глазъ, ждала отвѣта, и послѣ маленькаго колебанія онъ замѣтилъ, что, какъ ему кажется, надо искать отвѣта на мучащій ее вопросъ въ образѣ дѣйствій ея покойнаго мужа.

— Вѣдь не остался же онъ въ своемъ мирномъ убѣжищѣ, когда убѣдился, что родина требуетъ отъ него жертвъ, а бросился въ самый омутъ мірскихъ волненій...

— Такъ вы думаете, что я должна согласиться на предложеніе Воронцова?—продолжала она, не отводя отъ него яснаго, полнаго дружескаго довѣрія, взгляда.

— Сами обсудите этотъ вопросъ, Лизавета Касимовна, посовѣтуйтесь съ Авдотьей Петровной,—сдержанно отвѣчалъ онъ, досадуя и на себя за безсиліе сдерживать чувства, рвущіяся у него изъ души, и на нее за то, что она не угадываетъ эти чувства и оставляетъ его безпомощно биться съ овладѣвшими всѣмъ его существомъ страстью и отчаяньемъ.

— Правда, надо прежде всего съ нею посовѣтоваться,—согласилась Праксина.—Не забудьте ей сказать,—продолжала она послѣ небольшого молчанія, немного озадаченная его угрюмостью, — что я на этихъ дняхъ непремѣнно заѣду домой, чтобъ перетолковать съ нею о весьма для всѣхъ насъ важномъ дѣлѣ... Мнѣ нечего вамъ говорить, что до поры до времени Филиппушка ничего не долженъ знать о предложеніи Илларіона Григорьевича. Зачѣмъ приводить его въ волненіе, когда, можетъ быть, мы съ матушкой не найдемъ возможнымъ принять предложеніе Воронцовыхъ, не правда ли?

Съ этими словами, чтобъ разогнать мрачную думу, засѣвшую между его бровями и придававшую его доброму лицу угрюмый видъ, она ласково дотронулась до его руки.

Отъ этой ласки волненіе его такъ усилилось, что дыханіе у него перехватило въ горлѣ; онъ не въ силахъ былъ произнести ни слова, и только низкимъ наклоненіемъ головы отвѣтилъ на ея вопросъ.

— Петръ Филиппычъ желалъ, чтобъ мы жили въ лѣсу,—продолжала она думать вслухъ, стараясь не обращать вниманія на перемѣну въ расположеніи духа своего молодого друга,—и, разумѣется, онъ былъ правъ, но я увѣрена, что онъ одобрилъ бы мое рѣшеніе не покидать цесаревну, пока она въ опасности, точно такъ же, какъ онъ, безъ сомнѣнія, не захотѣлъ бы лишать сына случая получить блестящее воспитаніе, вѣдь когда онъ съ вами говорилъ въ послѣдній разъ, онъ не могъ предвидѣть, какъ сложатся обстоятельства... Впередъ никогда нельзя ничего загадывать, все отъ Бога... Вотъ и ваша судьба, можетъ быть, сложится совсѣмъ не такъ, какъ вы ее намѣтили... теперь вамъ удобно заниматься нашими дѣлами, потому что у васъ у самихъ имѣніе рядомъ съ нашимъ, но мало ли что можетъ случиться!

— Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ, Лизавета Касимовна, я могу умереть.

О, какъ хотѣлось бы ему въ эту минуту, чтобъ предположеніе его сбылось какъ можно скорѣе! Какъ тяжела и безотрадна казалась ему жизнь!

Она улыбнулась.

— Раньше, чѣмъ умереть, вы можете жениться, Иванъ Васильевичъ...

Не успѣли слова эти сорваться съ ея губъ, какъ она въ нихъ раскаялась: въ такое отчаяніе напоминаніе о женитьбѣ его повергло.

— И вы мнѣ это говорите! вы! вы!—вскричалъ онъ внѣ себя отъ горестнаго волненія.—Ради самого Бога, никогда не думайте этого! Вы представить себѣ не можете, какъ мнѣ больно, какъ оскорбительно, именно отъ васъ это слышать! — вскричалъ онъ такъ громко, что, испугавшись звука собственнаго голоса, внезапно смолкъ и закрылъ вспыхнувшее лицо руками.

«Что это съ нимъ и почему намекъ на женитьбу приводитъ его въ такое отчаяніе?» — думала она.

И вспомнивъ, что года два тому назадъ онъ отнесся точно также враждебно и къ намеку ея мужа на желаніе честной семьи съ нимъ породниться, она пришла къ такому заключенію, что онъ вѣрно влюбленъ безнадежно въ какую нибудь женщину или дѣвушку, которая не можетъ сдѣлаться его женой... Но въ такомъ случаѣ почему же онъ ей этого не скажетъ? Кажется, она своимъ довѣріемъ и дружбой заслужила его откровенность? Неужели страсть его такъ позорна, что ему даже и самому себѣ стыдно сознаваться въ ней?

Ей было невыразимо его жаль. Онъ казался ей такимъ одинокимъ, безпомощнымъ, и сознаніе, что ей утѣшить его нечѣмъ, что она даже и разспрашивать про его несчастье не имѣетъ права, навѣвало на нее тоску.

Въ первый разъ, съ тѣхъ поръ, какъ они были знакомы, разстались они такъ холодно, точно въ этотъ вечеръ между ихъ душами воздвиглась внезапно какая-то таинственная, мрачная преграда, заволакивающая туманомъ ихъ дружбу.

Когда на другой день Лизавета пріѣхала въ домъ у Вознесенія, тамъ не было Ветлова, а она была такъ увѣрена его встрѣтить, что ей стало досадно, что онъ ея не дождался. Точно онъ не знаетъ, что ей трудно будетъ рѣшить судьбу Филиппа безъ его участія! Неужели недостойная страсть повліяетъ на ихъ отношенія? Это было бы очень для нея печально, кромѣ него, у нея никого нѣтъ на свѣтѣ. Старушка Лыткина, съ каждымъ днемъ, тѣломъ и духомъ все больше и больше слабѣла, и давно ужъ, чтобъ поберечь ея здоровье, близкіе остерегаются сообщать ей худыя вѣсти. Цѣлыхъ три недѣли не рѣшались ей сказать о кончинѣ Праксина, и когда наконецъ не было возможности дольше скрывать

отъ нея это семейное несчастіе, всѣхъ поразило спокойствіе, съ которымъ она отнеслась къ этому извѣстію. Оказалось, что она давно это предвидѣла.

— Мученическую смерть за родину принялъ, и въ раю теперь за насъ, грѣшныхъ, молится,—сказала она.—Чѣмъ больше такихъ, какъ онъ, русскихъ людей, явится передъ престоломъ Всевышняго, тѣмъ скорѣе сжалится Онъ надъ нами и пошлетъ намъ Свою святую помощь.

Присутствовавшій при этомъ разговорѣ священникъ, ея духовникъ, замѣтивъ недоумѣніе Лизаветы, пригнулся къ ней и сказалъ ей вполголоса:

— Не удивляйтесь, она душой давно ужъ больше тамъ живетъ, чѣмъ здѣсь, и судитъ о здѣшнемъ по-тамошнему, а не по-земному. Кончина ея близка.

Также спокойно отнеслась Авдотья Петровна и къ вопросу о судьбѣ Филиппушки.

— Что ты меня спрашиваешь, когда ты въ сердцѣ своемъ рѣшила, что дѣлать? Не оставишь же ты его неучемъ и не лишишь возможности попытать счастья на царской службѣ, когда на это представляется такой удобный случай? За то, что оказываешь мнѣ уваженіе, благодарю тебя, а сказать тебѣ такое, чего бы ты сама не знала, я не могу,—отвѣтила она, внимательно выслушавъ свою пріемную дочь.

Позвали Филиппа и спросили у него, желаетъ ли онъ учиться съ Воронцовскими дѣтьми, или ѣхать съ Ветловымъ хозяйничать въ деревню.

— Какъ батюшка покойникъ, такъ и я,—отвѣчалъ мальчикъ.

И по одному тому, какъ быстро и рѣшительно произнесъ онъ эти слова, можно было понять, что онъ давно ждетъ этого вопроса и давно готовится отвѣчать на него.

— Умница!—похвалила его бабушка.

И, обращаясь къ Лизаветѣ, она посовѣтовала не медля отвезти его къ Воронцову.

— Такія дѣла откладывать не слѣдуетъ. Да и не для чего, мнѣ легче будетъ помирать, когда я буду знать, что онъ пристроенъ.

— Вы бы, матушка, ко мнѣ переѣхали жить, во дворецъ, вамъ тамъ будетъ покойнѣе, чѣмъ здѣсь одной,—предложила Лизавета.— Вмѣстѣ бы нашихъ дорогихъ покойниковъ поминали и за Филиппушку бы молились, чтобъ Господь на все доброе его умудрилъ.

— Молиться вмѣстѣ намъ ужъ не приходится, Лизавета. У тебя живое на умѣ, а я ужъ одной ногой въ могилѣ стою, и развлекаться земнымъ мнѣ не пристало. Самъ Господь у меня Филиппушку беретъ, послѣднюю связь съ земнымъ порываетъ. Келья у меня въ монастырѣ ужъ заготовлена, только и ждала, чтобъ

Господь благословилъ туда переселиться, поближе къ кладбищу. Достаточно пожила, на замаливаніе грѣховъ куда какъ мало времени осталось.

Очень взволновалъ этотъ разговоръ Лизавету. Не думала она, ѣдучи сюда, чтобъ такъ скоро рѣшилась судьба ея сына, и что ей придется заживо прощаться съ своей пріемной матерью, тѣмъ не менѣе, когда подошла минута отъѣзда, она не вытерпѣла, чтобъ не освѣдомиться о Ветловѣ.

— Я надѣялась его найти здѣсь. Вамъ извѣстно, матушка, какъ довѣрялъ ему во всемъ покойный Петръ Филиппычъ, и что онъ оставилъ на его попеченіе Филиппушку? — прибавила она, подъ давленіемъ безотчетнаго желанія объяснить, по возможности благовиднѣе, вопросъ о человѣкѣ, связанномъ съ ея семьей одними только узами дружбы и ничѣмъ больше.

— Онъ былъ здѣсь утромъ. По дѣламъ, вѣрно, ушелъ. Собирается ѣхать къ себѣ, въ лѣсъ...

— Не повидавшись со мной? — почти вскрикнула Лизавета, такъ испугала ее мысль потерять навсегда единственнаго друга.

— Зачѣмъ? Онъ, навѣрно, самъ захочетъ привезти къ тебѣ Филиппушку. Когда думаешь ты побывать у Иларіона Григорьевича съ отвѣтомъ?

— Не знаю еще, но медлить нельзя, онъ сюда не надолго изъ Ростова пріѣхалъ. На-дняхъ мы ждемъ въ Александровское цесаревну...

— Мы нашего молодчика соберемъ къ воскресенью. Отслужимъ напутственный молебенъ, помолимся о благословеніи Божіемъ ему на новую жизнь и отправимъ его къ тебѣ, съ Иваномъ Васильевичемъ и со всѣмъ его скарбомъ. Одежды у него понашито изрядно, и, поди, чай, не осрамится въ воеводскомъ домѣ,—прибавила старушка съ усмѣшкой. — Тебѣ можно и плату за сына приличную Иларіону Григорьевичу предложить, не изъ своихъ же ему учителямъ платить и за все прочее, что нужно будетъ: люди они небогатые и, поди, чай, сынкамъ должны помогать, зачѣмъ же, безъ надобности, ихъ въ лишній изъянъ вводить? Мы—не бѣдняки, все, что имѣю я, Филиппушкѣ завѣщала, а у тебя изрядное состояніе послѣ супруга осталось...

— Тоже Филиппушкино будетъ,—сказала Лизавета.

— Этого ты не моги говорить, тебѣ еще двадцати шести лѣтъ нѣтъ, у тебя другія могутъ быть дѣти,—объявила старуха.

Въ большомъ душевномъ смятеніи уѣхала Лизавета. Переворотъ, свершившійся въ ея жизни, былъ такъ неожиданъ, что она опомниться не могла, не зная, радоваться ли ей, или печалиться случившемуся. Казалось бы, все устраивалось, какъ нельзя лучше: сынъ ея пристраивался какъ разъ въ то самое время, когда Авдотья Петровна именно этого жаждала, чтобъ уйти отъ свѣта, въ кото-

ромъ такъ много страдала, и, отбросивъ всѣ земныя заботы, посвятить остатокъ дней Богу. Узнай раньше Лизавета про это ея желаніе, какъ терзалась бы она мыслью, что помѣхой къ этому ея сынъ! А между тѣмъ старушка такъ изнывала по покою, что каждую минуту домашніе ея могли бы узнать о причинѣ ея задумчивости и равнодушіи ко всему окружающему, и тогда Праксиной одно бы только оставалось—оставить службу у цесаревны и ѣхать съ сыномъ и съ Ветловымъ въ лѣсъ, то-есть обречь навсегда мальчика на жизнь землевладѣльца въ лѣсной глуши, среди темнаго происхожденія сброда такъ называемыхъ вольныхъ людей, не брезгающихъ такими беззаконными дѣяніями, какъ грабежи и поджоги. О происхожденіи богатства этихъ людей она достаточно много слышала, чтобъ составить себѣ понятіе о ихъ нравственныхъ правилахъ и объ опасности жить въ ихъ средѣ. Самъ Ветловъ былъ такого мнѣнія, что раньше, какъ лѣтъ черезъ шесть или семь, не слѣдуетъ подвергать этимъ опасностямъ Филиппа, и вотъ представляется для него возможность использовать эти года самымъ полезнымъ образомъ, такъ чтобъ не въ глухомъ лѣсу закопать въ землю данные Богомъ таланты, какъ лукавый и невѣрный рабъ, а употребить ихъ на славу Божію и на пользу ближнимъ.

Все это она повторяла себѣ на тысячу ладовъ, но сердце продолжало ныть, и мучительная тоска не проходила.

Въ Александровскомъ она застала Мавру Егоровну, пріѣхавшую приготовить дворецъ къ пріѣзду цесаревны, которая намѣревалась провести здѣсь цѣлый мѣсяцъ.

— Я уговорила ее не вызывать Алексѣя Никифоровича въ Москву, а, если она о немъ соскучилась, самой на время сюда удалиться съ глазъ долой. Счастливы вы, моя голубушка, что не видите и не слышите того, что у насъ тамъ дѣлается! Великой княжнѣ насплетничали на нашу цесаревну, и вышла такая жестокая ссора, какихъ никогда раньше не бывало! Великая княжна упрекнула нашу въ томъ, будто она совращаетъ царя... Все это, разумѣется, отъ Долгорукихъ идетъ... Вотъ ужъ именно можно сказать, что съ больной головы да на здоровую! Но вѣдь намъ оттого не легче. Царь отъ насъ прямо отвертывается, Долгоруковы дерзятъ, наши всѣ въ страхѣ... цѣлыхъ три дня ни одной чужой кареты не видно было у нашего подъѣзда! Каково это выносить? Послала меня цесаревна къ Ларіону Григорьевичу Воронцову за совѣтомъ... Онъ пріѣхалъ сюда недѣльки на три и много про васъ разспрашивалъ и такое вамъ оказываетъ вниманіе, что я бы вамъ посовѣтовала не сомнѣваться насчетъ его предложенія и довѣрить ему воспитаніе вашего сына. Несомнѣнно, что Самъ Господь внушилъ ему и добродѣтельной его супругѣ предложить вамъ эту услугу... Постойте, дайте мнѣ договорить, — остановила

она возраженіе, готовое сорваться съ губъ ея слушательницы,—мальчикъ вашъ изъ младенцевъ вышелъ, и ему нужно серьезное воспитаніе, сами вы цесаревну въ настоящее время покинуть не можете, совѣсть вамъ этого не дозволитъ, а старики Воронцовы, разставшись съ сыновьями, такъ скучаютъ, что для нихъ это будетъ прямо утѣшеніемъ, не говоря ужъ объ уваженіи, которое они питаютъ къ памяти вашего покойнаго мужа... А что это за люди, вы знаете; они достаточно извѣстны и въ Ростовѣ и въ Москвѣ, даже такой святой человѣкъ, какъ покойный владыка ростовскій Димитрій, былъ съ ними въ дружбѣ, а это много значитъ, моя голубушка, вѣдь его за святого и при жизни считали, а теперь надъ его могилой каждый день панихиды служатъ, какъ у гроба покойнаго Митрофана Воронежскаго, который самому царю Петру перечилъ изъ усердія къ православной церкви...

Все это Лизавета знала, много разъ говорилъ ей про стольника и воеводу Ростовскаго и его супругу Анну Григорьевну старикъ Бутягинъ, а также и покойный ея мужъ; оба были знакомы съ этими добродѣтельными людьми и оба сказали бы ей то, что говоритъ ей теперь Мавра Егоровна... Сыновей же Ларіона Григорьевича, Михаила Ларіоновича и Романа Ларіоновича, любимцевъ цесаревны, она лично и коротко знала. Большое было бы счастье, если бъ Филиппъ получилъ такое же воспитаніе, какъ они, и во всемъ прочемъ на нихъ походилъ...

— Скажите Ларіону Григорьевичу, что я рѣшаюсь принять его милостивое предложеніе и низко, низко ему и его супругѣ за него кланяюсь,—проговорила она прерывающимся отъ волненія голосомъ.

Рѣшеніе это было для нея и для сына ея такъ важно, что она только сердцемъ предчувствовала его послѣдствія, умомъ же даже и окинуть ихъ не могла, казалось только, что съ этой роковой минуты жизнь ихъ обоихъ, ея и Филиппа, раскалывается пополамъ, и что между прошлымъ и будущимъ разверзается такая бездонно глубокая пропасть, которую перейти, чтобы вернуться назадъ, уже нѣтъ никакой возможности...

— Слава Богу! слава Богу! Какъ обрадуется цесаревна! Ей такъ бы не хотѣлось, чтобы вы отъ насъ ушли! Ну, ужъ теперь, когда сынъ вашъ будетъ воспитываться у нашихъ Воронцовыхъ, у васъ и предлога не будетъ насъ покидать...

— Я объ этомъ и не думаю...

— Вы говорите это такъ, точно васъ ведутъ на казнь,—замѣтила Мавра Егоровна, устремивъ пристальный взглядъ на свою слушательницу и замѣтивъ ея блѣдность и тревожное волненіе, отражавшееся въ ея глазахъ. — Что васъ такъ заботитъ, моя дорогая, и почему вы такъ печальны? Скажите, что у васъ на душѣ, вѣдь вы знаете, какъ я васъ люблю! Скажите мнѣ все, все.

Если бъ она могла это сказать! Если бъ она сама знала, что съ нею, почему въ ней такой разладъ между разумомъ и сердцемъ! Но она этого не знала и могла только безпомощно биться въ таинственныхъ сѣтяхъ, въ которыя попала ея душа.

Мавра Егоровна уговорила ее воспользоваться экипажемъ, привезшимъ ее изъ Москвы, чтобъ въ тотъ же вечеръ туда ѣхать, и Лизавета на это согласилась.

— Повидаетесь съ цесаревной, и она всѣ ваши сомнѣнія разсѣетъ. Воронцовы намъ друзья закадачные и испытанные, будь у меня сынъ, я бы, не задумываясь, поручила его имъ,—сказала Мавра Егоровна.

Пришелъ съ охоты, которой онъ страстно предавался отъ бездѣлья и отъ скуки по своей царственной возлюбленной, Шубинъ, и, узнавъ отъ пріѣзжей о томъ, что происходитъ въ московскихъ дворцахъ, возмущался, гнѣвался, грозилъ местью врагамъ и долго не хотѣлъ слушать указаній обѣихъ женщинъ, совѣтовавшихъ ему успокоиться, не осложнять положенія безразсудными выходками и довольствоваться, до поры до времени, ролью утѣшителя, выпавшей на его долю. Бесѣда закончилась ужиномъ, во время котораго онъ выпилъ больше обыкновеннаго, такъ что безъ посторонней помощи не могъ бы дойти до своихъ покоевъ.

— И вотъ кому она отдала свое сердце!—со вздохомъ замѣтила Мавра Егоровна, оставшись съ Лизаветой наединѣ, по уходѣ Шубина, въ то время, какъ запрягали отдохнувшихъ лошадей въ привезшую ее сюда дорожную карету.—Намеднись Александръ Львовичъ Нарышкинъ мнѣ передавалъ свой разговоръ съ графомъ Остерманомъ. «Не лучше ли было бы цесаревнѣ выйти замужъ за какого нибудь иностраннаго принца, де-Конти, напримѣръ, или Гессенъ-Гомбургскаго, чѣмъ вести такую подлую жизнь?»—сказалъ графъ, и навѣрное не спроста, не такой человѣкъ, чтобъ зря болтать то, что взбредетъ въ голову. «У нея было бы тогда вполнѣ безопасное и почетное положеніе нѣмецкой владѣтельной принцессы, дворъ, покровительство прусскаго короля и австрійскаго императора, тогда какъ ей, въ лучшемъ случаѣ, грозитъ заключеніе въ монастырѣ, а приверженцамъ ея—казни и ссылки. Чего вы всѣ ждете, чтобъ уговорить ее образумиться? Царь молодъ и здоровъ. Долгорукіе позаботятся о томъ, чтобъ вѣнчаніе его съ ихъ дочерью свершилось, у нихъ будутъ дѣти, партія ихъ съ каждымъ днемъ усиливается, а ваша уменьшается. Цесаревна такъ втянулась въ подлую жизнь, что не сумѣетъ себѣ даже выбрать вліятельнаго любовника, а если и возьметъ такого, то не надолго,—примѣръ Бутурлина у всѣхъ у насъ на памяти»...

— И Александръ Львовичъ дозволилъ такъ говорить при себѣ про цесаревну, про дочь царя Петра?—вскричала съ негодованіемъ Праксина.

— Душа моя, мы—въ такомъ положеніи, что все должны выслушивать, чтобъ знать, что противъ насъ замышляютъ наши враги. Опасность не въ томъ, что мы будемъ знать ихъ мысли, а въ томъ, чтобъ они не узнали нашихъ. Впрочемъ, графа Остермана нельзя считать нашимъ врагомъ, онъ за порядокъ и благочиніе въ государствѣ, а кѣмъ водворится этотъ порядокъ, ему все равно. Цесаревну онъ жалѣетъ, и если на нее сердитъ, то зато только, что она не пользовалась своимъ вліяніемъ на царя такъ, какъ бы ему хотѣлось. Долгорукихъ онъ не обожаетъ и, случись съ ними бѣда, пальцемъ не пошевелитъ, чтобъ имъ помочь. Тѣ изъ нашихъ, что поумнѣе и подальновиднѣе, понимаютъ это, какъ нельзя лучше, и, ни на что не взирая, дружатъ съ нимъ. Такъ поступаютъ и Воронцовы, и Шуваловы, а также и сами Долгорукіе. Князь Иванъ во многомъ его слушается. Завтра у нихъ праздникъ, и вотъ увидите, что всѣ тамъ будутъ, и друзья и враги, вотъ какъ поступаютъ опытные и благоразумные люди.

— И цесаревна будетъ на этомъ праздникѣ?

— Нѣтъ, она отговорилась нездоровьемъ. Ей неудобно встрѣчаться съ великой княжной послѣ того, что между ними произошло на прошлой недѣлѣ. Да ей и отъ царя можно опасаться публичнаго оскорбленія... Теперь сдерживать его некому, вашего Ивана Васильевича въ живыхъ больше нѣтъ,—прибавила она со вздохомъ.— Мы вчера съ цесаревной много и про него, и про васъ говорили...

— Что же про меня говорить. Я ничѣмъ еще себя не проявила,— отвѣтила Праксина, не замѣчая или притворяясь, что не замѣчаетъ желанія собесѣдницы продолжать разговоръ въ начатомъ направленіи. Не хотѣлось ей почему-то знать, что про нее думаетъ и говоритъ цесаревна.

Она пріѣхала въ Москву поздно вечеромъ, застала цесаревну спящей и прошла въ свою комнату рядомъ съ гардеробной.

Очутившись въ обстановкѣ, напоминавшей ей такъ еще недавно поразившее ее несчастье, она долго молилась, прося у Бога душевнаго спокойствія, котораго она лишилась, а затѣмъ тихонько прошла въ уборную, остановилась на порогѣ двери, растворенной въ спальню, и стала прислушиваться къ дыханію спящей госпожи, всматриваясь при слабомъ свѣтѣ лампадки передъ образами въ широкую, низкую кровать, съ откинутымъ пологомъ, на которой, разметавшись въ бѣлыхъ кружевахъ и батистѣ, покоилась цесаревна Елисавета Петровна.

Праксина такъ залюбовалась цесаревной, что забыла, какъ летѣло время. Да и было чѣмъ любоваться! Черная коса расплелась и длинными, густыми прядями разсыпалась вокругъ красиваго, молодого тѣла; упругая высокая грудь выдѣлялась промежъ серебристой бѣлизны бѣлья розоватымъ оттѣнкомъ и медленно поднималась и опускалась подъ дыханіемъ, вылетавшимъ изъ

полуоткрытыхъ пурпуровыхъ губъ, улыбавшихся, вѣрно, пріятной грезѣ; на разрумянившихся щечкахъ черною тѣнью ложились рѣсницы.

Есть ли еще такая другая красавица на землѣ? Врядъ ли. Красива царская невѣста, надменная княжна Долгорукова, но передъ царевной Елисаветой смотрѣть на нее не хотѣлось, такъ мало было привлекательнаго въ ея гордомъ взглядѣ и презрительной усмѣшкѣ. А эта всѣмъ взяла: правильностью и благородствомъ чертъ лица, ростомъ, статностью — настоящая царица, а пріятностью улыбки и взгляда — чистый ангелъ небесный! А какая умница и какъ любитъ Россію! Какъ хорошо ее знаетъ! Все русское, и одно только русское, ей дорого и мило. Выйти замужъ за нѣмца, какъ совѣтуетъ Остерманъ! Надо не знать ея души, чтобъ выдумать такую несуразность! Какъ сказочная царевна, она отдается скорѣе самому бѣдному, самому ничтожному русскому Иванушкѣ-дурачку, чѣмъ могущественнѣйшему изъ заморскихъ царей... Какъ-то сложится ея судьба? Что ждетъ ее въ будущемъ? Шапка Мономаха или монашескій клобукъ? То или другое, но только въ Россіи. Лютѣйшую смерть предпочтетъ она чужеземной коронѣ...

Съ постилки у кровати приподнялась всклоченная голова преданнѣйшаго изъ тѣлохранителей цесаревны, камерлакея Чулкова, и воззрилась внимательнымъ и тревожнымъ взглядомъ на остановившуюся на порогѣ Праксину.

Почувствовавъ на себѣ этотъ взглядъ, Лизавета подалась немного впередъ и подозвала къ себѣ знакомъ вѣрнаго слугу.

— Одна провела вечеръ?—спросила она шопотомъ, когда онъ къ ней подошелъ.

— Одна одинешенька, съ дѣвушками. Заставляла ихъ пѣть и плясать, рано легла почивать,—отвѣчалъ онъ тоже шопотомъ, между каждымъ словомъ озираясь на кровать, точно опасаясь, чтобъ не похитилъ кто его сокровища въ то время, какъ онъ ея не видитъ и не слышитъ ея дыханія. — А васъ, вѣрно, къ намъ Мавра Егоровна прислала?

— Да. Она въ Александровскомъ все готовитъ къ ея пріѣзду...

— Скорѣе бы уѣхала! Измучились мы тутъ отъ страха... Долго ль извести нашу красавицу! Задумали теперь ее замужъ отдавать за нѣмца...

— Никогда этому не бывать!

— Знаю я! Замучатъ только понапрасну...

— Ложитесь, а какъ она утромъ проснется, скажите ей, что я здѣсь.

— Скажу, не безпокойтесь, спите спокойно.

Онъ вернулся къ своей постилкѣ, а Лизавета, притворивъ за собою дверь, вернулась къ себѣ.

Но въ эту ночь немного довелось ей спать. Едва только забрезжился день, какъ ее разбудилъ стукъ въ дверь, и на вопросъ ея: кто тутъ? голосъ Чулкова отвѣтилъ, что цесаревна изволила проснуться и, узнавъ, что Лизавета Касимовна пріѣхала, приказала ее разбудить и прислать къ ней.

Лизавета сорвалась съ постели, наскоро одѣлась и отправилась въ спальню.

Окно къ садъ было растворено, и прохладный душистый воздухъ врывался въ высокій просторный покой, въ которомъ цесаревна сидѣла на кровати, устремивъ нетерпѣливый взглядъ на дверь. При появленіи Праксиной она весело улыбнулась.

— Не дала я тебѣ выспаться, тезка, ты меня извини. Такъ захотѣлось съ тобою поболтать, что невтерпежъ стало ждать, пока ты сама встанешь да ко мнѣ придешь... Ступай себѣ,—обратилась она къ Чулкову,—намъ съ тезкой надо секретно поговорить.

Онъ захватилъ свою постилку и, поцѣловавъ милостиво протянутую ему руку, вышелъ, а Лизавета, по приказанію госпожи, сѣла на складную табуретку у самой кровати.

— Вотъ и прекрасно! Никто намъ не помѣшаетъ, всѣ спятъ, наговоримся досыта. Ну, какъ дѣла? Рѣшаешься ты отдать сына Воронцову?

— Рѣшилась, ваше высочество. Надѣюсь сегодня представить ему моего мальчика.

— А сама что?—продолжала цесаревна, съ лукавой усмѣшкой на нее посматривая.

— Останусь при вашемъ высочествѣ, если ваше высочество меня не прогонитъ.

— Это само собою разумѣется, что ты при мнѣ навсегда останешься, потому что я никогда тебя не выгоню. Не въ томъ дѣло, а въ томъ, что ты мнѣ въ Александровскомъ нужна, да не одна.

— Съ кѣмъ же, ваше высочество?

— Съ мужемъ, вотъ съ кѣмъ.

Лицо Лизаветы выразило такое недоумѣніе, что цесаревна громко расхохоталась.

— Да ты и впрямь ни о чемъ не догадываешься, тезка!—вскричала она.—Егоровна мнѣ это сказала, да я не хотѣла вѣрить, а теперь вижу, что это правда!.. Въ тебя человѣкъ до безумія влюбленъ, а ты и не подозрѣваешь!..

И опять рѣчь ея порвалась звонкимъ смѣхомъ.

— Ваше высочество изволите шутки шутить,—съ сдержаннымъ волненіемъ произнесла Праксина.

— Нисколько! Какія тамъ шутки, когда дѣло идетъ о твоемъ счастьѣ! Я вѣдь тебя очень люблю, тезка... Ну, полно, полно, поцѣлуемся послѣ, когда ты мнѣ все разскажешь, а теперь докажи

мнѣ свое довѣріе и разскажи мнѣ то, что я хочу знать, все, все, безъ утайки, какъ на духу, и съ самаго начала: какъ ты выходила замужъ, какъ познакомилась съ твоимъ мужемъ, какъ онъ тебѣ приглянулся, какъ у тебя по немъ болѣло сладко, сладко сердце, какъ ты по немъ плакала и въ ночныхъ грезахъ цѣловалась съ нимъ и миловалась...

— Никогда ничего подобнаго не было, ваше высочество! Съ чего ваше высочество изволили это взять? Кто взвелъ на меня такой поклепъ вашему высочеству?—съ негодованіемъ возразила ея слушательница.

Цесаревна весело захлопала въ ладоши.

— Ага! Вотъ и попалась! Теперь я знаю то, что мнѣ нужно было знать. Сама себя выдала! Никогда ты его не любила... Постой, постой, дай мнѣ договорить, не сердись и выслушай меня терпѣливо. Вышла ты за Петра Филиппыча, потому что твоя пріемная мать этого пожелала, потому что ты никого не любила, и отказывать хорошему жениху не было причинъ... Я его помню, такой былъ серьезный, что даже мнѣ было съ нимъ не по себѣ, а я не изъ робкихъ, какъ тебѣ извѣстно... Тебѣ сколько было тогда лѣтъ?

— Пятнадцать...

— А ему подъ сорокъ. Значитъ, такъ все и было, какъ я себѣ представила. Ты была ребенокъ, милый, невинный, послушный, а онъ... онъ очень хорошій человѣкъ, но годился тебѣ въ отцы, любить его ты, значитъ, не могла. Любить любовью, вотъ какъ я люблю Алексѣя Никифоровича,—понимаешь, что я хочу сказать?... Да нѣтъ, гдѣ тебѣ понять! Ты на цѣлыхъ пять лѣтъ меня старше, а по опыту да по смекалкѣ въ любовныхъ дѣлахъ ты совсѣмъ передо мною ребенокъ... Все равно, пора тебѣ въ настоящій разумъ войти,—продолжала она съ напускною серьезностью, придававшей много комичности ея оживленному лицу, съ лукаво смѣющимися глазами.—У тебя ужъ сынъ десяти лѣтъ, пора же тебѣ наконецъ узнать самое хорошее въ жизни, безъ чего все тускло и скучно на бѣломъ свѣтѣ... безъ чего и жить не стоитъ... Не сердись!—продолжала она, замѣтивъ, какъ сдвигаются брови и невольно опускаются глаза у ея слушательницы, подъ наплывомъ странныхъ, непонятныхъ и никогда доселѣ не испытанныхъ чувствъ, которыми наполнялось ея сердце все сильнѣе, по мѣрѣ того, какъ она должна была выслушивать противныя ея убѣжденіямъ рѣчи и волей-неволей вникать въ ихъ смыслъ.—Скажи мнѣ совершенно откровенно: неужели тебѣ никогда не хотѣлось любить?

Разодралась таинственная завѣса, скрывавшая истину передъ духовными очами Праксиной, и душа ея наполнилась такимъ смятеніемъ, что слова не выговаривались, только покачать головой могла она на предложенный вопросъ.

— Экая безчувственная! Да я тебѣ не вѣрю, тезка! Ты и меня и себя обманываешь! Неужели тебѣ даже не жалко того, который тебя любитъ давно, страстно, постоянно, безнадежно, всѣмъ сердцемъ, всей душой? Ты только подумай, какъ онъ страдаетъ изъ-за тебя! Вѣдь ему жизнь не мила, вѣдь онъ зоветъ смерть какъ избавленіе, и ты однимъ словомъ, однимъ взглядомъ можешь дать ему такое блаженство... такое блаженство!..

Она зажмурилась, откинулась на подушки, и изъ полуоткрытыхъ ея губъ вылетѣлъ глубокій вздохъ любовной истомы.

Лизавета давно перестала изумляться и негодовать, она спрашивала себя съ недоумѣніемъ: какъ могла цесаревна угадать ея тайну? Тайну, столь глубоко сокрытую въ нѣдрахъ ея существа, что она и самой ей только сейчасъ открылась... Тайну, извѣстную одному Ветлову...

— Выходи за него замужъ, тезка,—снова принялась цесаревна за прерванный разговоръ, отрываясь отъ сладостныхъ представленій и устремляя смѣющійся взглядъ на свою любимицу.—Я оставлю васъ обоихъ въ Александровскомъ, вдали отъ свѣта и отъ двора, который вы оба такъ ненавидите... Мнѣ нужны преданные, хорошіе русскіе люди... Буду къ вамъ наѣзжать, какъ въ рай земной, когда здѣсь станетъ слишкомъ тяжело и нудно. Ты узнаешь настоящее счастье, тезка, настоящую любовь, и твой Петръ Филиппычъ будетъ на небесахъ радоваться вашему счастью. Не даромъ же онъ васъ такъ обоихъ любилъ, какъ родной отецъ, и сына роднаго вамъ поручилъ обоимъ... Подумай только, что это значитъ! Сообрази хорошенько. Вѣдь онъ васъ своимъ роднымъ ребенкомъ навѣки соединилъ, навѣки благословилъ, какъ образомъ...

Много еще говорила цесаревна, услаждаясь звуками собственнаго голоса и представленіями, возникавшими въ ея воображеніи съ каждымъ произносимымъ словомъ. Ея не слушали. Лизавета себя спрашивала: какъ могла она до сихъ поръ не видѣть, что Ветловъ ее любитъ... и что сама она уже давно къ нему не равнодушна? Давно, можетъ быть, еще при жизни мужа, ни съ кѣмъ не было ей такъ хорошо, какъ съ нимъ... И затосковала она съ тѣхъ поръ, какъ рѣшилась отдать сына на воспитаніе Воронцову потому только, что съ Филиппушкой не будетъ больше того человѣка, безъ котораго, по выраженію цесаревны, жизнь утрачиваетъ для нея всякую прелесть, тускла, скучна, безсодержательна, какъ дождливый пасмурный осенній день...

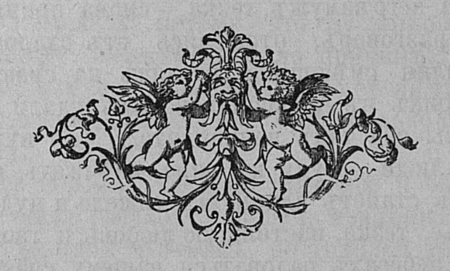
— Ну, что же, сватать мнѣ тебя за Ивана Васильевича Ветлова?— спросила наконецъ цесаревна, ласковымъ движеніемъ приподнимая опущенную голову своей слушательницы и заглядывая пристальнымъ взглядомъ въ ея зардѣвшееся лицо.

— Сватайте, ваше высочество,—чуть слышно проговорила она и съ смущенной улыбкой прибавила:—развѣ я смѣю ослушаться ваше высочество?

— Ахъ, ты, притворщица!—расхохоталась цесаревна.—Такъ это ты для меня? Чтобъ исполнить мое желаніе? Ха, ха, ха! Ну, пусть будетъ по-твоему. Я ему такъ и скажу: не любитъ она тебя, терпѣть не можетъ и только, чтобъ меня не ослушаться, выходитъ за тебя замужъ!

Н. И. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ [1].

(1729—1751).

IV.

ИЗЪ ЛѢТНЯГО дворца мы переѣхали въ Петергофъ, гдѣ этотъ годъ жили въ Монплезирѣ. Ежедневно послѣ обѣда мы просиживали по нѣскольку часовъ у Чоглоковыхъ, къ которымъ собирались гости, гдѣ потому было довольно пріятно. Оттуда мы переѣхали въ Ораніенбаумъ, и тамъ каждый Божій день ѣздили на охоту. Случалось иногда до тринадцати разъ въ день садиться на лошадь. Впрочемъ лѣто было довольно дождливо. Помню, какъ однажды я возвратилась домой вся мокрая и, слѣзши съ лошади, встрѣтила моего портного, который сказалъ: «Ну, теперь я не удивляюсь, отчего не могу наготовиться на васъ верховыхъ платьевъ, и отчего меня безпрестанно заставляютъ шить новыя». Дѣло въ томъ, что я приказывала шить ихъ не иначе, какъ изъ шелковаго камлота: они съеживались отъ дождя и линяли на солнцѣ, и потому надо было безпрестанно заказывать новыя. Въ это время я изобрѣла себѣ сѣдло, на которомъ могла ѣздить, какъ хотѣла. Оно было съ англійскою лукою, такъ что можно было перекинуть ногу и сѣсть по-мужски. Его можно было раздвигать, и по произволу, какъ вздумается, опускать или подымать другое стремя. Когда у куче-

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CIII, стр. 762.

ровъ спрашивали, какъ я ѣзжу, они отвѣчали, что по приказанію императрицы на дамскомъ сѣдлѣ. Я перекидывала ногу только въ такомъ случаѣ, когда была увѣрена, что никто не донесетъ на меня, и такъ какъ я не хвасталась моимъ изобрѣтеніемъ, а прислуга была рада доставить мнѣ удовольствіе, то все обходилось благополучно. Великому князю мало было заботы, на какомъ бы сѣдлѣ я ни ѣздила. Кучера находили, что гораздо безопаснѣе ѣздить по-мужски, особливо гоняясь безпрестанно на охоту, нежели на англійскихъ сѣдлахъ; сихъ послѣднихъ они терпѣть не могли, увѣряя, что съ ними всегда что нибудь случается, изъ-за чего послѣ съ нихъ пойдутъ взысканія. Сказать по правдѣ, я была очень равнодушна къ охотѣ, но страстно любила верховую ѣзду, и чѣмъ больше было въ ней опасности, тѣмъ она была милѣе мнѣ: если случалось, что лошадь убѣгала, я бросалась за нею и приводила ее назадъ. Въ это время также у меня въ карманѣ постоянно бывала книга, которую я принималась читать, какъ скоро была одна. Въ продолженіе этой охотничьей жизни я замѣтила, что Чоглоковъ сдѣлался гораздо мягче, и особливо противъ меня, такъ что я стала опасаться, ужъ не вздумалъ ли онъ волочиться за мною, чего я вовсе не желала. Прежде всего, онъ мнѣ отнюдь не нравился; онъ былъ бѣлокуръ и щеголеватъ, чрезвычайно толстъ и умомъ такъ же неповоротливъ, какъ и тѣломъ. Его всѣ терпѣть не могли, какъ жабу, и въ самомъ дѣлѣ нечего было любить. Кромѣ того, я должна была опасаться ревности и недоброжелательства злой жены его, тѣмъ болѣе, что я не имѣла никакой опоры въ мірѣ, кромѣ самой себя и моихъ достоинствъ, если только таковыя были во мнѣ. Вслѣдствіе этого я очень искусно избѣгала и уклонялась отъ того, что казалось мнѣ преслѣдованіемъ со стороны Чоглокова; но, впрочемъ, была съ нимъ вѣжлива, и онъ не имѣлъ причины на меня жаловаться. Все это, какъ нельзя лучше, было замѣчено женою его, которая оцѣнила мое поведеніе, и впослѣдствіи очень полюбила меня, отчасти именно за это. Но о томъ будетъ сказано ниже.

При дворѣ нашемъ были два камергера Салтыковы, сыновья генералъ-адъютанта Василія Ѳедоровича Салтыкова, жена котораго, Марія Алексѣевна, урожденная княжна Голицына, мать этихъ двухъ молодыхъ людей, пользовалась особенною милостью императрицы за необыкновенную вѣрность, преданность и отличныя услуги, оказанныя ею во время восшествія на престолъ ея величества. Младшій изъ этихъ двухъ братьевъ, Сергѣй, незадолго передъ описываемымъ временемъ женился на императрицыной фрейлинѣ, Матренѣ Павловнѣ Балкъ. Старшій братъ, котораго звали Петръ, былъ дуракъ въ полномъ смыслѣ слова, съ самою безсмысленною физіономіею, какую когда либо я встрѣчала въ моей жизни: большіе стоячіе глаза, тупой носъ и ротъ всегда полураскрытый. Ко всему

онъ былъ въ высшей степени сплетникъ, и по этому самому Чоглоковы довольно хорошо принимали его. Владиславова, по старому знакомству съ матерью этого олуха, внушала Чоглоковымъ мысль женить его на принцессѣ Курляндской. По крайней мѣрѣ, онъ принялся за ней ухаживать, сдѣлалъ предложеніе и былъ отвергнутъ, и родители его стали просить у императрицы соизволенія на бракъ. Великій князь узналъ о томъ по возвращеніи нашемъ въ городъ, когда дѣло уже совсѣмъ было улажено. Онъ очень разсердился, не одобрялъ брака и сталъ дуться на принцессу Курляндскую. Не знаю, какъ она умѣла, несмотря на все это, удержать за собою нѣкоторую долю прежней любви великаго князя, и въ теченіе долгаго времени до извѣстной степени продолжала пользоваться его довѣренностью. Что касается до меня, то я была въ восторгѣ отъ этого брака, и заказала для жениха великолѣпное платье. Императрица изъявила согласіе; но въ то время при дворѣ случалось по цѣлымъ годамъ дожидаться свадьбы, потому что императрица обыкновенно сама назначала день, часто подолгу забывала о томъ и, когда ей напоминали, откладывала отъ времени до времени. Такъ было и тутъ. Однако осенью, возвратившись въ городъ, я имѣла удовольствіе видѣть, какъ принцесса Курляндская и Петръ Салтыковъ благодарили императрицу за то, что она изволила согласиться на бракъ ихъ. Надо замѣтить, впрочемъ, что Салтыковы принадлежали къ самымъ древнимъ и знатнымъ родамъ въ Россіи и находились даже въ родствѣ съ царскимъ домомъ, ибо мать императрицы Анны была урожденная Салтыкова (по другой линіи), между тѣмъ какъ Биронъ, сдѣланный курляндскимъ герцогомъ по милости императрицы Анны, былъ не болѣе, какъ сынъ ничтожнаго и бѣднаго фермера, жившаго на земляхъ одного курляндскаго дворянина. Фермеръ этотъ назывался Биренъ; но кардиналъ Флери, желая польстить самолюбію его сына, пользовавшагося такимъ значеніемъ въ Россіи, и черезъ то склонить русскій дворъ въ пользу Франціи, уговорилъ французскихъ Бироновъ принять въ родъ свой фаворита императрицы Анны.

По возвращеніи въ городъ, мы узнали, что, кромѣ двухъ дней въ недѣлю, по которымъ обыкновенно давалась французская комедія, назначено еще два дня для маскарадовъ. Пятый день взялъ великій князь для своихъ концертовъ, а по воскресеньямъ, какъ и всегда, были куртаги. На одномъ изъ двухъ маскарадовъ бывалъ только дворъ и тѣ лица, которыхъ императрица удостоивала своимъ приглашеніемъ; въ другомъ маскарадѣ могли участвовать всѣ чиновные люди въ городѣ до полковничьяго чина и всѣ служившіе офицерами въ гвардіи; иногда допускались на нихъ всѣ вообще дворяне и знатнѣйшее купечество. На первыхъ придворныхъ маскарадахъ обыкновенно бывало не болѣе 160 или 200 человѣкъ, на вторыхъ, называвшихся публичными, до 800 человѣкъ.

Въ 1744 г. въ Москвѣ императрицѣ вздумалось приказать, чтобы на придворные маскарады всѣ мужчины являлись въ женскихъ нарядахъ и всѣ женщины въ мужскихъ, и при томъ безъ масокъ на лицахъ. Это были превращенные куртаги: мужчины въ огромныхъ юбкахъ на китовыхъ усахъ, одѣтые и причесанные точно такъ, какъ одѣвались дамы на куртагахъ, а дамы въ мужскихъ придворныхъ костюмахъ. Такія матаформозы вовсе не нравились мужчинамъ, и большая часть ихъ являлась на маскарадъ въ самомъ дурномъ расположеніи духа, потому что они не могли не чувствовать, какъ они безобразны въ дамскомъ нарядѣ. Съ другой стороны, дамы казались жалкими мальчиками; кто былъ постарше, того безобразили толстыя и короткія ноги, и изъ всѣхъ нихъ мужской костюмъ шелъ вполнѣ только къ одной императрицѣ. При своемъ высокомъ ростѣ и нѣкоторой дюжести она была чудно хороша въ мужскомъ нарядѣ. Ни у одного мужчины я никогда въ жизнь мою не видала такой прекрасной ноги; нижняя часть ноги была удивительно стройна. Ея величество отлично танцовала, и во всякомъ нарядѣ мужскомъ и женскомъ умѣла придавать всѣмъ своимъ движеніямъ какую-то особенную прелесть. На нее нельзя было довольно налюбоваться, и бывало съ сожалѣніемъ перестаешь смотрѣть на нее, потому что ничего лучшаго больше не увидишь. Разъ, на одномъ изъ такихъ баловъ она танцовала менуетъ, и я не отводила отъ нея глазъ. Кончивши танецъ, она подошла ко мнѣ. «Для женщинъ большое счастіе,—осмѣлилась я замѣтить,—что ваше величество родились не мужчиною; одинъ портретъ вашъ, въ такомъ видѣ, какъ теперь, могъ бы вскружить голову любой женщинѣ». Она была очень довольна этими словами, и въ свою очередь сказала мнѣ съ чрезвычайною любезностію, что если бы она была мужчиною, то яблоко непремѣнно досталось бы мнѣ. Я наклонилась поцѣловать у нея руку за столь неожиданный комплиментъ, но она обняла меня. Всѣ стали толковать и догадываться, что такое было между нами. Я не думала дѣлать тайну, сказала Чоглокову, тотъ передалъ на ухо двумъ или тремъ, и изъ устъ въ уста, въ какую нибудь четверть часа весь маскарадъ зналъ о моемъ разговорѣ съ императрицею.

Въ послѣдній разъ, какъ мы жили въ Москвѣ, главнокомандующимъ въ Петербургѣ оставался, въ отсутствіе двора, сенаторъ и начальникъ кадетскаго корпуса, князь Юсуповъ. Для собственной забавы и для удовольствія знатныхъ людей, какіе оставались тогда въ Петербургѣ, онъ завелъ театральныя представленія: кадеты попеременно разыгрывали лучшія трагедіи, какъ русскія, сочиняемыя въ то время Сумароковымъ, такъ и французскія, сочиненія Вольтера, сіи послѣднія въ искаженіяхъ. По возвращеніи изъ Москвы императрица приказала, чтобы эта труппа молодыхъ людей продолжала играть пьесы Сумарокова при дворѣ. Ея величе-

ство забавлялась этими представленіями, и вскорѣ стали замѣчать, что она занимается ими несравненно болѣе, чѣмъ можно было подумать. Театръ изъ дворцовой залы перенесенъ былъ во внутреннія ея покои. Она забавлялась костюмировкою актеровъ, заказывала имъ великолѣпные наряды, убирала ихъ своими драгоцѣнными каменьями. Какъ и слѣдуетъ, всѣхъ богаче бывалъ одѣтъ первый любовникъ, довольно красивый мальчикъ, лѣтъ 18 или 19. Но вскорѣ и внѣ театра стали замѣчать на немъ брильянтовыя застежки, кольца, часы, кружева и бѣлье самаго лучшаго сорта. Наконецъ онъ вышелъ изъ кадетскаго корпуса; оберъ-егермейстеръ, графъ Разумовскій, бывшій фаворитъ императрицы, тотчасъ же взялъ его къ себѣ въ адъютанты, что̀ равнялось капитанскому чину. Придворные не замедлили вывести изъ этого свои заключенія и стали говорить, что единственная причина, почему графъ Разумовскій взялъ къ себѣ въ адъютанты кадета Бекетова, заключается въ томъ, чтобы противопоставить его молодому камеръюнкеру Шувалову, который вовсе не былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Разумовскими; отсюда наконецъ недалеко было до заключенія, что молодой Бекетовъ входитъ въ великій фавёръ у императрицы. Кромѣ того, извѣстно было, что графъ Разумовскій приставилъ къ новому своему адъютанту другого, находившагося у него на побѣгушкахъ человѣка, котораго онъ называлъ Иваномъ Перфильевичемъ Елагинымъ. Жена сего послѣдняго съ давнихъ поръ находилась при императрицѣ въ числѣ камерфрау. Она-то и доставляла молодому Бекетову бѣлье и кружева, о которыхъ говорено выше, и такъ какъ она вовсе не была богата, то легко можно было заключить, что деньги на наряды молодому человѣку шли вовсе не изъ ея кошелька. Начинавшійся фавёръ Бекетова никого такъ не тревожилъ, какъ фрейлину мою, княжну Гагарину. Она была уже не первой молодости и хотѣла сыскать себѣ партію по вкусу. Она сама имѣла хорошее состояніе, но была не хороша собою, хотя очень умна и уклончива. Ей приходилось во второй разъ отказываться отъ своего предмета въ пользу императрицы: сначала отъ Шувалова, теперь отъ Бекетова, о которомъ идетъ рѣчь. У княжны Гагариной было множество пріятельницъ между молодыми и хорошенькими женщинами; кромѣ того, она имѣла многочисленную родню. Тѣ и другіе терпѣть не могли Шувалова, увѣряя, будто изъ-за него императрица дѣлала княжнѣ Гагариной безпрестанные выговоры и запрещала какъ ей, такъ и многимъ другимъ молодымъ женщинамъ надѣвать то то, то другое платье или нарядъ. Вину всего этого княжна Гагарина и всѣ хорошенькія придворныя дамы взваливали на Шувалова и возненавидѣли его до крайности, между тѣмъ какъ прежде очень любили его. Думая смягчить ихъ гнѣвъ, онъ старался быть съ ними предупредителенъ и черезъ друзей своихъ передавалъ имъ разныя любезности; но

въ этомъ онѣ видѣли для себя новое оскорбленіе. Онѣ отворачивались отъ него, не хотѣли говорить съ нимъ, бѣгали отъ него, какъ отъ чумы. Въ это самое время великій князь подарилъ мнѣ маленькую собачку, англійскаго пуделя, котораго мнѣ давно хотѣлось имѣть. Эту собачку вздумали назвать Иванъ Ивановичемъ, по имени истопника Ивана Ушакова, ходившаго ко мнѣ въ комнату топить печку. Сама собачка была презабавное животное; она ходила, какъ человѣкъ, на заднихъ лапкахъ и большую часть дня чрезвычайно дурачилась; я и мои женщины причесывали и одѣвали ее каждый день иначе; и чѣмъ смѣшнѣе мы наряжали ее, тѣмъ она становилась забавнѣе: она садилась съ нами за столъ, ей подвязывали салфетку, и она очень опрятно ѣла съ своей тарелки; потомъ оборачивала голову, начинала теребить стоявшаго позади человѣка, спрашивая себѣ пить; иногда вспрыгивала на столъ и доставала, чего ей хотѣлось: пирожокъ, бисквитъ или что нибудь въ этомъ родѣ; однимъ словомъ, невозможно было не смѣяться, глядя на нее. Она была очень мала, никому не мѣшала, и ей позволяли дѣлать все, что ей вздумается, потому что она не злоупотребляла этой свободой и была чрезвычайно чистоплотна. Всю зиму забавлялъ насъ англійскій пудель. На слѣдующее лѣто я взяла его съ собою въ Ораніенбаумъ, куда къ намъ ѣздилъ камергеръ Салтыковъ второй съ женою своею. Сія послѣдняя, какъ и всѣ дамы нашего двора, цѣлый день только и дѣлала, что шила и прилаживала разныя наколки и наряды для моей собачки, которую онѣ ласкали наперерывъ другъ передъ другомъ. Наконецъ Салтыкова такъ полюбила ее, что собачка не отходила отъ нея прочь, и онѣ не могли разстаться другъ съ другомъ. Уѣзжая отъ насъ, Салтыкова просила меня отдать ей собачку. Я согласилась, и она, взявъ ее на руки, поѣхала прямо въ деревню къ свекрови своей, которая въ то время была больна. Свекровь, увидавъ собачку и забавныя шутки ея, которыя она безпрестанно выдѣлывала, захотѣла узнать ея кличку и, услышавши, что ее зовутъ Иванъ Ивановичемъ, не могла не выразить удивленія своего. Въ это самое время у нея сидѣли разныя придворныя лица, пріѣхавшія навѣстить ее изъ Петергофа и потомъ возвратившіяся ко двору. Дня черезъ три или четыре при дворѣ и въ городѣ только и было толковъ, что молодыя дамы, непріятельницы Шувалова, достаютъ себѣ каждая по бѣлому пуделю, называютъ ихъ Иванъ Ивановичами въ насмѣшку надъ фаворитомъ императрицы и наряжаютъ въ платья свѣтлыхъ цвѣтовъ, до которыхъ Шуваловъ былъ большой охотникъ. Дѣло пошло такъ далеко, что императрица велѣла сказать отцамъ и матерямъ Шуваловскихъ непріятельницъ, что она не понимаетъ, какъ онѣ осмѣливаются позволять себѣ подобныя шутки. Кличка бѣлаго пуделя тотчасъ была перемѣнена; но, несмотря на императорскій выговоръ, онъ остался въ домѣ Салтыковыхъ въ

прежнемъ почетѣ и до самой смерти своей былъ любимцемъ господъ своихъ. На самомъ дѣлѣ, это была пустая сплетня; Иванъ Ивановичемъ назывался только одинъ пудель, и въ то время, какъ ему дали эту кличку, о Шуваловѣ тогда никто и не думалъ. Чоглокова, не любившая Шуваловыхъ, притворялась, будто не обращаетъ вниманія на эту кличку, хотя слышала ее безпрестанно; она сама забавлялась пуделемъ и часто кормила его пирожками.

Въ послѣдніе мѣсяцы этой зимы, во время частыхъ маскарадовъ и придворныхъ баловъ, снова появились оба бывшіе мои камеръюнкеры, переведенные полковниками въ армію, Александръ Вильбуа и Захаръ Чернышевъ. Такъ какъ они были искренно привязаны ко мнѣ, то я очень обрадовалась имъ и ласково ихъ встрѣтила; они съ своей стороны не пропускали случая и малѣйшей, находившейся въ ихъ власти, возможности, чтобы выразить мнѣ всю преданность. Я въ то время очень любила танцовать; на публичныхъ балахъ я обыкновенно по три раза мѣняла платье и старалась какъ можно лучше одѣваться. Если маскарадное платье мое очень нравилось всѣмъ, то я ни за что больше не надѣвала его, будучи увѣрена, что если одинъ разъ оно понравилось, то во второй разъ уже непремѣнно понравится меньше прежняго. На придворныхъ балахъ, гдѣ не было публики, я надѣвала самыя простыя платья, и тѣмъ немало заслуживала милость императрицы, которая не любила на этихъ балахъ роскошныхъ нарядовъ. Зато, когда бывали превращенные маскарады, я заказывала великолѣпное мужское платье, все съ шитьемъ и въ самомъ изысканномъ вкусѣ: за это не могло быть выговоровъ; напротивъ императрица, не могу хорошо объяснить себѣ почему, бывала довольна моимъ богатымъ мужскимъ нарядомъ. Надо замѣтить, что въ то время кокетство было въ большомъ ходу при дворѣ, и всѣ только и думали, какъ бы ухитриться и перещеголять другъ друга нарядомъ. Помню, однажды я узнала, что всѣ шьютъ себѣ новыя и самыя лучшія платья къ одному изъ такихъ маскарадовъ; я была въ отчаяніи, не имѣя возможности перещеголять другихъ дамъ, и выдумала себѣ свой нарядъ. Лифъ моего платья былъ изъ бѣлаго гродетура (у меня тогда была очень тонкая талія); юбка изъ той же матеріи; волосы мои длинные, густые и очень красивые я велѣла зачесать назадъ и перевязать красною лентою, что называется лисьимъ хвостомъ; на голову я приколола всего одинъ большой розанъ и другой не распустившійся съ листьями (они были сдѣланы такъ искусно, что можно было принять ихъ за живые); еще розанъ я приколола къ корсету; на шею надѣла чрезвычайно бѣлый газовый шарфъ; на руки манжеты и передникъ изъ того же газа. Въ этомъ нарядѣ я отправилась на балъ, и только что вошла, какъ замѣтила, что нарядъ мой обратилъ на себя общее вниманіе. Не останавливаясь, я прошла поперекъ галлереи и явилась

въ комнатахъ, находившихся напротивъ галлереи. Тамъ меня встрѣтила императрица и воскликнула: Боже мой, какая простота! зачѣмъ нѣтъ мушки?—Я засмѣялась и отвѣчала: для того, чтобы быть легче. Она вынула изъ кармана коробочку съ мушками, достала одну средней величины и налѣпила мнѣ на лицо. Оставивъ императрицу, я поспѣшила въ галлерею и показала мушку ближайшимъ моимъ дамамъ и также императрицынымъ любимицамъ. Будучи въ очень веселомъ расположенiи духа, я танцовала больше обыкновеннаго и не помню, чтобы когда нибудь во всю мою жизнь я слышала отъ всѣхъ столько похвалъ, какъ въ этотъ вечеръ. Про меня говорили, что я хороша, какъ день, и какъ-то особенно сiяю. Сказать правду, я никогда не думала про себя, чтобы я была особенно хороша; но я нравилась и полагаю, что въ этомъ заключалась моя сила. Я возвратилась домой очень довольная изобрѣтеннымъ мною простымъ нарядомъ, тѣмъ болѣе, что на другихъ были богатѣйшiя платья.

Въ этихъ удовольствiяхъ окончился 1750 годъ. Мадамъ Арнгеймъ танцовала лучше, чѣмъ ѣздила верхомъ. Помню, какъ однажды мы поспорили, кто изъ насъ скорѣе устанетъ на танцахъ, и она должна была уступить: она сѣла на стулъ и призналась, что не можетъ больше танцовать, между тѣмъ какъ я еще танцовала.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(1751—1758).

I.

Въ началѣ 1751 г. великiй князь, такъ же, какъ и я, очень сблизился съ посланникомъ вѣнскаго двора, графомъ Бернисомъ, и вздумалъ поговорить съ нимъ о своихъ дѣлахъ въ Голштинiи, о долгахъ, въ то время обременявшихъ эту землю, и о датскихъ предложенiяхъ, въ выслушанiю которыхъ онъ уполномочилъ Пехлина. Великiй князь однажды сказалъ мнѣ, чтобы и я также поговорила о томъ съ графомъ Бернисомъ. Я отвѣчала, что непремѣнно поговорю, такъ какъ онъ мнѣ приказываетъ это. Дѣйствительно, въ первый же маскарадъ я подошла къ графу Бернису, остановившемуся недалеко отъ балюстрады, въ серединѣ которой танцовали, и сказала ему, что великiй князь велѣлъ мнѣ поговорить съ нимъ о голштинскихъ дѣлахъ. Графъ Бернисъ слушалъ меня съ большимъ участiемъ и вниманiемъ. Я ему прямо сказала, что я молода,

и мнѣ не съ кѣмъ совѣтоваться, что, можетъ быть, я плохо смыслю въ дѣлахъ и вовсе не имѣю опытности, чтобы вести ихъ въ свою пользу; но что смотрю на вещи такъ, какъ понимаю ихъ, и хотя, вѣроятно, многаго не знаю, но мнѣ кажется, во-первыхъ, что голштинскія дѣла вовсе не въ такомъ отчаянномъ положеніи, какъ хотятъ ихъ представить; а, во-вторыхъ, относительно самаго обмѣна я очень хорошо понимаю, что онъ можетъ быть гораздо полезнѣе для Россіи, нежели лично для великаго князя; что, конечно, ему, какъ наслѣднику русскаго престола, выгоды Россіи должны быть милы и дороги, но что если уже необходимо ради этихъ выгодъ, чтобы великій князь раздѣлался съ Голштиніею и тѣмъ положилъ конецъ нескончаемымъ размолвкамъ съ Даніею, то для этого нужно выждать удобнаго времени, а что покончить дѣло въ настоящее время было бы по-моему вовсе не благопріятно ни для выгодъ Россіи, ни для личной славы великаго князя. Между тѣмъ,—продолжала я,—можетъ наступить такое время, и будутъ такія обстоятельства, когда этотъ обмѣнъ получитъ большее значеніе и совершится съ большею славою для великаго князя и, можетъ быть, съ большею выгодою для самой Русской имперіи; теперь же все это дѣло ведется явными происками, и если удастся, то всѣ будутъ считать великаго князя человѣкомъ слабымъ, такъ что онъ, можетъ быть, во всю свою жизнь не въ состояніи будетъ оправдать себя въ общественномъ мнѣніи. Про него станутъ говорить, что онъ правилъ Голштиніею всего какихъ нибудь нѣсколько дней, любилъ эту землю страстно и, несмотря на все это, позволилъ склонить себя къ уступкѣ, и безъ всякой особенной причины обмѣнилъ Голштинію—на что же?—на Ольденбургъ, вовсе ему неизвѣстный и отдаленный отъ Россіи. Наконецъ, замѣтила я, самая Кильская гавань въ рукахъ великаго князя можетъ быть очень полезна для русской навигаціи. Графъ Бернисъ подробно разбиралъ всѣ мои доводы и въ заключеніе сказалъ: «Какъ посолъ, я не имѣю на этотъ счетъ никакихъ предписаній отъ двора моего, но, какъ графъ Бернисъ, я думаю, что вы правы». Послѣ я узнала отъ великаго князя, что графъ Бернисъ сказалъ ему: «могу вамъ посовѣтовать одно, слушайтесь вашей супруги, которая очень вѣрно судитъ объ этомъ дѣлѣ». Вслѣдъ за тѣмъ великій князь очень охладѣлъ къ этой негоціаціи, что̀, конечно, было замѣчено, и вслѣдствіе чего съ нимъ стали рѣже говорить о ней.

Послѣ Святой, по обыкновенію, мы поѣхали на нѣсколько времени въ Лѣтній дворецъ и оттуда въ Петергофъ, гдѣ съ каждымъ годомъ проживали меньше времени. Въ этотъ годъ въ Петергофѣ случилось происшествіе, главною причиною котораго были происки господъ Шуваловыхъ, и которое послужило предметомъ толковъ между придворными. Выше упомянутый полковникъ Бекетовъ пользовался великою милостью до такой степени, что со дня на день

ожидали, кто изъ двухъ фаворитовъ уступитъ другъ другу, т-е. онъ ли Ивану Шувалову, или Шуваловъ ему. Но, тѣмъ не менѣе. онъ очень скучалъ и отъ нечего дѣлать заставлялъ у себя пѣть, мальчиковъ-пѣвчихъ императрицы. Нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ особенно полюбилъ за ихъ прекрасный голосъ. Бекетовъ и другъ его Елагинъ были оба стихотворцы, и сочиняли для мальчиковъ пѣсни, которыя тѣ распѣвали. Этому дано было самое мерзкое истолкованіе. Всѣ знали, что императрица ни къ чему не чувствовала такого отвращенія, какъ къ порокамъ этого рода. Бекетовъ, въ невинности сердца, безпрестанно гулялъ съ пѣвчими по саду. Эти прогулки были ему вмѣнены въ преступленіе. Императрица на нѣсколько дней уѣхала въ Царское Село и потомъ возвратилась въ Петергофъ, а Бекетову приказано было оставаться тамъ подъ предлогомъ болѣзни. Онъ остался съ Елагинымъ, вынесъ горячку, отъ которой едва было не умеръ, въ бреду безпрестанно твердилъ объ императрицѣ, которая занимала всѣ его мысли, и наконецъ опять явился ко двору. Но милости больше уже не было; онъ долженъ былъ удалиться отъ двора, и потомъ переведенъ былъ въ армію, гдѣ не имѣлъ никакого успѣха. Его черезчуръ обабили, и онъ не могъ уже заниматься военнымъ ремесломъ.

Въ это время мы ѣздили въ Ораніенбаумъ, гдѣ ежедневно бывали на охотѣ. Къ осени, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, мы возвратились въ городъ. Императрица опредѣлила камеръюнкеромъ къ нашему двору Льва Нарышкина, который только что возвратился изъ Москвы съ матерью, женою брата и тремя сестрами. Это былъ человѣкъ самый странный, какого когда либо я знала. Никто не заставлялъ меня такъ смѣяться, какъ онъ. Это былъ шутъ до мозга костей, и если бы онъ не родился богатымъ, то могъ бы жить и наживать деньги своимъ необыкновеннымъ комическимъ талантомъ. Онъ былъ вовсе не глупъ, многому наслышался, но все слышанное чрезвычайно оригинально располагалось въ головѣ его. Онъ могъ распространяться въ разсужденіяхъ обо всякой наукѣ и обо всякомъ искусствѣ, какъ ему вздумается, употреблялъ техническіе термины, говорилъ непрерывно четверть часа и болѣе, но ни онъ самъ, ни его слушатели не понимали ни слова изъ его рѣчи, хотя она текла, какъ по маслу, и обыкновенно это оканчивалось тѣмъ, что все общество разражалось смѣхомъ. Такъ, напримѣръ, онъ говорилъ про исторію, что не любитъ исторію, въ которой есть исторіи, и что для того, чтобы исторія была хороша, надо, чтобы въ ней не было исторій, но что, впрочемъ, исторія произошла отъ Феба. Онъ также бывалъ неподражаемъ, когда принимался говорить о политикѣ: самые серьезные люди не могли удержаться отъ смѣха. Онъ говорилъ еще, что хорошо написанныя комедіи, большею частію, скучны. Вслѣдъ за его опредѣленіемъ ко двору императрица приказала старшей сестрѣ его выходить замужъ за нѣкоего Сенявина, ко-

торый по этому случаю также былъ опредѣленъ камеръюнкеромъ къ нашему двору. Приказъ этотъ поразилъ дѣвушку, но она должна была итти къ вѣнцу, хотя съ великимъ отвращеніемъ къ жениху своему. Въ публикѣ очень порицали этотъ бракъ и обвиняли въ немъ фаворита императрицы, господина Шувалова; онъ нѣкогда ухаживалъ за этой дѣвушкой, и теперь ее заставили нарочно сдѣлать дурную партію для того, чтобы онъ могъ потерять ее изъ виду. Это было своего рода преслѣдованіе, поистинѣ деспотическое. Нарышкина вышла замужъ, заболѣла чахоткой и умерла.

Въ исходѣ сентября мы перешли опять въ Зимній дворецъ. Дворецъ въ то время былъ такъ бѣдно меблированъ, что зеркала, постели, стулья, столы и комоды перевозились изъ Зимняго дворца въ Лѣтній, оттуда въ Петергофъ, и даже ѣздили съ нами въ Москву; при перевозкахъ, разумѣется, многое ломалось и билось, и потомъ безъ всякой починки ставилось на свои мѣста. Мебель сдѣлалась наконецъ почти никуда не годна; чтобы получить новую, надо было просить нарочнаго позволенія императрицы, добраться до которой, большею частью, было очень трудно или даже совсѣмъ невозможно, и потому я рѣшилась исподволь покупать на собственныя деньги комоды и другую необходимую мебель для моихъ комнатъ, какъ въ Зимнемъ дворцѣ, такъ и въ Лѣтнемъ; и, переѣзжая изъ одного мѣста въ другое, я находила свои комнаты совсѣмъ прибранными; при томъ же не было ни возни, ни ломки при перевозкѣ. Такое распоряженіе понравилось великому князю, и онъ то же сдѣлалъ для своихъ комнатъ. Въ принадлежавшемъ ему Ораніенбаумѣ, въ комнатахъ моихъ во дворцѣ, все нужное намъ было сдѣлано на собственный счетъ и на собственныя издержки. Я нарочно тратила свои деньги, чтобы избѣжать споровъ и возраженій; ибо его императорское высочество, хотя вовсе не жалѣлъ денегъ для собственнаго увеселенія, обыкновенно скупился, когда нужно бывало что нибудь сдѣлать для меня, и вообще не отличался особенной щедростью; но, такъ какъ я изъ собственнаго кошелька убирала свои комнаты, и это служило къ украшенію его же дворца, то онъ оставался совершенно доволенъ.

Въ теченіе этого лѣта Чоглокова очень привязалась ко мнѣ, и привязанность ея была до такой степени искренна, что она не хотѣла отходить отъ меня и скучала, когда мы не были вмѣстѣ. Главная причина этого заключалась въ томъ, что я вовсе не отвѣчала на привязанность, которую супругъ ея вздумалъ мнѣ оказывать. Это чрезвычайно возвысило меня въ ея глазахъ. Когда мы поселились въ Зимнемъ дворцѣ, Чоглокова почти каждый день послѣ обѣда присылала звать меня къ себѣ. У нея тоже бывало не многолюдно, но все-таки веселѣе, чѣмъ у меня въ комнатѣ, гдѣ обыкновенно я сидѣла одна одинехонька за книгою, если не являлся великій князь, принимавшійся шагать по комнатѣ и говорившій

со мною о предметахъ, которые имѣли цѣну въ глазахъ его, но для меня вовсе не были занимательны. Его прогулки по комнатѣ продолжались часъ либо два и повторялись нѣсколько разъ въ теченіе дня; надо было ходить съ нимъ вмѣстѣ до истощенія силъ; надо было слушать его внимательно и отвѣчать, между тѣмъ какъ онъ говорилъ, большею частью, сущую безсмыслицу и нерѣдко занимался просто игрою воображенія. Помню, что въ теченіе всей этой зимы онъ безпрестанно толковалъ о своемъ намѣреніи выстроить близъ Ораніенбаума увеселительный домъ на манеръ капуцинскаго монастыря; онъ, я и весь дворъ должны были ходить въ капуцинскомъ платьѣ, которое онъ находилъ восхитительнымъ и удобнымъ; у каждаго долженъ былъ быть свой осликъ для того, чтобы поочередно ѣздить за водою и привозить приказы въ такъ называемый монастырь. Онъ хохоталъ до упаду и восхищался заранѣе своимъ изобрѣтеніемъ, разсказывая, какъ будетъ пріятно и весело жить въ такомъ монастырѣ. Онъ заставилъ меня нарисовать ему карандашомъ планъ будущей постройки, и каждый день я должна была что нибудь прибавлять или уменьшать. При всей моей твердой рѣшимости угождать ему и быть съ нимъ терпѣливою, очень часто, признаюсь откровенно, его посѣщенія, прогулки и разговоры надоѣдали мнѣ до чрезвычайности. Все это было такъ безсмысленно, что я ничего подобнаго не видала въ жизнь мою. Когда онъ уходилъ, самая скучная книга казалась мнѣ пріятнымъ развлеченіемъ.

Въ концѣ осени снова начались при дворѣ публичные и придворные маскарады, съ тѣмъ же богатствомъ и изысканностью въ нарядахъ, какъ и прежде. Графъ Захаръ Чернышевъ возвратился въ Петербургъ. По старому знакомству я всегда ласково встрѣчала его и на этотъ разъ могла объяснять себѣ его любезности, какъ мнѣ было угодно. Онъ началъ съ того, что сказалъ мнѣ, что я очень похорошѣла; въ первой разъ въ жизнь мою мужчина говорилъ мнѣ подобнаго рода привѣтствіе. Оно мнѣ понравилось; мало того, я имѣла добродушіе повѣрить ему. На каждомъ балу—какое нибудь новое замѣчаніе въ этомъ родѣ. Однажды я получила отъ него девизъ черезъ княжну Гагарину и, вскрывая коробочку, замѣтила, что она раскрыта и расклеилась. Въ ней былъ, какъ и во всѣхъ, печатный билетикъ со стихами, но два стиха эти были очень нѣжнаго и чувствительнаго содержанія. Послѣ обѣда я приказала принести себѣ девизовъ и стала искать билетца, который бы, не выдавая меня, служилъ отвѣтомъ на его билетецъ. Нашедши такой, я положила его въ девизъ, имѣвшій видъ апельсина, и отдала княжнѣ Гагариной, чтобы она доставила его графу Чернышеву. На другой день она принесла отъ него еще девизъ, но на этотъ разъ на билетцѣ было написано нѣсколько строкъ его руки; я тотчасъ же отвѣчала, и вотъ между нами завязалась пра-

вильная, очень чувствительная переписка. Въ первый маскарадъ, танцуя со мною, онъ сказалъ, что у него пропасть, о чемъ нужно поговорить со мною, чего онъ не рѣшается повѣрить бумагѣ, тѣмъ болѣе, что княжна Гагарина можетъ сломать девизъ у себя въ карманѣ либо обронить дорогою. Онъ просилъ, чтобы я назначила ему минуту аудіенціи у себя въ комнатѣ, или гдѣ я найду удобнымъ. Я отвѣчала, что это рѣшительно не возможно, что комнаты мои недоступны, и сама я не могу изъ нихъ выйти. Онъ замѣтилъ, что готовъ, если нужно, переодѣться лакеемъ, но я начисто отказала, такъ что все ограничилось лишь этою перепискою черезъ девизы. Княжна Гагарина наконецъ замѣтила, въ чемъ дѣло, бранила меня, что я дѣлаю ее посредницею, и больше не соглашалась переносить девизы.

Такъ кончился 1751 г. и начался 1752 г. Въ исходѣ масленицы графъ Чернышевъ уѣхалъ въ полкъ. За нѣсколько дней передъ его отъѣздомъ я пускала себѣ кровь. Это была суббота. Въ слѣдующую среду Чоглоковъ пригласилъ насъ къ себѣ на островъ, на устье Невы. Тамъ у него былъ домъ, состоявшій изъ залы посерединѣ и нѣсколькихъ комнатъ съ боку; недалеко отъ дома онъ устроилъ катальную гору. Пріѣхавши туда, я встрѣтила графа Романа Воронцова, который, какъ только увидалъ меня, сказалъ: я буду катать васъ, у меня для этого сдѣланы прекрасныя маленькія санки. Онъ часто каталъ меня прежде, и потому я приняла его предложеніе. Тотчасъ онъ приказалъ принести санки, въ которыхъ было устроено что-то въ родѣ маленькаго кресла. Я сѣла, онъ сталъ позади, и мы начали спускаться; но на половинѣ склона графъ Воронцовъ не могъ удержать саней, и мы опрокинулись. Я упала, а графъ Воронцовъ, весьма полновѣсный и неуклюжій, упалъ на меня, или, лучше сказать, на лѣвую мою руку, изъ которой дня четыре или дней пять тому назадъ была пущена кровь. Я поднялась, онъ также, и мы пошли пѣшкомъ къ придворнымъ санямъ, которыя ждали спускавшихся съ горы и взвозили опять на гору, если кто хотѣлъ еще кататься. Я сѣла въ эти сани съ княжною Гагариною, которая была со мною, и графомъ Иваномъ Чернышевымъ (графъ Воронцовъ сталъ на запятки) и ѣдучи почувствовала, что въ лѣвой рукѣ начинается какой-то странный жаръ, причину котораго я не могла себѣ объяснить. Чтобы узнать, въ чемъ дѣло, я просунула правую руку въ рукавъ шубы и вынула ее всю въ крови. Я сказала обоимъ графамъ и княжнѣ, что у меня открылась жила, и что изъ нея течетъ кровь. Они велѣли санямъ ѣхать скорѣе, и вмѣсто катальной горы мы повернули въ домъ. Тамъ никого не было, кромѣ человѣка, накрывавшаго на столъ. Какъ скоро я скинула шубу, онъ далъ намъ уксусу, и графъ Чернышевъ принялся исправлять должность хирурга. Мы уговорились не сказывать никому ни слова объ этомъ происшествіи. Перевя-

завши руку, я возвратилась на катальную гору, остальной вечеръ танцовала, ужинала, и мы пріѣхали домой очень поздно. Никто не подозрѣвалъ, что со мною случилось; около мѣсяца у меня не наростала кожа, но это понемногу прошло.

II.

Постомъ у меня была сильная перебранка съ Чоглоковой, и вотъ по какому случаю. Матушка моя съ нѣкотораго времени жила въ Парижѣ. Возвратившійся оттуда старшій сынъ генерала Ивана Ѳедоровича Глѣбова привезъ мнѣ отъ матушки двѣ штуки очень богатыхъ и прекрасныхъ матерій. Я велѣла Шкурину у себя въ уборной разложить ихъ и, любуясь ими, сказала про себя, что матеріи эти очень хороши, и что мнѣ даже думается поднести ихъ въ подарокъ ея величеству. Дѣйствительно я выжидала минуту предложить ихъ императрицѣ, которую я видала очень рѣдко, и то, большею частью, въ публикѣ. Но я ни слова о томъ не говорила съ Чоглоковой, предоставляя себѣ сдѣлать этотъ подарокъ лично, и приказала Шкурину, чтобъ онъ рѣшительно никому не говорилъ о томъ, что у меня сорвалось съ языка въ его присутствіи. Вмѣсто того онъ не замедлилъ тотчасъ же отправиться къ Чоглоковой и разсказалъ ей все, что отъ меня слышалъ. Черезъ нѣсколько дней, въ одно прекрасное утро, Чоглокова пришла ко мнѣ въ комнату съ объявленіемъ, что императрица приказала поблагодарить меня за матеріи, что одну она оставляетъ у себя, а другую посылаетъ мнѣ назадъ. Услыхавъ это, я едва могла опомниться отъ удивленія. Какъ такъ?—спросила я. Тогда Чоглокова сказала, что она относила мои матеріи къ императрицѣ, узнавши, что я назначила ихъ для ея величества. Это меня до чрезвычайности разсердило, и я не помню, чтобы я когда нибудь была такъ раздражена. Я почти не могла говорить и только бормотала. Однако я сказала Чоглоковой, что я, какъ праздника, дожидалась минуты, чтобы поднести эти матеріи императрицѣ, и что она лишила меня этого удовольствія, унеся ихъ безъ моего вѣдома и представивъ ея величеству; что она не могла знать моихъ намѣреній, потому что я никогда не говорила съ нею о томъ, и что она узнала ихъ черезъ измѣнника лакея, который выдалъ госпожу свою, ежедневно осыпающую его благодѣяніями. Чоглокова, любившая всегда стоять на своемъ, возражала, что я не могла ни о чемъ прямо говорить съ императрицею, что она сама сообщила мнѣ это распоряженіе ея величества, что слуги мои обязаны были передать ей все, что я говорила, что слѣдовательно Шкуринъ исполнилъ только долгъ свой, точно такъ же, какъ и она, отнесши матеріи, которыя я назначала императрицѣ, безъ моего вѣдома къ ея величеству, и что все это очень естественно. Я не прерывала ея, потому что не могла говорить отъ

раздраженія. Наконецъ она ушла. Тогда я вышла въ маленькую прихожую, гдѣ обыкновенно по утрамъ сидѣлъ Шкуринъ, и гдѣ были мои платья, и сколько было у меня силы, дала ему пощечину во всю щеку. Я сказала ему, что онъ поступилъ, какъ измѣнникъ и самый неблагодарный человѣкъ въ свѣтѣ, осмѣлившись пересказать Чоглоковой, о чемъ я ему запрещала говорить, что я осыпала его благодѣяніями, а онъ выдалъ меня и не задумался донести даже о такихъ невинныхъ словахъ, что съ этого дня онъ ничего больше не получитъ отъ меня, что я его прогоню и прикажу отодрать. Чего ты ждешь отъ своихъ переносовъ?—говорила я ему:—я останусь все та же, а Чоглоковы, нетерпимые и ненавидимые всѣми, когда нибудь да будутъ прогнаны императрицею, которая рано или поздно узнаетъ, до какой степени они глупы и неспособны къ исполненію должности, доставшейся имъ, благодаря интригамъ злого человѣка. Если хочешь, ступай сейчасъ и донеси обо всемъ, что я тебѣ сказала; мнѣ изъ того навѣрное ничего не выйдетъ, а съ тобою—увидишь, что будетъ. Мой Шкуринъ упалъ къ ногамъ моимъ и, обливаясь горькими слезами, просилъ прощенія. Его раскаяніе показалось мнѣ искреннимъ. Мнѣ стало его жаль, и я отвѣчала ему, что посмотрю, какъ онъ будетъ вести себя, и что отъ его поведенія будетъ зависить мое обращеніе съ нимъ. Онъ былъ толковый малый и не безъ ума. Онъ никогда больше не обманывалъ меня, напротивъ я имѣла случаи убѣдиться въ его усердіи и искренней вѣрности въ самыя трудныя для меня времена. Дѣло съ матеріями я нарочно разсказывала всѣмъ, кому могла, для того, чтобы императрица узнала, какую штуку сыграла со мною Чоглокова. При свиданіи ея величество благодарила меня за мои матеріи, и я знаю черезъ третьи руки, что она не одобряла поступка Чоглоковой. Тѣмъ это и кончилось.

Послѣ Святой мы пріѣхали въ Лѣтній дворецъ. Еще прежде я стала замѣчать, что камергеръ Сергѣй Салтыковъ что-то чаще обыкновеннаго пріѣзжаетъ ко двору. Его всегда можно было встрѣтить съ Львомъ Нарышкинымъ, всѣхъ забавлявшимъ своими странностямм, о которыхъ я выше говорила подробно. Княжна Гагарина, которую я очень любила и къ которой даже имѣла довѣренность, терпѣть не могла Сергѣя Салтыкова. Левъ Нарышкинъ слылъ просто чудакомъ, и ему не придавали никакого значенія. Сергѣй Салтыковъ всячески вкрадывался въ довѣренность къ Чоглоковымъ, и какъ сіи послѣдніе вовсе не были ни умны, ни любезны, ни занимательны, то можно было навѣрное сказать, что онъ дружится съ ними изъ какихъ нибудь скрытныхъ видовъ. Чоглокова, въ то время беременная, часто бывала нездорова; она увѣряла, что моя бесѣда такъ же дорога для нея лѣтомъ, какъ и зимою, и часто присылала звать къ себѣ. Когда у великаго князя не было концерта или при дворѣ комедіи, къ ней обыкновенно собирались С. Салтыковъ, Левъ

Нарышкинъ, княжна Гагарина и еще нѣсколько человѣкъ. Концерты надоѣдали Чоглокову, однако онъ не пропускалъ ихъ. Сергѣй Салтыковъ изобрѣлъ оригинальное средство занимать его. Не знаю, какимъ образомъ въ этомъ тучномъ человѣкѣ, въ которомъ было всего меньше ума и воображенія, Салтыкову удалось возбудить страсть къ стихотворству. Чоглоковъ сталъ безпрестанно сочинять пѣсни, разумѣется, лишенныя человѣческаго смысла. Какъ только нужно бывало отдѣлаться отъ него, тотчасъ къ нему обращались съ просьбою написать новую пѣсенку: онъ съ большою готовностью соглашался, усаживался въ какой нибудь уголъ, большею частью къ печкѣ, и принимался за сочиненіе, продолжавшееся цѣлый вечеръ: пѣсня оказывалась восхитительною, сочинитель приходилъ въ восторгъ и принималъ приглашеніе написать еще новую. Левъ Нарышкинъ клалъ пѣсни на музыку и распѣвалъ ихъ съ нимъ; а между тѣмъ у насъ шелъ непринужденный разговоръ, и можно было говорить все, что хочешь. У меня была толстая книга этихъ пѣсенъ; не знаю, куда она дѣвалась. Въ одинъ изъ такихъ концертовъ С. Салтыковъ далъ мнѣ понять, какая была причина его частыхъ появленій при дворѣ. Сначала я ему не отвѣчала. Когда онъ въ другой разъ заговорилъ о томъ же предметѣ, я спросила, къ чему это поведетъ. Въ отвѣтъ на это онъ плѣнительными и страстными чертами началъ изображать мнѣ счастіе, котораго онъ добивается. Я сказала ему: но у васъ есть жена, на которой вы всего два года женились по страсти; про васъ обоихъ говорятъ, что вы до безумія любите другъ друга. Что она скажетъ объ этомъ? Тогда онъ началъ говорить, что не все золото, что блеститъ, и что онъ дорого заплатилъ за минуту ослѣпленія. Я употребляла всевозможныя средства, чтобы выгнать изъ головы его эти мысли, и добродушно воображала, что я успѣла. Мнѣ было жаль его; по несчастію, я не переставала его слушать. Онъ былъ прекрасенъ, какъ день, и, безъ сомнѣнія, никто не могъ съ нимъ равняться и при большомъ дворѣ, тѣмъ менѣе при нашемъ. Онъ былъ довольно уменъ и владѣлъ искусствомъ обращенія и тою хитрою ловкостью, которая пріобрѣтается жизнью въ большомъ свѣтѣ, и особенно при дворѣ; ему было 26 лѣтъ, и со всѣхъ сторонъ—и по рожденію, и по многимъ другимъ отношеніямъ онъ былъ лицо замѣчательное. Недостатки свои онъ умѣлъ скрывать; главнѣйшіе заключались въ наклонности къ интригамъ и въ томъ, что онъ не держался никакихъ положительныхъ правилъ. Но все это было скрыто отъ меня. Весну и часть лѣта я была совсѣмъ беззаботна, я видала его почти ежедневно и не мѣняла моего обращенія; я была съ нимъ, какъ и со всѣми, видаясь не иначе, какъ въ присутствіи двора или вообще при постороннихъ. Однажды, чтобы отвязаться отъ него, я вздумала сказать, что онъ дѣйствуетъ неловко; почемъ вы знаете,—прибавила я,—можетъ быть, мое сердце уже занято? Но

это нисколько не подѣйствовало; напротивъ его преслѣдованіе сдѣлалось еще неутомимѣе. О любезномъ супругѣ тутъ не было и помину, потому что всякій зналъ, какъ онъ пріятенъ даже и тѣмъ лицамъ, въ кого бывалъ влюбленъ; а влюблялся онъ безпрестанно и волочился, можно сказать, за всѣми женщинами, исключеніе составляла и не пользовалось вниманіемъ его только одна женщина—его супруга.

Около этого времени Чоглоковъ пригласилъ насъ поохотиться у него на острову. Мы выслали напередъ лошадей, а сами отправились въ шлюпкѣ. Вышедши на берегъ, я тотчасъ же сѣла на лошадь, и мы погнались за собаками. С. Салтыковъ выждалъ минуту, когда всѣ были заняты преслѣдованіемъ зайцевъ, подъѣхалъ ко мнѣ и завелъ рѣчь о своемъ любимомъ предметѣ. Я слушала его внимательнѣе обыкновеннаго. Онъ разсказывалъ, какія средства придуманы имъ для того, чтобы содержать въ глубочайшей тайнѣ то счастіе, которымъ можно наслаждаться въ подобномъ случаѣ. Я не говорила ни слова; пользуясь моимъ молчаніемъ, онъ сталъ убѣждать меня въ томъ, что страстно любитъ меня, и просилъ, чтобы я ему позволила быть увѣреннымъ, что я, по крайней мѣрѣ, не вполнѣ равнодушна къ нему. Я отвѣчала, что не могу мѣшать ему наслаждаться воображеніемъ, сколько ему угодно. Наконецъ онъ сталъ дѣлать сравненія съ другими придворными и заставилъ меня согласиться, что онъ лучше ихъ; отсюда онъ заключалъ, что я къ нему не равнодушна. Я смѣялась этому, но въ сущности онъ дѣйствительно очень нравился мнѣ. Прошло около полутора часа, и я стала говорить ему, чтобы онъ ѣхалъ отъ меня, потому что такой продолжительный разговоръ можетъ возбудить подозрѣнія. Онъ отвѣчалъ, что не уѣдетъ до тѣхъ поръ, пока я скажу, что не равнодушна къ нему.—Да, да,—сказала я,—но только убирайтесь.—Хорошо, я буду это помнить,—отвѣчалъ онъ, и погналъ впередъ лошадь, а я закричала ему вслѣдъ: нѣтъ, нѣтъ. Онъ кричалъ въ свою очередь: да, да, и такъ мы разъѣхались. По возвращеніи въ домъ, бывшій на острову, мы сѣли ужинать. Во время ужина поднялся сильный морской вѣтеръ; волны были такъ велики, что заливали ступеньки лѣстницы, находившейся у дома, и островъ на нѣсколько футовъ стоялъ въ водѣ. Намъ пришлось оставаться въ домѣ у Чоглоковыхъ до двухъ или до трехъ часовъ утра, пока погода прошла, и волны спали. Въ это время С. Салтыковъ сказалъ мнѣ, что само небо благопріятствуетъ ему въ этотъ день, дозволяя больше наслаждаться пребываніемъ вмѣстѣ со мною, и тому подобныя увѣренія. Онъ уже считалъ себя очень счастливымъ, но у меня на душѣ было совсѣмъ иначе: тысячи опасеній возмущали меня; я была въ самомъ дурномъ нравѣ въ этотъ день и вовсе не довольна собою. Я воображала прежде, что можно будетъ управлять имъ и держать въ извѣстныхъ предѣ-

лахъ, какъ его, такъ и самое себя, и тутъ поняла, что то и другое очень трудно, или даже совсѣмъ невозможно.

Дня два спустя, С. Салтыковъ сказалъ мнѣ, что великій князь говорилъ у себя въ комнатѣ: Салтыковъ и жена моя обманываютъ Чоглокова, увѣряютъ его, въ чемъ имъ угодно, и потомъ смѣются надъ нимъ. Это передалъ Салтыкову одинъ изъ камердинеровъ его величества, Брессанъ, родомъ французъ. По правдѣ сказать, это отчасти было дѣйствительно такъ, и великій князь замѣтилъ это. Я совѣтовала Салтыкову быть впередъ осмотрительнѣе. Черезъ нѣсколько дней послѣ того у меня страшно разболѣлось горло, и сдѣлалась сильная лихорадка, такъ что я не выходила слишкомъ три недѣли. Въ продолженіе этой болѣзни императрица присылала ко мнѣ княжну Куракину, выходившую замужъ за князя Лобанова: я должна была убрать ей голову. Для этого ее посадили въ придворномъ платьѣ, съ огромными фижмами, ко мнѣ на постель. Я убирала, какъ могла; но Чоглокова замѣтила, что мнѣ это очень трудно, свела ее съ моей постели и сама окончила уборку. Съ тѣхъ поръ я никогда больше не встрѣчала этой дамы.

Великій князь въ то время былъ влюбленъ въ дѣвицу Мареу Исаевну Шафирову, которая вмѣстѣ съ старшею сестрою своею, Анною Исаевною, была недавно опредѣлена ко мнѣ, по приказанію императрицы. С. Салтыковъ умѣлъ вести интригу, словно бѣсъ: онъ сдружился съ этими дѣвушками для того, чтобы развѣдывать черезъ нихъ, что великій князь говоритъ о немъ съ ними, и потомъ употреблять полученныя свѣдѣнія въ свою пользу. Дѣвушки эти были бѣдны, довольно глупы и очень интересливы; дѣйствительно, въ самое короткое время онѣ обо всемъ стали разсказывать Салтыкову.

Между тѣмъ, мы переѣхали въ Ораніенбаумъ, гдѣ попрежнему я каждый день каталась верхомъ и только по воскресеньямъ скидала мужское платье. Чоглоковъ и жена его сдѣлались кротки, какъ агнцы. Въ глазахъ Чоглоковой я получила новое достоинство: я любила и ласкала одного изъ дѣтей ея, бывшаго съ нею въ Ораніенбаумѣ, шила ему наряды и куклы и дарила разныя бездѣлушки. Все это восхищало матушку, которая была безъ ума отъ своего дитяти, сдѣлавшагося впослѣдствіи такимъ негодяемъ, что его по судебному приговору за разныя мерзости посадили на 15 лѣтъ въ крѣпость. С. Салтыковъ сталъ другомъ, совѣтникомъ, ближайшимъ лицомъ Чоглоковыхъ. Но человѣку съ здравымъ смысломъ, безъ какой нибудь особенной выгоды, невозможно было взвалить на себя такую тяжелую обязанность, какъ съ утра до вечера слушать разсужденія двухъ дураковъ, эгоистовъ, гордыхъ и притязательныхъ. Стали подозрѣвать и догадываться, изъ-за чего онъ съ ними возится. Слухи дошли до Петергофа и до самой императрицы. Надо сказать, что въ то время почти всякій разъ, когда

ея величество хотѣла побраниться, то начинала бранить не за то, за что бы можно, а выбирала какой нибудь совершенно неожиданный предлогъ, и напускалась. Это было замѣчено придворными, и именно Захаромъ Чернышевымъ, отъ котораго я сама слышала объ этомъ наблюденіи. Въ Ораніенбаумѣ весь нашъ дворъ, какъ мужчины, такъ и женщины, сговорились въ это лѣто носить одинаковое платье, сверху сѣраго цвѣта, остальное синее, и съ бархатнымъ черным воротникомъ, безъ всякихъ украшеній. Такое однообразіе было для насъ во многихъ отношеніяхъ удобно. Къ этому-то платью придрались теперь; мнѣ же въ частности было поставлено въ вину, зачѣмъ я постоянно хожу въ верховомъ платьѣ, и зачѣмъ ѣздила въ Петергофѣ по-мужски. Въ одинъ изъ куртаговъ императрица сказала Чоглоковой, что отъ такой ѣзды у меня нѣтъ дѣтей, и что нарядъ мой вовсе неприличенъ, что когда она ѣзжала на лошади, то мѣняла платье. Чоглокова отвѣчала, что относительно дѣтей тутъ нѣтъ вины, что дѣти не могутъ родиться безъ причины, и что хотя ихъ императорскія высочества уже съ 1745 г. живутъ вмѣстѣ, но причины до сихъ поръ не было. Тогда ея величество стала бранить Чоглокову и сказала, что она взыщетъ съ нея, зачѣмъ она не позаботилась напоминать объ этомъ предметѣ обоимъ дѣйствующимъ лицамъ, и вообще императрица была очень гнѣвна, называла мужа Чоглоковой ночнымъ колпакомъ и говорила, что онъ позволяетъ собою распоряжаться соплякамъ. Не прошло сутокъ, какъ все это было пересказано довѣреннымъ лицамъ; по поводу выраженія «сопляки», сопляки утерлись и держали между собою тайный совѣтъ, на которомъ было положено, чтобы точнѣйшимъ образомъ была исполнена воля ея величества, чтобы Сергѣй Салтыковъ и Левъ Нарышкинъ притворились, будто получили строгій нагоняй отъ Чоглокова (тотъ, по всему вѣроятію, даже и не зналъ объ этомъ), и чтобы они оба, для прекращенія ходившихъ слуховъ, недѣли на три или на мѣсяцъ удалились къ своимъ родственникамъ, съ цѣлью будто бы навѣстить ихъ во время болѣзни. Такъ и было сдѣлано; и на другой же день Салтыковъ съ Нарышкинымъ отправились въ изгнаніе къ своимъ семьямъ, на цѣлый мѣсяцъ. Что касается до меня, я тотчасъ же перемѣнила нарядъ свой, тѣмъ болѣе, что онъ уже сдѣлался безполезенъ. Мы придумали этотъ однообразный нарядъ по примѣру того, который носился въ Петергофѣ на куртагахъ: тотъ былъ сверху изъ бѣлой матеріи, остальное зеленаго цвѣта, и все окаймлено серебряными галунами. С. Салтыковъ, который былъ брюнетъ, говаривалъ, что въ этомъ бѣломъ съ серебромъ костюмѣ онъ похожъ на муху въ молокѣ. Впрочемъ я не переставала попрежнему ходить къ Чоглоковымъ, хотя это сдѣлалось мнѣ еще скучнѣе. Мужъ и жена горевали объ отсутствіи двухъ главныхъ героевъ изъ общества; я тоже, разумѣется, поддакивала имъ. Сергѣй Салтыковъ заболѣлъ,

что̀ продолжило его отсутствіе. Въ это время императрица приказала намъ пріѣхать къ ней изъ Ораніенбаума въ Кронштадтъ, куда она отправилась на открытіе канала, начатаго Петромъ I и тогда оконченнаго. Она пріѣхала въ Кронштадтъ раньше насъ. Въ слѣдующую ночь по ея прибытіи поднялась сильная буря, и императрица, пославши звать насъ, стала бояться, что буря застигнетъ насъ на морѣ. Всю ночь она очень безпокоилась о насъ, глядѣла въ окно на лодку, которая боролась съ волнами, и воображала, что это наша яхта. Въ тревогѣ своей она прибѣгла къ мощамъ, которыя всегда были съ нею въ спальнѣ, подносила ихъ къ окну и дѣлала ими движеніе въ сторону, противоположную той, гдѣ видна была обуреваемая моремъ лодка. Она нѣсколько разъ вскрикивала, говорила, что мы навѣрно потонемъ, и что это будетъ ея вина, потому что она недавно посылала намъ выговоръ, зачѣмъ мы не скоро ѣдемъ, и что, вѣроятно, мы, желая сдѣлать ей угодное, поторопились и тотчасъ поѣхали, какъ готова была яхта. На самомъ дѣлѣ яхта пріѣхала въ Ораніенбаумъ уже послѣ бури, такъ что мы сѣли въ нее не раньше, какъ на другой день послѣ обѣда. Въ Кронштадтѣ мы оставались трое сутокъ и присутствовали при освященіи канала, которое совершено было съ великимъ торжествомъ: въ первый разъ каналъ наполнился водою. Послѣ обѣда былъ большой балъ; императрица хотѣла остаться въ Кронштадтѣ, чтобы посмотрѣть, какъ будутъ спускать воду изъ канала, но спуска не было, и на третій день она уѣхала. Канала не могли спустить съ тѣхъ самыхъ поръ до моего царствованія, когда я приказала построить особаго рода мельницу, которая посредствомъ нагрѣванія выбираетъ воду изъ канала; иначе это было невозможно, потому что дно канала стоитъ ниже моря, чего въ то время не замѣчали.

Изъ Кронштадта мы разъѣхались по домамъ: императрица въ Петергофъ, мы въ Ораніенбаумъ. Чоглоковъ попросился и получилъ позволеніе съѣздить на мѣсяцъ въ одну изъ деревень своихъ. Когда онъ уѣхалъ, супруга его начала очень хлопотать, чтобы буквально исполнить приказаніе императрицы. Прежде всего она вступила въ продолжительные переговоры съ камердинеромъ великаго князя Брессаномъ. Сей послѣдній отыскалъ въ Ораніенбаумѣ хорошенькую вдову одного живописца, по фамиліи мадамъ Гротъ; ее въ нѣсколько дней уговорили, обѣщали ей что-то, потомъ объяснили, чего именно отъ нея требуется, и какъ она должна дѣйствовать. Потомъ Брессану было поручено познакомить его императорское высочество съ этою молодою и хорошенькою вдовушкою. Я замѣчала, что Чоглокова чѣмъ-то очень занята, но не могла догадаться причины, пока наконецъ Салтыковъ возвратился изъ своего произвольнаго изгнанія и мало-по-малу объяснилъ мнѣ, въ чемъ дѣло. Наконецъ послѣ многихъ трудовъ Чоглокова до-

стигла своей цѣли, и, увѣрившись, доложила императрицѣ, что все идетъ согласно ея волѣ. Она ждала большой награды за труды свои, но обманулась на этотъ счетъ, потому что ей ничего не дали. Тѣмъ не менѣе она говорила, что оказала услугу имперіи. Непосредственно за тѣмъ мы возвратились въ городъ.

Въ это время я убѣдила великаго князя прервать переговоры съ Даніею. Я напоминала ему совѣты графа Берниса (который въ то время уже уѣхалъ въ Вѣну); онъ послушался и приказалъ прекратить негоціацію безъ всякаго рѣшенія, что̀ и было исполнено. Поживши недолго въ Лѣтнемъ дворцѣ, мы переселились въ Зимній. Мнѣ казалось, что С. Салтыковъ сталъ не такъ предупредителенъ, какъ прежде, сдѣлался разсѣянъ, иногда совсѣмъ пустъ, взыскателенъ и легковѣренъ. Это меня сердило, и я сказала ему о томъ. Его оправданія были не очень сильны; онъ увѣрялъ, что я не постигаю всей ловкости его поведенія; онъ былъ въ этомъ правъ, потому что дѣйствительно я находила его поведеніе довольно страннымъ. Намъ велѣно было готовиться къ поѣздкѣ въ Москву, чѣмъ мы и занялись. Мы выѣхали изъ Петербурга 14 декабря 1752 г. Сергѣй Салтыковъ остался и пріѣхалъ въ Москву нѣсколько недѣль послѣ насъ. Я выѣхала въ дорогу съ легкими признаками беременности. Мы ѣхали очень скоро день и ночь. На послѣдней станціи передъ Москвою признаки беременности прошли съ сильною рѣзью въ животѣ. По пріѣздѣ въ Москву, судя по тому, какой оборотъ принимали обстоятельства, я не сомнѣвалась, что легко могу выкинуть. Чоглокова оставалась въ Петербургѣ родить послѣдняго седьмого ребенка своего. Разрѣшившись дочерью, она пріѣхала къ намъ въ Москву.

Насъ помѣстили въ деревянномъ флигелѣ, только что выстроенномъ прошедшею осенью: вода текла по стѣнамъ, и всѣ комнаты были чрезвычайно сыры. Въ этомъ флигелѣ было два ряда большихъ комнатъ, по 5 или по 6 въ каждомъ ряду; выходившія на улицу занимала я, а противоположныя—великій князь. Въ той комнатѣ, которая должна была служить мнѣ уборною, помѣстили моихъ дѣвушекъ и камерфрау съ ихъ служанками. Такимъ образомъ 17 человѣкъ должны были жить въ одной комнатѣ, въ которой, правда, было три большихъ окна, но изъ которой не было другого выхода, какъ чрезъ мою спальню, и женщины за всякою нуждою проходили мимо меня, что̀ вовсе не было удобно ни для нихъ, ни для меня. Я никогда не видала такого нелѣпаго расположенія комнатъ; но мы обязаны были терпѣть эти неудобства. Вдобавокъ онѣ обѣдали въ одной изъ моихъ переднихъ комнатъ. Я пріѣхала въ Москву больная, и, чтобы какъ нибудь устроиться получше, велѣла достать большія ширмы и раздѣлила спальню свою натрое; но отъ этого почти не было никакой пользы, потому что двери безпрерывно растворялись и затворялись, а этого избѣжать

было не возможно. Наконецъ, на десятый день меня навѣстила императрица. Замѣтивъ безпрестанную бѣготню, она вышла въ другую комнату и сказала моимъ женщинамъ: я прикажу сдѣлать другой выходъ, чтобы вы перестали таскаться черезъ спальню великой княгини. Но что же она сдѣлала? Приказала прорубить наружную стѣну, и такимъ образомъ уничтожила одно изъ оконъ этой комнаты, гдѣ и безъ того 17 человѣкъ съ трудомъ помѣщались. Въ комнатѣ устроился коридоръ, окно, выходившее на улицу, обратилось въ дверь, къ которой придѣлали лѣстницу, и женщины мои должны были ходить улицею. Подъ ихъ окнами устроили для нихъ отхожія мѣста; обѣдать онѣ опять должны были итти улицею. Однимъ словомъ распоряженіе это было никуда негодно, такъ что я не понимаю, какъ эти 17 женщинъ, изъ которыхъ иныя были нездоровы, могли жить въ такой тѣснотѣ и не занемогли гнилою горячкою, и все это возлѣ самой моей спальни. Ко мнѣ набиралось оттуда столько всякаго рода насѣкомыхъ, что я бывало не могла уснуть отъ нихъ. Наконецъ, Чоглокова оправилась отъ родовъ и пріѣхала въ Москву. Черезъ нѣсколько дней послѣ нея явился и С. Салтыковъ. Вслѣдствіе огромности Москвы всѣ жили въ ней какъ-то вразброску, далеко другъ отъ друга, и Салтыковъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы оправдать имъ свое притворное или дѣйствительное отчужденіе отъ двора. Сказать правду, меня очень огорчало, что онъ рѣдко пріѣзжалъ къ намъ; но онъ умѣлъ представлять такіе основательные и разумные доводы, что, повидавшись и поговоривши съ нимъ, я переставала тревожиться. Съ цѣлью уменьшить число враговъ его, мы уговорились, чтобы я сказала нѣсколько любезностей графу Бестужеву и тѣмъ увѣрила его, что я не такъ чуждаюсь его, какъ прежде. Посредникомъ въ этомъ дѣлѣ я выбрала нѣкоего Бремзе, служившаго у Пехлина въ Голштинской канцеляріи. Когда онъ не бывалъ при дворѣ, то часто ходилъ въ домъ къ великому канцлеру. Онъ съ большою готовностью взялся за мое порученіе и увѣдомилъ меня, что графъ Бестужевъ обрадовался всѣмъ сердцемъ и сказалъ, что готовъ быть мнѣ полезенъ, и что я могу располагать имъ всякій разъ, какъ то будетъ нужно мнѣ. Онъ просилъ, чтобъ я назначила, какимъ путемъ мы можемъ безопасно сообщать другъ другу то, что найдемъ нужнымъ. Я поняла намекъ его и отвѣчала Бремзе, что подумаю. Когда я пересказала о томъ С. Салтыкову, тотчасъ рѣшено было, что онъ отправится къ канцлеру, какъ будто сдѣлать ему визитъ по случаю недавняго пріѣзда своего въ Москву. Старикъ принялъ его чудесно, отвелъ въ сторону, говорилъ о жизни нашего двора, о глупости Чоглоковыхъ и между прочимъ сказалъ: «Хотя вы очень съ ними близки, но я знаю, что вы одного со мною мнѣнія объ нихъ, потому что вы—умный молодой человѣкъ». Потомъ онъ говорилъ обо мнѣ и о моемъ положеніи, какъ будто

жилъ у меня въ комнатѣ, и затѣмъ сказалъ: «Въ благодарность за доброе расположеніе, которое великая княгиня изволитъ мнѣ оказывать, я хочу сдѣлать ей небольшую услугу, и думаю, что она останется довольна. Владиславова сдѣлается кротка, какъ агнецъ, и будетъ готова на всѣ услуги; пусть великая княгиня увидитъ, что я вовсе не такой звѣрь, какимъ меня представляли ей». С. Салтыковъ возвратился въ восторгѣ отъ графа Бестужева и отъ своей поѣздки къ нему. Бестужевъ далъ и ему нѣсколько совѣтовъ, столько же благоразумныхъ, какъ полезныхъ. Все это, совершенно безъ вѣдома постороннихъ лицъ, сблизило насъ съ нимъ. Между тѣмъ Чоглокова, попрежнему занятая своими попеченіями о престолонаслѣдіи, однажды отвела меня въ сторону и сказала: «Послушайте, я должна поговорить съ вами откровенно». Я, разумѣется, стала слушать во всѣ уши. Сначала, по обыкновенію, она долго разсуждала о своей привязанности къ мужу, о своемъ благоразуміи, о томъ, что нужно и что не нужно для взаимной любви и для облегченія супружескихъ узъ; затѣмъ стала дѣлать уступки и сказала, что иногда бываютъ положенія, въ которыхъ интересы высшей важности обязываютъ къ исключеніямъ изъ правила. Я слушала и не прерывала ея, не понимая, къ чему все это ведетъ. Я была нѣсколько удивлена ея рѣчью и не знала, искренно ли говоритъ она, или только ставитъ мнѣ ловушку. Между тѣмъ, какъ я мысленно колебалась, она сказала мнѣ: «вы увидите, какъ я чистосердечна, и люблю ли я мое отечество; не можетъ быть, чтобы кое-кто вамъ не нравился; предоставляю вамъ на выборъ С. Салтыкова и Льва Нарышкина; если не ошибаюсь, вы отдадите преимущество послѣднему».—«Нѣтъ, вовсе нѣтъ!»—закричала я.—«Ну, если не онъ,—сказала она,—такъ, навѣрное С. Салтыковъ». На это я не возразила ни слова, и она продолжала говорить: «вы увидите, что отъ меня вамъ не будетъ помѣхи». Я притворилась невинною, и она нѣсколько разъ бранила меня за это какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, куда мы отправились послѣ Святой.

Въ то время или около того императрица подарила великому князю село Люберцы и нѣсколько другихъ деревень верстахъ въ 14 или 15 отъ Москвы. Но прежде чѣмъ мы поѣхали въ эти новыя владѣнія его императорскаго высочества, императрица отпраздновала въ Москвѣ годовщину своего коронованія. Это было 25 апрѣля. Намъ объявили, что она приказала, чтобы церемоніалъ торжества былъ точно такой же, какому слѣдовали въ самый день коронованія. Намъ было очень любопытно посмотрѣть на все это. Наканунѣ императрица переѣхала въ Кремль и тамъ ночевала. Мы оставались въ Слободскомъ деревянномъ дворцѣ и получили приказаніе пріѣхать къ обѣднѣ въ соборъ. Въ 9 часовъ утра, въ парадныхъ экипажахъ мы двинулись изъ нашего дворца; впереди шли лакеи; до Кремля было 7. верстъ; шагомъ мы проѣхали всю Москву

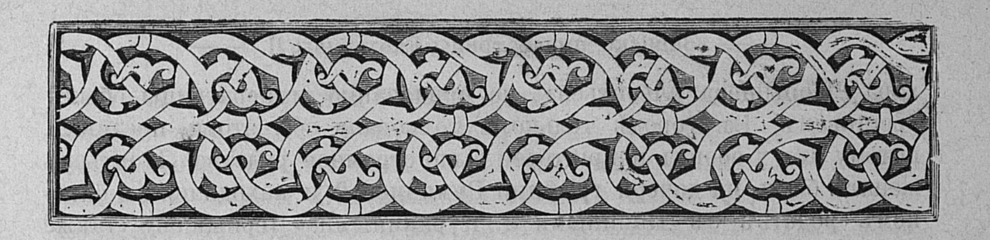
и вышли изъ экипажей у самой церкви. Черезъ нѣсколько минутъ явилась съ свитою своею императрица; на головѣ у нея была малая корона, и камергеры по обычаю поддерживали сзади императорскую мантію. Она стала на обычное мѣсто свое въ церкви. Во всемъ этомъ еще не было ничего чрезвычайнаго; такъ точно отправлялись и всѣ другія празднества въ ея царствованіе. Въ жизнь мою я не чувствовала такой холодной сырости, какъ въ этотъ день въ церкви; я вся продрогла и посинѣла отъ холода, стоя съ открытою шеею, въ придворномъ костюмѣ. Императрица прислала сказать мнѣ, чтобы я надѣла соболью пелеринку, но ея со мною не было. Она велѣла принести свои пелерины, взяла одну и надѣла; я видѣла, что въ коробкѣ лежала еще другая, и думала, что она пришлетъ мнѣ ее, но ничуть не бывало; она велѣла отнести коробку назадъ. Я сочла это довольно яснымъ знакомъ неблаговоленія. Чоглокова, видя, какъ я дрожу, достала какой-то шелковый платокъ, которымъ я повязала себѣ шею. По окончаніи обѣдни и проповѣди, императрица пошла изъ церкви; мы было хотѣли по обычаю слѣдовать за ней; но она приказала сказать, что мы можемъ возвратиться домой. Тутъ мы узнали, что она будетъ обѣдать одна на тронѣ, чѣмъ и будетъ соблюденъ прежній церемоніалъ ея коронованія, потому что тогда она обѣдала одна. Не удостоенные чести быть на этомъ обѣдѣ, мы двинулись назадъ съ тою же церемоніею, какъ и пріѣхали, т.-е. въ предшествіи дворцовой прислуги, и такимъ образомъ взадъ и впередъ сдѣлали по Москвѣ 14 верстъ, и возвратились, продрогнувъ и страшно проголодавшись. Если за обѣднею императрица казалась намъ въ дурномъ расположеніи духа, то мы еще болѣе убѣдились, что она сердита, увидавъ съ ея стороны столь непріятный для насъ знакъ пренебреженія (чтобъ не сказать болѣе). Въ другіе праздники, когда она обѣдала на тронѣ, мы имѣли честь сидѣть съ нею за однимъ столомъ; на этотъ разъ она публично отлучила насъ отъ себя. Дорогою, сидя вдвоемъ въ коляскѣ съ великимъ княземъ, я говорила ему о томъ. Онъ сказалъ, что будетъ жаловаться на это. Воротившись домой, истомленная и окоченѣлая отъ холода, я жаловалась Чоглоковой на простуду, и на другой день сказалась больною и не пошла на балъ, бывшій въ деревянномъ дворцѣ. Великій князь дѣйствительно что-то говорилъ по этому поводу съ Шуваловымъ; они дали какой-то вовсе неудовлетворительный отвѣтъ, и больше о томъ не было рѣчи.

Около этого времени мы узнали, что Захаръ Чернышевъ и полковникъ Николай Леонтьевъ поссорились за игрою въ домѣ Романа Воронцова, что они дрались на шпагахъ, и что Захаръ Чернышевъ получилъ тяжелую рану въ голову. Рана была такъ опасна' что онъ не въ состояніи былъ переѣхать отъ Воронцова къ себѣ домой и оставался тамъ. Говорили, что ему будутъ сверлить черепъ. Это меня чрезвычайно огорчало, потому что я очень любила За-

хара Чернышева. Леонтьевъ, по приказанію императрицы, былъ арестованъ. Въ городѣ только и толковали объ этомъ поединкѣ, потому что у обоихъ непріятелей было огромное родство. Леонтьевъ женатъ былъ на дочери графини Румянцевой и находился въ близкомъ родствѣ съ Паниными и Куракиными. Чернышевъ также имѣлъ родственниковъ, друзей и покровителей, и поединокъ произошелъ въ домѣ у графа Романа Воронцова, гдѣ и остался раненый. Наконецъ ему стало легче, толки умолкли, и тѣмъ все кончилось.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

КОНЧИНА ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I.

Въ НОВѢЙШЕЕ время вопросъ о томъ, какъ въ дѣйствительности происходили событія, повлекшія за собою трагическую кончину императора Павла, послужилъ темой для двухъ выдающихся сочиненій: въ 1866 г. была издана Дункеромъ и Гумблотомъ часть мемуаровъ барона Гейкинга подъ заглавіемъ «Изъ жизни императора Павла», а въ 1897 г. появилось у Котты, повидимому, при участіи извѣстнаго дерптскаго историка, Брикнера, обширное критическое изслѣдованіе этихъ событій: «Императоръ Павелъ I, конецъ 1801 г. Р. Р.».

Оба эти труда значительно дополнили наши свѣдѣнія по данному предмету; однако и они, какъ и предыдущія сочиненія, не привели ни къ какимъ заключительнымъ выводамъ, потому что имъ недоставало одного изъ важнѣйшихъ источниковъ, свидѣтельства генерала Беннигсена, которое было недоступно. Правда, извѣстное сочиненіе Теодора Бернгарди въ историческомъ повременномъ изданіи Зибеля точно такъ же, какъ и его изложеніе этихъ событій во второмъ томѣ «Исторіи Россіи», пользуются такъ называемыми Беннигсеновскими мемуарами, но при участіи другихъ матеріаловъ, при чемъ трудно разобрать, гдѣ говоритъ Беннигсенъ, и гдѣ комбинируетъ самъ Бернгарди. Къ вѣрному же историческому сужденію мы можемъ прійти лишь тогда, когда передъ нами будетъ оригинальный текстъ разсказа, оставленнаго свидѣтелями умерщвленія царя.

Вотъ та точка зрѣнія, которая побуждаетъ меня обнародовать текстъ письма, въ которомъ Беннигсенъ излагаетъ одному другу весь ходъ событій. Копія съ этого письма сохранилась въ ганноверской вѣтви семьи генерала, и ее сообщилъ мнѣ Рудольфъ Беннигсенъ. Подъ текстомъ копіи находится помѣтка:

Für die Abschrift
Th. Barkhausen
geb. von Müller v. g. von Reden.

Сюда же приложено объясненіе, что Беннигсеновскіе мемуары тотчасъ же послѣ смерти генерала, 1 октября 1826 г., были взяты г. Струве

у вдовы Беннигсена, урожденной Андржейковской. Она выдала рукопись потому, что императоръ Николай I обѣщалъ ей за это пенсію въ 12.000 тал. Но вдова получила всего на всего 4.000 рублей и къ тому же должна была дать обѣщаніе не оставлять у себя копіи. Обѣщаніе это было дано, но одна изъ дочерей Беннигсена, Софія фонъ-Ленте, поручила дочери своей Метѣ снять копію съ интереснѣйшей части мемуаровъ. Документъ долго сохранялся втайнѣ, до тѣхъ поръ пока другая внучка Беннигсена, Теодора фонъ-Баркгаузенъ, не сняла копіи съ текста, который мы и приводимъ здѣсь.

Документъ носитъ заглавіе «La mort de l'empereur Paul I. Extrait des mémoires du général comte de Bennigsen» и до сихъ поръ нигдѣ не былъ обнародованъ. Уже этихъ краткихъ данныхъ достаточно, чтобы опровергнуть неправдоподобный разсказъ, напечатанный въ 1875 г. Идой Штембургъ-Барфельде, подъ заглавіемъ «Кто былъ воръ», въ журналѣ «Ueber Land und Meer», и перепечатанный затѣмъ «Русской Стариной» [1]. Вѣрность данныхъ, заключающихся въ нашей рукописи относительно исторіи мемуаровъ, недавно была подтверждена появленіемъ записокъ въ формѣ дневника извѣстнаго русскаго генерала и военнаго писателя Михайловскаго-Данилевскаго («Русская Старина», 1893 г., III), который въ 1829 г. разсказываетъ слѣдующее: «Я обѣдалъ у генерала Андржейковича, сестра котораго была замужемъ за генераломъ Беннигсеномъ, и вотъ что узналъ о судьбѣ этого генерала. Послѣ его смерти книготорговцы предлагали вдовѣ за мемуары 60.000 талеровъ, но она не хотѣла продать ихъ, не спросивъ предварительно разрѣшенія у нашего правительства, и съ этою цѣлью обратилась къ нашему посланнику въ Ганноверѣ (вышеупомянутому Струве). Вскорѣ послѣ этого графиня Беннигсенъ получила отъ нашего министра иностранныхъ дѣлъ письмо съ просьбой выслать рукопись ея мужа въ Петербургъ, при чемъ онъ обѣщалъ вскорѣ вернуть ее. Она исполнила это требованіе, но вотъ прошло уже четыре года, ей не возвращаютъ рукописи, лишаютъ ее значительной суммы, обѣщанной ей книгопродавцами, а ученый міръ — одного изъ интереснѣйшихъ источниковъ. 16 сентября 1818 г., встрѣтившись въ Аахенѣ съ графомъ Беннигсеномъ, я разговорился съ знаменитымъ человѣкомъ, и онъ сказалъ мнѣ, между прочимъ, съ свойственной ему откровенностью: «Мои «Mémoires de mon temps» обнимаютъ 7 томовъ и начинаются съ 1763 г. Я думаю, что битва при Пултускѣ—мой шедевръ, ибо я маневрировалъ въ присутствіи Наполеона, точно на парадѣ» и такъ далѣе.

Мы имѣемъ какъ разъ ту часть мемуаровъ, которая трактуетъ о кампаніи 1807 г. Она была обнародована въ русскомъ переводѣ, въ 1896—1897 г., Майковымъ, но страннымъ образомъ не обратила на себя никакого вниманія въ Германіи, хотя имѣетъ большую важность для прусской исторіи. Для нашихъ же цѣлей интересно, что изданіе Майкова упоминаетъ о рукописи на французскомъ языкѣ, сохранившейся въ семействѣ фонъ-Фокъ. Александръ Борисовичъ фонъ-Фокъ, съ 1799 г. генералъ-майоръ, былъ ближайшимъ другомъ Беннигсена. Беннигсенъ послалъ ему не только эту исторію кампаніи 1807 г., но и разсказъ о ходѣ событій при умерщвленіи Павла, имѣющій форму письма, адресованнаго фонъ-Фоку, и даже въ скоромъ времени послѣ того, какъ случилось это событіе. Очевидно, что это самое письмо Беннигсенъ буквально включилъ въ свои мемуары, такъ что текстъ, воспроизводимый нами, можетъ имѣть притязаніе быть почти одновременнымъ. Въ сообщаемомъ документѣ опускается только введеніе къ разсказу Беннигсена, такъ какъ оно заключаетъ въ себѣ пристрастное по содержанію описаніе сумасбродствъ Павла и не сообщаетъ ничего новаго.

Т. Шиманъ.

---

[1]) 1876 г., томъ XVI, стр. 387—394.

Извлеченіе изъ мемуаровъ графа Беннигсена.

Вы сами видите, генералъ, что такое положеніе дѣлъ, такое замѣшательство во всѣхъ отрасляхъ правленія, такое всеобщее недовольство, охватившее не только населеніе Петербурга, Москвы и другихъ большихъ городовъ имперіи, но и всю націю, не могло продолжаться, и что надо было рано или поздно предвидѣть паденіе имперіи!

Основательныя опасенія вызвали наконецъ всеобщее желаніе, чтобы перемѣна царствованія предупредила несчастія, угрожавшія имперіи. Лица, извѣстныя въ публикѣ своимъ умомъ и преданностью отечеству, составили съ этою цѣлью планъ. Его приписывали графу Панину, занимавшему постъ вице-канцлера имперіи, и генералу де-Рибасу, изъ адмиралтейской коллегіи. На кого имъ было лучше направить свои взоры, какъ не на законнаго наслѣдника престола, на великаго князя, воспитаннаго своею бабкой, безсмертной Екатериной II, которой Россія обязана осуществленіемъ обширныхъ замысловъ Петра I и въ особенности своимъ значеніемъ за границей,—словомъ, на этого великаго князя, котораго народъ любилъ за прекрасныя качества, обнаруженныя имъ еще въ юности, и на котораго онъ смотрѣлъ теперь, какъ на избавителя,—единственно кто могъ удержать Россію на краю пропасти, куда она неминуемо должна ввергнуться, если продолжится царствованіе Павла.

Вслѣдствіе этого графъ Панинъ обратился къ великому князю. Онъ представилъ ему тѣ несчастія, какія неминуемо должны явиться результатомъ этого царствованія, если оно продлится; только на него одного нація можетъ возлагать довѣріе, только онъ одинъ способенъ предупредить роковыя послѣдствія, при чемъ Панинъ обѣщалъ ему арестовать императора и предложить ему, великому князю, отъ имени націи бразды правленія. Графъ Панинъ и генералъ де-Рибасъ были первыми, составившими планъ этого переворота. Послѣдній такъ и умеръ, не дождавшись осуществленія этого замысла, но первый не терялъ надежды спасти государство. Онъ сообщилъ свои мысли военному губернатору, графу Палену. Они еще разъ говорили объ этомъ великому князю Александру и убѣждали его согласиться на переворотъ, ибо революція, вызванная всеобщимъ недовольствомъ, должна вспыхнуть не сегодня—завтра, и уже тогда трудно будетъ предвидѣть ея послѣдствія. Сперва Александръ отвергъ эти предложенія, противныя чувствамъ его сердца. Наконецъ, поддавшись убѣжденіямъ, онъ обѣщалъ обратить на нихъ свое вниманіе и обсудить это дѣло столь огромной важности, такъ близко затрогивающее его сыновнія обязанности, но вмѣстѣ съ тѣмъ налагаемое на него долгомъ по отношенію къ его народу. Тѣмъ временемъ графъ Панинъ, попавъ въ опалу, лишился мѣста вице-канцлера, и Павелъ сослалъ его въ его подмосковное имѣніе,

гдѣ онъ, однако, не оставался празднымъ. Онъ сообщалъ графу Палену все, что могъ узнать о мнѣніяхъ и недовольствѣ столицы, на которую можно было смотрѣть, какъ на органъ всей націи. Онъ совѣтовалъ спѣшить, чтобы предупредить опасныя слѣдствія отчаянія и нетерпѣнія, съ какимъ общество жаждало избавиться отъ этого желѣзнаго гнета, становящагося тѣмъ болѣе тягостнымъ, что находилось немало личностей, достаточно гнусныхъ и корыстныхъ, чтобы исполнять втайнѣ роль шпіоновъ въ городахъ, гдѣ они втирались въ общество, подслушивали, что тамъ говорится, и часто одного доноса этихъ людей было достаточно, чтобы сдѣлать несчастными множество лицъ и цѣлыя семейства. Нельзя безъ чувства презрѣнія вспомнить, что въ числѣ этихъ низкихъ рабовъ, занимавшихся ремесломъ шпіоновъ въ городахъ имперіи, встрѣчались люди всѣхъ слоевъ общества, даже принадлежащіе къ извѣстнымъ, уважаемымъ семьямъ.

Павелъ былъ суевѣренъ. Онъ охотно вѣрилъ въ предзнаменованія. Ему, между прочимъ, предсказали, что если онъ первые четыре года своего царствованія проведетъ счастливо, то ему больше нечего будетъ опасаться, и остальная жизнь его будетъ увѣнчана славой и счастіемъ. Онъ такъ твердо повѣрилъ этому предсказанію, что по прошествіи этого срока издалъ указъ, въ которомъ благодарилъ своихъ добрыхъ подданныхъ за проявленную ими вѣрность, и, чтобы доказать свою благодарность, объявилъ помилованіе всѣхъ, кто былъ сосланъ имъ, или смѣщенъ съ должности, или удаленъ въ помѣстья, приглашая ихъ всѣхъ вернуться въ Петербургъ для поступленія вновь на службу. Можно себѣ представить, какая явилась толпа этихъ несчастныхъ. Первые были всѣ приняты на службу безъ разбора, но вскорѣ число ихъ возросло до такой степени, что Павелъ не зналъ, что съ ними дѣлать. Пришлось отослать назадъ всѣхъ остальныхъ, что̀ подало поводъ къ новымъ недовольствамъ въ странѣ, когда увидали возвращеніе большинства этихъ несчастныхъ въ Петербургъ изъ внутреннихъ областей имперіи, большею частью пѣшкомъ, и оставшихся безъ всякихъ средствъ къ жизни. До сихъ поръ множество людей, можно сказать, большая часть націи выносили этотъ желѣзный гнетъ съ терпѣніемъ и твердостью въ надеждѣ на будущее болѣе свѣтлое и счастливое, ибо каждый это предвидѣлъ и сознавалъ въ глубинѣ души, что такое несчастное положеніе не можетъ продлиться долго, какъ вдругъ одна жестокая выходка Павла довершила рядъ его несправедливостей и сумасбродствъ.

Двое молодыхъ людей, одинъ военный, другой штатскій, оба изъ хорошихъ фамилій, поссорились между собой и дрались на дуэли изъ-за одной молодой дамы, пользовавшейся благосклонностью императора. Штатскій былъ сильно раненъ въ руку. Въ этомъ состояніи его отвезли къ матери, у которой онъ былъ единствен-

нымъ сыномъ. Можно себѣ представить ея горе. Павелъ ревновалъ къ этому молодому человѣку. Узнавъ о случившемся, онъ не могъ удержать своей радости и выразилъ ее въ одобрительныхъ восклицаніяхъ по адресу молодого офицера, котораго онъ обласкалъ при первомъ же свиданіи. Но скоро снова пробудился его гнѣвъ противъ другого. Онъ приказалъ немедленно арестовать его и отвести въ крѣпость. Полиція явилась къ раненому въ тотъ моментъ, когда врачи наложили первую перевязку, предписавъ больному лежать въ постели въ спокойномъ состояніи, чтобы избѣжать кровоизліянія, которое могло оказаться смертельнымъ, такъ какъ онъ былъ очень истощенъ.

Легко себѣ представить состояніе матери. Никакія слезы, никакіе доводы насчетъ опасности, какой подвергнется ея сынъ, если его будутъ перевозить въ такомъ положеніи, не оказали ни малѣйшаго дѣйствія. Полицейскіе чины, не смѣя медлить съ исполненіемъ приказаній, отданныхъ самимъ императоромъ, перевезли больного, какъ есть, вмѣстѣ съ постелью и со всякими предосторожностями прямо въ крѣпость. Когда доложили императору объ арестѣ молодого человѣка и о томъ, въ какомъ состояніи онъ былъ доставленъ въ крѣпость, онъ спросилъ: «А мать что сказала?». На отвѣтъ, что она плачетъ, и что ея положеніе внушаетъ жалость, онъ приказалъ немедленно выслать ее изъ города; полиція поспѣшила это исполнить, и еще до наступленія ночи почтенная и несчастная женщина была выпровожена за заставу, гдѣ она, однако, пробыла спрятанной нѣсколько дней въ одномъ домѣ, чтобы быть поближе отъ раненаго сына; затѣмъ только она уѣхала къ роднымъ, жившимъ вдали отъ столицы. Къ этому варварскому поступку прибавились и другіе столь же безчеловѣчные, и меня завлекло бы это слишкомъ далеко, если бъ я сталъ ихъ всѣ перечислять. Я обязанъ, однако, упомянуть о поступкахъ, которые онъ продѣлывалъ въ собственной семьѣ, и которые были не лучше, потому что касались лицъ, наиболѣе ему близкихъ и наиболѣе любимыхъ народомъ.

Убѣжденный, что нельзя терять ни минуты, чтобъ спасти государство и предупредить несчастныя послѣдствія общей революціи, графъ Паленъ опять явился къ великому князю Александру, прося у него разрѣшенія выполнить задуманный планъ, уже не терпящій отлагательства. Онъ прибавилъ, что послѣднія выходки императора привели въ величайшее волненіе все населеніе Петербурга различныхъ слоевъ, и что можно опасаться самаго худшаго.

Наконецъ принято было рѣшеніе овладѣть особой императора и увезти его въ такое мѣсто, гдѣ онъ могъ бы находиться подъ надлежащимъ надзоромъ, и гдѣ бы онъ былъ лишенъ возможности дѣлать зло. Вы сейчасъ увидите, генералъ, что эта мѣра, сдѣлавшаяся неизбѣжной, обернулась совершенно неожиданнымъ образомъ, какого никто не могъ и предвидѣть.

11 (23) марта 1801 г., утромъ, я встрѣтилъ князя Зубова въ саняхъ ѣдущимъ по Невскому проспекту. Онъ остановилъ меня и сказалъ, что ему нужно переговорить со мной; для этого онъ желаетъ поѣхать ко мнѣ на домъ. Но, подумавъ, онъ прибавилъ, что лучше, чтобы насъ не видѣли вмѣстѣ, и пригласилъ меня къ себѣ ужинать. Я согласился, еще не подозрѣвая, о чемъ можетъ быть рѣчь, тѣмъ болѣе, что я собирался на другой день выѣхать изъ Петербурга въ свое имѣніе въ Литвѣ. Вотъ почему я передъ обѣдомъ отправился къ графу Палену просить у него, какъ у военнаго губернатора, необходимаго мнѣ паспорта на выѣздъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Да отложите свой отъѣздъ, мы еще послужимъ вмѣстѣ», и добавилъ: «князь Зубовъ вамъ скажетъ остальное». Я замѣтилъ, что все время онъ былъ очень смущенъ и взволнованъ. Такъ какъ мы были связаны дружбой издавна, то я впослѣдствіи очень удивлялся, что онъ не сказалъ мнѣ о томъ, что должно было случиться; хотя всѣ со дня на день ожидали перемѣны царствованія, но признаюсь, я не думалъ, что время уже настало. Отъ Палена я отправился къ генералъ-прокурору Обольянинову, чтобы проститься, а оттуда часовъ въ десять пріѣхалъ къ Зубову. Я засталъ у него только его брата, графа Николая, и трехъ лицъ, посвященныхъ въ тайну,—одно было изъ сената, и ему предназначалось доставить туда приказъ собраться, лишь только арестуютъ императора. Графъ Паленъ позаботился велѣть заготовить необходимые приказы, начинавшіеся словами: «По высочайшему повелѣнію», и предназначенные для арестованія нѣсколькихъ лицъ въ первый же моментъ.

Князь Зубовъ сообщилъ мнѣ условленный планъ, сказавъ, что въ полночь совершится переворотъ. Моимъ первымъ вопросомъ было: кто стоитъ во главѣ заговора? Когда мнѣ назвали это лицо, тогда я не колеблясь примкнулъ къ заговору, правда, шагу опасному, однако необходимому, чтобы спасти націю отъ пропасти, которой она не могла миновать въ царствованіе Павла. До какой степени эту истину всѣ сознавали, видно изъ того, что, несмотря на множество лицъ, посвященныхъ въ тайну еще наканунѣ, никто, однако, ея не выдалъ.

Немного позже полуночи я сѣлъ въ сани съ княземъ Зубовымъ, чтобы ѣхать къ графу Палену. У дверей стоялъ полицейскій офицеръ, который объявилъ намъ, что графъ у генерала Талызина и тамъ ждетъ насъ. Мы застали комнату полной офицеровъ; они ужинали у генерала, при чемъ большинство находились въ подпитіи,—всѣ были посвящены въ тайну. Говорили о мѣрахъ, которыя слѣдуетъ принять, а между тѣмъ слуги безпрестанно входили и выходили изъ комнаты. Кто нибудь изъ нихъ, руководимый желаніемъ составить себѣ блестящую карьеру, легко могъ бы незамѣтно проскользнуть вонъ изъ дома, броситься въ Михайловскій дворецъ и тамъ предупредить о заговорѣ. Послѣ узнали, что на-

канунѣ множество лицъ въ городѣ знали о готовящемся ночью событіи, и все-таки никто не выдалъ тайны: это доказываетъ, до какой степени всѣмъ опротивѣло это царствованіе, и какъ всѣ желали его конца.

Условились, что генералъ Талызинъ соберетъ свой гвардейскій батальонъ во дворѣ одного дома, неподалеку отъ Лѣтняго сада; а генералъ Депрерадовичъ—свой, также гвардейскій, батальонъ на Невскомъ проспектѣ, вблизи Гостинаго двора. Во главѣ этой колонны будутъ находиться военный губернаторъ и генералъ Уваровъ, а во главѣ первой—князь Зубовъ, его два брата, Николай и Валеріанъ, и я; насъ должны были сопровождать нѣсколько офицеровъ, какъ гвардейскихъ, такъ и другихъ полковъ, стоявшихъ въ Петербургѣ,—офицеровъ, на которыхъ можно положиться. Графъ Паленъ съ своей колонной долженъ былъ занять главную лѣстницу замка, тогда какъ мы съ остальными должны были пройти по потайнымъ лѣстницамъ, чтобы арестовать императора въ его спальнѣ.

Проводникомъ нашей колонны былъ полковой адъютантъ императора, Аргамаковъ, знавшій всѣ потайные ходы и комнаты, по которымъ мы должны были пройти, такъ какъ ему ежедневно по нѣскольку разъ случалось ходить по нимъ, принося рапорты и принимая приказанія своего повелителя. Этотъ офицеръ повелъ насъ сперва въ Лѣтній садъ, потомъ по мостику и въ дверь, сообщавшуюся съ этимъ садомъ, далѣе по лѣсенкѣ, которая привела насъ въ маленькую кухоньку, смежную съ прихожей передъ спальней Павла. Тамъ мы застали камеръ-гусара, который спалъ крѣпчайшимъ сномъ, сидя и прислонившись головой къ печкѣ. Изъ всей толпы офицеровъ, сначала окружавшихъ насъ, оставалось теперь всего человѣка четыре; да и тѣ, вмѣсто того, чтобы вести себя тихо, напали на лакея; одинъ изъ офицеровъ ударилъ его тростью по головѣ, и тотъ поднялъ крикъ. Пораженные, всѣ остановились, предвидя моментъ, когда общая тревога разнесется по всѣмъ комнатамъ. Я поспѣшилъ войти вмѣстѣ съ княземъ Зубовымъ въ спальню, гдѣ мы дѣйствительно застали императора уже разбуженнымъ этимъ крикомъ и стоящимъ возлѣ кровати, передъ ширмами. Держа шпаги наголо, мы сказали ему: «Вы арестованы, ваше величество!». Онъ поглядѣлъ на меня, не произнеся ни слова, потомъ обернулся къ князю Зубову и сказалъ ему: «Что вы дѣлаете, Платонъ Александровичъ?». Въ эту минуту вошелъ въ комнату офицеръ нашей свиты и шепнулъ Зубову на ухо, что его присутствіе необходимо внизу, гдѣ опасались гвардіи; что одинъ поручикъ не былъ извѣщенъ о перемѣнѣ, которая должна совершиться. Несомнѣнно, что императоръ никогда не оказывалъ несправедливости солдату и привязалъ его къ себѣ, приказывая при каждомъ случаѣ щедро раздавать мясо и водку въ петербургскомъ гарнизонѣ. Тѣмъ болѣе должны были бояться этой гвардіи, что графъ Паленъ еще не при-

былъ со своей свитой и батальономъ для занятія главной лѣстницы замка, отрѣзавшей всякое сообщеніе между гвардіей и покоями императора.

Князь Зубовъ вышелъ, и я съ минуту оставался съ глазу на глазъ съ императоромъ, который только глядѣлъ на меня, не говоря ни слова. Мало-по-малу стали входить офицеры изъ тѣхъ, что слѣдовали за нами. Первыми были подполковникъ Яшвиль, братъ артиллерійскаго генерала Яшвиля, майоръ Татариновъ и еще нѣсколько другихъ. Я сказалъ имъ: «Останьтесь, господа, при особѣ императора; онъ арестованъ, и не давайте ему выйти изъ комнаты». Я долженъ здѣсь прибавить, что, такъ какъ за послѣднее время было сослано и удалено со службы огромное количество офицеровъ всѣхъ чиновъ, то я уже не зналъ почти никого изъ тѣхъ, кого теперь видѣлъ передъ собой, и они тоже знали меня только по фамиліи. Тогда я вышелъ, чтобы осмотрѣть двери, ведущія въ другіе покои; въ одномъ изъ нихъ, между прочимъ, были заперты шпаги арестованныхъ офицеровъ. Въ эту минуту вошли еще много офицеровъ. Я узналъ потомъ тѣ немногія слова, какія произнесъ императоръ по-русски: сперва: «Арестованъ, что это значитъ—арестованъ?» Одинъ изъ офицеровъ отвѣчалъ ему: «Еще четыре года тому назадъ съ тобой слѣдовало бы покончить!» На это онъ возразилъ: «Что я сдѣлалъ?» Вотъ единственныя произнесенныя имъ слова.

Офицеры, число которыхъ еще возросло, такъ что вся комната наполнилась ими, схватили его и повалили на ширмы, которыя были опрокинуты на полъ. Мнѣ кажется, онъ хотѣлъ освободиться отъ нихъ и бросился къ двери, и я дважды повторилъ ему: «Оставайтесь спокойнымъ, ваше величество,—дѣло идетъ о вашей жизни!»

Въ эту минуту я услыхалъ, что одинъ офицеръ, по фамиліи Бибиковъ, вмѣстѣ съ пикетомъ гвардіи, вошелъ въ смежную комнату, по которой мы проходили. Я иду туда, чтобы объяснить ему, въ чемъ будетъ состоять его обязанность, и, конечно, это заняло не болѣе нѣсколькихъ минутъ. Вернувшись, я вижу императора, распростертаго на полу. Кто-то изъ офицеровъ сказалъ мнѣ: «Съ нимъ покончили!» Мнѣ трудно было этому повѣрить, такъ какъ я не видѣлъ никакихъ слѣдовъ крови. Но скоро я въ томъ убѣдился собственными глазами. Итакъ, несчастный государь былъ лишенъ жизни непредвидѣннымъ образомъ и, несомнѣнно, вопреки намѣреніямъ тѣхъ, кто составлялъ планъ этой революціи, которая, какъ я уже сказалъ, являлась необходимой. Напротивъ, прежде было условлено увезти его въ крѣпость, гдѣ ему хотѣли предложить подписать актъ отреченія отъ престола.

Припомните, генералъ, что было выпито много вина за ужиномъ, предложеннымъ генераломъ Талызинымъ офицерамъ, бывшимъ виновниками этой сцены, которую, къ несчастью, нельзя вычеркнуть

изъ исторіи Россіи. Долженъ прибавить, что графъ Паленъ, обращаясь къ этимъ офицерамъ, сказалъ имъ, между прочимъ: «Господа, чтобы приготовить яичницу, необходимо разбить яйца». Не знаю, съ какимъ намѣреніемъ было употреблено это выраженіе, но эти слова могли подать поводъ къ ложнымъ толкованіямъ. Я отправилъ немедленно офицера къ князю Зубову, чтобы извѣстить его о случившемся. Онъ засталъ его съ великимъ княземъ Александромъ, обоими братьями Зубовыми и еще нѣсколькими офицерами передъ фронтомъ дворцовой гвардіи. Когда объявили солдатамъ, что императоръ скончался скоропостижно отъ апоплексіи, послышались громкіе голоса: «Ура! Александръ!»

Новый государь велѣлъ позвать меня въ свой кабинетъ, гдѣ я засталъ его съ тѣми же лицами, которыя окружали его со времени нашего вступленія въ замокъ. Ему угодно было поручить мнѣ командованіе войсками, призванными для охраненія порядка въ Зимнемъ дворцѣ, куда онъ тотчасъ же прослѣдовалъ вмѣстѣ съ великимъ княземъ Константиномъ.

Были отправлены приказы въ сенатъ и другія присутственныя мѣста—собраться неотложно и явиться къ 12 часамъ дня ко двору, чтобы присутствовать на молебнѣ въ дворцовой церкви. Всѣ другія церкви были также открыты для той же церемоніи принесенія вѣрноподданнической присяги новому государю, и народъ стекался туда толпами.

Вѣсть о кончинѣ Павла съ быстротою молніи пронеслась по всему городу еще ночью. Кто самъ не былъ очевидцемъ этого событія, тому трудно составить себѣ понятіе о томъ впечатлѣніи и о той радости, какія овладѣли умами всего населенія столицы. Всѣ считали этотъ день днемъ избавленія отъ бѣдъ, тяготѣвшихъ надъ ними цѣлыхъ четыре года. Каждый чувствовалъ, что миновало это ужасное время, уступивъ мѣсто болѣе счастливому будущему, какого ожидали отъ воцаренія Александра I. Лишь только разсвѣло, какъ улицы наполнились народомъ. Знакомые и незнакомые обнимались между собой и поздравляли другъ друга съ счастіемъ, и общимъ и частнымъ для каждаго порознь.

Графъ Паленъ взялъ на себя извѣстить императрицу о кончинѣ ея супруга. Хотя она часто страдала отъ его суровости, отъ его вспыльчивости и дурного нрава, но она всегда неизмѣнно была сильно привязана къ своему супругу и выносила тяжелыя минуты своей жизни съ ангельскимъ терпѣніемъ, можно даже сказать, что она подавала націи примѣръ доброй супруги и матери, творя во всѣхъ случаяхъ столько добра, сколько позволяли ей ея средства, ея власть и кредитъ. Я былъ свидѣтелемъ ея глубокаго горя при этой катастрофѣ, при потерѣ, близкой ея сердцу, однако благоразумныя размышленія и привязанность къ народу вскорѣ сумѣли положить предѣлы этому личному горю.

Итакъ, графъ Паленъ отправился къ оберъ-гофмейстеринѣ, графинѣ Ливенъ. Онъ приказалъ разбудить ее и объявилъ ей о кончинѣ императора, съ тѣмъ, чтобы она извѣстила о томъ императрицу. Графиня принялась за это со всѣми предосторожностями, внушенными ей ея благоразуміемъ, и, разбудивъ императрицу, объяснила ей, что императоръ внезапно заболѣлъ, и что состояніе его очень тревожное. Ея величество тотчасъ же встала, спѣша на помощь своему супругу. Но она нашла запертыми двери, черезъ которыя привыкла проходить. Наконецъ, она достигла одной двери, у которой нашла часовыхъ и офицеровъ, отказавшихся пропустить ее. Ни угрозы, ни просьбы не помогали. Когда ей сказали, что отданы приказанія не пропускать ея въ покои императора, она отправилась къ своимъ невѣсткамъ, супругамъ великихъ князей Александра и Константина. Мнѣ доложили объ этомъ, и я велѣлъ запереть двери, ведшія въ апартаменты великихъ княгинь.

По множеству часовыхъ и офицеровъ, встрѣченныхъ императрицей повсюду въ замкѣ, она могла догадаться, что дѣло идетъ не о простой болѣзни императора, и скоро ее дѣйствительно извѣстили, что ея супругъ скончался. Она пролила нѣсколько слезъ, но не предавалась тѣмъ порывамъ горя, какимъ обыкновенно предаются женщины въ подобныхъ случаяхъ.

До сихъ поръ императрица не была освѣдомлена, въ чью пользу была произведена эта революція. Ей сообщили, кому было поручено командованіе дворцовыми войсками. Когда она узнала, что командованіе поручено мнѣ, она приказала мнѣ явиться къ ней. Я уже освѣдомился о приказаніяхъ императора, который велѣлъ мнѣ передать, чтобы я отправился къ ней и посовѣтовалъ, попросилъ ее отъ его имени покинуть Михайловскій замокъ и ѣхать въ Зимній дворецъ, гдѣ ей будетъ сообщено все, что она пожелаетъ узнать. Вслѣдствіе этого я отправился въ апартаменты великихъ княгинь, гдѣ находилась императрица. Увидавъ меня, ея величество спросила, мнѣ ли поручено командовать здѣшними войсками. На мой утвердительный отвѣтъ она освѣдомилась съ большой кротостью и спокойствіемъ душевнымъ: «Значитъ, арестована?» Я отвѣчалъ: «Совсѣмъ нѣтъ, возможно ли это?»—«Но меня не выпускаютъ, всѣ двери на запорѣ». Отвѣтъ: «Ваше величество, это объясняется лишь необходимостью принять нѣкоторыя мѣры предосторожности для безопасности императорской фамиліи, здѣсь находящейся, или тѣмъ, что могутъ еще случиться безпорядки вокругъ замка». Вопросъ: «Слѣдовательно, мнѣ угрожаетъ опасность?» Отвѣтъ: «Все спокойно, ваше величество, и всѣ мы находимся здѣсь, чтобы охранять особу вашего величества».

Тутъ я хотѣлъ воспользоваться минутой молчанія, чтобы исполнить данное мнѣ порученіе. Я обратился къ императрицѣ со словами: «Императоръ Александръ поручилъ мнѣ»... Но ея величество

прервала меня словами: «Императоръ! императоръ! Александръ! Но кто провозгласилъ его императоромъ?» —Отвѣтъ: «Голосъ народа».— «Ахъ! я не признаю его»,—понизивъ голосъ, сказала она:—«прежде чѣмъ онъ не отдастъ мнѣ отчета въ своемъ поведенiи». Потомъ, подойдя ко мнѣ, ея величество взяла меня за руку, подвела къ дверямъ и проговорила твердымъ голосомъ: «Велите отворить двери; я желаю видѣть тѣло моего супруга!» и прибавила: «Я посмотрю, какъ вы меня ослушаетесь!»

Тщетно я склонялъ ее къ умѣренности, говоря ей объ ея обязанностяхъ по отношенiю къ народу,—обязанностяхъ, которыя должны побуждать ее успокоиться, тѣмъ болѣе, что послѣ подобнаго событiя слѣдуетъ всячески избѣгать всякаго шума. Я сказалъ ей, что до сихъ поръ все спокойно, какъ въ замкѣ, такъ и во всемъ городѣ; что надѣются на сохраненiе этого порядка, и что я убѣжденъ, что ея величество сама желаетъ тому способствовать. Я боялся, что если императрица выйдетъ, то ея крики могутъ подѣйствовать на духъ солдатъ, какъ я уже говорилъ, весьма привязанныхъ къ покойному императору. На всѣ эти представленiя она погрозила мнѣ пальцемъ, съ слѣдующими словами, произнесенными довольно тихо: «О, я васъ заставлю раскаяться». Смыслъ этихъ словъ не ускользнулъ отъ меня. Минута молчанiя, и, быть можетъ, размышленiя вызвали нѣсколько слезъ. Я надѣялся воспользоваться этой минутой растроганности. Я заговорилъ опять, сталъ побуждать ее къ умѣренности и уговаривать покинуть Михайловскiй дворецъ и ѣхать въ Зимнiй. Здѣсь молодая императрица поддержала мой совѣтъ съ той кротостью и мягкостью, которыя были такъ свойственны этой великой княгинѣ, любимой всѣми, кто имѣлъ счастiе знать ее, и обожаемой всей нацiей. Императрица-мать не одобрила этого шага и, обернувшись къ невѣсткѣ, отвѣчала ей довольно строгимъ тономъ: «Что вы мнѣ говорите? Не мнѣ повиноваться! Идите, повинуйтесь сами, если хотите!»

Это раздраженiе усиливалось съ минуты на минуту. Она объявила мнѣ рѣшительно, что не выйдетъ изъ дворца, не увидавъ тѣла своего супруга. Я тайкомъ послалъ офицера къ новому государю, чтобы испросить его приказанiй на этотъ счетъ. Онъ велѣлъ мнѣ отвѣтить, что если это можетъ обойтись безъ всякаго шума, то я долженъ сопровождать императрицу въ комнату, гдѣ стояло тѣло императора. Тѣмъ временемъ я пригласилъ графа Палена прибыть на минуту во дворецъ, въ виду того, что онъ имѣетъ счастье быть болѣе знакомымъ императрицѣ. Въ ту минуту, какъ она увидала его, она спросила: «Что здѣсь произошло?» Графъ отвѣчалъ со своимъ обычнымъ хладнокровiемъ: «То, что давно можно было предвидѣть».

Вопросъ: «Кто же зачинщики этого дѣла?»

Отвѣтъ: «Много лицъ изъ различныхъ классовъ общества».

Вопросъ: «Но какъ могло это совершиться помимо васъ, занимающаго постъ военнаго губернатора?»

Отвѣтъ: «Я прекрасно зналъ обо всемъ и поддался этому, какъ и другіе, во избѣжаніе болѣе великихъ несчастій, которыя могли бы подвергнуть опасности всю императорскую фамилію». Онъ прибавилъ нѣсколько добрыхъ совѣтовъ и затѣмъ удалился.

Все это не могло успокоить раздраженія императрицы. Она нѣсколько разъ брала меня за руку и подводила къ дверямъ, говоря: «Приказываю вамъ пропустить меня». Я отвѣчалъ неизмѣнно съ величайшей почтительностью, но твердо, что не въ моей власти повиноваться ей, пока я вижу ее такой взволнованной, и что только подъ однимъ условіемъ я могъ бы исполнить ея волю. «Какое же это условіе?» —спросила она.—«Чтобы ваше величество соблаговолили успокоиться». Эти слова навлекли на меня новую немилость. Ея величество сказала мнѣ: «Не вамъ предписывать мнѣ условія! Ваше дѣло повиноваться мнѣ! Прежде всего велите отпереть двери».

Мой долгъ предписалъ мнѣ еще разъ напомнить ей ея обязанности по отношенію къ народу и умолять ее избѣжать малѣйшаго шума, который могъ бы имѣть пагубныя и даже опасныя послѣдствія. Эти рѣчи очевидно произвели надлежащее дѣйствіе. Она почувствовала, что переворотъ уже нельзя измѣнить. Послѣ нѣкотораго молчанія и размышленія ея величество понизила голосъ и сказала мнѣ: «Ну, хорошо, обѣщаю вамъ ни съ кѣмъ не говорить».

Съ этого момента императрица вернулась къ свойственной ей кротости, отъ которой она уже не отрѣшалась, и которая дѣлаетъ ее столь достойной любви. Я приказалъ отперетъ двери. Ея величество взяла меня подъ руку, чтобы подняться по лѣстницамъ, и сказала: «Прежде всего я хочу видѣть своихъ дѣтей». Когда она вошла въ свои апартаменты, обѣ великія княжны, Екатерина и Марія-Анна, уже находились тамъ съ графиней Ливенъ.

Эта сцена была поистинѣ самой трогательной изъ всѣхъ, какія мнѣ случилось видѣть. Великія княжны, обнимая свою мать, проливали слезы о смерти отца, и лишь съ трудомъ ихъ можно было оторвать отъ матери. Ея величество посидѣла еще нѣкоторое время въ этихъ покояхъ, потомъ встала и сказала мнѣ: «Пойдемъ, ведите меня».

Намъ пришлось пройти лишь двѣ комнаты, чтобы достигнуть той, гдѣ стояло тѣло покойнаго императора. Г. Роджерсонъ и я находились возлѣ ея величества, которую сопровождали обѣ великія княжны, графиня Ливенъ, двѣ камеръюнгферы и камердинеръ. Въ послѣдней комнатѣ ея величество сѣла на минуту, потомъ поднялась, и мы вошли въ спальню покойнаго императора, лежавшаго на своей постели въ мундирѣ своего гвардейскаго полка. Ширмы все еще заслоняли его постель со стороны той

двери, въ которую мы вошли. Ея величество нѣсколько разъ произнесла по-нѣмецки: «Боже, поддержи меня!» Когда наконецъ императрица увидала тѣло своего супруга, она громко вскрикнула. Г. Роджерсонъ и я поддерживали ее подъ руки. Черезъ минуту она стала приближаться къ тѣлу; встала на колѣни и поцѣловала руку покойнаго, проговоривъ: «Ахъ, другъ мой!» послѣ этого, все стоя на колѣняхъ, она потребовала ножницы. Камеръюнгфера подала ей ножницы, и она отрѣзала прядь волосъ съ головы императора. Наконецъ, поднявшись, она сказала великимъ княжнамъ: «Проститесь съ отцомъ». Онѣ встали на колѣна, чтобы поцѣловать его руку. Обращеніе княженъ, неподдѣльная печаль, написанная на ихъ лицахъ, растрогали насъ. Императрица уже сдѣлала нѣсколько шаговъ, чтобы удалиться, но, увидавъ обѣихъ княженъ еще на колѣняхъ, вернулась и проговорила: «Нѣтъ, я хочу быть послѣдней». И опять опустилась на колѣни, чтобы поцѣловать руку своему покойному супругу. Г. Роджерсонъ и я просили ее не затягивать этой печальной сцены, которая могла бы повредить ея здоровью, столь драгоцѣнному и столь нужному всей императорской фамиліи. Мы взяли ее подъ руки, чтобы помочь ей встать, и затѣмъ вернулись въ покои императрицы. Ея величество удалилась въ уборную, гдѣ облеклась въ глубочайшій трауръ, и вскорѣ опять вышла къ намъ. Шталмейстеръ Мухановъ уже докладывалъ, что поданы экипажи для доставленія императрицы съ великими княжнами изъ Михайловскаго замка въ Зимній дворецъ. Онъ просилъ меня еще разъ напомнить объ этомъ императрицѣ. Мы желали, чтобы она покинула Михайловскій замокъ еще до разсвѣта. Императрица, однако, затягивала отъѣздъ съ минуты на минуту до того, какъ совсѣмъ разсвѣло. Тогда она просила меня подать ей руку, спуститься съ лѣстницы и довести ее до кареты. Можно себѣ представить, какая собралась толпа по всему пути до Зимняго дворца. Ея величество опустила стекла въ каретѣ. Она кланялась народу, собравшемуся по пути. Такимъ образомъ она доѣхала до дворца, чтобы остаться тамъ.

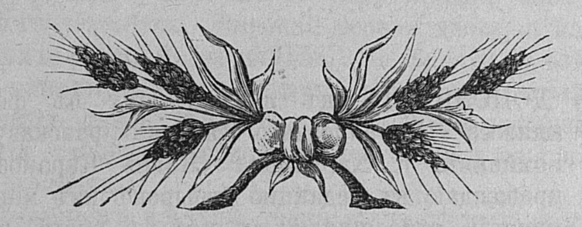
Величайшій порядокъ былъ сохраненъ отъ начала до конца этой замѣчательной сцены. Да и могъ ли онъ быть нарушенъ среди ликованія, какое испытывало каждое отдѣльное лицо по случаю избавленія отъ рабства?

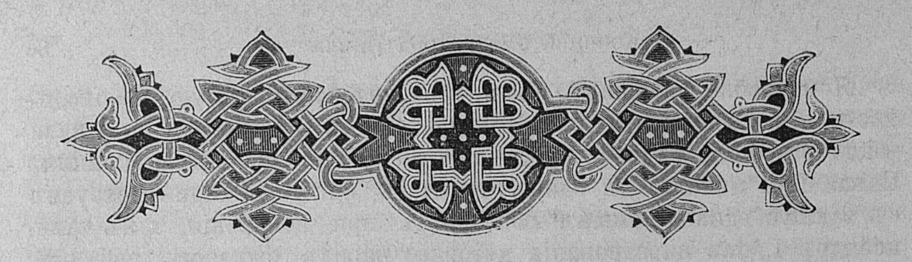
Вы видите, генералъ, что мнѣ нечего краснѣть за то участіе, какое я принималъ въ этой катастрофѣ. Не я составлялъ планъ ея. Я даже не принадлежалъ къ числу тѣхъ, кто хранилъ эту тайну, такъ какъ я не былъ извѣщенъ о ней до самаго момента осуществленія переворота, когда все уже было условлено и рѣшено. Я не принималъ также участія въ печальной кончинѣ этого государя. Конечно, я не согласился бы войти въ комнату, если бъ зналъ, что есть партія, замышлявшая лишить его жизни.

Я подробно изложилъ вамъ, генералъ, абсолютную необходимость перемѣны правленія. Никогда смерть монарха не вызывала такой всеобщей радости среди народа, какую произвела кончина Павла I, и никогда ни одинъ государь не былъ привѣтствуемъ съ такимъ единодушнымъ восторгомъ при воцареніи, какъ Александръ I, отъ царствованія котораго народъ ожидаетъ величайшихъ благъ.

Подписано: **Беннигсенъ.**

Съ копіей вѣрно: Теод. Баркгаузенъ, рожденная Мюллеръ, v. g. von Reden.

КЪ ПОКУШЕНІЮ 4 АПРѢЛЯ 1866 ГОДА.

Въ дополненіе къ помѣщенному въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» разсказу изъ воспоминаній г. Харламова «Казнь Каракозова», препровождаю въ редакцію отрывокъ изъ моихъ воспоминаній, относящихся къ той же эпохѣ и тѣмъ же событіямъ.

Спустя нѣкоторое время послѣ казни Каракозова, предстояла казнь чрезъ повѣшеніе надъ главнымъ, если не единственнымъ, его сообщникомъ, Ишутинымъ.

Покойный братъ мой, служившій въ то время въ канцеляріи государственнаго совѣта, имѣлъ случай видѣть собственноручную резолюцію государя, которой даровалась Ишутину жизнь съ замѣною смертной казни пожизненной каторгой. Но милость эта должна была быть облечена тайной и объявлена приговоренному лишь въ самый послѣдній моментъ, на эшафотѣ. Имѣя это въ виду, мы съ братомъ рѣшились отправиться посмотрѣть на эту симуляцію казни. Она была назначена въ 6 час. утра на Смоленскомъ полѣ; вслѣдствіе этого, заказавъ извозчика съ вечера, мы выѣхали изъ дома очень рано, часа въ 4, едва стало разсвѣтать; дѣло происходило весной.

Несмотря на столь ранній часъ, на пути нашемъ отъ Милліонной до Смоленскаго поля, и въ особенности на Васильевскомъ островѣ, на улицахъ было большое движеніе; множество народа всякаго званія стремилось къ мѣсту казни. Мальчишки и взрослые тащили скамейки, табуреты, лѣстницы, очевидно, для лучшаго ли-

цезрѣнія, какъ это дѣлается во время майскихъ парадовъ на Марсовомъ полѣ и при другихъ торжественныхъ зрѣлищахъ. Къ удивленію нашему, насъ обогнало немало экипажей съ элегантными, въ весеннихъ туалетахъ, дамами; онѣ весело щебетали и оживленно разговаривали, очевидно, предвкушая сенсаціонное зрѣлище, поднявшее ихъ столь рано, въ необычный для нихъ часъ.

На Смоленскомъ полѣ собрались громадныя толпы. Посрединѣ возвышается эшафотъ, деревянный помостъ, на немъ перекладина, скамейка, болтается веревка.

Черезъ нѣсколько минутъ толпа заволновалась, послышались крики: «везутъ! везутъ!» Толпа бросилась въ сторону приближающагося кортежа. Шествіе открывалъ полуэскадронъ конныхъ жандармовъ, за нимъ слѣдовала такъ называемая позорная колесница, попросту телѣга, запряженная парою лошадей, на телѣгѣ поперечная высокая скамейка, а на скамейкѣ, спиною къ лошадямъ, маленькій приземистый человѣкъ съ скрученными назадъ руками, на груди этого человѣчка широкая черная доска, а на доскѣ написано мѣломъ слово «цареубійца». По бокамъ и сзади отрядъ пѣхоты, съ примкнутыми, играющими на солнцѣ, штыками. Казалось страннымъ такое внушительное развитіе военной силы для сопровожденія такого мизернаго на видъ, да и по существу ничтожнаго, человѣчка.

Съ приближеніемъ кортежа толпа стала тѣсниться къ эшафоту; невольно подались и мы съ братомъ; откуда-то изъ толпы вынырнулъ мальчишка и сталъ намъ предлагать скамейку, чтобъ лучше видѣть. Мы стали шутя торговаться. Мальчишка безбожно запрашивалъ; сошлись на 75 коп. съ брата. Своеобразный промышленникъ потребовалъ деньги впередъ; братъ, платя ему, шутя сказалъ: «а что если не повѣсятъ?»—«Какъ не повѣсятъ, будьте спокойны, видите, все готово»,—отвѣчалъ тотъ, кивая на эшафотъ.—«Ну, то-то, смотри,—шутилъ братъ,—деньги назадъ потребуемъ».—«Не сумлѣвайтесь!»

Между тѣмъ трагическое представленіе развивалось. Ишутина ввели на эшафотъ, на которотъ показался здоровенный палачъ въ красной рубахѣ, своимъ внушительнымъ видомъ и размѣрами совершенно уничтожавшій скорчившагося осужденнаго. Прокуроръ сталъ читать длинный многословный приговоръ; минуты этого чтенія тянулись невыразимо долго, а что долженъ былъ чувствовать въ теченіе ихъ несчастный осужденный? Взошелъ старенькій священникъ въ черной рясѣ, сталъ шептаться на ухо съ осужденнымъ, поднесъ къ его губамъ Евангеліе и крестъ. Затѣмъ, на его мѣстѣ появился палачъ, на осужденнаго надѣли бѣлый длинный балахонъ, скрутили назадъ руки, напялили на голову бѣлый колпакъ, на шею надѣли петлю... Мы съ братомъ переглянулись, сердце забилось у меня въ груди... «Да что же это? я самъ, однако,

видѣлъ»,—прошепталъ смущенный братъ. Но въ это время въ ближнихъ къ эшафоту рядахъ произошло движеніе, показался фельдъегерь и передалъ бумагу распоряжавшемуся церемоніей. Осужденный былъ высочайше помилованъ. Раздались вздохи облегченія, ахи, охи и причитанія нѣсколькихъ старухъ, нѣкоторыя заплакали... Вдругъ непосредственно около нашей скамейки шорохъ, кто-то протискивается сквозь толпу и стремительно бѣжитъ по діагонали поля, только пятки сверкаютъ. Догадавшись, въ чемъ дѣло, мы съ братомъ шутя кричимъ ему вслѣдъ: «стой, стой, деньги назадъ!»—но его и слѣдъ простылъ. Близъ стоящіе гогочутъ.

Передавая въ точности этотъ эпизодъ изъ моихъ воспоминаній, я воздерживаюсь отъ всякихъ комментаріевъ, предоставляя спеціалистамъ развивать современный больной вопросъ: нужна ли смертная казнь, достигаетъ ли она своей цѣли, каково ея дѣйствіе, должна ли она быть сохранена, или подлежитъ отмѣнѣ?

Считаю небезынтереснымъ дополнить эти воспоминанія и другими относящимися къ той же эпохѣ и къ тому же событію.

Первое покушеніе на жизнь императора Александра II (но, увы! не послѣднее) совершилось, какъ извѣстно, 4 апрѣля 1866 г. при выходѣ государя съ обычной прогулки въ Лѣтнемъ саду въ половинѣ 4-го часа дня, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время сооружена часовня. Покойный государь обыкновенно являлся на прогулку въ Лѣтнемъ саду между 3 и 4 часами пополудни. Пріѣзжалъ онъ всегда одинъ въ коляскѣ, въ ногахъ его обыкновенно лежала черная мохнатая легавая собака. Въ саду онъ дѣлалъ нѣсколько туровъ, никто его не сопровождалъ, съ встрѣчавшимися онъ привѣтливо кланялся, съ знакомыми разговаривалъ, не разъ принималъ прошенія и выслушивалъ просьбы. У выходныхъ воротъ на набережную Невы стоялъ обыкновенно нарядъ городовыхъ, тутъ же къ выходу государя обыкновенно собиралась небольшая группа любопытныхъ изъ числа случайно проходившихъ, человѣкъ 20—30. Такъ было и на этотъ разъ, 4 апрѣля 1866 г. Въ этой кучкѣ находился намѣренно Каракозовъ, произведшій роковой выстрѣлъ, и случайно картузникъ Комиссаровъ по пути на Петербургскую сторону, вѣроятно, по дѣламъ своей профессіи. По распространенной впослѣдствіи молвѣ, со словъ особо усердствующихъ, онъ якобы направлялся на богомолье въ домикъ Петра Великаго. Каракозовъ выстрѣлилъ, а Комиссаровъ будто бы подтолкнулъ его руку, вслѣдствіе чего пуля миновала государя. Пулю эту, сказать мимоходомъ, нигдѣ потомъ не нашли, несмотря на самые тщательные поиски. Свидѣтелемъ всему этому будто бы былъ случайно тутъ находившійся покойный генералъ-адъютантъ Тотлебенъ.

Такова версія. Версія эта впослѣдствіи подвергалась немалымъ сомнѣніямъ и подвергается имъ и по сіе время многими современ-

никами событія, а самая личность Комиссарова-спасителя представляется въ значительной степени миѳическою. Я, разумѣется, не имѣю данныхъ ни за ни противъ и лишь констатирую фактъ. Личность стрѣлявшаго Каракозова долгое время не могла быть обнаружена, онъ упорно скрывалъ свое имя, и, лишь спустя нѣкоторое время, дознались, что это былъ Каракозовъ, происхожденіемъ изъ бѣдныхъ дворянъ Саратовской губерніи, не окончившій курса студентъ Московскаго университета. Бывшій незадолго передъ тѣмъ губернскимъ предводителемъ дворянства однофамилецъ его или дальній родственникъ тотчасъ ходатайствовалъ о перемѣнѣ своей фамиліи, и былъ названъ Михайловъ-Рославлевъ. Но имя Комиссарова тотчасъ разнеслось по всему городу, затѣмъ по всей Россіи и стало прямо легендарнымъ; народная молва присудила ему титулъ «спасителя». Этого Комиссарова мнѣ довелось видѣть въ моей жизни три, четыре раза. И его худенькая, тщедушная, испитая фигурка, въ длинной чуйкѣ мастерового, точно живая, и сейчасъ стоитъ передъ моими глазами.

Первый разъ я его видѣлъ непосредственно вслѣдъ за самымъ происшествіемъ въ Зимнемъ дворцѣ, куда экстренно были потребованы всѣ офицеры гвардіи и всего петербургскаго гарнизона. Во дворцѣ происходило чрезвычайное смятеніе; долгое время всѣ толпились, не зная, что именно случилось. Но вотъ раздались громкіе крики на площади, всѣ бросились къ окнамъ и увидали карету государя, возвращающуюся во дворецъ, какъ оказалось впослѣдствіи, съ благодарственнаго молебна въ Казанскомъ соборѣ. За каретой толпой бѣжалъ народъ, махалъ шапками и кричалъ «ура». Вскорѣ въ залѣ появился государь, по правую его руку была императрица, по лѣвую—наслѣдникъ, по лицу котораго струились слезы. Что тутъ произошло, трудно описать; все бросилось впередъ, смѣшались чины и званія, шапки замахали въ воздухѣ, и разнеслось такое мощное «ура», какого мнѣ не доводилось слышать ни ранѣе ни позже. Государь былъ видимо тронутъ. Бурные восторги продолжались нѣсколько минутъ, наконецъ государь поднялъ руку кверху, требуя молчанія. Все затихло. Государь взволнованнымъ голосомъ спросилъ: «а гдѣ же мой спаситель?» Толпа генераловъ и офицеровъ разступилась, и передъ государемъ появился маленькій, худенькій человѣчекъ въ долгополомъ халатѣ мастерового. За нимъ стоялъ Тотлебенъ. Государь положилъ на плечо мастерового руку и прерывающимся голосомъ, съ разстановкою произнесъ: «Я... тебя... дѣлаю дворяниномъ! Надѣюсь, господа,—добавилъ онъ,—что вы всѣ этому сочувствуете». Могучее «ура» вновь потрясло своды дворца, и тысячи шапокъ (кэпи) замелькали въ воздухѣ. Императрица склонилась на плечо Комиссарова и заплакала, плакалъ и наслѣдникъ. Сцена была въ высшей степени трогательная, и всѣ видѣвшіе, конечно, ея не забудутъ.

Появилась версія въ городѣ, будто въ тотъ же вечеръ къ скромному жилищу Комиссарова подъѣхала придворная карета (кумушки охотно добавляли, что золотая), и m-me Комиссарова была отвезена во дворецъ къ императрицѣ кушать чай.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого въ Маріинскомъ театрѣ шла опера «Жизнь за царя», очевидно, не по репертуару. Въ городѣ стало извѣстно, что на этомъ спектаклѣ будетъ Комиссаровъ. Билеты брались съ боя. Мнѣ довелось быть на этомъ спектаклѣ. Въ срединѣ перваго акта, одна изъ среднихъ ложъ, остававшаяся до того пустою при наполненномъ театрѣ, отворилась, и въ нее вошли Комиссаровъ съ супругой въ сопровожденіи плацъ-адъютанта. Вся публика поднялась съ мѣстъ и, обратившись лицомъ къ ложѣ, встрѣтила вошедшихъ такимъ взрывомъ рукоплесканій, какихъ никогда не слыхалъ ни одинъ артистъ, не выключая Шаляпина. Дамы махали платками, мужчины шляпами. Это была буря восторговъ. Представленіе, само собою разумѣется, прервалось, и артисты на сценѣ и участвующіе и не участвующіе присоединились къ оваціямъ публики. Раздались возгласы: «гимнъ, гимнъ!» и гимнъ былъ пропѣтъ и артистами и всей публикой четыре раза подъ рядъ и покрываемъ бурей аплодисментовъ и восторженныхъ кликовъ. Чета Комиссаровыхъ, несмотря на всю торжественность минуты, производила въ это время невольно самое комическое впечатлѣніе, и онъ все еще въ томъ же своемъ длиннополомъ халатѣ, она въ какой-то пестрой желтой шали, очевидно, пріобрѣтенной по этому торжественному случаю, отвѣчая на восторженныя привѣтствія публики, низко кланялись на всѣ стороны, усиленно мотая головами, при чемъ m-me Комиссарова усердствовала въ этомъ случаѣ болѣе своего супруга, очевидно, предполагая, что эти оваціи постольку же относятся къ ней, какъ и ея супругу. Затѣмъ раздались крики: «на сцену, на сцену!» и на сценѣ появился въ кругу Сусанина и его современниковъ уже совершенно ошалѣвшій Комиссаровъ. Ему хлопали и кричали изъ зрительной залы, хлопали окружавшіе его артисты и хористы, онъ кланялся, кланялся и наконецъ, очевидно, не выдержавъ схватилъ себя руками за голову и, заткнувъ уши, стремительно убѣжалъ за кулисы.

Въ антрактѣ на сценѣ появился поэтъ Аполлонъ Майковъ и съ большимъ чувствомъ прочелъ свое патріотическое стихотвореніе, изъ котораго я помню нѣсколько строкъ:

«Кто жъ онъ злодѣй? Откуда вышелъ онъ?
Изъ шайки ли злодѣйской,
Что революціей зовется европейской?
Кто бъ ни былъ онъ, онъ намъ чужой,
И нѣтъ ему корней ни въ современной намъ живой,
Ни въ исторической Россіи! (показывая на кулисы).

Весь спектакль прошелъ въ такомъ приподнятомъ патріотическомъ настроеніи, а третій актъ польскій даже и вовсе выпущенъ. Въ то время, когда личность Каракозова не была еще обнаружена, въ обществѣ, вѣроятно, вслѣдствіе только что закончившагося польскаго возстанія, существовало убѣжденіе, что покушавшійся—непремѣнно полякъ. Когда припоминаешь эти патріотическіе взрывы народнаго энтузіазма въ нашемъ прошедшемъ, невольно становится грустно за невеселое настоящее...

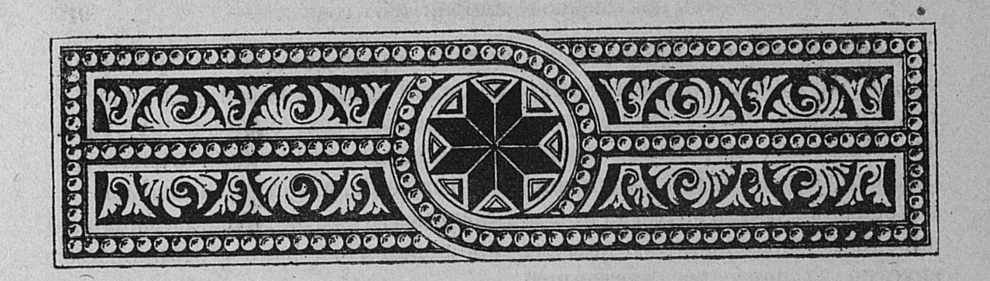
Нѣсколько дней спустя, проходя по Б. Морской мимо углового дома, принадлежавшаго тогда Руадзе, потомъ Кононова, а нынѣ, кажется, Пистолькорса, я обратилъ невольное вниманіе на рядъ стоящихъ на тротуарѣ женщинъ, преимущественно съ бумагами въ рукахъ, очевидно, просительницъ. На мой вопросъ, что это значитъ, и къ кому онѣ идутъ съ прошеніями, одна изъ нихъ отвѣчала мнѣ, что тутъ живетъ Осипъ Ивановичъ Комиссаровъ, такъ вотъ онѣ идутъ къ нему съ прошеніями. «Да что же онъ можетъ для васъ сдѣлать?»—невольно вырвалось у меня.—«Да что вы, батюшка?—отвѣчала она мнѣ:—Осипъ-то Иванычъ, да ему стоитъ слово сказать царю, и все сдѣлаютъ». Блаженъ, кто вѣруетъ,—подумалось мнѣ.

Вскорѣ послѣ покушенія 4 апрѣля петербургское дворянство давало въ честь государя балъ въ домѣ собранія. На этомъ балу мнѣ снова довелось встрѣтить Комиссарова-Костромского. Онъ былъ въ дворянскомъ мундирѣ, при шпагѣ и съ треугольной шляпой въ рукахъ. При немъ неотлучно находился генералъ-адъютантъ Тотлебенъ и какъ бы сопровождалъ его. На меня лично видъ этого новоиспеченнаго дворянина въ мундирѣ и уже съ нѣкоторыми чертами самодовольства на лицѣ сдѣлалъ впечатлѣніе какъ бы нѣкотораго сожалѣнія о его длинномъ мѣщанскомъ халатѣ, въ которомъ я видѣлъ его первые два раза.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Комиссаровъ, что называется, скрылся съ петербургскаго горизонта; говорили, что ему купили большое имѣніе въ Костромской губерніи, откуда онъ происходилъ родомъ, недальновидные прислужники даже производили его родъ отъ Сусанина, спасителя царя Михаила Ѳеодоровича... Я проходилъ какъ-то лѣтнимъ вечеромъ по Невскому проспекту; меня обогналъ офицеръ одного изъ армейскихъ гусарскихъ полковъ. Спущенная сабля гремѣла, волочась по панели, шпоры необыкновенно звонкія, шапка лихо загнута на бекрень, усы закручены кверху. Лицо его показалось мнѣ очень знакомымъ. Онъ вошелъ въ табачный магазинъ Бостанжогло, я невольно послѣдовалъ за нимъ, взглянулъ: Комиссаровъ! Затѣмъ я слышалъ, что онъ сильно запилъ, зачертилъ, какъ говорилось на его прежнемъ жаргонѣ, и вскорѣ умеръ.

Такъ закончилъ свою судьбу этотъ случайно выдавшійся человѣкъ. Имя его, конечно, не перешло въ потомство, и современному поколѣнію представляется случайнымъ, мимолетнымъ звукомъ.

А. Рембелинскій.

САШКА-ИНЖЕНЕРЪ.

(Изъ шлиссельбургскихъ воспоминаній).

ДЛЯ ВОЙНЫ надо имѣть три вещи: деньги, деньги и деньги. Это мнѣніе, приписываемое, кажется, Наполеону I, оправдывается на нашихъ глазахъ съ каждой новой войной. Современныя условія политической и экономической жизни такъ сложились, что безъ денегъ, безъ этого главнаго двигателя, дѣйствительно, нельзя вести никакого дѣла. Даже соціалъ-революціонеры, въ концѣ царствованія Александра II, поняли, что безъ денегъ нельзя вести борьбы съ правительствомъ.

— Денегъ, денегъ!—этотъ крикъ непрестанно раздавался въ разныхъ революціонныхъ кружкахъ того времени.

Одинъ видный членъ военной, революціонной организаціи 80-хъ годовъ передавалъ мнѣ, что въ нѣкоторыхъ кружкахъ положено было правиломъ—на каждомъ собраніи непремѣнно хоть одинъ часъ посвящать на обсужденіе, откуда и какимъ образомъ добыть денегъ. Нужда въ деньгахъ довела революціонеровъ до того, что принудила ихъ прибѣгать къ неблаговиднымъ средствамъ. Такъ, 3 іюня 1879 г., изъ херсонскаго губернскаго казначейства, посредствомъ подкопа изъ сосѣдняго дома, похищено было денегъ, принадлежащихъ государственному банку, слишкомъ полтора милліона рублей. Одесскимъ военно-окружнымъ судомъ, 10 января 1880 г., выяснено, что участники этого дѣла—Елена Россикова, Людмила Тереньева, Яковъ Погорѣловъ и Татьяна Морозова—при-

надлежатъ «къ тайному сообществу, стремящемуся къ ниспроверженію существующаго въ Россіи государственнаго и общественнаго строя».

Похищенныя деньги назначались, какъ заявили обвиняемые на судѣ, «на борьбу за народное освобожденіе».

Судьи и эксперты были поражены, какъ могли эти люди, не имѣющіе спеціальнаго образованія, такъ искусно подкопаться подъ кладовую казначейства. Подкопъ былъ произведенъ изъ сосѣдняго дома Камсина. Подземная галлерея имѣла въ длину девять саженъ, а въ ширину и въ высоту по одному аршину. Подкопъ оканчивался пробоиною, въ аршинъ діаметромъ, какъ разъ въ полу денежной кладовой.

— Кто же руководилъ вами?—спрашиваютъ подсудимыхъ.

— Сашка.

— Кто онъ такой?

— Не знаемъ.

— Должно быть, этотъ Сашка—хорошій инженеръ,—рѣшили слѣдователи.

Но Сашки-инженера и слѣдъ простылъ!

Въ 1882 г., вь городѣ Николаевѣ, я нанималъ въ одномъ небогатомъ семействѣ комнату. Время отъ времени наѣзжалъ къ моей хозяйкѣ родственникъ ея—судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ. Случилось и мнѣ съ нимъ познакомиться. Однажды, въ разговорѣ, онъ упомянулъ, что ему пришлось принимать участіе въ поискахъ денегъ, похищенныхъ изъ херсонскаго казначейства.

— Нашли?—спрашиваю его.

— Почти все нашли. Растратили очень немного. Мнѣ лично удалось найти въ Алешкахъ и тѣ деньги, которыя зарылъ въ землю «Сашка-инженеръ».

— Такъ отыскали слѣды «Сашки-инженера»?!

— Онъ давно арестованъ.

И слѣдователь разсказалъ мнѣ все, что зналъ о немъ. Однако отзывы его были не совсѣмъ лестные для Сашки-инженера. Потомъ я слышалъ, что его, какъ одного изъ виновниковъ похищенія денегъ изъ казначейства, сослали на Кару въ каторжныя работы.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Я самъ былъ заключенъ на неопредѣленное время въ Шлиссельбургскую тюрьму.

Въ 1886 г., я имѣлъ два раза въ недѣлю совмѣстныя прогулки съ Н. А. Морозовымъ въ небольшой клѣткѣ тюремнаго двора. Когда мы изъявили желаніе гулять поочередно со всѣми заключенными, то въ слѣдующую прогулку ко мнѣ приводятъ невысокаго роста,

коренастаго брюнета. Рѣзкія крупныя черты лица обличали въ немъ что-то нерусское. На немъ былъ какой-то странный жилетъ-курточка изъ сѣраго арестантскаго сукна. Какъ только вошелъ онъ въ загородку, тотчасъ же бросился ко мнѣ на шею и сталъ крѣпко цѣловать меня.

Я отрекомендовался ему.

— А я—Ѳедоръ Юрковскій. Слышали про меня?

— Не знаю васъ.

— А про «Сашку-инженера» слышали?

— Какъ же слышалъ! Такъ это вы—инженеръ?! Но почему же вы назвали себя Ѳедоромъ, а не Александромъ?

— О, это только мое конспиративное имя, моя кличка—«Сашка-инженеръ». А на самомъ дѣлѣ я—и не Сашка, и не инженеръ. Я учился въ Морскомъ корпусѣ.

— Не вашъ ли родственникъ—морякъ Юрковскій, редакторъ газеты въ городѣ Николаевѣ?

— Родной братъ.

Кратко мы разсказали другъ другу наше прошлое. Будучи въ Морскомъ корпусѣ, Юрковскій сдѣлался членомъ революціоннаго кружка, скрывавшагося подъ скромнымъ названіемъ «Китоловнаго общества». Корпусное начальство скоро освѣдомилось о цѣли этого общества и нѣкоторыхъ членовъ его, въ томъ числѣ и Юрковскаго, исключило изъ Морского корпуса. Наступила для молодого человѣка страдная пора. Онъ служилъ въ маленькихъ должностяхъ по разнымъ угламъ Россіи. Снова учиться въ какомъ нибудь учебномъ заведеніи, какъ исключенному «за неблагонадежность», нельзя. И Юрковскій всецѣло ушелъ въ революцію. Въ 1879 г. онъ принялъ участіе въ похищеніи денегъ изъ херсонскаго казначейства.

— Разскажите, пожалуйста, какъ это было?—спрашиваю его.

— Я, собственно, не принималъ участія въ веденіи подземной галлереи. Когда я пришелъ къ нимъ, подкопъ былъ уже готовъ. Меня попросили только вывезти деньги за городъ. Я нарядился угольщикомъ, пріобрѣлъ пару быковъ, взвалилъ на телѣгу черные мѣшки изъ-подъ угля, набитые деньгами, и пошелъ стегать воловъ: «цобъ, цобъ, цобэ!»—покрикиваю. И благополучно выѣхалъ за городъ. Тамъ мы раздѣлили деньги и разъѣхались въ разныя стороны. Я отправился въ Алешки, небольшое мѣстечко на берегу Днѣпра. Попадается мнѣ полицейскій. Разговорились. Я его угостилъ фруктами. Боясь, что при обыскѣ меня можетъ выдать большая сумма денегъ, я спряталъ ихъ въ землю, а самъ сѣлъ на херсонскій пароходъ, идущій въ Николаевъ, и удралъ отъ полицейскаго. У него, еще до моего пріѣзда въ Алешки, была уже телеграмма—арестовывать всѣхъ подозрительныхъ проѣзжихъ людей. Но я такъ обворожилъ его своею любезностью, что онъ не рѣшался сразу задержать меня, а нашелъ нужнымъ предварительно спра-

виться въ Херсонѣ телеграммою: что есть, молъ, въ Алешкахъ такой-то съ виду милый человѣкъ, но подозрительнаго ничего не внушаетъ. Такъ арестовывать ли его? Изъ Херсона дали отвѣтъ: «немедленно арестовать». Но уже было поздно. Я въ это время находился у родныхъ въ Николаевѣ, и съ первымъ отходящимъ пароходомъ отправился моремъ въ Одессу. Дали приказъ объ арестѣ въ Николаевъ. Пока тамъ меня искали, я уже выѣхалъ изъ Одессы и гулялъ по Россіи.

— Скажите, почему же васъ назвали инженеромъ, если вы не участвовали въ подкопѣ?

Я это объясняю тѣмъ, что меня не было на судѣ, когда разбиралось дѣло о кражѣ денегъ. Подсудимые, видя, что меня нѣтъ, и взвалили все веденіе дѣла на неизвѣстное лицо—«Сашку». А подкопъ дѣйствительно сдѣланъ былъ великолѣпно! Разсказываютъ, казначей, ничего не нодозрѣвая, потому что печати и замки на дверяхъ были цѣлы, спокойно вошелъ въ кладовую. И представьте его ужасъ, когда онъ увидѣлъ пустой сундукъ! Осмотрѣлъ кладовую—все въ порядкѣ. Позвали полицію. При новомъ осмотрѣ нашли въ шкафу отверстіе. Откуда оно ведетъ? Пошли догадки, споры. Просятъ одного городового спуститься внизъ. Боится. Другого—тоже боится. Наконецъ, выискался одинъ дворникъ, который взялся изслѣдовать галлерею. Спустился внизъ, проползъ по галлереѣ и вышелъ въ хорошо убранную квартиру. Сунулся туда, сюда,—кругомъ заперто. Наконецъ, сообразилъ, въ какомъ онъ домѣ находится, и полѣзъ обратно въ кладовую казначейства, гдѣ съ нетерпѣніемъ ожидали храбраго дворника. Догадки его оказались правильными. Открыли квартиру, на которую онъ указалъ, и тамъ нашли около двадцати пяти возовъ свѣжей глины, вынутой изъ подземной галлереи.

Юрковскій много разсказывалъ о себѣ, о своей жизни въ тюрьмѣ и на Карѣ. Когда я ему замѣтилъ, что у него геркулесовское сложеніе, онъ привелъ мнѣ нѣсколько примѣровъ, свидѣтельствовавшихъ о его удивительной физической силѣ.

— Мы, Юрковскіе,—говорилъ онъ,—черногорскаго происхожденія. Отецъ мой обладалъ страшной силой. Когда ему приходилось въ качествѣ инспектора осматривать тюрьмы, то онъ любилъ шутить съ смотрителями. Возьмется рукою за желѣзную рѣшотку окна, потрясетъ ее и вырветъ изъ стѣны. «Смотрите,—скажетъ тюремщикамъ,—какъ у васъ слабо прикрѣплена рѣшотка».

Съ Юрковскимъ я гулялъ раза три въ огородѣ тюрьмы [1]). Онъ приносилъ съ собою хлѣба и ѣлъ его съ лукомъ тутъ же на прогулкѣ.

---

[1]) См. въ февральской книжкѣ «Ист. Вѣстн.» мой очеркъ «Въ Шлиссельбургской тюрьмѣ».

— Вы замѣчаете, какъ я много ѣмъ. Одно время, вскорѣ послѣ ареста, я страдалъ ненасытимостью. Обратились къ доктору. Докторъ велѣлъ давать мнѣ двойную и даже тройную порцію. Потомъ, говорилъ онъ, пройдетъ этотъ болѣзненный аппетитъ.

— А откуда у васъ такой странный костюмъ?—спрашиваю его.

— Съ Кары. Тамъ разрѣшали намъ перешивать куртки и халаты, какъ мы находили удобнѣе.

— Лучше вамъ было на Карѣ, чѣмъ здѣсь, въ Шлиссельбургѣ?

— Сначала тамъ мнѣ очень нравилось послѣ тюремной жизни въ городахъ Россіи. На Карѣ у насъ былъ казачій кругъ. Всѣ важныя дѣла рѣшались сообща въ кругу. Но потомъ постоянное совмѣстное сожительство все съ одними и тѣми же лицами такъ надоѣло, такъ было невыносимо, что, бывало, вспомнишь съ сожалѣніемъ и про одиночное заключеніе. Иной разъ такъ сильно захочется уединенія, что идешь къ смотрителю и просишь его, какъ милости, посадить въ карцеръ. Трудно рѣшить, гдѣ лучше, или правильнѣе—гдѣ хуже: въ одиночномъ заключеніи или многолѣтнее пребываніе въ тѣсной толпѣ все однихъ и тѣхъ же лицъ.

— А почему васъ перевели въ Шлиссельбургъ?

— За побѣгъ съ Кары. Нѣкоторымъ до такой степени надоѣла сутолока карійской тюрьмы, что они рѣшили убѣжать изъ нея, рискуя своею жизнью. Присоединился и я къ нимъ. Всю зиму мы готовились къ побѣгу. Сами отковали себѣ въ мастерскихъ ножи, сдѣлали запасы пищи, выработали планъ побѣга и только ждали весны, чтобы попытать свое счастье. Зная, что за нами будетъ погоня, мы рѣшили бѣжать въ разныя стороны. Мышкинъ (онъ тоже былъ съ нами) долженъ былъ отправиться на востокъ, къ Великому океану, другіе—на западъ, а мнѣ выпалъ жребій итти на югъ, къ китайской границѣ. Это мы намѣтили съ тѣмъ расчетомъ, что если кто нибудь изъ насъ привлечетъ погоню въ свою сторону, то остальные спасутся. Наступилъ май мѣсяцъ. Тайга стала освобождаться отъ снѣжнаго покрова. Намъ не терпится: весною такъ хочется на волю! Выбрали подходящую ночку и шмыгнули изъ тюрьмы. Я бодро пошелъ тайгою на югъ. Все было хорошо. Погони не чувствовалось. Запасъ хлѣба изрядный. Я совсѣмъ повеселѣлъ. Мнѣ казалось, что скоро должна быть и граница. Какъ вдругъ нахмурило, и пошелъ снѣгъ. Да вѣдь какой! Пройти нельзя. Бился, бился я въ тайгѣ: совсѣмъ изнемогъ отъ глубокаго снѣга! Что тутъ дѣлать?! Наконецъ, нашелъ что-то въ родѣ медвѣжьей берлоги подъ корнями сваленныхъ деревьевъ и забился въ нее. А погода, какъ нарочно, не унимается. Поднялся сильный вѣтеръ. Буранъ навѣялъ сугробы снѣга. Что тутъ дѣлать?! Сижу въ своей пещерѣ да послѣдніе куски хлѣба дожевываю. Хоть и погибну здѣсь, а назадъ ни за что не вернусь,—рѣшилъ я про себя. Холодъ сковалъ меня. Даетъ знать о себѣ и голодъ. Я сталъ уже мысленно

прощаться съ бѣлымъ свѣтомъ. Но чувство самосохраненія взяло верхъ. Я выползъ изъ своей берлоги. Мнѣ показалось, что вѣтеръ значительно стихъ. Пойду, поброжу по тайгѣ: авось, встрѣтятся пастухи-буряты. Они съ бродягами, съ бѣглыми каторжниками живутъ мирно. Всегда гостепріимно пріютятъ около своего костра, напоятъ чаемъ и накормятъ. За это и каторжные бродяги никогда ихъ не обижаютъ и не трогаютъ ихъ скота. Кое-какъ побрелъ я по снѣгу, высматривая въ лѣсу дымокъ отъ костра. Голодъ подгонялъ меня впередъ, и я порядочно далеко отошелъ отъ своей берлоги. Наконецъ, показался желанный дымокъ вдали. Навѣрно, буряты! Сразу силы мои удвоились, и я пошелъ напрямки къ костру. Вдругъ изъ-за кустовъ подымаются казаки съ ружьями. Все пропало: отъ пули не убѣжишь! Подхожу къ нимъ.

— Куда путь держишь?

— Да, такъ... куда судьба ведетъ.

— Поди, прозябъ? Выпей-ка съ нами чайку.

Я подсѣлъ къ костру. Казакъ налилъ кружку изъ чайника и подаетъ мнѣ. Я жадно потянулся къ ней.... Вдругъ меня сзади схватываютъ за руки и моментально валятъ на спину. Два казака, пока ихъ товарищъ потчевалъ меня чаемъ, тихонько подкрались сзади и сразу опрокинули меня на землю. Я еще могъ бы стряхнуть ихъ съ себя, но вѣдь ихъ много, и всѣ они вооружены шашками и ружьями. Я только спросилъ ихъ:

— За мной посланы?

— Сколько времени разыскиваемъ тебя по тайгѣ!

Сейчасъ же связали мои руки какою-то лошадиною цѣпью. Обтянули меня по таліи арканомъ и посадили на лошадь верхомъ. Впереди казакъ на лошади тянетъ меня арканомъ впередъ, а другой верховой казакъ тоже арканомъ держитъ меня сзади. Такъ мы гуськомъ отправились по тайгѣ на Кару. Чуть моя лошадь оступится,—я подаюсь впередъ. Задній казакъ тянетъ свой арканъ, а передній тянетъ въ свою сторону. Ну, и испыталъ же я тутъ пытку! Въ жизни моей не терпѣлъ я сильнѣе физическихъ страданій....

Юрковскій грустно замолкъ при этомъ воспоминаніи. Немного погодя, я спросилъ его:

— Что же было съ вами потомъ?

— Переловили насъ всѣхъ да вотъ и отправили сюда въ Шлиссельбургъ.

— А какъ теперь ваше здоровье?

— Какое теперь здоровье! Вы слышите каждую ночь крики? Это я кричу въ кошмарѣ.

Дѣйствительно, не проходило въ Шлиссельбургѣ ни одной ночи, чтобы раздирающій душу крикъ не потрясалъ стѣнъ тюрьмы.

Въ одиночномъ заключеніи Юрковскій много мечталъ о возвращеніи на родину, въ Малороссію. Онъ не помышлялъ ни о борьбѣ съ правительствомъ, ни объ улучшеніи жизни людей, какъ другіе товарищи. Ему хотѣлось покоя послѣ многолѣтней тревожной жизни и немного личнаго счастья на малороссійскомъ хуторѣ, гдѣ бы онъ занялся сельскимъ хозяйствомъ. На эту тему онъ слагалъ длинные стихи, гдѣ непремѣнно фигурировали чернобровыя дивчыны, тѣнистыя левады, кавуны на баштанахъ и тому подобное въ хохлацкомъ жанрѣ.

Послѣ трехъ свиданій съ Юрковскимъ я попросилъ смотрителя дать мнѣ хоть еще одну прогулку съ первымъ товарищемъ, Н. А. Морозовымъ, чтобы я могъ съ нимъ проститься. Меня опять соединили съ Николаемъ Александровичемъ и больше насъ не разлучали до самаго моего выхода изъ шлиссельбургской тюрьмы.

Что же стало съ Юрковскимъ?

Двѣнадцать лѣтъ онъ лелѣялъ мечту объ освобожденіи изъ Шлиссельбурга и... не дождался. Тюрьма ему стала могилой.

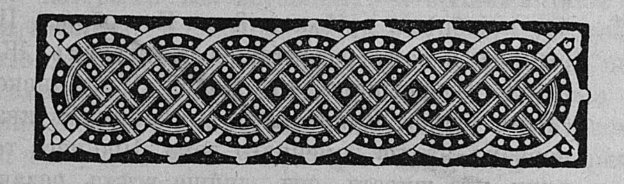
Вотъ что разсказываетъ о его послѣднихъ дняхъ Л. А. Волкенштейнъ, свидѣтельница его грустной кончины.

Юрковскій много лѣтъ страдалъ болѣзнью почекъ и былъ все время раздражительнымъ; но такъ какъ онъ не любилъ говорить о своей болѣзни, то начальство и докторъ приписывали эту раздражительность его дурному нраву и немилосердно записывали его въ штрафной журналъ. Прямыхъ наказаній, впрочемъ, они избѣгали. Кончилось тѣмъ, что за два мѣсяца до смерти Юрковскаго, по усиленной просьбѣ его товарищей, зашелъ къ нему докторъ,—и черезъ два дня они узнали, что у него водянка. Администрація и докторъ почувствовали, повидимому, угрызеніе совѣсти и въ теченіе этихъ двухъ мѣсяцевъ ухаживали за нимъ, какъ только могли. Когда же онъ сдѣлался совсѣмъ безпомощнымъ, хлопотали о переводѣ его въ петербургскую больницу для свиданія съ матерью—восьмидесятилѣтнею старушкою, которая тщетно много, много разъ хлопотала о свиданіи и, наконецъ, лѣтомъ 1896 г., въ письмѣ, полномъ отчаянія, прислала ему свое послѣднее благословеніе, крестъ и молитвенникъ, по которому она молилась въ теченіе всего времени заключенія Юрковскаго, т.-е., 16 лѣтъ, съ надписью, что больше не въ силахъ добраться до Петербурга. Хлопоты о переводѣ Юрковскаго въ Петербургъ оказались возможны вслѣдствіе происходившаго въ это время—и даже нѣсколько раньше—обсужденія или уже рѣшенія о примѣненіи коронаціоннаго манифеста къ сидящимъ въ Шлиссельбургѣ, о чемъ они и не догадывались тогда. Юрковскій, навѣрное, былъ бы увезенъ изъ Шлиссельбурга по этому манифесту, такъ какъ онъ уже отбылъ свой пятнадцатилѣтній срокъ и теперь сидѣлъ въ тюрьмѣ за побѣгъ съ Кары. Юрковскій страшно хотѣлъ умереть не въ ненавист-

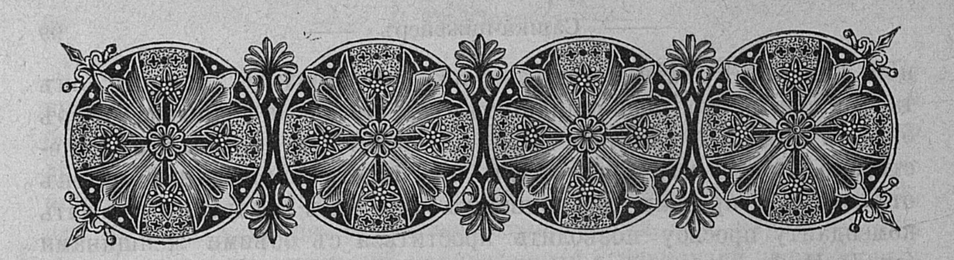
ной камерѣ, а хотя бы по дорогѣ, на пароходѣ, который онъ такъ любилъ по воспоминаніямъ семейнымъ и личнымъ; умеръ онъ въ камерѣ 5 сентября 1896 г. Смерть онъ встрѣтилъ мужественно. Ночью ему предложили пригласить священника, но онъ отказался, а просилъ дежурившихъ при немъ товарищей послать коменданту просьбу позволить проститься съ обѣими женщинами (съ В. Н. Фигнеръ и Л. А. Волкенштейнъ). Эту просьбу исполнили, и онъ простился съ ними въ полномъ сознаніи, хотя совсѣмъ уже задыхался. Черезъ два часа онъ умеръ [1]). Тѣло его, прибранное товарищами, лежало въ открытой камерѣ. Чтобы получить на это разрѣшеніе, потребовалось нѣкоторое время, и камера была заперта часа три. Когда принесли гробъ, всѣ въ послѣдній разъ простились съ нимъ и положили ему на грудь благословеніе матери. На другой день, въ 6 часовъ утра, когда раздавали чай, скрипнули ворота тюрьмы, и сторожившіе товарищи дали знать всѣмъ, что гробъ выносятъ. Вынесли сосновый ящикъ четыре солдата, впереди шелъ офицеръ, и... унесли за ворота крѣпости.

Такъ погибъ въ заточеніи сорокалѣтній богатырь. Не исключи его юношей изъ Морского корпуса за участіе въ такъ называемомъ «Китоловномъ обществѣ», Богъ знаетъ, можетъ быть, мы имѣли бы теперь въ немъ дѣльнаго и энергичнаго адмирала въ нашемъ флотѣ.

И. Ювачевъ.

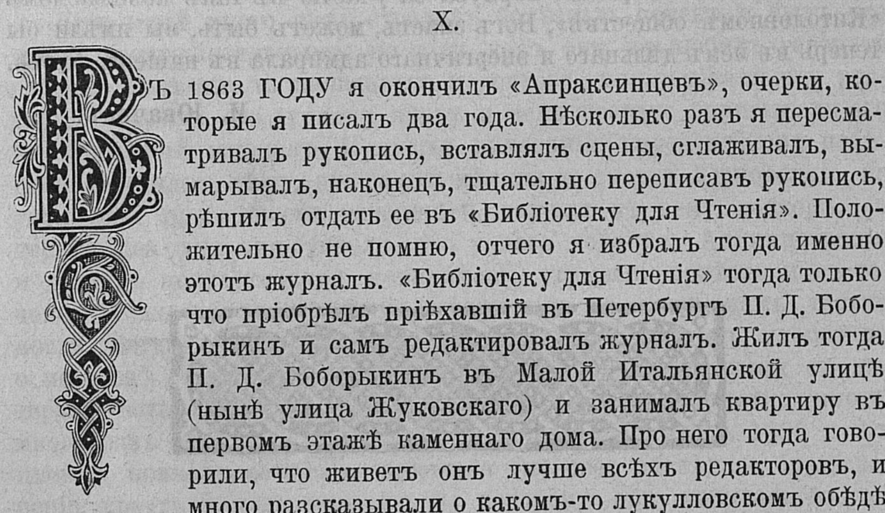

[1]) Это былъ единственный больной, пользовавшійся въ такой мѣрѣ уходомъ и вниманіемъ товарищей и администраціи. Раньше никому невозможно было ничѣмъ помочь.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ [1].

X.

Въ 1863 ГОДУ я окончилъ «Апраксинцевъ», очерки, которые я писалъ два года. Нѣсколько разъ я пересматривалъ рукопись, вставлялъ сцены, сглаживалъ, вымарывалъ, наконецъ, тщательно переписавъ рукопись, рѣшилъ отдать ее въ «Библіотеку для Чтенія». Положительно не помню, отчего я избралъ тогда именно этотъ журналъ. «Библіотеку для Чтенія» тогда только что пріобрѣлъ пріѣхавшій въ Петербургъ П. Д. Боборыкинъ и самъ редактировалъ журналъ. Жилъ тогда П. Д. Боборыкинъ въ Малой Итальянской улицѣ (нынѣ улица Жуковскаго) и занималъ квартиру въ первомъ этажѣ каменнаго дома. Про него тогда говорили, что живетъ онъ лучше всѣхъ редакторовъ, и много разсказывали о какомъ-то лукулловскомъ обѣдѣ или ужинѣ, который онъ устроилъ приглашеннымъ въ журналъ сотрудникамъ. Говорили, что всѣмъ сотрудникамъ выданы щедрые авансы, что П. Д. Боборыкинъ даетъ деньги сейчасъ же послѣ принятія рукописи, а не по напечатаніи ея, чего прежде почти не практиковалось нигдѣ. Иногда это дѣлалъ только Некрасовъ,

---

[1]) Неожиданная кончина Н. А. Лейкина прервала начатыя имъ воспоминанія на самомъ интересномъ періодѣ его жизни и литературной дѣятельности. Въ бумагахъ покойнаго оказалась еще одна глава, которую мы и печатаемъ, принося нашу благодарность за ея доставленіе вдовѣ нашего талантливаго и симпатичнаго писателя, Прасковьѣ Никифоровнѣ Лейкиной. Ред.

и то для исключительныхъ, постоянныхъ сотрудниковъ. Редакція «Библіотеки для Чтенія» помѣщалась въ той же квартирѣ, гдѣ жилъ П. Д. Боборыкинъ. Помню, что, передавая въ редакцію рукопись, я не видалъ самого редактора, но встрѣтилъ тамъ П. И. Якушкина, съ которымъ ужъ былъ знакомъ черезъ В. С. Курочкина. Когда отъ меня приняли рукопись, записали мой адресъ и велѣли зайти за отвѣтомъ недѣли черезъ двѣ, Якушкинъ отвелъ меня въ сторону и шепнулъ мнѣ:

— Просите впередъ. Дадутъ. Боборыкинъ пріѣдетъ черезъ часъ или часа черезъ полтора. Я самъ хочу у него взять на сапоги и на очки, и я жду его. У меня одно стекло разбито у очковъ.

Добродушный и милѣйшій Павелъ Ивановичъ Якушкинъ всегда довольствовался малымъ, и это значило, что онъ хочетъ взять авансомъ много, много десять рублей. Это былъ въ то время совсѣмъ Діогенъ по своимъ потребностямъ, хотя, какъ разсказывали, въ юные годы, окончивъ университетъ и получивъ послѣ отца въ наслѣдство тысячъ двадцать, онъ въ короткое время прожилъ ихъ, разъѣзжая по великорусскимъ деревнямъ въ видѣ коробейника-офени съ коробомъ и записывая русскія пѣсни, пословицы и поговорки. Въ Петербургѣ онъ своей квартиры никогда не имѣлъ и жилъ у пріятелей и знакомыхъ. Два дня у одного поживетъ, три дня у другого и т. д. Столовался онъ, гдѣ придется, также у пріятелей и знакомыхъ, а если бывали деньги, то въ трактирахъ, и ѣлъ тогда исключительно или дутые пироги, или селянки. Ѣлъ онъ всегда очень мало, но зато пилъ много водки. Чая почти не пилъ, хотя любилъ «ходить пить чай» въ Балабинъ трактиръ со своими пріятелями-книгопродавцами, Кожанчиковымъ и Звонаревымъ, у которыхъ въ магазинахъ и хранилъ свои рукописи, записки и замѣтки. Балабинъ трактиръ тогда помѣщался на Садовой, рядомъ съ Публичной библіотекой. Пить чай онъ ходилъ не ради самаго чая, а ради водки и закуски, которыя ему предшествовали. Чай онъ если и пилъ, то пилъ съ коньякомъ или ромомъ. Про чай у него была очень оригинальная поговорка: «чай не водка, его много не выпьешь». На одежду Якушкину также много не требовалось. Ходилъ онъ всегда въ красной рубахѣ, русскихъ высокихъ сапогахъ и въ засаленной черной однорядкѣ. Калошъ никогда не носилъ. Зимой на немъ былъ овчинный тулупчикъ, крытый сукномъ, и баранья шапка. Эту шапку онъ носилъ и лѣтомъ, такъ какъ шляпъ и картузовъ не любилъ. Часовъ карманныхъ у него никогда не бывало, а также никакихъ колецъ на пальцахъ, ни бумажника, ни кошелька. Единственная роскошь у него была—очки, стекла въ которыхъ онъ почему-то очень часто разбивалъ. Пріятели оказывали ему всегда широкое гостепріимство, но онъ подолгу ни у кого не заживался и тотчасъ же переходилъ къ другому. У него были знакомые и среди будочниковъ, и иногда онъ но-

чевалъ въ полицейскихъ будкахъ. Когда Якушкинъ проживалъ въ Петербургѣ, онъ никогда не писалъ ничего литературнаго, развѣ исправлялъ что нибудь, и тогда это дѣлалъ въ задней комнатѣ книжнаго магазина Кожанчикова на Невскомъ, гдѣ у него былъ тамъ также большой пріятель, приказчикъ Н. Н. Трапезниковъ, человѣкъ гигантскаго роста, извѣстный тогда и всей пишущей братіи. Статьи свои П. И. Якушкинъ писалъ и приводилъ въ порядокъ записанный у народа матеріалъ всегда въ деревнѣ у брата своего, Виктора Ивановича, въ Тульской губерніи, въ Чернскомъ уѣздѣ, въ селѣ Старухинѣ, гдѣ когда-то и мнѣ пришлось пользоваться гостепріимствомъ хозяина вмѣстѣ съ Н. С. Курочкинымъ, съ которымъ я заѣзжалъ въ имѣніе В. И. Якушкина.

Прошло двѣ недѣли послѣ сдачи мной «Апраксинцевъ» въ редакцію «Библіотеки для Чтенія», и я, горя нетерпѣніемъ, пошелъ узнать о судьбѣ рукописи. На этотъ разъ я увидѣлъ самого П. Д. Боборыкина. Принялъ онъ меня въ своей штофной гостиной, о роскоши которой тогда было столько разговоровъ среди писателей. Вспоминая теперь эту гостиную, я нахожу, что это была самая заурядная по своей отдѣлкѣ, просто приличная, чистая гостиная, и нынѣ многіе изъ писателей имѣютъ куда болѣе роскошныя комнаты по своей обстановкѣ, не говоря уже объ издателяхъ газетъ и нѣкоторыхъ журналовъ, у которыхъ квартиры въ своихъ домахъ представляютъ чуть ли не музеи по предметамъ искусства и вообще роскоши. Но тогда писатели, да и издатели, всѣ жили очень скромно и даже сѣровато, въ квартирахъ съ голыми стѣнами, среди поломанной и неремонтированной мебели, предупреждая посѣтителя, чтобы на такой-то и такой-то стулъ за ветхостью не садиться. Исключеніе представлялъ развѣ Старчевскій, издававшій «Сынъ Отечества». Некрасовъ и Краевскій имѣли тоже очень скромныя обстановки. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ вѣяніе такое было въ журналистикѣ, что не только дѣлались нападки на роскошь издателей, но и на благосостояніе. Сколько нападокъ претерпѣвалъ Краевскій, а впослѣдствіи Благосвѣтловъ за свои дома! Громили и Старчевскаго. Среди пишущихъ складывалось такъ, что писатель или издатель не долженъ имѣть недвижимой собственности, а жить какъ нибудь, какъ попало. И на самомъ дѣлѣ среди людей литературнаго труда сложился какой-то аскетизмъ, считалось неприличнымъ чѣмъ либо роскошнымъ обзаводиться и даже тратить много на свой костюмъ. Исключеніе представляли только книги, да и тѣ не хранились въ приличныхъ шкапахъ, а стояли просто на открытыхъ полкахъ, лежали на мебели, на подоконникахъ. О некрасовской собольей шапкѣ и роскошной шубѣ, которыя носилъ Некрасовъ зимой, и въ которыхъ онъ изображенъ на одномъ изъ своихъ портретовъ, какъ это ни странно покажется, тоже было много разговоровъ и осужденій, и даже въ печати. Причиной

такого осужденія малѣйшей роскоши, очень можетъ статься, былъ и малый гонораръ того времени за литературныя произведенія. У Краевскаго и Дудышкина въ «Отечественныхъ Запискахъ» обыкновенный гонораръ для непрогремѣвшихъ еще авторовъ былъ не болѣе 50 рублей за листъ въ 34.000 буквъ. Такой же гонораръ былъ и въ «Дѣлѣ» у Благосвѣтлова.

Но я уклонился.

Боборыкинъ былъ одѣтъ франтовски сравнительно съ тѣми писателями, которыхъ мнѣ приходилось тогда видѣть.

Онъ сказалъ мнѣ:

— Прочелъ вашу рукопись съ удовольствіемъ. Свѣжо, ново. Ваши очерки будутъ напечатаны въ слѣдующей же книжкѣ. Мы хотѣли извѣстить васъ объ этомъ письмомъ, но вотъ вы пришли сами.

Затѣмъ онъ разспросилъ меня, гдѣ я такъ изучилъ торговый бытъ; я разсказалъ ему, и мы познакомились. Помню, что я вкратцѣ разсказалъ ему всю мою біографію.

О гонорарѣ я не условливался. Заплачено мнѣ было потомъ редакціей «Библіотеки для Чтенія» по 75 рублей за листъ. Въ распоряженіи моемъ очутились такія деньги, о которыхъ я никогда не мечталъ. Пришлось что-то больше пятисотъ рублей, хотя я получилъ ихъ въ два раза, такъ какъ очерки были помѣщены въ двухъ книжкахъ. Я не вѣрилъ себѣ, хотя деньги были налицо. Признаюсь, я тогда сильно возгордился моимъ положеніемъ и ужъ сталъ небрежно относиться къ моимъ обязанностямъ по службѣ въ кладовой Боненблюста, гдѣ въ то время получалъ только 25 рублей въ мѣсяцъ за свой трудъ. Дядя и хозяинъ дѣлали мнѣ замѣчанія. Я не обращалъ на нихъ вниманія и ужъ не только читалъ «на дѣлѣ», то-есть во время служебныхъ часовъ, но даже писалъ на тюкахъ карандашомъ въ записной книжкѣ наброски моихъ разсказовъ, за каковымъ занятіемъ заставали меня иногда покупатели и съ язвительными улыбочками говорили:

— Въ «Искру» пишете? Съ вами теперь опасно и разговаривать. Какъ разъ пропечатаете ни за что, ни про что.

Молва о моемъ сотрудничествѣ въ «Искрѣ» ходила ужъ по Гостиному двору и во временныхъ лавкахъ на пепелищѣ сгорѣвшихъ рынковъ.

Обращались торговцы и къ дядѣ, говоря ему:

— У васъ теперь страшно и покупать. Того и гляди, въ критику попадешь. Племянничекъ въ «Искрѣ» пописываетъ. Говорить говори, да оглядывайся, а то какъ разъ твои слова подслушаютъ и на смѣхъ тебя поднимутъ въ «Искрѣ».

Дядя смущался и отмалчивался. По всѣмъ вѣроятіямъ, то же самое торговцы говорили Боненблюсту, но они еще ничего не знали о моихъ «Апраксинцахъ». Толстые журналы совсѣмъ не читались

ими, и «Библіотека для Чтенія» никому изъ нихъ не попадала въ руки. Но скоро до нихъ дошли слухи и объ «Апраксинцахъ», и такъ какъ сами они не читали, то, очень можетъ быть, и въ превратномъ видѣ. Я сталъ получать отъ нихъ такія шпильки:

— Клеветой на своего брата торговца стали заниматься? Ловко! Зачѣмъ же тогда вы по торговлѣ служите, если свое сословіе мараете?

Я огрызался. Старался инымъ объяснить, что ни клеветы, ни маранья кого либо въ моихъ писаніяхъ нѣтъ, а есть только изображенія типовъ, быта, характеровъ. Меня не понимали. Становилось несносно. Я задумалъ бросить кладовую, искать себѣ другого мѣста. Но тогда мнѣ и въ голову не приходило, что можно существовать литературнымъ трудомъ. Тѣ деньги, которыя я получилъ за «Апраксинцевъ», казались мнѣ случайнымъ, временнымъ поступленіемъ. Я даже не разсчитывалъ, что опять могу написать такое большое сочиненіе.

Наконецъ и хозяинъ Боненблюстъ обратился ко мнѣ съ упрекомъ по поводу моего писанія, и сдѣлалъ онъ это въ слѣдующей формѣ:

— Я вообще русскихъ газетъ и журналовъ не читаю и иностранныя газеты читаю только серьезныя, но мнѣ наши покупатели жаловались, что вы ихъ въ русскихъ журналахъ пробираете, печатаете про нихъ что-то и поднимаете на смѣхъ. Я не читалъ, но такъ мнѣ сказывали. Вы печатаете свои статьи?—задалъ онъ вопросъ.

— Печатаю, — отвѣчалъ я. — Я пишу въ свободное время, по вечерамъ и печатаю.

— Это хорошо, кто печатаетъ. Я не противъ этого, но печачать надо серьезныя статьи и никого не трогать въ нихъ, въ особенности покупателей. Не надо забывать, что я, вашъ дядя и вы— мы всѣ живемъ отъ покупателей. Имъ надо угождать, а не раздражать ихъ, иначе—какая же это торговля!

Что можно было отвѣчать на это? Онъ по-своему былъ правъ. Положеніе было натянутое. Меня если не увольняли, то только благодаря дядѣ, который для Боненблюста былъ безусловно необходимый человѣкъ. Я уже самъ хотѣлъ бросить кладовую, сказался больнымъ, остался дня на два дома и объявилъ о своемъ рѣшеніи дядѣ, но тотъ на это мнѣ отвѣчалъ:

— Прежде всего надо найти другое мѣсто, а потомъ и уходить. Боненблюстъ добрый человѣкъ и самъ ищетъ для тебя мѣсто въ какой нибудь конторѣ. Въ правленіи страхового общества у него есть пріятель управляющій, и, можетъ быть, онъ тебя туда къ нему помѣститъ.

Такъ и вышло. Впослѣдствіи по рекомендаціи Боненблюста я получилъ мѣсто въ конторѣ перваго страхового отъ огня обще-

ства, но это случилось черезъ годъ, послѣ моей тяжкой болѣзни, перелома ноги, такъ какъ я мѣсяца два пролежалъ съ крахмальной повязкой, долго поправлялся, а затѣмъ уѣхалъ въ Старую Руссу на воды для подкрѣпленія истощенныхъ силъ.

«Апраксинцы» мои были замѣчены и въ литературной средѣ. Объ очеркахъ говорили, появлялись лестныя для меня замѣтки въ печати, но, какъ это ни странно покажется, это было непріятно моему отцу и моему дядѣ. Купцы-торговцы, увидавъ себя въ «Апраксинцахъ», какъ въ зеркалѣ, при встрѣчѣ съ отцомъ и дядей, сѣтовали имъ на меня, говорили колкости и становились во враждебныя отношенія, что̀ для отца и дяди было непріятно и даже невыгодно, въ особенности отцу, который, имѣя мѣсто старосты Гостинаго двора, служилъ обществу торговцевъ и долженъ былъ угождать имъ. Отецъ мой, человѣкъ добрый, даже плакался на свою судьбу и разъ сказалъ мнѣ:

— Лучше бы ты чѣмъ нибудь другимъ занялся въ свободное время, чѣмъ это писаніе, а то черезъ тебя только получаешь непріятности. Мало ли есть другихъ занятій! Ты хорошо знаешь нѣмецкій языкъ—ну, переводи что нибудь, занимайся перепиской, пиши торговыя письма, а вѣдь ты въ своихъ разсказахъ задѣваешь тѣхъ, отъ которыхъ я завишу. Самъ я не противъ твоихъ разсказовъ, но вѣдь я могу черезъ тебя и мѣсто потерять. Да и для дяди нехорошо, непріятно.

Я горевалъ, что своимъ литературнымъ трудомъ приношу моимъ роднымъ непріятности, но все-таки продолжалъ писать, писалъ съ особеннымъ рвеніемъ, помѣщалъ свои разсказы попрежнему въ «Искрѣ» и началъ писать повѣсть «Биржевые артельщики».

Наступилъ 1864 г. Помню, что утромъ въ праздникъ, кажется, въ февралѣ въ нашей квартирѣ раздался звонокъ. Помню, что я самъ отворилъ наружную дверь. Передо мной стоялъ высокій господинъ въ шубѣ и шляпѣ, съ черными небольшими бакенбардами и говорилъ:

— Писателя Лейкина мнѣ надо видѣть. Здѣсь онъ живетъ?

— Здѣсь. Это я,—далъ я отвѣтъ.—Что вамъ угодно?

— Имѣю вамъ кое-что сказать. Позвольте раздѣться. Я—Салтыковъ... писатель Салтыковъ... Щедринъ... Пріѣхалъ отъ Некрасова переговорить съ вами.

Я обомлѣлъ и стоялъ, какъ истуканъ. Передо мной дѣйствительно стоялъ Салтыковъ-Щедринъ, котораго я теперь узналъ по имѣвшемуся у меня его портрету изданія «Художественнаго Листка» Тимма. Я не могъ и представить себѣ такой чести. Салтыковъ самъ снялъ съ себя шубу и повѣсилъ ее въ прихожей на вѣшалку. Я до того растерялся, что даже не помогъ ему сдѣлать этого. Кое-какъ оправившись, я, однако, пригласилъ его въ гостиную. Онъ самъ и началъ:

— Николай Алексѣевичъ Некрасовъ и я читали вашихъ «Апраксинцевъ» въ «Библіотекѣ для Чтенія», и намъ они очень понравились. Читали и ваши милые разсказы въ «Искрѣ». Очень своеобразно. Писать изъ купеческаго быта трудно послѣ Островскаго, но вы не подражаете... У васъ свое... И вотъ Некрасовъ поручилъ мнѣ заѣхать къ вамъ и просить васъ дать намъ что нибудь для «Современника».

Я, какъ говорится, земли подъ собой не слышалъ отъ радости и восторга. Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ-Щедринъ казался мнѣ чѣмъ-то великимъ, недосягаемымъ, и вдругъ онъ у меня! Я зачитывался его «Губернскими очерками», объ немъ я слышалъ столько восторженныхъ рѣчей отъ сотрудниковъ «Искры», отъ самого В. С. Курочкина, который даже ѣздилъ къ нему совѣтоваться съ нѣкоторыми рукописями, какъ мнѣ было извѣстно, а я и на Курочкина смотрѣлъ, какъ на нѣчто огромное.

Кое-какъ я оправился и отвѣчалъ:

— Мнѣ такъ лестно, такъ лестно ваше предложеніе, что я и выразить не могу. У меня есть начатая повѣсть «Биржевые артельщики», но она написана только на половину...

— «Биржевые артельщики»? О, это опять долженъ быть своеобразный бытъ, какъ и ваши «Апраксинцы». Давайте, давайте намъ эту повѣсть для «Современника». Давайте то, что у васъ есть. Мы напечатаемъ начало, а потомъ вы будете продолжать. Вѣдь вы скоро пишете?—говорилъ Салтыковъ.

— У меня и начало еще не отдѣлано. Черновикъ... Надо переписать...

— Такъ отдѣлывайте скорѣй и приносите намъ въ «Современникъ». Мы сейчасъ же напечатаемъ. А вы пишите продолженіе, поналягте хорошенько, поусидчивѣе пишите.

Помню, что на глазахъ моихъ были слезы радости. Они мѣшали мнѣ говорить.

Я обѣщалъ доставить начало рукописи черезъ недѣлю и даже показалъ Салтыкову эту рукопись. Онъ перелистовалъ ее, посмотрѣлъ и проговорилъ:

— Хорошо, четко пишете... И переписывать не надо... И такъ наберутъ. И не такія рукописи набираютъ. Развѣ исправленія будете дѣлать...

Затѣмъ Салтыковъ разспросилъ меня, гдѣ я служу, съ кѣмъ я живу, и, узнавъ, что живу въ большой семьѣ отца, покачалъ головой.

— Въ большой семьѣ трудно заниматься литературной работой,—сказалъ онъ.

Таково было посѣщеніе меня Салтыковымъ.

Приведу кстати отзывъ моего дяди о посѣщеніи меня Салтыковымъ. Онъ не читалъ произведеній Салтыкова и не былъ зна-

комъ съ его литературнымъ значеніемъ. Здѣсь также выразилось его неудовольствіе къ моему литературному труду, а также и пренебрежительный взглядъ на мое положеніе. Онъ не сознавалъ, что я уже выдвигался на литературномъ поприщѣ и, какъ говорится, былъ на виду.

— Кто это у тебя былъ? — спросилъ онъ меня послѣ ухода Салтыкова.

— Знаменитый писатель, сатирикъ, Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ,—отвѣчалъ я, млѣя отъ восторга. — Приглашалъ меня работать въ «Современникѣ».

Дядя нахмурился.

— Знаменитый... Былъ бы знаменитый, такъ къ тебѣ не пріѣхалъ бы,—пробормоталъ онъ.

А дядя былъ добрый человѣкъ, много давалъ отцу въ подспорье на содержаніе нашей семьи и любилъ всѣхъ насъ безгранично.

«Современникъ» былъ на высокомъ счету. Сотрудники его считались литературными генералами. Приглашеніе Салтыкова меня окрылило.

Работа закипѣла. Я засѣлъ за отдѣлку повѣсти «Биржевые артельщики», никуда по вечерамъ не выходилъ изъ дома и писалъ. Даже сказавшись больнымъ, не пошелъ разъ въ кладовую и сидѣлъ надъ рукописью днемъ и ночью и наконецъ приготовилъ ее для отдачи въ «Современникъ». Первая часть повѣсти была написана такъ, что могла считаться какъ бы оконченной. Бытъ артельщиковъ былъ изображенъ вполнѣ, и только фабула разсказа не имѣла еще конца.

Здѣсь я запишу, какъ я познакомился съ Некрасовымъ и при какой обстановкѣ видѣлъ его. Видѣлъ его я всего одинъ разъ и разговаривалъ съ нимъ не болѣе пяти минутъ, но память окончательно измѣняетъ мнѣ, видѣлъ ли я его тогда, когда относилъ рукопись въ «Современникъ», или уже по отпечатаніи ея въ журналѣ.

Часовъ около двухъ дня пришелъ я въ редакцію «Современника», находившуюся въ домѣ А. А. Краевскаго на Литейномъ проспектѣ, на углу Бассейной улицы, при квартирѣ Некрасова. Первое, что я увидалъ въ прихожей, — было чучело громаднаго медвѣдя, стоявшее на заднихъ лапахъ, опершись передними на толстую палку. Во второй комнатѣ, скудно меблированной, опять два медвѣдя — одинъ изображавшій диванъ, другой медвѣдь въ углу, на дыбахъ и съ подносомъ въ лапахъ, на которомъ стояли графинъ и стаканъ. Въ этой комнатѣ меня встрѣтили Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ и Аполлонъ Александровичъ Головачовъ. А. Н. Плещеевъ писалъ что-то за письменнымъ столомъ. Кажется, онъ въ то время былъ секретаремъ редакціи. Какъ съ Плещеевымъ, такъ и съ Головачовымъ я встрѣтился тогда въ первый разъ. Я

сказалъ свою фамилію, и мы познакомились. Плещеевъ тогда былъ полный блондинъ, еще безъ сѣдины, съ большой окладистой бородой, съ добродушными голубовато-сѣрыми глазами, съ очень густыми волосами на головѣ; Головачовъ—черный съ красноватымъ лицомъ, нѣсколько лысоватый уже и тоже съ окладистой бородой. Узнавъ, что я желаю видѣть Некрасова, они мнѣ сказали, что онъ занятъ съ кѣмъ-то, но скоро освободится.

Некрасовъ дѣйствительно скоро освободился, и я вошелъ къ нему въ кабинетъ, откинувъ тяжелую портьеру. Тамъ, въ кабинетѣ, были опять два медвѣдя: одинъ лежалъ подъ письменнымъ столомъ, другой стоялъ въ углу. Некрасовъ былъ страстный охотникъ, и эти медвѣди, изъ которыхъ были сдѣланы чучела, были имъ самимъ убиты, какъ разсказывали мнѣ. Некрасовъ поднялся изъ-за письменнаго стола и направился ко мнѣ навстрѣчу, когда я вошелъ къ нему. Съ маленькой черной бородкой съ просѣдью, съ рѣдкими волосами на головѣ, черезъ которые на лбу и на темени просвѣчивала кожа, одѣтъ онъ былъ въ бархатную жакетку, и изъ-за жилета выглядывалъ кусочекъ яркаго краснаго галстуха. Некрасовъ въ то время имѣлъ видъ больного человѣка, лицо его было желтовато сѣрое, на ходу онъ какъ-то хлябалъ ногами и говорилъ сиплымъ голосомъ.

— Читалъ, все ваше читалъ. Знакомъ съ вашими произведеніями. Мнѣ они нравятся. Да и вообще это такой бытъ, изъ котораго надо писать теперь, кто его знаетъ,—говорилъ онъ мнѣ.— Теперь надо знакомить читателя съ народомъ и съ тѣмъ людомъ, который выходитъ изъ народа. Вѣдь въ нихъ вся будущность Россіи... Пишите, батенька, намъ, пишите, а мы будемъ печатать. Вѣдь вы еще не окончили ту повѣсть, которую дали намъ... Мы ждемъ окончанія. И поторопитесь, поторопитесь окончаніемъ.

Я обѣщалъ. Затѣмъ поднялся и сталъ откланиваться. Некрасовъ меня не удерживалъ. При прощаніи со мной, онъ взялъ мою руку одной рукой, прикрылъ ее другой своей рукой и хотя сиплымъ, но ласковымъ голосомъ проговорилъ:

— До свиданія... Увидимся, когда принесете окончаніе рукописи. Пишите, пишите... У васъ хорошо выходитъ. Вы знаете тотъ бытъ, изъ котораго пишете. Но одно могу посовѣтовать... У васъ добродушно все выходитъ. А вы, батенька, злобы, злобы побольше... Теперь время такое. Злобы побольше...

Онъ потрясалъ мою руку и, когда я уже очутился въ дверяхъ, опять крикнулъ мнѣ:

— Помните, батенька: злобы побольше!

Окончаніе повѣсти «Биржевые артельщики» не удалось мнѣ доставить своевременно. Ранней весной, въ гололедицу, возвращаясь домой изъ гостей отъ моей тетки, вмѣстѣ со всей моей семьей, я упалъ на Загородномъ проспектѣ, у Пяти Угловъ, и такъ не-

удачно, что сломалъ себѣ ногу. Паденіе было ужасное по своимъ послѣдствіямъ. Изломъ оказался въ шейкѣ бедра. Сначала думали, что у меня только сильный ушибъ съ растяженіемъ связокъ, но потомъ врачи убѣдились, что былъ переломъ, такъ какъ нога укоротилась. Меня подняли безъ чувствъ, привезли домой, и дворникъ съ большимъ трудомъ внесъ меня на плечахъ въ нашу квартиру. Боль была страшная. Дѣло было ночью. Долго не могли найти доктора, и въ концѣ концовъ онъ пріѣхалъ только утромъ. Какъ бы то ни было, но въ результатѣ я былъ прикованъ къ постели. Сначала компрессы, а затѣмъ крахмальная повязка. Первое время нельзя было не только писать, но даже и читать. Малѣйшее движеніе причиняло невыносимую боль. Да и впослѣдствіи нельзя было не только садиться, но даже и приподниматься, такъ какъ повязка была положена до живота. И какъ же грызла меня совѣсть, что я не могу доставить окончаніе повѣсти въ «Современникъ»! А тамъ ждали и не печатали начала. Узнавъ о моей болѣзни, меня пріѣхалъ навѣстить А. А. Головачовъ и спрашивалъ объ окончаніи повѣсти. Я отвѣчалъ, что, какъ только немного мнѣ будетъ полегче, я хоть лежа, но примусь писать. А легче не дѣлалось. Съ постели я всталъ только въ маѣ, изнуренный, кое-какъ передвигался по комнатѣ на костыляхъ и писать совсѣмъ не могъ. Кромѣ того, меня угнетало то, что изломанная моя нога, хотя и срослась кое-какъ, но послѣ снятія повязки совсѣмъ не двигалась ни выше колѣна, ни въ колѣнѣ и висѣла, какъ плеть.

А въ «Современникѣ» ждали окончанія повѣсти и только въ іюлѣ, уже извѣрившись, что окончаніе будетъ доставлено, помѣстили въ № 7 журнала моихъ «Биржевыхъ артельщиковъ», не упомянувъ, что будетъ окончаніе повѣсти. Окончаніе я, однако, доставилъ къ ноябрьской книжкѣ «Современника», въ которой оно и было напечатано. Этимъ объясняется перерывъ повѣсти съ № 7 до № 10 журнала. А въ Петербургѣ, среди читающей публики, ходили слухи, что окончаніе повѣсти въ № 8 потому не было напечатано, что будто его не пропустила цензура.

Н. Лейкинъ.

УСТИНОВА ПРАВДА.

(Изъ деревенскихъ настроенiй).

I.

НЕСПОКОЙНОЕ еще съ лѣта настроенiе крестьянъ нашего уѣзда перешло осенью, какъ и вездѣ, въ открытое броженiе, быстро разгоравшееся подъ влiянiемъ неожиданно со всѣхъ сторонъ нахлынувшихъ «новыхъ» словъ, идей, фактовъ. И непонятные «манифесты», манящiе чѣмъ-то хорошимъ, желаннымъ, и тревожныя газетныя извѣстiя о повсемѣстныхъ смутахъ, и появившiеся всюду «листки» съ смѣлыми и грозными рѣчами, зовущими однихъ куда-то въ заманчивую даль, а другихъ къ отвѣту, и откровенныя рѣчи «ораторовъ» на открывшихся вдругъ свободныхъ сходкахъ—все это произвело ошеломляющее впечатлѣнiе на мирно дремавшихъ доселѣ крестьянъ. Было отчего закружиться ихъ головамъ и расшататься нервамъ...

Въ томъ «новомъ», что такъ негаданно нахлынуло на крестьянъ, чуялось сначала что-то страшное, непонятное, загадочное. Но такъ было на первыхъ порахъ, подъ свѣжимъ впечатлѣнiемъ ошеломляющей новизны. Потомъ, когда первый угаръ прошелъ, крестьяне живо орiентировались по-своему въ хаосѣ новыхъ идей и выудили оттуда только то, что съ незапамятныхъ временъ лелѣялось въ самыхъ сокровенныхъ тайникахъ народной души. Мозги народа, вѣками работавшiе волею-неволею въ одной узкой области практи-

ческихъ, шкурныхъ интересовъ, именно сюда устремились и теперь, на зарѣ новой жизни. Ему показалось, что наступилъ давно желанный моментъ осуществленія тѣхъ мечтаній о «мужицкомъ раѣ» на землѣ, который споконъ вѣка мерещился отцамъ, дѣдамъ, прадѣдамъ...

Невѣсть отъ коихъ поръ прочно залегла у крестьянъ твердая вѣра въ то, что наступитъ время «чернаго передѣла», когда «вся земля будетъ мужицкою»... И вотъ вдругъ то самое, что только во снѣ снилось да потихоньку обсуждалось «промежъ себя», какъ несбыточная мечта о «царствіи небесномъ» на землѣ, это самое какъ будто начинаетъ осуществляться наяву, да еще въ такой обольстительной обстановкѣ, о какой и не грезилось раньше...

Была объявлена «свобода», понятая крестьянами, какъ освобожденіе отъ всякихъ обязанностей, какъ свобода дѣйствій, какъ своеволіе и самоволіе. Такое толкованіе еще болѣе подтверждалось объявленною «свободою совѣсти», которую быстро поняли, какъ «свободу отъ совѣсти»... Все это было такъ ясно, просто, понятно и всѣмъ, кромѣ рѣдкихъ ригористовъ, пришлось по сердцу... Головы заработали во всю, а новые факты быстро несшейся кругомъ жизни только подливали масла въ огонь.

Начались желѣзнодорожныя, фабричныя, почтовыя забастовки, коснувшіяся отчасти и нашей мѣстности, но понятыя населеніемъ своеобразно. Въ обиходъ крестьянской рѣчи вошли новыя слова: «забастовка», какъ означеніе всякаго насильственнаго дѣянія, сопровождаемаго погромомъ, сокрушеніемъ «животовъ», жилищъ и проч. «Забастовать» кого — это у насъ значитъ, разгромить домъ, повредить имущество и т. п., иногда и съ насиліемъ надъ личностью. «Холодная забастовка» — разбитіе стеколъ или выемка оконныхъ рамъ въ домѣ.

Обогатился народный языкъ и другими новыми словами: «ораторъ», «митингъ», «республика», «революція» и др. — все это стало вдругъ понятно самому захудалому крестьянину. Даже малые ребята начали охотно играть въ какую-то новую свою игру — «забастовку».

А бородатые, взрослые «ребята» — отцы и братья — тоже повели новую игру, но посерьезнѣе. Рѣдкіе изъ болѣе развитыхъ крестьянъ, особенно изъ фабричной молодежи, сознательно отнеслись къ новымъ идеямъ революціоннаго характера, какія доходили до нихъ на митингахъ въ городѣ и на фабрикахъ и заводахъ уѣзда. Но и эти «крайніе лѣвые», и сознательные, и безсознательные, недалеко ушли въ своихъ конечныхъ стремленіяхъ отъ «лѣвыхъ», «умѣренныхъ» и «правыхъ». Всѣхъ одинаково обуяла жажда «землицы» — исконная жажда и русскаго, и всякаго крестьянства. Всѣ помыслы сюда устремились, и въ осуществленіи ихъ увидѣли единственный смыслъ новыхъ вѣяній. Недурны и другія возвѣщенныя

блага — «свобода отъ совѣсти», «свобода отъ податей и отъ начальства» и проч. и проч., но все это было на второмъ планѣ, а краеугольнымъ камнемъ всего ставилось именно надѣленіе «даровой землицей».

И такой желанный выводъ получался не столько изъ рѣчей «ораторовъ» на сходкахъ, или изъ прокламацій крайнихъ и разной нелегальной литературы, распространявшейся у насъ, какъ и вездѣ въ фабричныхъ мѣстностяхъ. Все это было доступно далеко не всѣмъ крестьянамъ. Но то, что требовалось имъ, чего они жаждали, къ чему неудержимо стремились, — все это нашли они въ опубликованныхъ правительственныхъ актахъ—манифестахъ, указахъ и пр. Въ этихъ случаяхъ они—удивительные мастера «читать между строкъ» и вездѣ находить именно и только то, что имъ желательно...

Даже въ такомъ невинномъ актѣ, какъ «манифестъ 6 августа», крестьяне прозрѣли именно то, чего жаждутъ: выслушавшіе въ церкви манифестъ рѣшительно увѣряли, будто въ немъ шла рѣчь «объ отобраніи земли отъ помѣщиковъ»... А когда посыпались октябрьскія и ноябрьскія «милости», закружившія головы не однихъ крестьянъ, послѣдніе сочли вопросъ о землѣ безповоротно рѣшеннымъ и всецѣло въ ихъ сторону. Было отчего прійти въ восторгъ и потерять голову, когда изъ объявленныхъ «царскихъ милостей» крестьяне сдѣлали такой безапелляціонный выводъ:

— Слава-те Господу! Дождались... Вся земля теперь отойдетъ къ намъ и задаромъ: за все казна заплатитъ... Еще разокъ возьметъ съ насъ выкупныя, а потомъ ни-ни! Никакахъ податей съ насъ не будетъ...

Когда проникли въ деревню толки о государственной думѣ, крестьяне и сюда внесли своеобразное толкованіе, отвѣчавшее ихъ задушевнымъ чаяніямъ... Они толковали:

— Ну, теперь шабашъ начальству!.. Ни тебѣ земскаго, ни судейскаго, ни урядника, ни исправника — никого не будетъ!.. Все будетъ вершить дума, а больше никого не надо — проживемъ и безъ начальства... Буде, покуражились вволю надъ нами!..

Такъ образовались три «кита», на которыхъ покоится вся суть крестьянскихъ вожделѣній: «вся земля наша, налоговъ никакихъ, начальства не полагается»... И больше ничего имъ не требуется, разъ эти три «кита» будутъ незыблемы... Не нужны имъ ни судъ, ни земство, ни школы, никакая культура, ничто «господское», «барское»!.. Дайте имъ жить «по-своему» и не мѣшайте образовать «мужицкое земство», т.-е. возвращеніе назадъ, «домой», ко временамъ «скиѳовъ и сарматовъ»...

Къ такому антигосударственному и антикультурному выводу приходитъ народъ, прожившій болѣе 1000 лѣтъ какъ-никакъ, а все-таки въ формахъ государственной жизни, и даже проявившій

немалую прикосновенность къ міровой культурѣ!.. И пусть «лутчіе люди» этого народа идутъ не только рядомъ, но часто и впереди нашей интеллигенціи, служа одному идеалу культуры и общественности,—тутъ мало утѣшительнаго, когда милліоны народныхъ массъ не идутъ за своими вождями, предпочитая превращеніе въ дикія орды первонасельниковъ земли, которыя сметутъ всю нашу еще такую скромную культуру...

Не даромъ многіе во всемъ этомъ видятъ ужасающій призракъ разложенія и, можетъ быть, умиранія націи... Но такъ страстно не хочется вѣрить въ возможность этого смертнаго приговора... такъ жаждешь уловить въ народномъ самосознаніи хотя бы ничтожныя черточки какихъ нибудь культурныхъ проявленій... такъ трепетно ищешь вездѣ хотя бы нѣскольких «праведниковъ», ради которыхъ Богъ Русской земли пощадитъ ее отъ конечной гибели!..

И дѣйствительно, кое-гдѣ чуть-чуть проскальзываютъ малозамѣтные, очень-очень маленькіе, но все же свѣтлые лучи правды... Чаще всего она исходитъ оттуда, гдѣ и не ждалъ ея — отъ «малыхъ сихъ», сохранившихъ ее всецѣло, когда кругомъ вездѣ она затерялась, у всѣхъ закружились, угорѣли головы среди водворившейся всюду анархіи. Объ одномъ изъ такихъ бодрящихъ проявленій правды—объ «Устиновой правдѣ»—разскажу ниже.

II.

Наши «крайніе лѣвые» изъ тѣхъ крестьянъ, что̀ сознательно относятся къ программѣ будущаго и не чужды культурныхъ стремленій, постоянно твердили колеблющимся:

— Мы стоимъ за правду!.. и мы добьемся ея — погодите!..

Болѣе или менѣе они были правы, утверждая такъ, но они забывали, что къ правдѣ нужно подходить правдивыми, честными путями, что чистое дѣло требуетъ и чистыхъ средствъ, что нечистыми руками нельзя прикасаться ни къ чему святому...

Правда, не было въ нашемъ уѣздѣ ни страшныхъ разгромовъ, ни озвѣрѣнія толпы, ни потоковъ крови. Сравнительно умѣренное настроеніе крестьянъ объясняется отчасти и спокойной натурой сѣверянина, и относительнымъ общимъ развитіемъ населенія фабричной, промышленной губерніи, и лучшими достатками его. Земля здѣсь неважная, но ея еще достаточно—«нищенскихъ» (даровыхъ) надѣловъ здѣсь не знали, а у бывшихъ казенныхъ и удѣльныхъ крестьянъ земли даже изобильно, не вся и обрабатывается. У рѣдкихъ обществъ нѣтъ лѣсовъ, а были они отведены почти всѣмъ. Урожаи здѣсь посредственные, но зато полныхъ неурожаевъ и голодовокъ совсѣмъ не знаютъ. Нехватки съ земли восполняются съ избыткомъ заработкомъ на фабрикахъ, заводахъ, кустарныхъ и другихъ промыслахъ. Въ большомъ развитіи ягодное хозяйство,

посѣвы клевера и т. п. шаги къ интенсивному хозяйству. Улучшенныя сельскохозяйственныя орудія—въ большомъ ходу и спросѣ. Избы хорошія, немало и каменныхъ.

Словомъ, нужды здѣсь никогда не было (по крайней мѣрѣ, о ней не помнятъ) и сейчасъ нѣтъ (за единичными исключеніями, вездѣ возможными), и сами крестьяне говорятъ, что имъ «жить можно». И все же, это достаточное, развитое, энергичное крестьянство пошло на грабежи, поджоги и всякія насилія, когда насталъ періодъ революціи. У всѣхъ, и богатыхъ, и бѣдныхъ, одинаково разгорѣлись аппетиты на чужое добро, зависть къ чужому благосостоянію и стремленіе урвать изъ него что нибудь для себя, поднять свои достатки на чужой счетъ, воспользоваться даровщинкой...

Въ разгаръ революціи, въ октябрѣ и ноябрѣ, наступила зима, и единственнымъ объектомъ для проявленія новой «свободы» оказались одни лѣса, которыми еще богатъ нашъ уѣздъ. Первымъ дѣломъ крестьяне стали сводить свои лѣса, особенно далекіе отъ селеній, чтобы на нихъ не позарились ближайшіе крестьяне. Если же гдѣ надѣялись сохранить свой лѣсъ, тамъ его не трогали, а бросались на лѣса крупныхъ землевладѣльцевъ. Началось съ мелкихъ порубокъ, всегда существовавшихъ, но теперь усилившихся необычно. Извѣстно, что нѣтъ у лѣса болѣе страшнаго и «принципіальнаго» врага, какъ русскій мужикъ... И вотъ для него настало полное раздолье, ничѣмъ не сдерживаемое.

Пресловутые «лѣсоохранительные комитеты» — притча во языцѣхъ и въ мирное время, теперь были сведены къ нулю, и veto на рубку лѣса перешло къ крестьянскимъ обществамъ. Всѣмъ землевладѣльцамъ, начавшимъ зимнюю сводку лѣса, запроданнаго уже на фабрики, заводы и т. д., крестьяне «запретили» продолжать рубку, говоря, что сводимые лѣса «наши», или, «може, будутъ наши», или же «были нашими»...

Владѣльцы и лѣсопромышленники вынуждены были не только подчиниться такому запрещенію сводки собственныхъ лѣсовъ, но и молча смотрѣть на всѣ дальнѣйшія насилія и грабежи крестьянъ. Кое-гдѣ крестьяне не трогали нарубленнаго владѣльцами лѣса, не позволяя, однако, и послѣднимъ воспользоваться своимъ добромъ. Но въ другихъ случаяхъ срубленный лѣсъ увозился крестьянами, ехидно при этомъ говорившими:

— Спасибо барину! добрая душа!... ишь сколько для насъ нарубилъ дровецъ — не на одну зиму хватитъ... добре! Вреды тутъ для насъ нѣту...

И, ничтоже сумняся, тащили чужое добро, ни во что ставя чужой трудъ—рубщиковъ, пильщиковъ, возчиковъ... Все это была своя же братія, сильно нуждавшаяся въ лѣсномъ заработкѣ и возмущенная потерею его. Но приходили сосѣди, предъявлявшіе на

лѣсъ фиктивныя права, и «снимали» лѣсныхъ рабочихъ. Послѣдніе иногда протестовали, мѣстами дѣло доходило «до кольевъ», но сила толпы и кулака вездѣ брала верхъ.

У одного землевладѣльца было нарублено до двухъ тысячъ саженъ дровъ, и рубка была остановлена сосѣдними крестьянами, начавшими затѣмъ таскать для себя и продавать на базарахъ чужія дрова. У другого остановили рубку въ одной части лѣса, ближайшей къ селу, а сами начали самовольно рубить въ болѣе отдаленной части того же лѣса. И во многихъ другихъ частныхъ лѣсахъ застучали немилосердно крестьянскіе топоры, рубя какъ попало, что̀ приглянулось имъ и выходило «сподручно»... Индѣ рубили только фабричные лѣса, а «барскіе» берегли, въ полной увѣренности, что послѣдніе принадлежатъ крестьянамъ и «по всѣмъ правамъ» къ нимъ отойдутъ. По тѣмъ же мотивамъ берегли для себя и удѣльные лѣса.

III.

Стонъ пошелъ по лѣсамъ... Разсказывали о любопытныхъ сценахъ, разыгрывавшихся тутъ. Отмѣчу кое-что изъ нихъ.

Крестьянинъ средняго достатка, сильно ухаживавшій за сосѣднею «господскою» усадьбою, въ чаяніи разныхъ благъ, приходитъ къ управляющему и говоритъ:

— Отпусти-ка мнѣ сажень дровецъ... Гдѣ наше не пропадало!... Еще разокъ куплю у васъ, а потомъ всѣ будемъ такъ брать, даромъ...

Выдали ему билетъ на вывозку сажени дровъ. Черезъ нѣсколько дней, когда онъ уже вывезъ купленныя дрова, лѣсной сторожъ замѣтилъ на складѣ, что кто-то беретъ и увозитъ дрова самовольно, не заплативши денегъ. Прослѣдили—и оказалось, что воруетъ тотъ самый крестьянинъ, который такъ откровенничалъ съ управляющимъ. Его захватили «на мѣстѣ преступленія», и онъ отбоярился тѣмъ, что ходилъ де за новымъ билетомъ къ управляющему, да не засталъ его дома... Въ тотъ же день онъ «выправилъ» билетъ. Совѣстно было ему, достаточному мужику и первому оратору на мірскихъ сходкахъ, получить кличку «вора», да побоялся и въ «протоколъ» попасть.

Другой крестьянинъ купилъ у того же владѣльца двѣ сажени дровъ, а доставилъ въ городъ одному изъ мѣстныхъ бюрократовъ до десяти саженъ... Такія выгодныя «поставки» были въ большомъ ходу и не преслѣдовались владѣльцами, чтобы «не дразнить мужичка», свободно нагуливавшаго большіе аппетиты къ чужому добру. Да и трудно было выводить на свѣжую воду эти продѣлки, разъ даже чиновные покупатели не прочь были «малость съэкономить» на «удачной» покупкѣ «завѣдомо краденаго».

Крестьяне безцеремонно относились къ лѣсамъ всѣхъ владѣльцевъ безъ разбора—и крупныхъ, и мелкихъ, и сильныхъ, и слабыхъ. Самымъ богатымъ лѣсовладѣльцемъ въ уѣздѣ состоитъ большой, «столбовой» баринъ, чиновная и титулованная особа, съ огромнымъ вліяніемъ въ уѣздѣ и значительнымъ въ губерніи, со связями въ Питерѣ. И вотъ даже такая «особа» не смогла защитить своихъ лѣсовъ отъ наѣздовъ «мужичковъ» и ограничилась такими «шутливыми» діалогами съ ними, когда они явились въ его лѣсъ съ топорами:

— Зачѣмъ рубите мой лѣсъ?

— Ишь, што сказалъ—«мой» лѣсъ!... ты што ли его насадилъ?! Божій онъ, а не твой...

— Да и вы его не садили, какой же онъ вашъ?...

— И нашъ онъ, и твой, и всѣхъ, кому требуется...

— Когда будете сводить, оставьте и на мою долю...

— Ладно! оставимъ... мы по-божески... зачѣмъ озорничать?... Свой пай ты получишь... будь спокоенъ!...

Однако, лѣсовъ у сіятельной особы такъ много, что отъ лѣсныхъ операцій сосѣдняго мужика они мало пострадали.

Не щадили крестьяне лѣсовъ даже своихъ завѣдомыхъ и общепризнанныхъ «вождей», полагавшихъ «за мужика» если не душу свою, то хотя время и языкъ... «Анфанъ-терриблемъ» нашего уѣзда оказался дворянинъ Слюнинъ, тоже изъ «столбовыхъ» помѣщиковъ, владѣлецъ порядочнаго имѣнія. Раньше онъ былъ земскимъ дѣятелемъ — членомъ управы, но велъ земское дѣло чисто по-канцелярски, ничѣмъ не выдѣляясь изъ обычнаго ряда народившихся въ послѣднее время такого рода господъ. Но одна «партія» выжила его изъ управы, тогда онъ объявилъ походъ противъ земства, даже къ «литературѣ» тутъ прибѣгалъ... Коекакая правда была въ его нападкахъ на мѣстное земство — и это дало ему большую извѣстность даже за предѣлами уѣзда, особенно среди крестьянъ, интересы которыхъ онъ открыто сталъ теперь отстаивать.

Въ періодъ революціи Слюнинъ еще болѣе «покраснѣлъ» и волею-неволею сдѣлался, если не главою крестьянскаго движенія въ уѣздѣ, то однимъ изъ руководителей его. Онъ устраивалъ митинги, ораторствовалъ на нихъ, распространялъ нелегальную литературу, пріобрѣталъ «агентовъ», какъ называли крестьяне его сотрудниковъ. Онъ «громилъ капиталъ», «поднималъ пролетаріатъ», организовывалъ «борьбу» послѣдняго съ первымъ, развертывалъ красные флаги и т. д.

Но... ему такъ хотѣлось въ сущности—«и капиталъ пріобрѣсти, и невинность соблюсти»... Онъ примазался къ новому движенію, врядъ ли будучи его искреннимъ поклонникомъ. Во всякомъ случаѣ, онъ и теперь не забывалъ своихъ личныхъ цѣлей. Имѣніе

его давно заложено, денегъ нѣтъ, дѣла запутались... А тутъ, когда началась пропаганда, у Слюнина вдругъ появились деньги, какъ говорятъ, въ большомъ количествѣ полученныя имъ откуда-то на пропаганду. Пусть это и неправда, но Слюнинъ смѣло могъ теперь разсчитывать на другія «блага» въ будущемъ: ему мерещилось, если не званіе депутата въ россійскомъ парламентѣ, то хотя верховенство въ мѣстномъ земствѣ. А то и другое улыбается вѣдь не однимъ почетомъ...

Но онъ не выдержалъ до конца взятой на себя роли и слишкомъ рано выложилъ свои карты на столъ... Натравливая крестьянъ «на капиталъ», онъ вдругъ самъ оказался капиталистомъ чистой воды...

Популярность его среди крестьянъ первое время была такъ велика, что, «разрѣшая» имъ «громить» все и всѣхъ, онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что ужъ его-то самого и его имѣніе «пальцемъ не тронутъ»... Велико было разочарованіе Слюнина, когда обстоятельные мужички вдругъ начали дипломатически выпытывать у него на митингахъ:

— Значитъ, теперича такой порядокъ будетъ: вся земля у господъ къ мужику отойдетъ?..

— Все, все берите у нихъ, все ваше...—подтверждаетъ Слюнинъ.

— Такъ-съ... значитъ, и твоя земля нашей будетъ?..

Слюнинъ даже поперхнулся отъ неожиданности, но скоро «нашелся» и говоритъ, сбавивъ тономъ пониже:

— Видите ли... гм... но мое имѣніе... купленное...

Мужика опѣшили отъ такой наглой лжи, хорошо зная, что имѣніе Слюнина—родовое. Толпа загалдѣла:

— У кого жъ ты его купилъ? у родителя своего, что ли?.. а родитель купилъ у дѣда? Диковинная штука!.. вотъ такъ купленное!.. эка брякнулъ!..

Въ толпѣ послышался хохотъ... Авторитетъ «вождя» сразу сталъ блекнуть... Онъ поспѣшилъ «поправить» свой промахъ, говоря:

— То-есть... гм... видите ли... да, имѣніе я получилъ отъ отца, но оно теперь не мое: оно заложено въ банкѣ... и въ большой суммѣ... Если вы его возьмете, то долгъ на васъ перейдетъ...

Этотъ резонъ показался крестьянамъ убѣдительнымъ, и они замолчали. Но дурное впечатлѣніе было уже сдѣлано, и крестьяне стали осторожнѣе относиться къ рѣчамъ Слюнина, сомнѣваясь въ ихъ искренности. А новый провалъ «теорій» Слюнина, страшно разошедшихся съ его «дѣломъ», окончательно подорвалъ его престижъ.

Устроилъ онъ митингъ въ сосѣднемъ съ его имѣніемъ селѣ, принадлежащемъ богатой помѣщицѣ Вариной. Крестьяне отнеслись равнодушно къ высокому полету рѣчей Слюнина, но заявили ему о своей практической нуждѣ:

— Намъ бы вотъ лѣску прирѣзать...

— Чего тамъ прирѣзать!..—воскликнулъ Слюнинъ:—смѣло рубите вотъ тотъ лѣсъ Вариной...

— Поди, достанется за то...

— Ничего не будетъ... валите, сколько нужно!..

— Какъ бы не влетѣло намъ...

— Ничего, ничего... сводите смѣло!..

Уѣхалъ онъ, а мужики резонно разсудили, что «для пробы» лучше начать съ лѣса самого Слюнина... Такъ и сдѣлали на другой день: явились въ ближайшій къ селу лѣсъ Слюнина и начали рубить.

Узнаетъ Слюнинъ и не выдержалъ... заговорила кровь родовитаго капиталиста... Куда дѣлись «разрывныя» теоріи и «погромныя» рѣчи!.. Летитъ въ свой «купленный у родителя» лѣсъ и съ гнѣвомъ напускается на «свободныхъ пролетаріевъ», имъ же просвѣщенныхъ...

— Какъ вы смѣете рубить мой лѣсъ?.. я для васъ стараюсь... хлопочу за васъ... рискую всѣмъ... А вы—грабить меня?!

— Да вѣдь ты, баринъ, чай, самъ вечоръ сказывалъ, что все теперь наше... и лѣсомъ, значитъ, пользуйтесь, сколь душѣ угодно... Мы и повѣрили тебѣ...

— Да я вамъ сказалъ рубить лѣсъ Вариной...

— Точно, ты намъ это сказывалъ, да намъ твой лѣсъ куда сподручнѣе! Къ Вариной ѣхать—ишь каку гору надо одолѣть! коней перемучишь... А до твоего лѣску рукой подать: и намъ оно лестно, и конямъ пріятно... Нѣтъ, ужъ коли ты самъ сказывалъ, что за порубку въ чужомъ лѣсу намъ ничего не будетъ, такъ намъ самый слѣдъ съ тебя и начать...

Принялся Слюнинъ уговаривать крестьянъ и насилу отстоялъ свой лѣсъ, давъ имъ что-то на водку...

Лѣсъ былъ спасенъ, но престижъ революціонера совсѣмъ погибъ, и недавній «анфанъ-террибль», наводившій ужасъ на весь уѣздъ, превратился въ мокрую курицу, не разъ потомъ едва уносившую ноги отъ тѣхъ же мужиковъ, которые недавно еще смотрѣли на него, какъ на вождя и пророка... Дѣтей нельзя обманывать: они чутки ко всякой фальши.

IV.

Разумѣется, «власти не дремали» и дѣлали отчаянныя попытки зажать голыми руками прорвавшуюся плотину...

Исправникъ у насъ—изъ русскихъ нѣмцевъ, бравый военный человѣкъ, весьма порядочный и умница, сердечно относящійся къ народу, умѣющій и говорить и ладить съ нимъ. Крестьяне «одобряютъ» его и прямо говорятъ о немъ:

— Коли бы все начальство было такое, какъ онъ, можно бы жить и не плакать...

Аттестація—очень высокая, разъ мужикъ знаетъ по горькому опыту, что всякое «начальство» надъ нимъ словно для того и установлено, чтобы онъ вѣчно отъ него «плакался»...

Затрещали отъ крестьянскихъ топоровъ лѣса одного изъ столбовыхъ дворянъ, и исправникъ полетѣлъ отстаивать ихъ. Долго онъ уговаривалъ крестьянъ всячески—и какъ представитель власти, и «какъ частный человѣкъ, желающій имъ добра». Но они упорно стояли на своемъ:

— Хошь въ острогъ насъ сади, хошь въ Сибирь ссылай, а рубить мы будемъ... Потому нельзя намъ не рубить, коли всѣ рубятъ!.. Эка благодать пошла, а мы станемъ отказываться?! какъ люди, такъ и мы... дождались праздничка своего!..

— Братцы! вы противъ царя идете: онъ запрещаетъ насилія и самовольство...—прибѣгаетъ исправникъ къ послѣднему доводу.

— Што ты говоришь?! — искренно удивляются мужики: — на этомъ самомъ мѣстѣ Слюнинъ давеча толковалъ намъ, што онъ былъ въ Питерѣ и съ самимъ царемъ говорилъ, и царь все ему приказалъ насчетъ, значитъ, мужика...

— Вретъ вашъ Слюнинъ! не вѣрьте ему!.. Какъ же! будетъ съ нимъ царь говорить!..

Нѣсколько часовъ бился съ ними исправникъ и ничего не добился. Махнулъ онъ рукою и на эту, и на всѣ остальныя порубки, не прибѣгая къ силѣ, которой тогда и не было у него.

Да и что могъ подѣлать исправникъ, когда мужики смѣло рубили лѣса даже въ имѣніи мѣстнаго губернатора, несмотря на присутствіе тамъ самого сановнаго помѣщика? Когда къ нему обратился за совѣтомъ сосѣдній землевладѣлецъ, жалуясь на вырубку его лѣса, губернаторъ откровенно сказалъ:

— Что дѣлать! и у меня рубятъ, и я не могу остановить ихъ... Потерпите... а пока записывайте виновныхъ въ порубкѣ...

Часть своего лѣса губернаторъ сводилъ самъ, запродавши дровъ на 12 тысячъ рублей сосѣднему заводу. Крестьяне остановили эту сводку, и въ самый разгаръ желѣзнодорожной забастовки, когда заводъ очень нуждался въ дровахъ. Чтобы выручить закупленныя у губернатора дрова, директоръ завода сдѣлалъ крестьянамъ такое предложеніе: онъ выдаетъ имъ «расписку» въ томъ, что если судъ присудитъ лѣсъ въ пользу крестьянъ, то онъ вернетъ имъ 12 тысячъ рублей за дрова... Крестьяне согласились, взяли «расписку», «разрѣшили» возить дрова на заводъ и сами же взялись за этотъ подрядъ... Разумѣется, директоръ, уже заплатившій деньги губернатору, не боится второй уплаты, такъ какъ вполнѣ убѣжденъ, что у крестьянъ нѣтъ никакихъ доказательствъ своего права на лѣсъ, кромѣ одного разыгравшагося аппетита...

Такъ все шло у насъ сравнительно «тихо и благородно»... Единственная трагикомедія разыгралась у богатаго дворянина Дрянина, владѣльца нѣсколькихъ имѣній, большого кулака высокой пробы, держащагося относительно крестьянъ, имѣющихъ несчастіе быть его сосѣдями, политики штрафовъ, всяческихъ прижимокъ и объегориванія. За послѣднее лѣто онъ оштрафовалъ «своихъ» мужичковъ (небольшое село, около двадцати дворовъ) на цѣлыхъ 500 рублей. Когда началась «свобода», они порѣшили вернуть съ кулака натурою эти штрафныя деньги: все село, кромѣ трехъ дворовъ, не хотѣвшихъ насилія даже въ борьбѣ съ ненавистнымъ Дрянинымъ, порѣшило забрать скошенный овесъ на барскомъ полѣ и нарубленныя дрова въ его же лѣсу, всего именно «на 500 рублей», ни болѣе ни менѣе. Все разочли «дотошно», до послѣдней копеечки, какъ слѣдуетъ по мужицкой бухгалтеріи, самой точной изъ всѣхъ существующихъ на свѣтѣ...

Узналъ Дрянинъ, что разбираютъ дрова въ его лѣсу, и полетѣлъ туда съ кучеромъ на бѣговыхъ дрожкахъ, запасшись револьверомъ. Разумѣется, крестьяне только посмѣялись надъ его гнѣвомъ и угрозами и продолжали накладывать дрова на телѣги и увозить... Взбѣшенный Дрянинъ выстрѣлилъ въ толпу крестьянъ...

Это былъ единственный, первый и послѣдній «аграрный» выстрѣлъ въ нашемъ уѣздѣ... Счастіе Дрянина, да, пожалуй, и уѣзда, что шальная пуля никого не задѣла: иначе не быть бы ему живу, а пролитая крестьянская кровь взбудоражила бы весь уѣздъ и вызвала бы не одно кровавое столкновеніе...

Кажется, Дрянинъ хотѣлъ еще стрѣлять, но въ отвѣтъ на первый выстрѣлъ полетѣли въ него и кучера дрова, и они едва ускакали отъ разсвирѣпѣвшихъ мужиковъ... Дрянинъ уцѣлѣлъ, но кучеру досталось: нѣсколько полѣньевъ задѣло его по лицу, плечамъ и рукамъ, нанеся поверхностныя раны.

Въ тотъ же день Дрянинъ удралъ съ женою въ Москву. . Позже, когда угаръ сталъ проходить, назначено было слѣдствіе, и крестьяне волею-неволею вернули почти всѣ захваченныя дрова, но овса вернуть не могли, такъ какъ давно распродали его на базарахъ.

Конечно, ненависть крестьянъ къ Дрянину еще болѣе усилилась, и, если впереди вновь возродится аграрное движеніе въ уѣздѣ, первою жертвою будетъ именно этотъ дворянинъ-кулакъ... Ни одно селеніе уѣзда не революціонировано такъ, какъ ближайшее къ Дрянинскому помѣстью.

Въ глубокой ненависти къ Дрянину его сосѣди дошли до такого курьеза: какой-то крестьянинъ «подалъ прошеніе, — преспрьезно разсказывала одна неглупая сельская обывательница,— въ святѣйшій синодъ (sic!) объ отобраніи всей земли у Дрянина, такъ какъ де онъ совсѣмъ не дворянинъ, а мужикъ, а мужику де не полагается владѣть такой уймой земли»...

Бѣдная, наивная деревня!.. даже готова къ «святѣйшему синоду» прибѣгнуть въ своей неутолимой жаждѣ «землицы»!.. Но она права, когда начинаетъ сомнѣваться въ «дворянствѣ» этого рыцаря наживы и видитъ въ немъ одно «мужичество»...

Заключительная мотивировка этого курьезнаго «прошенія» должна испугать, какъ всѣхъ «хозяйственныхъ мужичковъ», стоящихъ на стезѣ округленія своихъ достатковъ, такъ особенно тѣхъ изъ нихъ, кто уже бросилъ крестьянство и достигъ ранга «землевладѣльца», а иногда даже съ эпитетомъ «крупнаго»... Чисто «соціалистическія» идеи зароились въ головѣ мужика, который въ то же время додумался до того, что полагаетъ найти управу на кулака въ «святѣйшемъ синодѣ»... Наивные, взрослые ребята!..

V.

Добиваясь правды всюду, даже въ «святѣйшемъ синодѣ», мужикъ проморгалъ, что правда ходитъ иногда около него, совсѣмъ близко... Кое-что изъ «мужицкой правды» не разъ проскальзовало и въ томъ, что выше разсказано, но ярче всего она сказалась въ нижеслѣдующей исторіи.

На краю деревни Инской притулилась къ ряду хорошихъ избъ плохонькая избушка изъ тѣхъ, что строятся «на курьихъ ножкахъ»: такая маленькая, жалкая, косолапая... Живетъ въ ней крестьянинъ по званію, но бобыль въ дѣйствительности. Есть у него жена (дѣтей нѣтъ), но «хозяйство» ихъ равно почти нулю: нѣтъ ни лошади, ни коровы, ни овецъ, ни птицы домашней, никакого обзаведенія крестьянскаго. Есть кое-какое рухлядишко, да и то съ большими прорѣхами: дожилъ Устинъ до лѣтъ «настоящаго мужика», а до послѣдняго времени не могъ справить себѣ даже тулупа на зиму. Во всякую непогоду, даже въ лютые морозы, работаетъ онъ въ какой-то кургузой курткѣ, очень подозрительной насчетъ даваемаго ею тепла. И только на-дняхъ улыбнулось ему давно лелѣемое счастье—стать собственникомъ тулупа...

Лѣтомъ Устинъ съ женою то возится на своей полоскѣ озимой ржи, — только ее онъ и поднимаетъ кое-какъ, на чужой лошади, съ чужими орудіями, а для ярового посѣва не хватаетъ у него силъ,—то идутъ въ поденщики на чужіе сѣнокосы, пашни и пр. Съ трудомъ перебиваются они лѣтомъ, но зимою обстоятельства ихъ улучшаются. Тогда Устинъ превращается въ полурабочаго на сосѣдней усадьбѣ землевладѣльца Телѣгина. Какъ только молочный скотъ установится осенью на скотномъ дворѣ, Устинъ обязанъ очищать его отъ навоза и постепенно вывозить послѣдній на поля, пользуясь хозяйскими лошадьми и запряжкой. Живетъ онъ и тогда въ своей избѣ, а является въ усадьбу для работы въ разное время, когда ему лучше и удобнѣе. Словомъ, работаетъ онъ исподволь,

полегоньку и довольно самостоятельно, получая за всю зимнюю работу 45 рублей.

Работаетъ Устинъ добросовѣстно, не запуская скотнаго двора. Онъ дорожитъ работой, которая кормитъ его всю зиму и кое-что оставляетъ въ запасъ на лѣто. Но хозяинъ сталъ замѣчать, что въ наступившіе морозы Устинъ пересталъ вывозить навозъ на дальнія поля, ограничиваясь ближайшими. Когда выяснилось, что причина тутъ лежитъ въ невозможной курткѣ Устина, мало его согрѣвающей, Телѣгинъ настоялъ, чтобы тотъ взялъ у него денегъ и купилъ себѣ тулупъ. Долго деликатно отнѣкивался Устинъ, ссылаясь на дороговизну, а въ сущности опасаясь выйти изъ намѣченнаго бюджета. Но ему самому такъ давно и страстно хотѣлось обзавестись теплымъ платьемъ, что онъ наконецъ не выдержалъ искушенія и взялъ деньги на тулупъ. Соорудилъ онъ его самымъ хозяйственнымъ способомъ: самъ обстоятельно выбралъ и купилъ три овчины на базарѣ, и отдалъ шить сельскому овчиннику, наблюдая за работою очень придирчиво и неукоснительно, чуть не каждый день заглядывая туда. Надоѣлъ онъ овчиннику за эти дни страшно...

Большой праздникъ наступалъ для Устина, когда онъ вырядился въ собственный новый тулупъ и торжественно зашагалъ по селу, направляясь въ церковь... Съ достоинствомъ выдерживалъ онъ массу устремленныхъ на него и на тулупъ любопытствующихъ взглядовъ сосѣдей. Всѣ привыкли видѣть его въ истрепанной, загрязненной кургузой курткѣ, и вдругъ—Устинъ въ хорошемъ, новенькомъ тулупѣ, распространяющемъ по всей церкви острый запахъ свѣжихъ овчинъ, не заглушаемый и ладаномъ... Даже попъ, обходя церковь съ кадиломъ, на минуту невольно задержался около, крутя носомъ отъ источаемыхъ тулупомъ ароматовъ, и лишній разъ окадилъ нѣсколько оторопѣвшаго Устина...

А когда вышли изъ церкви, и Устина окружила толпа, поздравляя съ новинкой и намекая на необходимость вспрыснуть ее, торжество его было безпредѣльно... Приземистый, неказистый, съ невыразительнымъ, блѣднымъ лицомъ, Устинъ вдругъ весь засіялъ, когда обстоятельно сталъ разсказывать исторію пріобрѣтенія тулупа. Не смутили его даже насмѣшки франтоватыхъ заводскихъ рабочихъ, одѣтыхъ въ хорошихъ мѣховыхъ пальто, съ барашковыми воротниками. Они ехидничали надъ нимъ:

— Поздравляемъ, Устинъ! изъ навоза шубу скроилъ... Съ навознымъ тулупомъ!.. то-то и пованиваетъ отъ него...

— Да, братцы!—отвѣчалъ Устинъ,—навозъ—великое дѣло: и хлѣбушка отъ него, и тулупъ вотъ себѣ заработалъ... Спасибо Телѣгину!..

— Больно ужъ ты хвалишь своего Телѣгина... кормишься отъ него!..

— Чай, и вы свой заводъ похваливаете? тоже кормитесь отъ него,.. У всякаго своя работа... каждому кусокъ свой дорогъ!..

И Устинъ отошелъ отъ заводской вольницы и пошелъ съ степенными мужиками своей деревни, продолжавшими серьезно обсуждать Устинову обновку. Въ концѣ концовъ Устинъ не устоялъ передъ соблазномъ вспрыснуть съ товарищами свою покупку. Онъ весьма не прочь иной разъ выпить, особенно на даровщинку, но вообще старается не увлекаться виномъ, помня примѣръ отца—великаго пропойцы. Дѣдъ его былъ очень состоятельнымъ крестьяниномъ, но отецъ всѣ достатки спустилъ на вино. Устинъ никогда этого не забывалъ и велъ другую линію, стараясь выбиться на дорогу «настоящаго мужика».

И дѣйствительно, помаленьку да полегоньку онъ забираетъ все выше и выше. Помнитъ онъ, какъ начиналъ свою самостоятельную жизнь, соорудивши землянку на запустѣвшемъ въ конецъ отцовскомъ дворѣ. Потомъ вотъ и избенку построилъ, теперь тулупомъ обзавелся... Вотъ бы еще коня ему завести—и былъ бы онъ «настоящимъ мужикомъ»!.. Дни и ночи мечтаетъ о конѣ Устинъ, какъ женѣ его вѣчно снится собственная корова, но далеко еще имъ обоимъ до осуществленія этихъ задушевныхъ мечтаній.

Но эти мечты сбудутся непремѣнно: очень ужъ ясную задачу поставилъ себѣ Устинъ и неуклонно къ ней стремится всѣми силами своими. Онъ не собьется съ этой линіи и, хотя не скоро, но задачу свою выполнитъ во что бы то ни стало.

Стремленіе его къ «хозяйственности» доходитъ иногда до курьезовъ. Увидѣлъ онъ какъ-то въ усадьбѣ Телѣгина брошенные и изломонные стѣнные часы и выпросилъ ихъ себѣ. Устинъ разобралъ ихъ и долго возился, пытаясь возстановить ходъ и бой. Разумѣется, изъ его попытокъ толку не вышло. Тогда онъ повѣсилъ часы на стѣну, какъ украшеніе избы. Ту же роль у него играютъ развѣшанные по стѣнамъ старые изломанные замки и разный желѣзный ломъ. Замки можно бы еще починить, но Устинъ не торопится; ему пока нечего запирать ими... Однако въ будущемъ «большомъ» хозяйствѣ «все пригодится»,—думаетъ онъ.

И мечтаетъ, мечтаетъ безъ конца Устинъ о счастливомъ будущемъ, не покладая рукъ въ настоящемъ.

VI.

Когда началось въ уѣздѣ крестьянское броженіе, и пошли толки о томъ, что господскія усадьбы надо грабить, жечь, сводить на нѣтъ, Устинъ былъ страшно потрясенъ ими и негодовалъ. Для него было бы чуть не смертельнымъ ударомъ лишиться постояннаго и вѣрнаго заработка, если бы исчезла усадьба Телѣгина. Прощай тогда мечты о конѣ, коровѣ и дальнѣйшемъ благополучіи!..

Но этого мало. Его мысль заработала глубже и шире надъ картинами развертывавшейся анархіи... До чего она можетъ дойти!?.. Сегодня разорятъ барскую усадьбу, а завтра пограбятъ богатыхъ мужиковъ, а тамъ дойдутъ и до такихъ бѣдняковъ, какъ онъ, Устинъ, и у нихъ отнимутъ послѣднее!.. Человѣкъ трудился, работалъ, всю жизнь бился, стремясь стать на ноги, а тутъ придетъ кучка «озорниковъ» и въ одинъ мигъ покончитъ съ многолѣтними трудами! Гдѣ же тутъ правда? Будь проклята такая «свобода»!.. Не нужна она Устину...

И онъ сдѣлался энергичнымъ проповѣдникомъ своей правды, не выносящей никакого насилія, своеволія, «озорничества»... Когда началось расхищеніе владѣльческихъ лѣсовъ, Устинъ громилъ и это проявленіе силы надъ чужимъ добромъ, хотя ему, какъ бѣдняку, не грѣшно было бы и поживиться тутъ. Не прельщали его и другія проявленія грабительскихъ аппетитовъ, вдругъ обуявшихъ мужика.

Но какъ ни отбояривался Устинъ, а волею-неволею пришлось таки ему принять участіе въ одномъ мірскомъ дѣлѣ, котораго онъ рѣшительно не одобрялъ, — въ такъ называемомъ «гамазейномъ» движеніи. Ловко пущенная агитаторами крайнихъ партій мысль о предстоящемъ финансовомъ крахѣ правительства страшно смутила не только крестьянъ, но и людей съ бо́льшимъ развитіемъ и пониманіемъ. Всѣ заторопились выбирать изъ сберегательныхъ кассъ и казначейства свои сбереженія и вклады. Потянулись и крестьянскія общества за общественными капиталами, главнымъ образомъ за «гамазейными» деньгами, т.-е. собранными съ крестьянъ вмѣсто прежнихъ сборовъ зерна въ запасные «магазины».

Устинъ, какъ и нѣкоторые другіе крестьяне деревни Инской, рѣшительно былъ противъ выемки гамазейнаго капитала, въ чемъ не было никакой нужды, даже не хотѣлъ итти въ городъ за деньгами. Но міръ постановилъ оштрафовать на 2 рубля каждаго, кто не пойдетъ со всѣмъ міромъ, и Устинъ съ другими протестантами вынужденъ былъ уступить... Міръ силенъ и на всякую пакость способенъ, коли пойдешь противъ него... Пришлось и Устину итти за гамазейными деньгами и получать при разверсткѣ, вслѣдствіе паденія цѣнъ на ренту, всего 7 рублей, вмѣсто внесенныхъ имъ кровныхъ 10 рублей. Обидна была такая крупная для него потеря, и клялъ онъ новую «свободу» съ ея «порядками» и стараго деспота—«міръ», а ничего подѣлать не могъ...

Но когда тотъ же міръ задумалъ увлечь Устина на скользкую дорогу «свободы отъ совѣсти», тутъ Устинъ объявилъ міру открытую войну и одержалъ надъ нимъ блестящую побѣду, поддержанный лучшими элементами деревни...

У общества деревни Инской есть свой небольшой лѣсокъ, а по сосѣдству съ нимъ «кусты» Телѣгина, т.-е. маленькая березовая

рощица, оцѣниваемая въ 200 рублей. Когда гамазейныя деньги были пропиты и прошли у большинства прахомъ, радикальная молодежь изъ заводскихъ и фабричныхъ рабочихъ, поддержанная частью крестьянъ, предложила свести какъ общественный лѣсокъ, такъ и сосѣдніе «кусты» Телѣгина. Нужды въ дровахъ не было, но отчего же не пропить чужого добра, коли всѣ стали такъ поступать!..

Устинъ и другіе крестьяне рѣшительно протестовали противъ такого «озорничества», предложеннаго меньшинствомъ. Большую поддержку Устину оказалъ тутъ старый-престарый дѣдъ-колесникъ, несмотря на свои 80 лѣтъ, работающій до сихъ поръ колеса, владѣлецъ такой же черезчуръ ветхой вѣтреной мельницы, большой книжникъ и начетчикъ св. писанія, въ которомъ такъ набилъ руку, что нерѣдко втупикъ ставитъ самого о. благочиннаго... Дѣдъ прямо заявилъ радикаламъ отъ лица своихъ единомышленниковъ:

— Свой лѣсъ мы будемъ валить, а въ кусты Телѣгина не пойдемъ... Чужого добра намъ не нужно... николи мы этимъ не займовались... грѣхъ!..

— Дураки! Теперь все можно... свобода!..—стояла на своемъ молодежь.

— Толкуйте!—отвѣчалъ дѣдъ:—мы совѣсти еще не теряли и въ острогъ не хотимъ... А по васъ онъ плачетъ... дождетесь!..

Но какъ ни старались «лутчіе» люди, «середніе» мужики начали склоняться къ предложенію крайнихъ. Въ пользу послѣдняго образовалось большинство, рѣшившее собраться всѣмъ міромъ въ слѣдующее воскресенье и итти рубить и свой лѣсъ, и кусты Телѣгина, а кто не пойдетъ, того оштрафовать на мірскую выпивку.

Задумался Устинъ и всю недѣлю бродилъ очень сумрачный, ломая голову надъ тѣмъ, какъ бы и самому не встрять въ воровское дѣло и отдѣлаться отъ мірского штрафа, да и всѣхъ отвести отъ зла... Придумалъ наконецъ и сильно обрадовался...

Въ назначенное воскресенье, когда пришли домой на побывку заводскіе и фабричные крестьяне, собрался весь міръ деревни Инской для похода въ свой лѣсъ и въ кусты Телѣгина. Люди совѣсти, права и порядка снова запротестовали; дѣдъ-колесникъ убѣдительно опять заговорилъ отъ писанія, но ничто не могло повліять на разыгравшіеся аппетиты большинства.

Въ рѣшительную минуту выступилъ Устинъ и говоритъ:

— Стой, ребята! Слухай!.. Ладно, пусть буде по-вашему, поновому... Вамъ требуются дрова, а мнѣ дровъ не надо... А вотъ хлѣба у меня маловато... Такъ вотъ, уговоръ лучше денегъ: вы ступайте по дрова въ кусты Телѣгина, а я... отобью замки у вашихъ амбаровъ и возьму вашего хлѣба, сколько мнѣ требуется... вотъ и все!..

Толпа опѣшила и смолкла, переваривая такую простую, но здравую мысль Устина... Потомъ всѣ разомъ загалдѣли, и всѣ почувствовали, что возражать противъ такой истины нечего. Большинство стало таять и переходить на сторону Устиновой правды. Дѣдъ-колесникъ бойко подхватилъ ее и мастерски сталъ развивать. Но радикалы еще не сдавались и приставали къ Устину, поднявшему противъ нихъ ихъ же оружіе... Они кричали ему:

— Ты шутки шутишь?..

— Какія тутъ шутки! вотъ и топоръ захватилъ...

— Да что ты задумалъ?.. какъ такъ смѣешь?.. кто тебѣ позволитъ?..

— Ишь, вы, какіе сладкіе!.. кто мнѣ позволитъ!.. а вамъ кто позволилъ чужой лѣсъ грабить?! По-вашему же выходитъ, все едино: кому что требуется, то и тащи смѣло!.. Мнѣ вотъ требуется хлѣбъ...

— Ступай въ амбаръ Телѣгина!..

— Пошто мнѣ туда итти за двѣ версты, коли тутъ подъ бокомъ ваши амбары?! да тамъ и въ шею накладутъ рабочіе... А тутъ дѣло разлюбезное и для меня сподручное: вы въ лѣсъ, а я въ амбары ваши!.. Ладно такъ?!.

Вся толпа захохотала, кромѣ 2—3 самыхъ крайнихъ. Но они уже ничего не могли подѣлать: Устинъ сорвалъ прежнее рѣшеніе міра, и міряне пошли сводить только свой лѣсъ, сочувственно толкуя объ «Устиновой правдѣ».

«Кусты» Телѣгина были спасены, и крестьяне деревни Инской перестали зариться на чужое добро. Брошенная Устиномъ мысль пошла бродить и по округѣ, вездѣ находя сознательныхъ сторонниковъ.

Правда, кто-то изъ «озорниковъ» немного похозяйничалъ въ «кустахъ» Телѣгина—срубилъ менѣе десятка березъ, но это было именно озорничество, не выходившее изъ рамокъ обычныхъ, нормальныхъ порубокъ. Когда лѣсникъ шелъ осмотрѣть порубку, крестьяне, рубившіе по сосѣдству въ своемъ лѣсу, остановили его и говорятъ:

— Али хочешь насъ забастовать за порубку?..

— Нѣтъ... я мимо шелъ и не зналъ, что въ нашихъ кустахъ порубка...

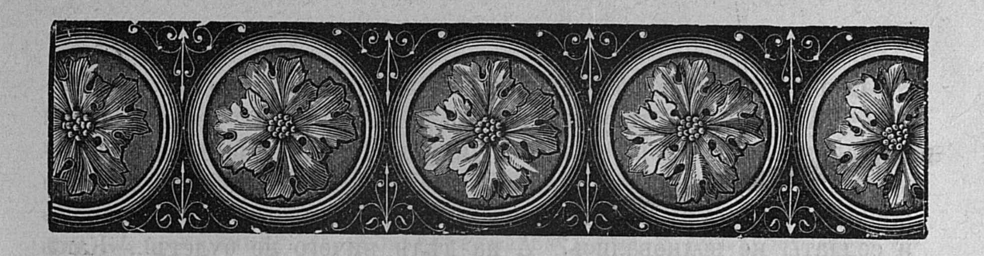
— Ну, эка малость! чего тутъ?..

— Да вѣдь съ меня взыщется...

— Чего тамъ! таки пустяки!..

Очевидно, теперь ихъ смущала даже такая «малость»... «Устинова правда» дѣлала свое дѣло... Разумѣется, такіе Устины были и во многихъ другихъ мѣстахъ и вездѣ проводили свою правду. И она сыграла не послѣднюю роль въ наступившемъ вскорѣ умиротвореніи уѣзда, хотя тутъ повліяли, конечно, и многія другія причины...

Н. Н. Оглоблинъ.

НАСТРОЕНІЕ СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНИ[1].

VII.

«Не отъ государя, а отъ начальства не дано милости»...—«Солдатъ за умъ возьмется»...—Пролетаризація молодого крестьянства.—«Съ дарового урока надо начинать»...—Консерваторы и протестующіе.—Стражники.—Граньскіе и Ѳедорыгинскіе ребята.—Отъ Государя будетъ земля, а не черезъ банкъ...—Государственная дума и царь.—«Господи, благослови!»

НѢ УДАЛОСЬ познакомиться съ настроеніемъ многихъ волостей Новоржевскаго уѣзда, Псковской губерніи, начиная съ Новинской. Въ той ея части, которая зовется «Марынщиной» (погостъ Марыни) и «Моховщиной»,—броженія въ народѣ не замѣтно; но въ остальной ея части, равно какъ и въ волостяхъ: Горской, Гривенской и Оршанской, мужики увѣренно и опредѣленно говорятъ объ улучшеніи ихъ быта «черезъ казну». Ожидали они его, какъ «царской милости», къ новому году.

— Это не отъ государя, а отъ начальства,—замѣчали они печально, когда этой милости не было дано имъ.

Другіе вспоминали государственную думу.

— Соберутся выборные и придумаютъ, какъ усовѣстить господъ и мужику пособить...

— Ничего не будетъ,—возражали пессимисты.—Какъ было, такъ и останется... Не будетъ вамъ и государственной думы.

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CIII, стр. 911.

При этихъ словахъ большинство гнѣвно восклицало:

— А не будетъ государственной думы, такъ мы царю солдатъ не дадимъ... И старые солдаты уйдутъ. Пусть начальство на кулачкахъ воюетъ съ непріятелемъ... Развѣ въ манифестѣ сказано про царскую думу съ народомъ для одной тихоты? Чтобы народъ и солдаты не волновались? А на дѣлѣ ничего не будетъ... Какъ такъ? Мы дома размножились, на одномъ шесту по нѣскольку сыновъ... Одинъ работаетъ въ полѣ, а прочіе хоть коней чужихъ ходи воровать... Какое это хозяйство? Солдатъ тоже былъ на войнѣ, а и ему земли не будетъ... Онъ бьется за начальство, когда студенты бунтуютъ, а если мужики забунтуютъ — онъ не буде... Солдатъ мужицкую руку потяне... Съ войны кто пришелъ съ деньгами, а кто и безъ ногъ... Придетъ со службы, а ему избы негдѣ поставить... Земли нѣтъ. На службѣ онъ былъ сытъ, одѣтъ и стоялъ за начальство, но если дома онъ будетъ голодать, то и онъ за умъ возьмется.

Вотъ что и какъ уже говоритъ псковскій мужикъ, перебравшійся изъ глухихъ моховыхъ пространствъ на суходолъ, ближе къ городу и шоссе, идущему отъ Витебска черезъ Опочку и Островъ...

— У отцовъ и дѣдовъ,—жалуются они,—земля есть, а у молодыхъ нѣтъ... Я вотъ старшій сынъ у отца, а, кромѣ меня, насъ еще трое братьевъ и у всѣхъ дѣти... А душа одна.

— Какъ же вы живете?

— А кто какъ! Въ Новоржевскомъ уѣздѣ исполу живемъ и аренду держимъ, въ Опочецкомъ уѣздѣ «пятинщики» платятъ барину пятинщину, или въ Финляндію ходятъ съ краснымъ товаромъ изъ Ежинской и Копылковской волостей, а надѣльной земли у молодыхъ нѣтъ... Все молодое крестьянство обезземелено.

Я невольно задумался объ этой давно начавшейся пролетаризаціи крестьянской массы. Меня вывелъ изъ задумчивости молодой голосъ:

— Читалъ я въ одной книжкѣ, баринъ, о черныхъ людяхъ въ Америкѣ... Какъ они жили у господъ въ рабствѣ, и какъ освободили ихъ безъ земли... Музыканты они хорошіе! Но и на инструментѣ надо умѣть играть... Пришелъ одинъ негръ къ барину и проситъ того поучить его... Хорошо,—говоритъ ему баринъ:—за первый разъ ты мнѣ плати примѣрно пять рублей, за второй разъ— три рубля, за третій—рубль, а потомъ даромъ... «Я согласенъ,—отвѣчаетъ рабъ,—но только, хозяинъ, начнемъ съ послѣдняго урока»... Вотъ такъ и мы, господинъ! При нашихъ средствахъ нельзя улучшить нашъ бытъ... Дадутъ землю на выкупъ, а денегъ у насъ нѣтъ и не будетъ. Надо съ дарового урока начать...

Вотъ до чего «дочитался» псковскій крестьянинъ, живущій ближе къ городамъ и газетамъ.

Конечно, и здѣсь консервативный элементъ очень силенъ, но онъ встрѣчаетъ болѣе рѣзкую оппозицію, чѣмъ въ болотно-моховыхъ районахъ.

Мой пріятель Купріянычъ, живущій вблизи знаменитой горы Судомы, на которой въ старину люди находили правосудіе въ томъ, что къ праведнику съ неба спускалась цѣпь, и онъ доставалъ ее рукою [1]), и по сей день придерживается старинныхъ воззрѣній, когда дѣти его жалуются на то, что крестьянину живется съ каждымъ годомъ все хуже, и что каждый его можетъ обидѣть безнаказанно.

Купріянычъ укоризненно возражаетъ имъ:

— Не люди насъ бьютъ, а сами мы себя бьемъ... Мнѣ седьмой десятокъ лѣтъ скоро пойдетъ, а меня въ жизни никто пальцемъ не тòлнулъ. Самъ я не дировался, на гулянки не ходилъ и людямъ уступалъ дорогу... За что же меня кто обидитъ? А гукни-ка ты самъ въ лѣсу — кто-то подастъ голосъ... Такъ и на вольной жизни. Какъ самъ гукнешь, такъ и жизнь тебѣ откликнется. Такъ насъ въ «старые годы» учили... Маленькому ребетенку учитель, бывало, говаривалъ: если встрѣтишь постарше себя, скажи «здравствуй, дяденька»; а нынѣ—нѣтъ... Школьники этого не скажутъ, а кричатъ: «лѣпи его снѣгомъ!»

Вся изба съ мужиками захохотала, и Купріянычъ съ довольнымъ видомъ продолжалъ:

— Будетъ онъ сызмальства «лѣпить снѣгомъ» людей, а потомъ хвастать и приговаривать: что обманешь—то твое, а что не взялъ—то чужое... Не знаетъ того, что, какъ ни обманывай, — все дырявый карманъ... Воръ вѣкъ воруетъ, а все на одной лошади боронуетъ, и та не везетъ... Обмазурился нонѣ народъ! Обмазурился!

Старикъ гнѣвно кричалъ на присутствующихъ, раздражаясь ихъ равнодушными и насмѣшливыми выраженіями лицъ.

— Ты имъ въ глаза плюнь,—произнесъ онъ:—глаза не выѣстъ... Я почитай что и не видѣлъ въ нашей губерніи деревни читой (трезвой) да смирной... Ежинская волость посмирнѣе да потерезовѣе. Но она одна такая на весь Опочецкій уѣздъ, и то, думаю, оттого,

[1]) Но съ тѣхъ поръ, какъ люди обманули Судому, не стало и на ней правоты. Одинъ человѣкъ занялъ у другого деньги и, отказавшись платить долгъ, пошелъ судиться съ кредиторомъ на Судому. Должникъ сдѣлалъ себѣ палку съ пустотой внутри, куда и спряталъ занятыя деньги. Пришли они на вершину горы, и кредиторъ тотчасъ же досталъ цѣпь рукой. А когда настала очередь должника, послѣдній сказалъ: «Подержи-ка ты мой костыль».. Пока кредиторъ держалъ костыль съ деньгами, цѣпь должна была опуститься съ неба, и должникъ досталъ ее. Всѣ удивились, что оба они оказались правы; но послѣ суда должникъ опять взялъ свой костыль съ деньгами обратно и такимъ образомъ обманулъ и людей и Судому. Зато цѣпь правосудія, какъ поднялась на небо, такъ съ тѣхъ поръ ни разу уже не спускалась на Судому, когда люди вновь приходили къ ней искать правосудія. Авт.

что народъ ея давно ходитъ промышлять въ Финляндію... Ну, и научился онъ тамъ закону, отвыкъ водку пить и на гулянкахъ драться. Хозяйственность у ежинцевъ въ поляхъ, и въ избѣ занавѣски чистыя, а на окнахъ цвѣточки. Посмотри-ка на ихъ масляничные бѣга, когда съѣзжаются на озеро въ деревню Щукино нѣсколько тысячъ народу съ конями, даже изъ Ново-Сокольниковъ и Великихъ Лукъ. А брани на бѣгахъ и по деревнѣ не слыхать, дракъ нѣтъ и веселье чисто господское: конями хвастаютъ и любуются безъ спору. Нигдѣ нѣтъ такой гулянки, какъ здѣсь. А вся тихота изъ Финляндіи... А нашъ мужикъ по прочимъ волостямъ сталъ все лишѣй и лишѣй... Теперь еще какую моду задумали: господъ обижать... А никого не надо обижать! И господское добро не трогай, а что самъ своими руками замозуляешь,— то и твое счастье.

Толпа до тѣхъ поръ, пока онъ ругалъ ее самую, относилась добродушно къ его обличеніямъ, но разговоръ на злобу дня тотчасъ заставилъ всѣхъ «вспыхнуть».

— Счастье не инструментъ, — перебили его: — въ руку не зажмешь. Не замозуляешь имъ себѣ пальцы. Погляди-ка на господскія руки. Гдѣ ты видалъ у нихъ мозоли, а все царство забрано ими.

— На то Божья воля,—строго возразилъ онъ. — А вы бы хотѣли, чтобы баринъ за васъ оралъ, а вы за него начальствовали? Дожидай — этого не дождешься.

— А тебѣ старые годы, поди, лучше?

— Страхъ былъ!

— Не можешь разстаться съ нимъ?

Лицо старика покраснѣло, но онъ промолчалъ. А молодой и красивый ораторъ съ лаконической рѣчью вышучивалъ всѣ его доводы съ своеобразнымъ краснорѣчіемъ:

— Неужели Божья воля все для господъ, а мужикамъ и нѣтъ ничего? Богъ ростилъ лѣсъ для всѣхъ, а гдѣ же онъ у насъ?

— А безъ закону нельзя взять и лѣсу,—отвѣтилъ старикъ.— О правѣ надо говорить, а не путать чужое за свое... Это ужъ не есть человѣкъ, а путаникъ! Не большая у насъ деревушка, а путаники—водятся... Не болтай и дожидай, чтобы Богъ и государь сдѣлали милость.

— До Бога высоко, а до царя далеко...

— Ну, и грабежомъ ничего не сдѣлаешь! Не тронь чужого... Силой только поземь пахаютъ.

— Не тронь чужого!—полувопросительно воскликнулъ ораторъ съ той же ироніей въ голосѣ.—А зачѣмъ господа и начальство-то трогаютъ наше силой? Дано намъ пособіе, а что земскіе «трогали» его, или нѣтъ? Обижали солдатокъ, или нѣтъ?

Старикъ безмолвствовалъ передъ фактами, но черезъ нѣсколько минутъ нашелъ оправданіе. Онъ усвоилъ насмѣшливый тонъ противника и произнесъ:

— Пойдемъ, ребята, у господъ брать печину!.. Да, смотри, какъ бы завтра не пришли солдаты и не сказали бы намъ: пойдемъ-ка съ нами въ Новоржевъ! Въ помѣщеніе! Унимать васъ будутъ... Послушай! Сказано — не болтай... Сами не устроите себѣ жизнь получше.

— А кто же намъ устроитъ ее?

— Слышалъ,—продолжалъ старикъ, не отвѣчая на вопросъ:—въ Шебановѣ что надѣлали Никулинскіе? Всѣ позахвачены и въ острогѣ...

Молодой ораторъ съ покойнымъ видомъ отозвался:

— Этимъ не грози. Сами себя они наказали. Хотѣли всѣ итти, а всѣ не пошли... Надо бы намъ всѣмъ заступиться, наша бы взяла.

— Быть тебѣ въ Новоржевѣ!

— А Христосъ даже и померъ за правду,—съ тѣмъ же достоинствомъ перебилъ его молодой крестьянинъ. За правду и умереть не страшно. Богъ воевалъ и намъ приказалъ... Съ чортомъ бился! Духъ на духъ былъ сшедши... Съ того примѣръ и мы беремъ. До Христа мы какъ помремъ, бывало, такъ въ адъ и въ самый задъ... А теперь можемъ оправдаться. Христосъ побѣдилъ чорта, и намъ надо биться за правду.

— Унимать васъ будутъ! Унимать!

— Не грози, старикъ.

— Послушай, молодой. Не ляскай много... Жди-дожидай лучше, пока умнѣй тебя люди что надумаютъ.

Но всѣ были настроены противъ его совѣтовъ и смѣло закричали:

— Дожидай! Печина будетъ широкая!.. Вотъ мы пойдемъ ужинать, а ты не ходи... Дожидай. Такая твоя удача...

Одна насмѣшка смѣнялась другой.

— У него, гляди,—воскликнулъ ораторъ:—не взятъ ли вагонъ ворованной муки изъ пособія, что онъ такъ говоритъ? Ему и дожидать съ украденной мукой—легкое дѣло.

— Мы,—говоритъ онъ:—люди небольшіе... Да міръ-то крестили не князи міра сего, а рыбаки простые...

Старикъ набрался силъ и пошелъ вновь противъ общаго настроенія.

— Ну, постой,—перебилъ онъ, сверкая злыми на нихъ глазами:— будетъ начальство изъ крестьянства—еще хуже станетъ. Всѣ будутъ брать и мукой и деньгами. Господинъ не возьметъ мужицкаго... У него своего много, а вы всѣ плуты. Кого хошь посади начальникомъ—всякій возьметъ.

— Чего-жъ ты самъ себя закопалъ?—перебили его.—Говорилъ, что господинъ не возьметъ мужицкаго, а теперь говоришь: «кого хошь посади начальникомъ,—всѣ возьмутъ»? Ты тяни господскую руку, да не оторви совсѣмъ. Богу молись, а чорту фитьку (указа-

тельный палецъ изо рта) не показывай. А то у тебя и тамъ не то, и здѣсь не то, и вездѣ не то...

Толпа вновь смѣялась надъ старикомъ, и представитель ея не унимаясь острилъ:

— «Что замозуляешь бѣлыми руками, то и твое,—говоришь ты намъ... Евреи своей башкой наживаютъ капиталы, и намъ такъ надо». А у меня и голова, да я ничего не нажилъ. И руки въ мозуляхъ, а карманы пусты. Отчего же это? Скажи-ка ты! Ничего не сказать тебѣ мнѣ... Только и кавкаешь одно: жди-дожидай, покуда начальство дастъ милости мужикамъ... Ждали и мы къ новому году, не будетъ ли чего... Дождались стражниковъ!..

Рѣчь оратора дѣйствовала на нервы самымъ возбуждающимъ образомъ. Въ то же время онъ нисколько не былъ пропагандистомъ и исходилъ въ своихъ сужденіяхъ исключительно изъ фактовъ. Толпа раздѣляла его настроеніе.

Я спросилъ нѣсколькихъ мужиковъ о стражникахъ.

— Ни къ чому они намъ,—рѣшительно отозвались мужики.—Бабнякъ они пугаютъ, а мужиковъ сами боятся. Вотъ священникъ въ церкви отслужилъ правила въ крещенскую каледу и сталъ дѣлать святую воду. Бабенки полѣзли за водой, забрякали посудой, а стражникъ вынулъ длинную и ясную саблю, да и кричитъ на нихъ: «потише... Не нажимай, народъ! Вотъ какъ начну шашкой, полетятъ ваши головы, что коченья»... Вотъ онъ какой Аника-воинъ съ бабнякомъ, а отъ мужиковъ прячется. Чай, знаешь, въ Новинской волости граньскихъ мужиковъ... Они да ѳедорыгинскіе—первые буяны и драчуны по волости.

— Знаю,—подтвердилъ я.

Мужики продолжали:

— Граньскіе всегда ѣздятъ въ лѣсъ за дровами во время ярмарокъ... Ты думаешь, имъ дрова нужны?

— А что же?

— Одинъ отводъ глазъ. Ѣдутъ за дровами, а сами съ возами завернутъ въ погостъ на ярмарку. Возы покинутъ и, съ топорами подъ мышкой, гуляютъ по ярмаркѣ и бьютъ всѣхъ своихъ соперниковъ. Чуть что: обухомъ въ лобъ и давай мять человѣка. А стражники гдѣ? Что глядѣли и зачѣмъ позволяли молодымъ ребятамъ гулять по ярмаркѣ съ топорами подъ мышкой? Да стражниковъ и не отыскать было въ ту пору, когда мужики въ погостѣ Марыни схватились за колья и задрались съ граньскими. Что же намъ въ такихъ стражникахъ? Не того мы ждали къ новому году.

Старикъ нашелъ возможнымъ перебить его вопросомъ:

— А вы ждали распустить къ новому году всю государскую землю по мужикамъ? Не придется такъ-то... Лучше торопитесь контракты писать съ господами на выгоны и сѣнокосы или выторговывайте подешевле землицу у нихъ, пока она продается ими.

— Это не отъ государя, а отъ господъ продается...

— Да что жъ такого?

Толпа въ одинъ голосъ отвѣтила ему:

— Государь возьметъ землю въ казну, а казна намъ... Отъ государя, а не отъ начальства пойдетъ наша жизнь... Какъ осина хороша, такъ и корыто сдѣлаешь хорошее. Изъ добра всегда будетъ добро: отъ государя намъ будетъ земля, а отъ Львова и Марковскаго (крупные землевладѣльцы Новоржевскаго уѣзда) мы не будемъ покупать ее.

Вотъ оно, подумалъ я, совершенно ясное представленіе объ аграрномъ вопросѣ у нашего мужика тамъ, гдѣ онъ еще вѣритъ въ царя—доброхота. Эта вѣра въ большинствѣ изъ нихъ такъ велика, что они теперь не боятся уже и арестовъ, когда слышатъ, какъ администрація похватала въ Псковской губерніи всѣхъ членовъ такъ называемаго «крестьянскаго союза», оставивъ процвѣтать союзы: «17 октября» и отдѣленіе правового порядка—«Царь и свобода». Торжество грубой силы не дѣйствуетъ уже на воображеніе [1]).

— Платить надо въ казну,—говорятъ они,—но до думы не будемъ платить.

— Понуждать пріѣдутъ власти со взысканіями! Продадутъ корову...

— А гдѣ ее найдешь? У многихъ ли имѣется скотинка? Что же, послѣднюю развѣ продавать станутъ? А да пусть!.. Шестого августа Христосъ преобразился, и мы думаемъ въ этотъ день преобразиться въ государственной думѣ. Вся жизнь измѣнится и у насъ, и у господъ.

На основаніи таковаго ожиданія они избѣгаютъ многихъ добровольныхъ сдѣлокъ съ землевладѣльцами черезъ крестьянскій банкъ и увѣрены, что при принудительномъ отчужденіи земель послѣднія будутъ дешевле, чѣмъ при добровольномъ соглашеніи при большомъ спросѣ на землю.

— При покупкѣ черезъ банкъ,—разсуждаютъ крестьяне,—земля будетъ дорога, процентъ высокъ, и будемъ мы арендаторами банка всю свою жизнь... Земля дастъ доходъ только на то, чтобы пла-

---

[1]) Какъ нервы крестьянъ притупились отъ множества среди нихъ арестовъ, и народъ сталъ равнодушенъ къ послѣднимъ, такой же точно результатъ получается и среди интеллигентныхъ классовъ отъ смертныхъ казней и погромовъ. «Если въ Томскѣ, въ Москвѣ и Твери возможны были сожженія и разстрѣлы обезоруженныхъ людей, то почему же это не можетъ повториться и въ Петербургѣ?»—часто я слышу отъ самыхъ умѣренныхъ людей, совершенно безбоязненно смотрящихъ въ будущее. Раньше такого огрубѣнія нервовъ отъ постоянныхъ и всюду повторяющихся ужасовъ не замѣчалось въ русскомъ обществѣ. Грубая сила не дѣйствуетъ уже на воображеніе угрожающимъ образомъ.

Авт.

тить процентъ, поземельные, мірскіе и другіе сборы, а себѣ ничего не останется. На кого же вновь работать мы осуждены? Но царь усовѣститъ начальство и все измѣнитъ, а черезъ банкъ мы не будемъ покупать землю.

Привожу по этому поводу копію любопытнаго документа:

«1906 г., января 3 дня. Мы, нижеподписавшіеся, Псковской губерніи, Новоржевскаго уѣзда, Аполинской волости, должностныя лица и выборные на волостной сходъ, бывъ сего числа въ общемъ собраніи волостного схода, слушали предложеніе г. новоржевскаго земскаго начальника 3 участка отъ 30 декабря 1905 г. за № 1572 объ избраніи одного представителя отъ волости въ комиссію по оцѣнкѣ земель, пріобрѣтаемыхъ покупкою черезъ посредство государственнаго крестьянскаго поземельнаго банка. Обсудивъ настоящее предложеніе, нашли, что учрежденіе этой комиссіи до созыва государственной думы преждевременно, какъ и самая покупка земель черезъ посредство банка, въ виду поднятія цѣнъ на землю, будетъ для крестьянъ обременительною, такъ какъ при уплатѣ $5^1/_2{}^0/_0$ при выдачѣ ссуды на $52^1/_2$ года каждая десятина земли не будетъ давать на столько прибыли, чтобы покрыть безъ ущерба въ хозяйствѣ уплату процентовъ и прочихъ повинностей, а потому постановили: отъ избранія представителя въ комиссію по оцѣнкѣ земель уклониться». (Подписи).

Въ приговорахъ крестьянъ упоминается о государственной думѣ, но крестьяне ссылаются на нее только для того, чтобы побудить начальство приступить къ рѣшенію аграрнаго вопроса.

— Мы знаемъ, — говорятъ они:—что разомъ нельзя распредѣлить землю между нами, а нужно время для этого. Но пускай начальство начнетъ разсуждать объ этомъ, и мы будемъ видѣть, какъ что-то дѣлается для насъ... А то до сихъ поръ ничего не видать и не слыхать!

Подъ вліяніемъ этихъ соображеній, они ждутъ государственной думы, но центръ тяжести всѣхъ ихъ надеждъ не въ ней, а въ государѣ. Съ его именемъ дума является миѳическимъ олицетвореніемъ добра, а безъ него—ничѣмъ.

— Соберется царская дума, и царь усовѣститъ господъ и покажетъ, что надо дѣлать для народа.

— Да тамъ и царя-то не будетъ,—крикнетъ какой нибудь вольнодумецъ, освѣдомленный насчетъ думы по газетамъ.

Всѣ становятся втупикъ и не знаютъ, что сказать.

— Какъ такъ?! Царская дума да безъ царя...

— А зачѣмъ она ему?—утѣшаютъ себя старики.—Царь—орудіе Бога... Соберетъ онъ начальство и скажетъ: «Господи, благослови!» Только и всего... Старшой онъ надъ всѣми господами, и все будетъ по его слову. Какъ прикажетъ, такъ и сдѣлаютъ для мужиковъ... А наши выборщики гдѣ нибудь дорогой потеряются. Либо господа закупятъ ихъ, либо сами загуляютъ...

Странное, однако, дѣло: мысль о національизаціи земли по приказу государя все-таки присуща болѣе мыслящему и молодому поколѣнію крестьянъ. Старики пугливо слушаютъ ораторовъ.

— Пусть бы,—говорили въ толпѣ:—казна скупала земли и давала бы намъ. Пусть она слѣдила бы, какая усадьба за что продается, и не упускала бы ее... А то теперь, изъ Витебска да Двинска, Вяземскій да Гуревичъ все закупили у насъ... Даже въ лѣса евреи забрались.

Мой Купріянычъ либерально заступился за евреевъ:

— Права такія даны. Торгуй всѣ, кто хочетъ.

— Да намъ-то, поди, не расторговаться. И голова у насъ не глупѣй еврейской, а денегъ нѣтъ. Взять неоткуда. Евреи—заодно и помогаютъ другъ дружкѣ, а намъ не найти помощи.

— А ты бы хотѣлъ, чтобы казна дала и земли, и денегъ?

— Своего просимъ! Не господскаго...

Старикъ удивленно перебилъ:

— Какъ бы за эти слова сдуру не свалиться, какъ съ дубу, не зная куда... Жарокъ огонь, а молодость — жарчѣй... Сиживать вамъ въ Новоржевѣ.

— Не грози... Говорятъ тебѣ, что за правду и Христосъ померъ.

— Да какая правда у васъ? Гдѣ она у васъ? Дураки вы... Бараньи головы—крутые роги! Дай казна вамъ кусокъ земли да денегъ, такъ вы возьмете и больше... Теперь дай земли, и на будущій годъ дай...

— Зачѣмъ же такъ?—отвѣтили ему молодые люди.—Кто самъ чужое беретъ, тотъ и людямъ не вѣритъ.... Такъ и ты, видно. Казна вотъ намъ теперь ничѣмъ не помогаетъ... Ни землей, ни деньгами, а все, что ни возьметъ съ насъ, на господъ тратитъ... Да мы и то не ѣздимъ въ казенный лѣсъ воровать. А чѣмъ же будетъ хуже, если казна и намъ станетъ помогать?

— Меня вы не усовѣстите,—отозвался старикъ.—Не по правдѣ вы говорите. Господинъ былъ завсегда командиръ, и теперь онъ придетъ къ вамъ съ тросткой и хлопъ по спинѣ: «что плохо орешь?» Всегда такъ и напередъ будетъ.

Бѣлое лицо молодого крестьянина залило кровью, и, видимо, ему стоило большого труда говорить прежнимъ ровнымъ голосомъ:

— Въ старые годы господа драли съ насъ шкуру да на шестъ вѣшали... Смотри, молъ, какая коровина! Что же и теперь и завсегда такъ будетъ?

— Не будетъ бархатника—не будетъ и лапотника...

— Мы-то обойдемся безъ него, Купріянычъ. Не грози!.. Надо обневолить господина... Никто не пойдетъ съ весны работать къ нему. Самъ ори и коси. Вотъ тогда онъ и прибѣжитъ къ намъ, а мы ему въ отвѣтъ: «не желаемъ у васъ покупать землю ни за какую цѣну, а отъ государя купимъ». Онъ и отдастъ ее казнѣ, а казна—мужикамъ.

Старикъ не сдавался, а между тѣмъ онъ чувствовалъ, что почва ускользала у него изъ-подъ ногъ.

Осѣненный новыми соображеніями, онъ воскликнулъ:

— Зачѣмъ земля вамъ? У насъ мужики и свою землю отдаютъ въ аренду, и уходятъ въ Питеръ на заработки, а собственники продадутъ пустоши хоть сейчасъ... Да, развѣ у насъ граньскіе и ѳедорыгинскіе мужики рубятъ чужой лѣсъ отъ малоземелья и везутъ захваченныя ими деревья на хлѣбъ? На прогулъ все дѣлается.

— Не всѣ такъ-то дѣлаютъ, — слабо откликнулись соперники, чувствуя справедливость его словъ.—Не обрабатываютъ землю ради заработка въ Питерѣ... Жить нельзя болѣе мужику въ деревняхъ.

Мощный старикъ перебилъ ихъ воодушевленно:

— Дай новой земли — народъ сгибнетъ! Сопьется или облѣнится... У насъ въ Пехновѣ и Ѳедьковѣ были лѣса, а крестьяне все продали и теперь по чужимъ лѣсамъ ходятъ. Развѣ это крестьяне? Гуляютъ каждую ночь, а на гулянкѣ надо провести мальцу каждый разъ 20—30 копеекъ... Вотъ изъ-за этой гульни мы и бѣдуемъ. Будетъ намъ и земля, и лѣсъ, а все собьется на то же, что и теперь: продадутъ все и деньги проведутъ на форсъ и на гулянки. Прежде люди жили проще: ходили въ сѣромъ самотканномъ платьѣ, а теперь давай синее... Не напастись стало денегъ.

Рѣчь старика ошеломила толпу, но не молодого оратора ея. Съ насмѣшливымъ выраженіемъ голубыхъ глазъ, онъ терпѣливо слушалъ нападки на себя и, когда старикъ замолчалъ, онъ, поправивъ рукой свои свѣтлые волосы, произнесъ кратко:

— Жалѣютъ съ лаптями и грязью разстаться! Лыко не найдутъ... Есть о чемъ жалѣть?.. Эта простота старыхъ годовъ—та же нищета... Намъ деньгами не козу ковать, а тратить ихъ надо и на хозяйство, и на гулянку... Бѣдноту не хвали, а полѣзай въ гору... Двадцать четыре церкви увидишь съ высоты и про лапти забудешь... Чего въ нихъ нашелъ хорошаго? Солнце тепло, что ли? Такъ ищи его у красной дѣвушки, а не въ стариной бѣднотѣ... А я вотъ хочу въ сапогахъ ходить,—крикнулъ онъ, притопнувъ ногой.

Онъ какъ будто сконфузился своего порыва и продолжалъ, понизивъ голосъ:

— Старикъ коритъ насъ гульбой да волей... Лѣса мы продали и земли побросали... Ну, а господа какъ прожили свои села да лѣсныя дачи? Это, видно, ничего... Почему же онъ кричитъ противъ насъ за то, что мы хотимъ себѣ землю, а не кричитъ противъ жалованья для господъ?

— Не нужно никого обижать,—отвѣтилъ слабо старикъ, теряя вновь свои доводы.

Ораторъ съ чувствомъ отвѣтилъ ему:

— Господа тысячи возьмутъ за землю... Какъ ихъ обидишь?.. Что ты печалишься о нихъ? Надо хоть маленько поровнять ихъ.

Да, ты не тряси головой,—перебилъ онъ свою рѣчь, обращаясь къ старику, который протестовалъ мимикой.—Не тряси! Я говорю дѣло... Поровнять нужно. А то господа и жалованье забрали, и хотѣли оставить за собой и землю, и дарового работника. Ты все мужика костыляешь: и пьетъ онъ, и гуляетъ, и блудному сыну не въ помощь богатство... Ну, пусть насъ половина такихъ, какъ ты сказываешь. А господъ сколько? Много ли ты видалъ изъ окаянныхъ постоянныхъ? То же и въ господахъ, какъ въ мужикахъ... И съ той, и съ другой руки много дурныхъ, но это не мѣшаетъ хорошимъ людямъ думать о хорошей жизни... А ты все противъ насъ.

— Богъ знаетъ, да государь, что будетъ и что хорошо для насъ, а не мы сами,—отвѣтилъ все тотъ же упрямый и убѣжденный старикъ.—Что святѣй: рига или церковь? Тебѣ не рѣшить, а государю можно... Не ровняй и господъ съ мужиками. Вонъ у барина и ружье на стѣнѣ виситъ, а наше валяется подъ лавкой... Почетъ, да не тотъ!

Молодой ораторъ, видимо, болѣе усталъ въ спорѣ, чѣмъ его противникъ. Онъ не нашелся возразить другимъ примѣромъ и въ отчаяніи воскликнулъ:

— Тебя не поймаешь въ ступѣ пестомъ! Хочешь стукнуть, а онъ скокъ—вонъ...

Въ этомъ замѣчаніи не было ни тѣни неудовольствія или раздраженія. Всѣ ласково разсмѣялись, и старикъ остался доволенъ споромъ.

Но споръ опять возгорѣлся изъ-за фразы, когда старый философъ захотѣлъ подвести итогъ бесѣдѣ о крестьянской жизни и сказалъ:

— Воля привела мужиковъ къ неволѣ.

Всѣ дружно закричали:

— А въ чемъ была воля-то у мужиковъ? Петля висѣла всегда надъ нами и теперь только не задернута. Мы хотимъ новой земли, но и прежде мы жили не на воздухѣ, а также на землѣ и съ петлей на шеѣ... Гдѣ же наша воля? И на землѣ нужна свобода и права... Ничего у насъ не было и нѣтъ... Посмотримъ, что дастъ государственная дума. Умножатся наши права, и уничтожатся расходы на господъ, или ничего не пойдетъ дальше?

VIII.

Псковскіе аресты.—Запуганный сельскій учитель.—Кривотолки.—Паника наканунѣ государственной думы.

Мнѣ пришлось вскорѣ заѣхать въ одну изъ сельскихъ школъ, учителемъ которой былъ очень скромный и трудолюбивый человѣкъ, совершенно чуждый политики и восторженно преданный школьному дѣлу.

На лѣтнемъ съѣздѣ учителей минувшаго года сѣверныхъ губерній въ городѣ Павловскѣ онъ заходилъ ко мнѣ въ Петербургѣ и ни о чемъ другомъ не могъ говорить, какъ только о задачахъ школы, разрабатываемыхъ учителями на съѣздѣ.

Я замѣтилъ ему, что практика народной школы въ Россіи рѣдко выдвигаетъ живую и оригинальную личность на педагогическомъ поприщѣ, какъ выдвинулъ западъ Ланкастера, Песталоцци, Фребеля, Букера Вашингтона и т. д. У насъ были блестящіе поофессора и учителя гимназій, но народныхъ учителей съ именами Россія не знаетъ... А между тѣмъ, они должны быть и возможны у насъ, несмотря и на бѣдность народной школы, и на подозрительное отношеніе къ ней всякихъ министерствъ. Бѣдность и у Ланкастера въ Англіи была такъ велика, что онъ обучалъ дѣтей азбукѣ на пескѣ; у знаменитаго нынѣ учителя негритянской расы Букера Вашингтона первое время его преподаванія въ школѣ зданіе было въ такомъ жалкомъ состояніи, что, когда шелъ дождь, одинъ изъ учащихся постарше, обыкновенно, оставлялъ очень любезно свои уроки и держалъ надъ нимъ зонтикъ въ то время, какъ другіе ему отвѣчали свои уроки. Точно также не разъ держала надъ нимъ зонтикъ и его хозяйка, между тѣмъ, какъ онъ завтракалъ. Бѣдности было много и у Песталоцци, и у другихъ воспитателей подростающаго поколѣнія. Но у каждаго изъ нихъ дѣло шло впередъ, благодаря тому, что они умѣли заинтересовать населеніе судьбой школы, и оно стремилось помочь упрочиться ей. Каждая школа удовлетворяла насущной потребности той мѣстности, гдѣ она была выстроена. Ланкастеръ своей «системой помощниковъ» могъ обучать одновременно огромное число дѣтей, даже до школьнаго возраста, а Б. Вашингтонъ придумалъ, между прочимъ, обучать дѣтей кирпичному производству и этимъ увеличилъ не только средства для своей школы, но и выпустилъ изъ ея стѣнъ юношей, знающихъ и книжное дѣло, и полезное ремесло для данной мѣстности.

Мой учитель восторженно вторилъ этимъ примѣрамъ и грустно соглашался съ тѣмъ, что у насъ крестьяне постоянно жалуются на то, что школьниковъ въ деревнѣ очень много, а придетъ письмо — прочесть его некому, и надо итти къ писарю; равно и прошенія къ судьѣ или иному начальству ни одинъ изъ учившихся не напишетъ, а надо итти въ контору и кланяться тому же писарю... А что касается ремесла или иного прикладного знанія для крестьянскихъ дѣтей, то никто изъ учителей не придаетъ этому серьезнаго значенія, хотя сами учителя для самихъ себя часто занимаются и садоводствомъ и пчеловодствомъ. А между тѣмъ, привлечь симпатіи населенія данной мѣстности къ школьному дѣлу весьма возможно, если учитель пойдетъ навстрѣчу потребностямъ населенія, какъ профессіональнымъ, такъ и обыденнымъ, пріучивъ дѣ-

тей причесывать волосы, содержать руки въ чистотѣ, слѣдить за цѣлостью всѣхъ пуговицъ въ костюмѣ, за прорѣхами и жирными пятнами...

Учитель вполнѣ соглашался съ этимъ требованіемъ и горячо ратовалъ противъ увлеченія политикой и находилъ, что школьное дѣло такъ велико, что оно должно удовлетворить всѣ запросы человѣческой души.

— Нельзя за два дѣла браться,—говорилъ онъ.—Что нибудь одно: либо дѣти въ школѣ, либо политика со взрослыми по избамъ мужиковъ.

Онъ очень былъ радъ, что на Павловскомъ съѣздѣ учителей послѣдніе исключительно занимались обсужденіемъ педагогическихъ темъ и не устроили никакой демонстраціи начальству.

— Если хотите,—полиберальничалъ онъ:—школа развиваетъ людей и къ общественной жизни гораздо лучше, чѣмъ обсужденіе политическихъ вопросовъ съ неграмотными и великовозрастными тупицами.

Въ то время эти «тупицы» еще не назывались черносотенцами, и я вполнѣ согласился съ учителемъ, что хорошо поставленныя народныя школы могутъ поглотить всю жизнь преданнаго имъ человѣка, и у него не останется свободнаго времени на распропагандированіе злободневными вопросами малоразвитаго населенія.

«Если,—думалъ я,—классовыя нужды этого населенія выдвинутъ передъ нимъ его собственный идеалъ, то населеніе можетъ увлечь за собою и учителей, но никогда—обратно».

Мое предположеніе оправдалось. Въ той же Псковской губерніи, въ самомъ городѣ и по его уѣздамъ, народное движеніе захватило интеллигенцію, но вмѣстѣ съ этимъ начались аресты среди земскаго персонала и такъ называемаго «крестьянскаго союза».

Но несомнѣнно, какъ бы ни были многочисленны псковскіе аресты среди интеллигенціи, она не играла активной роли въ народномъ движеніи псковитянъ. Арестованные сами захвачены движеніемъ, и большинство изъ нихъ совершенно легально примкнуло къ нему. Не всѣ могли мириться съ тѣмъ, чтобы конституціонное значеніе манифеста 17-го октября 1905 г. было игнорировано манифестомъ 20-го февраря 1906 г., и чтобы 1) законодательная власть народныхъ представителей, 2) учрежденіе ими бюджета и 3) отвѣтственность передъ ними административныхъ властей были парализованы государственнымъ совѣтомъ, въ значительной его части по назначенію, всегда готовымъ исполнить волю министерствъ, а не народныхъ представителей...

Эти интеллигенты захвачены волной проснувшагося народа, и власти, вполнѣ естественно, не могутъ усмотрѣть ихъ индивидуальной роли въ этомъ пробужденіи и не умѣютъ даже формулировать ко многимъ свои обвиненія. Интеллигенція имѣетъ значеніе въ

народной жизни, какъ таранъ для разрушенія непріятельскихъ стѣнъ; затѣмъ она поглощается сама народной жизнью и надолго теряетъ преобладающее значеніе. То же самое повторяется теперь не только въ исторіи псковскихъ арестовъ, но рѣшительно всюду. Представители интеллигенціи хотѣли бороться съ бюрократіей парламентарнымъ путемъ, но ихъ все время разочаровываютъ въ немъ...

Всеобщій энтузіазмъ по поводу манифеста 17 октября охватилъ самыхъ равнодушныхъ къ политикѣ людей, и правительство не въ правѣ дѣлать отвѣтственными за него отдѣльныхъ людей, тѣмъ болѣе изъ сельско-учительскаго персонала. Онъ всегда былъ чуждъ политической иниціативы и преданъ своимъ спеціальнымъ задачамъ.

Въ этой увѣренности я заѣхалъ къ моему стародавнему знакомому въ сельскую школу и былъ очень удивленъ его тревогой и опасеніями.

Правда, я зналъ, что ничто не гарантируетъ въ настоящее время учителя отъ недоразумѣній: ни многолѣтняя труженическая жизнь въ школѣ, ни отсутствіе систематичности въ его бесѣдахъ съ кѣмъ либо и малѣйшаго признака на организаціонную связь съ какимъ либо обществомъ, ни личное и всегда недостаточное развитіе сельскаго учителя для агитаціонной роли и т. д. Но за даннаго учителя я былъ увѣренъ и, къ моему удовольствію, очень скоро убѣдился, что его тревоги о себѣ лишены всякаго основанія.

— Послѣ манифеста 17 октября, — говорилъ онъ высокопарнымъ слогомъ: — у всѣхъ интеллигентныхъ людей деревни духъ сталъ приподнятъ. Если, по времени года, на дворѣ стояла осень, то въ нашихъ мысляхъ чувствовалась весна... И какъ было не чувствовать ее? На 13 ноября насъ, учителей Новоржевскаго земства, пригласили въ земскую управу на совѣщаніе по школьно-хозяйственнымъ вопросамъ. Но на собраніи былъ поднятъ вопросъ о всероссійскомъ союзѣ учителей и отношеніи учителей къ обществу. Всѣ разговоры свелись къ тому, чтобы учителя дѣйствовали въ духѣ манифеста 17 октября и объяснили бы его народу. Мы разъѣхались по своимъ школамъ въ приподнятомъ настроеніи. Вскорѣ намъ прислали изъ управы печатныя «поясненія для народа» по поводу манифеста и задачъ государственной думы. Раньше крестьяне ничего не слыхали объ этомъ. Я устроилъ въ школѣ собраніе, и до сихъ поръ не могу понять, какъ я на это рѣшился.

— Все это законно, и сама управа...

— Да, это такъ, — перебилъ онъ. — Я ничего не говорилъ противоправительственнаго, а напротивъ восхищался царскимъ манифестомъ...

— Такъ чего же вы?

— А все-таки боязно... Какъ стали въ печати появляться извѣстія о побоищахъ и погромахъ, такъ каждое слово и вспоминается... Ничего и нигдѣ не проговаривался я, да другіе могутъ перетолковать по-своему каждую фразу. Разбирайся да разъясняй, что не такъ было дѣло... Хорошо, если повѣрятъ.

— Повѣрятъ,—успокаивалъ я его.—Вы на хорошемъ счету и всегда сознательно сторонились отъ политическихъ безпорядковъ.

Учитель радостно воскликнулъ:

— Мнѣ и одной школы довольно. У меня теперь садъ и пчельникъ. Я весь день съ дѣтьми то въ классѣ, то въ саду. А все-таки боязно...

А между тѣмъ его либерализмъ былъ чисто школьнаго свойства. Онъ хотѣлъ бы дать дѣтямъ, кромѣ книжнаго ученья, и изученіе простой жизни въ избѣ мужика.

— Надо,—иногда говорилъ онъ,—чтобы дѣти мужика знали, гдѣ въ опредѣленномъ мѣстѣ слѣдуетъ утромъ умываться въ избѣ, а не гдѣ попало; куда класть свою шапку, а не хватать первую попавшуюся подъ руку; какъ ѣсть вилкой и ножемъ, какъ обращаться съ одеждой, какъ убирать внутренность избы, какъ чтить праздники христіанскими дѣлами, а не драками на гулянкахъ, какъ хорошо бы общими силами дѣтей въ торжественные христіанскіе дни оказать помощь больнымъ или бѣднымъ односельчанамъ и т. д.

Онъ мечталъ создать связь между школой и населеніемъ несомнѣнной ея полезностью. Кромѣ книжныхъ уроковъ и наученія культурному обиходу, чтобы не казаться его воспитанникамъ у себя дома «папуасами», ему хотѣлось ввести промышленные и ремесленные курсы въ школу, намѣтивъ какую нибудь преобладающую потребность въ данной мѣстности. Пчеловодство, садоводство, плотничество, кирпичное производство—все бы ему хотѣлось изготовлять руками учащихся и привлечь ихъ родителей къ участію въ судьбахъ школы.

Онъ совершенно резонно говорилъ:

— При дарованіи народу 17 октября избирательныхъ правъ, послѣдній напоминаетъ негровъ въ день ихъ освобожденія, интересы которыхъ американскій педагогъ Букеръ Вашингтонъ защищалъ такими словами: «одна политическая агитація не спасетъ негра, и въ качествѣ гарантіи для подачи голоса онъ долженъ обладать собственностью, трудолюбіемъ, искусствомъ, бережливостью, умомъ и характеромъ, а безъ этихъ качествъ никакая раса не можетъ разсчитывать на прочный успѣхъ». То же и у насъ въ Россіи. Мужицкіе митинги будутъ гораздо плодотворнѣе на молочныхъ фермахъ и садахъ, мельницахъ и кузницахъ, чѣмъ въ обнищалыхъ, съ разобранными крышами избахъ... Движеніе снизу ближе къ мужику, и разомъ онъ не сдѣлается толковымъ депутатомъ.

Словомъ, въ этихъ немногихъ словахъ чувствовалось, что манифестъ 17 октября не оторвалъ его отъ школы, и что самую сво-

боду народа онъ обусловливалъ болѣе трудомъ въ собственной жизни крестьянъ, чѣмъ въ ихъ торжествѣ надъ другими классами родины.

Во всемъ этомъ было чрезвычайно много дѣловитости и постепенства. Это и есть та настоящая почва, на которой могли бы интеллигенція и народъ работать совмѣстно во имя культуры.

Тѣмъ не менѣе, совершенно трезвое отношеніе къ дѣйствительности все-таки не давало душевнаго мира сельскому мечтателю...

— Боюсь! Никогда этого не бывало прежде, — говорилъ педагогъ. — Если бы былъ проступокъ за мной, то я бы такъ не волновался. Самъ иногда смѣюсь надъ своимъ безотчетнымъ страхомъ, точно ребенокъ въ темной комнатѣ...

«Всѣ мы въ темной комнатѣ», думалъ я, сочувствуя бѣдному труженику.

— Никогда я не думалъ, — продолжалъ онъ: — что иностранцы правы въ своемъ опредѣленіи о томъ, что между русской интеллигенціей и народомъ промежутокъ времени въ сто лѣтъ, а теперь вижу, что эта пропасть существуетъ между ними.

Онъ разсказалъ мнѣ, что на «микунъ» (какъ называютъ крестьяне митингъ) собралось много народу, и всѣ вели оживленную бесѣду о манифестѣ. Ему самому пришлось вкратцѣ изложить исторію Русскаго государства о томъ, какъ изъ безпорядочнаго и мятежнаго удѣльнаго строя выростала и крѣпла княжеская власть въ единодержавіе; какъ, со смертью Грознаго, прекратилась династія Рюрика, и какъ русскій народъ принужденъ былъ выбирать на царство новаго царя, М. Ѳ. Романова.

— Ну, что же? Все это прекрасно, — сказалъ я въ заключеніе. — Никакой демонстраціи въ этомъ нѣтъ.

— Конечно, такъ! — радостно произнесъ учитель. — Но вышло то, что среди слушателей нашлись такія лица, которыя стали задавать народу вопросы: «Что это учитель хочетъ выбирать новаго царя?» Какъ вамъ это нравится? Я разсказываю о томъ, какъ одна династія смѣнилась другой, а умныя головы что придумали? Страшно я струсилъ одно время и отъ безпокойства не спалъ нѣсколько ночей... Вины нѣтъ за мной, а боязно. Точно кто меня подвелъ подъ непріятность съ этимъ манифестомъ.

Онъ упомянулъ о другомъ порученіи управы учителямъ, о томъ, чтобы они доступными путями собрали свѣдѣнія о несостоятельности крестьянъ для выдачи таковымъ пособія. Этимъ порученіемъ управа очевидно хотѣла имѣть болѣе достовѣрныя свѣдѣнія по этому вопросу, чѣмъ тѣ свѣдѣнія, которыя доставляются ей обыкновенно черезъ волостныя правленія. Но этимъ самымъ порученіемъ она естественно возбудила среди волостныхъ чиновъ неудовольствіе противъ учительскаго персонала.

Знакомый мнѣ учитель собралъ дѣтей и прямо съ ихъ словъ записалъ о голодныхъ крестьянахъ въ ихъ деревняхъ. Но это

исполненіе служебнаго порученія породило про учителя своеобразный толкъ, можетъ быть, пущенный кѣмъ либо изъ его недруговъ.

— Учитель подъ студентовъ подписываетъ народъ! Свою компанію собираетъ...

Въ равной степени, когда урядникъ пріѣхалъ въ волость для объявленія подъ расписку объ открытіи въ г. Порховѣ ярмарки, то и про него, со страху, стали говорить, что онъ «подъ черную сотню записываетъ народъ». Но насколько басни про урядника безвредны для него, настолько нелѣпая болтовня про учителя страшно перепугала бѣднягу.

«Не ты одинъ въ такомъ положеніи», подумалъ я опять и вспомнилъ, что передъ этимъ я уѣхалъ отъ помѣщика, тоже пребывавшаго въ трепетѣ у себя въ усадьбѣ изъ-за ни на чемъ не основанной боязни полиціи.

Много такихъ по провинціямъ «напуганныхъ» лицъ.

Не мудрено: ни въ чемъ неповинные люди схвачены и сидятъ въ тюрьмахъ, не имѣя силъ оправдаться. Мнѣ разсказывали, какъ Сорокинской волости, Порховскаго уѣзда, писарь Тимоѳей Никифоровъ, желая обругать волостного старшину, выразился: «Нашъ господинъ отцарствовалъ... Смѣнятъ его — будетъ новый». Этихъ словъ объ «отцарствованіи» было достаточно, чтобы свидѣтели повторили ихъ на допросѣ въ искаженномъ видѣ, и чтобы Никифоровъ былъ арестованъ.

А учитель Марынской школы, Алексѣй Семеновъ, какъ разсказываютъ, развѣ не арестованъ за бесѣду съ крестьянами о принудительномъ отчужденіи у господъ земель и лѣсовъ въ духѣ министерскаго проекта г. Кутлера и еще за то, что собиралъ подписи и подговаривалъ крестьянъ хлопотать о деньгахъ, которыя имъ причитаются? Лѣтомъ минувшаго года въ Бѣжаницахъ-Сущевѣ выдавали крестьянамъ пособіе при внесеніи ими задатка въ три рубля. Этихъ денегъ у нихъ не было, и за пособіемъ являлось немного лицъ. Тогда начальство и безъ задатка рѣшилось выдавать пособіе, но сотскіе не оповѣстили объ этомъ всѣ деревни. Одинъ изъ нихъ «забылъ передать», другому «надобности не было ходить по деревнямъ въ другую сторону» и т. д. Словомъ, сорокъ вагоновъ муки остались не розданными и были проданы; но гдѣ вырученныя деньги,—крестьяне не знаютъ. Учитель Семеновъ обѣщалъ тѣмъ изъ нихъ, которые не получили пособіе натурой, выхлопотать денежное пособіе, если они подадутъ объ этомъ прошеніе.

Всю эту исторію съ деньгами передавали мнѣ крестьяне въ этомъ видѣ, и, во всякомъ случаѣ, изъ ходатайства о деньгахъ, неизвѣстно куда исчезнувшихъ, нельзя усугублять виновность г. Семенова. Но въ провинціи подозрѣваемое лицо можетъ легко оказаться виноватымъ изъ-за неосторожной фразы и необдуманнаго, иногда въ пьяномъ видѣ, поступка, хотя бы вся жизнь

этого человѣка была безупречной, и въ будущемъ нѣтъ никакихъ данныхъ предполагать въ немъ революціонера.

Паника растетъ въ провинціи... Утрачивается довѣріе въ мудрое и снисходительное отношеніе правительства къ подданнымъ... И это наканунѣ созыва государственной думы! А именно теперь-то, въ виду первостепенной важности событія, и необходимо всеобщее къ нему сочувствіе. Если справедливо, что каждый народъ стоитъ своего правительства, то и правительство, оказывая народу недовѣріе и вражду къ нему, можетъ встрѣтить въ послѣднемъ тѣ же самыя чувства и даже бойкотъ государственной думы.

IX.

«Свобода связала».—«Фонарь данъ въ руки»...—«Какая у начальства милость къ намъ, такая и у насъ къ нему».—Критика народной школы мужиками и ихъ требованія къ ней.—Отношеніе мужиковъ къ «земскимъ» и «конторскимъ» людямъ.—«Путиловцы» и «сахарники».

Довѣріе къ мирному теченію государственной жизни слабѣетъ въ провинціи, а произволъ администраціи растетъ.

Тоска нѣкоторыхъ публицистовъ «по сильной власти» нашла себѣ сочувствіе и въ глухихъ уѣздахъ Псковской губерніи. Нѣсколько видныхъ дѣятелей въ г. Псковѣ говорили мнѣ:

— Глупо было испугаться и первой-то забастовки... Теперь, когда правительство увидѣло, какъ ничтожна кучка людей, требовавшихъ реформъ, оно не церемонится съ ними, и второй разъ оно уже не испугается пролетаріата... Манифестъ 20 февраля подтверждаетъ это.

Ликующія лица такъ ослѣплены разгромомъ пролетарскихъ силъ, что не замѣчаютъ кругомъ себя паники и новую грозную силу, въ видѣ крестьянства...

А между тѣмъ, когда я проѣзжалъ сравнительно тихую волость и спросилъ крестьянина, какъ живется, то тотъ характерно отвѣтилъ:

— Ничто себѣ, да свобода связала!

— Какъ такъ? За что?

— А за старое Рождество! Чуть ли не на другой день, послѣ свободы, стали арестовывать и увозить мужиковъ въ городъ.

— А спросить некого... Все бы ничто, если бы и въ арестантскую посадили, а только спросить некого—за что? Свобода связала ..

Я продолжалъ задавать вопросы.

— «На микунъ» ходили?

Мужики удивленно отвѣтили:

— Да мы и прежде на сходъ собирались, а «на микунъ» не смѣй... Мужики повѣрили манифесту 17 октября о свободѣ, а она-то вонъ какъ... Сейчасъ и въ Новоржевъ тебя! Никогда этого

не бывало прежде, чтобы на волостные сходы съѣзжались стражники. Мы и безъ нихъ были и теперь обойдемся... Не бунтоваться собираемся мы, а свои дѣла рѣшать... За что же начальство нагнало на насъ стражниковъ?

— Можетъ быть,—замѣтилъ я:—начальство боится, что вы на сходѣ будете злоупотреблять свободою слова?

Мужики гнѣвно отвѣтили:

— Слѣпой и тотъ ощупью находитъ тропинку, а если по манифесту дана свобода слова, то, значитъ, народу фонарь данъ въ руки... Совсѣмъ стало видать тропинку. Хуже не будетъ, а лучше.

— По здравому смыслу оно такъ выходитъ, а на дѣлѣ вы кричите, что вамъ и земства не надо...

Они перебили меня съ тѣмъ же гнѣвомъ:

— А на чужой ротокъ не накинешь платокъ. Наше земство барское, а не мужицкое... Вотъ мы никуда и не будемъ платить денегъ. Сами волостью всѣ свои волостныя дѣла порѣшимъ... Извѣрились мы въ барское земство, и платить ему денегъ не стоитъ. Какая у начальства милость къ намъ, такая и у насъ къ нему.

Я пробовалъ заступиться за земство, и указывалъ на прекрасныя сельскiя школы въ Новоржевскомъ уѣздѣ.

— И школъ намъ не надо,—въ раздраженiи отвѣтили мнѣ.

— Это вы говорите противъ себя,—протестовалъ я.—Всѣ школы переполнены вашими ребятами...

— Да, школы не такiя надо! Школьниковъ у насъ вся деревня, а придетъ письмо или повѣстка, надо все равно ходить къ писарю, и никто въ деревнѣ не прочтетъ его. Какой же толкъ, что много школьниковъ? Читаютъ они книги, а не понимаютъ и разсказать не могутъ. Прошенiе написать тоже не смогутъ... Никто ничего и не разберетъ, если начнетъ писать. Много грамотныхъ у насъ, а защиты никто не дастъ... А обидь-ка тебя кто понапрасну, такъ ты сейчасъ распишешь свою обиду и къ начальству, и въ газету. А нашъ не сможетъ. И права есть у него, а не написать ему прошенiя о своемъ же дѣлѣ.

Они еще долго критиковали недостаточность существующаго школьнаго образованiя, не находя въ своихъ грамотныхъ людяхъ ни хорошаго чтенiя письма, ни защиты въ тяжбахъ.

— Вотъ у насъ въ Барановской волости, въ деревнѣ Лыжницы,—произнесъ одинъ крестьянинъ:—мужики завздорили съ богачемъ Марковскимъ изъ-за участка земли съ лѣсомъ и лугами. Крестьяне обратились къ земскому, и тотъ сказалъ имъ на словахъ: «пока дѣло не разрѣшится судомъ, вы не берите изъ лѣсу дровъ, а Марковскiй не тронетъ выкошеннаго вами сѣна». Но послѣднiй не дождался суда и забралъ сѣно; тогда и мужики поѣхали въ лѣсъ за дровами. «Мы,—говорили они:—рубимъ его не ночью, не крадучись, а какъ свое. Если Марковскiй въ силахъ заплатить

за сѣно, если судъ признаетъ сѣно нашимъ, то и мы въ силахъ уплатить за дрова Марковскому, если судъ признаетъ дрова его собственностью... Не съ вѣтру и мы взбунтовались». Не тутъ-то было,—докончилъ разсказъ крестьянинъ:—наѣхали стражники, и 7 человѣкъ изъ деревни Лыжницы были арестованы. Въ Сибири лучше жить, чѣмъ теперь въ деревнѣ. Некому заступиться за насъ, а грамотеевъ найдется у насъ много. Да, что толку, если нѣтъ у нихъ защиты?

— Однако,—возразилъ я:—надо улучшить дѣло, а вы собираетесь только бить всѣхъ земскихъ или отнять у нихъ жалованье: у докторовъ, учителей, ветеринаровъ, страховыхъ агентовъ, у всѣхъ, кого вы должны бы беречь и любить. Вы только не трогаете однихъ стражниковъ.

— Стражникамъ,—перебили меня:—царь платитъ... Казна отпускаетъ имъ содержаніе, а земскимъ да конторскимъ идутъ мужицкія деньги. Ветеринаръ служитъ помѣщику, а крестьяне не приглашаютъ его; страховой агентъ тоже нуженъ для собственниковъ. Мелкія страховки, до пятисотъ рублей, страхуютъ волостныя правленія, а свыше—агентъ... Прежде мы безъ агентовъ обходились. А съ ними весь запасной капиталъ ушелъ на вознагражденіе погорѣльцевъ, вслѣдствіе высокой оцѣнки имущества и построекъ... Мы тоже не зря отказались отъ нихъ. Мы согласны платить бы и учителямъ, если бы они доводили школьника до той степени, чтобы онъ могъ письмо прочесть и прошеніе намъ написать въ судъ; мы знаемъ, что надо платить и судьямъ, да мы не вѣримъ нашему суду... Писарь судитъ и вино, а не судьи. Раньше, сряду послѣ воли, были «чередные судьи», и было нисколько не хуже... Мы не знали, кто будетъ судьей, а теперь они всѣ извѣстны, и ихъ подкупить можно...

Я молча слушалъ многочисленныя сѣтованія мужиковъ на ихъ внутреннюю жизнь, которую они стали передѣлывать въ настоящее время на всѣхъ своихъ волостныхъ сходахъ. Они точно вымещаютъ злобу противъ современнаго строя на «земскихъ» (учителяхъ, докторахъ, агентахъ и т. д.) и на «конторскихъ» (старшинахъ, писаряхъ и волостныхъ судьяхъ). Вездѣ на волостныхъ сходахъ идетъ сокращеніе бюджетовъ; вездѣ критическое отношеніе усиливается къ особенностямъ крестьянской жизни и достигаетъ высшаго напряженія, когда касается земскихъ начальниковъ и новоиспеченныхъ стражниковъ.

На простой вопросъ о состояніи счетовъ по продовольственному капиталу крестьяне озлобленно восклицаютъ:

— А и самъ чортъ некрещеный не узнаетъ ни у конторскихъ ни у земскаго начальника! Приди-ка въ контору да спроси,—такъ всего тебя скозыряютъ на разныя манеры... Мы не вѣримъ ни правосудію, ни контролю... Недавно выработана комиссія отъ

волостей для ревизіи матеріальной стороны въ школахъ: приварка, расходовъ на покупку дровъ и т. д. Мужики сами же и толкуютъ о себя: попадутъ въ нашу комиссію враги учителя, и будутъ они мѣшать ему, а дѣло не поправятъ.

— Надо,—говорю:—народу привыкать контролировать... Попривыкнетъ онъ, и будетъ хорошо. Жизнь—это та же школа. Не разомъ дается и грамота.

Меня перебили насмѣшливымъ голосомъ:

— Долго этого ждать, когда мужикъ, по словамъ Некрасова, понесетъ съ рынка Гоголя да Бѣлинскаго...

Я уже перестаkъ удивляться книжнымъ отвѣтамъ за послѣднее время въ народѣ, тѣмъ болѣе, я зналъ, что, напримѣръ, Аполинская волость выдаетъ до 900 паспортовъ въ годъ крестьянамъ, идущимъ въ Петербургъ, а Ежинская и Копылковская волости выдаютъ паспортовъ до двухъ и до трехъ тысячъ лицамъ, идущихъ торговать (коробейники) въ Финляндію.

— Мы—«путиловцы»,—говорятъ многіе изъ нихъ о себѣ съ гордостью, сознавая свое превосходство надъ «кениговцами».

— Весь сахаръ кениговскій сдѣланъ нашими руками,—замѣчаютъ крестьяне, вернувшіеся изъ Петербурга съ заводовъ Кенига.

— Сахарники!—презрительно обзываютъ ихъ «путиловцы», болѣе развитые въ политическомъ отношеніи рабочіе.—Не во нравъ имъ наше дѣло...

— Будь оно неладно!—огрызается «сахарникъ».—Не будете и вы больше приглашать смотрѣть царя ко дворцу... Кому охота умереть безъ покаянья!

— Чортъ ты некрещеный!...—ругается въ отвѣтъ «путиловецъ».

Поругавшись по привычкѣ, они, какъ ни въ чемъ не бывало—слышу—вмѣстѣ поютъ на улицѣ:

«Вставай, подымайся, рабочій народъ»...

— Ну, время,—замѣчаю я.—Вотъ время-то какое...

— Да, ужъ времечко,—сочувственно откликается консервативнаго образа мыслей старикъ.—Малецъ лѣзетъ черезъ порогъ на карачкахъ и еще не умѣетъ ногу переложить черезъ него, а ужъ кричитъ: «долой господъ», и новыя пѣсни играетъ...

Присутствующій «путиловецъ» смѣется и добродушно отвѣчаетъ ему:

— Старикамъ-то нечего хлопотать... Скоро на песчаную горку (на кладбище) сволокутъ, а мы, молодые, жить хотимъ...

X.

«Опочане». — Престижъ верховной власти и господъ.—Крестьяне собираются дѣлить не землю, а урожай у помѣщиковъ. — Проектъ мѣстной газеты объ успокоеніи умовъ и арестъ ея редакціи.

Съ «путиловцами» мнѣ пришлось еще разъ встрѣтиться уже въ Опочецкомъ уѣздѣ, откуда мѣстнымъ землевладѣльцемъ были присланы за мной лошади съ предложеніемъ принять участіе въ облавѣ «на всячину».

Кучеромъ оказался одинъ изъ путиловцевъ, и между нами возникъ разговоръ о порубкѣ лѣса въ имѣніи графа Моля.

— Восемь человѣкъ арестовано...

— Да, зачѣмъ,—перебилъ я его:—рубить лѣсъ?.. Онъ вамъ же будетъ нуженъ послѣ, если вы думаете, что земля перейдетъ къ мужикамъ.

— Рубимъ!—угрюмо отвѣтилъ «опочанинъ».—Богъ знаетъ, кому еще весной онъ достанется. У насъ гдѣ какъ... Въ одномъ мѣстѣ крестьяне рубятъ лѣсъ, а въ другомъ не даютъ и самому владѣльцу рубить, не только постороннимъ мужикамъ... Въ селѣ Зенковѣ, Туровской волости, у барона Корфа, крестьяне близлежащихъ деревень, бывшіе его крѣпостные, прогнали дальнихъ крестьянъ, Макушевскихъ, когда тѣ поѣхали въ лѣсъ съ топорами. «Просите или рубите лѣсъ у своихъ господъ, а у нашего нельзя— намъ самимъ будетъ нужно»,—сказали они и поворотили ихъ лошадей назадъ.

— А что же вы не платите податей?—спросилъ я.

— А, може, манифестъ буде,—отвѣтилъ тотъ.—Царь дастъ землю и подати измѣнитъ.

— Ты думаешь?

— А какъ же! Жить стало невозможно... Что нибудь да буде отъ царя... Облегченіе какое да ни на есть выйдетъ.

«Путиловецъ» такъ же, какъ и прочіе крестьяне, увѣренъ въ «облегченіи» болѣе отъ царя, чѣмъ отъ государственной думы. Если ихъ надеждамъ не суждено будетъ сбыться, то разочарованіе въ чиновникахъ перейдетъ и на верховную власть. Глубоко неосновательны поэтому высказанныя въ «Собраніи экономистовъ», отъ 3 февраля, опасенія директора канцеляріи министерства землеустройства и земледѣлія, г. Лисенкова, о томъ, что и при дополнительномъ надѣлѣ крестьяне начнутъ также жаловаться на свою судьбу, обвиняя по преимуществу во всѣхъ неудачахъ дополнительнаго отчужденія чиновниковъ и требуя все болѣе и болѣе радикальныхъ реформъ... Это опасеніе за репутацію чиновниковъ имѣло мѣсто въ прошломъ году, а теперь, когда народъ возлагаетъ всѣ свои надежды гораздо болѣе на государя, чѣмъ даже на госу-

дарственную думу,—чиновники, конечно, отходятъ на задній планъ. Создается опасеніе за авторитетъ верховной власти въ томъ случаѣ, если бюрократія оттолкнетъ ее отъ удовлетворенія народныхъ нуждъ. Народъ давно пересталъ вѣрить чиновникамъ, т.-е. господамъ, какъ онъ выражается. Но обаяніе царскаго имени сильно и въ крайнихъ толкахъ крестьянства, и въ умѣренныхъ.

Зато престижъ господъ окончательно падаетъ.

На одномъ изъ отдыховъ, послѣ облавы на рысей, крестьяне шутя обратились къ помѣщику со словами:

— Погоди-ка, баринъ, мы придемъ къ тебѣ скоро село «бастовать».

Тотъ возразилъ имъ въ добродушномъ тонѣ:

— Зачѣмъ же вамъ разорять мое село? Я такъ же работаю, какъ и вы...

— Работа твоя трудная,—произнесъ одинъ изъ мальчугановъ, весело засмѣявшись.—Пойти прогуляться съ папиросой въ поле и посмотрѣть, гдѣ солнце всходитъ и куда заходитъ. Дюжо работаешь—пупъ съ мѣста тронется отъ такой работы.

Товарищу моему не хотѣлось уступить въ этомъ спорѣ, и онъ сказалъ о себѣ, что, какъ мелкій землевладѣлецъ, онъ живетъ очень просто и ѣстъ пищу, какъ и всѣ крестьяне.

— Это и видно, — презрительно насмѣшливымъ тономъ закричали другіе подростки въ загонѣ.—Вонъ шея-то у тебя толще, чѣмъ у борова...

Загонщики сочувственно поощряли подростковъ.

— Барину,—говорили они:—мало трехсотъ десятинъ, а съ насъ довольно и трехъ десятинъ... Вотъ какъ господа судятъ о насъ! Мы же на нихъ работаемъ, а они все недовольны нами...

Мой спутникъ перебилъ ихъ уже съ раздраженіемъ:

— Я ничѣмъ вамъ не обязанъ...

— Какъ такъ?—перебилъ загонщикъ, жившій подолгу въ Петербургѣ. — Мы, что ли, обязаны господамъ? А сапоги на васъ чьими руками сдѣланы?

— Не вы же шили...

— Не мы, да наши братья... Все тоже.

— И у тебя шапка и сапоги.

Рабочій въ первую минуту растерялся отъ такого довода, но потомъ буквально отвѣтилъ такъ:

— Тутъ обмѣнъ труда на капиталъ... Фабрикантъ покупаетъ наши силы и даетъ деньги на шапку и сапоги; а господа кому продаютъ свои силы, и не изъ нашихъ ли силъ получаютъ они свои капиталы?

Я невольно подумалъ: «Вотъ такъ опочане... (жители Опочецкаго уѣзда). Едва ли они не развитѣе новоржевскихъ крестьянъ».

Мой спутникъ былъ тоже озадаченъ радикальнымъ воззрѣніемъ

рабочаго, но замѣтилъ ему, что измѣнить положеніе вещей нельзя, что Россія не подготовлена къ равенству труда и капитала, и что кто этого не понимаетъ, того полезнѣе посадить въ тюрьму на время, покуда соберется государственная дума и установится спокойствіе въ странѣ.

Рабочій перебилъ его серьезнымъ тономъ:

— Такъ точно думаетъ, вѣроятно, и г. Дурново, припрятавъ Хрусталева и его товарищей въ крѣпость.

Помѣщикъ былъ большой либералъ и очень сконфузился словами рабочаго. Онъ сталъ передо мной развивать подробнѣе свой взглядъ и доказывать неподготовленность Россіи къ лучшей исторіи.

— Это еще не скоро! Не скоро будетъ!—повторялъ онъ.

Рабочій опять перебилъ его:

— Не скоро-то оно не скоро... Темнаго народу много у насъ, что каменьевъ въ полѣ. А какъ ни великъ камень, все-таки надо отесать его, свезти въ село и положить въ устои подъ домъ. Но и устраиваться намъ, и учиться надо съ чего нибудь начать... А теперь мы обнищали, и первое-наперво ждемъ земли.

Загонщики подхватили его заключеніе и повторили, что безъ новой земли имъ никакъ не улучшить своей судьбы.

— А не дадутъ,—крикнулъ кто-то въ толпѣ: — будемъ у господъ не землю дѣлить, а урожай, когда придетъ пора хлѣбъ убирать. Пускай господа весной засѣваютъ и обрабатываютъ поля, а убирать жатву осенью будемъ мы...

— Это же разбой...

— Разбой и есть,—повторили загонщики, но безъ всякаго раскаянія.

Прежній рабочій вынулъ изъ кармана своего рванаго полушубка печатную программу предполагавшагося изданія въ городѣ Псковѣ народной газеты подъ заглавіемъ: «Крестьянская газета Пріозернаго края» (Псковская, Петербургская, Новгородская и прилежащіе уѣзды Витебской, Лифляндской и Смоленской губерній).

Передавая намъ программу, онъ убѣжденно произнесъ:

— Разбой можно и не допустить, если крестьянство обсудитъ свое дѣло, и начальство приметъ это во вниманіе... Почитайте. Умные люди писали тоже...

Я пробѣжалъ глазами газетный листокъ:

«Крестьянское движеніе растетъ съ неудержимой силой. Но крестьянство, которое въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ держалось правительствомъ въ безправіи, нищетѣ и невѣжествѣ, не можетъ сразу найти вѣрныхъ путей, по которымъ оно вышло бы изъ старыхъ условій жизни, ставшихъ совершенно невозможными и невыносимыми. Этимъ крестьянское движеніе страшно. Не руководимое разумными силами страны, оно можетъ превратиться въ пугачевщину, которая принесетъ много ненужной никому крови,

много ненужнаго разоренія, много ненужныхъ страданій, и въ концѣ концовъ ничего не сдѣлаетъ для государственнаго устроенія. Необходимо дать этому движенію возможность попасть на правильный путь развитія. Но кому по силамъ теперь совладать съ этой стомилліонной массой, возбужденной и раздраженной? Конечно, только самому крестьянству. Необходимо поэтому прежде всего прислушаться къ голосу самого крестьянства. Этотъ голосъ уже раздался. Онъ будетъ говорить все громче и громче и все больше и больше приковывать къ себѣ вниманіе страны».

Я не сталъ далѣе читать программу не осуществившейся газеты, вслѣдствіе ареста въ городѣ Псковѣ главныхъ членовъ редакціи и видя въ программѣ общераспространенныя требованія объ улучшеніи народнаго быта. Но я не могъ не удивляться проникновенію газетнаго листка въ деревни.

— Прямо по почтѣ прислали намъ,— отвѣтилъ мой спутникъ, помѣщикъ. — И газеты, и брошюры теперь имѣются въ каждой деревнѣ. Такъ естественно это, впрочемъ... свобода требуетъ просвѣщенія. Прошлую зиму здѣсь я не слышалъ ничего подобнаго тому, что сейчасъ говорилось во всеуслышаніе. Свобода разомъ посвящаетъ людей въ ихъ классовыя нужды и идеалы... Мы, дѣйствительно, наканунѣ новой исторіи съ крестьянствомъ во главѣ. Нужно ли говорить, какъ необходимо его обезпечить отъ нищеты и воспитать годнымъ для избирательной борьбы?

Онъ грустно закончилъ свою рѣчь тѣмъ, что правительство до сихъ поръ не сумѣло воспитать несомнѣнно талантливый народъ гражданиномъ и изъ скрытаго врага интеллигенціи сдѣлать его носителемъ прогресса.

Остатокъ дороги мы ѣхали молча.

XI.

Опочецкое земство «разбѣжалось».—Крестьяне переносятъ всѣ несчастія на господъ...—Народъ о войнѣ.—«Мужицкій судъ»—«стоптать ногами всѣхъ господъ».—Графъ Гейденъ и «земляная блоха».—Заключительное слово: чиновническая программа и голосъ современной деревни.

Чѣмъ болѣе я двигался по Опочецкому уѣзду ближе къ городу, тѣмъ нагляднѣе казался мнѣ ростъ крестьянства за послѣднее время... Люди точно пережили столѣтіе!.. Конечно, и общественная жизнь Опочецкаго уѣзда протирала глаза народонаселенію все въ одномъ и томъ же направленіи. Земство въ немъ, такъ сказать, разбѣжалось... Предсѣдатель управы Пленъ, завѣдующій комитетскимъ продовольствіемъ Тихомировъ, земскій начальникъ Бизюкинъ и др. громогласно вызываютъ противъ себя нареканія и ропотъ. Пленъ, хотя и съ согласія земскаго собранія, выдалъ 16 тысячъ общественныхъ денегъ на частное предпріятіе, которое обан-

кротилось, и онъ предлагаетъ возвратъ этихъ 16 тысячъ въ кассу возложить на населеніе. Конечно, послѣднее протестуетъ и требуетъ суда. Земскаго начальника Бизюкина мужики въ Синекольщинѣ едва не избили, обвиняя его въ томъ, что онъ взялъ изъ волостной кассы 500 рублей и пополнилъ ихъ рентой, не внеся разницы вслѣдствіе паденія ренты, и не имѣя разрѣшенія схода замѣнить наличныя деньги бумагами. Озлобленіе противъ него было столь велико, что мужики избили даже его лошадей, а самого его съ трудомъ защитила полиція.

Такое же озлобленіе слышится въ говорѣ крестьянъ о Тихомировѣ и другихъ земцахъ.

Удивительно ли, что крестьяне переносятъ на господъ всѣ общественныя несчастія и даже военныя неудачи? Здѣсь же среди опочанъ я слышалъ запоздалыя сѣтованія:

— Куропаткинъ-то нашъ «холмичъ», а и онъ обманулъ насъ... У насъ и закону такого нѣтъ, чтобы Россія просила мира. Японецъ долженъ кориться, а вышло иное... Вотъ онъ, Куропаткинъ-то, какой дѣляга... Не тутъ-то было, чтобы побить врага... Нѣтъ, Митькой звали! Воздухомъ стало валить съ ногъ русскаго солдата въ крѣпости... Стессель писалъ, что Богъ милости ему прислалъ; Линевичъ, не перескочивши рѣчку, все кричалъ: гопъ! А ты кричи на томъ берегу, а не хвастай заранѣе. Куропаткинъ долго чванился и все думалъ: пускай больше будетъ бѣдъ—у солдатъ станетъ слаще обѣдъ... Писали, что онъ стоитъ съ войскомъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ мы начали воевать... А на дѣлѣ-то—эвона! Все время удиралъ отъ Портъ-Артура и считалъ на бумажкѣ, сколько у японцевъ воиновъ. Всю ночь мы здѣсь дрожали и нигдѣ мѣста не находили, какъ узнали, что враги Портъ-Артуръ взяли... А хвастали, что мы все бьемъ японцевъ. Стессель писалъ государю, что у него и припасовъ вволю, и кораблей, анъ, глядь, нехватки! Какъ эти начальники будутъ теперь отвѣчать передъ царемъ-то? Ихъ бы надо на мужицкій судъ... А то на-ка: припасовъ, увѣряли, на десять лѣтъ, а хватились, и на годъ нѣтъ. Гдѣ же они? Денежки за нихъ плачены, а государя подвели... Если распоряжаться, то распоряжаться надо правильно. Аѳонцы—не мы... Они не обманули своего государя... Затвердятся теперь въ Портъ-Артурѣ и въ Маньчжуріи. А нашъ народъ плачетъ и горитъ... Сколько головушекъ положили... Нужно только подумать. Сильно ропщутъ бабенки. А все виноваты господа... На судъ бы ихъ къ намъ: мы бы ихъ ногами стоптали.

«Стоптать ногами господъ» является во многихъ мѣстностяхъ Россіи мечтой крестьянства, и всѣ разговоры съ нимъ на злободневныя темы сводятся къ одному и тому же знаменателю. Неудивительно поэтому, что даже къ лучшимъ представителямъ помѣстнаго сословія крестьяне питаютъ недовѣріе и злобу.

Когда предводитель дворянства Опочецкаго уѣзда, извѣстный графъ Гейденъ, устраивалъ бесѣды съ крестьянами по волостямъ о манифестѣ 17 октября, то ему прямо въ глаза кричали:

— Толкуй! толкуй! Не больно нужна намъ твоя государственная дума... Такіе же господа съ козлиной бородой съѣдутся, какъ и ты.

Онъ пробовалъ растолковать имъ всесословное ея значеніе, но мужики кричали свое:

— Гдѣ господа, тамъ мужику ничего не достанется... Намъ бы «союзъ союзовъ».

— И здѣсь, — пробовалъ онъ пояснить имъ, — имѣются представители сословій...

— Не правда! Это ты врешь! Тамъ все нашъ братъ... Царь да народъ, какъ писано въ газетахъ. А чиновникамъ да господамъ— теперь крышка. Остатній годъ гуляютъ. Казна выкупитъ землю у нихъ, раздѣлитъ крестьянамъ и налогъ положитъ на землю, чтобы вернуть свои деньги, отданныя господамъ. Мы же ихъ и вернемъ въ казну. У насъ же господа и деньги на много лѣтъ впередъ возьмутъ... Пусть убираются въ города, а мы и безъ нихъ проживемъ въ деревняхъ. Они и теперь меньше платятъ нашего казнѣ, а все манифеста дожидаются... Мало имъ того, что они, когда была дана воля, наши земли записали въ первый разрядъ, а свои въ низшіе; но и за послѣдніе сорта они не платятъ деньги, а все съ насъ дерутъ и дерутъ... Они и государя нашего осрамили на войнѣ. Лишить бы ихъ всего: и жалованья, и помѣстья...

— Взять собственность ни у кого нельзя,—возразилъ графъ.— Что бы вы заговорили, если бы я пришелъ къ кому нибудь изъ васъ за лошадью?

На этотъ вызывающій вопросъ онъ услышалъ отъ одного запаснаго смѣлый возгласъ:

— А вотъ военные получаютъ ордена, а послѣ смерти куда эти ордена идутъ?

— Возвращаются въ капитулъ орденовъ...

— Ну, такъ вотъ и вашимъ предкамъ, графамъ же, подарили за заслугу землю, а почему они не вернули ее въ казну, когда умерли, а передали вамъ?

Графъ взволнованно отвѣтилъ, что у него земля купленная.

— А у твоей жены?—воскликнули мужики, зная, что та владѣетъ наслѣдственной землей.

Такъ бесѣды графа Гейдена съ крестьянами неоднократно кончались вызывающими заявленіями о соціальной несправедливости, царящей между людьми.

Очень мѣтко охарактеризовалъ мнѣ графа Гейдена одинъ изъ его же бывшихъ крѣпостныхъ.

— Хотѣлъ бы «грахъ» спать покойно на перинѣ, да блоха мѣшаетъ... Мужику земля нужна, а господамъ умъ...

Эта «земляная блоха» не дастъ покоя и самимъ мужикамъ, покуда они не добьются своего.

Между тѣмъ, многіе совершенно этого не понимаютъ. Такъ, въ одной изъ газетъ недавно помѣщена изъ Пскова слѣдующаго рода корреспонденція:

«Многіе псковичи, напуганные погромами, покушеніями и убійствами, повсюду происходящими, боялись возникновенія аграрныхъ безпорядковъ въ Псковской губерніи къ началу весны. Но лица, хорошо знающія нашихъ крестьянъ, утверждаютъ, что если они будутъ обезпечены продовольствіемъ и сѣменами на посѣвъ, то весна пройдетъ спокойно. Крестьяне съ нетерпѣніемъ ждутъ государственной думы, которая разрѣшитъ имъ земельный вопросъ.

«По новѣйшимъ статистическимъ даннымъ, въ среднемъ по губерніи, на одинъ крестьянскій дворъ приходится 9 десятинъ земли. Менѣе пяти десятинъ на дворъ имѣетъ лишь $^1/_5$ крестьянскихъ хозяйствъ; половина крестьянскихъ хозяйствъ принадлежитъ къ группѣ, владѣющей отъ 5 до 10 десятинъ, и $^1/_5$ крестьянскихъ хозяйствъ владѣетъ свыше 10 десятинъ. Въ сосѣдней Лифляндіи владѣльцы двора, имѣющаго 10 десятинъ, существуетъ безбѣдно. У насъ же при плохой обработкѣ, недостаткѣ удобренія и засаженныхъ кустарникомъ покосахъ крестьянинъ и при 10 десятинахъ не можетъ прокормиться однимъ земледѣліемъ. Земство уже много лѣтъ стремится научить крестьянъ улучшеннымъ пріемамъ обработки земли, но усилія эти пропадаютъ даромъ, такъ какъ неурожаи и недороды парализуютъ всѣ культурные успѣхи».

Корреспондентъ газеты полагаетъ въ дальнѣйшемъ своемъ сообщеніи, что бѣдствіе псковскаго мужика прекратится не съ увеличеніемъ земельной у него площади подъ пашнями и сѣнокосами. Но, пишетъ онъ, «единственный выходъ остановить это возрастающее разореніе состоитъ въ коренномъ преобразованіи продовольственнаго устава».

Нужно ли говорить, что система продовольственной помощи не измѣнитъ самаго строя мужика, потому что ссуду надо возвратить съ процентами, а, во-вторыхъ, не можетъ же она быть столь значительной, чтобы хватило ея «и на ѣмино, и на сѣмена», и на скотинку, и на покупку прирѣзокъ.

А, между тѣмъ, любой псковичъ изъ крестьянъ констатируетъ обезземеленіе молодого крестьянства и говоритъ объ этомъ постоянно:

— У отцовъ и дѣдовъ есть земля, а у молодыхъ нѣтъ... Я вотъ старшій сынъ у отца, а, кромѣ меня, еще трое сыновъ, и у всѣхъ дѣти... А земли ни у кого! Хоть коней иди воровать... Нечего дѣлать всѣмъ около голодной земли на душу. Ѣдоковъ много, а душа одна...

Это всякій псковичъ изъ надѣльныхъ крестьянъ скажетъ, не взирая на статистическія цифры о томъ, что у нихъ нѣтъ малоземелья. Если земля у мужика даетъ недороды и неурожаи, а у барина рядомъ земля стоитъ цѣльной даже не разработанная подъ лѣсомъ, и онъ «барышничаетъ» ею, то естественно, что голодный мужикъ не помирится съ этимъ.

Удивительно, что множество людей изъ помѣстно-дворянскаго сословія не понимаютъ ни своего, ни мужицкаго положенія.

Мужики прямо заявляютъ, что они придутъ село «бастовать», дѣлить землю весной или снимать урожай осенью; что они не будутъ въ казну платить денегъ и т. д.

А помѣщики говорятъ другъ другу:

— Мужики только грозятся! А подзовешь иного поближе къ себѣ и попросишь повторить—онъ испугаетзя и скажетъ совсѣмъ другое...

Не хотятъ господа вѣрить тому, что слышатъ, и притворяются глухими...

Бывшій министръ земледѣлія, А. С. Ермоловъ, признавая въ рѣдкихъ случаяхъ малоземелье и необходимость въ такихъ мѣстахъ дополнительнаго надѣла для крестьянъ, все-таки считаетъ нужнымъ писать: «Приступить къ этому надо не изъ страха передъ крестьянскими погромами помѣщичьихъ усадьбъ и хозяйствъ, такъ какъ за такими погромами нельзя даже въ огромномъ числѣ случаевъ признавать характера аграрныхъ безпорядковъ, и не въ видахъ, тѣмъ менѣе, отвѣта на крестьянскія мечты о черномъ передѣлѣ»... («Слово» отъ 25 февраля).

Такимъ образомъ, несмотря даже на аграрное движеніе въ Прибалтійскомъ краѣ или у насъ въ черноземныхъ губерніяхъ, все-таки оказывается возможнымъ не придавать значенія этому движенію, а самое стремленіе крестьянъ къ «черному передѣлу» считать «безсмысленными мечтаніями».

А, между тѣмъ, повсюду помѣщики окружены народной злобой, а гдѣ причина ея—не знаютъ... Зато крестьяне все болѣе и болѣе чувствуютъ классовыя противорѣчія и ищутъ разрѣшенія ихъ въ переходѣ земель отъ господъ къ земледѣльцамъ и всякія новыя системы хозяйствованія и агрономическія улучшенія считаютъ неосуществимыми при существующей у нихъ нищетѣ.

Въ этомъ направленіи воспитывается все ихъ міросозерцаніе, а за аргументами, какъ мы видѣли, они въ карманъ не лѣзутъ. Слишкомъ сильно они чувствуютъ не только проступки отдѣльныхъ лицъ, но и общее положеніе дѣлъ въ деревняхъ. Оно и не удивительно, если, по словамъ проф. Исаева, «въ странѣ, съ населеніемъ не больше 20—25 душъ на квадратную версту, съ безграничными площадями земель, удобныхъ для культуры, милліоны и милліоны людей, привыкшихъ къ сельскохозяйственному труду,

должны сидѣть на крошечномъ надѣлѣ, въ 1, даже $^1/_2$ и $^1/_4$ десятины, безъ возможности покрыть съ этого клочка скудныя потребности поселянина; если въ странѣ, съ огромнымъ запасомъ земель, лежащихъ впустѣ, съ государственнымъ бюджетомъ больше двухъ милліардовъ, милліоны и милліоны крестьянъ поставлены, при занятіи своимъ промысломъ, въ условія, которыя властно диктуютъ имъ сосѣдніе помѣщики. Десятина данной земли, при невынужденной арендѣ, могла бы принести десять рублей дохода въ годъ; а крестьяне десятковъ губерній и сотенъ уѣздовъ поставлены въ необходимость платить за нее 20, 30 рублей и больше» (А. Исаевъ: «Смута и земельный вопросъ»).

Ко всему этому, повсемѣстно констатировано сокращеніе пастбищныхъ площадей и скотоводства у крестьянъ, переходъ отъ землевладѣнія къ арендѣ, превращеніе крестьянина въ батрака или фабричнаго наемника, переходъ отъ земледѣлія къ торговлѣ, отливъ денегъ отъ земли и уходъ ихъ изъ деревни, ростъ недоимокъ и долговъ, исчезновеніе мелкой деревни и зарожденіе капиталистическаго землевладѣнія съ машинами и сельскимъ пролетаріатомъ и т. д. Но, конечно, эти крупныя плантаціи въ рукахъ немногихъ нельзя считать прогрессивнымъ ростомъ помѣщичьяго хозяйства, о которомъ постоянно пишетъ въ газетахъ бывшій министръ земледѣлія, А. С. Ермоловъ, и въ которомъ онъ видитъ опору крестьянскому хозяйству. Сконцентрированіе земель на счетъ слабыхъ едва ли можно считать условіемъ благополучія, а помѣстное хозяйство уцѣлѣваетъ только въ этомъ видѣ.

Вполнѣ несостоятельны его мнѣнія и въ томъ случаѣ, когда онъ говоритъ: 1) о благодѣтельности для крестьянъ постороннихъ заработковъ и аренды земли у помѣщиковъ; 2) о прогрессивномъ и благодѣтельномъ ростѣ помѣщичьяго хозяйства для крестьянъ, какъ двигателя сельскохозяйственнаго прогресса и какъ источника для заработка; 3) объ обѣднѣніи и разореніи страны при предполагаемомъ переходѣ частновладѣльческой, обрабатываемой самими помѣщиками, земли къ крестьянамъ, обрабатывающимъ землю гораздо хуже, и т. д.

Этотъ голосъ въ пользу помѣщиковъ крестьяне считаютъ запоздалымъ по многимъ причинамъ. Прежде всего, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что всѣ такъ называемые «сторонніе заработки» являются у крестьянина вслѣдствіе нехватки собственнаго хлѣба до нови и необходимости чрезмѣрныхъ платежей. Этими заработками весьма часто крестьянинъ закабаляется у помѣщика въ ущербъ собственному хозяйству.

Что касается аренды, то и она чаще всего бываетъ «вынужденной», и никто изъ экономистовъ не считаетъ благополучіемъ переходъ крестьянина отъ землевладѣнія къ арендѣ, а это именно и замѣчается въ народномъ быту, какъ равно и превращеніе кре-

стьянина въ наемнаго рабочаго въ интересахъ капиталистическаго землевладѣнія.

А что касается обычныхъ помѣщичьихъ усадебъ, то и до 19 февраля 1861 г. онѣ были заложены въ опекунскомъ совѣтѣ и выкуплены, благодаря кредиту у крестьянъ (выкупныя свидѣтельства); и послѣ 19 февраля онѣ очень скоро были заложены въ поземельный банкъ и остались за нимъ или перепроданы Сладкопѣвцевымъ, Деруновымъ, Колупаевымъ и Разуваевымъ; и теперь онѣ охраняются солдатами, и земля обрабатывается весьма посредственно «за отрѣзки», «исполу» крестьянами, ихъ же мужицкимъ инвентаремъ, или машинами и съ удобреніемъ за счетъ постороннихъ сбереженій барина.

Весьма возможно, что у А. С. Ермолова въ усадьбѣ Воронежской губерніи заведена grande culture съ многочисленными заработками для крестьянъ, но для такого хозяйства нужно было получать А. С. Ермолову его министерское жалованье; весьма возможно, что и А. Н. Куропаткинъ вернется въ свою «Торопу» и займется образцовымъ хозяйствомъ, но вѣдь онъ получалъ огромное жалованье. Кто же говоритъ противъ того, что при такихъ условіяхъ можно поставить хозяйство на высокую степень культуры, и, что съ переходомъ ихъ земель въ руки крестьянъ, обработка земли и все веденіе хозяйства будетъ иное и хуже. Но развѣ этими и подобными капиталистическими хозяйствами можно разрѣшить аграрный вопросъ?

Конечно, если допустить сконцентрированіе земли все въ меньшей и меньшей группѣ людей и классовое просвѣщеніе обезземеленнаго пролетаріата, то, разумѣется, наступитъ моментъ, когда пролетаріи захотятъ принять участіе не только въ коллективномъ производствѣ богатства, но и въ его распредѣленіи. Но А. С. Ермоловъ едва ли посочувствуетъ такой марксистской теоріи о земельномъ вопросѣ. Тѣмъ не менѣе, и въ настоящее время министерство землеустройства полемизируетъ противъ дополнительнаго надѣла крестьянъ за счетъ частновладѣльческихъ земель и отстаиваетъ просвѣтительную и производительную миссію помѣщиковъ...

Исторія уже сказала свое слово по адресу ихъ.

Теперь она выдвигаетъ на сцену русское крестьянство.

Между тѣмъ, министерство устами своего директора, г. Лисенкова, попрежнему провозглашаетъ выкупъ дополнительнаго надѣла немыслимымъ на томъ основаніи, что у крестьянъ малоземелья нѣтъ, а свободныхъ земель нѣтъ у другихъ; что юридическія препятствія при выкупѣ земли также непреодолимы, какъ и безденежье казны для вознагражденія частныхъ лицъ за отчужденныя земли наличными деньгами, и что, наконецъ, если на размежеваніе одной губерніи требуется полстолѣтія, то какой ужасающій срокъ потребуется для размежеванія дополнительныхъ надѣловъ по всей Россіи.

— А главное,—говорилъ онъ въ «Собраніи экономистовъ»,—если въ этомъ году пройдетъ надѣленіе крестьянъ землей на выкупныхъ началахъ, то кто помѣшаетъ имъ требовать такого и въ будущемъ? Не явится ли въ народѣ неопредѣленность взглядовъ на право собственности, и не создадутся ли вѣчные передѣлы, убивающіе земледѣліе даже въ общинахъ? Такимъ образомъ, прирѣзками земли не только нельзя внести въ страну успокоеніе умовъ и уменьшить голодовки, но усилится въ народѣ подозрѣніе, что во всемъ виноваты чиновники; что это не отъ государя, а отъ начальства, и что народу нужно добиваться болѣе широкихъ цѣлей болѣе рѣшительными средствами.

Нужно ли говорить, что это безпокойство о зарвавшихся въ своихъ требованіяхъ мужикахъ гораздо болѣе примѣнимо при осуществленіи чиновнической программы, въ которой на первомъ планѣ стоятъ: 1) добровольныя сдѣлки по продажѣ земель черезъ крестьянскій банкъ; 2) переселеніе; 3) урегулированіе арендныхъ отношеній, 4) уничтоженіе черезполосицъ, мелкополосицъ, длиннополосицъ, 5) устроеніе хуторскаго хозяйства, вмѣсто общиннаго, 6) снабженіе крестьянъ отборными сѣменами, лошадьми и орудіями, 7) поднятіе образованія, 8) установленіе кредита, 9) упорядоченіе найма и отхожаго промысла, 10) экономическія мѣры для борьбы съ кабалой скупщика и ростовщика, 11) устраненіе законодательныхъ стѣсненій въ жизни крестьянъ.

Всѣ эти мѣры имѣютъ свою хорошую сторону, но онѣ нисколько не устраняютъ мужицкаго предположенія о виновности чиновниковъ въ ихъ судьбѣ...

Развѣ дѣйствительно министръ земледѣлія, г. Ермоловъ, что нибудь сдѣлалъ по коренному бѣдствію крестьянскаго быта? Онъ даже теперь (см. газету «Слово» отъ 25 февраля) повторяетъ, что улучшенные пріемы культуры и новая система хозяйствованія «важнѣе простого расширенія крестьянскаго землевладѣнія»; что «признать, что именно въ настоящихъ размѣрахъ крестьянскаго землевладѣнія лежитъ корень вопроса о крестьянской бѣдности,—въ видѣ общаго правила—нельзя»...

Правда, онъ не хочетъ «сводить весь вопросъ на мѣры только агрономическаго характера» и въ нѣкоторыхъ случаяхъ допускаетъ дополнительный надѣлъ для малоземельныхъ. Но его ошибка все-таки состоитъ въ томъ, что онъ признаетъ послѣднее только «въ иныхъ случаяхъ», а не въ большинствѣ. Поэтому онъ рѣшительно заявляетъ:

«Никакого дополнительнаго надѣленія крестьянъ землею не должно быть объявляемо, такъ какъ подобная мѣра могла бы быть только всеобщей, чего вовсе не требуется, и вызвала бы вожделѣнія, идущія гораздо далѣе возможности ихъ удовлетворенія; болѣе того, подобная мѣра, при первомъ приступѣ къ ея осущест-

вленію и при неизбѣжныхъ, но непредвидѣнныхъ крестьянами ограниченіяхъ въ ея примѣненіи, вмѣсто ожидаемаго умиротворенія, внесла бы только въ крестьянскую среду новый элементъ смуты и недовольства».

Здѣсь онъ, какъ и г. Лисенковъ, упускаетъ изъ виду то, что и его собственныя мѣры по части раціональнаго хозяйствованія также не остановятъ дальнѣйшихъ «вожделѣній» крестьянъ; но эти вожделѣнія уже будутъ касаться другихъ потребностей народной жизни, а не малоземелья...

Нужно признать, какъ общее правило, что при настоящихъ средствахъ народъ не можетъ улучшить свой бытъ...

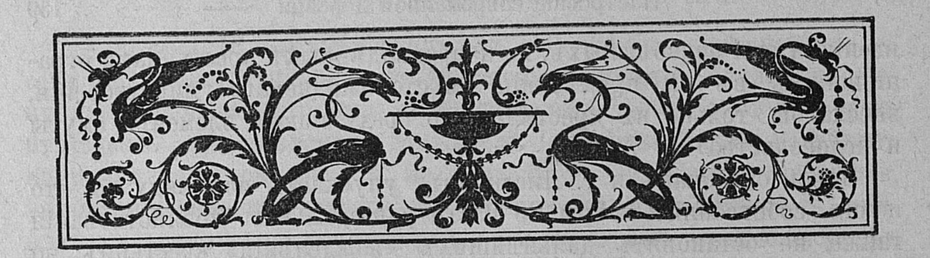
Исключеніемъ бываютъ весьма немногія мѣстности, гдѣ благосостояніе крестьянъ не зависитъ отъ площади земли. Между тѣмъ, А. С. Ермоловъ все свое вниманіе направилъ на рѣдкія мѣстности, гдѣ, конечно, вполнѣ примѣнимъ путь агрономическихъ улучшеній.

Что касается безденежья казны для уплаты землевладѣльцамъ за дополнительные надѣлы крестьянамъ, то этимъ самымъ отрицается самое осуществленіе крестьянскаго банка и другія многочисленныя функціи государства. Также и всякія мелкополосицы есть результатъ малоземелья. Урегулированіе аренды государствомъ не спасаетъ Ирландію отъ безпорядковъ, и борьба со скупщиками и ростовщиками немыслима безъ коренного преобразованія народнаго благосостоянія. Въ клѣтку скупщика не посадишь. Развѣ казаковъ напустить на скупщиковъ и ростовщиковъ? Но это — «лошадиное средство». Поэтому скупщикъ и ростовщикъ останутся всегда спутниками народной нищеты, обнищалой крестьянской жизни... Образованіе и устраненіе законодательныхъ стѣсненій необходимо, но прежде всего нужно дать народу «ѣсть». Сытые крестьяне — это тотъ фондъ, который можно противопоставить и аграрнымъ безпорядкамъ, и аграрнымъ забастовкамъ, весьма возможнымъ одновременно съ прилетомъ на поля веселыхъ жаворонковъ...

На томъ надѣлѣ, на которомъ живетъ крестьянинъ, послѣдній голодаетъ и существовать не можетъ—таковъ всеобщій голосъ современной деревни, и надо итти навстрѣчу ему, не дожидаясь «мужицкаго суда»...

А. Фаресовъ.

Нѣжинская революція и контръ-революція.

(18—24 октября 1905 г.)[1].

I.

События, разыгравшіяся въ нашемъ городѣ въ періодъ времени отъ 18 до 24 октября включительно, хотя и не были полною неожиданностью для тѣхъ, кто не много слѣдилъ за внутреннею жизнію нашей учащейся и еврейской молодежи и настроеніемъ разныхъ слоевъ нашего интеллигентнаго и полуинтеллигентнаго общества, все же были такъ необычайны, такъ всколыхнули въ общемъ нашъ довольно мирный муравейникъ, что трудно еще разобраться во всемъ происшедшемъ у насъ за это сравнительно короткое время и возсоздать хотя бы относительно полную картину нашей нѣжинской революціи и контръ-революціи.

Революція наша началась 18 октября такъ. Сначала такъ называемые у насъ народомъ «демократы», т.-е., главнымъ образомъ, русская и еврейская зеленая молодежь, вмѣстѣ съ разнымъ русскимъ и еврейскимъ сбродомъ, получивъ телеграфное извѣстіе о дарованныхъ государемъ «свободахъ» и вооружившись красными флагами и револьверами, начали закрывать лавки, магазины, пра-

---

[1]) Настоящій очеркъ составленъ частію по личнымъ наблюденіямъ, частію по сообщеніямъ кіевскихъ газетъ. Авт.

вительственныя и общественныя учрежденія. Къ 11 часамъ дня были закрыты историко-филологическій институтъ князя Безбородка, мужская и женская гимназіи, техническое училище, земская управа и уѣздный съѣздъ, окружный судъ и уѣздное полицейское управленіе, ссудо-сберегательное товарищество и почтово-телеграфная контора, какъ и всѣ лавки и магазины на базарѣ и базарной площади и на нашей главной улицѣ Гоголевской, или Мостовой. Избѣжали общей участи сравнительно немногія учрежденія: это—городская управа и сиротскій судъ, городское полицейское и акцизное управленія, какъ и управленіе воинскаго начальника и 42-й артиллерійской бригады и др. По имѣющимся свѣдѣніямъ противодѣйствіе этому грубому акту насилія было оказано на первый день только въ двухъ случаяхъ, а именно: довольно энергичное въ нашемъ уѣздномъ казначействѣ и сравнительно слабое въ женской гимназіи. Въ первомъ случаѣ, когда довольно пестрая толпа молодежи ворвалась въ казначейство, навстрѣчу ей выступилъ мужественный казначей и, вынувъ два револьвера, заговорилъ съ ней приблизительно такъ: «Я принялъ присягу государю и считаю себя обязаннымъ исполнять только требованія моего непосредственнаго начальства, а не ваши; признаю только то правительство, какое существуетъ, а перемѣнится оно, объ этомъ дастъ знать мое начальство. Предупреждаю, что всякую попытку прикоснуться къ ввѣреннымъ мнѣ деньгамъ я буду отражать вотъ этими револьверами, и прикоснуться къ нимъ можно не иначе, какъ только переступивъ черезъ мой трупъ». Рѣшительный и внушительный тонъ рѣчи казначея произвелъ свое дѣйствіе: молодые революціонеры быстро оставили казначейство, несмотря на то, что ихъ раза въ три-четыре было болѣе, чѣмъ всѣхъ чиновниковъ и присяжныхъ казначейства вмѣстѣ. Въ женской гимназіи одна изъ старшихъ воспитанницъ обозвала «нахалами» ворвавшихся въ залу студентовъ и техниковъ въ калошахъ и фуражкахъ, а благопопечительное начальство, во избѣжаніе дальнѣйшихъ недоразумѣній, поспѣшило удовлетворить дерзкое требованіе молодежи...

Особенно шумно и крайне вызывающе вела себя революціонная толпа молодежи на первоначальномъ своемъ сборномъ пунктѣ, на Богдано-Хмельницкой площади, до раздѣленія на партіи для закрытія лавокъ, магазиновъ, правительственныхъ и общественныхъ учрежденій. Здѣсь собралось русской и еврейской молодежи обоего пола болѣе 500 человѣкъ; большинство было вооружено револьверами. Изъ этой шумной и воинственной толпы ежеминутно раздавались оглушительные крики: «Долой самодержавіе! Долой полицію и казаковъ!.. Мы сами будемъ управляться»... Чтобы усилить впечатлѣніе и придать особую внушительность начавшейся демонстраціи, наши революціонеры или освободители позволяли себѣ забавлять собравшуюся на шумъ толпы публику, главнымъ

образомъ подростковъ-дѣтей, револьверными выстрѣлами въ воздухъ. Явившіеся сюда постовые городовые и десятокъ казаковъ, въ виду многочисленности собравшейся здѣсь революціонной толпы, волею-неволею должны были оставаться только лишь зрителями начавшейся демонстраціи. Между демонстрантами было предварительно условлено, въ случаѣ нападенія на нихъ полицейскихъ и казаковъ, моментально раздѣлиться на двѣ стороны и дать двухъсторонній залпъ по нападающимъ. Этого не случилось, и наши революціонеры свободно ворвались въ сосѣднее техническое училище, прекратили въ немъ занятія, изорвали руками какихъ-то евреекъ царскій портретъ въ залѣ училища, и, присоединивъ къ себѣ учениковъ этого училища, всегда готовыхъ на всякія демонстраціи, отправились на дальнѣйшіе подвиги. На обратномъ пути отъ училища, около монастырской гостиницы толпа раздѣлилась на двѣ партіи: одна пошла по Гоголевской, или Мостовой улицѣ, другая по Кіевской и Судейской, съ цѣлью обѣимъ соединиться для совмѣстнаго дѣйствованія на базарѣ. Первой, кромѣ лавокъ и магазиновъ по Гоголевской улицѣ, удалось закрыть женскую гимназію, общество взаимнаго кредита, городской общественный банкъ, и только лишь въ уѣздномъ казначействѣ потерпѣть крупную неудачу да въ женской гимназіи слабое сопротивленіе. Вторая партія побѣдоносно прошла по Кіевской, Земской и Судейской улицамъ, прекративъ занятія въ уѣздной земской управѣ, уѣздномъ съѣздѣ и канцеляріи предводителя дворянства, уѣздномъ полицейскомъ управленіи и окружномъ судѣ; въ послѣднемъ, въ камерѣ прокурора, подрала царскій портретъ.

Вмѣстѣ съ этими достойными глубокаго сожалѣнія подвигами «революційно-украинская партія на Черниговщині», къ каковой причисляли себя наши демонстранты, обильно разбрасывала изготовленную наканунѣ студентами историко-филологическаго института гектографированную прокламацію, обращенную къ учащимся города Нѣжина. Вотъ ея текстъ.

«Товарищи! Свѣжія газетныя извѣстія рисуютъ намъ то критическое положеніе, въ которомъ очутилась Россія въ теченіе послѣднихъ дней...

«Борьба двухъ стихій началась. Борьба страшная, невѣдомая доселѣ Россіи... Первый политическій протестъ желѣзнодорожныхъ служащихъ былъ первой ласточкой надвигающейся грозы. Мгновенно все освѣтилось въ заревѣ вспыхнувшей революціи. Самодержавіе судорожно мечется подъ напоромъ новыхъ страшныхъ силъ; оно безсвязно, растерянно лепечетъ слова милости, но... трудно сдержать рѣку въ ея теченіи...

«Мы видимъ, какъ рѣзко измѣнила жизнь общества свой характеръ за послѣдніе дни. Мы видимъ, какъ все вовлекается въ вихрь борьбы, мы видимъ, какъ общественныя учрежденія, учебныя за-

веденія постепенно отказываются отъ мысли правильно функціонировать, при создавшемся положеніи вещей. Мы видимъ, какъ цѣлый рядъ гимназій и другихъ учебныхъ заведеній закрывается самими же учащимися, чутко прислушивающимися къ голосу общества. Да и въ самомъ дѣлѣ, можно ли заниматься, вѣрнѣе углубляться въ классическія и другія «науки», усердно рекомендуемыя «министерствомъ народнаго умопомраченія», въ то время, когда все кругомъ рушится, когда никто не знаетъ сегодня, что будетъ съ нимъ завтра.

«Товарищи учащіеся! Вашъ нравственный долгъ поддержать то движеніе, къ которому примкнули уже многіе ваши товарищи. Теперь не время научныхъ занятій, а время борьбы. Мы зовемъ васъ къ политическому протесту—забастовкѣ. Помните, товарищи, что вы—будущіе общественные дѣятели, что вы съ честью должны поддержать это имя, что тяжкимъ позоромъ падетъ на васъ судъ народа, если вы откажетесь отъ помощи ему въ его освободительномъ движеніи!

«Долой насиліе надъ гражданами! Долой самодержавіе! Долой государственную думу! Да здравствуетъ свободный политическій строй! Да здравствуетъ демократическая республика!

«Печать комитета Р. У. П. на Черниговщіні. 17 октября 1905 року».

Одновременно съ закрытіемъ лавокъ, магазиновъ, правительственныхъ и общественныхъ учрежденій и разбрасываніемъ прокламацій революціонной русской украинской партіи, молодежь приглашала всѣхъ желающихъ на первый свободный политическій митингъ въ Нѣжинѣ. Мѣстомъ собранія послѣдняго былъ назначенъ дворъ историко-филологическаго института князя Безбородка и соединенной съ нимъ классической гимназіи. Здѣсь къ 12 часамъ дня собралась толпа, главнымъ образомъ изъ русской и еврейской молодежи, съ замѣтнымъ перевѣсомъ, впрочемъ, послѣдней, тысячъ до трехъ приблизительно человѣкъ, и расположилась передъ главнымъ зданіемъ института и гимназіи, противъ параднаго входа и въ прилегающемъ сюда палисадникѣ. Бюро митинга расположилось на верхней площадкѣ параднаго входа между колоннами. За большимъ столомъ, покрытымъ, какъ и слѣдуетъ, институтскимъ зеленымъ сукномъ, возсѣдали здѣсь студенты, присяжные повѣренные, офицеры (2), профессора (2), евреи и еврейки... Предсѣдателемъ митинга былъ избранъ студентъ института, Шереметъ, черниговскій уроженецъ. Первымъ дѣломъ собравшихся здѣсь вожаковъ нашего революціонно-освободительнаго движенія было избраніе депутаціи къ прокурору окружнаго суда съ ходатайствомъ, чтобы онъ освободилъ изъ тюрьмы всѣхъ политическихъ и уголовнымъ преступниковъ. Депутація состояла изъ одного купца-мануфактуриста, двухъ присяжныхъ повѣренныхъ, двухъ офицеровъ, одного профессора и нѣсколькихъ студентовъ, техни-

ковъ и другихъ лицъ. Прокуроръ разъяснилъ депутаціи неумѣстность ея требованія и согласился освободить лишь одного Гаврилея, веркіевскаго земскаго народнаго учителя, о которомъ еще наканунѣ состоялось постановленіе о передачѣ его на поруки по ходатайству его родственниковъ. Гаврилей — это завзятый украинецъ, шуринъ упомянутаго выше купца Сѣнника, привезшій недавно изъ Москвы, при возвращеніи со съѣзда пчеловодовъ, куда онъ былъ командированъ черниговской губернской земской управой по рекомендаціи уѣздной, сотни разныхъ зажигательныхъ революціонныхъ прокламацій и нѣсколько десятковъ финскихъ ножей, вѣроятно, для мѣстной боевой организаціи революціонной украинской партіи на Черниговщинѣ. Черезъ него и бывшаго его учителя Гужовскаго, теперь страхового агента губернскаго земства по Нѣжинскому уѣзду, шла усиленная пропаганда въ Нѣжинѣ, Веркіевкѣ и окрестностяхъ закордонныхъ львовскихъ изданій упомянутой выше революціонной партіи. Принималъ нѣкоторое участіе въ этой пропагандѣ и нѣжинскій родственникъ Гаврилея... При освобожденіи послѣдняго изъ тюрьмы присутствовала вся избранная на митингѣ депутація, и одинъ изъ ея представителей, нѣжинскій репортеръ освободительной «Кіевской Газеты», Фабрикантъ, человѣкъ съ темнымъ прошлымъ и настоящимъ, «вчерашній еврей-перекрестъ», какъ нелюбезно называютъ его мѣстные евреи, облобызавъ страдальца и мученика, привѣтствовалъ его по своему обычаю трескучимъ словомъ, а другимъ арестантамъ сулилъ скорое освобожденіе, хвастливо говоря, что онъ, Фабрикантъ, постарается о нихъ... Послѣ того Гаврилей съ депутаціей отправился на митингъ, гдѣ толпа шумно его привѣтствовала, кричала ему «ура» и пр., а ораторы митинга видѣли въ немъ борца за свободу, героя освободительнаго движенія. Въ такомъ же смыслѣ смастерилъ рѣчь для восхваленія героя и полуграмотный нѣжинскій родственникъ Гаврилея. Торжество веркіевскаго героя было полное, но не продолжительное, какъ и все на свѣтѣ...

Все предшествующее было лишь прелюдіей къ главному «дѣйству» со стороны нашихъ революціонеровъ-освободителей. Послѣднее наступило, когда надъ историко-филологическимъ институтомъ князя Безбородка взвились два большихъ красныхъ флага, на одномъ изъ которыхъ ясно и выразительно красовалась надпись, вышитая бѣлыми нитками по красному фону: «Да здравствуетъ соціалъ-демократическая республика!» Предсѣдатель объявилъ собраніе открытымъ и призвалъ сильно шумѣвшую еврейскую публику къ порядку усиленнымъ звономъ институтскаго колокольчика. Началось чтеніе высочайшаго манифеста 17 октября. Читалъ самъ предсѣдатель митинга, комментируя по-своему каждое слово манифеста, въ особенности его вступительныя слова. Но что это было за комментированіе? Это было сплошнымъ издѣвательствомъ

и глумленіемъ и надъ манифестомъ, и надъ личностью Государя Императора со стороны молокососа-предсѣдателя... Присоединившіеся случайно къ революціонной толпѣ граждане города, мѣщане и простые мужички съ предмѣстій города, были поражены, удивлены и ошеломлены происходящимъ. Но что всего удивительнѣе, такъ это то, что ни военные люди, ни профессора, ни присяжные повѣренные ни однимъ словомъ не выразили своего протеста или несочувствія къ совершающемуся глумленію, совершенно безсмысленному и рѣшительно ничѣмъ не оправдываемому. По заведенному предсѣдателемъ тону полились рѣчи рѣкою; говорили на русскомъ, малорусскомъ и даже еврейскомъ языкахъ, съ благосклоннаго разрѣшенія предсѣдателя митинга. Первое слово, конечно, было предоставлено президентамъ разныхъ мѣстныхъ революціонныхъ организацій, главнымъ же образомъ представителямъ еврейскаго «Бунда». Содержаніе всѣхъ рѣчей было однообразно и взято на прокатъ изъ освободительныхъ столичныхъ и провинціальныхъ газетъ: это—сплошной призывъ къ дальнѣйшей борьбѣ съ правительствомъ и самыя невозможныя оскорбленія Государя, какъ представителя верховной власти и какъ человѣка... Слышались рѣчи анархическаго и коммунистическаго содержанія. Болѣе умѣренными и сдержанными по содержанію и формѣ были рѣчи профессоровъ и офицеровъ, объяснявшихъ главнымъ образомъ общій смыслъ конституціонной формы правленія. Одинъ изъ ораторовъ, говоря о экономической и духовной бѣдности Россіи, обвиняя, конечно, въ томъ русское правительство, находилъ, что цѣны на всѣ предметы потребленія въ ней, главнымъ образомъ, вслѣдствіе необычайно поднятыхъ таможенныхъ пошлинъ, такъ высоки, какъ нигдѣ на свѣтѣ, и что съ устраненіемъ монархическаго государственнаго строя и отжившаго бюрократическаго режима все у насъ подешевѣетъ—хлѣбъ, чай, сахаръ, керосинъ, а бутылка водки при вольной продажѣ будетъ не дороже 15 коп. Такое реальное представленіе о благахъ конституціи вызвало чувство истиннаго умиленія у институтскихъ служителей и прислушивающихся къ рѣчамъ ораторовъ—мѣщанъ, крестьянъ и въ особенности мѣстныхъ извозчиковъ... Другой ораторъ, прославляя геройскіе подвиги такихъ борцовъ за свободу, какъ Балмашовъ, Коляевъ и др., поплатившихся за то своею жизнію, предложилъ собранію почтить память ихъ общимъ пѣніемъ «вѣчной памяти». Русская сторона собранія затянула довольно, впрочемъ, нестройно «вѣчную память», а еврейская, или по непривычкѣ къ этому пѣнію, или просто не понявъ, въ чемъ дѣло, заорала «ура», дружно и сильно подхваченное разсыпавшимися по институтскому двору толпами, какъ и находящимися на институтской площади, за оградой института. При этомъ многіе храбрецы изъ еврейской молодежи начали стрѣлять изъ револьверовъ, и вышелъ въ общемъ большой кавардакъ и

немалое смятеніе въ разношерстной публикѣ, собравшейся здѣсь и совершенно не ожидавшей такого непріятнаго времяпровожденія, соединеннаго съ опасностью для жизни. Для многихъ русскихъ, случайно попавшихъ на этотъ необыкновенный митингъ, было бы резоннѣе, конечно, вмѣсто «ура» кричать «караулъ», какъ въ извѣстномъ анекдотѣ о недогадливомъ армянинѣ...

Митингъ окончился около 6 часовъ вечера пѣніемъ марсельезы, варшавянки, траурнаго марша и др. Отдѣльныя группы демократовъ-манифестантовъ далеко за полночь расхаживали по городу съ красными флагами, пѣніемъ и криками «ура», по временамъ останавливаясь для выслушанія разныхъ рѣчей, по преимуществу экономическаго и даже анархическаго характера, какъ, напримѣръ, намъ пришлось слышать около Монастырской гостиницы на Гоголевской улицѣ.

Около 10 часовъ вечера были закрыты демократами оба наши клуба—купеческій и дворянскій, или общественный; распорядителямъ и членамъ ихъ было предложено безъ всякихъ разговоровъ разойтись по своимъ домамъ. И разошлись «страха ради іудейска». Около 2 часовъ ночи еврейская толпа молодежи, человѣкъ въ 20, снова ворвалась въ дворянскій клубъ и приказала прислугѣ освѣтить все клубное помѣщеніе, а повару съ его помощникомъ—распалить плиту и приготовить безплатный ужинъ героямъ-освободителямъ. Такъ дѣйствовали наши «освободители», опьяненные успѣхомъ своей революціонной миссіи!..

Въ свою очередь вожаки нашихъ революціонныхъ фракцій вечеромъ же 18 октября устроили собраніе «учредительнаго комитета» въ институтской студенческой столовой съ чаемъ, выпивкой и закуской. Здѣсь собрались главари всѣхъ мѣстныхъ революціонныхъ организацій и наиболѣе выдающіеся ихъ члены. Главной задачей этого комитета было учрежденіе временнаго управленія въ городѣ. Предполагалось похѣрить организованныя при старомъ бюрократическомъ режимѣ думу и управу, а на мѣсто ихъ выбрать временнаго президента съ нѣсколькими къ нему помощниками. Намѣчены были и кандидаты: ихъ было довольно; евреи выставили съ своей стороны уже извѣстнаго намъ Фабриканта и врача-еврея Шафоренка; русскіе—вышеупомянутаго купца мануфактуриста и одного изъ присяжныхъ повѣренныхъ. Послѣдній, повидимому, имѣлъ болѣе шансовъ быть избраннымъ временнымъ президентомъ, такъ какъ за него была русская молодежь—студенты и техники, и многіе изъ еврейскаго лагеря. Въ виду разногласія въ вопросѣ о выборѣ президента вновь образующагося городского управленія и во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній съ этой стороны, въ концѣ концовъ порѣшили съ этимъ дѣломъ такъ: поручить вышеуказаннымъ лицамъ принять въ свое вѣдѣніе городъ и изъ себя потомъ выбрать временнаго президента. Въ начальники кан-

целяріи новаго городского управленія предназначался извѣстный въ городѣ Савка Бойко, казакъ, подпольный «аблокатъ», способный всякаго своего кліента раздѣть до рубахи, какъ и нѣкоторые изъ патентованныхъ адвокатовъ, наилиберальнѣйшаго пошиба, особенно изъ молодыхъ... Разогнать существующую городскую управу и принять городское управленіе въ руки избранныхъ учредительнымъ комитетомъ лицъ предположено было въ 11 часовъ утра 19 октября. Вмѣстѣ съ тѣмъ на 19 назначена была однодневная политическая забастовка, въ ознаменованіе конституціи, и новый митингъ въ 11 часовъ утра у института князя Безбородка.

И въ учредительномъ комитетѣ было много рѣчей, но это были все тѣ же безплодныя рѣчи, какъ и на предшествующемъ митингѣ. Такъ, профессоръ института П—скій снова развивалъ здѣсь свои мысли о конституціи; но ему одинъ изъ ремесленниковъ-евреевъ, потрепавъ дружески по плечу, наставительно замѣтилъ: «Товарищъ! Мы не того совсѣмъ хотимъ. Намъ нужна соціалъ-демократическая республика». Немногаго такимъ образомъ недоставало, чтобы «соціалъ-демократическая республика», хоть на нѣсколько часовъ, водворилась у насъ и въ самомъ дѣлѣ...

Но вѣдь не все то осуществляется, что предполагается, даже и при лучше задуманныхъ предпріятіяхъ. Такъ случилось и съ нашими освободителями, или революціонерами тожъ. На другой же день послѣ своей революціонной вакханаліи на митингѣ и послѣ него они встрѣтили упорное сопротивленіе со стороны того самаго народа, на благо котораго якобы дѣйствовали, видимо, не разсчитавъ, или вовсе не обративъ вниманія на то, что народъ у насъ на Руси ужъ очень твердъ и строгъ въ своихъ вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ, и заморскихъ затѣй терпѣть не можетъ. Даже съ внѣшней европейской формой вотъ уже третье столѣтіе сжиться никакъ не можетъ, а все носитъ свою старорусскую сермягу и дореформенные чоботы...

Наступило 19 октября. Оно собственно началось вполнѣ благопріятно для нашихъ революціонеровъ, явившихся какъ бы господами положенія въ городѣ, а предсѣдатель митинга разыгрывалъ даже роль начальника города. Въ 7 часовъ утра явились къ нему въ институтъ извозчики съ вопросомъ: «можно ли ѣздить?» и получили въ отвѣтъ, что «можно до 11 часовъ, а тамъ, какъ хотятъ»... Вскорѣ сюда же явились приказчики-евреи съ просьбой содѣйствовать закрытію магазиновъ, которые были отперты, несмотря на постановленіе учредительнаго комитета. Видя такое неповиновеніе, предсѣдатель митинга вмѣстѣ съ нѣсколькими студентами, приказчиками и другими лицами, присоединившимися къ нимъ на пути, отправился лично закрывать лавки и магазины. На Гоголевской всѣ магазины, по преимуществу еврейскіе, были охотно закрыты, и только лишь на базарѣ пришлось встрѣтить

первое сопротивленіе распоряженіямъ новаго начальства. Въ виду базарнаго дня здѣсь собралось много простого народа изъ предмѣстій города и окрестныхъ селъ и деревень. Когда молодежь явилась на базаръ и начала отъ Преображенскаго моста разгонять пріѣхавшихъ съ сѣномъ и соломой на базаръ крестьянъ, послѣдніе запротестовали; а тутъ вдобавокъ еще какой-то черниговскій семинаристъ, перелицованный «Кіевской Газетой» въ техника, выстрѣлилъ изъ револьвера въ запаснаго солдата и за эту стрѣльбу тутъ же былъ жестоко избитъ крестьянскими оглоблями. Крестьяне скучились и начали наступать на молодежь; послѣдняя, въ виду значительности крестьянской толпы, быстро и поспѣшно кинулась по базару къ Гоголевской улицѣ. На углу Московской и Гоголевской улицъ явилось новое недоразумѣніе въ магазинѣ купца Литвиненка, собравшее также значительную крестьянскую толпу около этого магазина. Въ то время какъ кучка молодыхъ людей ворвалась въ магазинъ и потребовала его немедленно закрыть, онъ не удостоилъ ихъ даже отвѣтомъ, а на повтореніе требованія только пробурчалъ: «убирайтесь-ка подобру-поздорову, пока не влетѣло». Крестьяне же, находившіеся въ его магазинѣ, понявъ, въ чемъ дѣло, сначала запротестовали, а потомъ одинъ изъ нихъ посмѣлѣе подошелъ къ вожаку и залѣпилъ ему довольно полновѣсную оплеуху, подошли и другіе и тоже «поучили». Послѣ того молодымъ людямъ оставалось только бѣжать, что они и сдѣлали, подхвативъ своего разгоряченнаго вожака. Толпа ихъ преслѣдовала съ криками: «что вы за начальство такое?.. Держи, лови предсѣдателя... Бей демократовъ!».. На Гоголевской произошло первое столкновеніе. Собравшіеся здѣсь болѣе зрѣлые руководители нашей революціонной молодежи—Фабрикантъ, братья Сѣнники, Савка Бойко, Гаврилей и др., думали остановить начавшееся народное движеніе противъ демократовъ. Съ одной стороны они уговаривали молодежь не заставлять торговцевъ закрывать лавки въ базарный день, чтобы не вызвать неудовольствія народа, съ другой—упрашивали толпу не прибѣгать къ насилію, говоря, что лавки на базарѣ не закроются... Это позднее благоразуміе не остановило народнаго движенія, а неумѣстный револьверный выстрѣлъ со стороны демократовъ еще болѣе озлобилъ народъ противъ нихъ. Начался настоящій бой народа съ демократами, при чемъ младшій Сѣнникъ получилъ ударъ камнемъ близъ глаза, вчерашній веркіевскій герой жестоко былъ избитъ своими же селянами, Фабрикантъ со старшимъ Сѣнникомъ подъ градомъ камней спаслись во дворѣ городского общественнаго банка, а студенты съ своими сообщниками евреями стремительно побѣжали къ институту. Въ концѣ Лицейской, или Институтской, улицы они наскоро «сорганизовали» самооборону и встрѣтили напиравшую на нихъ народную толпу градомъ ре-

вольверныхъ выстрѣловъ. Чѣмъ бы окончилось это побоище между вооруженною русско-еврейскою молодежью и мѣстными крестьянами, нападавшими на своихъ противниковъ только съ кулаками, оглоблями, лушнями, шкворнями и цѣпами, трудно, конечно, сказать; но навѣрное впрочемъ молодежь была бы смята массою нападавшихъ, постоянно при томъ увеличивавшихся въ числѣ, и тогда послѣдніе расправились бы съ нею по-своему. Къ счастью для молодежи, исправлявшій въ то время должность полицеймейстера, г. Желиховскій, бывшій строевой офицеръ, собравъ своихъ полицейскихъ и дежурившихъ на базарѣ казаковъ, всего человѣкъ 20—30, врѣзался между противниками съ бокового переулка, и тѣмъ предотвратилъ возможныя кровавыя послѣдствія этого необыкновеннаго столкновенія. Вся его тактика заключалась только въ томъ, чтобы разъединить и оттѣснить противниковъ другъ отъ друга и тѣмъ сдѣлать невозможнымъ кровавое столкновеніе между ними, и эту задачу онъ выполнилъ съ большимъ успѣхомъ, не сдѣлавъ при этомъ ни одного выстрѣла и не употребивъ въ дѣло чрезвычайно вразумительныхъ въ подобныхъ случаяхъ казацкихъ нагаекъ. За такой подвигъ революціонная молодежь и ея негласные вдохновители должны бы поднести ему благодарственный адресъ, а они между тѣмъ ославили его въ своихъ освободительныхъ газетахъ, какъ «подстрекателя» и «попустителя» еврейскаго погрома и избіенія студентовъ и евреевъ. Результатомъ столкновеній по имѣющимся свѣдѣніямъ на этотъ разъ было 14 человѣкъ побитыхъ и раненыхъ, въ томъ числѣ побитыхъ камнями, кулаками и оглоблями 3, раненыхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ 11. Убитыхъ не было ни одного человѣка.

Какъ бы то ни было, это первое столкновеніе народа съ демократами ясно показало послѣднимъ, что народъ вовсе не раздѣляетъ ихъ воззрѣній и не пойдетъ за ними въ начатомъ ими движеніи. Они теперь и сами убѣдились воочію, что нельзя безнаказанно оскорблять народныя чувства и вѣрованія, и потому второй митингъ, назначенный на институтскомъ дворѣ, на который уже собралась значительная часть нашихъ демократовъ, главнымъ образомъ евреевъ и евреекъ, былъ немедленно распущенъ изъ боязни, чтобы не вызвать еще большаго народнаго озлобленія и осложненія своего положенія...

Въ одно время съ происходившимъ на Гоголевской и Лицейской улицахъ, на базарѣ, подъ впечатлѣніемъ вчерашнихъ демократическихъ рѣчей и сегодняшняго закрытія лавокъ, всюду среди взбудораженнаго народа шли оживленные разговоры на тему о текущихъ событіяхъ.

— Що це робыться въ Ніжіні: кажутъ, що царя не треба?... Я самъ бувъ въ гимназіи, тамъ було тысячи зъ дві людей, и якій-сь студентъ, чи панычъ, вышовъ на вышку и казавъ: на що

намъ царь?.. Не треба царя, не треба земства, полиціи, ни якого правительства, мы сами самодержцы... Сколько царь грошей бере за водку, а безъ царя водка буде по злоту бутылка...

Въ свою очередь евреи держали себя крайне вызывающе, несмотря на сильное народное возбужденіе. Въ разныхъ кружкахъ селянъ слышались отъ нихъ такія рѣчи: «погодите, придетъ время, будутъ ключи отъ вашихъ церквей у нашего раввина; будете намъ кланяться, а царь вашъ будетъ у насъ подъ ногами»... Одни въ недоумѣніи и молчаніи слушали эти рѣчи, а другіе рѣзко возражали: «ні, мабуть, не буде ни жидівъ, ни панівъ, а царь буде»...

Отъ словъ скоро перешли и къ дѣлу: начали бросать въ евреевъ на базарѣ комками грязи, булыжникомъ, принялись и за разграбленіе еврейскихъ лавокъ и еврейскаго имущества. Храбрые передъ тѣмъ евреи быстро смирились и начали разбѣгаться и прятаться по сосѣднимъ съ базаромъ дворамъ и домамъ. Толпа преслѣдовала ихъ по пятамъ, а дворы и дома, куда скрывались бѣглецы, подвергались бомбардированію камнями съ мостовой и комками грязи, напримѣръ, аптека Бялкевича въ домѣ Кашинцева, почтово-телеграфная контора и др., гдѣ нѣкоторые евреи нашли себѣ убѣжище. Были при этомъ и раненые. Начавшійся разгромъ еврейскихъ лавокъ некому было остановить: вся полиція и всѣ дежурившіе на базарѣ казаки какъ разъ въ то время дѣйствовали около Лицейскаго моста, охраняя отъ народнаго озлобленія русско-еврейскую самооборону, «сорганизованную» какимъ-то профессоромъ и имъ руководимую... Явились и особые громилы—разбиватели еврейскихъ лавокъ, которые только лишь выбрасывали товаръ изъ лавокъ, а женщины, подростки и любители чужой собственности, которыхъ у насъ очень и очень довольно, расхватывали и растаскивали товаръ по домамъ, разносили и развозили его по деревнямъ. Въ этомъ послѣднемъ дѣяніи принимали, говорятъ, немалое участіе и только лишь передъ тѣмъ распущенные по домамъ солдаты нашего мѣстнаго запаснаго баталіона (72-й).

Около часа дня полиція съ казаками снова появилась на базарѣ и мало-по-малу оттѣснила съ него громилъ и любителей чужой собственности; но это не остановило ихъ гнуснаго дѣла. Толпы грабителей, вытѣсненныя съ базара, разсыпались по сосѣднимъ съ базаромъ улицамъ и переулкамъ и тамъ продолжали свою разрушительную работу до поздней ночи. Въ помощь полиціи и выбившимся изъ силъ казакамъ съ вечера командиромъ 42 артиллерійской бригады организованы были и разосланы по разнымъ частямъ города конные артиллерійскіе разъѣзды, довольно значительные по своему численному составу. Особенно энергично и успѣшно дѣйствовалъ конный разъѣздъ отъ 17 восточно-сибирской горной батареи, въ районъ охраненія котораго входило почти десятиверстное пространство по своей длинѣ, именно отъ Ветхаго

до вокзала включительно. Этому разъѣзду пришлось много поработать въ эту ночь и остановить разгромъ нѣкоторыхъ еврейскихъ ловченокъ и квартиръ на Авдѣевкѣ и около вокзала...

Когда мрачная осенняя ночь вступила въ свои права, нашъ городъ очутился безъ освѣщенія и извозчиковъ. Послѣдніе, по распоряженію новаго демократическаго начальства, съ 5 часовъ вечера прекратили свою ѣзду, и ни за какія деньги нельзя было случайно запоздавшаго извозчика заставить съ этого времени продолжать свое дѣло: такъ боялись они новаго начальства. Городское освѣщеніе также отсутствовало. Попытка городской управы заставить арендатора-еврея освѣтить городъ потерпѣла полную неудачу: арендаторъ скрылся, и нельзя было разыскать его. Это уже, повидимому, сдѣлано было по настоянію мѣстнаго еврейскаго Бунда...

Такъ закончился у насъ день 19 октября. Вечеромъ того же 19 октября собрались наши освободители въ зданіи уѣздной земской управы для выработки мѣръ къ успокоенію населенія и дальнѣйшему продолженію дѣла освобожденія при данныхъ условіяхъ. Здѣсь собрались нѣкоторые изъ представителей мѣстнаго дворянства и земства (былъ даже одинъ земскій начальникъ) и представители всѣхъ мѣстныхъ революціонныхъ организацій, и долго-долго разглагольствовали на тему о томъ, какъ при данныхъ обстоятельствахъ дѣйствовать, какъ помочь такъ энергично начатому дѣлу освобожденія, видимо подвергшемуся опасности отъ ненавистныхъ имъ черносотенниковъ, хулигановъ тожъ. Какъ и въ учредительномъ комитетѣ наканунѣ, разноголосица и здѣсь была страшная: одно предлагали представители умѣренной демократической партіи, другое — соціалъ-демократы, третье — анархисты и коммунисты. Однако, въ виду очевидной безнадежности положенія и фанатичности народной массы, всѣ болѣе или менѣе видные представители указанныхъ революціонныхъ организацій или кружковъ склонялись къ тому, что прежде всего нужно успокоить народъ, возбужденный ихъ же безтактными дѣйствіями и безпардонными криками на митингѣ: «Долой царя!» «Долой поповъ, войско, полицію!» «Вѣчная память самодержавію» и отжившему бюрократическому режиму и пр. При такихъ условіяхъ нѣжинскіе революціонеры - освободители рѣшились прибѣгнуть къ старому средству, давно испытанному на святой Руси: это—устроить торжественный крестный ходъ, въ которомъ приняли бы участіе всѣ священники города, и просить болѣе авторитетныхъ изъ нихъ и архимандрита мѣстнаго Благовѣщенскаго монастыря поговорить пастырски съ народомъ съ цѣлью его успокоенія. Тутъ же были намѣчены депутаты, и утромъ 20 октября отправлены были депутаціи ко всѣмъ священникамъ города, но особенно многолюдныя къ архимандриту нашего Благовѣщенскаго монастыря и къ мѣст-

ному благочинному. Архимандритъ отказался принять участіе въ этомъ дѣлѣ, а о. благочинный согласился: ходилъ по базару съ крестомъ и увѣщевалъ народъ прекратить насиліе, но безуспѣшно. Любопытно, что депутатами были главнымъ образомъ студенты, техники и даже евреи. Въ томъ же земскомъ засѣданіи сдѣлано было и другое предложеніе: войти въ сношеніе съ городской думой и ознакомить гласныхъ послѣдней съ стремленіями освободителей, въ виду назначеннаго на 10 часовъ утра 20 октября экстреннаго засѣданія думы, по поводу начавшихся въ городѣ безпорядковъ и еврейскаго погрома.

Въ то время, какъ происходило въ зданіи уѣздной земской управы вышеуказанное засѣданіе нѣжинскихъ освободителей и другихъ лицъ, въ квартирѣ городского головы состоялось другое засѣданіе изъ начальствующихъ лицъ города, военныхъ и гражданскихъ. И это послѣднее имѣло также своей задачей выработку мѣръ къ прекращенію безпорядковъ и еврейскаго погрома въ городѣ. Здѣсь, кромѣ городского головы, собрались: предводитель дворянства, прокуроръ окружнаго суда, командиръ 42 артиллерійской бригады, командиръ 2 дивизіона той же бригады, исправляющій должность полицеймейстера Желиховскій и др. Не разъ въ это засѣданіе являлись еврейскіе почетные граждане и просили о защитѣ ихъ жизни и имуществъ. Между прочимъ, здѣсь рѣшено было съ 6 часовъ утра слѣдующаго дня для охраны отъ погромщиковъ выставить на базарѣ и въ прилегающихъ къ нему улицахъ, кромѣ казаковъ и полицейскихъ, 200 человѣкъ конныхъ артиллеристовъ, а при въѣздѣ въ городъ поставить пикеты на случай подхода къ городу крестьянъ изъ сосѣднихъ селъ и деревень. Къ сожалѣнію, мѣра эта, благодаря неточности редакціи приказа командира бригады, была осуществлена не въ 6 часовъ утра, какъ предполагалось, а только лишь въ 9 часовъ, а потому погромъ и на этотъ разъ не былъ предотвращенъ и продолжался съ утра съ значительною силою, а, по вытѣсненіи громилъ съ базара солдатами, опять перешелъ на сосѣднія улицы—Васильевскую, Широкую и другія Въ этотъ же день ранены легко изъ револьвера какими-то необнаруженными фанатиками два артиллериста — одинъ въ руку, другой въ лобъ. Въ этотъ же день появились въ первый разъ въ разныхъ частяхъ города и, главнымъ образомъ, на выѣздахъ изъ него еврейскія заставы, гдѣ евреи задерживали грабителей и отбирали у нихъ все награбленное. Такъ образовались цѣлые склады награбленнаго и отнятаго товара. Въ этомъ дѣлѣ помогали евреямъ и студенты, по большей части, переодѣтые въ мѣщанскіе костюмы и проч. Съ тою же цѣлью были организованы и конные еврейскіе разъѣзды. Нерѣдко при этихъ отбираніяхъ происходили драки и даже стрѣльба, такъ что солдатамъ и казакамъ и тутъ приходилось употреблять въ дѣло свои нагайки. Ме-

жду тѣмъ народное возбужденіе противъ студентовъ и евреевъ росло все болѣе и болѣе, и до студентовъ стали доходить слухи о томъ, что толпа идетъ на институтъ требовать выдачи предсѣдателя митинга и другихъ тамошнихъ демократовъ. Въ частности о предсѣдателѣ митинга былъ пущенъ слухъ, что «жиды» будто бы избрали его царемъ. Ходили также слухи, что въ городъ идутъ крестьяне изъ сосѣднихъ волостей, въ томъ числѣ изъ Дреймайловской, «поучить» и «постращать» нѣжинскихъ паничей-студентовъ и евреевъ, бунтующихъ противъ Бога и царя...

Любопытно, что въ послѣднее засѣданіе, происходившее въ квартирѣ городского головы, явился около 2 часовъ ночи делегатъ отъ собранія въ земствѣ и предложилъ городскому головѣ въ имѣющее быть на утро думское засѣданіе пригласить нѣсколько лицъ изъ засѣдавшихъ въ земствѣ освободителей и другихъ лицъ, согласно предъявленному имъ при этомъ списку. На предложеніе делегата городской голова отвѣтилъ, что онъ можетъ доложить о томъ думѣ, и отъ думы уже будетъ зависѣть—приглашать или не приглашать указанныхъ въ спискѣ лицъ въ думское засѣданіе. Въ послѣднемъ первоначально предложеніе земскаго делегата было отклонено единогласно, и только настояніе мѣстнаго акцизнаго надзирателя, случайно появившагося въ засѣданіи думы, повернуло дѣло такъ, что дума отказалась отъ своего первоначальнаго рѣшенія, и освободители вмѣстѣ съ другими лицами были приглашены на думское засѣданіе 21 октября. Это было довольно многолюдное собраніе думы; кромѣ всѣхъ гласныхъ, приглашены были въ это засѣданіе представители правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, какъ и представители разныхъ слоевъ городскихъ обывателей до казаковъ и крестьянъ включительно. Засѣданіе было открыто въ 1 часъ дня. Предсѣдатель собранія, по привѣтствіи собравшихся представителей города, передалъ на обсужденіе собранія злободневный вопросъ: вопросъ о безпорядкахъ въ городѣ и производимомъ насиліи надъ евреями, и просилъ практическихъ указаній, какъ прекратить эти безпорядки и сдѣлать ихъ невозможными хоть на будущее время. Явившіеся въ засѣданіе «освободители» не нашли возможнымъ высказать здѣсь свои планы и намѣренія, и только земскій ветеринарный врачъ Хитинъ началъ было по своему обычаю широковѣщательную рѣчь на тему о торжествѣ и свѣтѣ, пронесшемся надъ городомъ, какъ метеоръ, 18-го октября, но былъ остановленъ предсѣдателемъ собранія въ самомъ началѣ просьбой говорить какъ можно короче и только дѣло, оставивъ въ сторонѣ метеорный блескъ своего краснорѣчія, изъ котораго нельзя извлечь никакихъ практическихъ указаній для даннаго тяжелаго момента. Другой ораторъ изъ мѣстныхъ губернскихъ земцевъ много и бойко говорилъ, но такъ, что трудно было понять, что онъ хочетъ сказать: мысли его какъ бы горѣли огнемъ,

разбиваясь взаимно... На другой день одинъ изъ мѣстныхъ остроумныхъ людей высказался объ этомъ ораторѣ такъ: «Э, це, кажуть гарній вітрячокъ, винъ меле на всяке зерно, а якъ зерна нема, той такъ меле, ажъ свыстыть»... Дума съ своей стороны намѣтила рядъ мѣръ для успокоенія населенія и прекращенія насилія: 1) просить мѣстнаго о. благочиннаго совмѣстно съ городскимъ духовенствомъ выйти съ крестнымъ ходомъ на базарную площадь, гдѣ и отслужить молебствіе въ присутствіи гласныхъ и городскихъ жителей, а также просить распоряженія о произнесеніи соотвѣтственныхъ случаю проповѣдей по церквамъ во время послѣдующихъ богослуженій на тему объ успокоеніи населенія, возстановленіи порядка и законности; 2) просить мѣстное начальство закрыть всѣ винныя лавки, ренсковые погреба и трактиры по всему городу впредь до возстановленія порядка; 3) просить г. полицеймейстера и начальника гарнизона во главѣ отрядовъ военной охраны поставить возможно большее числс офицеровъ и принять рѣшительныя мѣры къ подавленію безпорядковъ въ предѣлахъ, закономъ имъ указанныхъ; 4) составить отъ думы воззваніе къ населенію; 5) просить казеннаго и духовнаго раввиновъ повліять на еврейскую молодежь выдать оружіе для успокоенія крестьянскаго населенія городскихъ предмѣстій и окружающихъ селъ и деревень. Послѣдняя мѣра предлагалась потому, что еще съ ранней весны жители городскихъ предмѣстій и окрестныхъ селъ, хлѣборобы по преимуществу, сильно были недовольны на русскую и еврейскую учащуюся и неучащуюся молодежь за частыя демонстраціи съ ружейными и револьверными выстрѣлами, такъ какъ именно съ весны евреи прежде всего организовали самооборону и учились стрѣлять въ разныхъ концахъ города, какъ и внѣ его. Съ того же времени и русскіе революціонные кружки, по преимуществу учащіеся, стали запасаться оружіемъ и производить совмѣстно съ еврейскою молодежью и разными городскими хулиганами, готовыми на всякія безобразія, постоянныя вооруженныя демонстраціи — въ Гоголевскомъ скверѣ, Графскомъ саду, въ Ветхомъ, на бывшемъ Черновскомъ чугунномъ и колокольномъ заводѣ и другихъ мѣстахъ. Всѣ эти демонстраціи такъ терроризировали городское населеніе, что большинство жителей по вечерамъ боялось и показываться на улицахъ, а на ночь крѣпко запиралось въ своихъ домахъ. Тогда же уже ходили слухи, что народъ собирается «поучить» и «пристрашить» молодежь своими дубинками за ея вызывающія и шумныя демонстраціи, нерѣдко оскорблявшія народныя чувства и вѣрованія. Тѣ же вѣсти относительно народнаго «поученія» и «пристрашки» неслись и изъ окрестныхъ селъ и деревень. Такъ подготовлялась сама собою эта октябрьская народная буря, которую мы только что пережили...

Проектированныя думой мѣры были немедленно приведены въ исполненіе, за исключеніемъ послѣдней, осуществленной позже,

именно 24 октября, и то лишь отчасти, въ моментъ прекращенія безпорядковъ, какъ увидимъ ниже.

21 октября, въ пятницу, въ день восшествія на престолъ Государя Императора, послѣ торжественнаго богослуженія и молебствія въ городскомъ соборѣ и военнаго парада на соборной площади, устроенъ былъ величественный крестный ходъ на базарную площадь, и совершено было тамъ опять молебствіе, собравшее почти десятитысячную народную массу. Это былъ, какъ и 19, базарный день, привлекшій множество народа и изъ окрестныхъ селъ и деревень. Народъ благоговѣйно по обычаю молился и внимательно выслушалъ одушевленное слово мѣстнаго уважаемаго проповѣдника, о. Димитрія Стопановскаго, призывавшаго именемъ церкви и Государя Императора къ порядку и миру. Проповѣдникъ говорилъ, что «ничѣмъ инымъ нельзя порадовать Государя въ день восшествія на престолъ, какъ прекращеніемъ смуты, миромъ и возстановленіемъ порядка», что только «порядокъ—залогъ благополучія для жизни общественной и государственной, какъ и для жизни всякаго отдѣльнаго человѣка, что власти Государевы и поставлены для поддержанія порядка и мира между гражданами»... Проповѣдникъ говорилъ, что «насиліе и грабежъ запрещаются и религіей христіанской — религіей мира и любви, какъ и закономъ гражданскимъ, что истинные христіане и истинные граждане не должны и думать о присвоеніи чужой собственности, а тѣмъ болѣе захватывать чужое насильно или грабить, какъ это дѣлается теперь у насъ. Предъ Богомъ всѣ люди равны и о всѣхъ ихъ заботится Отецъ Нашъ небесный»... Слова проповѣдника производили видимое впечатлѣніе; многіе плакали, другіе искренно высказывались: «Онъ діло каже. Грабить не слѣдуе, не надо»... Раздавались и иныя рѣчи болѣе энергичныя и запальчивыя, вызванныя видимо безтактными дѣйствіями и рѣчами революціонеровъ 18-го октября.

— Зачімъ жиды и демократы Царя не поважають, рвутъ и топчутъ его царскіе портреты?...

— Портретъ Царя потопкалы, мы же его діты, це все равно що насъ потопкалы...

Передъ портретомъ Государя и Государыни, которые народъ началъ носить съ ранняго утра по базару въ день восшествія на престолъ, и носилъ съ обнаженными головами и пѣніемъ: «Спаси, Господи, люди твоя» и народнаго гимна, раздавалось постоянное «ура» и крики: «Есть у насъ царь, нашъ батюшка кормилецъ... Брешутъ жиды, что царь будетъ у нихъ подъ ногами, а ключи отъ церквей будутъ у ихъ раввиновъ... Мабуть, не буде ні жидівъ, ні панівъ, а царь буде»... Молебствіе на базарной площади соединило всю народную массу воедино, а предносимые предъ ней царскіе портреты воодушевляли ее однимъ чувствомъ,—чувствомъ

глубокаго негодованія къ противникамъ царя и разрушителямъ общаго порядка жизни. Грабежъ еврейскаго имущества отошелъ, видимо, на задній планъ, и все теперь сосредоточилось на торжественной патріотической манифестаціи и народномъ судѣ надъ демократами...

Послѣ торжественнаго молебствія на базарной площади, народная толпа, навѣрное, болѣе трехъ тысячъ человѣкъ, по большей части, прибывшихъ изъ деревень и селъ, съ значительнымъ числомъ царскихъ портретовъ, постепенно еще увеличивавшихся въ числѣ, направилась къ зданію историко-филологическаго института князя Безбородка. Нахлынувшая толпа потребовала предъявить ей студентовъ-демократовъ и царскій портретъ. «Подывымось,—говорили въ толпѣ,—чи е у нихъ царскій портретъ, чи ні... мы имъ покажемо, якъ царя нашего не поважать»... Студенты растерялись и не знали, что предпринять. Была даже мысль о вооруженномъ сопротивленіи; но она скоро была оставлена въ виду многочисленности народной толпы и категорическаго требованія институтскаго начальства: «пусть выходятъ всѣ студенты, а также и предсѣдатель митинга»... Студенты вышли блѣдные, дрожащіе и, по требованію толпы, немедленно принесли большой во весь ростъ портретъ Государя изъ актоваго зала. При появленіи царскаго портрета толпа обнажила головы и привѣтствовала его многократными криками «ура»; затѣмъ настойчиво потребовала предсѣдателя митинга, «жидовскаго батьку», какъ называли въ толпѣ студента Шеремета. Онъ скрылся; но его гдѣ-то нашли во дворѣ института и заставили вмѣстѣ съ другими студентами нести царскіе портреты, окруживъ ихъ цѣлымъ лѣсомъ флаговъ, срываемыхъ по пути по улицамъ. Флагъ срывался обыкновенно какимъ либо мужикомъ и подносился студенту или какому либо иному демократу съ словомъ: «несыть»... Заставили нести большой институтскій царскій портретъ и одного институтскаго профессора, ораторствовавшаго на митингѣ 18 октября.

Отъ института торжественное шествіе съ царскими портретами и присоединенными къ шествію студентами института направилось къ собору. По требованію толпы студенты во время этого шествія должны были пѣть народный гимнъ; въ импровизированномъ хорѣ должны были принять участіе и всѣ евреи, которыхъ толпа по пути присоединяла къ шествію. Всѣ пѣли усердно, ибо за пѣвцами слѣдили. Остановки производились у всѣхъ тѣхъ учрежденій, глѣ были растерзаны портреты Государя, и подъ грознымъ взглядомъ крестьянства пѣніе гимна въ этихъ мѣстахъ было особенно громкимъ.

Около собора большой институтскій царскій портретъ былъ установленъ на самомъ видномъ мѣстѣ соборной площади; его окружалъ рядъ меньшихъ портретовъ царя и царицы. По уста-

новленіи царскихъ портретовъ раздалась команда: «Присягать! Жиды особно!» Для присяги студенты отведены были въ соборную церковь, гдѣ вызванный священникъ и приводилъ ихъ къ присягѣ. Не имѣя на такой случай формулы присяги, онъ составлялъ ее экспромтомъ самъ, а студенты, стоя на колѣняхъ и поднявъ правыя руки, произносили за священникомъ слова этой вновь составленной присяги. Нѣкоторые изъ мужичковъ при этомъ приговаривали: «не бунтовать, царя поважать»... По выходѣ изъ собора студенты поодиночкѣ подводились къ большому институтскому царскому портрету, становились предъ нимъ на колѣни и цѣловали его. Первымъ подведенъ былъ къ царскому портрету предсѣдатель митинга, «жидовскій батька»—Шереметъ; по требованію толпы онъ преклонился предъ портретомъ на колѣни, поцѣловалъ его, затѣмъ кланялся народу, просилъ народъ простить его и обѣщался болѣе ничего и никогда не злоумышлять противъ своего царя. Тѣмъ же порядкомъ приводились къ присягѣ и евреи, но для этого былъ вытребованъ раввинъ и принесенъ особый еврейскій балдахинъ.

Отъ собора народная толпа, въ предшествіи царскихъ портретовъ, которые несли студенты и евреи, съ пѣніемъ народнаго гимна отправилась къ городской управѣ, гдѣ въ то время происходило многолюдное думское собраніе. Это было около 3 часовъ дня. Дума въ полномъ составѣ вышла навстрѣчу толпѣ; нѣкоторые изъ представителей города обращались здѣсь къ толпѣ съ словомъ, пытаясь успокоить ее (прокуроръ, о. Стопановскій и др.); но она отвѣчала одно: «Зачѣмъ жиды и студенты бунтуютъ и рвутъ портреты нашего царя? Пусть каются и прощенья просятъ». Между прочимъ, здѣсь обратился къ толпѣ съ рѣчью мѣстный казенный еврейскій раввинъ Бери, человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ, бывшій помощникъ присяжнаго повѣреннаго, и говорилъ, что евреи—такіе же подданные государя, какъ и русскіе, и что они одинаково съ ними исполняютъ свои вѣрноподданническія обязанности по отношенію къ государю; но былъ кѣмъ-то изъ толпы рѣзко прерванъ: «Ты жидъ, и потому брешешь: евреи—не вѣрноподданные нашего государя. Не треба намъ жидів»...

Въ дальнѣйшемъ движеніи патріотическая манифестація останавливалась главнымъ образомъ около тѣхъ учрежденій, гдѣ растерзаны были революціонерами царскіе портреты 18 октября. Первою такою остановкою было техническое училище. Здѣсъ толпа прежде всего пропѣла народный гимнъ и затѣмъ настойчиво предъявила требованіе выдать ей растерзанный еврейками портретъ государя. Его не оказалось; начальство училища заявило, что онъ уже отданъ въ починку. Не повѣривъ этому объясненію, толпа начала было производить свой розыскъ этого портрета; но какъ разъ въ этотъ моментъ вызванная чьимъ-то властнымъ распоряженіемъ военная

музыка заиграла около училища народный гимнъ, и толпа хлынула на училищный дворъ, обнажила головы и въ заключеніе его прокричала свое могучее «ура». Въ это время на училищномъ дворѣ среди народной толпы появился полуграмотный нѣжинскій репортеръ «Кіевской Газеты» Фабрикантъ, перекрестъ-еврей, одинъ изъ главныхъ подстрекателей молодежи въ ея лѣтнихъ и осеннихъ демонстраціяхъ, принимавшій дѣятельное участіе и въ событіяхъ 17—19 октября. Толпа подъ музыку поставила его на колѣни въ лужѣ грязи предъ портретомъ Государя, заставила его осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ и поцѣловать портретъ Государя въ ноги. Въ заключеніе этой церемоніи подошелъ къ Фабриканту какой-то мужичокъ, сунулъ въ руки флагъ и довольно внушительно и властно пробурчалъ: «несыть»... Той же церемоніи были подвергнуты около Монастырской гостиницы разысканные къ тому времени агентами толпы демократы: братья Сѣнники, городской ветеринаръ Скоробогатько, городской врачъ Наркевичъ, присяжный повѣреннный Корнѣйчикъ-Севастьяновъ и др. Искали, но не нашли присяжныхъ повѣренныхъ Киселевича, Круковскаго, земскаго ветеринара Эптипа, земскаго страхового агента Гужовскаго и др.

Послѣ того было еще двѣ остановки: одна около уѣздной земской управы, другая около окружнаго суда. Въ первомъ случаѣ толпа выкрикивала фамиліи нѣкоторыхъ мѣстныхъ земскихъ дѣятелей, якобы приставшихъ къ демократамъ, но налицо не оказавшихся, а во второмъ—предъявила требованіе выдать ей растерзанный портретъ Государя въ кабинетѣ прокурора. Портретъ былъ вынесенъ и присоединенъ къ общей коллекціи портретовъ, участвовавшихъ въ патріотической манифестаціи. Толпа снова выразила свое негодованіе по поводу разстерзаннаго царскаго портрета, снова заявила: «Зачѣмъ жиды и студенты рвутъ царскіе портреты, не поважаютъ государя?.. Не треба намъ ни жидівъ, ни студентовъ»... Здѣсь же, около зданія окружнаго суда, предсѣдателю злополучнаго митинга, студенту Шеремету, удалось оставить патріотическую процессію съ помощью одного артиллерійскаго полковника, сопровождавшаго и охранявшаго его отъ насилія толпы...

Къ 5 часамъ вечера толпа снова направилась къ зданію историко-филологическаго института, гдѣ и водворила большой институтскій царскій портретъ на свое мѣсто и вскорѣ разошлась, предъявивъ ко всѣмъ демократамъ требованіе, чтобы они на утро выдали «списокъ усихъ демократовъ» и «всю орудію». Студенты и евреи обѣщали выдать то и другое, но не исполнили своего обѣщанія и тѣмъ еще болѣе вооружили противъ себя ими же главнымъ образомъ взбудораженный народъ...

О спискахъ была рѣчь и на пресловутомъ митингѣ 18 октября. Тамъ, повидимому, говорили о томъ, чтобы опредѣлить численный

составъ разныхъ мѣстныхъ революціонныхъ организацій и соотвѣтственно тому распредѣлить роли въ дальнѣйшей мѣстной революціонной работѣ. Требованіемъ списковъ отъ «демократовъ» нашъ дѣловитый людъ, повидимому, хотѣлъ лишь только узнать, кто такіе демократы въ городѣ, и какова ихъ численная сила; выдачей же «орудіи» просто хотѣлъ обезопасить себя отъ вооруженныхъ демонстрацій, нарушавшихъ его мирный покой и угрожавшихъ его благосостоянію, такъ какъ нерѣдко слышались въ толпѣ рѣчи о возможности пожаровъ отъ «демократовъ».

Для полноты картины этого дня слѣдуетъ отмѣтить и то, что все время за народной патріотической манифестаціей слѣдовала масса любопытствующихъ горожанъ. Тутъ были: военные, чиновники, купцы, мѣщане, учащіе и учащіеся со многимъ множествомъ уличныхъ мальчишекъ впереди. Въ общемъ въ этой манифестаціи принимало участіе не менѣе 5—6 тысячъ человѣкъ, если не болѣе. Замыкалось торжественное шествіе небольшимъ отрядомъ полицейскихъ съ казаками и самимъ полицеймейстеромъ Басанько во главѣ, только что возвратившимся въ этотъ день изъ Чернигова. Разставленные по главнымъ улицамъ и площадямъ артиллерійскіе конные патрули отдавали честь царскимъ портретамъ, держа руки подъ козырекъ...

Въ нравственномъ отношеніи народная патріотическая демонстрація произвела ошеломляющее дѣйствіе на нашихъ демократовъ—русскихъ и евреевъ. Большинство изъ нихъ, главнымъ образомъ изъ позванныхъ, но не разысканныхъ толпой, разъѣхалось изъ города въ ту же ночь по желѣзной дорогѣ: кто въ Кіевъ и Черниговъ, а кто даже въ Москву и Петербургъ и другія мѣста. Такъ они боялись попасться въ руки народной толпы, въ сущности весьма добродушной, такъ какъ она не сильно карала своихъ противниковъ, а только лишь, какъ школьниковъ, ставила на колѣни передъ тѣмъ, кого они ругали и надъ кѣмъ глумились, передъ портретомъ Государя, а потомъ отпускала съ тѣмъ, чтобы больше не грѣшили и не трогали священныхъ для нея именъ, кои народъ привыкъ чтить и всегда будетъ чтить... Фактовъ физическаго насилія надъ противниками 21 октября не было вовсе...

Въ субботу, 22-го, хотя день былъ и не базарный, а праздничный (Казанской Божіей Матери, чествуемой у насъ народомъ), народу собралось съ предмѣстій города и изъ окрестныхъ селъ и деревень, пожалуй, еще больше чѣмъ наканунѣ. Несмотря на сильный дождь съ ранняго утра, народъ «плавомъ плылъ», или «лавой шелъ» въ городъ, какъ говорили наши горожане, и къ 9 часамъ утра базарная и соборная площади были покрыты сплошной массой народа. Появились снова и царскіе портреты, въ томъ числѣ и растерзанный въ камерѣ прокурора. Къ 10 часамъ утра прошли въ соборную церковь на литургію всѣ оставшіеся въ институтѣ

студенты съ директоромъ и профессорами во главѣ и съ меньшимъ институтскимъ царскимъ портретомъ. У нихъ рѣшено было по настоянію директора и начальствующихъ лицъ отлужить молебенъ о здравіи Государя и тѣмъ успокоить расходившуюся противъ нихъ народную толпу. Молебенъ былъ отслуженъ подъ дождемъ на соборной площади, но народнаго успокоенія не послѣдовало: студенты съ директоромъ и профессорами очутились во власти толпы, осадившей соборную ограду. Несмотря на всѣ увѣщанія и просьбы духовенства и городского головы успокоиться и мирно разойтись по домамъ, предоставивъ законной власти разыскать «демократовъ» и обезоружить ихъ, толпа упорно и настойчиво твердила предъявленное наканунѣ требованіе: «пусть выдадутъ списокъ демократовъ и орудій»... Никакія увѣренія и заявленія, что у студентовъ ничего нѣтъ, не дѣйствовали на толпу... Появился среди вожаковъ толпы и какой-то списокъ «демократовъ». Стали дѣлать провѣрку; какъ только не оказывалось налицо внесеннаго въ списокъ «демократа», немедленно отряжалось въ поиски нѣсколько крестьянъ, разыскивали и приводили за соборную ограду. За весь этотъ день приведено было такимъ образомъ до 40 «демократовъ». Евреи требовались всѣ, независимо отъ того, фигурировали ихъ имена въ спискѣ или нѣтъ; многіе евреи заперлись въ домахъ; эти дома открывались, евреевъ извлекали оттуда и вели на соборную площадь, гдѣ они и проводили эту субботу подъ открытымъ небомъ и въ безпокойствѣ за свою судьбу передъ судомъ народнымъ... Ко всѣмъ приводимымъ за соборную ограду предъявлялись толпой разныя обвиненія; напримѣръ, одного студента университета св. Владимира изъ евреевъ, Р—на, толпа обвиняла въ томъ, что онъ неоднократно ѣздилъ на велосипедѣ на ихъ «кутокъ» и стрѣлялъ изъ револьвера, но всегда только лишь въ воздухъ... Обвинителями были все домовитые крестьяне-хлѣборобы, и видно было со стороны, что обвиненіе это имѣло какое-то реальное основаніе... Всѣ эти «демократы», собранные народомъ за соборной оградой, потомъ, по распоряженію прокурорскаго надзора, отведены были или въ тюрьму или въ арестное помѣщеніе при уѣздномъ съѣздѣ, и такимъ образомъ были изъяты изъ рукъ толпы и суда народнаго. Въ концѣ концовъ и студентамъ института князя Безбородка удалось оставить соборную ограду и достигнуть своего института подъ прикрытіемъ духовенства и портретовъ Государя, но образовавшаяся здѣсь толпа снова стала настаивать на своихъ требованіяхъ относительно выдачи «списка» и «орудій», и выражала общее свое негодованіе противъ студентовъ, какъ противниковъ и враговъ Государя, и такъ продолжалось до поздняго вечера. Были попытки ворваться въ институтъ съ цѣлію отыскать скрытую якобы тамъ «орудію», какъ и случаи избіенія отдѣльныхъ лицъ, напримѣръ, былъ избитъ экономъ института, профес-

соръ М. и другіе, по большей части, однако, по мотивамъ, ничего общаго не имѣющимъ съ возбужденіемъ народной толпы, какъ, напримѣръ, въ случаѣ съ проф. М. Но все это навело такую общую панику на студентовъ и профессоровъ, что они съ директоромъ во главѣ почти въ полномъ составѣ въ ночь на 23 октября оставили институтъ и Нѣжинъ и уѣхали въ Кіевъ, какъ мѣсто, болѣе для нихъ безопасное. Подъ вліяніемъ страха быстро слагались и разныя легенды, напримѣръ, что будто бы раздавались среди народной толпы общіе крики: «бей студентовъ, бей жидовъ», и угрозы въ родѣ слѣдующей: «всѣхъ треба повисить на хрести» и проч. Люди, находившіеся весь день среди толпы, этого не слышали, и лучшимъ доказательствомъ противнаго служитъ то, что евреевъ, находившихся весь день среди народа на соборной площади, никто и пальцемъ не тронулъ...

Въ этотъ день немало было и разнаго рода инцидентовъ, нерѣдко смѣшныхъ и крайне наивныхъ по общему своему характеру. Напримѣръ, толпа крестьянъ окружила за соборной оградой нѣсколькихъ богатыхъ евреевъ и начала укорять, зачѣмъ евреи рвутъ царскіе портреты и не поважаютъ Государя. Одинъ изъ евреевъ началъ защищаться и доказывать, что евреи—такіе же подданные Государя, какъ и русскіе, и одинаково съ ними почитаютъ и уважаютъ его, что указанный случай нельзя относить ко всѣмъ евреямъ, что онъ лично готовъ купить взамѣнъ подраннаго портрета самый дорогой царскій портретъ, какой только есть въ продажѣ, и поставить его тамъ, гдѣ они, крестьяне, захотятъ, хоть въ самомъ соборѣ, даже такой, какой они видѣли вчера въ институтѣ, стоящій будто бы тысячу рублей. Крестьяне выражали недовѣріе къ такому заявленію. Тогда еврей обращается къ извѣстнымъ и крестьянамъ русскимъ купцамъ, тутъ находившимся, и проситъ ихъ подтвердить, что онъ исполнитъ свое слово. Тѣ подтверждаютъ. Крестьяне замолчали; еврей торжествовалъ, что удалось ему такимъ легкимъ способомъ успокоить толпу... Но тутъ вдругъ произошла неожиданная перемѣна настроенія. Одинъ изъ крестьянъ, снявъ свой бриль (шляпу) и почесавъ свой щетинистый густой чубъ, по-своему объяснилъ сосѣду предложеніе еврея такъ, что евреямъ снова сдѣлалось жутко: «Бачишь, проклятая жидова царя купить хочетъ»... Евреи такъ были ошеломлены такимъ оборотомъ дѣла, что моментально исчезли въ толпѣ...

Въ тотъ же день вечеромъ къ городскому головѣ приходило нѣсколько крестьянъ съ просьбой отправить телеграмму къ Государю съ ходатайствомъ закрыть институтъ, «бо студенти не хочутъ учитця, а тiлько бунтуютъ та царя ругаютъ; не треба намъ студентiвъ и жидiвъ». Нѣкоторые при этомъ говорили, что полезнѣе будетъ для государства и города институтъ обратить въ казарму. Для составленія телеграммы назначено было ими и время—

11 часовъ утра слѣдующаго дня; но ни въ назначенное время, ни послѣ крестьяне не являлись. Въ частности, относительно евреевъ крестьяне и мѣщане не разъ обращались къ разнымъ властямъ съ просьбою, чтобы по общему приговору выселить ихъ изъ города, или лишить ихъ права аренды разныхъ городскихъ статей доходныхъ и даже права торговли. Раздавались голоса и противъ отдѣльныхъ гласныхъ думы, якобы приставшихъ къ «демократамъ», чтобы они были лишены права участвовать въ засѣданіяхъ думы.

23 октября пріѣхалъ въ Нѣжинъ черниговскій вице-губернаторъ, Н. М. Родіоновъ, обратился съ рѣчью къ народной толпѣ, говорилъ о необходимости порядка, прекращеніи всякихъ волненій, говорилъ, какъ огорченъ Государь вѣстями о погромахъ, о тяжелой за нихъ отвѣтственности. Народъ, повидимому, внимательно выслушалъ представителя губернской власти; но по окончаніи рѣчи раздались голоса: «жиды обидѣли нашего царя! не треба намъ жидівъ»... Посыпались и другія заявленія; говорили всѣ разомъ, перебивая другъ друга; слышались даже возраженія противъ нѣкоторыхъ мыслей, высказанныхъ вице-губернаторомъ. Тогда Н. М. Родіоновъ вторично обратился къ толпѣ и высказался въ томъ смыслѣ, что онъ пріѣхалъ въ Нѣжинъ не съ тѣмъ, чтобы спорить съ народной толпой, а съ тѣмъ, чтобы водворить общественный порядокъ, тишину и спокойствіе, а потому приказываетъ всѣмъ вѣрноподданнымъ Государя немедленно возвратиться къ ихъ занятіямъ и не нарушать порядка никакими насиліями. «Помните,—сказалъ онъ въ заключеніе,—что судъ и расправа принадлежатъ одному царю и постановленнымъ имъ лицамъ, а не буйствующей толпѣ. Не вѣрьте подстрекателямъ, которые, распространяя ложные слухи, волнуютъ народъ и возбуждаютъ къ насиліямъ. Я призванъ охранять личную и имущественную безопасность всѣхъ гражданъ Нѣжина безъ различія вѣроисповѣданій и партій, и въ моемъ распоряженіи есть достаточно военной силы для предупрежденія безпорядковъ. Не дай Богъ мнѣ прибѣгать къ оружію, но, если это понадобится, я употребляю его въ дѣло, не колеблясь ни минуты. Помните, что ваше спокойствіе и безопасность охраняются властями, къ которымъ вы и должны обращаться за судомъ и защитою». Въ такомъ же смыслѣ и тонѣ писалъ вице-губернаторъ и въ печатномъ воззваніи «къ жителямъ города Нѣжина», появившемся на другой день, въ которомъ просилъ «всѣхъ вѣрноподданныхъ города Нѣжина спокойно возвратиться къ ихъ занятіямъ, не нарушать общественнаго порядка никакими насиліями и помогать властямъ въ водвореніи тишины и спокойствія».

Властное слово представителя губернской власти произвело соотвѣтствующее дѣйствіе. Несмотря на то, что и на другой день, 24 октября, собралось на базарѣ много народа какъ мѣстнаго городского, такъ и изъ окрестныхъ селъ и деревень,—были и такіе,

которые пришли на этотъ разъ за 30 и даже за 40 верстъ,—мѣстнымъ властямъ удалось разобщить интересы горожанъ и сельчанъ, и первые начали сами просить о прекращеніи безпорядковъ и удаленіи сельчанъ изъ города. Съ этою цѣлью горожане избрали особыхъ выборныхъ или уполномоченныхъ изъ своей среды въ числѣ 15 человѣкъ, которые, собравшись въ городской управѣ, снова выслушали требованія вице-губернатора и общимъ приговоромъ постановили: «объявить всѣмъ жителямъ города Нѣжина о необходимости прекратить всякое насиліе надъ личностью и имуществомъ и предложить сельскимъ жителямъ выйти изъ города въ свои села и деревни, занятъся своимъ мирнымъ трудомъ, предоставивъ правительственнымъ властямъ возстановить и поддерживать порядокъ».

Благодаря немедленно послѣдовавшимъ совмѣстнымъ дѣйствіямъ войскъ и горожанъ, базаръ былъ быстро очищенъ отъ пришлаго элемента, вносившаго съ собою проявленіе нѣкотораго своеволія. Не обошлось при этомъ дѣло и безъ нагаекъ, такъ какъ нѣкоторые сельчане упорствовали уходить изъ города съ пустыми руками, а потому нагайки и пришлось пустить въ ходъ. Въ числѣ упорствовавшихъ были, между прочимъ, жители села Черняховки, отстоящаго отъ города верстахъ въ пятнадцати. До нихъ почему-то вѣсть о нѣжинскомъ еврейскомъ погромѣ дошла довольно поздно, и потому они явились въ городъ только лишь 24, и очень были огорчены принятыми въ немъ мѣрами противъ погромщиковъ-сельчанъ. Испытавъ на себѣ лично непріятное дѣйствіе казацкихъ нагаекъ, они ушли изъ города крайне разобиженными, и за городскую неудачу захотѣли вознаградить себя въ ближайшемъ къ городу селѣ Липовомъ-Рогѣ, разграбивъ здѣсь одну или двѣ еврейскихъ лавченки. Въ свою очередь липорожцы заступились за своихъ «жидовъ», прогнали черняховцевъ, заявивъ при этомъ, что они и сами расправятся съ своими «жидами», когда придетъ время. «Жиды наши, а не ваші», приговаривали они, выгоняя дручьемъ изъ села черняховцевъ. Подобнаго рода случаи были и въ другихъ мѣстахъ нашего уѣзда.

Утромъ же 24 октября евреи по настоянію полиціи выдали до 100 штукъ револьверовъ меньшаго калибра, припрятавъ револьверы Браунинга на всякій случай, въ виду возможной самообороны въ будущемъ. А между тѣмъ, по слухамъ, мѣстнымъ еврейскимъ бундомъ вооружено путемъ добровольнаго сбора средствъ на то болѣе 4 тысячъ человѣкъ изъ мѣстной еврейской молодежи.

Въ критическіе дни нѣжинскихъ безпорядковъ, именно 21—23 октября, когда въ городѣ было много пришлаго элемента и чувствовалось тревожное настроеніе народной толпы съ проявленіемъ нѣкотораго своеволія, можно было ожидать крупныхъ осложненій и даже кроваваго столкновенія между противниками. Этого, къ

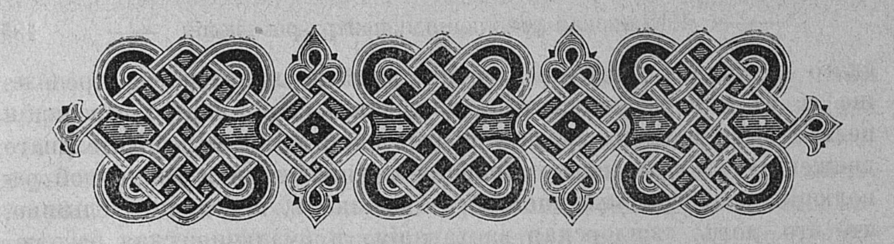
счастію, однако, не случилось, и не случилось, благодаря какъ мягкосердечности и дѣловитости нашего народа, такъ и благодаря тѣмъ нашимъ добровольцамъ изъ интеллигенціи, которые самоотверженно, безъ всякаго вооруженія, за исключеніемъ военныхъ лицъ, вступали въ ряды этой толпы и терпѣливо успокаивали и сдерживали ее, подвергаясь подчасъ и немалому риску. Эти-то добровольцы и были главною причиною того, что у насъ не было крайнихъ тяжелыхъ сценъ физическаго насилія съ убитыми и ранеными, какъ было въ другихъ мѣстахъ. Въ рядахъ этихъ добровольцевъ замѣтно выдѣлялись и чины прокурорскаго надзора, нѣкоторые командиры батарей и дивизіонеры 42 артиллерійской бригады, нѣкоторые представители городского управленія и другія лица, не всѣ, конечно, въ одинаковой мѣрѣ. Благодаря ихъ нравственному мужеству и терпѣливой выдержкѣ, удалось сдержать народное негодованіе противъ революціонеровъ, или, по народной терминологіи, «демократовъ», въ извѣстныхъ границахъ, не прибѣгая къ черезчуръ крупнымъ мѣрамъ, какъ нѣкоторые того требовали, а въ особенности мѣстные евреи...

Такъ закончились наши революціонные безпорядки; но возбужденіе, произведенное ими, не улеглось еще и до настоящаго времени. Правда, наши революціонеры, въ особенности ихъ еврейская группа, увидавъ, что народъ рѣшился съ ними не шутить, попритихли, попрятали подальше свои Браунинги, поспѣшили снова принять образъ и подобіе мирныхъ тружениковъ. Но это только лишь спокойствіе кажущееся. Прочно свившія у насъ гнѣздо соціалъ-революціонныя партіи и теперь исподтишка не перестаютъ распространять свои прокламаціи, и распространяютъ ихъ съ цѣлью дискредитировать власть правительства и разжечь, какъ можно сильнѣе, народныя страсти. Въ прокламаціяхъ, обращенныхъ къ народу, онѣ призываютъ къ аграрнымъ безпорядкамъ и открытой революціи, а въ обращенныхъ къ войскамъ — къ открытому возстанію. Вообще же наши революціонеры страшно нападаютъ на тѣхъ русскихъ людей, которые имѣютъ твердыя политическія и религіозныя убѣжденія и беззавѣтно преданы царю и отечеству. Въ свою очередь, евреи-революціонеры все еще носятся съ мыслью о своемъ равноправіи и вмѣстѣ съ русскими революціонерами настаиваютъ на требованіи учредительнаго собранія и пресловутой избирательной четырехвостки. Въ селахъ стараются вербовать подонки общества для вооруженной дружины и поселить недовѣріе къ тѣмъ, кто стоитъ на стражѣ политическихъ и національныхъ русскихъ интересовъ. Народъ тяготится создавшимся положеніемъ дѣлъ; экономическая сторона революціонныхъ забастовокъ бьетъ его сильно по карману. Дѣло вѣдь ужъ доходитъ до того, что соль продается по 2—3 коп. за фунтъ, а керосинъ 6 коп. и болѣе — цѣны, еще никогда небывалыя и нелегкія для тощаго крестьян-

скаго кармана. Съ другой стороны, замѣтно нѣкоторое протрезвленіе и въ нашемъ обществѣ: до октябрьской контръ-революціи нельзя было и слова сказать противъ мнимаго «освободительнаго движенія» съ разрывными бомбами и кинжалами и форменной революціи, а теперь уже много перебѣжчиковъ, и только и слышно, что это, молъ, «жидовская вакханалія» и «мальчишеская революція»... Tempora mutantur...

Г. Г. Н.

ИЗЪ ЦЕНЗУРНАГО ПРОШЛАГО.

(Страничка воспоминаній).

Въ маѣ 1900 г. я принялъ отъ А. М. Евреиновой издательство журнала «Сѣверный Вѣстникъ», и на меня сразу легла нелегкая задача выпуска запоздавшаго № 5 книжки съ тѣмъ убогимъ литературнымъ матеріаломъ, который мнѣ достался въ наслѣдіе отъ старой редакціи. Кое-какъ необходимый № былъ выпущенъ, а для іюньской книжки я уже получилъ нѣкоторую возможность улучшить содержаніе журнала. Вотъ тутъ-то впервые мнѣ и пришлось ознакомиться съ мытарствами по цензурѣ и съ хожденіемъ по цензорамъ, въ роли редактора подцензурнаго изданія. Первое мое знакомство было съ цензоромъ П—номъ, ставленникомъ всемогущаго тогда оберъ-прокурора синода, К. П. Побѣдоносцева. Собственно журналъ состоялъ въ завѣдываніи нынѣ уже покойнаго цензора, Смарагда Игнатьевича Коссовича, но послѣдній находился въ отпуску, и П—нъ временно правилъ его обязанности, а въ томъ числѣ читалъ и гранки подцензурнаго «Сѣвернаго Вѣстника». Не могу сказать, чтобы П. проявлялъ въ отношеніи журнала какую либо особенную «строгость» или «немилость»; съ этой стороны редакціи не приходилось на него жаловаться, да, въ сущности говоря, къ тому не давалось и достаточныхъ поводовъ: матеріалъ, посылаемый на его утвержденіе, былъ довольно безобиднаго свойства даже для того ужаснаго времени, и въ немъ не содержалось ничего такого, что бы грозило какой либо сторонѣ русской жизни и Русскаго государства опасностью и потрясеніемъ основъ. Правда, П. все же прохаживался красными чер-

нилами по отдѣльнымъ фразамъ и словамъ, показывая свое служебное усердіе, но такъ, чтобы при его благосклонномъ участіи исчезали цѣлыя статьи или страницы произведеній или мѣнялся смыслъ писаннаго, такого случая въ нашей редакціонной практикѣ съ нимъ не встрѣчалось. Главное неудобство сношеній съ П. была его ужасная лѣность. Я торопилъ типографію, чтобы нагнать упущенное прежде время и поставить выходъ журнала въ норму (къ 1-му числу каждаго мѣсяца), но она, при всемъ напряженіи работы, не могла удовлетворить моему требованію, ссылаясь на полную невозможность для нея во̀-время получать отъ П. обратно посланный ему матеріалъ. Набранныя полосы валялись у него по нѣскольку дней, и тщетно разсыльные типографіи путешествовали къ нему на Пески, съ угла Казанской и Новаго переулка, гдѣ помѣщалась типографія покойнаго В. Ф. Демакова, печатавшаго журналъ. Демаковъ пріѣзжалъ ко мнѣ на Троицкую съ требованіемъ, чтобы я уже лично сдѣлалъ необходимое посѣщеніе П., грозя въ противномъ случаѣ запозданіемъ книжки. Приходилось подъ давленіемъ необходимости отправляться къ вершителю судебъ журнала и выпрашивать у него нужное ускореніе.

Изъ лѣтнихъ бесѣдъ съ П. я впервые фактически убѣдился, что для подцензурныхъ журналовъ законовъ о печати, какъ таковыхъ, въ сущности не имѣется, а все зависитъ отъ усмотрѣнія цензора и тѣхъ безчисленныхъ секретныхъ циркуляровъ, распоряженій и частныхъ указаній разныхъ министровъ, въ силу которыхъ цензорамъ предлагалось не пропускать въ подцензурной печати никакихъ не только неодобрительныхъ, но и просто критическихъ отзывовъ о дѣятельности и работѣ подвѣдомственныхъ имъ учрежденій. Такъ, напримѣръ, въ силу указаній И. А. Вышнеградскаго, тогдашняго министра финансовъ, не допускалась въ подцензурныхъ органахъ правдивая критика его финансовой системы и его начинаній въ области заграничныхъ займовъ и отечественнаго денежнаго обращенія. Эта сторона русской жизни исключалась изъ журнальнаго обсужденія, и цензору дозволялось пропускать лишь тѣ статьи, гдѣ или шло изложеніе только самихъ фактовъ, или гдѣ факты подносились читателямъ въ розовомъ освѣщеніи и подъ вывѣской полнаго ихъ благополучія. Отсюда невозможно трудное положеніе и редакціи общественно-политическаго журнала и сотрудниковъ и, пожалуй, самаго цензора, если только въ немъ соображенія служебной формальной дисциплины не совсѣмъ выхолащивали чувства совѣстливости. Публика жаловалась на редакцію за скудость сообщаемыхъ ей фактовъ и недостаточную полноту ихъ разработки, сотрудники не желали мириться съ искаженіями (порою до неузнаваемости!) ихъ работъ и избѣгали отдавать редакціи подцензурнаго журнала свои произведенія, редакція изнемогала, при такой невозможной постановкѣ

издательскаго дѣла, въ борьбѣ и съ цензорскимъ терроромъ, и съ непріязненнымъ отношеніемъ литературной братіи, и съ равнодушіемъ публики. Получалось въ итогѣ общее неудовольствіе, вносившее и порождавшее въ литературной жизни совершенно ненужное озлобленіе, горечь обиды и чувство возмущенія—съ одной стороны, и съ другой—вырабатывавшее совершенно особенный и въ сущности очень тлетворной способъ бесѣды съ читателями такъ называемымъ «эзоповскимъ языкомъ», т.-е. систему намековъ, междустрочія, извѣстной недоговоренности, которыя только дразнили умъ читателей и пріучали его искать во что бы то ни стало и всюду тотъ смыслъ, который имъ былъ желателенъ и который имъ лично казался для даннаго случая наиболѣе законнымъ и подходящимъ. Въ исторіи русскаго просвѣщенія этотъ «эзоповскій языкъ» сыгралъ безусловно недобрую роль и пагубно отозвался, какъ на качествѣ нашей культуры, такъ на ея ростѣ и развитіи. Въ жизненный обиходъ были искусственно введены самой же администраціей начала завѣдомаго обмана, лжи и растлѣнія ума и совѣсти...

П—нъ былъ еще, пожалуй, однимъ изъ лучшихъ представителей дѣйствовавшей тогда системы; для него выше всего было соображеніе о томъ, какъ отнесется къ той или иной статьѣ его главный патронъ—К. П. Побѣдоносцевъ, и этого онъ не скрывалъ отъ меня въ своихъ бесѣдахъ. Иногда, задержавъ гранки, онъ прямо такъ и мотивировалъ задержку: надо, молъ, справиться, какъ думаетъ или какъ поглядитъ на вопросъ оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода. Это было альфою и омегою всего его цензорскаго критерія. Не законъ, не правительственное распоряженіе являлось предметомъ его справки и дѣйствій въ данномъ случаѣ, а экскурсія въ область хода мыслей и движенія сердца всемогущаго сановника. Вслѣдствіе такой постановки вопроса печать какъ будто оказывалась не въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, а святѣйшаго синода, и на Литейной улицѣ, въ квартирѣ К. П. Побѣдоносцева, давалось главнымъ образомъ направленіе (формальное, конечно!) журнальному слову: тутъ надъ нимъ произносился судъ и осужденіе.

Какъ сказано выше, съ П. можно было ладить, и, благодаря этому, мнѣ довольно легко удалось ввести въ журналъ совершенно новый отдѣлъ «Замѣтки и новости», долженствовавшій замѣнить собою тотъ отдѣлъ, который въ другихъ журналахъ шелъ подъ наименованіемъ «Хроники внутренней жизни» или «Общественной хроники». Дѣло въ томъ, что наличность такого отдѣла должна была создать журналу его, такъ сказать, общественное, политическое положеніе въ ряду другихъ собратьевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно утвержденной для «Сѣвернаго Вѣстника» программѣ, при его разрѣшеніи на изданіе А. М. Евреиновой, этотъ отдѣлъ не

былъ допущенъ. Тщетно домогалась бывшая издательница создать такую журнальную рубрику, ей этого не удавалось. И вотъ, воспользовавшись одною фразою въ программѣ журнала, гдѣ упоминались слова «событія и новости», я обрубилъ ее и получился отдѣлъ подъ такимъ именно наименованіемъ, куда и стали помѣщаться фактическія свѣдѣнія о событіяхъ нашей внутренней и общественной жизни съ освѣщеніемъ и легкой критикой этихъ событій. То, чего добивалась бывшая издательница, дѣйствуя прямымъ путемъ, было достигнуто обходнымъ способомъ.

Когда П—нъ, получивъ гранки для просмотра, увидалъ тутъ новую рубрику, онъ не сразу ее пропустилъ. Пришлось ѣхать лично объясняться и доказывать ему, что съ моей стороны нарушенія программы нѣтъ, и что я дѣйствую вполнѣ законно. По справкамъ съ имѣвшейся у него программой, онъ увидалъ, что тамъ гдѣ-то стоятъ слова «извѣстія и новости», нашелъ это обстоятельство для меня съ формальной стороны благопріятствующимъ и разрѣшилъ новую рубрику. Волки оказались сыты, и овцы цѣлы. Такимъ-то труднымъ и мудренымъ путемъ приходилось подцензурной печати добиваться права жизни! Имѣющійся налицо элементъ комизма, увы, отдавалъ въ тѣ дни для участниковъ событій драматизмомъ...

Вотъ по финляндскому вопросу съ П. столковаться было невозможно. Статьи о Финляндіи П. М. (П. М. Майкова), нынѣ вошедшія въ его только-что вышедшую книгу, «Финляндія: ея прошедшее и настоящее», возвращались послѣ цензурнаго просмотра въ совершенно окровавленномъ видѣ. Никакія мои представленія и резоны не дѣйствовали на П., и онъ старательно въ каждой строчкѣ искалъ тенденцій сепаратизма и стремленіе потрясать основы. Даже высочайшіе манифесты имъ не щадились: онъ прохаживался по нимъ красными чернилами или просто ихъ выкидывалъ.

— Что вы все говорите: «манифестъ», «высочайшія слова»,— мало ли что когда писалось и говорилось? Для одного времени это было хорошо, а теперь иныя вѣянія, иныя на сей предметъ соображенія. Вотъ, руководствуясь съ этимъ, я и не могу пропустить данной исторической ссылки.

— Врядъ ли, однако, цензурному вѣдомству даны уполномочія входить въ обсужденіе дѣйствій высочайшей власти? Манифестъ остается всегда манифестомъ.

— Ну, да, толкуйте. Вотъ вы бы поговорили по настоящему вопросу съ Константиномъ Петровичемъ, тогда бы и поняли значеніе историческихъ документовъ въ ихъ примѣненіи къ основамъ современной внутренней политики. Впрочемъ, если вы недовольны, просите главное управленіе о перемѣнѣ цензора и жалуйтесь на меня.

— Помилуйте,—наивно расшаркивался я и спѣшилъ покинуть недовольнаго моими приставаніями цензора. Слово «жалуйтесь»

было мнѣ тогда не ясно, и смыслъ его я понялъ лишь изъ поученій меня по сему предмету С. И. Коссовича, вернувшагося осенью изъ отпуска.

С. И. Коссовичъ былъ оригиналомъ, какого рѣдко встрѣтишь въ жизни. Человѣкъ несомнѣнно большого ума и большой образованности, онъ подходилъ къ каждому вопросу съ точки зрѣнія житейской повседневной практики и въ данномъ случаѣ рисовался передъ собесѣдникомъ настоящимъ циникомъ. Онъ откровенно ставилъ точки надъ *і*, совершенно сбрасывая съ себя обычное чиновничье фарисейство и маску лицемѣрія. Его цензорскій символъ вѣры (искренно или неискренно, не берусь о томъ судить—въ личной жизни я знакомъ съ нимъ не былъ) сводился къ слѣдующимъ положеніямъ: я—чиновникъ, получающій двадцатаго числа жалованье. Оно мнѣ нужно, какъ пропитаніе себя и моей семьи. Законовъ въ Россіи нѣтъ, а имѣются усмотрѣнія начальства, отъ коего и зависитъ мое двадцатое число. Его волю я долженъ чтить и исполнять, и чѣмъ я пунктуальнѣе исполняю эту волю, тѣмъ я становлюсь выше въ его глазахъ; на меня сыплются награды, изъявленія довольства и милости. Вы—литературный народъ, отданы намъ на расправу, и начальство довольно, когда мы съ вами круче расправляемся. Вы—враги этого начальства, и вотъ между нами и вами идетъ вѣчная борьба. Вы стараетесь обойти насъ, мы васъ ловимъ. Чѣмъ сильнѣе ваше пораженіе, тѣмъ славнѣе наша побѣда.

Съ октябрьской книжки Коссовичъ началъ тѣснить журналъ, и я пошелъ къ нему вечеромъ для личныхъ объясненій.

Онъ встрѣтилъ меня съ обычной ему нѣсколько суетливой, топорной вѣжливостью и съ мѣста началъ развивать свои любимыя положенія.

— Наступила осень, а тамъ недалеко и Рождество. Я человѣкъ семейный. Къ тому же вопросъ о моей пенсіи не за горами, и не слѣдуетъ объ этомъ забывать. Жалуйтесь на меня предсѣдателю цензурнаго комитета, главному управленію по дѣламъ печати.

— Помилуйте, зачѣмъ же я буду вамъ дѣлать непріятности...

— Непріятности!—Коссовичъ даже подскочилъ на мѣстѣ.—Вы простите меня, жалобы — не непріятность, а величайшая услуга и удовольствіе! Помилуйте, начальство узнаетъ о моей старательности, отличитъ, отмѣтитъ меня, а вы тутъ—«непріятности»!

Я нѣсколько оторопѣлъ передъ такой откровенностью.

— Васъ удивляютъ мои слова? Вотъ и видно новаго человѣка въ издательскомъ дѣлѣ. Я, бывало, когда цензировалъ «Дѣло» при Станюковичѣ, то всегда рекомендовалъ ему на осень запасаться для каждой книжки двойнымъ матеріаломъ. Какъ осень, и дѣло идетъ къ рождественской наградѣ, становлюсь безпощадно строгъ и мараю статью за статьей. Ну, а тѣмъ болѣе вы, господа издатели и

редакторы, даете намъ къ тому достаточный поводъ. Вы, спасая знамя либерализма, стараетесь осенью передъ подпиской показать товаръ лицомъ, а мы цензора стараемся тоже для дѣла передъ начальствомъ. Каждый изъ насъ дѣлаетъ свое дѣло, разсматривая это дѣло и толкуя его подъ разными углами зрѣнія.

— Этакъ съ двойнымъ-то матеріаломъ скоро и прогоришь!

— Скажите, чѣмъ огорчили! Да вѣдь это намъ на руку. Начальство, повѣрьте, будетъ довольно: однимъ либеральнымъ органомъ печати меньше; это прямая цѣль и задача нашей внутренней политики—спасти отечество отъ тлетворнаго вѣянія либерализма. Кромѣ того, смѣю вамъ указать: идете на борьбу, готовьте и оружіе; на милость и пощаду нашу разсчитывать, надѣяться обойти нашу бдительность, это уже плохое служеніе дѣлу. Тогда бросайте журналъ.

Въ своей циничной откровенности Коссовичъ находилъ какое-то особенное удовольствіе. Онъ очевидно просто иногда глумился надъ всѣмъ и вся—и надъ своимъ аплуа блюстителя основъ, и надъ начальствомъ, какъ вершителемъ политики, и надъ собесѣдникомъ, который оказывался въ невѣдомыхъ ему какихъ-то путахъ, изъ коихъ трудно было освободиться. Комизмъ положенія доставлялъ ему особенное удовольствіе, и онъ тѣшился нахожденіемъ отгадокъ для разрѣшенія жизненныхъ ребусовъ.

Въ журналѣ печаталась повѣсть М. Н. Альбова «Тоска», вещь талантливая, выдающаяся въ нашей литературѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣющая рѣшительно никакого отношенія къ политическимъ и общественнымъ злобамъ дня. И вдругъ, однажды разсыльный приноситъ мнѣ изъ типографіи окровавленный листъ: Коссовичъ, стараясь передъ праздниками, ухитрился и въ беллетристикѣ М. Н. Альбова найти примѣненіе своимъ черниламъ. Смотрю и не понимаю, въ чемъ дѣло. Иду объясняться.

— Помилуйте, — серьезно и взволнованно говоритъ мнѣ цензоръ,—дѣйствующее лицо, выходя изъ ресторана, въ коридорѣ откалываетъ канканъ! Вѣдь вамъ должно быть прекрасно извѣстно, что канканъ—танецъ, не разрѣшенный начальствомъ въ общественномъ мѣстѣ, и ресторатор такого плясуна долженъ при содѣйствіи полиціи вывести изъ помѣщенія. Пропуская этотъ пассажъ, я какъ-бы санкціонирую незаконныя дѣйствія, и читатели вашего журнала могутъ подумать, что отнынѣ всѣмъ и каждому разрѣшается танцовать въ общественномъ мѣстѣ канканъ.

Я прыснулъ со смѣха, а Коссовичъ совершенно серьезно продолжалъ:

— А какъ вы думаете? На это обстоятельство не обратятъ развѣ вниманія, и мнѣ это не будетъ поставлено на видъ? Непремѣнно: объ этомъ постараются.

— Кто?

— Кто? сослуживцы. Вы думаете, у насъ служебнаго rivalité нѣтъ? Еще какой!

— Послушайте, Смарагдъ Игнатьевичъ, жаль портить беллетристику, и тѣмъ болѣе, что, благодаря вами сдѣланной выкидкѣ, получается непослѣдовательность въ изложеніи и пробѣлъ. Мнѣ кажется, что герой Альбова не такъ уже виновенъ. Онъ, вѣдь, собственно не танцовалъ канкана, а такъ себѣ, сдѣлалъ всего нѣсколько па и сейчасъ же ушелъ изъ ресторана.

— А когда такъ,—съ живостью перебилъ Коссовичъ, прекрасно понявъ, что онъ перестарался въ своемъ циничномъ рвеніи,—дѣло мѣняется. Я согласенъ на уступку.

И онъ тутъ же зачеркнулъ свою помѣтку и ограничился лишь измѣненіемъ двухъ-трехъ словъ, благодаря которымъ порядокъ въ ресторанѣ не такъ уже нарушался.

Въ другой разъ онъ совершенно вычеркнулъ какое-то стихотвореніе не то К. Льдова, не то С. Фруга. Снова пришлось вступать въ объясненіе.

— Ничего не могу сдѣлать. Явный тенденціозный намекъ на нынѣшнее положеніе Россіи въ несочувственномъ правительству духѣ.

— Да въ чемъ же вы это видите? Вѣдь это чтеніе между строкъ, и чтеніе съ предвзятой точки зрѣнія.

— А какъ же иначе читать? Коли не читать между строкъ, то расплодится такая литература, что начальство только руками разведетъ. Наконецъ, если я буду читать лишь строки, то найдутъ, что у меня мало дѣла и навяжутъ еще работы. Вотъ у меня имѣется доказательство моей усидчивости.

— Воля ваша, тутъ никакого намека нѣтъ, и идеи автора могутъ быть приложены не только къ Россіи, но и ко всякой странѣ. Можетъ быть, онъ даже заимствовалъ свои положенія изъ какого нибудь источника.

— Вотъ и прекрасно. Такъ и напишите: «сюжетъ заимствованъ» или «переводъ». Скажите,—откуда, и я вамъ пропущу это стихотвореніе.

Я замялся, но Коссовичъ ужъ шелъ мнѣ на помощь.

— Видите ли: заимствованія и переводы съ французскаго, нѣмецкаго и англійскаго нетрудно проконтролировать, и мы, цензора, можемъ быть тутъ легко въ отвѣтѣ, а вотъ заимствованіе... ну, съ американскаго или ирландскаго,—Коссовичъ лукаво вскинулъ на меня глазами,—этого никто не разберетъ, и останется лишь удивиться образованности автора, который знаетъ такіе языки, что встанешь втупикъ, имѣются ли они въ дѣйствительности на земномъ шарѣ, или это плодъ его фантазіи.

Выходъ былъ найденъ, и цензурная необходимость побудила пустить еще разъ въ оборотъ сомнительный пріемъ, разсчитанный

на невѣжество русскаго человѣка и вводившій въ литературу сознательный элементъ лжи и лингвистическую несообразность.

Съ выходомъ первыхъ зимнихъ книжекъ Коссовичъ сталъ нервнѣе и однажды черезъ посыльнаго типографіи попросилъ меня лично побывать у него вечеромъ.

— Послушайте,—началъ онъ сразу свою бесѣду,—вы не можете сомнѣваться, что я вамъ лично желаю добра, а вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ предупредить, что журналу вашему грозитъ опасность. На него обращено вниманіе, и въ этомъ виноваты вы сами. Списокъ сотрудниковъ, обѣщанныхъ въ объявленіи, подборъ статей, крикливыя затѣянныя у васъ полемики, по необходимости, заставляютъ меня быть особенно строгимъ и принять мѣры, чтобы какая нибудь случайность не причинила мнѣ, какъ цензору, по службѣ непріятности. Долженъ вамъ конфиденціально сообщить, что главноуправляющимъ по дѣламъ печати получено отъ Константина Петровича Побѣдоносцева письмо, гдѣ онъ обращаетъ его вниманіе на вредное направленіе нашихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, да и вообще всей прессы. Въ письмѣ, правда, указаны пока только въ качествѣ явно неблагонамѣренныхъ журналовъ «Вѣстникъ Европы» и «Русская Мысль»; «Сѣверный Вѣстникъ» не названъ, но тотъ фактъ, что содержаніе письма намъ, цензорамъ, а въ томъ числѣ и мнѣ, сообщено, показываетъ, что главноуправляющій придаетъ этому письму серьезное значеніе и желаетъ, чтобы оно не оставалось безъ послѣдствій. Такъ вотъ-съ имѣйте это въ виду и не удивляйтесь, если я буду очень требователенъ.

— Мнѣ кажется, что мы не даемъ особеннаго повода къ вашимъ неудовольствіямъ.

— Не о неудовольствіи идетъ рѣчь, а вотъ подборъ статей у васъ неподходящій. Что у васъ идетъ, напримѣръ, въ текущей книжкѣ?

Я перечислилъ заглавія статей и авторовъ.

— Ну-съ, вотъ видите: двѣ статьи, гдѣ въ заглавіи упоминается «народъ». Этого я допустить не могу, потому что это обратитъ на себя вниманіе. Можетъ быть, я и самыя статьи не пропущу,—тамъ видно будетъ, а пока что—измѣните заглавія, чтобы не бросалось въ глаза. Народъ теперь не въ авантажѣ, и эра у насъ дворянская. Я съ этимъ долженъ считаться.

— Я долженъ сначала переговорить съ авторами [1]).

— Пожалуйста. Кромѣ того, имѣйте въ виду, что вамъ не слѣдовало бы пускать въ одномъ и томъ же № нѣсколькихъ авто-

[1]) Дѣйствительно, вслѣдствіе этихъ переговоровъ С. Н. Терпигоревъ согласился перемѣнить первоначальное заглавіе своего разсказа, куда входило страшное слово «народъ», и окрестить его «Великою загадкою», при чемъ по требованію Коссовича разсказъ пришлось отложить до апрѣльской книжки, вмѣсто мартовской, въ которую онъ предназначался. Авт.

ровъ однородной общественной окраски, состоящихъ на замѣчаніи, какъ писатели тенденціозные.

— Помилуйте, что можно имѣть, напримѣръ, противъ Сергѣя Терпигорова, Баранцевича и другихъ?

— Какъ что! Терпигоревъ—бывшій сотрудникъ «Отечественныхъ Записокъ», а что касается г. Баранцевича, то зачѣмъ намъ съ вами о немъ спорить? Наведемъ справку въ первоисточникѣ.

Коссовичъ подошелъ къ угловому шкафу и вынулъ оттуда какую-то книжку. Я съ любопытствомъ слѣдилъ, что будетъ далѣе.

— Вотъ видите, существуетъ нѣкто, г. Семенъ Венгеровъ, — вѣроятно, его знаете,—издающій разные словари, гдѣ для чего-то валитъ о живыхъ писателяхъ все, что ему вздумается. Нужно ли это публикѣ, не знаю-съ, а вотъ намъ, цензорамъ, онъ оказываетъ добрую услугу. Спасибо ему за то. Такъ вотъ не угодно ли послушать, что и самъ г. Баранцевичъ о себѣ въ своей автобіографіи повѣствуетъ, и что говоритъ о немъ составитель словаря.

И Коссовичъ громко прочелъ нѣсколько цитатъ изъ критико-біографическаго словаря.

— Драгоцѣнное указаніе для руководства цензорамъ! Мы съ этимъ должны считаться, и г. Венгеровъ оказываетъ, конечно, безсознательно медвѣжью услугу г.г. писателямъ своими откровенными разоблаченіями.

Въ 1891 г. я волею судебъ распростился съ «Сѣвернымъ Вѣстникомъ», покинувъ и издательство, и редактированіе его, а съ тѣмъ вмѣстѣ прекратились и мои встрѣчи съ Смарагдомъ Игнатьевичемъ Коссовичемъ. Только черезъ 8 лѣтъ пришлось съ нимъ снова свидѣться, когда онъ уже занималъ мѣсто предсѣдателя цензурнаго комитета, т.-е. когда онъ являлъ собою въ нѣкоторомъ родѣ то самое начальство, которое въ былые годы выставлялъ такимъ пугаломъ для подцензурной печати. Это столь сравнительно недавнее время было любопытнымъ временемъ, когда во главѣ вѣдомства управленія дѣлами печати стоялъ совершенно ненормальный субъектъ, создававшій страшную путаницу въ издательскомъ дѣлѣ, проявлявшій на каждомъ шагу слѣды своей невмѣняемости, и, тѣмъ не менѣе, вмѣсто психіатрической лѣчебницы на положеніи больного, былъ облеченъ властью вершить и править дѣломъ русскаго просвѣщенія. Покойный Михаилъ Петровичъ Соловьевъ,—рѣчь идетъ о немъ,—получилъ мѣсто главноуправляющаго по дѣламъ печати, благодаря рекомендаціи и протекціи К. П. Побѣдоносцева, который такимъ образомъ и поставилъ его на столь отвѣтственное мѣсто при покойномъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ Сипягинѣ. Соловьевъ служилъ въ военномъ вѣдомствѣ по юрисконсультской части, былъ по слухамъ довольно плохимъ юристомъ-чиновникомъ, но зато пользовался извѣстностью въ ultra-консервативныхъ кругахъ, какъ представитель строгаго благочестія, вполнѣ опредѣлен-

ныхъ монархическихъ взглядовъ и какъ знатокъ церковной литературы и церковной живописи. Дѣйствительно, по своей природѣ покойный Соловьевъ былъ человѣкъ неглупый, обладалъ несомнѣннымъ художественнымъ талантомъ [1]) и артистическимъ чутьемъ, любилъ русскую литературу, зналъ ее и самъ владѣлъ бойкимъ перомъ. Но когда судьба послала ему выдающійся постъ въ нашей администраціи, онъ былъ уже совершенно больнымъ человѣкомъ, истерическимъ, желчнымъ и озлобленнымъ. Онъ не понялъ новаго назначенія, истолковавъ свое служебное амплуа, не какъ блюстителя опредѣленныхъ законоположеній и администратора вѣдомства съ строго очерченнымъ кругомъ дѣйствій, а пожелалъ явиться въ роли руководителя русской литературы въ прямомъ смыслѣ этого слова и вершителя ея культурныхъ и политическихъ задачъ. Отсюда получилась страшная путаница, обогатившая бюрократическую лѣтопись немалымъ числомъ страницъ характера и комическаго и драматическаго, эпизодами возмутительнаго беззаконія и правонарушеній.

Въ русской жизни можно неоднократно наблюдать удивительно курьезное явленіе: люди на какомъ нибудь поприщѣ выставляютъ совершенно опредѣленныя цѣли достиженія, и что же получается въ результатѣ? Сплошь и рядомъ этотъ результатъ оказывается въ полномъ противорѣчіи съ намѣченными начинаніями. Сановникъ, шумно поднимающій въ своемъ вѣдомствѣ гоненіе противъ взяточничества, противъ неимовѣрнаго роста личнаго состава вѣдомства, противъ распущенности и рутинерства, въ концѣ концовъ плодитъ именно это взяточничество, доводитъ именно личный составъ служащихъ до невѣроятнаго размѣра и вноситъ въ жизнь именно мертвечину и безличіе. Несуразная русская дѣйствительность реагируетъ, очевидно, на бюрократическія начинанія, какъ бы благи они ни были, совершенно особенно, обратно пропорціонально заданію, и въ результатѣ все выходитъ шиворотъ-навыворотъ.

То же случилось и съ Соловьевымъ. Я не пишу ни его біографіи, ни подробныхъ воспоминаній о немъ—для того у меня нѣтъ въ распоряженіи матеріаловъ, да, кромѣ того, это и не входитъ въ задачи настоящаго очерка. Замѣчу лишь, что Соловьевъ съ какою-то роковою послѣдовательностью достигалъ результатовъ, обратныхъ всѣмъ своимъ первоначальнымъ стремленіямъ. Вступивъ въ управленіе вѣдомства послѣ долголѣтняго пребыванія здѣсь недоступнаго и олимпійски-сановнаго Е. М. Ѳеоктистова, онъ сразу всколыхнулъ образовавшіяся за многіе годы стоячія воды дѣла управленія печати. Появились вдругъ сразу столь долго не разрѣшавшіеся органы прессы, но ихъ жизнь была коротка, и тотъ же

[1]) Кажется, имъ были изготовлены очень интересныя и прекрасно выполненныя иллюстраціи для Библіи. Авт.

Соловьевъ, ихъ разрѣшившій, ихъ же спѣшилъ хоронить. И совершалось это не въ силу какихъ либо измѣнившихся общихъ условій жизни, нѣтъ, все дѣлалось по его личной иниціативѣ, по его произволу и полному непониманію и незнанію и того дѣла, къ которому онъ былъ приставленъ, и той среды, съ которой пришлось встрѣтиться его самодурству. Начавъ войну съ либерализмомъ во славу охранительной печати, онъ либерализма не поборолъ, но увлекъ въ стремительный потокъ и въ пучину именно ту самую печать, которую стремился возвеличить. Разгромъ «Русскаго Вѣстника» того времени былъ его рукъ дѣломъ. Стремясь улучшить составъ отвѣтственныхъ редакторовъ, онъ вдругъ откуда-то извлекалъ совершенно непричастныхъ литературѣ лицъ и приказывалъ издателямъ давать этимъ лицамъ редакторскія мѣста, при чемъ самъ же фиксировалъ и ихъ содержаніе. Печальной памяти г. Головинскій, напримѣръ, былъ креатурою Соловьева и былъ извлеченъ имъ изъ нѣдръ института земскихъ начальниковъ. Тутъ сказался весь бюрократическій складъ ума начальника управленія. Живое дѣло литературы сводилось имъ къ механическому производству, а воля начальства могла, по его мнѣнію, какъ будто вливать въ человѣка тѣ способности и таланты, которыхъ у него не было въ наличности.

Послѣдствія были печальныя: народился фаворитизмъ, создалось замаскированное лихоимство, и надъ всѣмъ и вся воцарился ужасающій произволъ. Ставленники Соловьева запускали руки въ издательскія кассы, а издатели, вѣчно угрожаемые редакторскимъ шантажнымъ «не позволяю», начали закрывать свои изданія, лишь бы освободиться отъ чиновниковъ-редакторовъ. Соловьевъ объявилъ войну беззаконію и попралъ всяческіе законы. Онъ читалъ наставленія редакторамъ, какъ нужно руководить органами печати, издателямъ, какъ слѣдуетъ издавать, литераторамъ, что и какъ писать, и въ концѣ концовъ, гоняясь за призрачными цѣлями, созданными его больною фантазіей, совершенно дискредитировалъ то вѣдомство, во главѣ котораго былъ поставленъ, и то дѣло, которымъ долженъ былъ править. Въ его кабинетѣ происходили совершенно комическія сцены. Онъ оскорблялъ своихъ собесѣдниковъ, а тѣ его, онъ кричалъ, и на него кричали, онъ самъ падалъ въ обморокъ, просители тоже, курьеры бѣгали и носили стаканы съ водой, какъ своему начальнику, такъ и его посѣтителямъ. По городу разносились всякія сплетни, анекдоты и слухи...

Все это было бы смѣшно,
Когда бы не было такъ грустно.

Грустно за русскую государственность, за русскую культуру, за русскую прессу...

И вотъ въ разгаръ самодурства Соловьева мнѣ пришлось съ нимъ познакомиться и опять таки при посредствѣ моего былого знакомаго, Смарагда Игнатьевича Коссовича. Дѣло произошло такъ. Во второй половинѣ девяностыхъ годовъ я помѣщалъ почти въ каждой книжкѣ «Историческаго Вѣстника» по статьѣ, а иногда и по двѣ. Писалъ я много и по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, за своею подписью и подъ разными иниціалами, и любезный редакторъ гостепріимно давалъ мнѣ мѣсто въ журналѣ, зная, что я нуждался въ работѣ и заработкѣ. Прихожу я однажды въ редакцію для обсужденія темы текущаго очерка. С. Н. Шубинскій показываетъ мнѣ наборъ статьи г. Викторова о Бакунинѣ, не пропущенной ранѣе въ какомъ-то другомъ журналѣ цензурою и предоставленной авторомъ въ полное распоряженіе «Историческаго Вѣстника». Статья лежала въ редакціи давно, и редакторъ рѣшилъ попробовать напечатать эту рукопись, въ связи съ нѣкоторыми другими архивными матеріалами, также поступившими къ тому времени въ портфель редакціи на ту же тему. Я взялся сдѣлать эту попытку и предложилъ свои услуги по обработкѣ матеріала, но осторожности ради было рѣшено, что я предварительно схожу въ цензурный комитетъ и нащупаю почву: какъ, молъ, встрѣчена будетъ тамъ статья о Бакунинѣ, и не подвергнется ли она вырѣзкѣ, что́ для журнала, хотя и безцензурнаго, всегда грозитъ значительнымъ убыткомъ и разстройствомъ правильности его выхода.

И вотъ я снова предсталъ передъ Коссовичемъ, бывшимъ тогда уже предсѣдателемъ цензурнаго комитета послѣ смерти Е. А. Кожухова, и снова, какъ во время оно, услышалъ его бравурныя откровенныя рѣчи на цензурныя темы. Встрѣтилъ онъ меня очень хорошо, какъ стараго знакомаго, сказалъ мнѣ нѣсколько лестныхъ словъ по поводу моей дѣятельности въ историческомъ журналѣ, за которымъ, какъ оказалось, онъ довольно внимательно слѣдилъ. Узнавъ затѣмъ о причинѣ моего прихода, заерзалъ на стулѣ и стремительно заговорилъ:

— Печатайте, а тамъ видно будетъ. Можетъ быть, пройдетъ, а, можетъ быть, и нѣтъ. Я заранѣе ничего сказать не могу. Я журналовъ по долгу службы не читаю, да и цензорскія обязанности теперь не на мнѣ лежатъ, такъ что предвидѣть будущее не могу.

— Ну, рисковать намъ не хочется. Это и убыточно, какъ для меня, автора, такъ и для издателя. Мнѣ хотѣлось бы знать лишь ваше принципіальное мнѣніе: можно говорить теперь въ историческомъ журналѣ о Бакунинѣ, или нѣтъ, внѣ вопроса объ освѣщеніи вопроса.

— И на это отвѣтить не могу. Это дѣло высшей политики, а она дѣлается въ главномъ управленіи по дѣламъ печати. Сходите туда и поговорите. Вы знакомы съ нынѣшнимъ начальникомъ?

— Нѣтъ, не имѣлъ случая встрѣчаться.

— Вотъ и кстати. Прелюбопытный типъ. Слышали, небось, немало про него, а теперь воочію увидите. Онъ человѣкъ, между нами говоря, въ полномъ смыслѣ слова невмѣняемый, прямо таки ненормальный. Поэтому-то я и не могу лично ничего сказать по вопросу, вами возбужденному. У Михаила Петровича семь пятницъ на недѣлѣ. Это не то, что при Өеоктистовѣ. Тамъ все было, хотя и жестко, но ясно и опредѣленно, что можно, что нельзя, насколько можно, насколько не дозволено. Тутъ же ничего не разберешь! Нѣтъ, ужъ сходите и переговорите сами и, коли будетъ не трудно, зайдите обратно сообщить, что вамъ тамъ сказали. Пригодится для дальнѣйшихъ соображеній.

Я поблагодарилъ за указаніе и уже выходилъ изъ кабинета, какъ Кассовичъ снова вернулъ меня и пониженнымъ конфиденціальнымъ тономъ замѣтилъ:

— Только вотъ что. Вы простымъ согласіемъ не удовлетворяйтесь, а попросите его превосходительство сдѣлать на вашихъ документахъ отмѣтку, что, такъ-то и такъ-то, препятствій съ его стороны къ напечатанію не встрѣчается.

Я улыбнулся.

— Да-съ, такъ-то будетъ спокойнѣе и вѣрнѣе, а то Соловьевъ своего слова держать не умѣетъ, и можетъ легко случиться, что отречется завтра отъ того, что сказалъ вамъ сегодня. Имѣйте это въ виду.

Я отправился въ главное управленіе, благо день у начальника былъ пріемный. Просителей оказалось, на мое счастье, немного, и я скоро удостоился быть принятымъ въ кабинетѣ его превосходительства. Это было въ своемъ родѣ новшествомъ въ учрежденіи. Покойный Өеоктистовъ величественно выходилъ въ пріемную и, не подавая никому руки, поочередно лишь обходилъ, въ сопровожденіи своего секретаря, просителей; Соловьевъ оказался болѣе доступнымъ, попросилъ сѣсть и внимательно выслушалъ, по какому дѣлу я пришелъ. Пока я говорилъ, на его болѣзненномъ, нервномъ лицѣ пробѣгали какъ будто легкія судороги, и губы кривились въ желчную улыбку.

— Вы пожаловали съ вѣдома Смарагда Игнатьевича? Самъ-то онъ не рѣшился дать указанія?

— Повидимому, нѣтъ.

— Удивительно! О какомъ-то Бакунинѣ поднимается вопросъ! Да вамъ зачѣмъ надобно о немъ писать?

— Въ редакціи имѣется матеріалъ, его надо исчерпать. Онъ освѣщаетъ любопытный вопросъ о бѣгствѣ изъ Россіи важнаго политическаго агитатора при содѣйствіи самой администраціи.

— Что же тутъ удивительнаго? У насъ всегда такъ, по-родственному, ради родни готовы всю Россію продать. Да въ сущ-

ности, пожалуй, Муравьевъ хорошо и сдѣлалъ въ данномъ случаѣ. Однимъ негодяемъ стало у насъ меньше. Вообще что такое Бакунинъ? Гнилой вередъ на здоровомъ тѣлѣ Россіи. Онъ и лопнулъ гдѣ-то тамъ, въ Швейцаріи, заливъ Европу гнилью. Вы что же собираетесь апологію прочесть его политическимъ идеаламъ?

— Нѣтъ, я въ разборъ и изложеніе его ученія входить не собираюсь. Я имѣю въ виду лишь біографическій и фактическій матеріалы.

— Будь я редакторомъ журнала, я бы не сталъ печатать такого матеріала, потому что не вижу въ немъ интереса. Какой интересъ можетъ быть въ Бакунинѣ? Никакого рѣшительно. Другое дѣло— Герценъ. Это былъ человѣкъ серьезный, крупнаго таланта, вліятельный и увлекательный. Онъ можетъ быть опасенъ и о сю пору. А Бакунинъ... Пишите о немъ сколько угодно. Для Россіи Бакунинъ никакого значенія имѣть не можетъ. Ея здороваго организма проповѣдь анархіи и соціальной революціи не заразитъ. Скажите, пожалуйста: вы гдѣ обыкновенно пишете?

Я назвалъ «Историческій Вѣстникъ».

— А, какъ же, встрѣчалъ вашу подпись, встрѣчалъ. Вы что-то писали недавно о провинціальной печати и издали какую-то программу собиранія свѣдѣній?

— Да, ваше превосходительство, въ январской книжкѣ журнала была напечатана моя статья «Русская періодическая печать въ провинціи», а въ февралѣ я помѣстилъ «Письмо къ издателямъ, редакторамъ и сотрудникамъ провинціальныхъ изданій» съ просьбою дать свѣдѣнія о провинціальныхъ газетахъ. Мнѣ хотѣлось бы дополнить свою статью свѣжими полученными свѣдѣніями изъ первоисточниковъ, съ мѣста, и составить такимъ образомъ цѣлое изслѣдованіе о печати въ провинціи. Для этого уже настала пора.

— Что жъ, въ добрый часъ! Провинціальныя газеты это больное мѣсто въ русской литературѣ, и мѣсто очень нездоровое. Постановку дѣла провинціальнаго издательства надо радикально реформировать. Конечно, о всеобщей безцензурности тамъ рѣчи быть не можетъ. Это значитъ искусственно создавать очаги нигилизма и революціонной пропаганды, но вотъ составъ этой печати необходимо улучшить.

Я насторожился. Заявленіе начальника главнаго управленія было оригинально и, повидимому, обѣщало какія-то откровенности.

— Да, улучшеніе состава — это очередной вопросъ, — продолжалъ онъ съ живостью.—Помилуйте, въ чьихъ рукахъ въ провинціи газеты? Чортъ знаетъ, кто является издателями газетъ, напримѣръ, въ Сибири, а настоящіе писатели у нихъ въ подчиненіи. Такъ дѣло не можетъ стоять: журналистика должна принадлежать журналистамъ, а не спекулянтамъ. Затѣмъ всѣ эти маскарады съ под-

ставными редакторами и даже издателями! Что это такое? Это не можетъ быть терпимо и, если вы по вашей программѣ выясните всю картину дѣла, окажете большую услугу дѣлу русскаго просвѣщенія.

— Я боюсь, что мое «Письмо» не дастъ желанныхъ результатовъ, и я не получу всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній. Русскій человѣкъ тяжелъ на подъемъ. Другое дѣло, если бы мнѣ позволено было поработать въ архивѣ главнаго управленія по дѣламъ печати,— рѣшился я прибавить, видя, что его превосходительство обрѣтается въ добромъ настроеніи духа.

— Что жъ, съ Богомъ! Я ничего не имѣю противъ этого. Своей властью я, положимъ, разрѣшить вамъ просимаго не могу, надо доложить министру. На этой недѣлѣ я сдѣлать доклада не успѣю, а на будущей недѣлѣ обѣщаюсь. Подайте прошеніе. Быть можетъ, не всѣ дѣла вамъ можно будетъ показать. Нѣкоторыя за послѣдніе годы, пожалуй, и нельзя, но... впрочемъ, чего таиться! Пользуйтесь и ими.

М. П. Соловьевъ, повидимому, готовъ былъ раздавить меня своимъ великодушіемъ, и я начиналъ чувствовать себя на седьмомъ небѣ. Мнѣ уже начинало казаться, что всѣ слухи о Соловьевѣ просто сплетни, и что онъ далеко не тотъ, каковымъ его рисовали.

Моя аудіенція была кончена. Соловьевъ всталъ съ кресла и милостиво протянулъ мнѣ руку.

— Позвольте еще обезпокоить ваше превосходительство. Вы разрѣшили опубликовать матеріалы, касающіеся Бакунина. Во избѣжаніе недоразумѣній съ цензоромъ и цензурнымъ комитетомъ, не откажитесь вотъ на этихъ гранкахъ сдѣлать помѣтку, что съ вашей стороны препятствій не встрѣчается по существу вопроса. И Смарагдъ Игнатьевичъ будетъ болѣе спокоенъ.

Легкая судорога пробѣжала по нервному лицу Михаила Петровича, и я чувствовалъ, что благополучному исходу моей миссіи грозитъ печальный конецъ, но, видимо, день для меня былъ счастливый: лицо начальника снова приняло спокойное выраженіе, на губахъ зазмѣилась саркастическая улыбка, и, взявъ со стола перо, онъ сдѣлалъ просимую отмѣтку.

— Покажите Коссовичу. Пусть успокоится: я Бакунина не боюсь! Да не задерживайте и прошенія о занятіяхъ въ архивѣ, только не забудьте приложить къ прошенію двѣ марки. Безъ этого не полагается движенія бумагѣ.

Я откланялся и вышелъ отъ Соловьева сіяющимъ. Прошеніе я написалъ тутъ же въ канцеляріи, подалъ его въ надлежащемъ порядкѣ съ марками и поспѣшилъ къ Коссовичу доложить о результатѣ моего свиданія съ начальникомъ главнаго управленія.

— Ну, вамъ повезло, и вы попали въ удачный моментъ,—замѣтилъ Коссовичъ, по выслушаніи моего повѣствованія.— А какъ вы самого-то нашли?

— Повидимому, интересный субъектъ, нервенъ очень, но все ли правда то дурное и анекдотичное, что о немъ разсказываютъ?

Коссовичъ, по всей вѣроятности, ожидавшій отъ меня какого нибудь «крылатаго слова» по адресу его «начальства», остался какъ будто недоволенъ моимъ отвѣтомъ. Онъ немного помолчалъ и затѣмъ, протягивая руку на прощаніе, замѣтилъ:

— Бакунина-то вы, конечно, напечатаете. Отмѣтка Михаила Петровича на гранкахъ имѣется, и тутъ ужъ отбоя бить нельзя, а вотъ насчетъ занятій въ архивѣ—это, простите меня за откровенность, пустая фантазія.

— Почему? Вѣдь Соловьевъ такъ охотно пошелъ навстрѣчу моему ходатайству?

Коссовичъ «поглядѣлъ лукаво и головою покачалъ»:

— Поживемъ—увидимъ.

Больше мнѣ ни съ Коссовичемъ, ни съ Соловьевымъ встрѣчаться не приходилось, хотя я нѣсколько разъ и заходилъ потомъ въ главное управленіе по дѣламъ печати справиться о судьбѣ моего прошенія. Оно кануло въ воду; отвѣта ни отъ кого никакого не послѣдовало, и мои двѣ гербовыя марки пропали даромъ. Разрѣшенія на занятія въ интересномъ архивѣ я не получилъ, и мои благія намѣренія объ изображеніи исторической судьбы провинціальной печати такъ и канули въ лету. Коссовичъ оказался хорошимъ пророкомъ. Мало того. Черезъ нѣкоторое время въ главное управленіе поступилъ запросъ отъ одного вѣдомства относительно вышедшей тогда моей новой книжки для юношества «Царскія дѣти и ихъ наставники». Соловьевъ лично написалъ рецензію на эту книжку и притомъ въ неблагопріятномъ для меня направленіи, гдѣ старательно отмѣтилъ ея недостатки, авторскіе промахи и неудовлетворительный характеръ, какъ самостоятельнаго ученаго изслѣдованія, и направилъ рецензію въ официальныя сферы. Обыкновенно спеціальные отзывы, когда въ нихъ встрѣчается оффиціальная надобность, составляются въ «ученомъ комитетѣ», гдѣ, однако, о той же книжкѣ, когда я ее туда представилъ, былъ данъ отзывъ иного рода, благодаря чему она и допущена была въ библіотеки средне-учебныхъ заведеній. Соловьевъ оказался, однако, строже комитета и бо́льшимъ блюстителемъ «научной правды». Онъ и въ настоящемъ случаѣ понялъ свое положеніе совсѣмъ по-своему—какъ руководителя науки и литературы, и нашелъ у себя даже настолько свободнаго времени, чтобы писать рецензію на книгу второстепеннаго значенія, при чемъ моментъ писанія для меня, какъ автора, очевидно, подвернулся неудачный. Какъ съ легкимъ сердцемъ онъ разрѣшилъ мнѣ занятія въ архивѣ, такъ съ такимъ же легкимъ сердцемъ бросилъ мнѣ подъ ноги бревно. Очевидно, въ послѣднемъ случаѣ больная печень не давала ему покоя...

Б. Глинскій.

РУССКАЯ ЖИЗНЬ ВЪ ГЕРМАНІИ И ПАРИЖѢ.

I.

Бѣгство русскихъ въ Германію.

Я ВЫѢЗЖАЛЪ въ Германію въ моментъ всеобщаго бѣгства изъ Россіи, вскорѣ послѣ октябрьской революціи прошлаго года, которую до своего отъѣзда я наблюдалъ вблизи въ Одессѣ и въ Юго-Западномъ краѣ. Послѣ всѣхъ этихъ бомбъ, труповъ и кровопролитія, разразившагося передъ моими окнами на одесской Пушкинской улицѣ, послѣ этого безпрерывнаго дикаго террора, свирѣпствовавшаго и днемъ и ночью, я удивлялся, почему изъ сравнительно спокойнаго Петербурга бѣжитъ такая масса публики за границу. Въ вагонахъ было полно. Подъ Вильной насѣла къ намъ масса евреевъ, старыхъ и молодыхъ со множествомъ дѣтей. Неуютные тѣсные вагоны русскихъ заграничныхъ поѣздовъ, казалось, уже не могли вмѣстить больше публики. Было невѣроятно душно. Кругомъ шли тревожные разговоры.

— Моему отцу рабочіе угрожали убійствомъ,—разсказывалъ молодой эмигрантъ, сынъ одного германскаго подданнаго, управлявшаго русской фабрикой:—мы предпочли ликвидировать дѣла въ Россіи и вотъ ѣдемъ за границу.

Глубокая ночь. Непроглядная зимняя тьма смотритъ въ окна вагона, свѣчи гаснутъ. Отъ паровоза летитъ брильянтовый дождь

искръ, которыя черезъ открытые на потолкѣ иллюминаторы попадаютъ и внутрь вагона.

— Какъ это непріятно,— жалуются пассажиры:—того и гляди, сгоришь. На этой дорогѣ уже были случаи пожаровъ вагоновъ отъ искръ.

Шестой часъ утра. Еще темно. Поѣздъ приходитъ въ Вержболово. Въ вагонахъ появляются жандармы и отбираютъ паспорта. Надо выходить на станцію и мѣнять русскія деньги на германское золото и серебро. Этой операціей занимаются здѣсь элегантные станціонные евреи, говорящіе и по-русски и по-нѣмецки. Раздражающая свѣжесть ранняго утра послѣ безсонной ночи пронизываетъ до костей. Кругомъ суета и движеніе.

Поѣздъ стоитъ въ Вержболовѣ долго. А германскій Эйдкуненъ всего въ $1^1/_2$ верстѣ отсюда за пограничной рѣчкой. Паспорта наконецъ просмотрѣны, ихъ передаютъ намъ, и поѣздъ трогается въ путь. Эмигрирующіе евреи разомъ заговорили по-нѣмецки. Черезъ нѣсколько минутъ глянули въ окно вагона станціонные фонари Эйдкунена... Мы—въ Германіи.

— Трегеръ,—кричу я:—берите мой багажъ.

Но трегера не такъ-то легко дозваться. Ихъ мало. Пассажиры выносятъ багажъ сами или выжидаютъ появленія трегеровъ въ вагонахъ. Въ таможенной залѣ Эйдкунена быстро осматриваютъ вашъ багажъ, наклеиваютъ ярлыки, и все кончено. Васъ не задерживаютъ. Вы можете садиться въ ожидающій уже пассажировъ съ другой стороны вокзала германскій шнельцугъ, который сейчасъ помчитъ васъ въ Берлинъ.

Поѣздъ отходитъ въ 7 час. 25 мин. утра. Голубой разсвѣтъ все внимательнѣе глядитъ въ окна вагона. Недавно вы ѣхали по снѣжнымъ полянамъ Россіи, а тутъ въ Германіи вы съ удивленіемъ замѣчаете отсутствіе снѣга на поляхъ, и въ воздухѣ какъ будто теплѣе. Въ вагонахъ тѣсновато. Въ коридорахъ еще слышится русская рѣчь. Нѣмцевъ пока мало. Германскіе вагоны не имѣютъ двойныхъ оконъ, они легкаго типа и холодные, но прохладную атмосферу здѣсь умѣряютъ даже съ чрезмѣрностью усерднымъ отопленіемъ, отъ котораго пассажиры задыхаются... Въ концѣ концовъ мы просимъ кондукторовъ закрыть огненную печь.

Поѣздъ летитъ быстро, раскачиваясь на всѣ стороны. При малѣйшей неосторожности можно расцѣловаться со своимъ чемоданомъ. Станцій въ пути мало. Большую часть ихъ шнельцугъ пролетаетъ безъ остановокъ. Всѣ эти поселки, группы уютныхъ бѣлыхъ домиковъ, благодаря раннему утру, еще спятъ мирнымъ сномъ.

Я попалъ въ вагонъ, идущій въ Берлинъ черезъ Торнъ по внутренней Германіи. Въ нашихъ купе начала понемногу появляться нѣмецкая публика. Скоро наполнился ею и вагонъ-ресторанъ, въ который я пришелъ пить чай.

— Вы въ Берлинъ ѣдете?—спрашиваетъ меня мой визави за табльдотомъ, солидный нѣмецъ.

— Да,—отвѣчалъ я.

— Вы тамъ застанете теперь очень много русскихъ. Говорятъ, около ста тысячъ русскихъ пріѣхало въ Германію за время вашей революціи. Больше всего понаѣхали въ Берлинъ и въ Кенигсбергъ. Нѣкоторые ѣдутъ черезъ Германію дальше въ Парижъ, въ Швей-

На границѣ Германіи. Вержболово.

царію. Въ Берлинѣ масса русскихъ евреевъ. Я удивляюсь,—продолжалъ мой нѣмецъ:—они, кажется, сами заварили революцію въ Россіи, а теперь бѣгутъ.

— Видите ли,—говорю я:—не все еврейство участвовало въ этомъ движеніи... Многіе евреи безвинно поплатились при погромахъ.

— О, несомнѣнно,—говоритъ нѣмецъ съ усмѣшкой.—Мы имѣемъ своихъ евреевъ и хорошо знаемъ ихъ... Въ Берлинѣ 60.000 евреевъ, а во всей Германіи свыше полмилліона. Они у насъ вполнѣ равноправны. Въ германскихъ провинціяхъ евреевъ меньше, но Берлинъ скоро станетъ еврейскимъ городомъ. Онъ стягиваетъ къ себѣ и мѣстныхъ и пришлыхъ евреевъ... Они участвуютъ въ коммерческихъ дѣлахъ, въ торговлѣ, въ промышленности. Вы увидите теперь на Фридрихштрассе, въ кофейняхъ, въ ресторанахъ массу русскихъ евреевъ и услышите вездѣ русскую рѣчь. Эти евреи пріѣхали изъ Россіи, изъ мѣстъ еврейскихъ погромовъ. Они выжидаютъ въ Бер-

линѣ, когда утихнетъ русская революція, и тогда выѣдутъ обратно домой.

— Какъ относится нѣмецкое населеніе къ евреямъ?—спрашиваю я моего собесѣдника.

Онъ дѣлаетъ кислую гримасу. Очевидно, это—не поклонникъ еврейства.

— Въ Берлинѣ во многихъ предпріятіяхъ евреи осѣдлали нѣмцевъ и даже прижимаютъ ихъ, а въ нѣмецкихъ провинціяхъ евреевъ не долюбливаютъ.

— Неужели? Вѣдь нѣмцы такъ культурны, имъ не страшны евреи,—говорю я.

— Да развѣ тутъ въ культурности дѣло?—возражаетъ мой собесѣдникъ:—еврей вреденъ и опасенъ, потому что онъ хищникъ,—вотъ поживете въ Берлинѣ, все увидите!

Мой собесѣдникъ былъ ученый изъ Мюнхена. Оттого-то, вѣроятно, онъ и говорилъ такъ свободно о евреяхъ. Въ Берлинѣ, какъ я убѣдился потомъ, осторожно говорятъ о еврействѣ и, если вообще говорятъ о нихъ правду, то шопотомъ... чтобы кто нибудь не подслушалъ: вѣдь въ берлинскомъ банковомъ мірѣ евреи командуютъ коммерческимъ кредитомъ.

Путь оживляется большими станціями, на которыхъ снуетъ масса народа. Въ полдень около города Торна проѣзжаемъ черезъ широкую красивую рѣку Вексель, на которую открывается изъ оконъ вагона чудесный видъ.

II.

Отношеніе Германіи къ Россіи.

Берлинъ изящнѣе и чище Парижа,—говорятъ поклонники нѣмецкой аккуратности, и это совершенная правда. Въ то время, какъ Парижъ въ значительной части погруженъ во тьму, на улицахъ Берлина всегда ярко, свѣтло... Электрическія солнца сіяютъ во всю, въ небѣ вспыхиваютъ огненныя рекламы, все здѣсь горитъ и блеститъ, свѣтло какъ днемъ, а ужъ о нѣмецкой чистотѣ и говорить нечего.

Во время моего пріѣзда въ Берлинъ гостиницы были дѣйствительно переполнены русскими, и стоило большихъ хлопотъ найти хорошій и приличный номеръ. Оставивъ свой багажъ въ вокзалѣ, я въ сопровожденіи какого-то прицѣпившагося ко мнѣ гида подъ проливнымъ дождемъ рыскалъ по отелямъ въ поискахъ свободныхъ комнатъ.

— Все занято,—съ сокрушеніемъ отвѣчали мнѣ:—русскіе понаѣхали.

Въ вагонѣ я прочиталъ рекламу о русскомъ отелѣ, содержимомъ, какъ гласила она, кофе-шенкомъ императора Александра II. Я нашелъ этотъ отель.

— Покажите мнѣ комнату,—говорю я.

— Охотно,— отвѣчаетъ хозяинъ,—только гдѣ же ваши вещи?

— Вещи оставлены въ вокзалѣ.

— Сначала давайте вещи,— говоритъ онъ,— а то у меня всѣ смотрятъ комнаты, и никто не останавливается.

Мною, наконецъ, завладѣли въ нѣмецкомъ отелѣ, возлѣ вокзала Фридрихштрассе.

— Сколько ни ищите, лучше насъ вы ничего не найдете,— храбро заявилъ мнѣ оберъ-кельнеръ, и, засвѣтивъ шикарную люстру въ моей комнатѣ, тотчасъ же послалъ въ вокзалъ взять мои вещи.

Я былъ прикрѣпленъ къ мѣсту.

Передъ моими окнами была площадь, вся заполненная ожидавшими поѣздовъ экипажами. Дальше тянулась эстокада, по которой бѣжали желѣзнодорожные поѣзда. Всѣ главные берлинскіе отели сосредоточены именно на этой площади, являющейся кипучимъ центромъ Берлина.

Несмотря на позднее время, жизнь въ Берлинѣ еще била ключомъ. Дождь пересталъ, и на Фридрихштрассе было движеніе нарядной толпы, останавливавшейся передъ залитыми электричествомъ окнами магазиновъ. Несмотря на зимнее время, нѣмцы расхаживали въ легкихъ пальто и цилиндрахъ, а нѣмки въ изящныхъ легкихъ кофточкахъ и осеннихъ шляпкахъ. По мѣховымъ пальто, шубамъ и теплымъ шапкамъ нѣмцы тотчасъ узнавали русскую публику, которая сновала по улицамъ и наполняла кофейни и рестораны. Въ кафе «Монополь» была масса евреевъ изъ Россіи. Тамъ говорили по-русски о русской революціи и погромахъ. Въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ кафе тоже эмигрантовъ изъ Россіи было больше, чѣмъ нѣмцевъ.

Берлинъ по вечерамъ оживленнѣе, чѣмъ днемъ. Днемъ нѣмцы заняты на службѣ, а вечеромъ вся публика высыпаетъ на улицу, ѣздитъ въ дилижансахъ и автомобиляхъ, и все это людское море движется безпрерывно почти всю ночь.

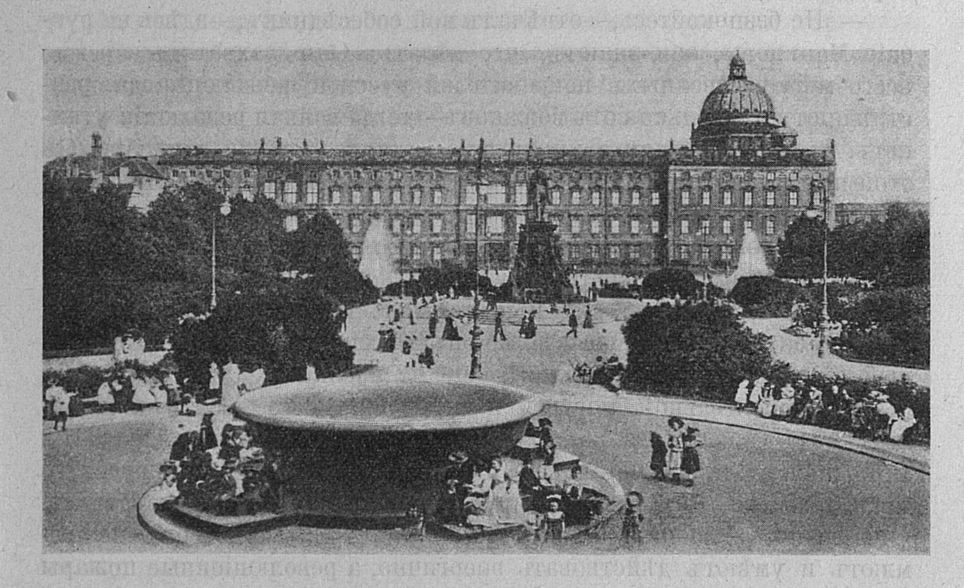
— Доволенъ ли Берлинъ нынѣшнимъ наплывомъ русскихъ?— спрашиваю я одного знакомаго, давно живущаго въ германской столицѣ.

— О, нѣмцы неизмѣнно довольны, когда имъ привозятъ русскій «гельдъ»,—говоритъ онъ.—У берлинскаго нѣмца нѣтъ ни особенныхъ симпатій, ни антипатій къ чужеземцамъ,— ничего нѣтъ въ сущности, кромѣ этого «гельдъ». Идейная публика—во внутренней Германіи, въ провинціи, а Берлинъ что такое?.. Это — рынокъ, биржа... Здѣсь довольны русскими... Чего же лучше: нѣмецкіе банки полны русскими деньгами, припрятанными отъ революціи. Въ Deutsche Bank уже около тридцати милліоновъ этихъ денегъ, въ виду такого изобилія онъ скоро даже уменьшитъ проценты по текущимъ счетамъ. Много русскихъ денегъ въ Рейхсбанкѣ... Берлинскіе отели въ восторгѣ отъ бѣгства русской публики. Они дѣ-

лаютъ большія дѣла и подняли цѣны. Магазины отлично торгуютъ, благодаря русскимъ, чего же лучше?.. Русская революція — это кладъ для доходовъ Берлина.

— А какъ настроено общественное мнѣніе Германіи? какъ относится оно къ событіямъ въ Россіи?

— Правящія сферы Берлина удручены. Они не могутъ понять, не могутъ уяснить себѣ, почему недавно такъ непростительно растерялось русское правительство. Да здѣсь бы революцію затушили въ два дня, правда, самыми суровыми мѣрами, но все обошлось бы безъ крупныхъ потрясеній, безъ такого кровопролитія, какъ въ

Дворецъ императора Вильгельма II въ Берлинѣ.

Россіи. Тамъ весь терроръ поддерживался только слабостью правительства и двойною игрою иныхъ русскихъ сановниковъ. А послѣдствія ужасны. Сколько крови безполезно пролито... Авторитетъ Россіи подорванъ, кредитъ пошатнулся, и я не скрою отъ васъ, что, Германія, вложившая милліоны денегъ въ русскія бумаги и предпріятіи, вовсе не склонна нести потери на русской революціи... Я не знаю, что бы это было, если бы русское правительство не поспѣшило прислать сюда милліоны рублей въ обезпеченіе уплатъ процентовъ по русскимъ цѣнностямъ. Здѣсь было очень скверное настроеніе; теперь съ полученіемъ денегъ оно измѣнилось къ лучшему, но если въ Россіи окончательно не потушатъ революціи собственными средствами, то нельзя ручаться за будущее. Не одна Германія, но и Австрія, Англія и Франція присматриваются къ русскому террору съ повышеннымъ вниманіемъ. Надо вамъ сказать,

что, благодаря личнымъ качествамъ императора Вильгельма, Берлинъ все болѣе дѣлается командующимъ политическимъ центромъ, и державы считаются съ его иниціативой. Русская смута служитъ дурнымъ примѣромъ для другихъ націй, она повсемѣстно разжигаетъ безпорядки. Пока никто не сдѣлалъ рѣшительнаго шага, но при новыхъ осложненіяхъ въ Россіи не миновать того, что державы предъявятъ ультиматумъ и явятся къ вамъ въ качествѣ водворителей порядка.

— Но вѣдь оккупаціи Россіи можетъ повлечь еще большіе безпорядки.

— Не безпокойтесь,—отвѣчалъ мой собесѣдникъ,—здѣсь не русскіе Маниловы, они знаютъ, что дѣлать. Они захватятъ прежде всего могущественныхъ покровителей русской революціи да разстрѣляютъ нѣсколько сотъ вожаковъ—тогда всякая революція утихнетъ. Введутъ временное управленіе... этакъ лѣтъ на двадцать. Съ этой перспективой надо считаться, дорогой мой, а у насъ въ Россіи, кажется, обо всемъ забыли.

— Но пока не похоже, — замѣтилъ я, — чтобы Германія или другія державы проявляли враждебность къ Россіи.

— Это ихъ тактъ, ихъ корректность. Цѣните это,—закончилъ мой оппонентъ:—они еще вѣрятъ въ Россію и думаютъ, что здравый смыслъ у насъ на родинѣ еще не изсякъ... Давно ли Россія была такой цѣльной, могучей и сильной... Всего десять—пятнадцать лѣтъ назадъ въ царствованіе императора Александра III... Вотъ почему въ Германіи еще и не исчезла вѣра въ силу русскаго правительства. А исчезнетъ эта вѣра — не дай Богъ, что будетъ. Отъ величія Россіи и помину не останется. Здѣсь вообще не дремлютъ и умѣютъ дѣйствовать энергично, а революціонные пожары тушатъ безпощадно.

Черезъ нѣсколько дней я убѣдился въ справедливости словъ моего собесѣдника. Въ Берлинѣ ожидалась революціонная буря въ знакъ сочувствія къ русской революціи. Соціалъ-демократы, которыхъ въ Берлинѣ достаточное количество, подготавливали демонстраціи на площади передъ дворцомъ императора Вильгельма. Повсемѣстно были устроены митинги съ рѣчами и революціонными призывами. Полиція насчитала такихъ митинговъ около ста, но надо сказать, что эти митинги здѣсь не принимали характера открытыхъ безобразій, какъ это бывало въ Россіи. Все болѣе или менѣе носило идейную окраску и не переходило въ уличный скандалъ. Демонстраціи пріурочивались ко дню германскаго орденскаго праздника (и дню коронаціи), когда во дворцѣ императора Вильгельма бываетъ большой пріемъ иностранныхъ пословъ и дипломатовъ. Въ этотъ день изъ дворца присылаются придворныя кареты за иностранными послами, доставляющія послѣднихъ во дворецъ. Такъ какъ революціонеры быстро пришли въ движеніе, то во избѣжа-

ніе всякихъ инцидентовъ обычай посылки каретъ на орденскій праздникъ былъ на этотъ разъ отмѣненъ. Послы отправлялись во дворецъ въ простыхъ извозчичьихъ каретахъ, но этимъ и ограничилась вся единственная маленькая уступка обычному этикету. Въ Берлинѣ были приняты самыя серьезныя предупредительныя мѣры. Еще накануне орденскаго праздника мимо моихъ оконъ на Унтеръ-денъ-Линденъ прошли войска, проѣхала тяжелая артиллерія съ орудіями, а въ самый день орденскаго праздника съ утра физіономія Берлина рѣзко измѣнилась. На Unter-den-Linden раздались звуки военной музыки, и массы блестящихъ войскъ, кавалеристовъ и пѣхоты, подъ видомъ праздничной военной прогулки двигались отъ Бранденбургскихъ воротъ ко дворцу императора Вильгельма. Какая это была внушительная, какая блестящая картина!.. Бульваръ покрылся тысячами любопытной публики, которая одновременно покрывала всѣ балконы домовъ. На дворцовой площади состоялся грандіозный военный парадъ. Военная музыка не умолкала цѣлый день. Когда вы смотрѣли на эти красивыя безконечныя массы войскъ, невольно исчезала мысль о возможности какихъ нибудь революціонныхъ демонстрацій. Вмѣсто ожидавшейся революціонной бури, публика прослушала прекрасный концертъ военной музыки, и въ Берлинѣ все обошлось въ высшей степени благополучно. Вотъ, подумалъ я, что значитъ могущественная предусмотрительность... А наши русскіе Маниловы?!..

Въ республиканскомъ городѣ Гамбургѣ была буря, но тамъ существуютъ свои особыя условія, и тамъ, несмотря на республиканскій режимъ, такая масса недовольнаго пролетаріата, какъ нигдѣ въ Германіи. О Гамбургѣ и гамбургскихъ событіяхъ я, впрочемъ, скажу дальше...

III.

Русская колонія въ Берлинѣ.

Въ Берлинѣ до сихъ поръ чрезвычайно популярно имя графа П. А. Шувалова, бывшаго нашего посла въ Германіи. Во время моего пребыванія въ Берлинѣ графъ П. А. Шуваловъ гостилъ тамъ. Онъ пріѣхалъ для совѣтовъ съ берлинскими профессорами въ виду предстоявшей ему операціи. Пребываніе графа П. А. Шувалова было весьма замѣтнымъ. Императоръ Вильгельмъ замѣчательно относится къ нему, считая его своимъ личнымъ другомъ. Онъ оказываетъ ему выдающіяся почести и привыкъ посѣщать его запросто. Для устраненія всякихъ дипломатическихъ обидъ и кривотолковъ императоръ Вильгельмъ разъяснилъ разъ навсегда, что графъ Павелъ Андреевичъ—его личный другъ, и что его отношенія къ графу Шувалову—знакъ его личнаго душевнаго расположенія къ послѣднему, въ чемъ онъ отдаетъ отчетъ только себѣ

самому. Пребываніе графа Шувалова въ Берлинѣ на посту посла совпадало съ лучшими годами прошлаго могущества Россіи, когда всѣ искали нашей дружбы и симпатій. Теперь отъ Россіи всѣ отвернулись, но дружба могущественнаго кейзера съ графомъ Шуваловымъ, какъ показало время, переросла всѣ политическіе виды и расчеты.

Нынѣшній россійскій посолъ въ Берлинѣ, графъ Николай Дмитріевичъ Остенъ-Сакенъ занялъ этотъ постъ послѣ графа Шувалова въ 1890 г. Ранѣе онъ былъ чрезвычайнымъ посланникомъ въ Мюнхенѣ.

Графъ Остенъ-Сакенъ—сынъ извѣстнаго военнаго администратора графа Остенъ-Сакена, бывшаго командующимъ войсками въ Одессѣ въ эпоху одесской бомбардировки 1854 г. при началѣ крымской войны. Графъ Остенъ-Сакенъ живетъ на Unter den Linden, въ большомъ трехъэтажномъ особнякѣ посольства. Рекомендательное письмо соотвѣтственнаго значенія открыло мнѣ входъ въ палаты россійскаго посла. Пожилой сановникъ невысокаго роста, съ сѣдыми баками привѣтливо встрѣтилъ меня. Несмотря на свои преклонные годы, графъ Остенъ-Сакенъ выглядитъ довольно бодрымъ. Онъ отлично знаетъ Германію, интересуется жизнью русскихъ въ Германіи и благожелательно относится къ успѣхамъ русскаго дѣла въ Берлинѣ.

— Вы интересуетесь русской колоніей Берлина?—говорилъ мнѣ посолъ: — къ сожалѣнію, я долженъ немного разочаровать васъ. Здѣсь нѣтъ настоящей русской колоніи, или, вѣрнѣе, она очень ограниченная. Здѣсь всего нѣсколько сотъ душъ настоящихъ русскихъ семей, остальные, по большей части, евреи-эмигранты изъ Россіи. Въ послѣднее время они стали очень многочисленны. Есть здѣсь русскіе студенты, но среди ихъ немало анархистовъ и революціонеровъ. Какъ видите, русская колонія представлена здѣсь не совсѣмъ удачно. Надо оговориться, впрочемъ, — продолжалъ посолъ,—въ послѣднее время является сюда и серьезное студенчество, ищущее серьезныхъ занятій въ германскихъ университетахъ; они перекочевали сюда изъ-за невозможности учиться въ Россіи вслѣдствіе хроническихъ забастовокъ въ русскихъ университетахъ.

— Есть ли здѣсь какіе нибудь русскіе центры?—спросилъ я посла.

— Кромѣ русской церкви и посольства, центровъ почти никакихъ нѣтъ. Многочисленные отрицательные элементы и не ищутъ русскихъ центровъ. Они сторонятся русскаго посольства, къ русскимъ начинаніямъ они индифферентны. Въ Мюнхенѣ, гдѣ я былъ раньше, я встрѣчалъ русскую молодежь, они бесѣдовали со мной при случайныхъ встрѣчахъ, но какъ только узнавали, что я офиціальное лицо, такъ бѣжали безъ оглядки.

— Вотъ протоіерей Мальцевъ создаетъ здѣсь русскій центръ,— замѣтилъ я.—Какое симпатичное учрежденіе устроено имъ въ

Тегелѣ, и какая прекрасная мысль устроить православный соборъ въ Берлинѣ.

— Да, — говорилъ посолъ, — протоіерей предпринялъ трудное дѣло. Онъ насаждаетъ повсюду въ Германіи русскія церкви... Много труда и затратъ это ему стоитъ. Церквамъ нужны причты, содержаніе церквей требуетъ спеціальныхъ капиталовъ. Дѣло сложное, но протоіерей энергиченъ... все держится имъ. Мы желаемъ ему успѣха, но опасаемся одного: если онъ уйдетъ изъ Берлина, то вѣдь можетъ рушиться все это громадное, созданное имъ зданіе. Будетъ ли такое сложное церковное хозяйство по силамъ новому настоятелю? Что касается созданія православнаго собора въ Берлинѣ, то эта задача грандіозная, но средствъ на это дѣло пока мало. Нуженъ для собора также подходящій участокъ земли... Хорошо, если удастся выхлопотать землю въ центрѣ города, а покупать ее стоитъ непомѣрныхъ затратъ.

О русскихъ дѣлахъ и русской жизни въ Германіи я говорилъ въ Берлинѣ и съ другими лицами.

— Настоящіе русскіе люди, заброшенные службой или дѣлами въ Германію,—разсказывали мнѣ соотечественники,—все-таки тяготѣютъ къ Россіи, они помнятъ и любятъ свою родину, но живущіе здѣсь «русскіе подданные» — часто русскіе только по имени, это преимущественно евреи, они ненавидятъ Россію, всячески позорятъ ее и смотрятъ на нее лишь, какъ на арену своей будущей политической игры, къ которой они готовятся въ кружкахъ здѣшнихъ соціалъ-демократовъ и революціонеровъ. Къ этой категоріи принадлежитъ часть студенчества, находящагося въ германскихъ университетахъ. Всѣхъ русскихъ студентовъ до послѣдняго времени насчитывалось въ Берлинѣ 600, изъ нихъ около половины соціалисты. Русскіе анархисты и революціонеры обучаются здѣсь пріемамъ революціонной тактики и пропаганды... Убійца великаго князя Сергѣя Александровича жилъ въ Германіи и былъ въ выучкѣ у здѣшнихъ революціонеровъ. Германское правительство слѣдило за этимъ опаснымъ субъектомъ, предупреждало русскихъ властей наканунѣ выѣзда его въ Россію, но ваши Маниловы все проспали. Германцы ненавидятъ революціонеровъ, гонятъ ихъ отъ себя и безъ всякихъ церемоній выдаютъ ихъ Россіи, но въ самой Россіи, несмотря на все причиняемое революціонерами зло, къ нимъ относятся необычайно индифферентно, и бездѣйствующія русскія власти даже какъ бы поощряютъ революціонную предпріимчивость. Во время послѣдней русской революціи здѣшніе соціалисты поспѣшно оставили Германію и выѣхали въ Россію, чтобы тамъ принять участіе въ событіяхъ. Спокойные нѣмцы страшно обрадовались массовому отъѣзду революціонеровъ. Въ германскихъ университетахъ осталось спокойное студенчество, дѣйствительно преданное наукѣ. Характерно, что въ то время, какъ революціонеры здѣсь сплочены,

мирная русская колонія Берлина страшно разрознена. Только еврейскіе кружки живутъ дружно. Студенты-евреи держатся отдѣльно отъ русскихъ. У нихъ свои собранія, свои ферейны. Имъ благодѣтельствуютъ еврейскіе финансисты.

— Здѣсь, конечно, безпрепятственно устраиваются митинги молодежи,—сказалъ я.

— Нѣтъ, не скажите,—отвѣтили мнѣ.—Здѣсь никогда не бываетъ совмѣстныхъ митинговъ студентовъ и рабочихъ, какъ это было въ Россіи, и вообще въ стѣнахъ университетовъ допускаются митинги только по ученымъ и университетскимъ вопросамъ, иначе молодежь собирается въ кофейняхъ. Надзоръ здѣсь строгъ, учебное начальство смотритъ въ оба, и молодежь въ Германіи куда болѣе дисциплинирована, чѣмъ въ Россіи. Хотя здѣсь и допускается совмѣстное обученіе студентовъ и студентокъ, но никакихъ вольностей и безобразій не бываетъ. Молодежь осторожна, вѣжлива. Наказанія для студентовъ: карцеръ, арестъ, остаются въ полной силѣ. Здѣсь удивлялись митингамъ, бывшимъ въ русскихъ университетахъ, гдѣ люди съ улицы произносили политическія рѣчи и творили безобразія.

— А какъ держатъ себя приходящіе въ Германію русскіе рабочіе?—спрашивалъ я своего собесѣдника.

— О, этотъ элементъ несравненно безопаснѣе русской молодежи. Русскіе рабочіе стремятся сюда на фабрики, но нельзя сказать, чтобы германцы радушно ветрѣчали ихъ. Замкнутые кружки германскихъ фабричныхъ рабочихъ не допускаютъ русскихъ рабочихъ на здѣшнія фабрики, и на ихъ долю остаются другіе виды труда: садоводство, огородничество. Пришлые рабочіе часто бѣдствуютъ.

Самая печальная вещь: русскіе, живущіе въ Германіи, перестаютъ быть русскими и безпощадно онѣмечиваются.

Въ Берлинъ пріѣхалъ русскій журналистъ, который, поговоривъ съ представителями мѣстной русской колоніи, былъ пораженъ отчужденностью берлинскихъ русскихъ другъ отъ друга и былъ пораженъ ихъ полной неосвѣдомленностью о событіяхъ и положеніи въ Россіи.

— Какъ вы живете... — говорилъ онъ своимъ знакомымъ. — У васъ нѣтъ никакой связи съ родиной. Вы все забыли, вы представляете себѣ русскую жизнь въ самомъ превратномъ видѣ, радуетесь тому, чему не слѣдуетъ радоваться, и печалитесь тѣмъ, на что русскій народъ возлагаетъ надежды... Да вы совсѣмъ потеряли русское чутье...

— Но мы слѣдимъ за русскими событіями по нѣмецкимъ газетамъ.

— Это и видно: у васъ исчезло всякое истинное представленіе о современной Россіи, исчезла всякая мѣрка.

Петербургскій журналистъ, наслышавшійся еще въ Россіи о совершенствѣ берлинскихъ типографій, началъ въ Берлинѣ изданіе русской газеты «Заграничный Голосъ». Дѣло оказалось труднымъ. Большинство берлинскихъ типографій не имѣло даже приблизительнаго понятія о русскомъ языкѣ, не имѣло ни русскаго шрифта, ни русскихъ наборщиковъ. Находились, правда, второстепенныя еврейскія типографіи, печатавшія революціонныя изданія о Россіи, но это были враждебные Россіи притоны, не подходившіе къ задачѣ изданія.

Наконецъ, журналистъ нашелъ чистоплотную типографію, имѣвшую и русскій шрифтъ и русскихъ наборщиковъ. Типографія принадлежала большому акціонерному обществу. Газета стала печататься, но тутъ вышли неожиданности другого рода.

— Видите ли, ваше изданіе какъ будто юдофобское,—сказали ему акціонеры-типографы.

— Ну, такъ что жъ,—отвѣчалъ онъ.—Еврейскую революціонную агитацію мы считаемъ зломъ.

— Видите, вы можете очень повредить себѣ... — не унимались директора-акціонеры.—Здѣсь евреи въ большой силѣ, вся коммерція въ ихъ рукахъ...

— Но объ этомъ мы мало думаемъ.

— Но вы можете повредить и намъ... У насъ дѣла съ евреями.

Новому органу печати пришлось бѣдствовать въ тискахъ еврейскихъ вожделѣній до устройства собственной типографіи.

IV.

Русская церковь въ Берлинѣ и протоіерей Мальцевъ.

Въ ближайшее же воскресенье, придя къ обѣднѣ въ русскую посольскую церковь, я убѣдился воочію, какъ необходима постройка русскаго православнаго храма въ столицѣ Германіи. Небольшая тѣсная посольская церковь, находящаяся во дворѣ посольства, переполняется прихожанами до крайности. Въ ней, что называется, яблоку негдѣ упасть... Часть молящихся толпится въ холодномъ церковномъ коридорѣ. Посольская церковь въ Берлинѣ во имя св. Владимира существуетъ издавна. Въ качествѣ походной церкви, при русскихъ послахъ, она была устроена въ 1718 г. и первые годы ютилась въ частныхъ домахъ, нанимавшихся для русскаго посольства. Въ 1837 г. императоръ Николай Павловичъ пріобрѣлъ въ Берлинѣ отъ герцогини Саганъ собственный посольскій домъ на Unter den Linden, и съ этого времени церковь помѣщается во флигелѣ дома въ нижнемъ этажѣ. Живопись въ церкви, по большей части, русскаго происхожденія. Обѣдню служитъ здѣсь протоіерей А. П. Мальцевъ (во время его отъѣздовъ—второй священникъ о. Досиѳей Васичъ, сербъ, воспитанникъ Кіевской духовной ака-

деміи) и дьяконъ Н. Н. Сахаровъ. За отсутствіемъ русскихъ пѣвчихъ (ихъ мудрено найти въ Берлинѣ), поютъ на клиросѣ нѣмцы и нѣмки, получающіе по $3^1/_2$—4 марки за службу. Они поютъ по-русски, не зная, однако, русскаго языка, для чего понадобилось изобрѣсти особыя ноты, въ которыхъ текстъ русскихъ церковныхъ пѣснопѣній изображенъ по-нѣмецки, и этотъ текстъ воспроизводится германскими пѣвчими довольно добросовѣстно, такъ что молящіеся и не подозрѣваютъ, что иноземцы поютъ съ чужого голоса, не понимая смысла.

Послѣ богослуженія я бесѣдовалъ съ протоіереемъ А. П. Мальцевымъ въ его служебномъ кабинетѣ, находящемся въ зданіи церкви. Протоіерея осаждала масса публики, пріѣзжіе обращались къ нему со своими дѣлами, и пріѣзжіе не только изъ Россіи, но и со всѣхъ концовъ Германіи и Франціи.

Протоіерей Мальцевъ—ярославскій уроженецъ (что слышится въ его говорѣ)—пожилой, полный человѣкъ съ типичнымъ широкимъ и симпатичнымъ русскимъ лицомъ. Онъ служитъ въ Берлинѣ съ 1886 г. Приблизительно съ этого времени началась и его плодотворная работа на пользу русскаго дѣла въ Германіи. Его всѣ знаютъ въ Берлинѣ, онъ пользуется расположеніемъ самого императора Вильгельма.

— Вы видѣли нашу посольскую церковь,—говорилъ мнѣ протоіерей,—она тѣсна и неудобна. Въ большіе праздники нѣтъ мѣста многимъ прихожанамъ, церковь притомъ безъ колокола и звона. Если вы сравните эту церковь съ нашими храмами на Руси, то дѣлается тяжело и больно русскому сердцу. Русскій соборъ въ Берлинѣ необходимъ, и многіе русскіе, посѣщая Берлинъ, высказываютъ готовность прійти на помощь намъ въ этомъ дѣлѣ... Мы имѣемъ въ виду построить соборъ во имя св. Андрея Первозваннаго, есть уже значительныя суммы на это дѣло: нѣкоторый капиталъ собрало наше братство св. Владиміра, жертвовали частныя лица изъ Россіи, московское и петербургское купечество. Всѣхъ пожертвованій имѣется сейчасъ около 200.000 герм. марокъ, или около 100.000 рублей, но этого, конечно, недостаточно. Нужно еще 300.000 марокъ, или 150.000 рублей.

— Вами устроены и другія церкви,—говорю я А. П. Мальцеву.

— Пріѣзжайте ко мнѣ въ Тегель,—отвѣчаетъ онъ:—посмотрите тамъ церковь и русское кладбище. Кромѣ того, у насъ есть церкви въ Потсдамѣ, въ Гамбургѣ... Въ Киссингенѣ (въ Баваріи) — большая русская церковь во имя св. Сергія, выстроенная въ 1898 г. Есть церковь въ курортѣ Герберсдорфѣ, въ Силезіи, и скоро наше братство начинаетъ постройку церкви въ Наугеймѣ. Есть еще русская церковь въ Гомбургѣ, построенная не на братскія суммы, но она также приписана къ здѣшнему посольскому причту, и есть церковь—памятникъ въ Людвиглюстѣ... Это на половинѣ пути изъ

Берлина въ Гамбургъ. Церковь стоитъ на могилѣ великой княгини Елены Павловны, дочери императора Павла I, бывшей замужемъ за великимъ герцогомъ Мекленбургъ-Шверинскимъ.

Людвигслюстъ—это лѣтняя резиденція герцоговъ Мекленбургъ-Шверинскихъ. Тамъ гоститъ въ лѣтнее время великая княгиня Анастасія Михайловна, мать великаго герцога Мекленбургъ-Шверинскаго (дочь, принцесса Цецилія, замужемъ за наслѣдникомъ германскаго престола, Фридрихомъ-Вильгельмомъ), и во время пребыванія Анастасіи Михайловны приглашается берлинскій причтъ для службъ въ мѣстной церкви.

V.

Русскій уголокъ въ Берлинѣ.

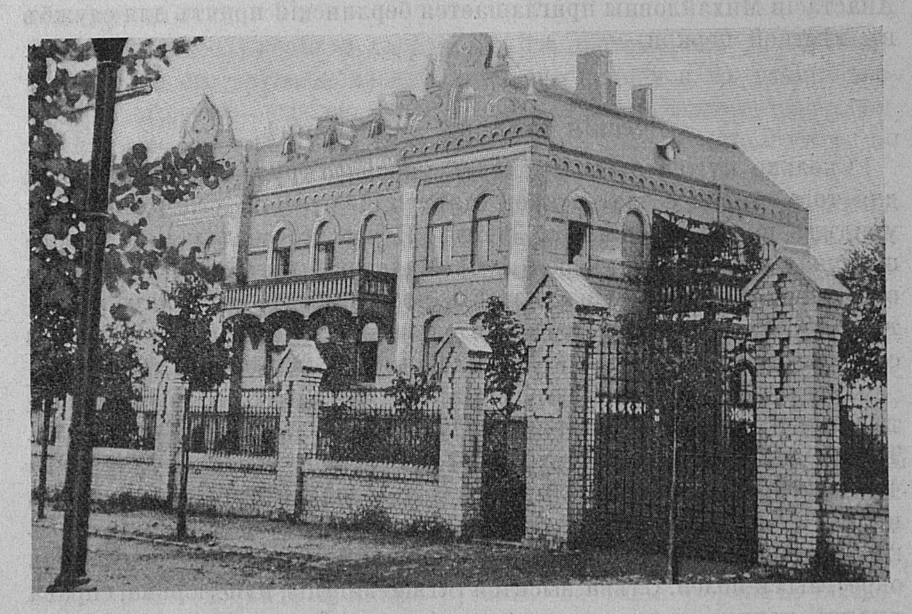
Сколько нужно было положить упорнаго труда, сколько энергіи для того, чтобы создать такой цвѣтущій русскій уголъ, какой я увидѣлъ подлѣ Берлина въ Тегелѣ. И все это создала почти единоличная энергія протоіерея А. П. Мальцева, который имѣлъ мало сотрудниковъ, да и не могъ имѣть постоянныхъ сотрудниковъ, потому что за время его продолжительнаго пребыванія въ Берлинѣ составъ тамошней русской духовной миссіи постоянно мѣнялся.

Тегель—историческій уголъ. Здѣсь жили и похоронены знаменитые нѣмецкіе ученые, братья Александръ и Вильгельмъ Гумбольдтъ. Тегель лежитъ не совсѣмъ близко отъ центра Берлина, ѣзды туда 45 минутъ по электрической конкѣ—отъ угла Унтеръ-денъ-Линденъ и Шарлотенштрассе. За десять пфениговъ конка доставляетъ васъ къ Шварцебрюке. Тамъ городъ кончился, и видна уже зелень окрестныхъ полей. Слѣва высится Strafgefangnis, или тюрьма, справа лежитъ поляна—участокъ земли, купленный русскимъ братствомъ св. Владимира. За этой поляной видна маленькая церковь, и въ зелени деревьевъ притаилось русское кладбище.

Братство св. Владимира въ Берлинѣ основано протоіереемъ А. П. Мальцевымъ въ 1890 г. Благодаря работѣ братства, русское дѣло въ Германіи окрѣпло и развилось. Братство преслѣдуетъ цѣли религіозныя, просвѣтительныя и благотворительныя, при чемъ въ обстановкѣ его работы послѣднія являются главными. Оно помогаетъ находящимся въ Германіи нуждающимся и больнымъ русскимъ подданнымъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, а также лицамъ православнаго исповѣданія всѣхъ націй. Попеченія братства не распространяются на евреевъ, о которыхъ заботится особое еврейское общество въ Берлинѣ. Помощь, оказываемая братствомъ, главнымъ образомъ трудовая (оплачиваемый трудъ). Оно беретъ пришлыхъ рабочихъ на работы по своему садоводству и цвѣтоводству и даетъ рабочимъ готовыя помѣщенія. Братство поддерживаетъ русскія церкви въ Германіи и имѣетъ свой капиталъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ марокъ.

Пройдя черезъ поле, я увидѣлъ за красивой рѣшеткой среди сада каменный трехъэтажный домъ. На воротахъ была надпись славянскими буквами: «Въ память императора Александра III». Тутъ въ верхнемъ этажѣ живетъ протоіерей Мальцевъ, въ оплачиваемой имъ квартирѣ (1.300 марокъ поступаютъ въ доходы братства), въ нижнихъ этажахъ—хозяйственныя помѣщенія.

Я засталъ А. П. Мальцева дома. Онъ бесѣдовалъ съ какимъ-то пріѣзжимъ учащимся юношей — однимъ изъ многихъ ищущихъ

Домъ русскаго братства св. Владиміра—въ память императора Александра III—въ Тегелѣ близъ Берлина.

счастья за границей. Выпивъ по стакану чая, мы отправились осматривать обширное и интересное Тегельское хозяйство. Намъ сопутствовалъ и молодой человѣкъ.

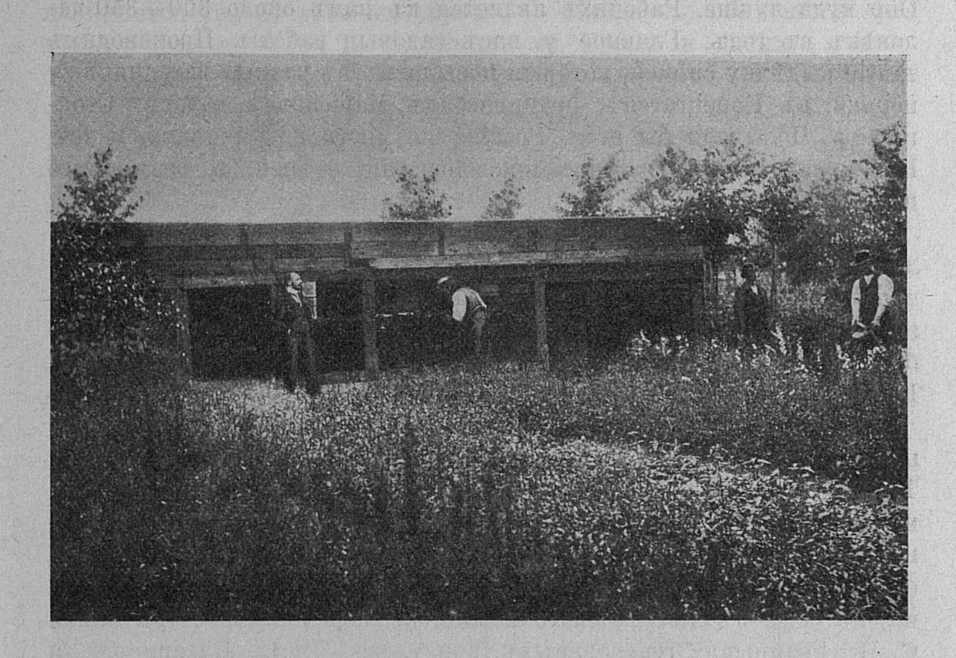
— Вотъ тутъ,—говорилъ намъ о. Мальцевъ, спускаясь въ нижніе этажи дома:—есть нѣсколько комнатъ для пріѣзжающихъ. Мы сдаемъ ихъ по 2 марки въ сутки для доходовъ братства. Въ подвальномъ помѣщеніи—мастерскія: свѣчная, столярная, прачечная и кладовая.

Въ комнатахъ нижняго этажа братскаго дома находится также большая библіотека братства—русская и частью нѣмецкая. Въ братскомъ домѣ сформированъ также свой музей: богатое собраніе гравюръ изъ русской исторіи и главнымъ образомъ изъ отечественной войны 1812 г.

Изъ дома мы вышли въ принадлежащій братству садъ, тутъ красовались въ зеленомъ уборѣ сосны и ели, тянулись безконеч-

ные ряды оранжерей и теплицъ, которыя, какъ оказалось, имѣютъ новѣйшее водяное отопленіе. Дальше красовалась братская пасѣка. Мы вошли въ оранжереи.

— Посмотрите на эти розы, левкои, гіацинты, хризантемы, фіалки,—говорилъ мнѣ о. протоіерей:—это все наши труды, наше искусство... Системой особаго переноснаго опыленія мы достигли рѣдкихъ экземпляровъ... Вотъ они.

Пасѣка братства св. Владимира въ Тегелѣ.

Я любовался чудными цвѣтами оригинальныхъ, причудливыхъ красокъ.

— На цвѣточныхъ выставкахъ въ Лигницѣ и въ Эгерѣ,—продолжалъ А. П. Мальцевъ,—братское цвѣтоводство получило золотыя медали за альпійскія фіалки. Здѣсь въ Берлинѣ мы имѣемъ постоянный рынокъ сбыта для нашихъ цвѣтовъ, и братство получаетъ не особенно большіе, но зато постоянные доходы отъ цвѣтоводства.

Изъ оранжерейныхъ теплицъ мы прошли къ новому дому братства, гдѣ кипѣла еще ремонтная работа. Двухъэтажное зданіе приспособливалось подъ устройство типографіи съ машиннымъ отдѣленіемъ въ нижнемъ этажѣ.

— А вотъ здѣсь живутъ наши рабочіе,—сказалъ о. Мальцевъ, открывая одну изъ дверей.

Тамъ въ хорошо отапливаемыхъ комнатахъ помѣщались по два, по три рабочихъ.

— Откуда приходятъ сюда русскіе рабочіе?—спросилъ я:—изъ какихъ мѣстъ Россіи?

— Да, преимущественно изъ привислинскихъ губерній. Тамъ ихъ жметъ бѣдность, заработки ихъ невелики, по сорокъ копеекъ въ день, а здѣсь они имѣютъ двѣ марки въ день, т.-е. около рубля. Оно куда лучше. Рабочихъ является къ намъ около 300—350 человѣкъ въ годъ. Главное у насъ садовыя работы. Производимъ также выдѣлку свѣчей, которыя посылаемъ въ разныя заграничныя церкви: въ Копенгагенъ, Франценсбадъ, Маріенбадъ, даже въ Стокгольмъ. Посылали бы и въ Россію, но много возни съ таможней. Нужно доказывать русское происхожденіе свѣчей, а безъ этого ничего не выйдетъ.

По другую сторону дороги отъ братскаго дома, за массивной желѣзной рѣшеткой находится разбросанное на трехъ десятинахъ песчаной равнины русское кладбище. При входѣ въ него высится звонница въ русскомъ стилѣ со славянскою надписью: «Русское кладбище. 1892 г.», и по-нѣмецки: «Russischer Friedhof, Durchgang zum Leben».

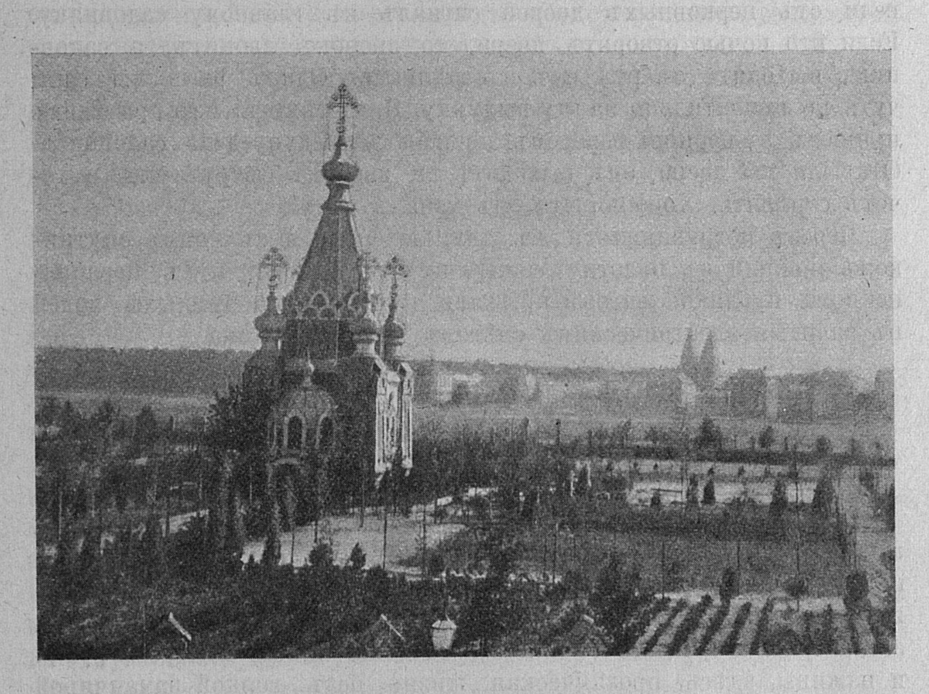
Вотъ живописныя группы сосенъ и елей, подъ сѣнью которыхъ пріютились могилы извѣстныхъ и неизвѣстныхъ русскихъ людей. Тутъ похоронено немало лицъ изъ тяжело больныхъ, пріѣзжавшихъ въ Берлинъ къ мѣстнымъ медицинскимъ знаменитостямъ. Памятники и кресты называютъ вамъ имена: графа Ник. Мих. Муравьева, отца бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ (тѣло котораго перевезено сюда съ лютеранскаго кладбища), церемоніймейстера князя С. П. Голицына, генеральныхъ консуловъ Д. В. Казаринова и Г. П. Богословскаго, тайнаго совѣтника И. И. Ершова, штабсъ-ротмистра Баева, В. О. фонъ-Отта, А. Кошелева и друг. Всѣхъ могилъ на Тегельскомъ кладбищѣ около пятидесяти.

Въ сторонѣ, среди сосновой алеи, возвышается надгробный памятникъ и бюстъ Мих. Ив. Глинки, скончавшагося въ Берлинѣ въ 1857 г., съ слѣдующей на немъ надписью:

«Michael von Glinka
Kaiserl. Russ. Capellmeister,
geb. 20 Mai 1804
zu Novo-Spaskoje, Gouv. Smolensk,
gest. 15 Febr. 1857 zu Berlin».

Это уютное русское кладбище обязано своимъ существованіемъ тому же протоіерею Мальцеву, который открылъ и безвѣстную до него въ Берлинѣ могилу Глинки, предназначавшуюся къ уничтоженію. О. протоіерей поручалъ бѣдствующей въ Берлинѣ русской

учащейся молодежи разыскивать на мѣстныхъ лютеранскихъ кладбищахъ забытыя и заброшенныя русскія могилы, чтобы ихъ собрать воедино въ Тегелѣ. На лютеранскомъ кладбищѣ оказалась могила Глинки съ памятникомъ, уже продававшимся на сломъ. А. П. Мальцевъ вслѣдъ за тѣмъ нашелъ и тотъ домъ въ Берлинѣ, въ которомъ въ 1857 г. скончался М. И. Глинка. Этотъ домъ находится на углу Канониръ-штрассе и Францозише-штрассе. Онъ называется теперь «Глинка-хаусъ». О. Мальцевъ объяснилъ владѣльцу дома значеніе М. И. Глинки въ Россіи и добился разрѣ-

Русское кладбище въ Тегелѣ.

шенія укрѣпить на домѣ лабрадорныя доски съ соотвѣтственными надписями по-русски и по-нѣмецки. Подъ вліяніемъ А. П. Мальцева нѣмецкій домовладѣлецъ такъ расчувствовался и вдохновился, что пожелалъ и съ своей стороны тоже чѣмъ нибудь увѣковѣчить память М. И. Глинки... Онъ поставилъ на домѣ бюстъ композитора и фигуры Руслана и Людмилы.

Въ центрѣ Тегельскаго кладбища возвышается не большой, но изящный каменный пятиглавый храмъ свв. Константина и Елены, въ подземельѣ этого храма ставятся гробы съ покойниками. Мы вошли въ верхнюю церковь, когда уже стемнѣло; вечернія тѣни густо легли кругомъ и покрыли дорожки и аллеи кладбища. Въ церкви было очень холодно.

— Вѣроятно, службы бываютъ здѣсь рѣдко?—говорю я.

— Да, служимъ въ день храмового праздника и вообще не часто, — отвѣчалъ о. Мальцевъ.—Церковь сравнительно далеко отъ города.

Мы вышли изъ храма. Протоіерей закрылъ тяжелыя желѣзныя двери церкви.

— Храмъ этотъ уединенный,—продолжалъ онъ,—и, благодаря этому, его нѣсколько разъ обворовывали... къ стыду сказать, ворами были свои же рабочіе. Понадобились мѣры охраны. Мы провели отъ церковныхъ дверей сигналъ къ главному садовнику. Если кто ночью отворитъ двери, то звонокъ звонитъ, а садовникъ выходитъ съ ружьемъ и стрѣляетъ. Одинъ разъ мы сами чуть не поплатились за эту выдумку. Я съ кѣмъ-то изъ пріѣзжихъ пришелъ въ церковь вечеромъ, но забылъ предупредить садовника. Открыли мы двери, онъ выходитъ на звонокъ съ ружьемъ и хочетъ стрѣлять. Хорошо, что онъ узналъ насъ!

Черезъ погрузившіяся въ темноту поля я съ моимъ спутникомъ пришли къ полотну электрическаго трамвая, и въ переполненномъ публикой вагонѣ пріѣхали изъ царства темныхъ полей въ залитыя электрическимъ свѣтомъ улицы Берлина.

VI.

Жизнь Берлина.

Берлинъ — коммерческій дѣловой центръ Германіи... Идейной жизни вы въ немъ не ищите, она таится въ нѣмецкихъ провинціяхъ, въ разныхъ умственныхъ центрахъ Германіи, въ городахъ и городкахъ. Въ Берлинѣ — расцвѣтъ коммерческихъ предпріятій, акціонерныхъ обществъ, банковскаго дѣла. Здѣсь—интересы рубля и наживы, здѣсь прозаическая жизнь безъ всякой заманчивой окраски, здѣсь торжество золотого тельца и Меркурія, и ради Бога по холодному, алчному и бездушному Берлину вы не судите о внутренней Германіи. Они слишкомъ не похожи другъ на друга. Если бы Берлинъ не былъ объединяющимъ политическимъ центромъ страны, то добродушная, благородная и мечтательная Германія отказалась бы отъ него. Что за радость имѣть своимъ представителемъ такого бездушнаго эгоиста! Принципъ kaufen-verkaufen, торжество финансовыхъ комбинацій и финансистовъ, забравшихъ власть, — вотъ что даетъ тонъ жизни Берлина. Берлинская биржа — господинъ положенія. Она командуетъ всѣмъ. Въ Берлинѣ, какъ въ фокусѣ, скрещиваются лучи германскаго финансоваго могущества Отсюда расходятся руководящія нити къ ближнимъ и дальнимъ сосѣдямъ, по всему свѣту. Берлинъ опекаетъ Ближній Востокъ, благодѣтельствуетъ Турціи, онъ устраиваетъ коммерческое благо-

получіе Малой Азіи, онъ при подходящихъ обстоятельствахъ готовъ протянуть руку помощи великой, но нынѣ разоренной революціей и безпорядками Россіи... Въ Берлинѣ имѣется упитанный русскими симпатіями и благосклонностью русскаго рубля «русскій банкъ», какъ называютъ берлинцы банкирскій домъ биржевика-еврея г. Мендельсона. Г. Витте обращается къ нему за всѣми комиссіями, за всѣми услугами и при подходящихъ обстоятельствахъ спрашиваетъ компетентныхъ совѣтовъ г. Мендельсона. Дружба ихъ трогательная. Но и г. Мендельсонъ уже нѣсколько охладѣлъ къ операціямъ съ Россіей, онъ видитъ, что съ русской революціей и ея авантюрами, пожалуй, прогоришь.

Торжество рубля развратило Берлинъ. Денежный азартъ, матеріальный гнетъ кладетъ яркій отпечатокъ на всѣ стороны мѣстной жизни, здѣсь все продажно, и, безъ преувеличенія можно сказать, нѣтъ ничего святого.

— Вотъ вы говорите, что Германія цѣломудренна, чиста, какъ Гретхенъ, и нравственна,—говорилъ мнѣ одинъ берлинскій старожилъ.—Не спорю, въ германской провинціи нравы патріархальные, чистые и держится старый укладъ жизни. Но не относите этого къ Берлину. Берлинъ — это нравственная зараза, это клоака, и я не знаю города болѣе продажнаго, болѣе безнравственнаго, чѣмъ Берлинъ. Здѣсь, съ одной стороны, царство нѣмецко-еврейскаго капитализма, съ другой—бѣдственная нищета трудящагося класса, которому не подъ силу дороговизна берлинской жизни. Здѣсь все ищетъ лишняго денежнаго подспорья. Въ борьбѣ за существованіе здѣсь гибнетъ честь, совѣсть, нравственность, семейная жизнь въ упадкѣ, добродѣтели забыты, и идеальная нѣмецкая Гретхенъ давно торгуетъ собой на всѣхъ перекресткахъ Берлина, во всѣхъ кабакахъ... Что пользы въ томъ, что здѣсь нѣтъ открытаго публичнаго зла, нѣтъ публичныхъ притоновъ. Здѣсь есть гораздо худшее зло: тутъ открыто процвѣтаетъ рабовладѣніе и шантажъ. Безчисленные рабовладѣльцы Берлина эксплоатируютъ женскую бѣдность, и, какъ это ни странно, берлинскій режимъ покровительствуетъ имъ. Взгляните на картину ночного Берлина: десятки тысячъ продажныхъ женщинъ вытолкнуты нуждой на улицу. Это явленіе повсемѣстное въ большихъ городахъ, но здѣшняя женщина работаетъ не на себя, она кормитъ своимъ тѣломъ цѣлую свору сытыхъ и разжирѣвшихъ акулъ, живущихъ въ дорогихъ квартирахъ, въ комфортабельной обстановкѣ и загребающихъ тысячи золота на эксплоатаціи женскаго стыда. И здѣшней женщинѣ, если она бѣдствуетъ, нѣтъ другого выхода, какъ обогащать свору хищниковъ. Каждая изъ этихъ несчастныхъ жертвъ должна принести своей сытой рабовладѣлицѣ такую уйму денегъ, чтобы не пошатнулись доходы послѣдней. Иначе иди, несчастная горемыка, и умирай голодной смертью. Откупщицы берлинскаго разврата наживаютъ со-

стоянія, имѣнія, дома, а жертвы ихъ гибнутъ въ тискахъ нищеты. Передъ вами освѣщенный огнями праздничный и веселый городъ. До глубокой ночи жизнь здѣсь не затихаетъ... На видъ какое это оживленіе, какое веселье, а на самомъ дѣлѣ это торжество рабовладѣнія, это издѣвательство сытыхъ надъ голодными, сильныхъ надъ слабыми. Вотъ вамъ чистая и нравственная столица Германіи!..

VII.

Русская колонія Александровка.

Когда я уѣзжалъ въ Германію, мнѣ говорили въ Петербургѣ:

— Побывайте въ Потсдамѣ и посмотрите тамъ русскую колонію Александровку, это — интереснѣйшій историческій уголокъ.

Потсдамъ, старый германскій городъ, лѣтняя резиденція прусскихъ королей, находится недалеко отъ Берлина, онъ связанъ съ нимъ частымъ желѣзнодорожнымъ сообщеніемъ. Поѣзда съ Friedrichstrasse идутъ въ Потсдамъ около часа времени, а курьерскіе поѣзда съ Потсдамскаго вокзала (дорога на Парижъ)—всего полчаса. Я выѣхалъ съ дачнымъ поѣздомъ, обслуживающимъ окрестности Берлина: предмѣстья и дачные городки. Замѣчательно ростутъ и развиваются эти берлинскіе пригороды, благодаря дороговизнѣ берлинской жизни. Эти городки имѣютъ иногда самостоятельный характеръ и свое отдѣльное городское хозяйство (Dusseldorf, Charlottenburg), въ нихъ ютится масса средняго трудящагося населенія. Въ пригородахъ жизнь дешевле, но не думайте, что эти пригороды—захолустья. Здѣсь полное благоустройство, пятиэтажные дома, прекрасныя улицы, электрическіе трамваи и электрическое освѣщеніе, а сообщеніе съ Берлиномъ быстрое и частое.

Потсдамскій поѣздъ идетъ черезъ Grünewald, тутъ тянутся по обѣимъ сторонамъ дороги живописнѣйшіе лѣса. Количество ѣдущей публики по мѣрѣ удаленія отъ Берлина становится все меньше, она вышла на попутныхъ станціяхъ. Въ Потсдамъ ѣздятъ мало. Спустя часъ, показывается Potsdamer Banhof, большой вокзалъ. Онъ находится на окраинѣ города, куда упирается линія конножелѣзной дороги, обслуживающей главныя улицы. Потсдамъ—патріархальный уголокъ. Послѣ Берлина это совсѣмъ тихій захудалый городокъ. Около вокзала тянутся сады, потомъ вы видите безлюдныя улицы со множествомъ типичныхъ старинныхъ построекъ подъ черепичными кровлями. Высятся старыя кирки. Какая здѣсь симпатичная и уютная германская старина, какая патріархальность! Пышные дворцы находятся въ сторонѣ. Скромный и убогій городокъ оживаетъ только лѣтомъ, во время пріѣздовъ двора.

Я проѣхалъ съ вокзала прямо въ колонію Александровку, находящуюся въ концѣ Потсдама. Тамъ городъ переходитъ въ деревню,

и мощеныя улицы смѣняются широкой дорогой, пролегающей среди тѣнистыхъ вѣковыхъ деревьевъ. Дорога ведетъ къ Потсдамской русской церкви во имя св. Александра Невскаго, построенной въ 1829 г., прусскимъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III совмѣстно съ императоромъ Николаемъ I—въ память императора Александра I.

Вотъ выглянула и русская колонія Александровка!

Въ зелени развѣсистыхъ деревьевъ, за заборами и палисадниками стоятъ типичные красные бревенчатые дома старой кон-

Русскій Александро-Невскій храмъ въ Потсдамѣ.

струкціи. При входѣ въ колонію красуется доска съ надписью на русскомъ языкѣ: «Колонія Александровская».

Что это за странная русская колонія на германской землѣ?

Исторія ея такова. Когда русскія войска въ 1814 г. послѣ занятія Парижа возвращались въ Россію черезъ Германію, то прусскому королю Фридриху-Вильгельму III чрезвычайно понравились русскіе военные пѣсенники. Императоръ Александръ I подарилъ ему пятнадцать человѣкъ этихъ пѣсенниковъ, которые и осѣли въ Германіи на участкѣ земли, принадлежащемъ прусской коронѣ. (1826 г.) Здѣсь появились бревенчатые дома: одноэтажные для холостыхъ, двухъэтажные для семейныхъ. При каждомъ домѣ былъ разведенъ садъ. Теперь въ колоніи живетъ уже третье поколѣніе этихъ пѣсенниковъ. Стариковъ осталось мало. Преобладаетъ молодежь, которая быстро онѣмечивается.

Когда я вошелъ въ колонію, то у перваго дома встрѣтилъ какого-то типичнаго нѣмецкаго бюргера съ бритой физіономіей. Оказалось, что это—русскій колонистъ Яблоковъ. Я заговорилъ съ нимъ по-русски, но оказалось, что онъ ни слова не понималъ, и мы перешли на нѣмецкій языкъ.

— Много ли тутъ такихъ домиковъ?—спросилъ я.

— Всего тринадцать,—отвѣчалъ онъ.

— А много ли стариковъ осталось?

— Очень мало, только въ трехъ семьяхъ. Вотъ тутъ,—продолжалъ, онъ—неподалеку, живетъ старѣйшій членъ колоніи, Фокинъ, онъ еще помнитъ старину, а молодежь ничего не знаетъ.

Я смотрѣлъ на бритое лицо этого типичнаго нѣмца и удивлялся: какой же это русскій колонистъ Яблоковъ, это—настоящій нѣмецкій Апфельманъ.

Я прошелъ дальше и повернулъ въ улицу къ домику, въ которомъ живетъ семья Фокиныхъ. На мой звонокъ вышла какая-то толстая нѣмка и спросила:

— Was wollen Sie?

Я объяснилъ, что хочу видѣть г. Фокина.

— Пожалуйте, онъ здѣсь, въ саду,—сказала она, отворяя калитку.

Я вошелъ въ садъ. Навстрѣчу мнѣ вышелъ пожилой бритый нѣмецъ въ мягкой шляпѣ, въ передникѣ, со связкой щепокъ и хворосту въ рукахъ. Это былъ по виду не то плотникъ, не то садовникъ.

— Я—русскій,—сказалъ я ему,—и желалъ повидать васъ, какъ старѣйшаго члена здѣшней русской колоніи.

Старикъ Фокинъ вытаращилъ глаза и, повидимому, ровно ничего не понималъ по-русски. Я повторилъ ему эту фразу по-нѣмецки, и тогда лицо его сдѣлалось привѣтливымъ, и онъ началъ расспрашивать меня, давно ли я изъ Россіи, что тамъ и проч. Но онъ говорилъ о Россіи въ такомъ тонѣ, точно рѣчь шла о какой нибудь Новой Зеландіи. Совсѣмъ онѣмечился старикъ.

— Неужели во всей здѣшней колоніи никто не говоритъ и не понимаетъ по-русски?—спросилъ я г. Фокина.

— Представьте, никто. Наши отцы были русскіе люди, а мы выродились въ настоящихъ нѣмцевъ. Старина забыта, о Россіи, по правдѣ сказать, мы имѣемъ очень слабое представленіе. Я вотъ говорю немного по-французски,—продолжалъ онъ,—но русскаго языка не знаю.

Я заговорилъ съ нимъ по-французски, но оказалось, что онъ плохо понимаетъ французскій языкъ, и мы опять перешли на нѣмецкій діалектъ.

— Чѣмъ вы занимаетесь здѣсь?—спросилъ я г. Фокина.

— У насъ сады, садовыя работы, фруктовыя деревья, огороды. Каждый изъ колонистовъ копошится въ своемъ углу. Вотъ те-

перь къ веснѣ начинаемъ работать въ садахъ и во дворахъ. Дѣлаемъ починки, поправки.

Г. Фокинъ ввелъ меня въ свой чистенькій, тщательно выбѣленный внутри домикъ. Здѣсь въ трехъ комнатахъ жила его семья. Въ комнатахъ была какая-то смѣсь полуремесленной, полугосподской обстановки. Въ парадной столовой стоялъ затѣйливый большой столъ, накрытый тяжелой красивой скатертью, за которымъ, видимо, никогда не обѣдали, другой мебели здѣсь не было. Въ комнатѣ было необычайно холодно, какъ это, впрочемъ, часто бываетъ въ нѣмецкихъ домахъ. Вся семья ютилась въ тѣсной, но теплой каморкѣ около кухни. Въ квартирѣ держался тяжелый запахъ рабочаго жилья. Къ намъ выбѣжала и весело поздоровалась съ нами золотокудрая малютка, внучка хозяина, лепетавшая нѣмецкія фразы.

Эта колонія—чудный цвѣтущій уголокъ. Пышная зелень окутываетъ тутъ лѣтомъ всѣ домики и улицы. Прелестные сады колонистовъ со свѣсившимися гроздьями винограда и фруктами составляютъ идиллическіе уголки. Прорѣзывающая колонію тѣнистая аллея тянется далеко въ гору до церкви. Увы! эти онѣмечившіеся люди только и сохранили всего отъ старины, что православную религію.

Съ тяжелымъ чувствомъ я уѣзжалъ изъ Александровки. Вотъ она, историческая русская колонія Германіи, которую я такъ жаждалъ увидѣть! Ни звука русскаго, ни русскаго лица! Это типичные нѣмецкіе бюргеры, а не русскіе люди. Холодомъ вѣетъ отъ колоніи, она чужда Россіи, и для нея русское имя—звукъ пустой. Страннымъ и непонятнымъ, однако симпатичнымъ для русскаго глаза призракомъ высится вдали надъ этимъ нѣмецкимъ уголкомъ крестъ православной церкви. Службы, однако, здѣсь совершаются только по-нѣмецки.

Колонія вымираетъ. Нѣкоторые домики уже и теперь необитаемы и стоятъ заколоченными. Очевидно, обитатели ихъ выселились внутрь Германіи и слились съ нѣмецкимъ населеніемъ. Пройдетъ еще немного времени, и распадется этотъ крохотный русскій уголокъ, этотъ странный историческій курьезъ!..

VIII.

Въ «Вольномъ городѣ».

Вольный и ганзейскій городъ Гамбургъ имѣетъ историческія связи съ Россіей. Онъ когда-то велъ торговлю съ нашими ганзейскими городами: Новгородомъ, Псковомъ, Ладогой. Какъ это ни странно, но Гамбургъ и Берлинъ не имѣютъ ничего общаго между собою. Многіе гамбуржцы, несмотря на небольшое разстояніе, отдѣляющіе эти два города, никогда не бывали въ Берлинѣ, какъ и берлинцы въ Гамбургѣ. Складъ жизни тамъ и здѣсь различны. Историческій Гамбургъ со своей сѣдой стариною свысока смотритъ

на Берлинъ, какъ на выскочку, новичка, молокососа, и ревниво оберегаетъ свои старыя республиканскія традиціи. Гамбуржцы не признаютъ Вильгельма II, какъ императора, величаютъ его не величествомъ, а «его великолѣпіемъ», и избираютъ его своимъ почетнымъ бургомистромъ, когда не сердятся на него. Въ противномъ случаѣ его не избираютъ, и онъ числится сенаторомъ. Но премудрый кейзеръ очень мало огорчается этимъ обстоятельствомъ и пріѣзжаетъ въ Гамбургъ кататься на своей яхтѣ на пышномъ гамбургскомъ рейдѣ и благосклонно принимаетъ угощенія, устраиваемыя ему своенравнымъ вольнымъ городомъ.

Гамбургъ громаденъ; въ немъ съ пригородами Альтоной и Вансбекомъ 1.200.000 жителей. Гамбургская республика управляется сенатомъ изъ 18 членовъ-сенаторовъ, половина изъ нихъ юристы—доктора правъ, половина купцы, президентъ (первый бюргемейстеръ) и вице-президентъ — юристы. Сенаторы завѣдуютъ разными отраслями управленія на правахъ министровъ. Вольный городъ чеканитъ свою монету. Почта и таможня здѣсь обще-германскія, какъ и желѣзная дорога. Гамбургъ имѣетъ свой ганзейскій полкъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ, но полкъ этотъ входитъ въ обще-германскую армію.

Гамбургъ кичливъ: въ сенатѣ есть «комната республикъ», на которой демонстративно изображены старыя республики: Аѳины, Венеція, древній Римъ... Смотрите, молъ, въ родствѣ съ какими антиками стоитъ нашъ вольный городъ!..

Въ Гамбургѣ все дышитъ торговлей и политикой... Какъ только вы въѣхали въ этотъ рабочій городъ, утопающій въ облакахъ фабричнаго дыма, такъ невольно почуете его своеобразную атмосферу. Угрюмыя многоэтажныя зданія — мастерскія и рабочія казармы, стоятъ по окраинамъ города и въ боковыхъ улицахъ... Все говоритъ, что здѣсь господствуютъ фабрики и промышленность.

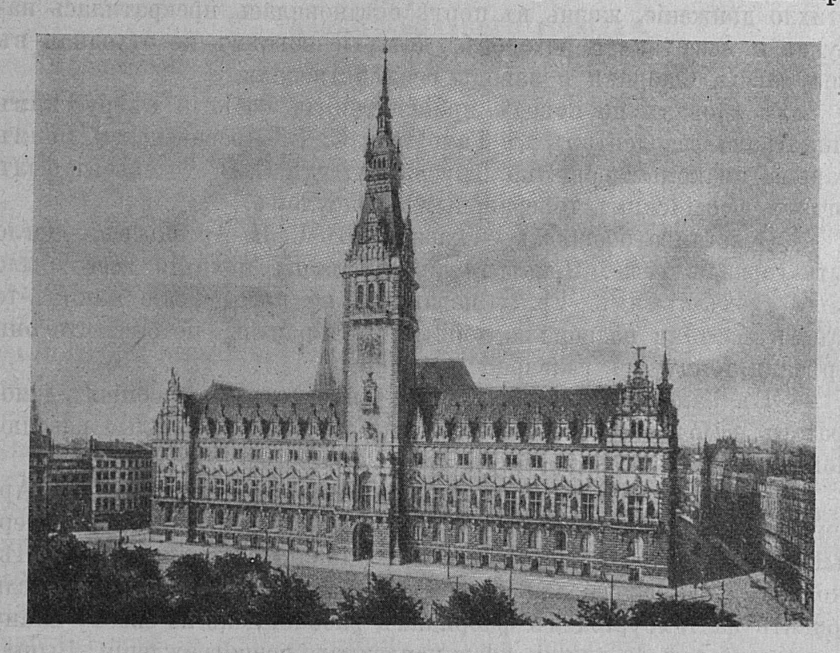
— Своенравный городъ,—говорили мнѣ въ Берлинѣ про Гамбургъ,—тамъ масса соціалъ-демократовъ, вы увидите типичныхъ рабочихъ-политикановъ, услышите гамбургскую марсельезу.

Я пріѣхалъ въ Гамбургъ въ тревожное время. Тамъ только-что вспыхнула революція изъ-за избирательныхъ правъ гамбургскаго пролетаріата. Изъ устъ въ уста передавались подробности только-что происшедшихъ столкновеній рабочихъ съ полицейскими отрядами. Безпокойное настроеніе охватило всѣхъ въ городѣ.

Еще утромъ въ день революціи было совершенно спокойно, и никто бы не предугадалъ, что черезъ часъ—два начнутся безпорядки. Рабочій день на фабрикахъ, на заводахъ, въ корабельныхъ докахъ начался правильно. Но въ полдень раздался условный сигналъ съ одного стоявшаго въ гавани парохода, призывавшій къ общей забастовкѣ. Рабочіе побросали работы и группами, а потомъ толпами пошли на митинги. Громадная толпа около 80—90 тысячъ

рабочихъ сконцентрировалась въ городѣ и обложила гамбургскій сенатъ.

Надо сказать, что въ сенатѣ въ этотъ день было назначено рѣшительное собраніе для проведенія новаго закона о повышеніи избирательнаго ценза. Въ то время, какъ гамбургскіе соціалъ-демократы настойчиво добиваются общаго избирательнаго права, сенатъ рѣшилъ исключить изъ числа избирателей лицъ, имѣющихъ менѣе 2.500 марокъ дохода, до сихъ поръ пользовавшихся пра-

Rathaus въ Гамбургѣ.

вами. Изъ-за этого и возгорѣлась буря. Среди гамбургскаго пролетаріата была агитація, возбуждавшая народъ противъ своего выборнаго правительства.

Собравшіеся на площади демонстранты громко выражали протестъ противъ возвышенія ценза и хотѣли ворваться въ сенатъ, чтобы не дать сенаторамъ провести новый законъ. Полиція оцѣпила площадь и старалась разогнать протестующихъ. Въ городѣ творились безобразія. На улицѣ Фишмарктъ около строившагося дома толпа разобрала лѣса и соорудила баррикады. Тутъ произошла настоящая битва съ полиціей. Полиція подожгла баррикады и разгоняла толпу. Чернь разбивала и грабила магазины на Шоппенстеиль. Въ Гамбургѣ давно ожидали безпорядковъ, но они вспыхнули раньше, и войска не были наготовѣ. Только конная и пѣшая полиція боролась съ мятежниками. Вытребованы были всѣ поли-

цейскіе резервы. Изъ толпы раздавались выстрѣлы, а полиція была вооружена только холоднымъ оружіемъ. Революція, однако, окончилась болѣе благополучно, чѣмъ можно было ожидать. Убитыхъ не оказалось, а были только раненые съ обѣихъ сторонъ въ числѣ около двадцати человѣкъ. Воры и хулиганы послѣ этой революціи наполнили разграбленнымъ подъ шумъ революціи добромъ гамбургскіе ломбарды.

Городъ понесъ большія потери. На цѣлыхъ три дня, пока не затихло движеніе, жизнь въ портѣ остановилась, прекратилась нагрузка и выгрузка пароходовъ, которые совсѣмъ не отходили въ свои рейсы. Фабрики и заводы бездѣйствовали.

Я бесѣдовалъ по поводу происшедшихъ событій съ русскимъ министромъ-резидентомъ въ Гамбургѣ, С. В. Арсеньевымъ, моимъ старымъ знакомымъ еще по Іерусалиму, гдѣ С. В. Арсеньевъ былъ когда-то россійскимъ генеральнымъ консуломъ.

— Счастливо обошлось,—сказалъ мнѣ С. В. Арсеньевъ,—могло быть гораздо хуже. При громадности толпы полиціи всего было около трехъ тысячъ. Силы неравныя, но полицейскіе какимъ-то чудомъ все-таки водворили порядокъ. Вѣроятно, потому, что они отрѣзали толпу отъ главарей движенія...

— Въ Гамбургѣ,—говорилъ я,—сильное гнѣздо соціалъ-демократовъ... Но интересно, появляются ли здѣсь пришлые революціонные элементы, напримѣръ, изъ Россіи?..

— О, здѣсь своихъ слишкомъ достаточно,—отвѣчалъ С. В. Арсеньевъ:—хотя и пришлые бываютъ. Изъ пришлыхъ самый скверный элементъ, приходящіе сюда изъ Западной Россіи латыши. Нѣсколько лѣтъ назадъ они заварили здѣсь большую кашу, хотѣли привить на гамбургскихъ фабрикахъ рабочій день по своему плану съ уплатой имъ за лишніе часы усиленнаго вознагражденія. Вышла исторія, вооружившая фабрикантовъ противъ всѣхъ рабочихъ изъ Россіи.

— Неужели много русскихъ рабочихъ приходитъ сюда?—спросилъ я.

— Нѣсколько сотъ человѣкъ, пятьсотъ, шестьсотъ, все больше приходятъ изъ пограничныхъ польскихъ губерній. Рабочіе получаютъ въ Россіи льготные проходные билеты и широко пользуются этимъ правомъ, стремясь въ Германію на полевыя работы.. Перспектива хорошихъ заработковъ за рубежомъ способствуетъ вѣчному приливу русскихъ рабочихъ...

Я интересовался русской колоніей Гамбурга и спросилъ о ней С. В. Арсеньева.

— Здѣшняя русская колонія довольно значительна, — сказалъ онъ:—но въ ней все больше евреи, поляки, остзейцы, настоящихъ русскихъ сравнительно мало. Греческая колонія не велика, здѣсь всего около 200 человѣкъ грековъ, но она замѣтна и вліятельна.

Греки всегда пристраиваются къ большимъ приморскимъ городамъ. Есть здѣсь польская колонія въ числѣ около 1.000 человѣкъ. Но есть въ Гамбургѣ и русское купечество. Надо вамъ сказать, что Гамбургъ ведетъ порядочную торговлю съ Россіей, съ Дальнимъ Востокомъ и съ Сибирью. Кромѣ того, гамбургскій портъ поддерживаетъ постоянныя сношенія съ русскими балтійскими портами: Либавой и Ригой.

IX.

Въ гавани «Вольнаго города».

Интересную картину представляетъ гавань Гамбурга, находящаяся въ устьѣ Эльбы въ 4 часахъ разстоянія отъ Нѣмецкаго моря. Вокругъ гавани столпился старый городъ съ типичными домами, точно снятыми съ декорацій «Фауста».

Какое необъятное водное царство — этотъ гамбургскій портъ! Тутъ 21 гавань. Безконечный водяной городъ пристаней, товарныхъ пакгаузовъ, мастерскихъ, угольныхъ складовъ, элеваторовъ, доковъ съ поднятыми въ нихъ корпусами пароходовъ, вытянулся вдоль широкой Эльбы, катящей съ шумомъ свои хмурыя свинцовыя волны. Океанскіе пароходы, полинявшіе въ борьбѣ съ зимними бурями, выстроились вдоль высокихъ моловъ и выпускаютъ изъ своихъ широкихъ трубъ лѣниво ползущія струйки чернаго дыма. Здѣсь кипитъ работа по нагрузкѣ и выгрузкѣ. Гамбургъ ведетъ торговлю со всѣми странами, съ портами всего міра. Отсюда плывутъ пароходы въ Америку, въ Африку, въ Вестъ-Индію, въ Китай, на Ближній и Дальній Востокъ. Громадная гамбургская компанія Hamburg-Amerika Ligne переправляетъ на своихъ океанскихъ судахъ десятки тысячъ эмигрантовъ изъ Стараго свѣта въ Новый, зарабатывая на этой операціи полтора милліона чистаго дохода. Въ числѣ эмигрантовъ много переселенцевъ изъ Россіи.

— Благодаря смутамъ въ Россіи и русской революціи, — разсказывали мнѣ въ Гамбургѣ, — компанія дѣлаетъ великолѣпныя дѣла съ русскими переселенцами, число ихъ сильно возрастаетъ. За послѣдній годъ выѣхало черезъ Гамбургъ въ Америку 58.000 тысячъ эмигрантовъ, а съ 1901 по 1905 г. Гамбургъ отправилъ 242.000 человѣкъ. Это — населеніе добраго губернскаго города въ Россіи.

— Въ числѣ эмигрантовъ, вѣроятно, все больше русскіе инородцы?—замѣчаю я.

— О, да. Уѣзжаютъ главнымъ образомъ евреи, спасающіеся отъ воинской повинности. Эмигрируютъ также поляки изъ Западнаго края. Компанія Hamburg-Amerika Ligne завела въ Россіи своихъ агентовъ, которые дѣятельно вербуютъ переселенцевъ, получая по 6 марокъ съ каждой соблазненной ими души. Результаты—налицо.

Кромѣ Гамбурга, переселенцы ѣдутъ и черезъ англійскіе порты. Главное эмигрантское движеніе направляется въ Сѣверную Америку, движеніе евреевъ въ Аргентину—сравнительно небольшое.

Мнѣ пришлось натолкнуться въ Гамбургѣ на тѣсный кружокъ коммерсантовъ, ведущихъ дѣла съ Россіей, главнымъ образомъ съ Сибирью и съ тихоокеанскими окраинами. Среди нихъ были нѣмцы, отлично говорящіе по-русски, были и настоящіе русскіе. Въ числѣ ихъ я увидѣлъ рыбопромышленника Жижина изъ Астрахани.

— Въ Гамбургъ привозится много русскихъ товаровъ,—говорили они мнѣ:—сюда идетъ русскій хлѣбъ, сырье, кожи, сибирское коровье масло, цѣнное орѣховое дерево съ Кавказа, живность, яйца. На Дальній Востокъ отправляютъ отсюда массу строительныхъ матеріаловъ: желѣзо, балки, асфальтъ, цементъ, гвозди, стекло, краски. На 200.000 рублей привозится въ Гамбургъ русской икры съ Астраханскихъ промысловъ. Она здѣсь очень дорога: первый сортъ 32 марки, или 16 рублей фунтъ. Гамбургъ посылаетъ отъ себя русскіе товары въ Англію и въ Америку. Вся торговля Гамбурга съ Россіей совершается на сумму около 30 милліоновъ рублей.

— Не повліяла ли война и русскія событія на торговлю съ Россіей?—спросилъ я гамбургскаго экспортера.

— Очень повліяли,—сказалъ онъ.—Нѣсколько недѣль мы не имѣли правильныхъ сношеній съ Сибирью. Телеграфъ бездѣйствовалъ, запросы Сибири пріостановились, и мы не знали, что тамъ дѣлается. Теперь все исправилось, но торговлѣ съ Дальнимъ Востокомъ грозитъ другая опасность... Какъ бы этой торговлей не завладѣли японцы...

— Почему же это можетъ случиться?

— А уничтоженіе порто-франко во Владивостокѣ? Вѣдь если уничтожатъ порто-франко, то вся морская торговля даже и съ Сибирью перейдетъ въ японскій Портъ-Артуръ. Существованіе порто-франко было очень важно для торговли Сѣверной Маньчжуріи и Восточной Сибири.

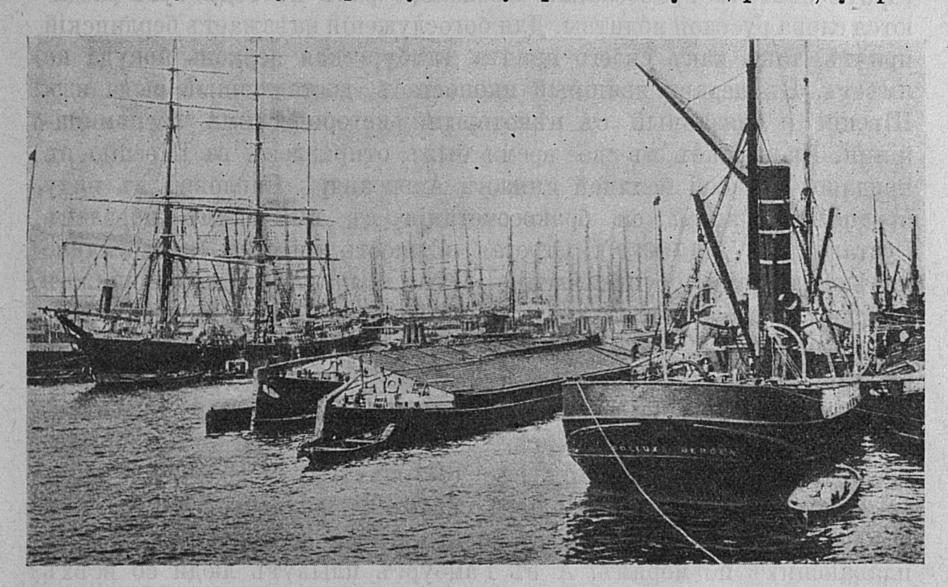
Въ Гамбургѣ, оказалось, есть свой русскій клубъ, онъ называется «Русское общество въ Гамбургѣ» и эмблемой своей имѣетъ русскій національный флагъ. Общество это существуетъ уже второй годъ, оно санкціонировано правительствомъ, цѣль общества, какъ гласятъ его статуты, «соединеніе живущихъ въ Гамбургѣ любителей русской литературы, музыки и конверсаціи». Собранія кружка бываютъ еженедѣльно по пятницамъ. Право на вступленіе въ члены имѣютъ всѣ лица, умѣющія говорить по-русски, русскій языкъ по желанію учредителей является господствующимъ въ клубѣ. Въ то время какъ народившійся въ Берлинѣ «Русскій семейный кружокъ» сдѣлался настоящимъ еврейскимъ гнѣздомъ,

гамбургское «Русское общество» является дѣйствительно русскимъ не по названію только. Въ кружкѣ, кромѣ русскихъ, есть и нѣмцы-руссофилы. Предсѣдателемъ кружка состоитъ гамбургскій коммерсантъ г. Биберштейнъ, уроженецъ гор. Кіева. Гамбургскій русскій клубъ недавно выбралъ своимъ почетнымъ членомъ русскаго берлинскаго протоіерея А. П. Мальцева.

X.

Русскій уголокъ въ Гамбургѣ.

— Когда вы будете въ Гамбургѣ,—говорилъ мнѣ передъ моимъ отъѣздомъ изъ Берлина протоіерей А. П. Мальцевъ, — посѣтите тамъ нашу сіонскую горницу—нашу православную церковь, устро-

Гавань въ Гамбургѣ.

енную братствомъ. Она находится въ одномъ изъ домовъ, принадлежащихъ братству, а у насъ тамъ уже два дома.

По пріѣздѣ въ Гамбургъ я повидался съ секретаремъ россійской миссіи, П. К. Минкевичемъ, однимъ изъ дѣятельныхъ помощниковъ А. П. Мальцева по устроенію русскаго дѣла въ Гамбургѣ. П. К. Минкевичъ живетъ въ домѣ братства (на Чешской улицѣ—Böhmersweg, 4) и управляетъ братскими домами.

На Böhmersweg ходятъ изъ города вагоны электрической конки. Ѣзды минутъ двадцать. Прибывъ на мѣсто, я полюбовался двумя стоящими рядомъ узкими, но довольно высокими братскими домами, они красовались за небольшими палисадниками съ вѣчно зелеными деревцами.

— Сначала мы владѣли однимъ домомъ, купленнымъ за 35.000 марокъ,—говорилъ мнѣ П. К. Минкевичъ,—потомъ купили и смежный. Вся покупка обошлась братству въ 63.000 марокъ. Дома приносятъ доходъ, квартиры въ нихъ заняты, и эти деньги служатъ подспорьемъ братству.

Съ П. К. Минкевичемъ мы поднялись въ верхній этажъ стараго дома и вошли въ маленькую, но привѣтливую и изящную русскую церковь. Когда-то гамбуржцы имѣли свои церкви въ Россіи—въ Новгородѣ и Ладогѣ, а теперь и мы добились устройства своего храма въ громадной столицѣ германскаго мореходства.

Русская церковь въ Гамбургѣ устроена въ 1900 г. Здѣсь на высотѣ четвертаго этажа, надъ моремъ гамбургской сутолоки, ярко горитъ свѣточъ православія. Нѣсколько разъ въ годъ тутъ раздаются слова русской молитвы. Для богослуженій наѣзжаетъ берлинскій причтъ, такъ какъ своего причта гамбургская церковь покуда не имѣетъ. Въ церкви изящный иконостасъ, доставленный сюда изъ Швеціи и связанный съ нѣкоторыми историческими воспоминаніями. Иконостасъ въ свое время былъ отправленъ въ Швецію въ приданое русской великой княжнѣ Александрѣ Павловнѣ въ виду предполагавшагося ея бракосочетанія съ шведскимъ королемъ Густавомъ IV (1796 г.). Строгая вѣрность княжны православію помѣшала тогда осуществленію этого брака, и великой княжнѣ суждено было стать затѣмъ супругой эрцъ-герцога Іосифа, палатина венгерскаго. Присланный ей иконостасъ находился при храмѣ русской миссіи въ Стокгольмѣ, и затѣмъ онъ оттуда перевезенъ и переданъ гамбургской церкви стараніями нынѣшняго русскаго министра-резидента въ Гамбургѣ, С. В. Арсеньева, до того занимавшаго дипломатическій постъ въ Стокгольмѣ.

Гамбургскій храмъ посвященъ святителю и чудотворцу Николаю, особенно почитаемому у насъ покровителю путешествующихъ и плавающихъ по морямъ. А въ Гамбургъ плывутъ люди со всѣхъ концовъ свѣта и русскіе представители изъ Америки.

«Я желалъ бы, — писалъ въ 1901 г. иниціаторъ и устроитель православнаго храма и русскаго дома въ Гамбургѣ, о. протоіерей Мальцевъ, преосвященнѣйшему Тихону, епископу алеутскому и американскому, — чтобы наши заокеанскіе друзья въ Америкѣ, наше православное духовенство, часто слѣдующее черезъ Гамбургъ къ мѣстамъ своего служенія и обратно, какъ при своемъ назначеніи въ Америку, такъ и при отпускахъ на родину, было поставлено въ извѣстность, что они могутъ найти себѣ пріютъ въ братскомъ домѣ въ Гамбургѣ, и въ воскресенье или въ праздникъ отслужить тамъ литургію или всенощную, оповѣстивъ о томъ русскую православную колонію Гамбурга».

Вотъ уже шесть лѣтъ, какъ созданъ этотъ привѣтливый и уютный русскій уголъ въ Гамбургѣ. Шесть лѣтъ, какъ крошечная

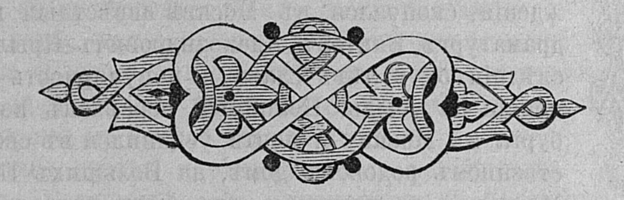
сіонская горница, церковь св. Николая Чудотворца, служитъ дѣлу православія въ этомъ громадномъ зарубежномъ городѣ, объединяя разсѣянныя среди сплошного нѣмецкаго населенія горсточки славянъ и русскихъ. При торжествѣ русской идеи въ созданіяхъ братства, въ Гамбургѣ теперь каждый чувствуетъ, что и русскому имени, безвѣстному въ другихъ зарубежныхъ краяхъ, здѣсь принадлежитъ не послѣднее мѣсто.

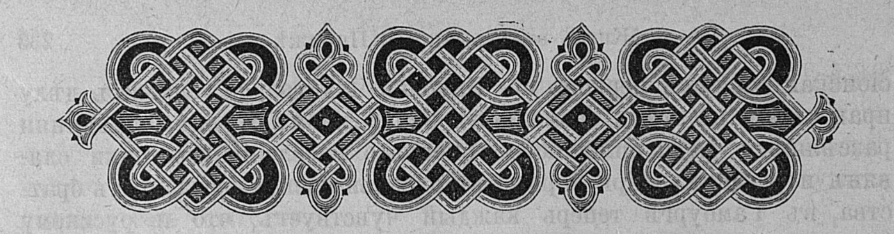
Благословенъ будь этотъ привѣтливый русскій уголъ, думалъ я, находясь въ маленькой гамбургской церкви, и да благословитъ Богъ ратоборцевъ труднаго русскаго дѣла на чужбинѣ!

Гамбургъ, связанный съ древней Россіей,—нынѣ почти чужой для насъ... Но мы, русскіе, слава Богу, здѣсь не чужіе...

Путникъ (Н. Н. Лендеръ)

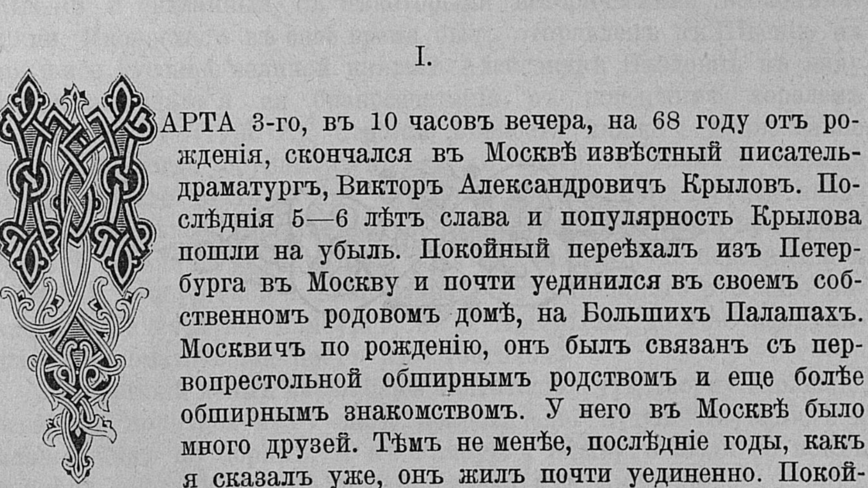
(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ О В. А. КРЫЛОВѢ.

I.

АРТА 3-го, въ 10 часовъ вечера, на 68 году отъ рожденія, скончался въ Москвѣ извѣстный писатель-драматургъ, Викторъ Александровичъ Крыловъ. Послѣднія 5—6 лѣтъ слава и популярность Крылова пошли на убыль. Покойный переѣхалъ изъ Петербурга въ Москву и почти уединился въ своемъ собственномъ родовомъ домѣ, на Большихъ Палашахъ. Москвичъ по рожденію, онъ былъ связанъ съ первопрестольной обширнымъ родствомъ и еще болѣе обширнымъ знакомствомъ. У него въ Москвѣ было много друзей. Тѣмъ не менѣе, послѣдніе годы, какъ я сказалъ уже, онъ жилъ почти уединенно. Покойный не могъ мириться съ тѣмъ, что пережилъ свою славу и былъ, какъ говорится, сданъ въ архивъ. Слѣдя за вновь народившимся репертуаромъ на русской сценѣ, за новыми вѣяніями и теченіями въ области драматическаго искусства, Крыловъ многимъ восторгался, но еще большимъ возмущался. Такъ, пьеса г. Найденова «Дѣти Ванюшина», которая шла въ театрѣ Корша, произвела на опытнаго драматурга большое впечатлѣніе. Онъ восхищался первымъ произведеніемъ начинающаго драматурга и рекомендовалъ всѣмъ смотрѣть эту пьесу.

— Найденовъ—несомнѣнный талантъ... Это оазисъ среди пустыни... говорилъ онъ.

Но если таковъ былъ его отзывъ о Найденовѣ, то покойному Чехову, а въ особенности Горькому, отъ него доставалось. Въ

Чеховѣ онъ не находилъ никакого драматическаго таланта, а о Горькомъ, какъ о драматическомъ писателѣ, говорилъ не иначе, какъ съ пѣной у рта.

— Помилуйте,—кипятился Крыловъ,—ни фабулы, ни дѣйствія... Одна только длинная и безконечная канитель сквернословія, пошлостей, безъ начала и конца, которая можетъ быть продолжена до безконечности...

Помню. Пришелъ я къ нему обѣдать. Крыловъ, услышавъ мой голосъ изъ передней, поспѣшилъ ко мнѣ навстрѣчу съ № «Новаго Времени» въ рукахъ. Давно не видѣлъ его такимъ сіяющимъ и торжествующимъ.

— Не именинникъ ли вы сегодня?—улыбнулся я, подавая ему руку.

— Да, пожалуй именинникъ,—въ свою очередь улыбнулся Крыловъ.—На-те, читайте...

И тутъ же, въ передней, онъ вручилъ мнѣ № «Новаго Времени» и, взявъ подъ руку, ввелъ въ кабинетъ, усадилъ за своимъ письменнымъ столомъ и торопливо проговорилъ:

— Читайте... читайте фельетонъ Буренина...

Я приступилъ къ чтенію фельетона и по временамъ изъ-за газетнаго листа наблюдалъ за Крыловымъ, который усѣлся противъ меня и въ свою очередь слѣдилъ за мной глазами, желая прочесть на моемъ лицѣ, какое производитъ на меня впечатлѣніе статья г. Буренина. Глаза Крылова сверкали, и онъ, то и дѣло, двигался на своемъ креслѣ. Онъ чувствовалъ потребность высказаться, но въ то же время не хотѣлъ мѣшать мнѣ.

Я дочиталъ статью и поднялъ глаза на Крылова.

— Ахъ, Буренинъ!.. Это—единственный человѣкъ, который говоритъ, какъ думаетъ... Вы знаете, онъ мнѣ попортилъ много крови... Всю жизнь онъ преслѣдовалъ меня... Но за этотъ фельетонъ я бы обнялъ его и расцѣловалъ... Это—единственный критикъ, который не боится высказывать правду, ни предъ кѣмъ не халуйствуетъ, не заискиваетъ у толпы, не гладитъ по шерсти, страха ради іудейска, пошляковъ и бездарностей... Да, какъ же иначе? Вѣдь онъ не только остроуменъ, но и уменъ, какъ бѣсъ... У него вкусъ настоящій, онъ художникъ въ душѣ и, какъ заправскій литературный критикъ по призванію, не можетъ мириться съ пошлостью, низменностью, невѣжествомъ, бездарностью и наглостью корифеевъ современной литературы и драматургіи... Халуи прессы, именно прессы, а не литераторы,—на-те, кушайте и давитесь...—Крыловъ ткнулъ пальцемъ въ газетный листъ.—Любуйтесь вашимъ героемъ... Хорошъ онъ, нечего сказать,.. Ахъ, Буренинъ! Милый Буренинъ, спасибо тебѣ, великое спасибо...

И долго, очень долго продолжалъ Крыловъ на одну и ту же тему: ругалъ безпощадно Горькаго и разсыпался въ похвалахъ

г. Буренину. Продолжалось это и во время обѣда, и послѣ обѣда, и весь вечеръ, вплоть до моего ухода. Крыловъ какъ будто помолодѣлъ и поздоровѣлъ, онъ былъ радостенъ и доволенъ.

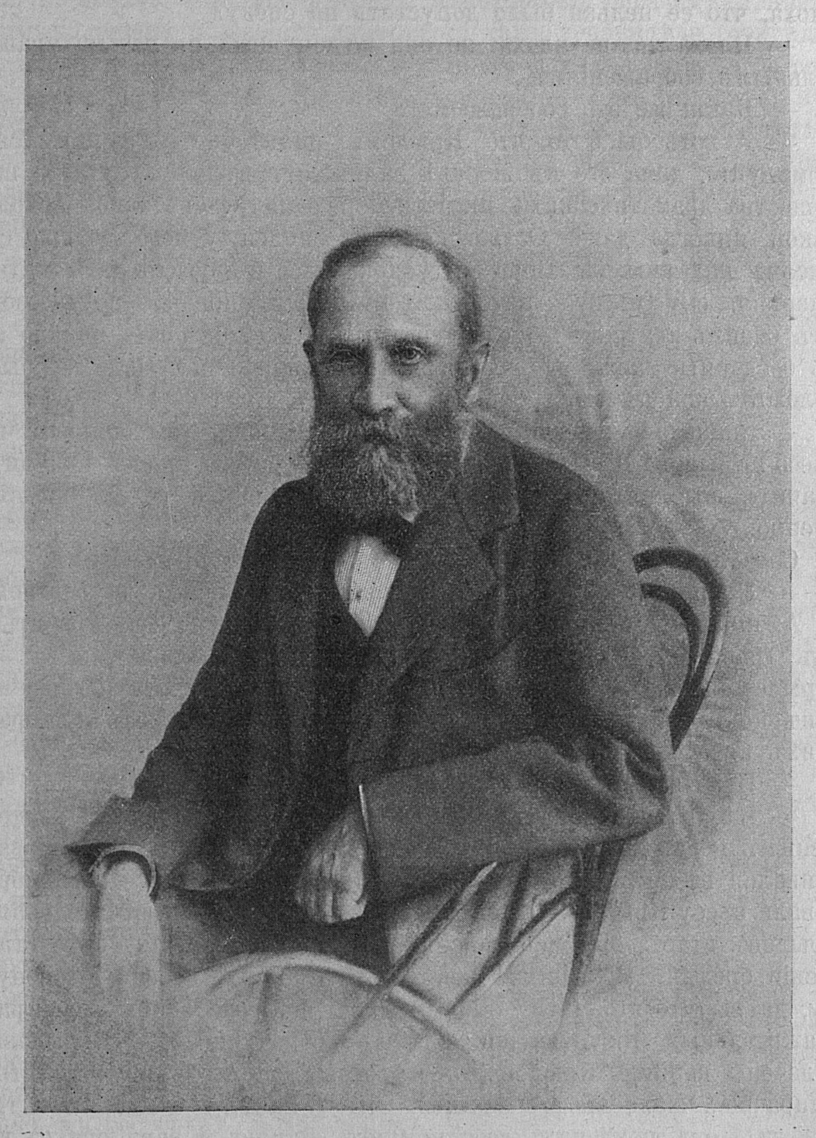
Признаюсь, сначала впечатлѣніе отъ этого вечера, проведеннаго у Крылова, было далеко не въ пользу В. А. Мнѣ казалось, что Крыловымъ руководила профессіональная зависть къ Горькому. Онъ не могъ простить пѣвцу босяковъ его сценическіе тріумфы, которыхъ самъ ужъ былъ лишенъ, а потому ругалъ его и былъ счастливъ, когда г. Буренинъ въ своемъ фельетонѣ такъ безпощадно отдѣлалъ ненавистнаго ему соперника-драматурга. Но я былъ не справедливъ къ Крылову. Онъ ненавидѣлъ и презиралъ Горькаго-драматурга не за то, что тотъ пользовался успѣхомъ, а за то, что видѣлъ въ немъ писателя, созданнаго модой и рекламой, драматическія произведенія котораго ничего общаго не имѣли съ настоящимъ искусствомъ, вторгавшимся на русскую сцену въ грязныхъ и вонючихъ опоркахъ и подъ видомъ искусства вносившимъ на сцену смрадъ, зловоніе и сквернословіе... Что такъ оно именно и было, свидѣтельствуетъ отношеніе Крылова къ другимъ драматургамъ-писателямъ, появившимся ему на смѣну. Ну, хоть бы къ тому же г. Найденову, о которомъ я ужъ упомянулъ. Когда послѣ «Дѣтей Ванюшина» въ томъ же театрѣ Корша была поставлена вторая пьеса молодого драматурга, Крыловъ былъ очень огорченъ, что его надежды не оправдались, что вторая пьеса г. Найденова оказалась слабой и провалилась.

— Неужели я ошибся въ Найденовѣ?—жаловался онъ мнѣ.—Неужели его хватило только на одну пьесу?.. Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно... Въ этой его слабой пьесѣ все-таки имѣются нѣсколько сценъ весьма талантливыхъ... Онъ еще молодъ, онъ еще выпишется и дастъ крупныя произведенія... Онъ поторопился съ своимъ вторымъ произведеніемъ, не отдѣлалъ его, не обработалъ, какъ слѣдуетъ... Ахъ, и время же какое подлое; все дѣлается второпяхъ, на спѣхъ, лишь бы поскорѣе поставить...

Большимъ нравственнымъ ударомъ для Крылова былъ состоявшійся приговоръ театрально-литературнаго комитета, по которому послѣдняя комедія его «Горячее сердце» (не ручаюсь за точность заглавія) не была допущена на императорскую сцену. Комедія эта отличается блестящимъ діалогомъ, которымъ такъ мастерски владѣлъ покойный драматургъ. Крыловъ былъ увѣренъ, что постановкой этой комедіи онъ воскреситъ свою былую славу... Надежда его не осуществилась: пьесу не допустили на сцену...

Обиднѣе всего было Крылову, что каждый изъ гг. членовъ театрально-литературнаго комитета разсыпался передъ нимъ въ похвалахъ за эту комедію, что̀ не помѣшало имъ, однако, коллегіально наложить на нее свое veto. Изъ петербургскаго комитета пьеса была перенесена на разсмотрѣніе въ московскій, и тамъ ее постигла та же участь: ее забраковалъ и московскій комитетъ.

— Судьи-то, судьи кто?—волновался Крыловъ.—Это они устроили противъ меня заговоръ... А вѣдь нѣкоторымъ изъ нихъ я оказывалъ услуги, дѣлалъ добро (онъ назвалъ этихъ лицъ и под-

Викторъ Александровичъ Крыловъ.

крѣпилъ свои слова документами)... А вотъ теперь они унизили меня, осрамили на старости лѣтъ...

Жалко было смотрѣть на Крылова въ эти моменты. Онъ, дѣйствительно, былъ задѣтъ за живое и глубоко страдалъ отъ нанесенной ему обиды; страдалъ, какъ человѣкъ и какъ писатель...

Встрѣтившись съ однимъ литераторомъ, близко стоявшимъ тогда къ членамъ театрально-литературнаго комитета, я разсказалъ ему о мученіяхъ Крылова и спросилъ его: неужели пьеса В. А. такъ плоха, что ее нельзя было допустить на сцену?

— Плоха ли, не плоха, но она не допущена по весьма уважительнымъ сображеніямъ...

— Какія же это соображенія?..

— А хоть бы и то, что Крыловъ достаточно уже нажился... Помилуйте, дома его въ Москвѣ занимаютъ цѣлый кварталъ, изъ общества драматическихъ писателей онъ получаетъ такой доходъ, какой никогда даже Островскому не снился, у него больше ста тысячъ наличныхъ!.. Пора ему успокоиться и другимъ дать жить... Разрѣши ему пьесу — авторское вознагражденіе за полъ-сезона изъ обоихъ театровъ — петербургскаго и московскаго — попало бы въ бездонные карманы Виктора Александровича... Надо же было положить конецъ его жадности...

— Значитъ,—перебилъ я моего собесѣдника,—вы боялись, что пьеса Крылова будетъ имѣть большой успѣхъ, и онъ получитъ значительные авторскіе, а потому и не одобрили ее къ представленію.

Собесѣдникъ мой вспыхнулъ и раздраженно проговорилъ:

— Не понимаю, какая вамъ охота заступаться за Крылова. В. А. никогда никому не дѣлалъ добра; кого можно было грабить—онъ грабилъ... Кого-кого только онъ не «окрылилъ», и за это окрыленіе клалъ себѣ куши въ карманъ... Онъ былъ безцеремоненъ не только съ драмодѣлами, но не стѣснялся обирать и заправскихъ писателей... Мёрдеръ, Величко...

— И за это вы его наказали и отвергли его пьесу?...

— Кто вамъ говоритъ, что за это?—съ еще большимъ раздраженіемъ перебилъ меня собесѣдникъ. Было очевидно, что онъ раскаивался въ томъ, что выболтнулъ мнѣ свой секретъ.—Мы забраковали пьесу Крылова потому, что она пустая, безсодержательная... Крыловъ старъ, онъ исписался... Его новая комедія — это старческій бредъ... Нельзя же запрудить хламомъ казенную сцену... Ну, да вы что это, С. К.?—перемѣнилъ мой собесѣдникъ свой раздражительный тонъ на искусственно-добродушный. — Вы словно увлечены вашимъ Крыловымъ и готовы за него копья ломать... Напрасно... Мало вы его знаете... Онъ у насъ, у всѣхъ, вотъ гдѣ сидѣлъ,—онъ похлопалъ себя по шеѣ.—Думаю, и вамъ онъ въ копеечку обошелся... Небось, «Контрабандисты» вы-то написали, а г. Крыловъ получалъ авторскіе наравнѣ съ вами...

— Какое вамъ дѣло до моихъ расчетовъ съ Крыловымъ? — грубо оборвалъ я моего собесѣдника.

II.

Вышеприведенный разговоръ я потому привелъ въ подробности, что, по-моему, онъ раскрываетъ нѣкоторымъ образомъ главный мотивъ, почему покойнаго драматурга такъ ненавидѣли товарищи-писатели и почему такъ преслѣдовали его и издѣвались надъ нимъ въ печати и обществѣ. Крылову завидовали за его относительную обезпеченность. Ему не прощали его аккуратность, его скопидомство, его уравновѣшенность, — качества, чуждыя нашему брату, писателю,— что̀ дало ему возможность на старости лѣтъ быть обезпеченнымъ и сохранить независимость.

Но былъ ли дѣйствительно Крыловъ жаденъ и посягалъ ли на чужую копейку?

Ничего подобнаго. Крыловъ былъ экономенъ—да; онъ не расточалъ зря трудомъ добытую копейку; не любилъ роскошествовать и транжирить, но никогда не былъ скупъ и никогда не желалъ чужого. Человѣкъ труда и умѣренныхъ потребностей, онъ всегда осуждалъ товарищей, не умѣвшихъ соразмѣрить свои расходы съ доходами и расточавшихъ трудомъ добытое на излишества и роскошь. Крыловъ ничего не пилъ и даже не курилъ, о кутежѣ даже въ молодые свои годы онъ не имѣлъ понятія. Онъ дорожилъ своимъ временемъ, которое было у него строго соразмѣрено, а потому безъ особаго напряженія могъ дать такое большое количество творческой работы. Его изумительная плодовитость не была слѣдствіемъ жадности къ заработку, а была слѣдствіемъ душевной потребности труда, работы, которая доставляла ему удовольствіе. Въ тѣ дни, когда работа ему особенно удавалась, онъ чувствовалъ самое высшее наслажденіе и былъ счастливъ. Крыловъ устроилъ свою жизнь разумно и пользовался ея благами умѣренно: послѣ умѣренной работы онъ давалъ себѣ умѣренный отдыхъ. На разумныя развлеченія онъ никогда не скупился. Онъ любилъ разъѣзжать и по Россіи, и за границей, и каждое лѣто предпринималъ путешествія, болѣе или менѣе дорого сто̀ящія. Тутъ онъ никогда не скупился на удобства: по желѣзной дорогѣ ѣздилъ всегда въ первомъ классѣ и останавливался въ первоклассныхъ гостиницахъ и отеляхъ. Дома у себя онъ былъ хлѣбосоленъ и, какъ истый москвичъ, любилъ, чтобъ за его обѣденнымъ столомъ бывали гости. Врядъ ли онъ когда либо кого либо угощалъ обѣдомъ или ужиномъ въ ресторанѣ, и это потому, что самъ не любилъ ресторанныхъ обѣдовъ и ужиновъ, предпочитая свой домашній столъ, который гарантировалъ его отъ всякихъ желудочныхъ заболѣваній, къ которымъ организмъ его былъ склоненъ. Онъ всегда, насколько это было возможно, избѣгалъ всякіе обѣды по подпискѣ по случаю ли литературныхъ юбилеевъ или другихъ общественныхъ и литературныхъ событій. Многіе приписывали это его скупости, на

самомъ же дѣлѣ онъ просто боялся ресторанной кухни. Въ прошломъ году, когда Вас. Ив. Немировичъ-Данченко возвратился съ театра военныхъ дѣйствій, и его въ Москвѣ чествовали обѣдомъ въ ресторанѣ «Эрмитажъ», Крыловъ долго не рѣшался записаться на этотъ обѣдъ.

— Положительно не знаю, какъ быть,—жаловался онъ мнѣ.— Что они находятъ въ этомъ скверномъ ресторанномъ обѣдѣ, въ этомъ противномъ шампанскомъ?!.. И еще въ такое время, когда на Дальнемъ Востокѣ проливается кровь и люди гибнутъ и отъ голода и отъ холода... Я бы понялъ, если бъ въ честь Вас. Ив. устроили по подпискѣ его имени три-четыре кровати для раненныхъ въ какомъ нибудь лазаретѣ, или стипендію въ пользу сироты, а то соберутся жрать и пить... Это значитъ: плати деньги и порти себѣ желудокъ въ честь Вас. Ив....

— Если вы такъ противъ подобныхъ обѣдовъ, то и не участвуйте въ немъ...

— Это легче сказать, чѣмъ сдѣлать... Во-первыхъ, я Вас. Ив. очень люблю и цѣню, чествованія онъ вполнѣ заслуживаетъ, и разъ его чествуютъ обѣдомъ, я долженъ участвовать въ этомъ обѣдѣ. Во-вторыхъ, если откажусь отъ участія, то скажутъ, что я пожалѣлъ десяти рублей... Вѣдь о моей жадности цѣлыя легенды ходятъ?.. Съ какимъ удовольствіемъ,—заключилъ онъ,—я пожертвовалъ бы 25—50 рублей на просвѣтительное учрежденіе имени Вас. Ив., а эти десять рублей на обѣдъ мнѣ дѣйствительно жалко...

— Вы бы предложили, чтобъ вмѣсто обѣда чествовали Вас. Ив. иначе..

— Пробовалъ, да ничего не вышло... Вѣдь всѣмъ устроителямъ хочется за свои деньги и пожрать и попить, а главное произносить рѣчи и о себѣ заявить...

— А вы рѣчь произносить не будете?..

— Рѣчь?.. Нѣтъ, рѣчи произносить не буду... Стихотвореніе напишу и прочту...

— Вотъ, значитъ, за свои десять рублей и о себѣ заявите...

Крыловъ засмѣялся.

Очень обидно, что Крылову молва создала репутацію Плюшкина; еще обиднѣе то, что создателями этой молвы были люди, меньше всего имѣвшіе право жаловаться на скупость Крылова. Въ архивѣ покойнаго драматурга имѣются десятки документовъ, въ видѣ письменныхъ благодарностей за оказанныя матеріальныя услуги (иногда довольно значительныя) отъ литераторовъ и артистовъ. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ я читалъ, и, если никого изъ облагодѣтельствованныхъ Крыловымъ не называю, то, во-первыхъ, чтобы гусей не раздразнить, а, во-вторыхъ, самъ покойный драматургъ никогда не разсказывалъ о своихъ обидчикахъ, которые платили ему за добро клеветой и инсинуаціями и распространяли

о немъ всякія небылицы. Вѣроятно, и я бы объ этомъ ничего не зналъ, если бъ въ послѣднее время, когда Крыловъ ослѣпъ на одинъ глазъ и боялся потерять и другой глазъ, онъ, желая привести въ порядокъ свой архивъ, не былъ вынужденъ прибѣгнуть къ сторонней помощи. Отчасти въ этой работѣ помогъ ему и я.

И вотъ, разбирая многолѣтнюю переписку Крылова (преимущественно, если не исключительно литературную), я впервые натолкнулся на документы, которые съ несомнѣнной очевидностью доказываютъ, какъ былъ оклеветанъ и оболганъ покойный драматургъ людьми, пользовавшимися его услугами нравственными и матеріальными. Въ особенности былъ я возмущенъ, когда прочелъ письмо одного весьма виднаго литератора, который разсыпался предъ Крыловымъ въ благодарностяхъ и между прочимъ написалъ ему:

...«Вы мой спаситель. Безъ вашей дружеской помощи я бы погибъ. Если бъ знали, изъ какого омута вытащили меня. Умирать буду—не забуду вашей дружеской услуги, на которую не смѣлъ надѣяться послѣ того, какъ мнѣ отказали въ помощи... (переименованы нѣсколько лицъ), а вѣдь это все друзья и закадыки... Къ скрягѣ Крылову я обратился съ отчаянія... Не ожидалъ я, что мой посланный возвратится съ требуемой суммой. Глазамъ своимъ не вѣрилъ, когда нашелъ въ конвертѣ 250 рублей. Спасибо вамъ тысячу разъ...».

Литераторъ не вѣрилъ своимъ глазамъ, когда нашелъ въ конвертѣ 250 рублей, которые послалъ ему Крыловъ (замѣчу: деньги эти не были Крылову возвращены), а я не вѣрилъ моимъ глазамъ, что держу въ рукахъ письмо этого литератора къ Крылову.

— Неужели это письмо отъ N?..—обратился я къ В. А.:—онъ вамъ это написалъ?..

— Ну, да. Чему вы такъ удивляетесь?

— Помилуйте... Сколько гадостей онъ вамъ дѣлаетъ, а вы молчите... Напомнили бы ему, что онъ вамъ обязанъ?..

— Чѣмъ же я ему могу напомнить?

— А хоть бы письмо это напечатали... По нынѣшнему времени найти газету, чтобъ учинить скандалъ, легко... Хотите, я вамъ это устрою?..

— Нѣтъ,—Крыловъ махнулъ рукой.—Не надо... Богъ съ нимъ!.. И развѣ онъ одинъ такъ со мною поступаетъ? Есть и другіе... Всѣмъ имъ сдѣлать скандалы, самъ еще такъ же оскандалишься... Пусть ихъ...

Въ архивѣ Крылова, какъ сказано, имѣется много писемъ отъ лицъ, которымъ В. А. помогалъ, и которыя потомъ чернили покойнаго драматурга.

Крыловъ, конечно, особой мягкостью не отличался; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онъ отличался черствостью и скупостью,

Онъ былъ расчетливъ, да; но не настолько, чтобы равнодушно пройти мимо истинной нужды. Для истинно нуждающихся его кошелекъ всегда былъ открытъ, и приходилъ онъ людямъ на помощь деликатно, щадя ихъ самолюбіе, не задѣвая его, и при этомъ избѣгалъ благодарности.

Такимъ образомъ, сложившаяся легенда о феноменальной скупости и скаредности Крылова, обязана своимъ происхожденіемъ зависти товарищей его по драматургіи, которые не могли простить ему его достатокъ, его обезпеченное матеріальное положеніе.

III.

Имѣются два факта въ жизни Крылова, которые, повидимому, рисуютъ покойнаго драматурга съ несимпатичной стороны и какъ бы оправдываютъ сложившееся о немъ мнѣніе, какъ о скупцѣ и какъ о посягателѣ на чужую копейку. Это—его столкновенія съ покойными Величко и Н. И. Мердеръ.

О столкновеніи Крылова съ Величко, къ сожалѣнію, не могу говорить подробно, такъ какъ о немъ я знаю только по разсказамъ Крылова, и у меня объ этомъ дѣлѣ имѣются такимъ образомъ показанія лишь отъ одной изъ заинтересованныхъ сторонъ. Тѣмъ не менѣе, для меня не подлежитъ сомнѣнію, что Крыловъ имѣлъ право считать комедію «Первая муха» своей наравнѣ съ Величко. Я видѣлъ эту комедію въ исполненіи Крыловской переработки и въ первоначальномъ ея видѣ, гдѣ авторомъ ея является единолично покойный поэтъ. Въ первомъ видѣ она смотрѣлась съ возрастающимъ интересомъ, вызывала бурные аплодисменты и имѣла большой успѣхъ; во второмъ ея видѣ она оказалась растянутой, скучной, тягучей и провалилась.

Другое дѣло—столкновеніе Крылова съ Н. И. Мердеръ. Объ этомъ столкновеніи мнѣ извѣстны подробности отъ обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ, и узналъ я эти подробности, нѣсколько лѣтъ спустя, когда страсти улеглись, и спорившіе не только успокоились, но и помирились.

Даровитая писательница съ свойственнымъ ей добродушіемъ и присущимъ ей тонкимъ юморомъ разсказывала мнѣ о своемъ судбищѣ съ Крыловымъ. Распря между ними первоначально возникла исключительно на этической почвѣ. Маститая писательница не могла примириться съ тѣмъ, чтобы у рожденнаго ею муками творчества дѣтища на первомъ планѣ значился заправскимъ родителемъ приглашенный только къ облегченію мукъ роженицы выдающійся акушеръ. Она сознавала, что заплатить ему слѣдуетъ щедро, но не могла назвать его въ награду за его труды главнымъ творцомъ ея произведенія. Крыловъ же былъ увѣренъ, что безъ его участія дѣтище Н. И. Мердеръ, какъ сценическое произведеніе, не

имѣло никакой цѣны, и только онъ своей работой сдѣлалъ это произведеніе сценичнымъ. Отсюда и конфликтъ между ними. Н. И. Мёрдеръ была оскорблена въ своемъ писательскомъ достоинствѣ и, какъ женщина, рѣзко протестовала противъ притязаній Крылова, написавъ ему письмо въ оскорбительномъ, какъ показалось Крылову, тонѣ. Онъ съ своей стороны отвѣтилъ тоже рѣзкостью. Дальше—больше. Крыловъ выдвинулъ вопросъ о вознагражденіи и сталъ доказывать, что механической работы въ написаніи «Генеральши Матрены» на его долю выпало больше, а потому и фамилія его должна стоять на афишѣ первой, и процентное вознагражденіе за представленіе пьесы на сценѣ ему принадлежитъ большее, чѣмъ Н. И. Мердеръ. Старая писательница, конечно, была возмущена. Друзья-пріятели вмѣсто того, чтобы успокоить воюющія стороны, еще больше подливали масла въ огонь. Разыгрался скандалъ. Былъ назначенъ для разбора дѣла третейскій судъ. Крыловъ, наконецъ, одумался и сталъ уступать. Инцидентъ въ сущности былъ исчерпанъ, когда Крыловъ на всѣ требованія Н. И. Мердеръ далъ свое согласіе до постановленія приговора суда, и вмѣсто постановленія приговора судъ составилъ протоколъ о мировомъ соглашеніи.

Дѣло это, повторяю, не оставило никакихъ слѣдовъ горечи въ душахъ тягавшихся. Старая писательница помирилась съ Крыловымъ. Когда она переѣхала на жительство въ Варшаву, а Крыловъ въ Москву, Н. И. Мердеръ съ нимъ переписывалась, давала ему мелкія необременительныя порученія, которыя Крыловъ всегда охотно исполнялъ. Она всегда передавала ему свой голосъ на общихъ собраніяхъ общества русскихъ драматическихъ писателей; если же у Крылова голосовъ было много, и по уставу общества самъ онъ не могъ пользоваться голосомъ Н. И. Мердеръ, то писательница по указанію Крылова передавала свой голосъ лицу, ей лично неизвѣстному.

Въ началѣ зимы 1904 г. Крыловъ заболѣлъ, Н. И. Мердеръ жила уже тогда въ Москвѣ. Захожу я къ ней однажды, и она встрѣчаетъ меня вопросомъ:

— Что съ Викторомъ Александровичемъ, онъ очень боленъ?..

— Да, онъ чувствуетъ себя неважно...

— Бѣдный, вѣдь онъ совершенно одинокъ... Скажите, кто за нимъ ухаживаетъ?.. О его болѣзни мнѣ сообщилъ С. Н. Шубинскій и совѣтуетъ мнѣ навѣстить его... Что жъ, я не прочь... Передайте Крылову, что собираюсь къ нему заѣхать, и спросите, когда могу побывать у него...

— Да, когда угодно,— отвѣтилъ я.— Онъ всегда радъ будетъ видѣть васъ...

— Вы думаете?..

— Я увѣренъ въ этомъ... Кромѣ хорошаго, ничего отъ него о васъ не слыхалъ, а въ своемъ уединеніи онъ радъ всякому, кто о немъ вспомнитъ.

— Въ такомъ случаѣ на этихъ же дняхъ къ нему заѣду.

— И хорошо сдѣлаете, доставите удовольствіе больному.

Я передалъ Крылову о желаніи Н. И. заѣхать къ нему, и онъ этому очень обрадовался. Но свиданіе ихъ не состоялось: Н. И. Мердеръ сама прихворнула, и, когда оправилась отъ болѣзни, Крыловъ, раньше ея выздоровѣвшій, уѣхалъ на нѣсколько мѣсяцевъ изъ Москвы.

Но если Н. И. Мердеръ и покойный Крыловъ сочли нужнымъ забыть случившееся между ними недоразумѣніе и вычеркнуть его изъ своей памяти, то не забыла объ этомъ злоба людей, къ этому недоразумѣнію совершенно непричастныхъ...

IV.

Перехожу къ личнымъ моимъ отношеніямъ съ В. А. Крыловымъ и разскажу вкратцѣ исторію моей совмѣстной работы съ нимъ по написанію «Контрабандистовъ».

Главнымъ виновникомъ появленія этой драмы несомнѣнно слѣдуетъ считать С. Н. Шубинскаго: онъ познакомилъ меня съ Крыловымъ, онъ уговорилъ меня писать вмѣстѣ съ нимъ пьесу, и онъ же настоялъ, чтобъ я выставилъ свой псевдонимъ (С. Литвинъ) рядомъ съ Крыловымъ на пьесѣ, когда послѣдняя была написана, и я отказывался отъ пьесы и не хотѣлъ выступать ни ея соавторомъ, ни пользоваться доходами отъ пьесы, по соображеніямъ исключительно литературнаго свойства, о которыхъ подробно разскажу ниже.

Познакомилъ меня С. Н. Шубинскій съ Крыловымъ въ 1896 г. Это было недѣли за двѣ до масленицы. Прихожу я къ С. Н., по обыкновенію, утромъ, въ часы его пріема. С. Н. встрѣтилъ меня словами:

— Хорошо, что пришли; я вѣдь собирался написать вамъ и просить зайти ко мнѣ въ субботу... Тутъ одно дѣло для васъ интересное...

— Какое дѣло?—заинтересовался я.

— Былъ у меня вчера В. А. Крыловъ; онъ очень заинтересовался вашими разсказами и просилъ меня непремѣнно познакомить его съ вами.

— Зачѣмъ я ему такъ понадобился?

— Онъ прямо сказалъ мнѣ, что хочетъ написать вмѣстѣ съ вами пьесу изъ еврейской жизни... Кажется, его очень привлекаетъ сюжетъ вашей повѣсти «Среди евреевъ»... Онъ очень расхвали-

валъ повѣсть и восхищался ея сюжетомъ... Вѣроятно, ее-то онъ и хочетъ передѣлать въ драму...

— Такъ пусть и передѣлаетъ, я-то тутъ при чемъ?

— Онъ передѣлаетъ ее вмѣстѣ съ вами.

— Со мною вмѣстѣ?.. Но я никогда не работалъ вдвоемъ и не понимаю, какъ можно вдвоемъ работать...

— Ну, этого и я не знаю,—улыбнулся С. Н.,—Крыловъ вамъ это объяснитъ...

— Да стоитъ ли съ нимъ связываться? Молва о немъ идетъ такая нехорошая.

— Во-первыхъ,—отвѣтилъ мнѣ С. Н.,—молва о Крыловѣ, если и не хороша, то онъ въ этомъ гораздо меньше виноватъ, чѣмъ думаютъ мало знающіе его люди... Онъ — мой старинный пріятель и даже другъ... Я знаю его хорошо и считаю его человѣкомъ весьма порядочнымъ... Во-вторыхъ, сойдетесь ли вы съ нимъ и напишете ли вмѣстѣ съ нимъ пьесу, въ это я не вхожу, но я далъ ему слово познакомить его съ вами,—онъ очень настаивалъ,—и я прошу васъ, приходите въ субботу.

Избѣгать знакомства съ Крыловымъ у меня причинъ не было, и я далъ слово С. Н. быть у него въ субботу.

Моя первая встрѣча съ Крыловымъ запечатлѣлась въ моей памяти. Когда я пришелъ въ субботу къ С. Н., я уже засталъ В. А. у него въ кабинетѣ. С. Н. насъ познакомилъ. Крыловъ прямо заявилъ мнѣ, что онъ чрезвычайно заинтересовался моими разсказами изъ еврейской жизни и желалъ бы написать вмѣстѣ со мною пьесу изъ жизни евреевъ, что такая пьеса непремѣнно заинтересуетъ публику и будетъ имѣть громадный успѣхъ. Затѣмъ онъ сталъ разбирать нѣкоторые мои разсказы, о которыхъ отзывался съ преувеличенными похвалами, чѣмъ приводилъ меня въ немалое смущеніе, и заявилъ, что въ каждомъ изъ нихъ имѣется достаточно матеріала для драмы. Крыловъ говорилъ долго, останавливался на подробностяхъ въ моихъ разсказахъ, разбиралъ ихъ съ точки зрѣнія сценическихъ эффектовъ и кончилъ тѣмъ, что въ сотрудничествѣ со мною ему удастся написать пьесу, которая произведетъ фуроръ новизной фабулы и быта, никѣмъ еще для сцены на затронутаго.

— Развѣ нѣтъ пьесъ изъ еврейской жизни?—перебилъ я его.— Существуютъ «Уріель-Акоста», «Натанъ Мудрый»,—вы же его переводили,—«Не тотъ жидъ, кто еврей...», «Менахемъ бенъ-Израель», есть и другія...

— Все это не то... Настоящихъ еврейскихъ пьесъ изъ современной жизни нѣтъ ни одной, и первый, кто таковую напишетъ, будетъ имѣть большой успѣхъ...

Отъ С. Н. мы вышли вмѣстѣ, и по дорогѣ онъ продолжалъ уговаривать меня написать съ нимъ вмѣстѣ пьесу изъ еврейской

жизни. Окончательнаго обѣщанія я ему на этотъ разъ все-таки не далъ и сказалъ, что необходимо подумать. Крыловъ, очевидно, былъ недоволенъ моей уклончивостью, и на этомъ мы разстались.

Прошли двѣ недѣли. Кончилась масленица, а съ ней и зимній театральный сезонъ. Во вторникъ, на первой недѣлѣ Великаго поста, въ 9 часовъ утра, ко мнѣ пришелъ В. А.

— Ну, что? Рѣшились, наконецъ?—задалъ онъ мнѣ вопросъ.

— Нѣтъ, не рѣшилъ.

— Отчего?

— Очень просто, никогда не работалъ вдвоемъ и не понимаю, какъ можно вдвоемъ работать.

— Ну, это пустяки. Вы только согласитесь и увидите, какъ это удобно и просто.

И Крыловъ нарисовалъ мнѣ картину нашей будущей совмѣстной работы. Но, какъ ни былъ Крыловъ убѣдителенъ и краснорѣчивъ, онъ и на этотъ разъ моего согласія на совмѣстную съ нимъ работу отъ меня не добился, и я обѣщалъ ему дать окончательный отвѣтъ чрезъ три-четыре дня.

Мнѣ совмѣстная работа съ кѣмъ бы то ни было рѣшительно не улыбалась, и въ данномъ случаѣ я не зналъ, какъ мнѣ поступить. Остановился, наконецъ, на томъ, что посовѣтуюсь съ С. Н. Шубинскимъ и, какъ онъ посовѣтуетъ, такъ и поступлю. Сказано—сдѣлано: въ тотъ же день зашелъ я къ С. Н. и изложилъ ему мои сомнѣнія о возможности совмѣстной работы.

— Признаюсь вамъ,—сказалъ на это С. Н.,—и я тоже не вполнѣ понимаю, какъ можно вдвоемъ творить, а все-таки мое мнѣніе: вамъ не слѣдуетъ отказываться... Попробуйте... Если увидите, что работа не клеится, и что она вамъ не по душѣ приходится, можете въ любой моментъ отстать отъ нея, отказаться... Вѣдь не контрактомъ съ неустойкой вы будете связаны съ Крыловымъ.

— Такъ вы, значитъ, благословляете?..

— Благословляю попробовать,—улыбнулся С. Н.

Итакъ, я рѣшился на совмѣстную работу съ В. А. Крыловымъ по написанію пьесы изъ еврейской жизни по благословенію С. Н. Шубинскаго.

Когда Крыловъ узналъ о моемъ согласіи, онъ былъ очень обрадованъ и не скрылъ этого отъ меня.

— Я убѣжденъ, — сказалъ онъ мнѣ, — что напишемъ крупное произведеніе, которое будетъ имѣть громадный успѣхъ... Но мы сдѣлаемъ это не торопясь... Мнѣ необходимо предварительно поработать и много поработать раньше, чѣмъ приступить къ писанію пьесы... Чрезъ два мѣсяца уѣзжаю за границу, пробуду тамъ все лѣто... Соберу всякіе матеріалы, тамъ ихъ проштудирую, а на обратномъ пути остановлюсь на нѣкоторое время въ Варшавѣ, въ Вильнѣ, въ Двинскѣ, поживу тамъ и постараюсь изучить героевъ нашего

будущаго произведенія въ натурѣ... Пока же намъ необходимо почаще видѣться и бесѣдовать о нашей будущей драмѣ...

Съ тѣхъ поръ я сталъ часто видѣться съ Крыловымъ: не меньше двухъ-трехъ разъ въ недѣлю онъ заходилъ ко мнѣ по утрамъ, и столько же разъ въ недѣлю я у него обѣдалъ. Мы съ нимъ сошлись весьма быстро, и я былъ весьма доволенъ моими бесѣдами съ нимъ и сталъ надѣяться, что работать съ нимъ будетъ для меня и легко и полезно.

Въ началѣ мая Крыловъ уѣхалъ за границу, захвативъ съ собой нѣсколько десятковъ томовъ матеріала по исторіи и быту евреевъ на нѣмецкомъ, французскомъ и русскомъ языкахъ.

V.

Возвратился Крыловъ изъ-за границы къ началу театральнаго сезона, послѣдняго его управленія драматической труппой императорскихъ театровъ. До ноября мѣсяца онъ былъ занятъ по службѣ, и мы съ нимъ видались рѣдко. Съ ноября же занятія его по театру уменьшились, онъ сталъ часто бывать у меня, а я у него опять сталъ обѣдать по три, но четыре раза въ недѣлю. Начались разговоры о томъ, что пора приступить къ написанію пьесы. Крыловъ за это время успѣлъ достаточно ознакомиться съ бытомъ евреевъ и по книгамъ и на опытѣ: перечиталъ онъ массу и по еврейской исторіи (чуть ли не всего Греца) и по еврейскому законодательству, а что касается беллетристики изъ еврейской жизни, то, кромѣ выдающихся авторовъ изъ евреевъ, какъ Рабиновичъ, Леванда, Багровъ, онъ перечиталъ много хламу. Кромѣ того, проживая въ Вильнѣ, Варшавѣ и еще въ какихъ-то городахъ Сѣверо-Западнаго края, онъ на мѣстѣ изучалъ еврейскій бытъ. Словомъ, къ нашей общей работѣ онъ подготовился въ высшей степени добросовѣстно и по временамъ положительно удивлялъ меня и своимъ знаніемъ и пониманіемъ еврейской жизни.

Однажды утромъ получаю отъ него записку:

«Приходите непремѣнно сегодня обѣдать. Сдѣлайте такъ, чтобы могли остаться у меня на весь вечеръ? Пора приступить къ работѣ. Думаю, что мы совершенно уже къ этому подготовлены».

Когда послѣ обѣда мы перешли съ Крыловымъ изъ столовой въ его кабинетъ, онъ усѣлся у письменнаго стола, меня усадилъ рядомъ въ мягкихъ креслахъ и произнесъ:

— Помните, на-дняхъ вы разсказали мнѣ случай съ контрабандой,—случай весьма интересный. Я вдумался въ него и пришелъ къ заключенію, что лучшей основы для фабулы пьесы трудно найти. И для евреевъ это будетъ не обидно: контрабандисты хотя и мошенники, но они же и герои... Общество къ контрабандистамъ относится съ симпатіей и смотритъ на нихъ, не какъ

на простыхъ жуликовъ, а какъ на жуликовъ-рыцарей, какъ на людей, занимающихся опаснымъ спортомъ...

Съ этимъ я согласился, и Крыловъ заставилъ меня вторично разсказать случай съ контрабандой, при чемъ я долженъ былъ ему изобразить въ лицахъ нѣкоторыя детали моего разсказа и охарактеризовать дѣйствующія лица моего разсказа въ томъ видѣ, какъ они мнѣ рисовались, также долженъ былъ передать ему, какое, по моему мнѣнію, общественное положеніе должно занимать то или другое лицо въ моемъ разсказѣ. Поинтересовался онъ также знать о наружности будущихъ героевъ драмы и многомъ другомъ... Такъ продолжался мой разсказъ, постоянно прерываемый Крыловымъ, останавливавшимъ меня на подробностяхъ и требовавшимъ разъясненій и дополненій. Наконецъ, я благополучно дошелъ до заключенія разсказа.

— Прекрасно,—произнесъ Крыловъ.—Теперь можно составить подробный сценарій,—онъ взялъ въ руки перо и продолжалъ:— Прекрасная фабула. Мы разобьемъ ее на четыре дѣйствія и 5 картинъ. Первое дѣйствіе—въ корчмѣ, второе—у коммерсанта... И такъ далѣе дошелъ онъ до послѣдней картины и тутъ же написалъ на большемъ листѣ писчей бумаги: «Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ и 5-ти картинахъ».

Но тутъ же онъ отложилъ въ сторону первый листъ, взялъ другой и на немъ написалъ: «Дѣйствіе первое, явленіе 1-е». Затѣмъ онъ подробно обозначилъ, сколько человѣкъ должны находиться на сценѣ въ первомъ явленіи, о чемъ они должны разговаривать, какъ должны двигаться, гдѣ каждый изъ нихъ долженъ стоять или сидѣть, и тому подобное. За первымъ явленіемъ слѣдовало второе съ такими же подробностями, за вторымъ—третье, до конца 1-го дѣйствія. Точно также набросалъ онъ на бумагѣ содержаніе явленій слѣдующихъ дѣйствій драмы. Работалъ Крыловъ молча, сосредоточенно, при чемъ большой, прекрасный лобъ его то и дѣло покрывался морщинами, а глаза его, когда онъ отводилъ ихъ отъ лежащей предъ нимъ бумаги и, сосредоточивъ свой взглядъ на мнѣ, предлагалъ вопросы, какъ-то особенно блестѣли, что̀ чрезвычайно молодило его и сообщало всей его фигурѣ благородство вдохновенія.

Работа затянулась до часа ночи. Крыловъ тщательно сложилъ исписанные имъ листы и, вручая ихъ мнѣ, сказалъ:

— Теперь, С. К., берите съ собой сценарій и приступите къ работѣ. Напишите пьесу, какъ Богъ на душу положитъ. Не думайте ни о сценичности, ни о законченности діалоговъ и сценъ, а валяйте прямо, не выходя изъ начертанныхъ рамокъ... Ваша работа должна послужить для меня лишь матеріаломъ для созданія пьесы, и я отъ васъ лишь сырой матеріалъ требую... Такъ вотъ—этого сырья и не жалѣйте, и чѣмъ больше вы мнѣ его подготовите, тѣмъ будетъ лучше...

Мнѣ эта рѣчь Крылова не особенно понравилась, но я ему ничего не отвѣтилъ и, молча положивъ въ карманъ сценарій, простился съ нимъ.

На слѣдующій день я приступилъ къ работѣ. Взявъ тетрадку, я на первой ея страницѣ написалъ крупными буквами: «Дѣйствующія лица»; затѣмъ, углубившись въ сценарій, окрестилъ будущихъ героевъ пьесы именами съ обозначеніемъ соціальнаго положенія каждаго изъ нихъ. Дальше работа моя не подвигалась, и въ тотъ день я на этомъ и покончилъ. Не подвигалась моя работа впередъ и въ слѣдующіе дни и недѣли. Бывало сядешь за письменный столъ, даже перо обмокнешь въ чернила, и ни единой буквы не выведешь. Мнѣ было положительно противно работать по указкѣ, въ опредѣленныхъ, другимъ лицомъ начертанныхъ, рамкахъ. Не могъ я мириться съ тѣмъ, что мнѣ предстоитъ нагромоздить сырой матеріалъ для какой-то художественной работы, которую сдѣлаетъ другой, а не я. Что я такой за чернорабочій? Никогда имъ не былъ и не желаю имъ быть, да и не могу, физически не могу. Я убралъ со стола крыловскій сценарій и уложилъ въ ящикъ. Прошло мѣсяца полтора. Крыловъ былъ увѣренъ, что я сижу за работой, и не тревожилъ меня своими визитами, чтобъ не мѣшать. Но вотъ Крыловъ ко мнѣ пришелъ, веселый и радостный, и говоритъ:

— Давайте, С. К., посмотрѣть, что вы написали... Вы, полагаю, уже кончаете... Надо поторопиться: недѣльки черезъ двѣ уѣзжаю за границу и тамъ, на лонѣ природы, обработаю вашъ матеріалъ на славу...

Если приходъ Крылова поставилъ меня въ затруднительное положеніе, и мнѣ было передъ нимъ совѣстно, что до сихъ поръ не далъ ему знать о моемъ твердомъ рѣшеніи отказаться отъ совмѣстной съ нимъ работы, то его заявленіе, что онъ обработаетъ мой матеріалъ, разсердило меня, и я, безъ всякихъ объясненій, выдвинулъ ящикъ изъ письменнаго стола и подалъ ему тетрадь, на первой страницѣ которой крупнымъ шрифтомъ красовалось въ одну строчку: «Дѣйствующія лица», а затѣмъ эти лица были названы, а дальше слѣдовали чистыя страницы.

— Что же это такое?—недоумѣвающе развелъ Крыловъ руками и даже поблѣднѣлъ.

— А то,—раздраженно отвѣтилъ я,—что рѣшительно отказываюсь подготовлять матеріалы для вашей пьесы... Я не привыкъ работать по чужому указанію... Сколько ни насиловалъ себя, не могъ приступить къ работѣ...

— Ваше дѣло... Но зачѣмъ вы тянули и не дали мнѣ знать?..

Мнѣ стало совѣстно, и я сталъ предъ нимъ оправдываться.

Крыловъ былъ очень встревоженъ и врядъ ли прислушивался къ моимъ оправданіямъ.

— Возвратите мнѣ мой сценарій,—перебилъ онъ меня и, когда я исполнилъ его требованіе, онъ, молча, подалъ мнѣ руку и ушелъ.

Я вздохнулъ свободно, что освободился отъ совмѣстной съ Крыловымъ работы, и поспѣшилъ къ С. Н. Шубинскому разсказать ему объ этомъ. Къ моему конфузу, я засталъ у него Крылова, который, какъ оказалось, прямо отъ меня тоже отправился къ нему, чтобы разсказать ему о происшедшемъ. Хотя Крыловъ и поднялся съ мѣста, чтобъ поздороваться со мной, но постарался не глядѣть на меня и, просидѣвъ не больше двухъ, трехъ минутъ, ушелъ.

— Очень онъ жаловался на меня? — спросилъ я С. Н. послѣ ухода его.

— Достаточно, но не вполнѣ: вы своимъ приходомъ помѣшали ему.

— Ну, слава Богу, покончилъ съ этой совмѣстной работой... Развязался съ Крыловымъ...

— И не покончили съ Викторомъ Александровичемъ и не развязались съ нимъ, — и на лицѣ С. Н. появилась его тонкая, добродушная усмѣшка.—Мало вы знаете Крылова. Онъ человѣкъ упорный, и если что задумалъ, то непремѣнно выполнитъ... Онъ васъ заставитъ поработать вмѣстѣ съ нимъ, и вы непремѣнно напишете вдвоемъ еврейскую пьесу...

— Желалъ бы я знать, какъ это онъ меня заставитъ?

— Какъ? Этого я самъ пока не знаю, но, будьте увѣрены, Крыловъ найдетъ способъ...

Такъ оно и случилось.

VI.

Въ серединѣ іюля 1898 г. получилъ я изъ Францесбада длинное посланіе отъ Крылова, въ которомъ покойный драматургъ извѣстилъ меня, что онъ написалъ драму и, какъ только возвратится въ Петербургъ, предоставитъ ее на мое разсмотрѣніе и переработку. Я съ этимъ письмомъ отправился къ С. Н. Шубинскому, который встрѣтилъ меня словами:

— А что я вамъ говорилъ? Я сказалъ вамъ, что Крыловъ напишетъ съ вами вмѣстѣ пьесу...

— Да вы откуда знаете, что Крыловъ опять со мной вступилъ въ сношенія?

— Вотъ у меня отъ него письмо... Онъ проситъ моего содѣйствія, чтобъ я на васъ повліялъ...

Крыловъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ первыхъ числахъ октября.

На второй день своего пріѣзда онъ пришелъ ко мнѣ утромъ и, какъ будто между нами не было никакихъ недоразумѣній, дружески поздоровался со мною и даже расцѣловался.

— Ну, С. К.,—приступилъ онъ прямо къ дѣлу,—на этотъ разъ вы отъ меня не отвертитесь. Пьесу, какъ вы уже знаете, я на

писалъ. Вотъ она,—онъ подалъ мнѣ толстую тетрадь,—а вы ужъ, голубчикъ, не откажитесь прочитать ее съ карандашомъ въ рукахъ и исправить... Не стѣсняйтесь, пожалуйста, правкой... Зачеркивайте все, что найдете лишнимъ... Передайте все по-своему... Я не только не буду обижаться, какъ авторъ, но буду вамъ благодаренъ... Можете сдѣлать и вставки... Однимъ словомъ, смотрите на мою рукопись, какъ на собственную, и распоряжайтесь ею, какъ найдете нужнымъ... Только объ одномъ прошу васъ: дѣйствуйте карандашемъ, а не чернилами, чтобъ не испортить моего текста... Вы согласны исполнить мою просьбу?

— Охотно соглашаюсь... Прочту съ удовольствіемъ вашу пьесу и сдѣлаю все, что могу...

На этомъ мы дружески разстались.

Въ тотъ же день, вечеромъ, я прочелъ всю пьесу Крылова безъ карандаша, и пришелъ къ заключенію, что, какъ сценическое произведеніе, оно красиво и хорошо, но въ литературномъ и бытовомъ отношеніяхъ неудовлетворительно. Прежде всего хромалъ языкъ въ пьесѣ: не такъ говорятъ евреи, какъ заставилъ говорить своихъ героевъ Крыловъ, а затѣмъ и поступки героевъ, ихъ манера дѣйствовать, какъ будто не вытекали изъ ихъ характеровъ и ничего спеціально бытового еврейскаго собою не представляли. Да и обрядовая сторона въ пьесѣ нуждалась въ поправкахъ. Приступая на слѣдующій день къ чтенію пьесы, съ карандашомъ въ рукѣ, я сначала исключительно занялся правкой діалоговъ въ смыслѣ построеніи рѣчи, т.-е., постарался придать самому слогу въ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ пьесы специфическій оттѣнокъ, дабы въ построенія рѣчи дѣйствующихъ лицъ чувствовалось, что разговариваютъ евреи. Увлекшись этой отдѣлкой слога пьесы, я невольно увлекся и своей работой и самой пьесою, такъ что, когда дошелъ до конца 1 дѣйствія, то не могъ удержаться, и, отложивъ въ сторону пьесу Крылова, самъ написалъ конецъ этого дѣйствія. Точно такимъ же образомъ переработалъ и второе и третье дѣйствія, но, вставляя сцены и передѣлывая Крыловскій текстъ, я все-таки въ общемъ не посягалъ ни на архитектуру его пьесы и не особенно отступалъ отъ развитія фабулы, какъ сдѣлалъ ее Крыловъ. Но съ послѣдними двумя картинами, какъ онѣ вышли изъ-подъ пера Крылова, я совершенно не могъ мириться, а потому и написалъ эти картины, не руководствовавшись Крыловскимъ текстомъ, по-своему. Тутъ, по необходимости, пришлось мнѣ ломать и первоначальную фабулу Крылова и центръ тяжести всей пьесы основывать не на Саррѣ и ея отцѣ, а на Авраамѣ, которому отводилъ первое мѣсто, и который, по-моему, больше другихъ героевъ пьесы заслуживалъ, чтобы его поставили въ центрѣ. Драма такимъ образомъ, на мой взглядъ, выигрывала и въ литературно-художественномъ отношеніи и даже въ сценическомъ. Когда работа

была окончена, и я прочиталъ Крылову мои поправки и вставки, онъ выразилъ мнѣ буквально восторгъ, но когда я дошелъ до послѣднихъ картинъ, и онъ увидѣлъ, что я заново ихъ написалъ, онъ сконфуженно мнѣ замѣтилъ:

— Конечно, чрезвычайно сильно и эффектно, но очень, очень тяжело будетъ для зрителей... Такъ дѣйствовать на зрителя нельзя со сцены; необходимо сообразоваться съ его нервами и соблюдать экономію въ производимыхъ впечатлѣніяхъ... Впрочемъ, я еще подумаю... Во всякомъ случаѣ, тутъ у васъ очень много хорошихъ выраженій и словъ, ими непремѣнно воспользуюсь...

Мы порѣшили на томъ, что онъ проредактируетъ пьесу въ окончательной формѣ и дастъ мнѣ ее на просмотръ.

Въ первыхъ числахъ ноября Крыловъ прислалъ мнѣ пьесу въ окончательной формѣ. Внимательно прочитавъ ее, я пришелъ къ заключенію, что никоимъ образомъ не долженъ подписать пьесу, какъ соавторъ ея, и вообще долженъ отказаться отъ всякихъ на нее правъ, такъ какъ, начиная со второй половины 3 дѣйствія до самаго конца ея, она въ литературномъ отношеніи мнѣ не нравилась, а финалъ ея, когда Крыловъ заставляетъ отца собственными руками задушить свою единственную дочь, прямо таки возмутителенъ, не соотвѣтствуетъ правдѣ и не вытекаетъ изъ характера дѣйствующаго лица.

Все это высказалъ я Крылову, когда онъ пришелъ ко мнѣ въ редакцію газеты «Свѣтъ», въ которой я тогда состоялъ секретаремъ.

— И вы окончательно отказываетесь отъ пьесы?—Крыловъ не вѣрилъ своимъ ушамъ.

— Да, окончательно и безповоротно!...

— Да почему же, почему?...

— Я же вамъ говорилъ и повторяю... Вы можете выпустить эту пьесу и имѣть большой успѣхъ, никто не взыщетъ съ васъ за возмутительный четвертый актъ... Вамъ, какъ природному русскому, простятъ то, чего мнѣ никоимъ образомъ не простятъ... Вы могли по незнанію такъ написать... Меня же будутъ ругать и обвинять въ клеветѣ и будутъ правы...

Крыловъ выходилъ изъ себя и доказывалъ, что я не правъ.

— Не знаю, соотвѣтствуетъ ли послѣдній актъ правдѣ, но увѣряю васъ: онъ красивъ, сцениченъ, и мы будемъ имѣть успѣхъ...

— Ну, и давай вамъ Богъ! Отъ всей души желаю вамъ успѣха и барышей. Извольте — даю вамъ росписку въ томъ, что въ этой пьесѣ не участвовалъ, что она — ваша единоличная собственность...

— Не могу, не могу безъ васъ выпустить пьесу... Никто не повѣритъ, что я безъ вашего участія написалъ ее... Всѣ уже знаютъ, что мы писали пьесу вмѣстѣ... Это ужъ разошлось...

— Это—не моя вина... Говорю вамъ въ послѣдній разъ, что отказываюсь отъ пьесы, если послѣдній актъ ея не пойдетъ въ моей редакціи...

— Невозможно!.. Невозможно!..

И онъ ушелъ отъ меня разстроенный и сердитый.

Я тоже былъ чрезвычайно разстроенъ и, когда въ этотъ день обѣдалъ у В. В. Комарова, супруга его, Екатерина Григорьевна, замѣтила это и спросила, что со мной случилось. Я разсказалъ. Екатерина Григорьевна стала заступаться за Крылова и доказывала мнѣ, что я не имѣю права такъ упорствовать и настаивать на своемъ. А Виссаріонъ Виссаріоновичъ съ свойственной ему откровенностью проговорилъ:

— Вы, С. К., ужъ очень о себѣ возмечтали... Гордости въ васъ много... Крыловъ—старый писатель съ большимъ именемъ, въ драматическомъ искусствѣ онъ смыслитъ больше вашего. Съ вашей стороны и грубо и неприлично такъ упорствовать... Другой этого вамъ не скажетъ, а я вамъ это говорю прямо и рѣзко, потому что люблю васъ и желаю вамъ добра...

Екатерина Григорьевна стала тогда еще больше уговаривать меня, чтобы я согласился на требованіе Крылова.

— Хорошо,—пошелъ я на уступку.—Завтра утромъ зайду къ С. Н. Шубинскому, посовѣтуюсь съ нимъ, и, если онъ тоже будетъ одинаковаго съ вами мнѣнія,—я соглашусь...

— Шубинскій вѣрно вамъ посовѣтуетъ то же самое,—въ этомъ я убѣжденъ,—но при вашемъ упорствѣ и самомнѣніи послушаетесь ли вы и его, сомнѣваюсь...

На слѣдующій день С. Н. Шубинскій дѣйствительно посовѣтовалъ мнѣ подписать пьесу, и его совѣту не послѣдовать у меня духа не хватило; я согласился выступить соавторомъ В. А. Крылова въ «Сынахъ Израиля», «Контрабандисты»—тожъ.

Черезъ нѣсколько дней состоялось въ квартирѣ Крылова чтеніе пьесы въ присутствіи А. С. Суворина, который для этого пріѣхалъ. Выслушавъ пьесу, А. С. заявилъ, что она ему понравилась, и что онъ ее беретъ для постановки въ Маломъ театрѣ.

— Пьеса хорошая, но долженъ вамъ сказать, что послѣ ухода Гошки со сцены, въ третьемъ дѣйствіи, интересъ ея идетъ ужъ подъ гору...

Я былъ совершенно согласенъ съ А. С. Суворинымъ, но смолчалъ, а Крыловъ покраснѣлъ.

Поднялся вопросъ, какое названіе дать драмѣ. Я предложилъ скромное заглавіе: «На окраинѣ»; оно не понравилось. А. С. Суворинъ посовѣтовалъ назвать пьесу «Контрабандисты». Крыловъ ухватился было за это названіе, но чрезъ минуту полувопросительно произнесъ:

— А не окрестить ли драму заглавіемъ «Сыны Израиля»?

— И чудесно,— одобрилъ А. С.

Такъ за пьесой и утвердилось первое заглавіе: «Сыны Израиля».

VII.

При первой попыткѣ поставить драму на сценѣ литературно-художественнаго кружка произошелъ скандалъ во время второй репетиціи, который былъ учиненъ Крылову и мнѣ г. Бравичемъ, и мы взяли свою пьесу и ушли. Отмѣчу одну подробность. Г-жа Яворская, которая репетировала Сарру, уговаривала меня не огорчаться и утѣшала, что все уладится, и пьеса пойдетъ, а, спустя два года, она же содѣйствовала обрушившемуся вторичному скандалу изъ-за этой пьесы.

Мы отдали нашу пьесу на императорскую сцену. Приблизительный день ея перваго представленія на Александринской сценѣ былъ назначенъ. Предъ своимъ отъѣздомъ въ Екатеринбургъ, гдѣ я взялъ на себя обязанности редактора газеты «Уралъ», я вмѣстѣ съ Крыловымъ нѣсколько разъ видѣлись съ Е. П. Карповымъ и съ общаго согласія распредѣлили роли и уговорились о нѣкоторыхъ подробностяхъ въ постановкѣ. Въ Екатеринбургѣ узналъ я изъ газетъ, что новый директоръ императорскихъ театровъ вычеркнулъ изъ репертуара «Сыновъ Израиля». Потомъ Крыловъ сообщилъ мнѣ, что пьеса пойдетъ въ театрѣ г. Суворина.

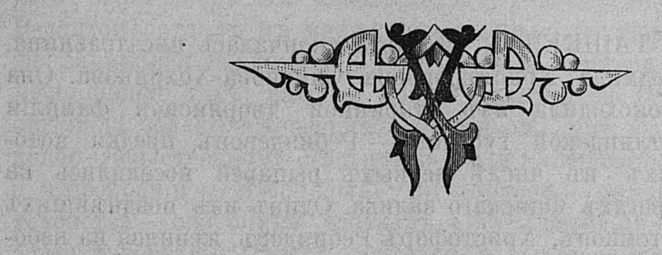
О случившемся скандалѣ во время перваго представленія «Контрабандистовъ» я говорить не буду; не буду распространяться и о той печатной травлѣ, которой я подвергся; то и другое еще не окончательно изгладилось изъ памяти современниковъ. Но вотъ о чемъ хочу сказать нѣсколько словъ. Если спросятъ, почему я въ свое время не заявилъ печатно, что главнымъ виновникомъ появленія пьесы на сценѣ былъ Крыловъ, и что онъ былъ главнымъ ея авторомъ, чтобы этимъ ослабить удары, которые сыпались на мою голову въ такомъ изобиліи, то на это отвѣчу:

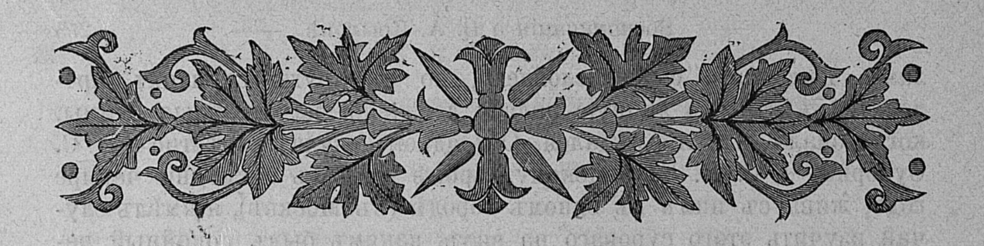
Во-первыхъ, я вовсе не былъ увѣренъ въ томъ, что, если бъ «Контрабандисты» шли на сценѣ въ томъ видѣ, въ какомъ они вышли изъ-подъ моего пера, что тогда скандала не происходило бы; во-вторыхъ, я не хотѣлъ дать пищу моимъ друзьямъ обвинять меня въ трусости, что, молъ, я желаю свалить бѣду на другого, потому что испугался скандала; въ-третьихъ, мнѣ было жаль Крылова, который такъ огорчился скандаломъ, что заболѣлъ и страдалъ изъ-за нападковъ на меня больше, чѣмъ я самъ; въ-четвертыхъ... но стоитъ ли продолжать?..

Прибавлю. Въ своихъ денежныхъ со мною расчетахъ Крыловъ оказался не только джентльменомъ, но даже сверхъ-джентльменомъ. Онъ не только дѣлился со мной доходами отъ пьесы попо-

ламъ, какъ это было условлено, но въ двухъ случаяхъ предоставилъ въ мою личную пользу довольно значительныя суммы, когда зналъ, что я нуждался. Объ одномъ случаѣ извѣстно и А. С. Суворину и С. Н. Шубинскому. Кромѣ того, въ послѣдніе четыре года, живя съ нимъ въ одномъ городѣ (въ Москвѣ), я имѣлъ случай изучить этого суроваго на видъ, какимъ былъ покойный, человѣка и настолько подружился съ нимъ и полюбилъ его за его порядочность, доброту и деликатность, что, получивъ телеграмму о его кончинѣ, пролилъ искреннія слезы, и воспоминанія о непріятностяхъ, которыя перенесъ изъ-за «Контрабандистовъ», не могутъ помѣшать мнѣ до конца дней моихъ сохранить добрую память о незабвенномъ для меня Викторѣ Александровичѣ Крыловѣ.

С. Эфронъ (Литвинъ).

Л. Х. СИМОНОВА.

(Некрологъ).

Въ г. Ташкентѣ 12 марта скончалась писательница, Людмила Христофоровна Симонова-Хохрякова. Она происходила изъ старинной дворянской фамилiи Эстляндской губернiи — Ребиндеровъ, предки которыхъ въ числѣ первыхъ рыцарей поселились на берегахъ Финскаго залива. Одинъ изъ позднѣйшихъ потомковъ, Христофоръ Ребиндеръ, женился на небогатой помѣщицѣ, Орловской губернiи, Измайловой. Отъ этого брака родилась въ 1838 г. дочь Людмила. Ея родители въ это время жили въ г. Вологдѣ. Воспитывалась Людмила Христофоровна на Александровской половинѣ Смольнаго института. Во время своего пребыванiя въ его стѣнахъ, она осиротѣла и, по окончанiи курса въ 1857 г., была взята сестрой въ Пермскую губернiю. Здѣсь она вскорѣ вышла замужъ за чиновника министерства государственныхъ имуществъ—Симонова, и второй разъ -- за Хохрякова.

Бѣдная развлеченiями провинцiальная жизнь вызвала въ молодой и любознательной женщинѣ желанiе сопровождать перваго мужа въ его ревизiонныхъ поѣздкахъ по волостямъ. Это дало ей возможность основательно присмотрѣться къ жизни тогдашняго крестьянскаго населенiя и впослѣдствiи провести въ литературу нѣкоторые типы и картины хозяйственной и семейной жизни, какъ мѣстнаго крестьянскаго населенiя за Ураломъ, такъ и инородцевъ, примыкающихъ къ нимъ. Таковы ея произведенiя: «Вымирающее племя», «Боской», «Чортово яблоко», «На óкраинѣ», «Бѣглые» и т. д.

— Во время поѣздокъ съ мужемъ по деревнямъ, — разсказывала мнѣ Симонова, — я и не думала, что когда нибудь примкну къ литературѣ, а записывала всѣ наблюденія собственно изъ любви къ искусству. Овдовѣвъ въ 1864 г., я пріѣхала въ Петербургъ и получила мѣсто на телеграфѣ. Въ это время судьба свела меня съ писателями и издателями журналовъ... Одна изъ моихъ институтскихъ подругъ была замужемъ за издателемъ «Церковно-Общественнаго Вѣстника», Александромъ Ивановичемъ Поповицкимъ. Когда я съ нимъ познакомилась, онъ возсталъ противъ того, чтобы я подъ спудомъ хранила массу интереснаго матеріала, и заставилъ меня писать въ его газетѣ, не большой по размѣру, но значительной по тѣмъ либеральнымъ тенденціямъ, какія въ ней проводились въ пользу бѣлаго духовенства.

Въ одномъ изъ своихъ частныхъ писемъ Людмила Христофоровна говоритъ:

«Бытъ бѣлаго духовенства былъ мнѣ знакомъ еще съ Сибири. Здѣсь же я познакомилась со всѣми вопросами, которые проводились тогда въ жизнь. Но участіе мое въ газетѣ А. И. Поповицкаго выражалось въ небольшихъ публицистическихъ статьяхъ. Редакторъ отдалъ въ мое распоряженіе общественную жизнь, самъ же занимался церковной. Скоро я очень привязалась къ газетѣ. Дѣло пошло такъ: каждый новый вопросъ въ церковной жизни я оттѣняла беллетристическимъ разсказомъ или очеркомъ. Въ «Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ» были напечатаны мною по вопросу о второбрачіи — «Порченый»; по вопросу о реформахъ бѣлаго духовенства — святочный разсказъ «Рогъ изобилія»; по поводу 300-лѣтія завоеванія Сибири — нѣсколько сибирскихъ очерковъ и легендъ, а «Непраздничныя мысли» есть отвѣтъ на строгость цензуры того времени. Напечатаны также «Женитьба священника», «Чудакъ» и др. Интересуясь веденіемъ своего общественнаго отдѣла, я, разумѣется, не пропускала случая сообщать читателямъ всѣ новости женскаго вопроса, съ которымъ еще въ послѣдній годъ моего пребыванія въ институтѣ нашъ учитель, Николай Дмитріевичъ Старовъ, познакомилъ институтокъ въ либеральномъ и гуманитарномъ духѣ. Я написала повѣсть «На свободѣ», но не для «Церковно-Общественнаго Вѣстника»... Героиня ея, поссорившись съ родными, пріѣзжаетъ въ Петербургъ искать себѣ умственнаго труда, но увидѣвъ, что всѣ разсказы о женскомъ трудѣ, предложенія, приглашенія, поощренія были только «игрою словъ» у сторонниковъ женскаго движенія,—героиня покончила съ голоду и одиночества самоубійствомъ. Повѣсть имѣетъ мрачный характеръ, потому что тѣ розовыя перспективы, которыя передъ нами въ 1857 г. развивалъ Николай Дмитріевичъ,—не осуществились. Я сама имѣла случай убѣдиться, что всѣ разговоры тогда о женскомъ вопросѣ были не искренни или теоретичны. Повѣсти моей пришлось долго

лежать въ портфелѣ, такъ какъ, если я показывала ее редактору либеральной газеты, то онъ чуть не кричалъ мнѣ: «Что вы дѣлаете? Намъ нужно, чтобы женщины бросали все и бѣжали въ столицы; вы же стараетесь какъ бы напугать ихъ и тѣмъ задержать движеніе». Если я приносила въ ретроградный журналъ, то мнѣ говорили: «Это напечатать невозможно — у васъ слишкомъ мрачный взглядъ на вопросъ». Я хотѣла издать «На свободѣ» сама и отдала ее на просмотръ въ цензурный комитетъ. Тамъ, послѣ довольно крупныхъ дебатовъ, наложили на нее запрещеніе и у фамиліи моей поставили крестикъ. Впослѣдствіи повѣсть эта была напечатана подъ названіемъ «Одна» въ «Живописномъ Обозрѣніи» временъ А. К. Шеллера.

Такимъ образомъ г-жа Симонова очень рано въ своей литературной дѣятельности усмотрѣла въ женскомъ вопросѣ двѣ стороны: идеальную и практическую. Сочувствуя первой, она не щадила красокъ для изображенія второй, со всѣми ея отрицательными сторонами. Ту же манеру письма проявила Симонова впослѣдствіи и при изображеніи народнаго быта.

Въ «Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ» продолжали появляться разсказы г-жи Симоновой изъ быта священниковъ, но въ то же время у нея зрѣли и накоплялись наблюденія и изъ другихъ сферъ. Ея произведенія понравились извѣстному писателю Александру Константиновичу Шеллеру, и тотъ пригласилъ ее сотрудничать въ «Живописномъ Обозрѣніи». Тамъ были помѣщены: «Баской», «Чортово яблоко», «Бѣглые», «Подъ покровомъ приличія», «На поискахъ за богатствомъ» (послѣдній романъ, подъ псевдонимомъ «Соборный»), «Вымирающее племя», «Отдохнуть бы», «Убила» (романъ), «Спутница» и «Одна» («На свободѣ»).

Въ то время, когда Симонова писала романъ «Убила», она управляла городскою телеграфною станціею и жила за Невской заставой.

Вблизи фабрикъ и заводовъ она опять столкнулась съ печальной жизнью женщинъ изъ «народа» и съ самимъ народомъ.

«Въ моемъ сердцѣ опять разбередилось то больное мѣстечко, которое у меня образовалось въ Сибири,—писала Симонова объ этомъ времени въ одномъ изъ частныхъ писемъ. — Многіе изъ фабричныхъ рабочихъ выписывали своихъ женъ и старшихъ дѣтей изъ деревень. Женъ помѣщали они на бумагопрядильныя фабрики, а мальчиковъ — на заводы «Русскаго Общества» и «Сѣмянникова» вертѣть гайки и проч. Мальчики могли зарабатывать по 12 рублей въ мѣсяцъ, а бабы между 15 и 20 рублями. Такимъ образомъ этими деньгами семья могла быть обезпечена, если бы глава ея, имѣя заработокъ семьи, не пропивалъ свой собственный. Послѣ каждой получки за свой личный трудъ, въ двѣ недѣли разъ, онъ, не заходя домой, отправлялся въ городъ и прокучивалъ въ

два дня все свое жалованье, а въ воскресенье вечеромъ возвращался пьяный и билъ свою жену. Предлоговъ было много: или она изъ своей получки не сумѣла уплатить весь мѣсячный долгъ, или за то, что у нея не было налицо денегъ на продолженіе пьянства, или просто за то, что передъ нимъ находился человѣкъ, носящій въ себѣ укоръ, часто не выражавшійся на словахъ, а лишь во взглядѣ... И вотъ изъ домовъ, населенныхъ рабочими, слышались вопли то тутъ, то тамъ. Тѣ же отношенія и въ деревнѣ, у деревенскаго мужика къ своей женѣ, лѣнивое отношеніе мужиковъ къ своему хозяйству, плохая работа, плохіе посѣвы, продажа хлѣба иногда на корню и деньги, пропитыя въ кабакахъ... И тамъ тоже передъ мужемъ стоитъ женщина съ укоромъ во взглядѣ и на словахъ; и тамъ онъ отстаиваетъ свои жестокіе, несправедливые поступки кулаками, вожжами, сапогами и проч.».

Всѣ такія картины создали типъ многострадальной Марѳы (романъ «Убила»). Онъ былъ напечатанъ въ «Живописномъ Обозрѣніи» 1884 г. Романъ этотъ вызвалъ различные отзывы. Одна изъ газетъ назвала его «юридическимъ», на который даже «Юридическое Обозрѣніе» дѣлало ссылки. Многіе признавали въ романѣ рельефное изображеніе русской женщины по обычному праву, по которому она не гарантирована отъ посягательствъ мужа, какъ на ея имущество, такъ и на ея личность. По поводу романа «Убила» было сказано въ газетахъ, что, идеализируя семью, какъ союзъ, основанный на любви и сотрудничествѣ, наше законодательство и доселѣ еще не выработало основаній для дѣйствительнаго воплощенія въ жизни подобнаго идеала. За закономъ слѣдуетъ признать и значительное воспитательное значеніе для массъ, между тѣмъ, отдавая жену на произволъ мужа, судья тѣмъ самымъ какъ бы укрѣпляетъ въ народѣ взглядъ на жену, какъ на подневольную для мужчины работницу, закрѣпленную за нимъ закономъ. Безъ сомнѣнія, семья гораздо больше приближалась къ идеалу, начертанному для нея нашимъ законодательствомъ, если бы оно строго преслѣдовало рѣзкое уклоненіе отъ него. Разумѣется, одно наказаніе, какъ показала практика, не достигаетъ въ этомъ случаѣ цѣли. Единственнымъ для законодательства выходомъ, стало быть, оказывается признаніе совершившагося факта и юридическое расторженіе брака въ тѣхъ случаяхъ, когда на практикѣ рѣзко нарушены основныя его начала, другими словами, когда семьи уже на самомъ дѣлѣ не существуетъ, когда она выродилась въ рядъ возмутительныхъ насилій мужчины надъ женщиной. Другіе писатели и редакторы возмутились противъ этого романа, говоря, что выпускъ его въ свѣтъ несвоевременъ. Начиная съ 1860-хъ и 1870-хъ годовъ, литература положительно поставила крестьянина на пьедесталъ и приписывала ему только однѣ хорошія черты. А такое отношеніе крестьянина къ женѣ, какое выведено въ романѣ

Симоновой, разумѣется, компрометировало его нравственность. Такое мнѣніе высказывалось въ газетахъ, и приходилось слышать его Людмилѣ Христофоровнѣ и въ частныхъ литературныхъ собраніяхъ.

«Но,—писала Симонова,—присмотрѣвшись и къ другимъ слоямъ общества, я замѣтила во многихъ семьяхъ если не побои вожжами, то очень странное и возмутительное отношеніе мужей къ женамъ. И здѣсь я находила такія семьи, въ которыхъ мужъ свое скудное жалованье чуть не дѣлилъ на два дома, превращая свою квартиру въ какую-то станцію, куда онъ является пить, ѣсть и спать, и гдѣ жена была и кухарка, и прачка, и нянька. Все же свободное отъ занятій время онъ проводилъ въ обществѣ товарищей и свободнаго нрава дѣвицъ. Не видя въ мужѣ ни друга, ни любовника, ни воспитателя собственныхъ дѣтей, женщина становится забитой, впадаетъ въ серьезныя болѣзни или ожесточается и мститъ своему мужу измѣной съ тѣмъ человѣкомъ, который окажетъ вниманіе и сочувствіе ея положенію. Такая, напримѣръ, изображена мною въ романѣ «Спутница». Нѣкоторымъ борцамъ мужской самостоятельности этотъ романъ также не понравился: «стрѣла попала не въ бровь, а въ глазъ». Въ рецензіяхъ отозвались, что будто бы я романомъ «Спутница» разрушаю семейныя основы и ввожу безнравственность въ семейную жизнь. Подобная рецензія была въ «Русской Мысли» и въ «Руси» Аксакова. Я написала Аксакову разъяснительное письмо, но въ «Руси» оно не было напечатано, а напечатано въ «Новостяхъ». Та же мысль и тѣ же нравы отмѣчены изъ купеческаго быта въ романѣ «Самъ» въ «Еженедѣльномъ Обозрѣніи» за 1884 г. При чемъ «Самъ» этотъ не принадлежалъ къ лицамъ, выведеннымъ Островскимъ, а въ первый разъ выведенъ въ литературѣ мною».

Литературный заработокъ давалъ писательницѣ уже достаточно средствъ къ существованію. Она могла переѣхать изъ-за Невской заставы въ Петербургъ и заняться всецѣло литературой, которая стала для нея насущной потребностью. Разсказы изъ сибирской жизни печатались въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ. Романъ «Баской» можно считать этнографическимъ, какъ отмѣтило его географическое общество. Героемъ романа является политическій преступникъ, бѣжавшій отъ рукъ правосудія. Въ зимнее время онъ попадаетъ на Уралъ и тамъ отъ истощенія и голода падаетъ на дорогѣ. Крестьяне подобрали его, обогрѣли и вылѣчили. Итти далѣе пришельцу было некуда, и онъ остался въ деревнѣ, весь отдавшись обученію ребятишекъ. Крестьяне сдружились съ нимъ, полюбили его. Между тѣмъ, мѣстный священникъ сталъ завидовать его популярности и интриговать противъ него. Наконецъ, онъ сдѣлалъ на него доносъ. При появленіи властей молодой человѣкъ лишилъ себя жизни...

Наиболѣе этнографически-беллетристическимъ произведеніемъ надо считать очеркъ подъ заглавіемъ «Голодъ», напечатанный въ «Русскомъ Богатствѣ».

Сюжетъ взятъ изъ инородческой жизни вогуловъ и остяковъ въ ту пору ихъ жизни, когда звѣрь убѣжалъ въ новыя мѣста, какъ только въ лѣсу раздался звукъ топора и шумъ русскихъ селеній, подвигавшихся все болѣе и болѣе къ сѣверу; когда и птица улетѣла, и инородцамъ нечего было стрѣлять, и нечѣмъ было питаться. О томъ, что гдѣ-то существуютъ запасные хлѣбные магазины, они не имѣли понятія и сами запасать что нибудь не могли, находясь въ эксплоатаціи русскихъ. Они продавались имъ въ крѣпостные работники, или умирали съ голоду.

Въ одну изъ своихъ раннихъ поѣздокъ съ мужемъ Людмила Христофоровна была разбужена ночью какимъ-то шумомъ и возней въ деревнѣ. Оказалось, что крестьяне поймали двухъ бѣглыхъ. Изъ сообщенія крестьянъ она узнала объ ихъ преступленіи, за которое они были пойманы, о дорогахъ, какими они шли, и какими средствами они находили себѣ пропитаніе. Это дало ей сюжетъ для очерка «Бѣглые». Онъ обратилъ на себя вниманіе сибирскихъ газетъ и «Восточнаго Обозрѣнія». Одинъ изъ очерковъ былъ посланъ ею въ «Восточное Обозрѣніе». Редакторъ, Николай Михайловичъ Ядринцевъ, напечаталъ его и написалъ Симоновой письмо съ выраженіемъ своего ей сочувствія и желанія познакомиться съ ней ближе. Она была приглашена на собранія «Сибирскаго кружка», происходившія у Ядринцева по четвергамъ. Въ этомъ кружкѣ преобладали интересы сибирской жизни, и члены его раздѣлялись по мѣсту жительства. Были въ немъ «томичи», «тоболяки», «иркутяне», «забайкальцы» и др. землячества. Кружокъ Ядринцева былъ не многочисленъ, но въ числѣ его членовъ были люди замѣчательные, какъ, напримѣръ, молодой ученый по антропологіи, Михаилъ Викторовичъ Малаховъ. Онъ доказалъ, что на Уралѣ существовалъ каменный вѣкъ, тогда какъ десятки ученыхъ, производившихъ до него изслѣдованія, не могли найти искомыхъ доказательствъ и отказались отъ мысли о существованіи тамъ каменнаго вѣка. Михаилъ Викторовичъ страстно любилъ свое дѣло и погибъ жертвою научной любознательности. Въ холодную осень онъ продолжалъ свои изслѣдованія, простудился и получилъ скоротечную чахотку.

«Была я на годовыхъ обѣдахъ, — писала мнѣ Симонова, — гдѣ всегда была общая, откровенная, честная бесѣда между сибиряками; высказывались разнообразныя нужды края. Иногда тутъ же шла подписка, и все это дѣлалось изъ любви къ родинѣ. Антропологъ Малаховъ, этнографъ Потанинъ, беллетристъ Наумовъ были видными лицами этого кружка. Масса учащейся молодежи-сибиряковъ посѣщали журъ-фиксы Ядринцева. Душой всего этого кружка, да-

вавшей жизнь ему, конечно, былъ самъ Николай Михайловичъ Ядринцевъ. Иллюстрацией къ журъ-фиксу можетъ служить глава изъ романа «На поискахъ за богатствомъ», написаннаго мною подъ псевдонимомъ «Соборный». Иногда на какомъ нибудь журъ-фиксѣ высказывались идеи, скорѣйшее осуществленіе которыхъ было для всѣхъ очень желательно, и Николай Михайловичъ совѣтовалъ намъ провести ихъ въ газетахъ. Многіе изъ присутствующихъ дѣлили между собою газеты, въ которыхъ и помѣщались ихъ замѣтки. Мнѣ, большею частью, доставались «Новое Время», «Молва» и «Церковно-Общественный Вѣстникъ».

«Конечно, Николая Михайловича радовало, что въ одно и то же утро въ нѣсколькихъ газетахъ появлялись одновременно статьи на темы, интересовавшія сибиряковъ. Цѣлый рядъ вопросовъ: школы, средне-учебныя заведенія, университетъ, земство, удобныя пути сообщенія, гуманное отношеніе къ инородцамъ и т. д., былъ поднятъ сибиряками и захватывалъ меня всецѣло».

Такимъ образомъ, въ своей литературной дѣятельности Симонова была охвачена тремя вѣяніями: вопросами церковно-общественными, сибирскими и идеями шестидесятыхъ годовъ, исходившими изъ кружка лицъ, группировавшихся около А. К. Шеллера.

«Это было самое счастливое время моей жизни,—писала Симонова. — Мнѣ казалось тогда, что я не живу, а горю. Около меня въ свою очередь собирались молодые литераторы, художники, учащаяся молодежь, и я съ живымъ интересомъ относилась къ каждому новичку, его планамъ, его мечтамъ и начинаніямъ. Ихъ честные порывы придавали и мнѣ самой и жизнь, и бодрость. Мнѣ никогда не было скучно выслушивать ихъ рукописныя сочиненія, и я по возможности старалась быть полезна имъ своимъ уже пріобрѣтеннымъ опытомъ».

Около Шеллера взгляды Людмилы Христофоровны на внутренніе вопросы русской жизни расширились, и писательница еще съ большей осмысленностью пыталась воспроизводить въ своихъ сочиненіяхъ дѣйствительность. Но неожиданныя обстоятельства вызвали ея отъѣздъ въ Ташкентъ на службу по министерству народнаго просвѣщенія, въ качествѣ сначала учительницы нѣмецкаго языка въ ташкентской гимназіи и потомъ начальницы четырехкласнаго училища въ г. Самаркандѣ. По прошествіи многихъ лѣтъ, Л. Х. Симонова оставила Самаркандъ, и мѣстныя газеты писали о ней:

«Въ 1890 г. Л. Х. была назначена начальницей вновь открытаго тогда въ г. Самаркандѣ 4-хъ-класснаго Маріинскаго женскаго училища. Въ десять лѣтъ усидчивой работы, стоя во главѣ учебнаго заведенія, Л. Х. поставила его на образцовомъ положеніи, такъ что, когда училище было преобразовано въ гимназію, ученицы оказались настолько подготовленными, что могли съ успѣхомъ, безъ экзамена, продолжать курсъ ученія по программѣ гимназій.

Во все время своей педагогической дѣятельности Л. Х. отдавала всю душу и всѣ помышленія на это дѣло. Она глядѣла на учениць, какъ на своихъ дѣтей, вникала въ ихъ положеніе, многимъ, чѣмъ могла, помогала, любила ихъ и берегла. Особенно много она содѣйствовала преобразованію училища въ гимназію. Многіе родители, вмѣсто того, чтобы отправлять своихъ дѣтей въ чужой городъ, могутъ имѣть ихъ при себѣ и воспитывать на глазахъ».

Новый край, новые люди, ихъ нравы и обычаи подталкивали ее къ описанію ихъ, но она получила предостереженіе отъ ближайшаго начальства отдаваться болѣе службѣ, чѣмъ литературѣ.

— Однако,— говорила мнѣ Симонова: — это бы меня не устрашило. Но занятій было такъ много, что писать было некогда. Тѣмъ не менѣе я написала нѣсколько мелкихъ вещей: «Легенда о Сауранѣ», «Сартянки», «Разсказы о взятіи Самарканда», «Андрей Евграфовъ Маловъ»—герой туркестантскихъ войнъ, «Гаданіе и лѣченіе ташкентскихъ и самаркандскихъ сартянокъ», «Путешествіе изъ Оренбурга до Ташкента».

Симонова участвовала въ двухъ дѣтскихъ журналахъ: въ «Родникѣ» и въ «Журналѣ для дѣтей», помѣстивъ въ нихъ этнографическіе разсказы изъ жизни сибирскихъ инородцевъ: «Лаачи», «Эзе», «Ортикъ», «Въ лѣсу» и т. д. Эти разсказы имѣютъ до сихъ поръ успѣхъ, одобрены ученымъ комитетомъ для народнымъ школъ и женскихъ учебныхъ заведеній, читаются съ волшебнымъ фонаремъ, переведены на французскій языкъ. Получивъ за выслугу лѣтъ по министерству народнаго просвѣщенія пенсію въ 300 рублей, она вышла въ отставку и вновь вернулась къ литературѣ. Но писать много она уже не могла, здоровье ея расшаталось, и она могла только диктовать, вспоминая разнообразно прожитую жизнь. Скончалась она отъ паралича сердца на 68 году жизни.

Вполнѣ заслуженной характеристикой для покойной писательницы служитъ стихотвореніе одного изъ нашихъ поэтовъ, посвященное Людмилѣ Христофоровнѣ при ея жизни:

Каждому правому дѣлу готово
Въ васъ и горячее честное слово,
Умное слово безъ фразъ,
И энергическій, сонныхъ будящій
Божіею искрой во взорѣ горящій
    Истинно женскій экстазъ.
Долгіе годы труда и печали
Силы энергіи въ васъ не сломали,
    Лишь закалили въ бою;
Эту-то свѣжесть и чувствъ, и сознанія,
Юморъ безъ признаковъ нотки брюзжанія,
    Я въ васъ душевно люблю.

А. Фаресовъ.

ПАМЯТИ ПРОТОІЕРЕЯ ТУРЧАНИНОВА.

МАРТА 4 исполнилось 50 лѣтъ со дня кончины придворнаго протоіерея, П. З. Турчанинова, замѣчательнѣйшаго духовнаго композитора.

П. З. Турчаниновъ внесъ большой вкладъ въ нашу церковную музыку своими композиціями, въ которыхъ выказывается наиболѣе соотвѣтствующій православному богослуженію характеръ умиленія и выразительности текста молитвъ. Къ сожалѣнію, нѣкоторыя произведенія покойнаго уже позабыты; ими пользовались только, какъ матеріаломъ и духовнымъ источникомъ, нѣкоторые новые композиторы.

Напримѣръ, почти никогда не слышишь его переложенія канона 1-й недѣли Великаго поста: «Помощникъ и покровитель», гдѣ особенно трогательно звучитъ: «Помилуй мя, Боже».

Протоіерей Турчаниновъ родился въ Петербургѣ 20 ноября 1779 г., онъ замѣчателенъ, какъ музыкантъ-самородокъ. Безъ всякаго музыкальнаго образованія вышелъ онъ изъ солдатъ. Хотя по рожденію дворянинъ, но, должно быть, бѣдный, онъ, поучившись немного въ кіевскомъ, а потомъ харьковскомъ казенномъ училищахъ, началъ службу стражникомъ пѣшихъ стрѣлковъ и попалъ въ хоръ полковыхъ пѣвчихъ, въ составѣ которыхъ находился и тогда уже, когда, пройдя писарскую должность, былъ произведенъ въ гражданскій чинъ губернскаго регистратора и служилъ въ харьковской палатѣ уголовнаго суда. Какъ на юношу съ голосомъ и слухомъ, обратилъ на Турчанинова вниманіе А. Л. Ведель, адъютантъ генераловъ: Леванидова, а потомъ Теплова, обучавшій пѣнію полковыхъ пѣвчихъ. Съ Веделемъ Турчаниновъ перешелъ на службу изъ Кіева въ Харьковъ. Тамъ, достигши чина губернскаго секретаря, вышелъ въ отставку и оставилъ также военный хоръ,

а занялся, по приглашенію генерала Теплова, обученіемъ собственныхъ пѣвчихъ генерала. Вскорѣ Тепловъ былъ назначенъ въ Кіевъ губернаторомъ, а затѣмъ также скоро сенаторомъ въ Петербургъ. Съ нимъ было поѣхалъ и Турчаниновъ, но проѣздомъ черезъ Сѣвскъ Турчаниновъ познакомился съ преосвященнымъ орловскимъ Досиѳеемъ, извѣстнымъ своимъ крутымъ нравомъ, но большимъ любителемъ и знатокомъ пѣнія. Досиѳей предложилъ молодому человѣку мѣсто регента своихъ пѣвчихъ, съ жалованьемъ въ 300 р. и съ правомъ на доходы съ священническаго мѣста въ самомъ богатомъ въ епархіи селѣ Дросовкѣ.

Тутъ ужъ мѣнялась судьба Турчанинова, незачѣмъ было ѣхать въ Петербургъ, явилось и занятіе любимое, и содержаніе, по тому времени богатое. По совѣту Досиѳея, Турчаниновъ женился на молодой дѣвушкѣ Зайцевой, дочери бѣдной дворянки, и 12 марта 1803 г. былъ посвященъ во священника. Это тоже было необыкновенно по тому времени, ибо ни онъ, ни жена его не принадлежали къ духовному сословію. Турчаниновъ сталъ священникомъ въ Сѣвской архангельской церкви, а потомъ и благочиннымъ 16 сѣвскихъ церквей. Тутъ-то онъ занялся любимымъ своимъ дѣломъ. Давно чувствуя въ себѣ искру творчества, онъ приступилъ къ переложеніямъ съ древнихъ напѣвовъ; онъ первый обратилъ вниманіе на сопровожденіе ихъ соотвѣтствующимъ характеромъ, но зависть, столь не чуждая міру духовныхъ, испортила его отношенія къ Досиѳею; однако Турчаниновъ, уже пріобрѣвшій себѣ извѣстность, все-таки нашелъ себѣ мѣсто по ходатайствамъ оберъ-священника Державина, сенатора Теплова и др. въ Петербургской епархіи, сначала въ Гатчинскомъ военномъ госпиталѣ, а потомъ экономомъ въ С.-Петербургской духовной семинаріи. Тутъ же скоро онъ сталъ и регентомъ митрополичьяго хора, и тогда извѣстность его разнеслась по всей столицѣ. Всѣ, кто только могъ изъ жителей, считали долгомъ сходить въ лавру послушать хоръ Турчанинова.

Здѣсь кстати сказать, что композиторъ и прекрасный регентъ былъ и человѣкомъ съ доброю душой и энергіей. Узнавъ, что одинъ изъ его прежнихъ знакомыхъ, архимандритъ Филаретъ, тоже преслѣдуется суровымъ Досиѳеемъ, Турчаниновъ тотчасъ выступилъ на защиту Филарета, не побоявшись, вліятельнаго архіерея, и результатомъ этого было, что Филаретъ, заброшенный въ Уфу, вмѣсто того, чтобы кончить жизнь въ безвѣстномъ монастырѣ, вскорѣ былъ вызванъ въ столицу, получилъ мѣсто епископа, а затѣмъ сталъ и митрополитомъ кіевскимъ, на югѣ извѣстнымъ, пожалуй, не менѣе, чѣмъ и его знаменитый соименникъ Филаретъ московскій.

Въ 1814 г. Турчаниновъ получилъ санъ протоіерея, черезъ четыре года переведенъ настоятелемъ церкви Маріинской больницы, гдѣ довелъ до изумительнаго совершенства ея хоръ пѣвчихъ. О талантахъ композитора уже знала царская семья, и императоръ

Николай I въ 1827 г. самъ назначилъ Турчанинова учителемъ пѣнія придворной капеллы, а черезъ 5 лѣтъ Турчаниновъ уже былъ придворнымъ протоіереемъ и настоятельствовалъ въ церкви Мраморнаго дворца, а затѣмъ въ Стрѣльнинской. Тутъ онъ посѣщалъ часто сосѣднюю Сергіевскую пустынь, слава монашескаго хора которой многимъ была тогда обязана Турчанинову, написавшему при томъ немало нотъ для обители. Въ 1841 г. Турчаниновъ, уже недомогавшій, вышелъ въ отставку, но онъ прожилъ еще до 1856 г., когда скончался на 78 году жизни.

Человѣкъ совсѣмъ бездипломный, только одаренный природою, энергичный и трудолюбивый, Турчаниновъ самъ себя образовалъ и изъ простого солдата достигъ званія придворнаго протоіерея и извѣстности композитора, произведенія котораго, какъ сказалъ священникъ Знаменскій въ проповѣди въ день юбилейной памяти Турчанинова, всегда живы и всегда будутъ будить лучшія чувства въ молящемся, уносить его изъ міра низменнаго въ область неба, къ Творцу всего прекраснаго.

Изъ числа произведеній Турчанинова чуть не во всѣхъ церквахъ петербуржцы слушаютъ на Страстной недѣлѣ его «Тебе одѣющуся свѣтомъ» и «Да молчитъ всякая плоть».

Ни одного духовнаго концерта не составится безъ композицій Турчанинова.

Память покойнаго композитора почтила въ день 4-го марта церковь Маріинской больницы, гдѣ онъ настоятельствовалъ. Всю обѣдню изъ его сочиненій пѣлъ извѣстный хоръ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка, и вмѣсто «Достойно» онъ удачно пѣлъ его же «О Тебе радуется». Служилъ литургію настоятель о. Знаменскій, панихиду вышли служить, собравшіеся въ церкви, почитатели и цѣнители покойнаго: протоіереи и священники (въ числѣ ихъ и пріѣзжій изъ Твери о. Волковъ) и новый исаакіевскій протодіаконъ Богословскій. Панихида почти вся написана Турчаниновымъ. Его звуками и молились за него.

Въ церкви Больше-Охтенскаго кладбища, гдѣ погребенъ протоіерей Турчаниновъ, было совершено его поминовеніе, пѣлъ хоръ митрополичьихъ пѣвчихъ подъ регентствомъ Тернова. На могилу покойнаго (кстати требующую поправки) возложенъ красивый вѣнокъ изъ вѣтви пальмы и искусственныхъ цвѣтовъ съ національными лентами и надписью: «композитору протоіерею Петру Турчанинову—русское собраніе».

Турчаниновъ участвовалъ въ разныхъ комиссіяхъ по разработкѣ и изданію духовныхъ музыкальныхъ сочиненій. Композиціи Турчанинова строгаго стиля, отличающіяся величественностью, простотой и задушевныя, сдѣлались достояніемъ всего православнаго міра, перешли и къ славянамъ. «Тебе одѣющуся свѣтомъ», «О Тебе радуется» исполняются и въ южныхъ земляхъ славянъ.

В. Прокофьевъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Великій князь Николай Михаиловичъ. Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи по донесеніямъ пословъ императоровъ Александра и Наполеона 1808—1812. Томы. I—III. Спб. 1905.

Роскошно изданные три тома историческаго труда великаго князя Николая Михаиловича содержатъ собраніе документовъ, касающихся двухъ великихъ императоровъ, Александра и Наполеона, въ знаменательную эпоху ихъ видимой дружбы, закрѣпленной многочислеными увѣреніями, но скрывавшей тайное сознаніе неизбѣжности разрыва и роковой борьбы двухъ народовъ. Многое изъ этой дипломатической переписки использовано русскими и иностранными историками, но полное и систематическое изданіе ея появляется въ свѣтъ впервые, почему и должно считаться совершенно новымъ и самостоятельнымъ вкладомъ въ исторію 1812 г. Донесенія пословъ, генерала Савари и графа П. А. Толстого, были полностью напечатаны въ LXXXIII и LXXXIX томахъ «Сборника Императорскаго Русскаго историческаго Общества», равно какъ и письма А. И. Чернышева изъ Парижа императору Александру и канцлеру за 1809—1811 г.г. въ XXI томѣ того же «Сборника», но донесенія и письма Коленкура и князя Куракина цѣликомъ не были напечатаны до сихъ поръ въ Россіи. Несмотря на множество сочиненій, пытающихся дать правильную и безпристрастную оцѣнку политики двухъ императоровъ, «едва ли,—какъ пишетъ въ своемъ обширномъ введеніи къ первому тому авторъ книги,—до сихъ поръ вполнѣ опредѣлилась роль каждаго изъ актеровъ Тильзитскаго свиданія».

Первое впечатлѣніе, произведенное Наполеономъ на Александра, было несомнѣнно чарующее, и онъ видимо искренно шелъ на всякія предложенія им-

ператора французовъ, забывъ, казалось, Аустерлицъ и другія пораженія. Но отсюда начинается почти четырехлѣтняя дипломатическая игра, въ которой Наполеонъ дѣйствуетъ послѣдовательно и согласно своимъ обѣщаніямъ, а Александръ проявляетъ двойственность, утаивая чувство обиды и жажду реванша. Перемѣны въ политикѣ русскаго императора многіе склонны видѣть во вліяніи приближенныхъ лицъ, но такое сужденіе едва ли справедливо. Русское общественное мнѣніе и особенно знаменитый тріумвиратъ: графъ Строгановъ, Новосильцевъ и князь Чарторыйскій, сильно ошибались, предполагая, что Александръ отдался всецѣло обаянію своего недавняго соперника и подчинитъ ему интересы русской политики. Даже въ Тильзитѣ на ряду со словами дружбы и взаимными изліяніями Александръ произнесъ въ присутствіи королевы прусской Луизы, къ которой далеко не было равнодушно его сердце, загадочную въ то время фразу: «Все это къ лучшему, будущее покажетъ». Фраза эта должна была утѣшить оскорбленное и униженное самолюбіе прусской королевской четы, которая въ Тильзитѣ, казалось, присутствовала на похоронахъ нѣмецкой независимости. Александръ не могъ забыть прошлаго и, какъ бы ни увлекался онъ обаятельнымъ образомъ геніальнаго корсиканца, въ его ушахъ звучали злые намеки, сдѣланные Наполеономъ еще въ бытность первымъ консуломъ, на мартовскія событія 1801 г. и на роль въ нихъ наслѣдника русскаго престола.

Авторъ введенія совершенно отрицаетъ какое либо вліяніе на Александра министра иностранныхъ дѣлъ, барона Будберга, который не пользовался особымъ расположеніемъ императора и не подписалъ даже Тильзитскаго договора, такъ какъ былъ тактично отстраненъ отъ участія въ переговорахъ: слухъ французскаго императора могла бы непріятно поразить нѣмецкая фамилія посредника, и русскій министръ оставался все время въ Тильзитѣ свидѣтелемъ знаменитаго свиданія въ качествѣ безгласнаго и бездѣятельнаго статиста. Александръ дѣйствовалъ самостоятельно, не считаясь съ чьимъ либо мнѣніемъ, и если его чувство тщеславія и самолюбія было удовлетворено отношеніемъ Наполеона, въ сердцѣ хранилась горечь при мысли о недавнемъ прошломъ.

Чувства Наполеона были совсѣмъ другія. Онъ находился въ апогеѣ своей славы, онъ унизилъ Пруссію и нанесъ сильный ударъ могуществу Россіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не могъ не сознавать, что сѣверный колоссъ далеко не сломленъ, что борьба съ нимъ крайне рискованна по своему исходу, что одновременно у Франціи есть другой врагъ — Англія, дѣйствующая всегда въ свою пользу и преслѣдующая свои выгоды въ распряхъ другихъ народовъ. Для Наполеона прямой и тѣсный союзъ съ Россіей былъ выгоденъ. Пылкое воображеніе этого бога войны рисовало картину совмѣстной борьбы съ англичанами и раздѣла всего міра на двѣ державы: французскую и русскую. Онъ вѣрилъ въ нравственную побѣду надъ Александромъ, вѣрилъ въ искренность союза съ Россіей и въ радужныхъ мечтахъ пожиналъ новые лавры славы.

При такомъ отношеніи другъ къ другу двухъ союзниковъ, изъ которыхъ одинъ въ упоеніи неизмѣнявшаго до сихъ поръ успѣха искалъ дружбы и помощи ради дальнѣйшихъ завоеваній, а другой подъ наружной искренностью скрывалъ уязвленное самолюбіе и вѣру въ часъ расплаты,— конечно, особенно

важное значеніе имѣютъ личности довѣренныхъ пословъ обѣихъ сторонъ и ихъ роль въ дипломатическомъ турнирѣ властителей Запада и Востока.

Выборъ Наполеона нельзя назвать удачнымъ. Первый послѣ Тильзита временно-уполномоченный посолъ, генералъ Савари, несмотря на дружелюбный пріемъ Александра, былъ встрѣченъ русскимъ высшимъ обществомъ холодно и даже враждебно. Петербургская аристократія не могла простить генералу его дѣятельнаго участія въ разстрѣляніи герцога Ангіенскаго. Посолъ негодовалъ и бѣсился, не понимая, какъ общество можетъ не раздѣлять благоволенія императора, и только больше еще портилъ дѣло, не обладая талантомъ терпѣливаго и вкрадчиваго дипломата.

Савари былъ вскорѣ замѣненъ Коленкуромъ, близкимъ лицомъ къ Наполеону, и оставался въ Петербургѣ вплоть до самаго разрыва.

Русскимъ посломъ въ Парижѣ Александръ назначилъ графа П. А. Толстого. Весьма трудно понять, почему изъ окружавшихъ въ то время государя выборъ палъ именно на этого воина екатерининскихъ временъ, солдата и полководца, но отнюдь не дипломата. Толстой, повидимому, и самъ сознавалъ свою непригодность къ порученному ему дѣлу. Онъ вовсе не пытался сблизиться съ французскимъ дворомъ, держалъ себя холодно, серьезно, являлся къ Наполеону со скорбнымъ непроницаемымъ лицомъ, какъ бы заботясь лишь о сохраненіи достоинства побѣжденнаго, и нисколько не способствовалъ закрѣпленію дружбы между Франціей и Россіей.

Несмотря, однако, на явную неспособность Толстого, несмотря на собственныя его просьбы объ отставкѣ, Александръ не замѣнилъ тотчасъ подобно Наполеону своего посла другимъ, болѣе способнымъ. Прошелъ цѣлый годъ, и только въ Эрфуртѣ, во время второго свиданія, русскій императоръ вспоминаетъ о Толстомъ и, соглашаясь на его отставку, назначаетъ на его мѣсто князя Куракина.

Нельзя не видѣть и здѣсь двойственной политики Александра. Въ то время, какъ Коленкуръ обласканъ въ Петербургѣ, постоянно пользуется аудіенціей государя, чуть не ежедневно приглашается во дворецъ на обѣды и балы, русскій посолъ въ Парижѣ не дѣлаетъ ни шага къ сближенію съ Наполеономъ и вызываетъ недоумѣніе своей холодностью и сдержанностью. Александръ сумѣлъ завоевать довѣріе Коленкура, и тотъ до того проникся увѣренностью въ его искренности, что посылалъ французскому императору самыя восторженныя письма и оптимистическія донесенія. Наполеонъ не безъ чувства недовольства называлъ даже Коленкура «monsieur le russe».

Князь Куракинъ обнаружилъ качества истиннаго дипломата, но, видимо, не пользовался особыми полномочіями отъ русскаго императора, почему его дѣятельность являлась далеко не рѣшающей во взаимныхъ отношеніяхъ двухъ державъ. Рядомъ съ Куракинымъ въ Парижѣ велъ дипломатическую игру Чернышевъ, не стѣсняясь подкупами для пріобрѣтенія нужныхъ свѣдѣній, а совѣтникъ русскаго посольства, графъ Нессельроде, оживленно переписывался со Сперанскимъ. Такимъ образомъ всѣ упреки современниковъ въ неумѣлости нашего посла едва ли справедливы. Онъ не былъ самостоятеленъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Александръ до конца не открывалъ никому изъ приближенныхъ

тайны своей политики, и, можетъ быть, одному только русскому императору было ясно, что дѣло идетъ къ неизбѣжному столкновенію.

Великій князь Николай Михаиловичъ заканчиваетъ свое введеніе, составленное крайне интересно и послѣдовательно, подтверждающее взглядъ историка на характеръ сношеній Александра и Наполеона, опредѣленіемъ отвѣтственности двухъ императоровъ за войну 1812 г., далеко не соотвѣтствующимъ общепринятымъ взглядамъ, относящимъ вину къ одной изъ сторонъ.

«Наполеонъ объявилъ войну, вторгнувшись со своими полчищами въ русскіе предѣлы, Александръ мечталъ о ней и ничего не сдѣлалъ, чтобы ее предотвратить, кромѣ внѣшнихъ проявленій обезпеченія мира».

Наполеонъ рѣшилъ войну съ Россіей только въ 1810 г., убѣдившись окончательно въ неискренности своего союзника, Александръ предвидѣлъ столкновеніе еще въ Тильзитѣ. «Онъ только и сблизился съ Наполеономъ, чтобы его погубить, и, когда насталъ моментъ, воспользовался геніально всѣми обстоятельствами, ставъ всенародно жертвой коварства и честолюбія своего союзника».

1812 годъ былъ роковымъ для обоихъ императоровъ. Наполеонъ съ вершины славы упалъ на островъ св. Елены и медленно умиралъ, отрѣзанный океаномъ отъ всего міра. Александръ «изнывалъ отъ бремени жизни», заглушивъ въ мистицизмѣ всѣ благія начинанія своей юности.

Кромѣ донесеній Коленкура и князя Куракина, собраніе документовъ содержитъ депеши Лористона изъ Петербурга къ Наполеону и министру иностранныхъ дѣлъ Шампаньи, а сверхъ того инструкціи французскаго и русскаго министровъ иностранныхъ дѣлъ посламъ, частныя письма князя Куракина къ императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ (изъ собранія рукописей П. Я. Дашкова) и письма графа Нессельроде Сперанскому, часть которыхъ только недавно напечатана въ мемуарахъ, издаваемыхъ его внукомъ въ Парижѣ.

Въ первомъ томѣ воспроизведенъ прекрасный портретъ императора Александра, оригиналъ котораго принадлежитъ графинѣ Мордвиновой; во второмъ — портретъ Наполеона (съ оригинала Аппіани), въ третьемъ — Коленкура (съ миніатюры Изабэ). Послѣдніе два портрета принадлежатъ собранію августѣйшаго автора. **К. Военскій.**

Лѣтопись историко-родословнаго общества въ Москвѣ. Выпуски I, II, III и IV. М. 1905.

Открывшееся около 8 лѣтъ тому назадъ въ С.-Петербургѣ Русское генеалогическое общество до сихъ поръ проявило свою дѣятельность сравнительно въ малой степени. Вышедшіе въ свѣтъ два тома его «Извѣстій» въ большей своей части представляютъ работу одного Н. П. Лихачева. Какъ бы въ противовѣсъ ему, въ концѣ 1904 г., по инціативѣ и стараніямъ небезызвѣстнаго русскаго генеалога, Л. М. Савелова, открывается и въ Москвѣ «Историко-родословное общество», и въ первый же годъ своей дѣятельности печатаетъ четыре выпуска своей «Лѣтописи историко-родословнаго общества въ Москвѣ». Въ первый изъ нихъ вошла обстоятельная монографія Ю. В. Тати-

щева—«Дѣятели Смутнаго времени. I. М. И. Татищевъ». Во второмъ выпускѣ, по которому точнѣе можно опредѣлить и вообще содержаніе будущихъ выпусковъ «Лѣтописи», подраздѣляющемся на отдѣлы: 1) «Изслѣдованія, біографіи родословія», 2) «Семейные архивы, матеріалы», 3) «Замѣтки. Вопросы и отвѣты», и 4) «Библіографія», — находимъ небезынтересную статью С. В. Арсеньева о «Русскихъ дворянскихъ родахъ въ Швеціи» (Нащокиныхъ, Разладиныхъ, Калитиныхъ, Пересвѣтовыхъ и др.); далѣе—описаніе архива Костюриныхъ, съ родословной этого рода и описью документовъ, составленною Н. Мятлевымъ, и наконецъ въ приложеніи довольно обширную статью Т. И. Вяземскаго: «Проф. И. Н. Чернопятовъ. (Къ двадцатипятилѣтію его кончины)».

Во главѣ третьяго выпуска встрѣчаемъ статью Л. М. Савелова: «Происхожденіе и составъ дворянства на Дону въ XVIII вѣкѣ»; затѣмъ въ отдѣлѣ «Матеріаловъ»—нѣсколько данныхъ о родѣ Ивинскихъ, сообщаемыхъ Ю. В. Татищевымъ, и наконецъ въ «Замѣткахъ»—«Списокъ стольниковъ, стряпчихъ и жильцовъ, которымъ жить на Москвѣ въ 1649 г.», сообщенный по документамъ архива Оружейной палаты Ю. В. Арсеньевымъ.

Наконецъ, въ четвертомъ выпускѣ В. Н. Смольяниновъ напечаталъ «Матеріалы для родословія князей Гедиминовичей, извлеченные изъ архива князя Ф. А. Куракина», куда вошли, какъ нигдѣ еще не напечатанныя: 1) «Объявленіе о родствѣ князей Трубецкихъ, Голицыныхъ, Хованскихъ и Куракиныхъ. Отъ которыхъ чреслъ корень произыде, пишутъ лѣтописцы въ своихъ исторіяхъ»; 2) «Родство князей Трубецкихъ, Голицыныхъ, Хованскихъ и Куракиныхъ съ сторонними князьями, короли и съ цесарьми римскими»; 3) «Родство князей Трубецкихъ, Голицыныхъ, Хованскихъ и Куракиныхъ не токмо съ корольми польскими, но и съ корольми гишпанскими, французскими, послѣдиже и съ цесарьми христіанскими». «Авторомъ вышеприведенныхъ трехъ статей», говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи, «весьма плохо переведенныхъ съ польскаго въ первой четверти XVIII в. и безъ всякаго пониманія переписанныхъ въ послѣдней его четверти, былъ, вѣроятно, князь Янушъ Антоній Вишневецкій († 1741) или кто-либо изъ его окружающихъ». 4) «Переводъ съ письма господина князя Вишневецкаго, писаннаго изъ Львова іюля 7-го 1724 года»; 5) «Обученіе краткое о Ягеллонскомъ домѣ князей Корибутовыхъ»; 6) «Письмо князя Дм. М. Голицына къ князю Борису Ивановичу Куракину», и 7) «Письмо кн. П. Вл. Долгорукова къ князю Алексѣю Бор. Куракину». Въ отдѣлѣ «замѣтокъ» этого выпуска заслуживаютъ упоминанія сообщеніе Н. Мурзанова о незаконной дочери императора Павла I, «дѣвицѣ Марѳѣ Павловнѣ Мусиной-Юрьевой», и «Переписка между ген.-ад. Бенкендорфомъ и управляющимъ министерствомъ юстиціи, кн. Долгоруковымъ, по поводу объявленнаго женами декабристовъ Шаховскаго и фонъ-деръ Бриггена желанія ѣхать къ мужьямъ ихъ».

В. Р—въ.

Сватиковъ, С. Г. Общественное движеніе въ Россіи (1700—1895). Изданіе «Донской Рѣчи». Ростовъ на Дону. 1905.

Настоящая книга имѣетъ цѣлью подвести общіе итоги всего историческаго матеріала по вопросу о проектахъ и попыткахъ измѣненія государственнаго

строя въ Россіи за послѣднія 200 лѣтъ. Книга состоитъ изъ двухъ частей. Первая изложена по докторской диссертаціи автора на тему: «Entwürfe der Aenderung der russischen Staatsverfassung. Zur Endwickelung der konstitutionellen Ideen in Russland (1730—1819), Heidelberg, 1904»; вторая—по неизданнымъ до сихъ поръ въ Россіи источникамъ и матеріаламъ въ видѣ различныхъ сборниковъ, мемуаровъ, политическихъ программъ, брошюръ и т. п. Авторъ, какъ объ этомъ онъ сообщаетъ въ предисловіи, намѣренно ограничилъ свою работу тѣмъ, что «изложилъ во всѣхъ проектахъ и программахъ лишь часть, касающуюся политическаго переустройства Россіи, все же касающееся развитія соціальныхъ требованій и теорій исключено».

Обращаясь къ содержанію книги, можно видѣть, что авторомъ затронуты почти всѣ проекты и попытки, клонившіеся къ измѣненію традиціоннаго у насъ порядка правленія. Въ первой части ея изложеніе, начиная съ идеаловъ Посошкова о «народосовѣтіи» и извѣстныхъ кондицій верховниковъ, доведено до смерти Николая I. Здѣсь нашли себѣ мѣсто и болѣе или менѣе подробно изложены проекты дворянства при Аннѣ Іоанновнѣ, конституціонные планы Н. И. Панина (1762 г. и позднѣе), взгляды на самодержавіе кн. Щербатова, Радищева, Николева и Княжнина; изложена судьба екатерининской комиссіи (1767 г.), совѣты Дидро о необходимости народнаго представительства. Подводя итогъ XVIII вѣка, авторъ указываетъ, что въ наибольшей степени стремленіе къ личнымъ и политическимъ правамъ проявилось у дворянства. Но добиться дворянству политическихъ правъ не удалось; взамѣнъ, однако, оно получило освобожденіе отъ обязательной службы и усиленіе власти надъ крестьянами. Наибольшее число проектовъ падаетъ на время Александра I. Авторъ передаетъ содержаніе проектовъ Строганова, Муравьева, Воронцова, Державина, Зубова, Разенкампфа, Новосильцева, Чарторыйскаго и Сперанскаго. Виднѣйшимъ проектамъ, каковыми были, напримѣръ, проекты Новосильцева и Сперанскаго, авторъ даетъ сравнительную оцѣнку. Какъ извѣстно, всѣ конституціонные проекты не приводили ни къ чему. По мысли автора, главная причина неуспѣха, кромѣ личныхъ свойствъ Александра I и другихъ второстепенныхъ обстоятельствъ, лежала въ «инстинктивномъ сопротивленіи всей массы дворянства», которому жилось вполнѣ прекрасно и при самодержавномъ режимѣ, и которое, боясь посягательства при конституціонныхъ порядкахъ на его привилегированное положеніе рабовладѣльцевъ и землевладѣльцевъ, никакихъ «конституцієвъ» не желало. Такое положеніе вызвало къ жизни тайныя общества и движеніе декабристовъ, которое и разсмотрѣно авторомъ довольно обстоятельно. При Николаѣ I произошелъ разгромъ русскаго либерализма, однако освободительныя идеи еще были живы и проявлялись въ извѣстныхъ литературно-общественныхъ кружкахъ 40-хъ г.г., во взглядахъ славянофиловъ и западниковъ, Кирилло-Меѳодіевскаго братства (1847 г.), Герцена, Н. И. Тургенева, Петрашевскаго и др. Все это и передано авторомъ, правда, мѣстами довольно бѣгло.

Вторая часть книги посвящена второй половинѣ XIX вѣка (со времени смерти Николая I). Здѣсь нашли себѣ мѣсто взгляды и программы правительственные, общественные и частныхъ лицъ, затронуты проекты и попытки сла-

вянофиловъ, Герцена, Бакунина, И. С. Тургенева, кн. Васильчикова, тайныхъ обществъ: «Земская Дума» (1862 г.), «Земля и Воля», «Молодая Россія», партіи «Чернаго Передѣла» и «Народной Воли», указаны планы и заявленія дворянскихъ депутатовъ и дворянскихъ собраній, постановленія и ходатайства земствъ и взгляды отдѣльныхъ земскихъ дѣятелей; изложены проекты конституцій: правительственный 1863 г., великаго князя Константина (1865 г.) и «конституція» Лорисъ-Меликова. Послѣ 1881 г., когда началась реакція, конституціонные планы на время исчезли съ фона общественной жизни, но они тотчасъ же появились съ момента вступленія на престолъ Николая II. Это движеніе ясно сказалось въ адресахъ земствъ, поднесенныхъ государю по случаю восшествія его на престолъ. Отвѣтомъ была извѣстная рѣчь Николая II о «безсмысленныхъ мечтаніяхъ» и категорическій отвѣтъ: «пусть всѣ знаютъ, что я, посвящая всѣ силы благу народному, буду охранять начало самодержавія такъ же твердо и неуклонно, какъ охранялъ его мой незабвенный покойный родитель». На этомъ и кончается книга.

Не вдаваясь въ подробный разборъ содержанія книги г. Сватикова, можно сказать, что при всѣхъ ея достоинствахъ въ ней встрѣчается рядъ пропусковъ, неточностей и промаховъ. Впрочемъ это сознаетъ и самъ авторъ, говоря, что его «работа написана спѣшно», въ ней замѣтно «недостаточно полное изложеніе проектовъ, пропуски, умолчанія и нѣкоторая несоразмѣрность частей». Нужно, однако, отдать справедливость автору, онъ сумѣлъ сгруппировать многочисленный матеріалъ и дать въ общемъ довольно вѣрную картину общественнаго движенія въ сторону конституціонализма. Значеніе его книги возрастаетъ оттого, что до сихъ поръ у насъ подобнаго обзора въ литературѣ не было. Его же попытку можно назвать вполнѣ удачной.

К—въ.

П. А. Смирновъ. Жизнь и ученіе преосвященнаго Ѳеофана, вышенскаго затворника. Шацкъ. 1905.

Въ Вышенской пустыни Шацкаго уѣзда, Тамбовской губерніи, 6 января 1894 г. скончался извѣстный русскій архипастырь, преосвященный Ѳеофанъ, одинъ изъ рѣдкихъ русскихъ моралистовъ не по ученію только, но и въ жизни, къ голосу которыхъ, къ сожалѣнію, мало прислушивается интеллигентное русское общество, выдвигающее, взамѣнъ того, своихъ «учителей», несущихъ невозможную «отсебятину», противную для мало-мальски дисциплинированнаго ума и проникнутаго истинно христіанскимъ чувствомъ сердца. Въ виду современнаго у насъ оживленія въ области церковно-религіозныхъ идей, г. Смирновъ хорошо сдѣлалъ, издавъ, въ память десятилѣтія со дня смерти епископа Ѳеофана, свою о немъ книгу.

Сочиненіе г. Смирнова состоитъ изъ двѣнадцати главъ. Въ первой изъ нихъ (стр. 10—19) разсказывается о домашнемъ воспитаніи и школьномъ образованіи епископа Ѳеофана, въ мірѣ Георгія Васильевича Говорова, родившагося въ 1815 г. въ семьѣ священника Орловской губерніи, закончившаго ученіе въ Кіевской духовной академіи, подъ руководствомъ ректора Иннокен-

тія, извѣстнаго церковнаго витіи. Во второй главѣ (стр. 20—49) рѣчь идетъ объ учебно-воспитательной службѣ епископа Ѳеофана и раскрываются его педагогическія воззрѣнія. Въ третьей главѣ (стр. 50—54) разсказывается о службѣ епископа Ѳеофана въ русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ вмѣстѣ съ знаменитымъ епископомъ Порфиріемъ Успенскимъ и въ Константинополѣ, въ должности настоятеля посольской церкви. Въ главѣ четвертой (стр. 55 — 83) рѣчь идетъ о службѣ преосвященнаго Ѳеофана въ санѣ епископа тамбовскаго и владимирскаго.

Въ 1866 г. епископъ Ѳеофанъ отказался отъ каѳедры и удалился въ Вышенскую пустынь. Онъ ушелъ отъ міра, чтобы быть наединѣ съ Богомъ. «Ибо затворъ что есть?—писалъ епископъ въ одномъ своемъ письмѣ: — то, когда умъ, заключившись въ сердцѣ, стоитъ предъ Богомъ въ благоговѣніи и выходитъ изъ сердца и ни чѣмъ нибудь другимъ заниматься не хочетъ». Въ пятой главѣ книги (стр. 83—154) описывается жизнь епископа Ѳеофана въ затворѣ, указывается внѣшняя обстановка затвора, подробно излагается содержаніе его сочиненія: «Путь ко спасенію», служащаго ключемъ къ пониманію жизни автора въ затворѣ, описываются его труды и подвиги — молитва, духовное писательство и занятія рукодѣліемъ, нестяжательность, дѣла милосердія, смиренія и т. п.

Слѣдующія пять главъ (VI—X, стр. 154—323) посвящены обстоятельному обзору сочиненій епископа Ѳеофана—нравоучительныхъ, гомилетическихъ, истолковательныхъ, многочисленныхъ его писемъ и переводовъ («Добротолюбіе»). Г. Смирновъ предлагаетъ ихъ частью въ изложеніи, частью въ буквальныхъ выдержкахъ, поставляя сочиненія въ связь съ жизнью епископа и излагая религіозно-нравственное міровоззрѣніе вышенскаго затворника по руководству его собственныхъ трудовъ.

Въ XI главѣ (стр. 323—335) описывается послѣднее время жизни епископа Ѳеофана и его кончина, а въ послѣдней (XII) главѣ (стр. 335 — 349) оцѣнивается общественно-нравственное значеніе его жизненнаго подвига. Епископъ Ѳеофанъ былъ учителемъ жизни не только путемъ своихъ сочиненій, но и подвигомъ жизни, что важнѣе. Его ученіе понятно и доступно всѣмъ, а не только избраннымъ, такъ какъ всецѣло основывалось на христіанствѣ—религіи жизни. Знакомство съ его сочиненіями въ высшей степени полезно.

Хорошо сдѣлалъ и г. Смирновъ, напомнивъ русскому обществу о замѣчательномъ современномъ моралистѣ-христіанинѣ. Авторъ хорошо изучилъ многочисленныя сочиненія епископа Ѳеофана и воздалъ должную дань своего «глубочайшаго благоговѣнія къ памяти великаго христіанскаго учителя и подвижника». Σ.

Н. Ончуковъ. Старина и старообрядцы. Спб. 1905.

Книга г. Ончукова представляетъ сводъ его наблюденій надъ жизнью населенія и положеніемъ старинной традиціи на крайнемъ сѣверѣ. Изслѣдователь сдѣлалъ двѣ поѣздки. Въ 1903 г. онъ посѣтилъ Поморье, Терскій и Мурманскій берега, а въ 1904 г.—Петрозаводскій, Пудожскій, Каргопольскій и Повѣнецкій уѣзды Олонецкой губерніи.

За послѣднее время изслѣдователи крайняго сѣвера отмѣчаютъ упадокъ тамъ старинныхъ традицій (Григорьевъ: «Архангельскія былины и историческія пѣсни», М., 1904). То же самое констатируетъ и г. Ончуковъ. Изслѣдователь почти не встрѣчалъ людей, знающихъ былины и сказки; его любознательность къ послѣднимъ была совершенно непонятна крестьянамъ. Причину этому г. Ончуковъ видитъ въ усиливающемся вліяніи города. Особенно большую роль въ отдаленіи населенія отъ народнаго творчества сыграла, на его взглядъ, газета. Въ глубинѣ народной души, по свидѣтельству изслѣдователя, происходитъ «переоцѣнка цѣнностей», состоящая въ тѣсной зависимости отъ измѣненія экономическихъ условій жизни; народъ уже не удовлетворяется старыми идеалами, а ищетъ новыхъ. Въ связи съ этимъ и стоитъ упадокъ старинной традиціи. «Былины,—говоритъ г. Ончуковъ,— могли храниться, любиться и пѣться до тѣхъ поръ, пока къ нимъ могло существовать, такъ сказать, религіозное отношеніе, пока мораль, въ нихъ проповѣдуемая, была моралью для тѣхъ, кто пѣлъ былины, пока идеалы героевъ почти совпадали и взгляды на жизнь были тожественны со взглядами пѣвцовъ». Въ борьбѣ старой русской культуры съ новымъ, еще очень смутно выяснившимся началомъ, принимаетъ большое участіе въ посѣщенныхъ г. Ончуковымъ мѣстностяхъ очень сильный по вліянію элементъ—старообрядчество.

Подъ административнымъ давленіемъ, господствующимъ въ полной силѣ за послѣднее десятилѣтіе, этотъ элементъ значительно ослабъ. Изслѣдователь рисуетъ любопытную картину полицейскаго произвола и возмутительнаго отношенія къ старообрядцамъ и памятникамъ старинной культуры мѣстныхъ административныхъ лицъ и духовенства. Посѣщенныя г. Ончуковымъ мѣстности очень богаты памятниками старины. Здѣсь изслѣдователь встрѣчалъ множество церквей старинной архитектуры, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ попадались ему интересныя иконы, книги и рукописи. Храмы, представляющіе цѣнные памятники древняго зодчества, за послѣднее время «реставрируются». Это реставрированіе состоитъ въ томъ, что совершенно измѣняютъ лики на иконахъ, старинное оригинальное чешуйчатое покрытіе кровлей замѣняется тесомъ или желѣзомъ, словомъ, уничтожаются всѣ остатки старины. Особенно возмутительно отношеніе къ древнимъ книгамъ и рукописямъ. Такъ, г. Ончуковъ видѣлъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, въ городѣ Оксинѣ на Печорѣ, въ Сумѣ, въ Кандалакшѣ и др., какъ цѣлыя кучи рукописей и старопечатныхъ книгъ, среди которыхъ есть очень цѣнныя въ научномъ отношеніи, валяются безъ всякаго присмотра въ сырыхъ подвалахъ среди разнаго хлама.

Въ своихъ поѣздкахъ г. Ончуковъ не ограничился своей прямой задачей—записываніемъ сказокъ, былинъ, собираніемъ старинныхъ вещей, древнихъ книгъ и рукописей, но и дѣлалъ наблюденія надъ жизнью населенія, надъ его нравами, всматривался въ его бытъ. Имъ сдѣланы интересныя наблюденія надъ эволюціей міровоззрѣнія народа и надъ ролью въ этомъ старообрядчества. Взглядъ на правовое положеніе послѣдняго, а также симпатіи г. Ончукова вполнѣ примыкаютъ къ взглядамъ и симпатіямъ тѣхъ изслѣдователей, виднымъ представителемъ которыхъ является г. Пругавинъ. **А. Фоминъ.**

D-r. A. Brückner. Geschichte der russischen Litteratur. Leipzig. 1905.

За послѣднія лѣтъ пятьдесятъ русская литература прочно заняла подобающее ей мѣсто въ западномъ мірѣ. Тургеневъ, напримѣръ, до того акклиматизировался въ Европѣ, что его слѣдуетъ считать писателемъ не только русскимъ, но и всемірнымъ. Были случаи, когда онъ писалъ по-французски и потомъ уже переводилъ на русскій языкъ. Его вліяніе хватаетъ даже черезъ Атлантическій океанъ, и историки литературы въ состояніи указать на явные слѣды подражанія Тургеневу у молодыхъ американскихъ беллетристовъ. Толстого нигдѣ такъ не читаютъ и не изучаютъ, какъ въ Англіи: тамъ создалась о немъ цѣлая литература. Идеи даже такого темнаго для европейскаго читателя писателя, какъ Достоевскій, также входятъ въ общелитературный оборотъ, и теперь никто не будетъ спорить, что имѣвшій въ свое время большой успѣхъ романъ Бурже «Le disciple» навѣянъ «Преступленіемъ и наказаніемъ». Dii minores русской литературы тоже находятъ за границей радушный пріемъ. Укажемъ хотя бы на тотъ фактъ, что изъ нашихъ современниковъ переведенъ въ значительной степени Чеховъ, а Горьковское «На днѣ» было даже поставлено на одной изъ берлинскихъ сценъ.

По мѣрѣ увеличенія интереса западнаго читателя къ идеямъ русскихъ писателей, естественно, развивалась и критическая о нихъ литература. Брандесъ въ Копенгагенѣ, Цабель въ Берлинѣ, Диллонъ въ Лондонѣ и Вогюэ въ Парижѣ пристально слѣдили и слѣдятъ, насколько то для нихъ возможно, за развитіемъ этой литературы, столь не похожей ни на одну изъ западныхъ. «Что-то они всѣ подготовляютъ и обрабатываютъ тамъ, и молодые, и старые, всѣ люди, одаренные доброю волею?»—спрашиваетъ Брандесъ, кончая одинъ изъ своихъ этюдовъ по русской литературѣ. «Грандіозную, богатую, теплую природу... безконечно разросшуюся, наполняющую душу грустью и надеждой... непроницаемую, глубоко таинственную... материнское ложе для новыхъ явленій жизни и новой мистики... Россію и будущее».

Уже четверть вѣка тому назадъ нѣмцы сдѣлали попытку понять развивающіяся въ нашей литературѣ идеи въ ихъ послѣдовательной исторической связи. Въ результатѣ явилась обширная исторія русской литературы Рейнгольдта. Теперь она, конечно, устарѣла, не удовлетворяетъ своему назначенію, и на смѣну ей явился недавно трудъ Валишевскаго, красиво написанный, но совершенно не научный и испорченный бьющей въ глаза тенденціей. Вслѣдъ за Валишевскимъ за благодарную задачу объяснить западу русскую литературу взялся берлинскій профессоръ Брикнеръ. Если не ошибаемся, онъ занимаетъ въ Берлинѣ каѳедру славянскихъ языковъ и, стало быть, находится для такой работы въ особенно благопріятныхъ условіяхъ, тѣмъ болѣе, что, судя по цитатамъ, онъ хорошо владѣетъ русскимъ языкомъ. Если принять во вниманіе званіе, спеціальность автора и возможность для него въ подлинникѣ изучить русскихъ писателей, заранѣе можно сказать, что въ его трудѣ не найдемъ фактическихъ ошибокъ. И дѣйствительно, читая книгу г. Брикнера, испытываешь такое впечатлѣніе, какъ будто она написана гдѣ нибудь въ Россіи и

только потомъ переведена по-нѣмецки. Автору отлично извѣстна вся, такъ сказать, анекдотическая сторона дѣла вплоть до казуса съ пресловутымъ фельетонистомъ, г. Амфитеатровымъ, въ газетѣ «Россія».

Но, конечно, для настоящей исторіи литературы, особенно написанной ученымъ спеціалистомъ, однихъ фактическихъ данныхъ и общихъ, давно извѣстныхъ и шаблонныхъ характеристикъ еще недостаточно. Нужно выяснить и дать читателю почувствовать самый геній народа, отразившійся въ его литературѣ. Надо вскрыть тотъ процессъ, въ которомъ наши писатели подготовляютъ Россію... и будущее. Вотъ на это-то г. Брикнера не хватило.

Уже читая сдѣланную имъ характеристику Пушкина, начинаешь сомнѣваться въ правильности его критической мѣрки. Пушкинъ, по мнѣнію берлинскаго профессора, мѣнялъ свои убѣжденія, какъ перчатки. Это безнадежное замѣчаніе не оставляетъ сомнѣнія, что не г. Брикнеру оцѣнить широту и разносторонность природы Пушкина, котораго никакъ не уложишь въ рамки какого нибудь одного опредѣленнаго направленія. Непониманіе природы Пушкина, естественно, приводитъ автора и къ ложному выводу: Пушкинъ національный русскій поэтъ, но поэзія его вовсе не національна (?!). (P. ist der nationale Dichter der Russen, obwohl seine Dichtung durchaus nicht national ist).

Особенно слабъ г. Брикнеръ тамъ, гдѣ ему приходится имѣть дѣло съ чисто русскими, національными идеями. Славянофильство, напримѣръ, представляется ему не болѣе, какъ шовинизмомъ кружка московскихъ дворянъ, связанныхъ между собою узами родства и свойства. «Славянофильское пониманіе братской любви и міроваго призванія Россіи для насъ простое шарлатанство»,—говоритъ онъ. Больше всего достается отъ автора Хомякову. Приводя его мысли о томъ, что именно Россіи суждено дать Западу настоящее христіанское просвѣщеніе, г. Брикнеръ сопровождаетъ это мѣсто ироническимъ восклицаніемъ: и это при существованіи 3-го отдѣленія, цензуры и святѣйшаго синода! Авторъ какъ будто и не догадывается, что славянофилы сами не меньше ратовали противъ излишняго государственнаго гнета, чѣмъ западники. Такъ же пренебрежительно трактуются богословскіе труды Хомякова, хотя его противники: англичанинъ Пальмерсъ и католическій богословъ Лоранси, были насчетъ нихъ другого мнѣнія. Жаль читателя, который вздумаетъ познакомиться съ славянофильствомъ по книгѣ г. Брикнера.

Для окончательнаго опредѣленія степени проникновенности и критической прозорливости автора, попробуемъ еще разобраться въ его воззрѣніяхъ на такого писателя, какъ Достоевскій. Брикнеръ относится къ нему съ восторгомъ и справедливо замѣчаетъ, что Достоевскій является «великимъ учителемъ Ницше», предшественникомъ новѣйшихъ декадентовъ, сатанистовъ и оргіастовъ. Онъ пораженъ глубиною и силою его психическаго анализа и увѣренъ, что пока метафизическіе вопросы о добрѣ и злѣ, о потусторонней природѣ (Nachseite) человѣческаго духа будутъ занимать людей, до тѣхъ поръ будетъ читаться и Достоевскій. Конечно, все это вѣрно. На какъ скоро рѣчь заходитъ о религіозно-философскихъ идеяхъ автора «Братьевъ Карамазовыхъ», опять выступаетъ на сцену то же непониманіе сущности дѣла, какое авторъ уже обнаружилъ, говоря о славянофилахъ. Тутъ для нѣмецкаго историка Достоевскій

превращается въ зауряднаго «энтузіаста византійскаго православія и монгольскаго самодержавія». Нѣтъ надобности доказывать, что такая оцѣнка Достоевскаго и фальшива и въ высшей степени груба. Въ ней можно было бы, пожалуй, увидѣть тенденціозность автора. Но намъ думается, что онъ просто органически не способенъ къ воспріятію глубокихъ мистическо-религіозныхъ идей. Говоря объ извѣстной ссорѣ между Грановскимъ и Герценомъ, Брикнеръ замѣчаетъ, что послѣ разрыва Герценъ сталъ чистымъ атеистомъ и соціалистомъ, а Грановскій остался при своей вѣрѣ въ безсмертіе души и «при прочей романтикѣ».

Конечно, если для нѣмецкаго историка русской литературы вѣра въ безсмертіе души есть только романтика, то многое въ русской литературѣ покажется ему нелѣпымъ и непонятнымъ. Но тогда лучше и не приступать къ выясненію все еще загадочной для европейца области.

А. Б—въ.

Н. Козминъ. Н. И. Надеждинъ. Спб. 1905.

Хотя вопросъ о романтизмѣ, его роли и значеніи въ исторіи русской литературы освѣщенъ довольно хорошо, но критика того времени и ея представители еще недостаточно.

Изученію современной романтизму критики посвятилъ себя г. Козминъ. Два года тому назадъ онъ выпустилъ объемистую книгу объ одномъ изъ самыхъ видныхъ критиковъ того времени — Полевомъ: «Очерки по исторіи русскаго романтизма. Н. Полевой, какъ выразитель литературныхъ направленій современной ему эпохи» (Спб., 1903). Настоящій трудъ посвященъ другому видному критику этой эпохи — Надеждину. Первая работа г. Козмина, не отличаясь какими либо особенными достоинствами, обнаруживаетъ въ авторѣ удивительное трудолюбіе. То же самое приходится сказать и о второй.

Книга автора представляетъ пространную біографію Надеждина, при чемъ составитель не пользуется новыми матеріалами, а основывается на старыхъ, давно уже извѣстныхъ. Къ сожалѣнію, г. Козминъ не говоритъ, какую задачу преслѣдуетъ онъ въ своемъ трудѣ. Намъ кажется, что главной задачей работы объ историческомъ дѣятелѣ, о которомъ уже существуетъ довольно обширная литература, является — внести новыя, еще неизвѣстныя черты для его обрисовки, дать на основаніи ихъ новую, болѣе полную характеристику. Составлять же біографію, не внося ничего новаго, имѣетъ смыслъ только тогда, когда работа носитъ популярный характеръ, и цѣль ея состоитъ въ томъ, чтобы напомнить обществу о забытомъ имъ дѣятелѣ. Но трудъ г. Козмина предназначенъ не для широкой публики, а скорѣе для спеціалистовъ. Для послѣднихъ онъ, однако, въ силу указаннаго, не имѣетъ никакого значенія.

Но даже, и какъ пространная біографія, книга не выдерживаетъ критики: характеристика Надеждина, данная авторомъ, не полная и не яркая. Имъ, напримѣръ, не отмѣчены противорѣчія, въ которыя часто впадалъ критикъ, о чемъ сообщаетъ Бѣлинскій, чтò имѣетъ важное значеніе для общей обрисовки. Кромѣ того, говоря о работахъ и лекціяхъ критика, г. Козминъ не даетъ яснаго пред-

ставленія о нихъ, плохо выясняетъ основные взгляды Надеждина. Самый же важный недостатокъ труда заключается въ томъ, что авторъ почти обходитъ вопросъ о роли Надеждина, какъ профессора, и о вліяніи его на современную молодежь.

Въ виду этого не получается яснаго представленія объ этомъ видномъ дѣятелѣ, его вліяніи на современное ему общество и о его историческихъ заслугахъ. Г. Венгеровъ на нѣсколькихъ страницахъ примѣчанія къ издаваемымъ имъ сочиненіямъ Бѣлинскаго сумѣлъ дать яркую характеристику Надеждина, между тѣмъ, г. Козминъ въ спеціальной и довольно объемистой работѣ не сказалъ ничего существеннаго, а повторилъ лишь давно извѣстное.

Отмѣчая это, мы не желаемъ отнимать отъ г. Козмина его заслугъ, какъ трудолюбиваго работника. Всякій, кто знакомъ хотя бы съ упомянутымъ его трудомъ о Полевомъ, согласится съ нами. Жаль, что при наличности трудолюбія г. Козминъ не обладаетъ качествомъ, необходимымъ для всякаго изслѣдователя историко-литературныхъ явленій.

А. Фоминъ.

Сказки Кавказа. Жемчужное ожерелье. Собраны и изложены В. А. Гатцукомъ. Изданіе А. С. Понафидиной. 9 выпусковъ. М. 1904—1905.

Подъ заглавіемъ «Жемчужное ожерелье» издано 9 выпусковъ сказокъ различныхъ племенъ Кавказа. Сюда вошли сказки осетинъ, чеченцевъ, кабардинцевъ, грузинъ (свановъ, мингрельцевъ), армянъ, горцевъ-евреевъ, татаръ, кумыковъ, дагестанцевъ и др. Всего мы насчитали 56 сказокъ. Текстъ иллюстрированъ рисунками, характеризующими не только героевъ сказокъ, но и бытъ тѣхъ племенъ, устное творчество которыхъ послужило матеріаломъ для «Жемчужнаго ожерелья». Трудъ г. Гатцука не представляетъ механическаго собранія кавказскихъ сказокъ, заимствованныхъ изъ различныхъ печатныхъ источниковъ. Авторъ сборника задался цѣлью ознакомить «большую» публику съ міровоззрѣніемъ и поэтическимъ творчествомъ кавказскихъ племенъ. Въ этихъ видахъ онъ отказался отъ мысли приводить сказки текстуально и излагалъ ихъ, перерабатывалъ, не отрываясь отъ почвы народнаго творчества, сдерживая свою фантазію въ предѣлахъ, соотвѣтствующихъ бытовымъ особенностямъ, религіознымъ вѣрованіямъ (чинка, каджи, Рокапи), степени культурнаго развитія того племени, сказкѣ котораго онъ придавалъ художественную форму. Иногда онъ связывалъ отрывки, напримѣръ, «Дорогой перстень» различныхъ сказокъ, принадлежащихъ одному племени, но такъ искусно, что получается вполнѣ цѣльное и законченное впечатлѣніе. При такой мозаичной работѣ авторъ обнаружилъ тонкое литературное чутье и недюжинный художественный талантъ. Картины природы и быта Кавказа очерчены имъ съ истиннымъ поэтическимъ вдохновеніемъ. Можно было бы, конечно, выбрать иныя сказки, болѣе характерныя и типичныя (напримѣръ, «Въ кузницѣ цыганъ нужнѣе князя») для того или иного племени Кавказа, столь пестраго въ своемъ этнографическомъ составѣ. Нерѣдко сказка, означенная осетинской, представляетъ

полную аналогію обращающейся среди грузинъ подобной сказкѣ (напримѣръ, «Муравей и кузнечикъ»); есть сказки, источникъ которыхъ сохранился лишь въ письменной литературѣ и успѣлъ исчезнуть въ устной передачѣ (напримѣръ, «Тритино»); слѣдовало бы точнѣе опредѣлить племенное происхожденіе «сказокъ дагестанскихъ», ибо Дагестанъ является небольшимъ этнографическимъ калейдоскопомъ. Составитель сказокъ за рѣдкимъ исключеніемъ удачно объяснялъ оставленные имъ термины для обозначенія бытовыхъ и религіозныхъ особенностей, но есть и не вполнѣ точныя ихъ толкованія (въ родѣ «чуста», «кожаная зурна»), неправильныя транскрипціи («идеми» вм. дэви, «хаджи» вм. каджи, «Мкемъ» вм. Микенъ), смѣшеніе фамилій (напримѣръ, въ горско-еврейской сказкѣ герой носитъ грузинскую фамилію). Эти погрѣшности не умаляютъ достоинствъ «Жемчужнаго ожерелья» г. Гатцука, въ художественной обработкѣ излагающаго сказки кавказскихъ племенъ, при томъ болѣе стройно и изящно, чѣмъ это удавалось его предшественникамъ. Пожелаемъ широкаго распространенія этому прекрасному труду г. Гатцука и будемъ ждать съ нетерпѣніемъ X выпуска, который будетъ отведенъ главному герою кавказскихъ сказокъ—Амирану.

А. Хахановъ.

С. Ф. Годлевскій. Къ вопросу о свободѣ и правѣ. Спб. 1906.

Брошюра С. Ф. Годлевскаго «Свобода и право» представляетъ краткое популярное изложеніе основныхъ условій правового развитія. Основная мысль автора та, что всякія общественныя формы обусловливаются естественными потребностями человѣческой личности, и что всякое дѣйствующее право, даже государственное, опредѣляющее форму правленія, оказываетъ то или другое вліяніе на жизнь человѣка, а потому право дѣйствительно лишь постольку, поскольку оно отвѣчаетъ естественнымъ потребностямъ человѣка. Оно должно служить средствомъ всесторонняго развитія человѣческой личности и народовъ и объединенія ихъ въ общечеловѣческомъ союзѣ, т.-е. человѣкъ, хотя и подчиняется закону, но вмѣстѣ съ тѣмъ есть и его творецъ, вслѣдствіе чего человѣкъ стоитъ выше всякаго права, ибо «творецъ не можетъ быть рабомъ своего творенія». Вотъ почему автономная идеальная человѣческая личность въ ея стремленіи къ высшему развитію и къ всеобщей свободѣ является вѣчнымъ, животворящимъ началомъ права, а отожествленіе личной воли съ общественными и классовыми интересами путемъ глубокаго проникновенія правосознанія въ народныя массы и въ сознаніе отдѣльныхъ лицъ—вотъ незыблемое основаніе всякаго истиннаго прочнаго правопорядка.

Со временъ французской революціи въ западно-европейскихъ государствахъ началось всестороннее правовое развитіе, и этотъ періодъ отмѣченъ широкимъ развитіемъ чувства общественности.

Въ этотъ періодъ нынѣ вступила Россія. Государство постепенно превращается въ общество—въ этомъ заключается смыслъ переживаемаго нами въ настоящее время переворота. На первый планъ выступаютъ стремленія и потребности собирательной человѣческой личности, которымъ должны быть подчинены интересы власти и правящихъ классовъ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе этой интересной брошюры. При этомъ почтенный авторъ бросаетъ ретроспективный взглядъ на постепенное развитіе права, начиная съ первобытныхъ временъ и кончая современнымъ его состояніемъ. Онъ подробно останавливается на ученіи Гуго Гроція, общепризнаннаго основателя новой философіи права, которому принадлежитъ идея, что единственный источникъ общечеловѣческаго права есть человѣческій разумъ, и его знаменитое сочиненіе «О правѣ войны и мира» имѣло цѣлью открытіе такихъ началъ права, которыя были бы обязательны для всѣхъ временъ и народовъ. Исходной точкой для Гуго Гроція служитъ положеніе, что «человѣку свойственны стремленія жить съ подобными себѣ въ общеніи разумномъ и благоустроенномъ». Изъ общей системы права онъ выдѣляетъ цѣлую область естественнаго, вытекающаго изъ выводовъ разума и составляющаго его неизмѣнное начало, обязательное для всѣхъ временъ и народовъ. Этотъ взглядъ послужилъ основой для извѣстной «деклараціи правъ человѣка» и большинства послѣдующихъ революціонныхъ ученій. Затѣмъ авторъ подробно останавливается также на теоріи Гоббса, изложенной въ сочиненіяхъ его: «О матеріи формъ власти государствъ духовной и гражданской», «О человѣкѣ» и «О гражданинѣ». По ученію Гоббса, основаніе естественнаго права есть борьба за существованіе. Таково, по его мнѣнію, естественное первобытное, догосударственное состояніе людей. Подтвержденіемъ этого взгляда являются отношенія дикарей между собою, частыя междоусобныя войны, кровавая, неумолимая борьба за существованіе, которую ведутъ государства въ теченіе многихъ столѣтій. Эта борьба сопровождается постояннымъ страхомъ, потому что ни у одного человѣка и ни у какого государства не можетъ быть увѣренности, что побѣда всегда останется на ихъ сторонѣ. Поэтому люди стремятся къ безопасности, т.-е. къ миру, а для достиженія мира необходимо каждому отказаться отъ принадлежащаго ему естественнаго права на все. Въ этомъ именно заключается второй основной законъ природы. Но послѣдствіемъ односторонняго отказа явилось бы рабство того, кто прежде другихъ отказался бы отъ борьбы. Слѣдовательно необходимо, чтобы всѣ въ равной степени отказались отъ стремленія осуществить свое естественное право на все. Это всеобщее отреченіе, эта взаимная жертва людей ради общаго блага лучше всего выражена въ евангельской заповѣди: «не дѣлай другимъ того, чего себѣ не желаешь». Отказъ отъ права выражается или путемъ простого отреченія отъ принадлежащихъ данной личности правъ, или путемъ передачи ихъ другому лицу или группѣ лицъ. Въ этой послѣдней формѣ самоограниченія личности заключается, по мнѣнію Гоббса, начало государственной власти. Такимъ образомъ, государство, по словамъ Гоббса,—единственный представитель и обладатель абсолютнаго права на все, которое первоначально въ естественномъ состояніи принадлежало всякому человѣку, и отъ котораго онъ отказался ради вѣрнѣйшаго обезпеченія своей безопасности.

Сопоставивъ противоположныя системы двухъ упомянутыхъ мыслителей, авторъ полагаетъ, что право слагается путемъ взаимодѣйствія и неизбѣжнаго компромисса между исторически возникшей государственной властью, съ одной стороны, и человѣческимъ разумомъ и человѣческими потребностями, съ другой.

М. Л. де-Вальденъ.

С. Боркгаймъ. Движеніе чартистовъ. Переводъ съ нѣмецкаго И. Вилька. Спб. 1905.

Огромная орда позорныхъ своимъ рабскимъ страхомъ россіянъ, наводнившая въ теченіе 1905 г. всѣ столицы и курорты Европы, наполнившая русскими деньгами иностранные банки, съ какимъ невѣжествомъ она обобщала каждое субъективное впечатлѣніе, какъ была слѣпа и глуха къ урокамъ исторіи, хотя бы лишь одного минувшаго вѣка!..

«Рѣшено было: вынуть въ одинъ и тотъ же день вклады изъ банковъ, чтобы произвести заминку въ дѣлахъ», «отпраздновать святой мѣсяцъ», въ теченіе котораго всѣ работы должны быть прекращены; вооружиться, какъ то подобаетъ свободнымъ людямъ». Это резюме манифеста 13 мая 1839 г., изданнаго конвентомъ чартистовъ въ Бирмингамѣ. Этотъ эпизодъ, какъ и цѣлый рядъ другихъ изъ исторіи движенія чартистовъ въ Англіи, положительно злободневенъ и несомнѣнно близокъ современному читателю. Злободневенъ и по нынѣшнимъ временамъ положительно поучителенъ и весь общій ходъ чартистскаго движенія. Партія чартистовъ была партіей промышленнаго пролетаріата, объединившая своимъ знаменемъ всѣ его политическія и соціальныя надежды и идеалы, но вмѣстѣ съ этимъ включившая въ свою среду значительный кругъ мелкой и средней либеральной буржуазіи. Собственно говоря, рабочая хартія (Charte), давшая названіе всему движенію, заключала въ себѣ лишь исключительно политическія требованія, выраженныя въ слѣдующихъ знаменитыхъ «шести пунктахъ хартіи народа»: 1) Всеобщее право голоса для совершеннолѣтнихъ мужчинъ, находящихся въ здравомъ умѣ и не уличенныхъ въ какихъ либо преступленіяхъ; 2) ежегодный парламентъ; 3) жалованье депутатамъ; 4) тайные выборы путемъ баллотировки; 5) равные избирательные округа; 6) отмѣна имущественнаго ценза для кандидатовъ въ члены парламента.

Нынѣ почти всѣ пункты хартіи проведены въ жизнь, но осуществленіе ихъ въ 1830—1840 гг. минувшаго вѣка привело бы Великобританію къ полнѣйшей реорганизаціи всего соціальнаго строя, къ настоящей соціальной революціи. Соціальный характеръ всего движенія усиливался тѣмъ, что подъ политическое знамя хартіи въ концѣ концовъ собрались сторонники всевозможныхъ реформъ. Тутъ были борцы за десятичасовой рабочій день, ярые противники новаго закона о бѣдныхъ, проповѣдники аграрной реформы и агитаторы за отмѣну хлѣбныхъ законовъ. Соціальную сторону чартизма прекрасно понялъ и мѣтко освѣтилъ въ одной своей рѣчи выдающійся дѣятель движенія Стефенсъ. «Чартизмъ, друзья мои,—сказалъ онъ,—не политическій вопросъ, при которомъ рѣчь идетъ о томъ, что вы получите избирательныя права и т. д., а вопросъ ножа и вилки; хартія означаетъ хорошее жилище, хорошія пищу и платье, хорошее содержаніе и непродолжительное рабочее время».

Весь періодъ чартистскаго движенія и особенно бурные его годы (1846—1847) ознаменовались множествомъ изъ ряда вонъ выходящихъ и нерѣдко выдающихся по трагизму эпизодовъ. Безконечная вереница острыхъ впечатлѣ-

ній, безпрерывно ложась на души изнервничавшихся современниковъ, создала иллюзію гибели всѣхъ основныхъ началъ общежитія всего соединеннаго королевства. «Не закатится ли скоро среди бѣла дня солнце великой Англіи?»—спрашивалъ одинъ ораторъ. «Вы не можете указать,—продолжаетъ онъ,—почти ни одного средства, которое могло бы вывести націю изъ теперешняго кризиса и спасти ее отъ паденія». А въ дѣйствительности развязка чартизма была близка. Чтобы лучше понять ее, выслушаемъ авторитетнѣйшаго теоретика современной соціалдемократіи. «Буржуазное общество,—пишетъ Каутскій,—слишкомъ сложно, чтобы большое революціонное движеніе могло быть дѣломъ одного какого либо класса». Хотя ядро чартизма состояло изъ промышленнаго пролетаріата, но его окружали, придавая мощный и широкій характеръ всему движенію, широкіе слои мелкой и средней буржуазіи. Чѣмъ шибче шелъ чартизмъ по революціонному пути, тѣмъ быстрѣе рѣдѣли ряды его буржуазныхъ сторонниковъ. Часть ихъ отхлынула, напуганная крайностями движенія, другая удовлетворилась частичными правительственными реформами. Десятое апрѣля 1848 г. — день неудачной чартистской демонстраціи, можно считать поворотнымъ пунктомъ движенія, съ котораго оно быстро пошло на убыль. Оставленный буржуазіей, — вспомните цитированныя слова Каутскаго,—революціонный пролетаріатъ оказался неспособнымъ развить прежнюю интенсивную дѣятельность, и до средины 1850-хъ г. чартизмъ влачилъ жалкое существованіе и затѣмъ совсѣмъ канулъ въ лету. Съ гибелью чартизма рабочее движеніе, сойдя съ политической и соціальной почвы, вошло въ рамки мирнаго, почти консервативнаго, профессіональнаго движенія. Въ исторіи соціалъ-демократіи чартизмъ представляется этапомъ крупнаго размѣра. Именно съ этой точки зрѣнія разсматриваетъ движеніе Боркгаймъ. Это кладетъ несомнѣнный субъективный отпечатокъ на его работу, но отнюдь не обезцѣниваетъ ея. Книжку Боркгайма можно рекомендовать, какъ назидательное и поучительное чтеніе, помогающее съ помощью конкретнаго историческаго примѣра разобраться въ хаосѣ настоящаго.

Е. М. Вороновъ.

Кабанесъ и Нассъ. Революціонный неврозъ. Спб. 1906.

Даже обширныя сочиненія по исторіи великой французской революціи даютъ, хотя и отчетливыя, но общія очертанія этого безпримѣрнаго въ прошломъ переворота. Они обыкновенно имѣютъ дѣло лишь съ гребнемъ общественной волны, смывшей отжившій старый порядокъ, но уличная жизнь, мелкія, но характерныя для настроенія революціонныхъ эпохъ происшествія, попадаютъ на страницы научныхъ трудовъ лишь изрѣдка, въ особенно трагическихъ случаяхъ. Чтобы представить себѣ, что дѣлалось на улицахъ Парижа, Ліона, Марселя и другихъ городовъ, охваченныхъ мятежнымъ духомъ, нужно погрузиться въ литературу мемуаровъ того времени, переписку современниковъ и, набравъ оттуда фактовъ, сгруппировать ихъ въ общую картину. Такую работу и продѣлали Кабанесъ и Нассъ. Въ своей книгѣ они собрали цѣлый рядъ, такъ сказать, моментальныхъ фотографическихъ снимковъ съ парижскихъ

площадей и улицъ, залитыхъ бушующей, озвѣрѣвшей толпой, безсмысленныя жестокости которой явно говорятъ о ея патологическомъ состояніи. Къ сожалѣнію, для выясненія психическаго состоянія толпы во время разгромовъ авторы сдѣлали очень мало, ограничившись размѣщеніемъ снимковъ по извѣстнымъ рубрикамъ. Хотя отъ этого книга и получила анекдотическій характеръ, но сами по себѣ приведенные въ ней факты такъ ярки, что читателю не трудно подмѣтить въ нихъ типичныя для революціонный толпы явленія: паническій страхъ, саунизмъ, обольщеніе красивыми или сильными словами, безсмысленная страсть къ разрушенію и дѣтская легкомысленность въ самыхъ серьезныхъ вопросахъ.

Для насъ послѣ пережитой Московской революціи книга Кабанеса и Насса представляетъ нѣкоторый спеціальный интересъ: мы можемъ отыскать параллели къ французскимъ событіямъ въ русскомъ революціонномъ движеніи. Кое-гдѣ такія параллели и приведены переводчикомъ книги въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Конечно, такія аналогіи не представляютъ полнаго сходства, такъ какъ у насъ открытая массовая революція была подавлена въ самомъ началѣ. Но тѣмъ знаменательнѣе такія совпаденія: они указываютъ, что съ разгаромъ борьбы и наша толпа «товарищей» способна дойти до такихъ же страшныхъ подвиговъ, какъ французскіе санкюлоты 1789 г.

А. Б—въ.

Матеріалы для исторіи россійской духовной миссіи въ Пекинѣ. Изданы подъ редакціей Н. И. Веселовскаго. Выпускъ I. Съ приложеніемъ одного рисунка. Спб. 1906.

По вполнѣ понятнымъ причинамъ, въ настоящее время у насъ долженъ пробудиться значительный интересъ къ изученію Дальняго Востока, и, при огромной важности даннаго вопроса, изученіе это не должно ограничиваться настоящимъ, а быть вмѣстѣ съ тѣмъ и историческимъ. Поэтому нельзя не привѣтствовать появленія настоящей книги, особенно подъ редакціей такого знатока исторіи Востока, какъ профессоръ Н. И. Веселовскій, который опубликовалъ уже огромное количество весьма цѣннаго матеріала по исторіи нашихъ сношеній съ азіатскими сосѣдями. Въ основѣ книги лежитъ изданіе записки о русской миссіи въ Пекинѣ, составленный 8-мъ по общему счету начальникомъ ея, архимандритомъ Софроніемъ Грибовскимъ (1794—1808 гг.). Записка эта, носящая заглавіе: «Увѣдомленіе о началѣ бытія россіянъ въ Пейдзинѣ (китайское названіе Пекина) и о существованіи въ ономъ грекороссійской вѣры», была извѣстна въ литературѣ уже съ 20-хъ годовъ прошлаго столѣтія, а затѣмъ исчезла, и до такой степени основательно, что нѣкоторые изъ новыхъ ученыхъ стали даже сомнѣваться въ ея существованіи. Только въ весьма недавнее время списокъ этой записки, вмѣстѣ съ другими болѣе мелкими матеріалами, оказался въ бумагахъ извѣстнаго синолога, покойнаго проф. В. П. Васильева, который около 40 лѣтъ держалъ у себя рукопись, полученную имъ отъ императорскаго археологическаго общества, куда она пожертвована была въ 1858 г. преосвященнымъ Ниломъ Исаковичемъ, авторомъ извѣстной книги о буддизмѣ.

Впрочемъ, за долгій періодъ пребыванія у него рукописи В. П. Васильевъ дополнилъ ее свѣдѣніями объ 11—14 миссіяхъ, въ одной изъ которыхъ (въ 12-й), онъ принималъ непосредственное участіе. Несмотря на сравнительную краткость изложенія, записка Грибовскаго сообщаетъ много любопытныхъ фактовъ изъ жизни миссіи, но факты эти—увы!—далеко не всегда говорятъ въ пользу нашихъ миссіонеровъ. Главнымъ недостаткомъ ихъ являлось неумѣренное пьянство, такъ, іеромонахъ Антоній... «въ пьянствѣ ожогъ себя, лежа на горячемъ кану, отъ чего въ недолгомъ времени и скончался», а про одного ученика миссіи, нѣкоего Якова Коркина, Грибовскій сообщаетъ, что этотъ Коркинъ былъ не только пьяница, но и «забіяка, которымъ китайскія матери малыхъ своихъ дѣтей, когда онѣ плачутъ, пугаютъ». Не обнаруживали также, повидимому, миссіонеры и особаго стремленія сойтись ближе съ туземнымъ населеніемъ, доказательствомъ чему служитъ самъ Грибовскій, который, пробывъ въ Пекинѣ 13½ лѣтъ, не ознакомился ни съ китайскимъ, ни съ маньчжурскимъ языками. По основательному предположенію проф. Н. И. Веселовскаго, архим. Грибовскій, при составленіи своего труда, долженъ былъ усердно пользоваться запиской о миссіи іеромонаха Ѳеодосія Сморжевскаго, бывшаго въ Пекинѣ въ половинѣ XVIII в. Эта работа Сморжевскаго, извлеченіе изъ которой издано и въ настоящей книгѣ, доселѣ еще не опубликована въ цѣломъ видѣ и должна содержать много нелестныхъ подробностей о нашихъ миссіонерахъ въ Пекинѣ, впрочемъ, истинное мѣстонахожденіе этой записки неизвѣстно. Изданію матеріаловъ предпослано обстоятельное введеніе, въ которомъ изложены исторія и содержаніе рукописи, бывшей у В. П. Васильева, и приведены біографическія свѣдѣнія объ упоминаемыхъ въ ней лицахъ. Настоящая книга издана императорскаго Русскимъ археологическимъ обществомъ и украшена хорошимъ фототипическимъ снимкомъ съ нарисованнаго китайскимъ художникомъ и нынѣ не существующаго сѣвернаго подворья миссіи. **А. М.**

Ульрихъ Штутцъ. Церковное право. Переводъ подъ редакціей Евг. Темниковскаго, профессора Демидовскаго юридическаго лицея. Ярославль. 1905.

Названная книга представляетъ собою русскій переводъ обширной статьи У. Штутца, помѣщенной въ послѣднемъ, шестомъ изданіи (1903—1904 г.), редактированномъ І. Колеромъ, основанной Гольцендорфомъ «Энциклопедіи юридическихъ наукъ».

Работа Штутца ставитъ своею задачей дать возможно сжатый, но цѣльный очеркъ западнаго церковнаго права на основаніи всей новѣйшей литературы предмета, которая очень полно указана въ книгѣ, и, надо сознаться, выполняетъ поставленную задачу съ большимъ успѣхомъ. Она раздѣляется на двѣ почти равныя по объему части (1—203 и 204—361 стр. русскаго изданія)—исторію и систему церковнаго права, которыя въ свою очередь раздѣляются на отдѣлы права католической и евангелической церквей. Съ методологической точки зрѣнія такое дѣленіе науки прежде всего на исторію и систему

права представляетъ большія преимущества, потому что, если вообще система всякой юридической науки не можетъ быть основательно изучена и изложена безъ исторіи ея предмета, то особенно система церковнаго права, которое не только въ православной и католической, но въ значительной мѣрѣ и въ евангелической церкви, покоится на непрерывномъ историческомъ преданіи, ведущемъ свое начало отъ Спасителя и апостоловъ, или отъ реформы.

Между тѣмъ, въ литературѣ церковнаго права не было доселѣ хотя бы краткаго, но цѣлаго очерка даже западнаго церковнаго права, а лишь частичныя историческія изслѣдованія Planck'а, Bickell'я, Locning'а, Sohm'а и другія, изъ коихъ послѣднее—R. Sohm, Kirchenrecht, erster Band: Die geschichilichen Grundlagen, 1892, Leipzig—наиболѣе полное изъ всѣхъ, сильно своимъ историко-критическимъ анализомъ, но по своей конфессіонально-протестантской тенденціозности очень далеко отъ научной объективности. Кромѣ того, историческія основы отдѣльныхъ важнѣйшихъ институтовъ указаны у Hinschius'а: Das Kirchenrecht der Katholiken und Protestanten, I—VI, 1 (1869—1897), и у другихъ, а также предъ изложеніемъ системы права обычно помѣщается исторія ея источниковъ и устройства церкви. Но такое частичное и разрозненное изложеніе не даетъ возможности представить себѣ цѣльной исторической картины и уяснить несомнѣнно существующую зависимость между отдѣльными, повидимому, совершенно обособленными институтами права, напримѣръ, между институтомъ права собственности на церкви и развитіемъ епископской власти и діоцезальнаго устройства (Штутцъ, § 21). Работа У. Штутца восполняетъ именно этотъ пробѣлъ литературы, и потому должна быть встрѣчена съ полнымъ вниманіемъ и благодарностью, какъ въ подлинникѣ, такъ и въ русскомъ переводѣ. Дальнѣйшая особенность разбираемой книги заключается въ выдѣленіи въ особые отдѣлы католическаго и евангелическаго права, которыя также неумѣстно смѣшивать, или излагать поочередно, какъ и исторію и систему, а также отчетливое и вполнѣ правильное дѣленіе исторіи на періоды. Это особенно относится къ праву католической церкви, пережившей рядъ послѣдовательныхъ эпохъ, со своеобразной физіономіей каждой, вплоть до книгъ дѣйствующаго «ватиканскаго права».

Система права отличается выдѣленіемъ (въ I и II отд.) общихъ ученій католическаго и руководящихъ принциповъ нѣмецкаго церковно-государственнаго права, а также изложеніемъ ея не по традиціонному плану, основанному на различеніи власти священнослуженія, ученія и управленія, но въ частности католическаго, по содержанію папскаго primatus iurisdictionis (послѣ источниковъ права и устройства—право законодательства, управленіе культомъ, ученіе, карательная и судебная власть, правовыя нормы относительно должностей и управленіе церковнымъ имуществомъ).

Что касается до самаго содержанія научныхъ положеній и выводовъ Штутца, то особаго вниманія заслуживаетъ, какъ основная, первая глава книги—церковный порядокъ ранней христіанской эпохи, связанный съ миссіей (распространеніемъ христіанства). Авторъ съ большимъ искусствомъ подводитъ итоги обширной, часто взаимно противорѣчивой литературы, высказывая и свои оригинальные взгляды, съ чѣмъ можно еще очень много спорить.

Во всякомъ случаѣ, впрочемъ, тенденціозныя крайности настолько сглажены, что въ связи съ возможной новой постановкой вопроса о правѣ вообще и о церковномъ правѣ въ частности (противъ Sohm'а и несовершенной «волевой» теоріи самого Штутца, § 54) можно уже надѣяться на возможность удовлетворительнаго рѣшенія самыхъ сложныхъ контроверзъ науки, напримѣръ, вопроса о возникновеніи іерархіи и отношеніи ея къ харизматикамъ.

Съ внѣшней стороны переводъ изданъ опрятно и дешево, хотя то, что книга не сброшюрована, дѣлаетъ ее неудобной для чтенія. Переводъ очень приближается къ подлиннику, и потому, еще вслѣдствіе сжатости рѣчи Штутца, иногда очень труденъ для чтенія.

Какъ по своимъ задачамъ, такъ и по своему характеру, книга предназначается для спеціалистовъ. Павелъ Верховской.

Исторія римской литературы. Дополненіе къ изданію 1888 г. лекцій по исторіи римской литературы, читанныхъ въ Кіевскомъ и С.-Петербургскомъ университетахъ проф. В. И. Модестовымъ. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. Спб. и Москва. 1906.

Несмотря на то, что болѣе или менѣе основательное изученіе классическихъ языковъ существуетъ въ Россіи сравнительно довольно давно, наша филологическая литература очень бѣдна оригинальными научными трудами общаго характера. Одно изъ видныхъ мѣстъ среди подобныхъ сочиненій занимаютъ «Лекціи по исторіи римской литературы» проф. В. И. Модестова, выдержавшія нѣсколько изданій, послѣднее изъ которыхъ вышло въ 1888 г. Въ настоящее время у почтеннаго ученаго явилась благая мысль освѣжить свой солидный трудъ главнымъ образомъ съ точки зрѣнія библіографіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ исправить нѣкоторыя погрѣшности преимущественно типографскаго характера, вкравшіяся въ предшествующее изданіе. Такимъ образомъ въ настоящей книгѣ данъ, между прочимъ, обстоятельный отчетъ о новѣйшихъ изысканіяхъ объ этрусскомъ языкѣ, о Фалискахъ, о древнѣйшей латинской надписи, найденной на Римскомъ форумѣ въ 1899 г., и т. д. Что касается библіографіи, то, конечно, В. И. Модестовъ, по его собственному признанію, не могъ стремиться здѣсь къ абсолютной полнотѣ, такъ какъ въ такомъ случаѣ ему пришлось бы издать томъ объема, равнаго всѣмъ его лекціямъ. Конечно, дѣлать дополненія къ подобной субъективной библіографіи весьма затруднительно, все же позволимъ себѣ указать, что мы не нашли въ трудѣ почтеннаго ученаго нѣкоторыхъ капитальныхъ иностранныхъ трудовъ, знакомство съ которыми, по общему отзыву спеціалистовъ, необходимо особенно для начинающихъ филологовъ; таковые труды суть: изданіе Эннія Фалена (1903), представляющее результатъ пятидесятилѣтней работы этого ученаго надъ текстомъ отца римской литературы; изданіе Луцилія Маркса (1904); статьи извѣстнаго французскаго ученаго Г. Буасье о Саллюстіи (въ Revue des deux Mondes, нынѣ объединены въ отдѣльномъ изданіи); изданіе 6-й книги Энеиды—Нордена; большое изданіе Одъ и Эподовъ Горація покойнаго проф. Л. Ад. Миллера (1900); комментарій къ Проперцію Ротштейна (1898, 2 т.)—единствен-

ное въ настоящее время цѣнное объяснительное изданіе этого древняго поэта; изданіе поэмы объ Этнѣ Зудгауса и нѣкоторые другіе. Съ особенной любовью отнесся почтенный ученый, по его словамъ, къ русской филологической литературѣ, не различая въ данномъ случаѣ ни враговъ, ни друзей. Но и здѣсь отмѣчено имъ далеко не все, напримѣръ, пропущены указанія на образцовый переводъ рѣчей Цицерона проф. Зѣлинскаго, на его же изданіе 5-й рѣчи противъ Верреса, на диссертацію проф. Варнеке: «Очерки изъ исторіи римскаго театра», на диссертацію проф. Гельвиха объ языкѣ Плавта, на изслѣдованіе объ Ars poetica Горація проф. Нетушила, на труды объ Овидіи проф. Покровскаго, на переводъ Петронія проф. Холодняка, на диссертацію о Лактанціи проф. Садова и на нѣкоторыя другія болѣе незначительныя работы. Изъ мелкихъ неточностей книги отмѣтимъ, что извѣстный англійскій филологъ W. M. Lindsay называется по-русски то Линдсэ, то Линдзеемъ; итальянскій издатель Лукреція былъ не Гуссани (Gussani), а Джуссани (Giussani); сообщеніе на основаніи одной малоазійской надписи (стр. 62), что личное имя Тацита было Публій, невѣрно. Очень жаль, что товарищество М. О. Вольфъ, издавшее полезную книжку проф. Модестова, пустило ее въ продажу по сравнительно дорогой цѣнѣ (71 стр. крупнаго шрифта за 75 коп.). Въ заключеніе отъ души желаемъ, чтобы почтенный ученый по окончаніи своего капитальнаго труда по Римской исторіи подарилъ намъ и новое изданіе своихъ «Лекцій по исторіи римской литературы», а не ограничивался однимъ только дополненіемъ къ нимъ. **М.**

Макс. Бахъ. Австрія въ первую половину XIX вѣка. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей В. Базарова и И. Степанова. Выпускъ первый. Спб. 1906.

Планъ построенія интересной книги Баха чрезвычайно любопытенъ, представляя собою попытку освѣтить исторію монархіи Габсбурговъ въ XIX вѣкѣ съ своеобразной точки зрѣнія. Центральной картиной своего изложенія авторъ сдѣлалъ бурныя событія революціи 1848 г., и событія австрійской исторіи до этого факта изображены такъ, чтобы представить собою фонъ, на которомъ развертывается облюбованная Бахомъ картина. Въ соотвѣтствіи съ этимъ самое заглавіе книги оказывается слишкомъ для нея широкимъ: въ этой «Исторіи Австріи» совершенно не затронуты вопросы дипломатическаго характера, вся исторія международныхъ отношеній совсѣмъ исчезаетъ. Преимущественнымъ вниманіемъ автора пользуются вопросы крестьянскій и рабочій; здѣсь Бахъ изъ той массы фактовъ, въ которой онъ является полнымъ господиномъ, старательно и искусно выбираетъ тѣ, которые объяснятъ неизбѣжность возникновенія революціоннаго движенія, постоянно подтверждая свои выводы цифровыми данными и конкретными примѣрами, обращаясь мимоходомъ и къ критикѣ тѣхъ взглядовъ на объективированныя имъ явленія, съ какими онъ почему либо не можетъ согласиться. Нельзя не отмѣтить, что такой взглядъ автора на происхожденіе событій 1848 г. является въ значительной степени одностороннимъ: австрійская революція была по преимуществу движеніемъ

національнаго характера, и даже вѣнскія событія, во многомъ порожденныя ученіями и фактами характера соціалистическаго и радикальнаго, тоже протекали не безъ извѣстнаго воздѣйствія всенѣмецкой идеи и національно-германскихъ отношеній; эта сторона революціоннаго взрыва совершенно оставлена Бахомъ безъ разсмотрѣнія. Очень удачно и умѣло построена картина административнаго строя Австріи предъ революціей, съ его системой централизаціи, подавленія общественнаго самосознанія и общественной самодѣятельности, съ его тенденціей къ мракобѣсію, съ его «патріархальнымъ деспотизмомъ». Но и здѣсь въ упрекъ автору можно поставить недостаточное вниманіе къ дѣятельности императора Франца и Меттерниха: личный элементъ въ исторіи не можетъ быть отрицаемъ совершенно, особливо въ монархіи абсолютной, гдѣ личная воля, личныя качества монарха оказываютъ могущественное воздѣйствіе на жизнь страны; а вѣдь Меттернихъ и Францъ, творцы пресловутой «системы», сыграли въ жизни Австріи слишкомъ большую роль, чтобы можно было однимъ-двумя словами о нихъ, брошенными вскользь, считать свою задачу выполненной.

Книгу Баха нельзя назвать книгой совершенно объективной; симпатіи автора сказываются не только въ извѣстной группировкѣ фактовъ, но и въ нѣкоторой страстности тона, доходящей мѣстами даже до рѣзкости выраженій. Нельзя требовать отъ историка, особливо изображающаго судьбы своей родной страны, полнаго отреченія отъ извѣстныхъ симпатій и антипатій, но умѣніе изображать событія sine ira et studio—это одно изъ первыхъ условій историчности изображенія, и этому условію трудъ Баха удовлетворяетъ не вполнѣ.

Настоящій 1-й выпускъ посвященъ наростанію волны движенія 1848 г. Остается ожидать, что переводчики, подарившіе нашу литературу уже не однимъ тщательно и добросовѣстно выполненнымъ переводомъ, не замѣдлятъ выпускомъ въ свѣтъ и 2-ой части книги Баха. **М. П—ій.**

Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1900 и 1901 г.г. Спб. 1905.

Среди прибавленій библіотеки по отдѣленію рукописей обращаетъ на себя вниманіе большая коллекція музыкальныхъ автографовъ русскихъ композиторовъ новой школы, принесенная въ даръ извѣстнымъ любителемъ музыки, меценатомъ и издателемъ, покойнымъ М. П. Бѣляевымъ. Здѣсь мы находимъ произведенія Бородина, Глазунова, Кюи, Лядова, Мусоргскаго, Римскаго-Корсакова, Скрябина (въ «Отчетѣ» напечатаны иниціалы А. А., должно быть: А. Н.), Танѣева и др.

Затѣмъ слѣдуетъ небольшое собраніе славяно-русскихъ рукописей, принадлежавшихъ епископу угличскому Амфилохію, который при жизни и самъ жертвовалъ библіотекѣ рукописи. Изъ нихъ болѣе интересны слѣдующія: Апокалипсисъ XVIII вѣка съ миніатюрами, Сборникъ XVI вѣка съ житіями русскихъ святыхъ, нѣсколько сборниковъ съ богословскими сочиненіями византійскаго и русскаго происхожденія и т. д. Въ одномъ изъ нихъ помѣщены такія загадки, нерѣдкія, впрочемъ и въ другихъ рукописяхъ: «Коль хочешь быть спасенъ —

12 вещей признавай, 7 проси и 10 исполняй?» Отвѣтъ: «Символа вѣры 12 членовъ, 7 даровъ св. Духа, 10 заповѣдей, Моисею данныхъ». «Что рѣдко видитъ царь, пастухъ то зритъ всегда, а Богъ не видывалъ отъ вѣка никогда?» Отвѣтъ: «Рѣдко видитъ царь царя, пастухъ пастуха—всегда, а Богъ подобнаго себѣ—никогда». Для исторіи мистицизма въ Россіи интересенъ переводъ сочиненія нѣмецкаго мистика XVIII вѣка Ретцеля: «Краткое извѣщеніе о невидимомъ существѣ и о находящихся въ неизмѣримомъ пространствѣ тваряхъ добрыхъ и злыхъ, также звѣздныхъ и стихійныхъ духахъ, о происхожденіи духовъ, ихъ существѣ и дѣйствіи, о снахъ и всякихъ фантазіяхъ, о привидѣніяхъ и волшебныхъ силахъ и иныхъ, еще къ тому принадлежащихъ вещахъ, изъ естественнаго познанія собранное и со священнымъ писаніемъ и съ здравыми разума заключеніями соглашенное». Въ томъ же году С. А. Рачинскій принесъ въ даръ собраніе писемъ къ нему разныхъ лицъ за періодъ отъ 1881 по 1894 г., въ 60 томахъ. Интересныя для исторіи русской общественности, къ сожалѣнію, эти письма переданы въ библіотеку съ условіемъ не пользоваться ими раньше извѣстнаго срока.

Изъ отдѣльныхъ пріобрѣтеній за 1900 г. много интереснаго, а иногда и ненапечатаннаго. «Дѣло 1768 г. о крестьянинѣ Яковѣ Чиракинѣ, объявившемъ планъ Новой Земли», содержитъ офиціальные документы о первой экспедиціи на Новую Землю, предпринятой по повелѣнію Екатерины II. Первыя извѣстія о Новой Землѣ, оказывается, доставилъ крестьянинъ Чиракинъ, который въ 1766 г. ходилъ для лова звѣрей и снялъ планъ ея; снаряжена была экспедиція подъ начальствомъ штурмана Розмыслова; въ ней принималъ участіе и Чиракинъ, который умеръ въ дорогѣ. Затѣмъ слѣдуетъ подробное «Начертаніе торжественнаго обряда высочайшаго вшествія въ царствующій градъ Москву и священнѣйшаго коронованія государя императора Павла Петровича»; «Обзоръ военныхъ дѣйствій 1812 г.» неизвѣстнаго современника отечественной войны; «Изъ воспоминаній о Крымской кампаніи 1854 г.» П. Ф. Хомутова; «Геркулесъ и Деянира», трагедія въ стихахъ съ хорами Тейльса, сочиненная въ 1807 г.; бумаги, принадлежавшія бывшему директору Публичной библіотеки бар. М. А. Корфу; копіи съ писемъ нѣмецкаго ученаго Іоганна Циммермана, состоявшаго, между прочимъ, въ перепискѣ съ Екатериною II; Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи въ XVIII и началѣ XIX вѣка Циргольца, на нѣмецкомъ языкѣ; Альбомъ съ автографами лицеистовъ выпусковъ 1817, 1819, 1820 и 1823 годовъ, поднесенный воспитанниками директору лицея Е. А. Энгельгардту. Въ числѣ другихъ, имѣется поразительно безграмотный автографъ Пушкина; передаемъ его безъ сохраненія орѳографіи: «Пріятно мнѣ думать, что, увидя въ книгѣ вашихъ воспоминаній и мое имя между именами молодыхъ людей, которые обязаны вамъ счастливѣйшими годами жизни ихъ, вы скажете: въ лицеѣ не было неблагодарныхъ». Наконецъ, интересъ представляютъ письма и документы Иннокентія, митрополита московскаго и коломенскаго; письма Н. В. Кукольника и къ нему отъ разныхъ лицъ; письма къ В. В. Стасову композиторовъ Балакирева, Римскаго-Корсакова, мариниста Боголюбова, Полины Віардо, музыкальнаго критика В. Ленца, изслѣдователя русскаго церковнаго пѣнія свящ. Д. Разумовскаго, московскаго

коллекціонера П. М. Третьякова; неизданное стихотвореніе А. М. Жемчужникова и нѣсколько музыкальныхъ произведеній-автографовъ.

Отдѣльныя покупки библіотеки за слѣдующій отчетный годъ также даютъ много новаго. Среди нихъ находимъ сборники духовнаго содержанія и раскольническія рукописи; Московскую лѣтопись XVII вѣка въ 4 томахъ; ненапечатанное изслѣдованіе В. Тимковскаго: «Опытъ изслѣдованія о жизни, подвигахъ и ученыхъ трудахъ князя Курбскаго» (1816), посвященное «споспѣшествователю русскаго бытописанія графу Николаю Петровичу Румянцеву»; переводную исторію Екатерины II въ общемъ—анекдотическаго характера, но съ интересными и неизвѣстными до сихъ поръ подробностями о фаворитахъ императрицы и княжнѣ Таракановой (1823). Было бы желательно знать мнѣніе объ этой исторіи спеціалистовъ. Обращаютъ на себя вниманіе и другіе матеріалы: ненапечатанная исторія турецкой войны 1806—1811 г.г., сочиненіе генералъ-лейтенанта С. И. Маевскаго (воспоминанія его изданы въ «Русской Старинѣ» за 1873 г.); интересныя воспоминанія генералъ-адъютанта А. И. Красовскаго о войнахъ Россіи съ Турціей, въ Польшѣ и съ французами (между прочимъ, описано сраженіе адмирала Сенявина въ 1806 г.); «Историческія и статистическія свѣдѣнія о калмыкахъ, состоящихъ въ войскѣ Донскомъ», составленныя генералъ-лейтенантомъ Богдановичемъ, съ иллюстраціями (1834 г.) и др. Слѣдующій отдѣлъ составляютъ рескрипты, указы, донесенія, торжественныя оды, автографы, сборники стихотвореній и пѣсенъ XVIII вѣка, бумаги извѣстнаго военнаго историка А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, письма къ нему партизана-поэта Д. В. Давыдова, записки Д. П. Бутурлина о войнахъ съ Турціей въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка, письма Екатерины къ скульптору Фальконету (1769—1773 г.г.), письма Жуковскаго, Плетнева, А. Суворова, Новикова, Липранди, декабриста Горбачевскаго, автографы-черновики Тургенева и Жуковскаго, Надсона, духовное завѣщаніе Гончарова, дѣла, относящіяся къ Пушкину, и т. д. Многое изъ нихъ еще не использовано, а среди матеріаловъ выдѣляются «Посланія священноархимандрита Фотія дѣвицѣ, духовной дщери, двора ихъ императорскихъ величествъ камеръ-фрейлинѣ, графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Орловой-Чесменской» (1823) съ поправками автора и сборникъ бумагъ, касающихся дѣла о М. В. Буташевичѣ-Петрашевскомъ (1849 г.).

Было бы желательно, чтобы «Отчеты» Публичной библіотеки выходили въ свѣтъ возможно скорѣе. При замѣтно возрастающемъ интересѣ къ изученію прошлаго богатыя новыя поступленія библіотеки дѣлаются доступными только послѣ выхода «Отчетовъ»; а долгій срокъ, который проходитъ между составленіемъ ихъ и выходомъ изъ печати, нерѣдко ослабляетъ интересъ къ тому, что представляетъ достояніе всего русскаго общества.

А. Я.

Корниловъ, А. А. Крестьянская реформа. Спб. 1905.

Указанная работа входитъ въ серію книгъ: «Великія реформы 60-хъ годовъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ», издаваемыхъ подъ редакціей І. В. Гессена и А. И. Каминка. Первыя главы этой книги въ значительной мѣрѣ

воспроизводятъ все то, что изложено было авторомъ въ его болѣе раннихъ статьяхъ: «Губернскіе комитеты по крестьянскому дѣлу въ 1858—1859 г.г.» («Русское Богатство», 1904, №№ 1 — 5) и «Крестьянская реформа 19 февраля 1861 г.» (Сборникъ «Крестьянскій строй», Спб., 1905), хотя при этомъ въ настоящемъ трудѣ авторъ гораздо подробнѣе останавливается на выясненіи участія литературы и журналистики въ крестьянской реформѣ. Остальная часть, посвященная дальнѣйшей судьбѣ реформы вплоть до нашихъ дней, написана впервые. Здѣсь авторомъ были приняты во вниманіе какъ доступные офиціальные матеріалы, такъ и матеріалы, изданные частными лицами. Исторію и развитіе крестьянскаго дѣла г. Корниловъ, слѣдуя по совершенно правильному пути, старался изложить не отдѣльно и изолированно, а въ связи съ общей исторіей нашей государственной и общественной жизни.

Слѣдуетъ сказать, что авторъ весьма обстоятельно изслѣдовалъ какъ самый ходъ реформы во время 60-хъ годовъ, такъ и достаточно ярко показалъ ту основную тенденцію дальнѣйшаго крестьянскаго законодательства, которая сказалась въ позднѣйшихъ узаконеніяхъ. Вскорѣ послѣ 1861 г. крестьянская реформа, по вѣрному замѣчанію автора, не сдѣлала ни шагу вглубь, она лишь разлилась по поверхности, захватывая собой широкіе слои крестьянъ, но не развивая въ себѣ тѣхъ основныхъ положеній, которыя, по смыслу закона 19 февраля, должны были вести къ надѣленію крестьянъ «полными правами» россійскихъ обывателей. Съ 70-хъ же годовъ усилилась охрана сословной обособленности крестьянъ и политика административной опеки надъ ними. Г. Корниловъ отмѣтилъ «цѣлый калейдоскопъ» разныхъ мѣропріятій и предначертаній правительства, которыми оно хотѣло распутать крестьянскій вопросъ, однако эти мѣропріятія не упрощали, а, наоборотъ, запутывали дѣло. Мы снова стоимъ предъ необходимостью произвести коренныя реформы въ положеніи крестьянства. Авторъ надѣется, что законно-избранные представители народа, безъ сомнѣнія, сумѣютъ окончательно и полно разрѣшить и этотъ вопросъ.

Наиболѣе любопытной главой въ книгѣ г. Корнилова является та, въ которой онъ разсматриваетъ вліяніе печати на крестьянскую реформу. До сихъ поръ нерѣдко встрѣчаются въ литературѣ голословныя утвержденія, что печать оказала громадную просвѣтительную услугу въ дѣлѣ реформы (см., напримѣръ, Джаншіева, «Эпоха великихъ реформъ», стр. 107). Г. Корниловъ, охарактеризовавъ нѣкоторыя статьи изъ «Современника», «Отечественныхъ Записокъ», «Библіотеки для Чтенія», «Русскаго Вѣстника» и другихъ тогдашнихъ журналовъ, приходитъ къ слѣдующему выводу: «Самостоятельной творческой роли въ развитіи и направленіи крестьянскаго вопроса журналистика пятидесятыхъ годовъ, по словамъ автора, имѣть не могла. Для такой роли она явилась слишкомъ поздно. Съ другой стороны, журналистика радикальнаго направленія носила во многомъ отвлеченный характеръ и прямого приложенія къ русской жизни по своей непрактичности не имѣла. Разумѣется, расширеніе арены и свободный обмѣнъ мнѣній имѣли первоклассное значеніе въ смыслѣ пропаганды идей и могли бы вліять на ходъ реформы гораздо больше, если бы они явились гораздо раньше, и если бы имъ не препятствовала

и въ 1858 г. и нѣсколько позднѣе цензура. Собственно, на губернскіе комитеты всѣ эти журнальныя статьи не могли оказать большого вліянія уже потому, что многіе губернскіе комитеты заканчивали свои работы въ то время, когда журналамъ было позволено свободно заговорить о выкупѣ и о полномъ освобожденіи крестьянъ. На реформу, по указанію г. Корнилова, гораздо больше тогдашней радикальной журналистики (въ Россіи) оказали заграничный «Колоколъ» Герцена, который въ то время былъ значительно умѣреннѣе «Современника», а также умѣренные журналы «Русскій Вѣстникъ», «Русская Бесѣда» и «Сельское Благоустройство». Въ либерально-консервативномъ направленіи послѣднихъ журналовъ — разгадка ихъ вліянія на помѣщичью среду и на ходъ самой реформы, вліянія, сказавшагося, впрочемъ, не столько въ углубленіи вопроса, сколько въ разработкѣ деталей и въ разъясненіи помѣщикамъ, что отъ реформы ихъ собственные интересы не пострадаютъ. **К.**

Букеръ Т. Вашингтонъ. Изъ рабства—къ благамъ жизни. (Автобіографія). Переводъ съ англійскаго. Изданіе кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. Спб. 1906.

Автобіографія Букера Т. Вашингтона представляетъ собою не только любопытное жизнеописаніе негра, добившагося изъ рабства всѣхъ благъ жизни исключительно трудомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и глубоко философскій трактатъ о воспитаніи человѣка вообще и въ частности о поднятіи культурнаго значенія цвѣтныхъ расъ, какъ необходимаго условія ихъ политическаго могущества при дарованіи имъ правъ избирательной борьбы.

Въ Америкѣ неудивительны примѣры того, какъ простые дровосѣки и портные дѣлались президентами республики, умѣвшими не только руководить ею, но и умирать за идеалъ свободы и равенства. Этому возвышенію энергичныхъ и талантливыхъ людей способствуетъ весь строй американской жизни, что подтверждаетъ и автобіографія Б. Вашингтона. Онъ пришелъ полуграмотнымъ ребенкомъ, безъ гроша въ карманѣ, въ Хамптонскій институтъ проситься въ ученье и въ настоящее время уже состоитъ директоромъ промышленнаго института въ Таскиги (Алабама), имѣя славу первокласснаго оратора и удивительнаго педагога.

Онъ былъ принятъ въ школу послѣ чисто американскаго экзамена. Главная наставница Хамптонскаго института приняла его первоначально за бродягу или проходимца, но вдругъ сказала ему:

— Вотъ эту классную комнату нужно вымести. Возьмите щетку и выметите.

Б. Вашингтонъ говоритъ:

«Я вымелъ классную комнату три раза. Затѣмъ досталъ тряпку и четыре раза обтеръ вездѣ пыль. Всюду, гдѣ было дерево, на стѣнахъ, каждую скамью, столъ и пюпитръ прошелъ я своей тряпкой по четыре раза. Кромѣ того, вся мебель сдвигалась съ мѣста, и всѣ шкафы и углы въ комнатѣ были

совершенно вычищены. Я чувствовалъ, что будущее мое въ значительной степени зависитъ отъ впечатлѣнія, какое будетъ произведено на наставницу чисткой этой комнаты. Окончивъ, я доложилъ главной наставницѣ. Она была изъ «янки» и знала отлично, гдѣ и что слѣдуетъ смотрѣть. Она вошла въ комнату, и осмотрѣла полъ и шкафы, затѣмъ вынула платокъ изъ кармана и потерла имъ о дерево на стѣнахъ, о столъ и скамейки. Не въ состояніи найти хоть чуточку грязи на полу или пылинку на мебели, она спокойно замѣтила: «ну, васъ, я думаю, примутъ въ это заведеніе». Я былъ однимъ изъ счастливѣйшихъ существъ на землѣ. Подметаніе этой комнаты было моимъ пріемнымъ экзаменомъ, и никогда ни одинъ юноша для вступленія въ лучшій изъ американскихъ университетовъ не сдавалъ экзамена, который доставилъ бы ему болѣе полное удовлетвореніе. Съ тѣхъ поръ мнѣ приходилось сдавать много разныхъ экзаменовъ, но я всегда чувствовалъ, что это былъ самый лучшій, какой я когда либо сдавалъ».

Поступивъ въ Хамптонскій институтъ, Б. Вашингтонъ все болѣе и болѣе развивалъ въ себѣ привычку «дѣлать обыкновенное необыкновенно хорошо» и впослѣдствіи въ собственномъ институтѣ въ Таскигѣ осуществилъ тотъ же принципъ: научиться дѣлать что либо такъ совершенно, что никто не будетъ въ состояніи улучшить того, что сдѣлано; научиться дѣлать услуги свои настолько цѣнными, что безъ нихъ нельзя обойтись.

Эта трудовая честность въ томъ, чтобы всякое дѣло, за которое взялся, довести до конца, до предѣловъ всѣхъ своихъ силъ,—слѣдуетъ признать лучшимъ воспитаніемъ человѣка.

Оно дѣйствительно и осуществлено въ негритянскомъ промышленномъ институтѣ Букера Вашингтона, который глубоко убѣжденъ въ томъ, что по окончаніи американской войны Юга съ Сѣверомъ негритянскія школы должны содѣйствовать культурному подъему цвѣтной расы никакъ не менѣе дарованія имъ равныхъ политическихъ правъ съ бѣлыми.

Онъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что «когда негритянка-дѣвушка научится стряпать, мыть посуду, шить, писать книги, или негръ-мальчикъ научится уходу за лошадьми, разведенію пататовъ, выдѣлкѣ масла, постройкѣ домовъ или медицинской практикѣ также хорошо или лучше, чѣмъ кто нибудь другой, они будутъ награждены независимо отъ расы или цвѣта кожи. Съ теченіемъ времени міръ стремится къ лучшему, и никакія различія въ расѣ, въ религіозныхъ вѣрованіяхъ или въ прошломъ не удержатъ міръ долго отъ того, что ему нужно. Я думаю, что все будущее моей расы вертится около вопроса, можетъ ли она сдѣлаться настолько цѣнной, чтобы населеніе въ городѣ или штатѣ, гдѣ мы живемъ, чувствовало, что присутствіе наше необходимо для счастія и благосостоянія общины».

Педагогическую точку зрѣнія Б. Вашингтонъ внесъ и въ политическую программу объ участіи только что освобожденной отъ рабства негритянской расы въ республиканскомъ правленіи страною... Этотъ вопросъ, или, лучше сказать, рѣшеніе его Букеромъ Вашингтономъ не безразлично въ настоящее время и для нашего народа, впервые призываемаго къ политической жизни страны.

Б. Вашингтонъ въ своихъ публичныхъ рѣчахъ постоянно проводитъ ту мысль, «что хотя негра и не должно лишать правъ свободнаго человѣка, но одна политическая агитація не спасетъ его, и что въ качествѣ гарантіи для подачи голоса онъ долженъ обладать собственностью, трудолюбіемъ, искусствомъ, бережливостью, умомъ и характеромъ, а безъ этихъ качествъ никакая раса не можетъ разсчитывать на прочный успѣхъ».

«Нѣтъ ничего страннаго,—говоритъ онъ о своихъ одноплеменникахъ,—что, невѣжественные и неопытные, мы въ первые годы нашей новой жизни начали сверху, а не снизу; что за мѣстомъ въ конгрессѣ, или въ законодательномъ собраніи штата гнались больше, чѣмъ за недвижимымъ имуществомъ или промышленнымъ искусствомъ; что политическія собранія или публичныя рѣчи имѣли для насъ больше привлекательности, чѣмъ трудъ на молочной фермѣ или въ промышленномъ саду».

Такимъ образомъ, понимая хорошо, что умѣнье къ самоуправленію дается человѣку одновременно съ предоставленіемъ ему права голосованія, какъ искусство плаванія съ купаньемъ въ рѣкѣ, Б. Вашингтонъ сосредоточилъ свое вниманіе не только на «правахъ» его расы, но также и на гарантіяхъ успѣшнаго пользованія этими правами, чтобы политическая жизнь негровъ была обусловлена культурнымъ подъемомъ ихъ жизни, во имя котораго онъ и призывалъ къ взаимному общенію бѣлыхъ и черныхъ.

«Во всемъ чисто соціальномъ,—восклицаетъ онъ,—мы можемъ быть раздѣльны, какъ пальцы, но, какъ рука, должны представлять одно цѣлое во всемъ, что имѣетъ существенное значеніе для общаго нашего прогресса».

Онъ предостерегаетъ бѣлыхъ правителей, стремящихся урѣзать ростъ негра, мудрыми словами: «почти шестнадцать милліоновъ рукъ будутъ помогать вамъ въ томъ, чтобы втащить грузъ наверхъ, или же они будутъ тащить грузъ внизъ, въ противоположную отъ васъ сторону. Мы будемъ составлять одну треть (или больше) невѣжества и преступленій Юга, или же одну треть его интеллигенціи и прогресса; мы будемъ на одну треть содѣйствовать торговлѣ и промышленному процвѣтанію Юга, а не то мы окажемся настоящимъ мертвымъ тѣломъ, задерживающимъ, замедляющимъ, парализующимъ всякое усиліе двигать впередъ политическій организмъ».

Эти замѣчанія по негритянскому вопросу едва ли не имѣютъ и у насъ равное значеніе въ разрѣшеніи какъ расовыхъ предразсудковъ, такъ политической правоспособности коренного населенія Россіи.

Вся автобіографія Б. Вашингтона наполнена такимъ образомъ крайне поучительными для насъ фактами изъ его педагогической и политической дѣятельности. Самая книга снабжена портретомъ автора и фототипными видами Таскигскаго нормальнаго и промышленнаго института. А. Фаресовъ.

Н. Карѣевъ. Polonica. Сборникъ статей по польскимъ дѣламъ (1881—1905). Спб. 1905.

Въ время поѣздки по славянскимъ землямъ Австріи лѣтомъ прошлаго года намъ не разъ приходилось слышать отъ польскихъ ученыхъ похвалы по адресу проф. Н. И. Карѣева. Его называли однимъ изъ очень немногихъ «москалей», сочувствующихъ полякамъ, какъ талантливому и братскому славянскому народу, и въ то же время знающихъ польское прошлое и польскую дѣйствительность. Правда, судя по общимъ впечатлѣніямъ, вынесеннымъ нами во время пребыванія въ Краковѣ, первый разрядъ «москалей» теперь—далеко не рѣдкость, и давно миновали тѣ времена, когда о полякахъ судили по «Клеветникамъ Россіи» — довольно печальному lapsus'у Пушкина. Но русскихъ, знающихъ хорошо поляковъ, у насъ все еще мало, — и г. Карѣевъ составляетъ счастливое исключеніе. Рядъ его статей по исторіи религіозной реформаціи въ Польшѣ, польскаго сейма, исторіографіи и т. д. признаны не только въ Россіи, но переведены на польскій языкъ вмѣстѣ съ другими его работами, напримѣръ, «Введеніе въ исторію новѣйшаго времени», «О самообразованіи молодого поколѣнія въ Россіи», «Письма къ учащейся молодежи». Кстати прибавимъ, что недавно вышелъ переводъ нѣкоторыхъ изъ нихъ на шведскій языкъ. Поэтому переизданіе всего, что Карѣевъ писалъ о польско-русскихъ отношеніяхъ, начиная съ 1881 г. и кончая прошлымъ годомъ,—является во-время.

Интересно, между прочимъ, что въ первой же статьѣ, посвященной этимъ отношеніямъ и напечатанной въ «Русской Мысли», Карѣевъ уже вѣрилъ въ возможность фактическаго сближенія съ поляками и фундаментомъ для сближенія считалъ прежде всего взаимную освѣдомленность. «Одинъ молодой краковскій ученый,—разсказываетъ проф. Карѣевъ въ другой статьѣ,—съ которымъ я познакомился въ Италіи, когда онъ собирался по надобностямъ своей науки ѣхать въ Петербургъ и Москву, говорилъ мнѣ впослѣдствіи, что онъ съ великимъ страхомъ ѣхалъ къ намъ, наслушавшись разныхъ предупрежденій о трудномъ положеніи поляка среди «москалей», и что, конечно, былъ пріятно разочарованъ, когда увидѣлъ, что у насъ вовсе нѣтъ ненависти къ полякамъ. Въ бытность въ Краковѣ я при встрѣчѣ съ нимъ въ большомъ обществѣ напомнилъ ему объ этомъ его признаніи, иллюстрируя на такомъ частномъ примѣрѣ то общее положеніе, что русская и польская интеллигенція мало знаютъ одна другую и даже хуже еще этого—имѣютъ одна о другой очень ложныя представленія». И вотъ, съ цѣлью проложить путь къ сближенію двухъ славянскихъ народовъ, на первыхъ порахъ хотя бы въ области культурной, проф. Карѣевъ помѣстилъ въ «Русской Мысли» восемь «Польскихъ писемъ» (1881—1885), начатыхъ имъ по предложенію основателя журнала С. А. Юрьева. Въ нихъ онъ знакомилъ русскихъ читателей съ польской прессой и ея представителями, реферировалъ болѣе замѣчательныя статьи политическаго характера, писалъ объ онѣмеченіи поляковъ въ Познани, о мнимой денаціонализаціи этнографической русской Польши (царства Польскаго, или, какъ его называютъ офиціально,—Привислинскаго края), экономическомъ ея развитіи, «органической работѣ», о «станчикахъ», Варшавскомъ университетѣ и т. д. Особенно

пріятное впечатлѣніе производитъ отзывъ Карѣева о первомъ номерѣ варшавской «Правды» и ея редакторѣ А. Свентоховскомъ, въ то время еще молодомъ писателѣ (стр. 25). Этотъ отзывъ въ нашихъ глазахъ цѣненъ потому, что по первымъ номерамъ журнала легло было ошибиться, но авторъ «Польскихъ писемъ» какъ будто угадалъ, что черезъ 25 лѣтъ Свентоховскій сдѣлается самымъ виднымъ изъ передовыхъ польскихъ журналистовъ. Слѣдующая статья—«Новѣйшая польская исторіографія и переворотъ въ ней» (1861—1886 гг.), гдѣ рѣчь идетъ о Шуйскомъ, Бобжинскомъ и другихъ. «Мои отношенія къ полякамъ», «Къ вопросу о русско-польскихъ отношеніяхъ», «Польская національность о русско-польскихъ отношеніяхъ», «Новая польская партія» и «Письмо къ знакомымъ полякамъ»—всѣ эти статьи имѣютъ значеніе не только для прошлаго и для нашихъ дней (многія напечатаны въ «Правѣ» за прошлый годъ), но и для будущаго. По нимъ лучше всего можно прослѣдить, какъ на нашихъ глазахъ таетъ ледяная глыба, долго раздѣлявшая насъ отъ поляковъ; и теперь, оказывается, возможны даже такіе случаи, какъ рѣчь русскаго ученаго, произнесенная въ Краковѣ по-русски. «Мнѣ говорили потомъ,—разсказываетъ г. Карѣевъ,—что это была первая рѣчь на русскомъ языкѣ въ чисто польскомъ собраніи, и что нѣсколько лѣтъ назадъ такой фактъ былъ бы совершенно невозможенъ. Въ числѣ моихъ слушателей было немало лицъ, знакомыхъ съ русскимъ языкомъ; другіе понимали меня, зная по-русински (по-малорусски), но много было и такихъ, которые въ первый разъ слышали звуки русскаго языка. На другой день газеты отмѣтили оказанный мнѣ пріемъ, какъ своего рода «событіе», и нѣкоторыя выразили сочувствіе основной мысли моей рѣчи о желательности болѣе частыхъ польско-русскихъ встрѣчъ для лучшаго ознакомленія другъ съ другомъ путемъ свободнаго обмѣна мыслей и благожелательныхъ чувствъ». Для насъ лично, повторяемъ, такой пріемъ не кажется даже неожиданнымъ,—и вѣра въ полную возможность русско-польскаго сближенія должна окрылять всякаго, кто работаетъ въ этой области на хотя бы почвѣ только книжной.

А. И. Яцимирскій.

Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Выпускъ III. Спб. 1905.

Академическая комиссія для изданія сочиненій Пушкина выпустила недавно третью книжку статей, посвященныхъ Пушкину и вообще пушкинской эпохѣ. Въ разбираемой книжкѣ девять статей. Первая—академика Ѳ. Е. Корша: «Опыты окончанія «Русалки». Г. Коршъ возвращается къ скандальной исторіи съ грубой и безвкусной поддѣлкой окончанія пушкинской драмы, введшей его, какъ извѣстно, въ заблужденіе и вызвавшей толстую книгу, на нѣсколькихъ сотняхъ страницъ которой г. Коршъ неудачно покушался музыку пушкинскаго стиха «разъять, какъ трупъ», и доказать, что Пушкинъ писалъ глупые стихи. Всѣмъ памятна направленная противъ г. Корша остроумная полемика А. С. Суворина (см. его сборникъ «Поддѣлка «Русалки» Пушкина», Спб., 1900), заступившагося за Пушкина со всѣмъ негодованіемъ цѣнителя

прекраснаго и поклонника великаго поэта. Г. Коршъ воспоминаетъ, какъ Д. П. Зуевъ, «сохранившій безграмотное окончаніе «Русалки», вынималъ свою «запись» изъ «ящика, стоявшаго въ его кабинетѣ, на Захарьевской, на лѣвомъ концѣ письменнаго стола, у стѣны, противоположной входу»... Точность изумительная и необходимая! По мнѣнію г. Корша, не Д. П. Зуевъ пользовался «работами» двухъ другихъ продолжателей, г. Штукенберга и г-жи Богдановой, а, наоборотъ они использовали «запись» Зуева. Этому важному вопросу посвящены 22 страницы. Между тѣмъ не проще ли было бы совсѣмъ предать забвенію всѣхъ этихъ Штукенберговъ, ни въ какомъ духовномъ родствѣ съ Пушкинымъ не состоящихъ, и перестать оскорблять память Пушкина сопоставленіемъ его славнаго имени съ именами разныхъ горе-мистификаторовъ и литературныхъ проходимцевъ? Очень интересна и обстоятельна небольшая монографія Е. А. Боброва «Пушкинъ въ Казани», подобныя частныя изслѣдованія будутъ большимъ подспорьемъ біографу Пушкина, котораго ждетъ—не дождется наша литература. В. В. Сиповскій («Пушкинъ и Рылѣевъ») прослѣдилъ вліяніе, оказанное на пушкинскую «Полтаву» Войнаровскимъ Рылѣева и написанной А. О. Корниловичемъ біографіей Мазепы, но темы «Пушкинъ и Рылѣевъ» далеко не исчерпалъ, потому что главнаго пункта отношеній обоихъ поэтовъ, замѣчательной переписки Рылѣева, А. А. Бестужева и Пушкина о современной литературѣ и въ частности о романтизмѣ г. Сиповскій не коснулся. Интересна, какъ всѣ разысканія дѣятельно изучающаго пушкинскую эпоху Б. Л. Модзалевскаго, его статья: «О. Ф. Юрьевъ и посланіе къ нему Пушкина (1819 г.)». Въ «Пушкинскихъ замѣткахъ» покойнаго проф. А. И. Маркевича есть кое-какія архивные матеріалы, относящіеся, между прочимъ, до знаменитой одесской командировки Пушкина на истребленіе саранчи. Въ концѣ выпуска помѣщенъ «Планъ словаря языка А. С. Пушкина», составленный академикомъ А. И. Соболевскимъ и занимающій менѣе одной страницы крупнаго шрифта, планъ, набросанный слишкомъ бѣгло и поэтому недостаточный, и «планъ изслѣдованія о стихосложеніи Пушкина и словаря Пушкинскихъ риѳмъ» акад. Ѳ. Е. Корша. Позволяя себѣ не согласиться съ академикомъ, что словарь риѳмъ бываетъ необходимъ и «самому даровитому поэту», все-же находимъ, что такой словарь будетъ полезенъ исторіи русскаго языка. Вообще, наступаетъ время всесторонняго изученія нашего величайшаго поэта, начинается разработка оставленнаго имъ родному языку наслѣдія. Печатается уже «Опытъ грамматики языка Пушкина» проф. Е. Будде. Въ виду несовершенства существующихъ изданій со стороны текста и ихъ неполноты, подобныя работы покуда еще преждевременны.

Л.

Библіотека «Просвѣщенія». Спб. 1905—1906.

Подъ такимъ заглавіемъ извѣстная книгоиздательская фирма «Просвѣщеніе» выпускаетъ съ конца прошлаго года рядъ книгъ, переводныхъ и оригинальныхъ, имѣющихъ своимъ предметомъ наиболѣе характерные моменты политической борьбы и общественной эволюціи, цѣль которыхъ—дать возмож-

ность среднему читателю оріентироваться въ различныхъ экономическихъ и соціальныхъ вопросахъ, имѣть объ нихъ представленіе.

Наше общество въ большинствѣ совершенно незнакомо съ такими вопросами обществовѣдѣнія, знаніе которыхъ прямо таки необходимо для всякаго гражданина. Въ настоящее время многіе сознали этотъ пробѣлъ въ своемъ образованіи и съ жаромъ принялись читать въ этой области все, что ни предлагаютъ услужливые издатели: серьезные цѣнные труды перемѣшиваются съ пустыми брошюрами. Но едва ли кто будетъ теперь отрицать, что для того, чтобы хорошо ознакомиться съ какой либо отраслью знанія, надо непремѣнно вести чтеніе въ систематическомъ порядкѣ. Вотъ почему мысль т-ва «Просвѣщенія» выпускать систематически подобранную «Библіотеку» по соціальнымъ и экономическимъ вопросамъ заслуживаетъ большого вниманія.

Хотя издательство не претендуетъ на строгую выдержанность системы въ выпускаемыхъ имъ книгахъ, въ выборѣ ихъ видны знаніе, обдуманность. Такъ, оно выпустило такія сочиненія, какъ Менгера—«Право на полный продуктъ труда», Зомбарта—«Рабочій вопросъ», пользующееся большой извѣстностью въ экономическомъ мірѣ. Замѣтимъ, что трудъ Менгера въ этомъ изданіи появляется въ русскомъ переводѣ въ первый разъ.

Т-во «Просвѣщеніе» является въ настоящее время одной изъ лучшихъ русскихъ книгоиздательскихъ фирмъ,—кто не знаетъ его цѣнныхъ изданій? Но, къ сожалѣнію, высокая цѣна ихъ служитъ большимъ препятствіемъ для многихъ. Въ «Библіотекѣ» это устранено: цѣна книгамъ назначена до поразительности низкая. Напримѣръ, такой объемистый трудъ, какъ Менгера, стоитъ всего лишь 30 коп. Такимъ образомъ, за небольшую сумму можно составить хорошую библіотеку по экономическимъ и соціальнымъ наукамъ.

Въ большое достоинство «Библіотеки» мы поставимъ еще то, что издательство подбираетъ книги такъ, чтобы онѣ дали возможность читателю ознакомиться съ тѣмъ или другимъ вопросомъ въ освѣщеніи представителей и сторонниковъ различныхъ экономическихъ и политическихъ ученій.

А. Фоминъ.

Труды Харьковской комиссіи по устройству XIII археологическаго съѣзда въ г. Екатеринославѣ. Изданы подъ редакціей профессора Е. К. Рѣдина. Харьковъ. 1905.

Труды всѣхъ археологическихъ съѣздовъ издаются, и научное значеніе ихъ отмѣчается въ библіографическихъ замѣткахъ спеціальныхъ и общеобразовательныхъ журналовъ. Но другая сторона съѣздовъ въ большинствѣ случаевъ остается неизвѣстной публикѣ, не бывшей на нихъ. Это—временныя выставки предметовъ древностей и занятія подготовительныхъ комиссій. Если не ошибаемся, одни харьковскіе ученые въ этомъ отношеніи составляютъ исключеніе. Два года тому назадъ подъ редакціей профессора Е. К. Рѣдина вышелъ цѣнный альбомъ выставки XII харьковскаго съѣзда съ подробнымъ описаніемъ коллекцій, а теперь въ сборникѣ мѣстнаго историко-филологиче-

скаго съѣзда вышли труды харьковской комиссіи по устройству XIII съѣзда въ Екатеринославѣ. Большой томъ въ 800 слишкомъ страницъ (цѣна 5 рублей) оказывается настолько интереснымъ, что обойти молчаніемъ его выходъ нельзя. Снабженные множествомъ снимковъ съ произведеній стариннаго южно-русскаго искусства, историческихъ и бытовыхъ предметовъ, «Труды харьковской комиссіи» обращаютъ на себя вниманіе, какъ разнообразіемъ статей, такъ и научной ихъ цѣнностью.

Статьи, числомъ болѣе 40, напечатаны безъ опредѣленнаго порядка въ содержаніи, — и при перечисленіи ихъ въ нашей библіографической замѣткѣ мы предложимъ собственную группировку ихъ, укажемъ на главное въ ихъ содержаніи. На первомъ мѣстѣ поставимъ статьи, касающіяся доисторическихъ древностей: В. Городцова—«Краткія свѣдѣнія объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Бахмутскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи» (курганы четырехъ типовъ и погребенія), В. Данилевича—«Стоянка и мастерская около слободы Хухры, Ахтырскаго уѣзда, Харьковской губерніи» (керамическія издѣлія, каменныя орудія и металлическіе предметы, относимые авторомъ къ двумъ эпохамъ—каменной и поздней неолитической), В. Бабенко—«Волчанское городище» (судя по кремневымъ предметамъ и черенкамъ, городище относится къ неолитической эпохѣ и было мѣстомъ для совершенія моленій или убѣжищемъ въ опасное время), его же «Раскопки катакомбнаго могильника въ Верхнемъ Салтовѣ, Волчанскаго уѣзда, Харьковской губерніи» (признаки культуры разныхъ народовъ—хозаръ, печенѣговъ, половцевъ и славянъ), Ю. Морозова—«Замѣтки и матеріалы по археологіи» (ископаемыя мѣдныя издѣлія и лѣсные курганы). Конечно, въ томъ видѣ, въ какомъ эти статьи напечатаны, онѣ мало доступны обыкновенному читателю, но слѣдующій отдѣлъ «Трудовъ», этнографическія статьи, представляютъ болѣе широкій интересъ, такъ какъ написаны вполнѣ доступно. Отмѣтимъ статьи профессора Н. Ѳ. Сумцова (кое-что было напечатано раньше или является въ переработанномъ видѣ): «Бытовая старина въ «Энеидѣ» И. Котляревскаго», «Г. Ѳ. Квитка, какъ этнографъ», «Сонце заходыть» стихотвореніе Тараса Шевченка со стороны бытовой и литературной, «И. Манжура, какъ поэтъ и этнографъ», «Субботы святого Дмытра» (по поводу стихотворенія малорусскаго поэта Якова Щеголева авторъ припоминаетъ обычай 26 октября) и «Современное изученіе кобзарства». Чтобы судить, насколько замѣтно вымираетъ народная музыка, — достаточно привести тотъ фактъ, что изъ числа 4.221 слѣпыхъ-нищихъ Кіевской губерніи только 13 занимаются игрой на лирѣ; а прежде слово «лирникъ» было обычнымъ синонимомъ нищаго-слѣпца. Статья П. Иванова «Дни недѣли» даетъ свѣжій матеріалъ, собранный въ Купянскомъ уѣздѣ, о повѣрьяхъ и обрядахъ, связанныхъ съ народнымъ календаремъ. «Изъ этнографическихъ рукописныхъ матеріаловъ предварительнаго комитета XII археологическаго съѣзда», редактированныхъ А. В. Ветуховымъ, обращаютъ на себя вниманіе заговоры, заклинанія и «шептанія». В. Бабенко помѣстилъ статьи «Изъ этнографическихъ наблюденій въ Екатеринославской губерніи», гдѣ даетъ нѣчто новое о жилищѣ, одеждѣ, свадебномъ ритуалѣ малороссовъ и бытѣ грековъ.

Остальныя статьи касаются южно-русскаго искусства, литературы и исторіи. Изъ первой рубрики укажемъ на замѣтку «Къ исторіи украинской иконописи» и «Рисунки и картины Т. Шевченка» профессора Н. Сумцова, «Образъ плачущаго Спасителя въ Екатеринославскомъ каѳедральномъ соборѣ» и «Матеріалы къ изученію церковной старины Украины» В. Машукова, «Церкви города Харькова» профессора Е. Рѣдина, съ массой снимковъ. Далѣе слѣдуютъ статьи по южно-русской литературѣ и письменности: «Главные мотивы поэзіи Т. Шевченка» и «Духовныя сочиненія Николая Флавицкаго» Н. Сумцова, «Малорусская ода 1807 года» и «Климовскій-Климовъ, казакъ-стихотворецъ» В. Срезневскаго, «Экскурсы въ область древнихъ рукописей и старопечатныхъ изданій» М. Халанскаго. Статьи изъ исторіи и юридическихъ дисциплинъ—немногочисленны; наиболѣе интересны изъ нихъ «Матеріалы къ исторіи казеннаго хозяйства на южной степной окраинѣ Московскаго государства» Н. Бѣлявскаго, «Къ вопросу о землевладѣніи и торговыхъ промыслахъ духовенства въ XVIII вѣкѣ» А. Лебедева, «Справка по исторіи малороссійскихъ казаковъ» П. Короленка, «Матеріалы для исторіи города Харькова въ XVII вѣкѣ» Д. Багалѣя и др.

А. И. Яцимирскій.

Марекъ Конколь. Коммуна 1871 года. Переводъ съ польскаго А. Котика. Книгоиздательство «Лучъ». Спб. 1906. — Б. Баксъ. Парижская коммуна 1870—1871 г.г. Переводъ съ англійскаго А. С—ва. Изданіе «Донской Рѣчи» Н. Парамонова. Ростовъ на Дону. 1905.

Восемнадцатое марта 1906 г. является юбилейнымъ днемъ парижской коммуны. Это обстоятельство въ связи съ измѣнившимися условіями русской печати вызвало цѣлый рядъ брошюръ, посвященныхъ движенію 1871 г.

Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ авторами, почти сходящимися въ принципіальной точкѣ зрѣнія на коммуну, но, тѣмъ не менѣе, разсказывающими о ней совершенно въ различныхъ стиляхъ. Полякъ Конколь пишетъ въ нѣсколько приподнятомъ французскомъ стилѣ, безжалостно топя и безъ того скудный фактическій матеріалъ своей брошюры въ морѣ риторики. Гораздо интереснѣе и обстоятельнѣе изложены происхожденіе и ходъ движенія у англичанина Бакса.

Разсматривая исторію коммуны 1871 г., необходимо принять во вниманіе европейскую атмосферу въ предшествующій ей періодъ. Если теперь изъ числа соціальныхъ системъ, обѣщающихъ реорганизацію и обновленіе человѣческаго общества на началахъ справедливости, ни одна не можетъ тягаться по вліянію, организаціи и научной обоснованности съ соціалъ-демократіей, то совершенно иначе обстояло дѣло въ современную коммунѣ эпоху. Тогда о современной соціалистической опредѣленности не могло быть и рѣчи, и на ряду съ различными мелкими соціальными сектами сталкивались въ постоянной борьбѣ за преобладаніе три главнѣйшихъ идейныхъ теченія: прудонисты, бланкисты и едва оперившіеся марксисты. Отсюда, вспомнивъ національную способность французовъ легко и цѣликомъ усвоивать главнѣйшія идеи эпохи, легко по-

нять, что идеологическій фундаментъ парижской коммуны состоялъ изъ пестраго ряда идейныхъ теченій, лишь механически скрѣпленныхъ между собою.

Это разнообразіе идейныхъ предпосылокъ движенія, наложившее на него вполнѣ опредѣленную печать и впослѣдствіи вызвавшее рѣзкіе конфликты, долгое время находилось въ скрытомъ состояніи.

Вначалѣ ненависть къ завоевателямъ-пруссакамъ, воспоминанія о позорномъ царствованіи маленькаго Наполеона и радужныя надежды на республиканскій строй тѣсно объединили подъ краснымъ знаменемъ и послѣдовательныхъ соціалистовъ, которые потомъ при голосованіи проекта комитета «общественнаго спасенія» рѣзко разграничили себя отъ другихъ революціонеровъ, и обаятельную фигуру революціонера стараго закала Делеклюза, едва ли понимавшаго соціалистическія тенденціи коммуны, и тотъ не развившій еще классоваго сознанія пролетаріатъ, представитель котораго на вопросъ англійскаго корреспондента, во имя чего онъ идетъ умирать на баррикады, отвѣтилъ: за человѣческую солидарность.

Упомянувъ выше о красномъ знамени, кстати приведу любопытную историческую справку о происхожденіи и значеніи этой эмблемы.

Во время возстанія національныхъ мастерскихъ въ іюнѣ 1848 г. «красный флагъ принятъ былъ инсургентами, какъ символъ, и всюду встрѣчался привѣтственными кликами, какъ знамя сознательнаго пролетаріата и соціалистическаго республиканства» (Б. Баксъ, стр. 7).

Нитцше, какъ извѣстно, видѣлъ вредъ исторіи въ томъ, что она своимъ тысячелѣтнимъ прошлымъ развращающе дѣйствуетъ на молодыя поколѣнія, втягивая, въ концѣ концовъ, каждое новое начинаніе въ старое, уже испытанное русло. Вредъ исторіи,—говоритъ онъ,—въ парализующемъ сознаніи своего эпигонства. Въ общемъ эта мысль, пожалуй, вѣрна. Во Франціи, напримѣръ, вплоть до послѣдняго времени, каждое новое революціонное движеніе сознательно сбивалось на подражаніе революціи 1789 г. и вообще находилось подъ властью ея традицій. Такъ было и съ парижской коммуной 1871 г. Когда 31 октября 1870 г. въ осажденномъ Парижѣ толпа, собравшись у городской ратуши, впервые потребовала учрежденія коммуны, то это было сдѣлано подъ несомнѣннымъ вліяніемъ воспоминаній первой революціи. Тогда, возникнувъ въ памятный день 10 августа 1792 г., съ извѣстнымъ Петіономъ во главѣ, парижская коммуна сдѣлалась одной изъ самыхъ вліятельныхъ силъ революціоннаго движенія. Но тогдашняя коммуна стояла въ тѣсной связи со всей Франціей, остальныя общины которой почти во всемъ слѣдовали примѣру революціоннаго Парижа. Иначе обстояло дѣло съ коммуной 1871 г. Оторванная сначала прусской осадой, а потомъ войсками Тьера отъ остальной Франціи, которая лишь отдѣльными, легко подавляемыми вспышками поддерживала возставшій Парижъ, коммуна все время оставалась одинокой. Въ этомъ, конечно, лежитъ главнѣйшая причина ея гибели. Центральной идеей, провозглашенной 18 марта коммуной, была республиканская Франція съ полной внутренней автономіей Парижа и всѣхъ остальныхъ городовъ и коммунъ, объединенныхъ между собою центральнымъ совѣтомъ делегатовъ. Внутреннее устройство каждой изъ общинъ предполагалось на самыхъ демократическихъ началахъ, и подъ словами «да

здравствуетъ коммуна» само собою подразумѣвались «принципъ уничтоженія постоянной арміи, вооруженіе всего народа, уничтоженіе косвенныхъ податей, введеніе подоходнаго налога, отдѣленіе церкви отъ государства, избираемость всѣхъ чиновниковъ, судей, учителей, работа для всѣхъ трудящихся, хлѣбъ для всѣхъ голодныхъ» (Конколь, стр. 20).

За 72 дня своего существованія коммуной была проявлена огромная энергія, направленная главнымъ образомъ на борьбу съ осаждавшими Парижъ версальцами и насущнѣйшія потребности данной минуты. Всѣ ея практическія мѣропріятія носили вполнѣ опредѣленный принципіальный характеръ, но наиболѣе типичнымъ для соціальнаго характера всего движенія является постановленіе коммуны о конфискаціи всѣхъ недѣйствующихъ фабрикъ и мастерскихъ и немедленной передачѣ ихъ рабочимъ товариществамъ для использованія на кооперативныхъ началахъ.

Трагическая гибель коммуны хорошо извѣстна, и на ней нѣтъ надобности останавливаться. Независимо отъ всѣхъ комментаріевъ обоихъ авторовъ, къ морю крови, пролитому Тьеромъ въ Парижѣ, нельзя относиться хладнокровно. И когда читаешь съ содроганіемъ о послѣднихъ дняхъ коммуны, приходятъ на память слова Ренана: «Если бы историческія науки такъ же мало возбуждали публику, какъ химія, то онѣ успѣли бы гораздо больше; но то, въ чемъ заключается ихъ неудобство, составляетъ и ихъ благородство».

Е. Михайловичъ.

Публій Овидій Назонъ. Пѣсни любви. (Amores). Въ трехъ книгахъ. Переводъ Я. Б. Изданіе Д. П. Ефимова. Москва. 1906.

Ослабленіе цензурнаго гнета выразилось, между прочимъ, въ нашей литературѣ и тѣмъ, что стали появляться переводы нѣкоторыхъ болѣе фривольныхъ произведеній древности: такъ, въ 1904 г. вышло въ свѣтъ Овидіево «Искусство любить» и даже сряду въ двухъ изданіяхъ, а теперь мы получаемъ переводъ и болѣе ранняго, чѣмъ «Искусство», сборника любовныхъ элегій того же поэта. Большинство этихъ стихотвореній группируется около связи Овидія съ женщиной, обозначенной имъ подъ псевдонимомъ Коринны, но, по обычаю древности, поэтъ весьма тѣсно перемѣшалъ дѣйствительность съ вымысломъ, такъ что разграничить ихъ почти невозможно. Кромѣ того, въ сборникѣ есть нѣсколько элегій, являющихся чисто риторическими упражненіями безъ всякаго отношенія къ дѣйствительности, таково, напримѣръ, искусное проведеніе параллели между любовью и военной службой (I, 9) и нѣкоторыя другія. Переходя къ разсмотрѣнію труда г. Я. Б., прежде всего отмѣчу, что переводчикъ добросовѣстно постарался передать рѣшительно всѣ стихотворенія сборника, не опустивъ даже и нѣсколько шокирующую современное нравственное чувство элегію III, 7, гдѣ поэтъ разсказываетъ, какъ, приступивъ къ любовному наслажденію, онъ не разсчиталъ своихъ силъ. Затѣмъ переводъ исполненъ гекзаметрами, которые даются г. Я. Б. далеко нелегко, такъ что стихи, въ родѣ «Видѣлъ ночью порой съ побагровѣвшимъ ликомъ луну», у него отнюдь не рѣдки. Часто также встрѣчаются неудачно построенныя фразы, какъ, напри-

мѣръ: «Я посрединѣ постели члены свои раскидалъ». Сдѣланъ переводъ, повидимому, дѣйствительно съ латинскаго оригинала, но съ сильнымъ пользованіемъ двумя иностранными предшественниками г. Я. Б.: французомъ Леметромъ и нѣмцемъ Линдеманомъ. Болѣе новыхъ трудовъ по толкованію Amores г. Я. Б. не знаетъ вовсе. Текстъ оригинала въ весьма многихъ случаяхъ совершенно не понятъ, такъ, напримѣръ, Овидій говоритъ, что нѣкая колдунья пользуется для своихъ чаръ жидкостью, текущей у ярящейся кобылы, а нашъ переводчикъ понимаетъ это такъ, что колдунья «вылѣчить можетъ отъ течки кобылъ»; или, по Овидію, та же колдунья, занимаясь сводничествомъ, поставила себѣ цѣлью разрушать счастливые браки, а, по г. Я. Б., «Спальня найдется у ней, гдѣ она охраняетъ стыдливость»; или Овидій высказываетъ ту мысль, что божество Венеры не преслѣдуетъ за ложныя клятвы въ любви, а г. Я. Б. передаетъ это такъ: «Ухо Венеры закрыто для тѣхъ, кто любовь потерялъ». Переводъ каждой книги сопровождается краткими примѣчаніями, гдѣ также далеко не все обстоитъ благополучно: такъ, греческій поэтъ Каллимахъ именуется основателемъ города Кирены, тогда какъ этотъ послѣдній возникъ за 300 слишкомъ лѣтъ ранѣе Каллимаха; или, что болѣе поразительно, г. Я. Б. называетъ серьезнаго греческаго поэта Арата легкомысленнымъ именемъ Аретина. Идиллически звучитъ столь же категорическое, какъ и ошибочное утвержденіе, что въ древности «двери лишь притворяли», а не запирали. Въ заключеніе нельзя не отмѣтить, что у г. Я. Б. нѣтъ никакихъ слѣдовъ пользованія его гораздо болѣе талантливыми русскими предшественниками: Фетомъ, переведшимъ изъ Amores 4 стихотворенія, и г. Пл. Красновымъ, переведшимъ 2 элегіи. Будемъ надѣяться, что пикантное заглавіе книжки г. Я. Б. все же привлечетъ къ ней довѣрчивыхъ покупателей, и по распродажѣ перваго изданія авторъ кореннымъ образомъ переработаетъ свой трудъ.

А. М—нъ.

С. Д. Пападимитріу. Θеодоръ Продромъ. Одесса. 1905.

Профессоръ Новороссійскаго университета Пападимитріу посвятилъ обрширное спеціальное изслѣдованіе личности и сочиненіямъ византійскаго писателя Θеодора Продрома. Онъ истратилъ много труда, работалъ въ заграничныхъ библіотекахъ, привлекъ немало рукописнаго матеріала, добросовѣстно ознакомился съ литературою предмета, и, тѣмъ не менѣе, результаты получи-довольно скудные. Произошло это отъ выбора темы.

Θеодоръ Продромъ не былъ ни крупной исторической личностью, ни выдающимся писателемъ. Послѣ кропотливыхъ изысканій автору удалось установить слѣдующую біографію изучаемаго имъ византійца.

Между 1070 и 1075 г.г. родился въ Константинополѣ отъ знатныхъ родителей Θеодоръ Продромъ; дѣдъ его, Продромъ по имени, былъ благочестивый священникъ, а дядя, по имени Христосъ, весьма образованный человѣкъ, назначенъ былъ впослѣдствіи митрополитомъ кіевскимъ подъ монашескимъ именемъ Іоанна (1077—1078 г.г.). Онъ получилъ образованіе у самыхъ лучшихъ учителей того времени и усовершенствовался въ грамматикѣ, реторикѣ,

философіи, геометріи и ариѳметикѣ. По окончаніи курса ученія ему не удалось скоро устроиться. Въ это время, по всей вѣроятности, онъ сталъ принимать у себя учениковъ, но скоро его назначили учителемъ царевны Анны Комниной, и онъ получилъ доступъ во дворецъ.

Счастіе Продрома было непродолжительно, уже въ 1105 г. онъ чувствуетъ себя на родинѣ необезпеченнымъ и собирается ѣхать въ Трапезунтъ. Каковы были причины такой перемѣны обстоятельствъ, намъ неизвѣстно. Но можно предполагать, что Продромъ или во время преподаванія или въ какомъ либо изъ многочисленныхъ своихъ трудовъ выразился по какому нибудь вопросу слишкомъ неосторожно, чѣмъ воспользовался одинъ изъ его противниковъ и сдѣлалъ на него доносъ, обвиняя его въ неблагочестіи.

Вскорѣ послѣ этого Ѳеодоръ Продромъ заболѣлъ оспой и сдѣлался лысымъ и рябымъ. Онъ давалъ частные уроки, но вознагражденіе, которое онъ получалъ, было ничтожно, и этимъ путемъ онъ не могъ пріобрѣтать достаточно средствъ для того, чтобы содержать свою многочисленную семью.

Въ царствованіе Мануила Комнина, Продромъ пользовался благосклонностью новаго императора, и ему поручено было написать надгробныя эпиграммы надъ могилой умершаго царя.

Годъ смерти Ѳеодора Продрома неизвѣстенъ, но, по соображеніямъ автора, онъ умеръ нѣсколько раньше Рождества 1153 г.

Третья часть изслѣдованія профессора Пападимитріу посвящена обозрѣнію литературнаго наслѣдія Ѳеодора Продрома. Здѣсь онъ даетъ библіографію всѣхъ прозаическихъ и стихотворныхъ сочиненій византійскаго писателя съ подробнымъ перечисленіемъ изданій и рукописей и съ критикой тѣхъ произведеній, которыя неправильно приписываются Продрому.

Автору удалось разрѣшить нѣкоторые спеціальные вопросы, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ позволяетъ себѣ совершенно произвольныя предположенія и изъ нихъ дѣлаетъ якобы научные выводы.

Такъ, напримѣръ, профессоръ Пападимитріу старается доказать, что упоминаемый въ комментаріяхъ Ѳеодора Продрома орфанотрофъ Константинъ Никомидійскій—не кто иной, какъ извѣстный византійскій ученый Михаилъ Пселль, которому посвящена диссертація П. В. Безобразова.

Доказать подобную ни на чемъ не основанную догадку очень трудно. Пселль не могъ называться Никомидійскимъ, потому что былъ уроженецъ Константинополя. Біографія его извѣстна намъ очень хорошо, и мы знаемъ, что должности орфанотрофа онъ не занималъ.

Но профессоръ Пападимитріу этимъ нисколько не смущается.

Хотя во множествѣ источниковъ византійскій писатель носитъ фамилію Пселль, современный ученый увѣряетъ, что Константинъ (до постриженія Михаилъ Пселль назывался Константиномъ), по всей вѣроятности, получилъ прозвище Пселль (заика), будучи еще ученикомъ, такъ какъ въ самомъ дѣлѣ онъ былъ заикой. Такое прозваніе осталось за нимъ и послѣ, какъ выражающее существенный его недостатокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ невольно содѣйствовало къ вытѣсненію настоящей его фамиліи.

Всѣ фамиліи произошли отъ прозвищъ, но профессоръ Пападимитріу забываетъ, что въ Византіи былъ еще другой ученый, жившій въ IX-мъ вѣкѣ, и тоже Пселль по фамиліи. Неужели и тотъ былъ тоже заикой?

Гораздо проще признать, что орфанотрофъ Константинъ Никомидійскій и протосикритъ и ипатъ философовъ Михаилъ Пселль—разныя лица.

Отъ подобныхъ произвольныхъ толкованій теряетъ изслѣдованіе профессора Пападимитріу, которое въ общемъ не лишено серьезныхъ достоинствъ.

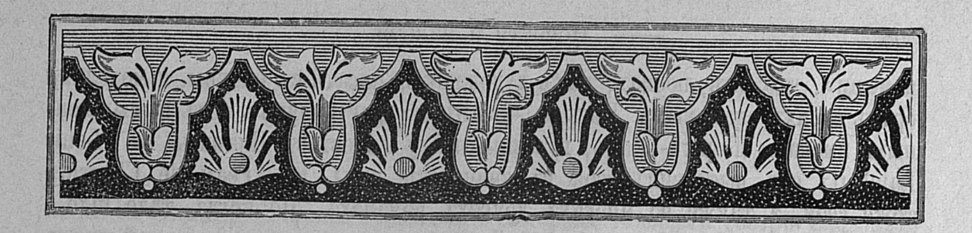
П. Б.

Посильная помощь. Сборникъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. М. 1906.

Сборникъ этотъ изданъ редакціей журналовъ: «Свѣтлячокъ», «Путеводный Огонекъ», «Дѣло и Потѣха». Онъ заключаетъ въ себѣ болѣе 300 стр. съ произведеніями извѣстныхъ писателей, художниковъ и композиторовъ, предоставившихъ свои произведенія безвозмездно. Здѣсь находимъ стихотворенія гг. П. Вейнберга, О. Чюминой, Фофанова, П. В. Бунина, П. Бѣлоусова-Шуфъ, И. Холодковскаго, Ап. Коринѳскаго, С. Дрожжина, С. Хазова, В. Гиляровскаго-Аѳанасьева, А. Круглова, Ѳедорова-Давыдова и др.; разсказы гг. Мамина-Сибиряка, Н. Крашенинникова, Баранцевича, Кайгородова, О. Шапиръ, Лукашевичъ, гр. Саліаса, Телешова, Засодимскаго, Ѳ. Соллогуба и др.; рисунки съ картинъ Васнецова, Архипова, Андреева, Ге, Коровина, Максимова, Рѣпина, Пассъ, Далькевича и др., этюды Пастернака, Сурикова, рисунки Кучеренко, Клодта и др. Сборникъ изданъ изящно и даетъ очень много интересныхъ произведеній, частью уже напечатанныхъ ранѣе въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Въ концѣ сборника приложены два нумера изъ отдѣла музыки и пѣнія: «Весенняя пѣсня», музыка Ц. Кюи, слова А. А. Ѳедорова-Давыдова, и «Изъ города въ деревню» (дѣтскій хорикъ), музыка А. Гречанинова, слова Н. Некрасова. Сборникъ изданъ въ количествѣ 7.500 экземпляровъ. Весь чистый доходъ отъ продажи его будетъ переданъ въ управленіе дѣлами общеземской организаціи помощи населенію мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая.

А. Х—въ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

АЛЬЗАКА «Dilecta» [1]). Въ предыдущей книжкѣ «Историческаго Вѣстника» было говорено о статьѣ Ржевусскаго въ защиту своей тетки, г-жи Ганской. Какъ бы въ дополненіе къ ней въ «La Revue hebdomadaire» появилась статья Фелисьена Паскаля—«La Dilecta», въ которой авторъ, говоря о героиняхъ романовъ Бальзака, останавливается на его первой любви, которую онъ прозвалъ «dilecta». За послѣдніе годы съ особенной жадностью перелистываютъ страницы романовъ, пережитыхъ самими авторами и перенесенныхъ ими въ свои произведенія. Однако у нѣкоторыхъ романистовъ не такъ легко добраться до истины и угадать настоящее имя героини, чтобы прослѣдить, точно ли переданы пережитыя чувства, и насколько они прикрашены, а приходится посвятить долгое время на изслѣдованіе различныхъ документовъ, какъ, напримѣръ, писемъ и т. д. Другіе писатели, въ родѣ Жанъ-Жака Руссо, не стѣсняясь, даже нѣсколько цинично, сообщали читателю всѣ подробности своихъ интригъ. Шатобріанъ также не могъ удержаться, чтобы не сообщить о каждой своей любовной интригѣ; впрочемъ онъ дѣлалъ это сдержаннѣе перваго, такъ же, какъ и Ламартинъ, который намекалъ на источникъ любви, но смутно, неопредѣленно; напротивъ, Жоржъ-Сандъ и Альфредъ Мюссэ свою любовь дѣлали достояніемъ публики. Но кто съ особенной тщательностью старался скрыть слѣды своей любви и окружить завѣсой тайны женщину, раздѣлявшую съ нимъ страсть, а забѣмъ выведенную въ его романахъ героиней,—это Бальзакъ. Подобное явленіе тѣмъ болѣе выставляетъ на видъ деликатную натуру автора «Человѣческой

[1]) «La «Dilecta hebdomadaire de Balsac», par Felicien Pascal. La Revue» 17 Fevrier 1906.

комедіи», что онъ любилъ, какъ художникъ, писать съ натуры, и моделями бралъ своихъ знакомыхъ. Такъ въ «Béatrix'ѣ» фигурируютъ подъ вымышленными именами Жоржъ-Сандъ, графиня д'Агу и Гюставъ Планшъ. Въ «Louis Lambert» онъ выставилъ себя въ юношескіе годы, въ «Peau de Chagrin» тоже себя, а также во многихъ другихъ романахъ. Но когда дѣло шло о какой нибудь женщинѣ, съ которой Бальзакъ находился въ любовной связи, то онъ всѣми силами старался, чтобы героиню не узнали современники. Только послѣ появленія его «Переписки» можно было установить имена героинь его романовъ, да и то не всѣхъ; осталось нѣсколько близкихъ ему лицъ, имена которыхъ до сихъ поръ не разгаданы. Говорятъ, будто Ѳедора въ «Peau de Chagrin» не кто иная, какъ г-жа Рекамье,—такъ предполагаетъ Герріо въ своемъ сочиненіи «Madam Récamier et ses amis», и есть основаніе это утверждать, такъ какъ Бальзака ей представили, и онъ бывалъ у нея до появленія въ свѣтъ этого романа. Съ другой стороны есть намекъ, что это была жена Россини, Олимпія Пелисье, изображенная художникомъ Вернэ на его картинѣ «Юдиѳь». До своего брака съ Россини она была въ связи съ Вернэ и Евгеніемъ Сю. Въ письмѣ къ г-жѣ Ганской Бальчакъ упоминалъ, что ожидаетъ къ себѣ обѣдать Россини и его «cara donna», Олимпію. Въ «Une page oubliée de H. de Balsac», гдѣ Медей Пишо критикуетъ «Peau de Chagrin», говорится: «Мы не совсѣмъ увѣрены, что Бальзака положительно узнали, но Ѳедору, безсердечную женщину, мы узнали. Мы видали Рафаэля у нея. Мы были тамъ вечеромъ, когда онъ скрывался за оконной занавѣской, чтобы незамѣтно присутствовать при ея раздѣваніи. Да, мы видѣли, какъ онъ туда скользнулъ, и если не сказали горничной Жюли, то потому, что считали его присутствіе желательнымъ Ѳедорѣ; она такъ часто хвалила его черные глаза, одаренные настоящей притягательной силой».—«Намеки слишкомъ ясные на Олимпію Пелисье (съ тѣхъ поръ г-жу Россини),—прибавляетъ Лованжуль, отыскавшій эти строки. Въ эту эпоху ея салонъ очень посѣщался артистами, и Бальзакъ тамъ часто бывалъ». Въ «Дневникѣ доктора Меньера» говорится, что Бальзакъ ее обожалъ и взялъ моделью для своей героини въ «Peau de Chagrin». Онъ съ удовольствіемъ соединилъ бы свою жизнь съ ея жизнью въ эпоху своего затруднительнаго денежнаго положенія. Тогда у нея было 25.000 годового дохода, и Бальзакъ очень за нею ухаживалъ. Герцогъ Фицъ-Джемсъ и многія другія важныя лица встрѣчались у нея, какъ на нейтральной почвѣ. Она обладала прекраснымъ голосомъ и брала уроки пѣнія у Россини. Во время путешествія по Италіи она сказала ему, что у нея 30.000 фр. ренты. «Это легко устраиваетъ браки»,—замѣтилъ онъ. Бальзакъ очень скоро сдѣлался ихъ семейнымъ другомъ. Такимъ образомъ теперь установлено, что Ѳедора—не кто иная, какъ Олимпія Пелисье, и любовь къ ней Бальзака носила сентиментальный характеръ, что помогло ему вывести типъ Рафаэля. Но въ этомъ же романѣ есть Полина, дочь консьержа, которая такъ деликатно пришла на помощь Рафаэлю и обнаружила къ нему свою любовь только тогда, когда какимъ-то чудомъ разбогатѣла; о ней еще положительно ничего не извѣстно. Бальзакъ говорилъ своей сестрѣ, г-жѣ Сюрвиль, когда отправлялся въ Невшатель знакомиться съ г-жей Ганской: «Какую тайну я тебѣ скажу: я—отецъ, а мать ребенка—миленькая особа, самое

наивное существо, какое только есть, и, какъ цвѣтокъ, свалившееся мнѣ съ неба; она приходитъ ко мнѣ украдкой и не требуетъ ни переписки съ нею, ни моихъ заботъ о ней, а только говоритъ: «люби меня одинъ годъ, я буду тебя любить всю жизнь». Трудно установить, къ сожалѣнію, тождество этой личности съ Полиной. Наивное существо, о которомъ говорилъ сестрѣ Бальзакъ, приходило къ нему въ 1833 г., а «Peau de Chagrin» въ это время уже появилось. Этой незнакомкѣ онъ посвятилъ «Eugénie Grandet» гдѣ называлъ ее Маріей; поэтому приходится довольствоваться мыслью, что Полина была мечта, а Марія реализировала мечту, которую Бальзакъ воплотилъ въ Полинѣ. Въ различныхъ героиняхъ позднѣйшихъ романовъ знаменитаго автора и спеціально въ герцогинѣ Ланжэ, мы находимъ, подъ вымышленной наружностью, г-жу Кастри. Повидимому, она первая начала за нимъ ухаживать, желая развлечься отъ постигшаго ее удара—смерти страстно ею любимаго сына Меттерниха, случившейся при трагическихъ условіяхъ. Она рѣшила для развлеченія окружить себя артистами и начала съ Бальзака, написавъ ему безыменное письмо, въ которомъ говорила, что удовольствіе, которое она испытываетъ, читая его произведенія, заставляетъ ее желать встрѣчъ съ нимъ. Бальзакъ придалъ бо́льшее значеніе ея признаннію, чѣмъ оно имѣло на самомъ дѣлѣ и думая, что она уже его любитъ, самъ влюбился до безумія въ эту неизвѣстную ему поклонницу, какъ только ее увидалъ. Она обворожила его кокетствомъ, но сама никогда не теряла своего холоднаго разсудка и не сдавалась. Бальзакъ очень отъ этого страдалъ, и въ его «Histoire des Treize» весь его сдержанный гнѣвъ выраженъ въ бѣшенствѣ графа Монтриво противъ герцогини де-Ланжэ. Ради г-жи Кастри Бальзакъ порвалъ связь, длившуюся десять лѣтъ, съ прекрасной благородной женщиной, но на двадцать два года старше его. «Въ ангела превратилась эта несравненная женщина,—говорилъ о ней Бальзакъ; я далъ себѣ волю страдать на ея груди, скрывъ отъ нея, какъ я страстно жажду любви молодой, красивой женщины, но она отгадала это и сказала мнѣ: «когда она придетъ, я буду твоей матерью, моя любовь будетъ материнской, преданность—материнской». Эта чудная женщина была Dilecta, подлинную личность которой долго не могли установить. Начало любовной интриги Бальзака съ г-жею Кастри указало Delect'ѣ, что часъ наступаетъ, когда ей придется стушеваться. Красивая молодая женщина, любви которой Бальзакъ такъ страстно желалъ, повидимому, сдавалась. Какъ бы по взаимному соглашенію Dilecta и Бальзакъ сразу порвали физическую связь, но моральная все-таки осталась: они взаимно обѣщали уважать прошлое, сохранять ихъ тѣсную умственную близость, нѣжность и прежнюю сердечную привязанность другъ къ другу. Этотъ разрывъ освободилъ Бальзакая и въ надеждѣ одержать окончательную побѣду, онъ поспѣшилъ въ Ахенъ, куда его призывала г-жа Кастри. Но онъ ошибся и никогда отъ нея не добился ничего «окончательнаго». «Успокойтесь,—писалъ онъ, — впослѣдствіи г-жѣ Ганской: — г-жа К. все еще увѣряетъ, что любила одного М., и теперь еще эта Артемиза Эфесская любитъ его». Но прекрасной, молодой женщины, о которой Бальзакъ плакалъ на груди своей преданной любовницы, онъ такъ и не дождался; вмѣсто нея появилась г-жа Ганская, да и то ему пришлось страдать восемнадцать лѣтъ, прежде чѣмъ онъ повѣнчался

съ нею, для того, чтобы вскорѣ умереть. Прежняя любовница обѣщала быть ему матерью и вполнѣ исполнила обѣщаніе; она хотѣла любить ту, которая осуществитъ всѣ мечты Бальзака. Но когда онъ посвятилъ ее въ тайну своей любви къ г-жѣ Ганской, въ ней что-то возмутилось, хотя она дѣлала надъ собою усиліе. Въ своемъ письмѣ къ сестрѣ, Бальзакъ признается, что совершенно опьянѣлъ, когда въ первый разъ увидѣлъ г-жу Ганскую и, перебирая лицъ, которымъ не могъ признаться въ своемъ счастьѣ, онъ говоритъ: «Не ей же, моей дорогой, ревнующей меня болѣе, чѣмъ ревновала бы мать свое молоко, которымъ питаетъ своего ребенка? Она не любитъ незнакомки, потому что незнакомка, повидимому, завоевала меня». Въ первомъ письмѣ къ г-жѣ Ганской когда Бальзакъ еще не зналъ ея имени, онъ говорилъ ей, что въ благодарность за удовольствіе, какое доставили ему ея письма, онъ посвящаетъ ей четвертый томъ «Scènes de la vie privée», и на заголовкѣ этого тома сдѣлалъ загадочную надпись: «Diis Ignotis», и изображеніе печати, которой она запечатывала письма. При этомъ онъ ей написалъ: «Одна личность, какъ бы вторая мать для меня, капризы или даже ревность которой я долженъ уважать, потребовала отъ меня, чтобы это нѣмое свидѣтельство моихъ тайныхъ чувствъ исчезло». Лованжуль говоритъ, что Бальзакъ не безъ сожалѣнія порвалъ связь съ Dilect'ой; ея нѣжную любовь не могла замѣнить даже любовь г-жи Ганской: новая любовь не заставила его забыть прежней. «Прошу васъ, — писалъ онъ г-жѣ Ганской въ 1840 г., спустя четыре года послѣ смерти его Dilet'ы: — не дѣлайте сравненій между собою и г-жею Б. Она была безконечно добра и безусловно предана мнѣ; она была тѣмъ, чѣмъ она была. Вы цѣльная со своей стороны, какъ она со своей. Никогда не сравниваютъ двухъ большихъ величинъ; каждая изъ нихъ сама по себѣ». Почему Бальзакъ называлъ свою первую любовь Dilecta, удалось узнать изъ его «Переписки» и «Писемъ къ незнакомкѣ». Онъ называлъ ее такъ потому, что, посвящая «Louis Lambert» ей, онъ не хотѣлъ обнаружить ея имени, и написалъ на заголовкѣ: «Et nunc et semper dilectae dicatum», т.-е. «посвящается женщинѣ, любимой теперь и всегда». Лованжулю удалось найти черновикъ его первыхъ писемъ къ Dilect'ѣ и часть ея писемъ, полученныхъ отъ нея въ концѣ весны и въ началѣ лѣта 1832 г. Нѣкоторые отрывки черновика Бальзака, къ сожалѣнію, по словамъ Лованжуля, трудно разобрать. Въ теченіе ея десятилѣтней связи съ Бальзакомъ, она безусловно подарила себя ему и была его любовницей, матерью и просвѣщеннымъ другомъ, готовымъ всегда прійти къ нему на помощь. Хотя она была замужемъ, но умѣла найти свободныхъ два часа въ день для ежедневныхъ свиданій. Голубая комнатка при типографіи, за которую его пробирали въ семьѣ, была предназначена для этихъ свиданій. Когда обои загрязнились, Бальзакъ самъ, съ помощью товарища, Анри Латуша, обтянулъ ее матеріей; здѣсь Dilecta его утѣшала, ободряла въ его предпріятіи; онъ себѣ обѣщалъ разбогатѣть, но вмѣстѣ того задолжалъ около ста тысячъ франковъ. Она на колѣняхъ просила его принять эти деньги, и Бальзакъ ихъ принялъ. Онъ выплатилъ ей послѣднюю часть всей суммы—6.000 франковъ съ процентами въ 1836 г. Впослѣдствіи г-жа Ганская хотѣла также поступить и помочь Бальзаку въ его все болѣе запутывающихся обстоятельствахъ, но онъ отказался, говоря, что

такое покровительство можно принять, не оскорбляясь, въ молодые годы, когда начинаешь жить, въ зрѣлые же годы это становится позорнымъ. Такую денежную помощь Бальзакъ принималъ не отъ единственной Dilect'ы. Во время Луи-Филиппа существовала тюрьма для несостоятельныхъ должниковъ, и Бальзакъ рисковалъ попасть туда, если бы его не спасла еще одна дама — г-жа Деланнуа, другъ семьи Бальзака, такъ же, какъ и семья Dilect'ы. Въ перепискѣ съ своей сестрой въ 1822 г. Бальзакъ упоминалъ о г-жѣ Деланнуа: «Я былъ у г-жи Д.; она прекрасна и соблазнительна... Я ее нашелъ разодѣтой, какъ ангелъ; все та же красивая талія, безжизненное лицо и томные глаза. Она упрекала меня, что я къ ней не хожу; мы бесѣдовали сначала о платонической любви, а потомъ о физической, и она кончила тѣмъ, что пригласила меня на ея вечера, по четвергамъ». Въ дальнѣйшихъ его письмахъ видно, что она ему одолжала значительныя суммы, какъ и Dilect'а, съ которой сначала ихъ смѣшивали. «Recherche de l'absolu» посвящено г-жѣ Деланнуа, урожденной Думеръ. Отъ времени до времени ея имя попадается въ его «Перепискѣ», но обыкновенно въ связи съ уплатою ей долга, безъ какихъ либо проявленій любви, тогда какъ съ именемъ Dilect'ы всегда связаны нѣжныя изліянія. Въ перепискѣ съ какой-то Луизой, которую онъ зналъ только по письмамъ, онъ писалъ: «въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ одинъ ангелъ похищаетъ у свѣта, у семьи, у обязанностей и у всѣхъ оковъ парижской жизни ежедневно два часа, чтобы провести ихъ со мною, и никто объ этомъ не знаетъ; слышите ли вы, двѣнадцать лѣтъ? Могу ли я желать, чтобы эта чудная, спасшая меня, преданность вновь возобновилась?» Смерть Dilect'ы настолько поразила Бальзака, что онъ впалъ въ прострацію. Онъ спалъ отъ пятнадцати до шестнадцати часовъ въ день и признавался, что ничего не можетъ дѣлать, даже двигаться. Онъ говорилъ въ письмѣ къ той же неизвѣстной корреспонденткѣ, что Dilect'а была для него больше, чѣмъ какое либо существо можетъ быть для другого: «она меня поддерживала словомъ, дѣйствіемъ и преданностью во время страшныхъ бурь; если я жилъ, то только ею; она была для меня—все; хотя въ продолженіе двухъ лѣтъ болѣзнь и время насъ разъединили но мы видѣли другъ друга на разстояніи: она воздѣйствовала на меня; она была моимъ нравственнымъ солнцемъ». Рискуя возбудить ревность въ г-жѣ Ганской, онъ постоянно говорилъ ей о Dilect'ѣ въ письмахъ. «Да, — писалъ онъ ей, — я избалованъ этой чудной женщиной; я признаю это, работая для усовершенствованія того, что она подготовила во мнѣ». Сестрѣ онъ признавался, что былъ неутѣшенъ въ потерѣ этой единственной подруги, и чувствовалъ, что съ каждымъ днемъ она все болѣе и болѣе возрождается въ его сердцѣ. Лишенный ея литературныхъ совѣтовъ и ея помощи въ жизненныхъ невзгодахъ, онъ призывалъ ее во всѣхъ своихъ затрудненіяхъ: «Что сказала бы она, если бы была жива?»—спрашивалъ онъ себя въ такихъ случаяхъ. Пока она была жива, онъ подчинялся въ своихъ работахъ ея совѣтамъ. «Г-жа Б...—писалъ онъ,—не одобрила меня. Она знаетъ, что критикуетъ». Его «Письма къ писателямъ» ее такъ глубоко взволновали, что вызвали припадокъ болѣзни сердца. «Я не люблю болѣе этихъ страницъ»,—писалъ по этому поводу Бальзакъ. Прочитавъ его «Lys dans la vallée», поправленную по ея указаніямъ, она объявила Бальзаку, что

можетъ сказать одно объ этомъ произведенiи, что это настоящая Lys dans la vallée. «Въ ея устахъ,—замѣтилъ Бальзакъ,—это большая похвала: она очень требовательна» .«Г-жа Морсовъ въ «Lys»,—писалъ Бальзакъ,—блѣдное выраженiе самаго мельчайшаго изъ качествъ этой особы; въ ней только ея отдаленное отраженiе, такъ какъ меня возмущаетъ передавать мои душевныя волненiя публикѣ, и потому ей никогда не будетъ извѣстно, что со мною случилось». Но теперь читателямъ уже отчасти его чувства къ Dilect'ѣ знакомы, такъ какъ стало извѣстно, что въ Феликсѣ де-Ванднессѣ Бальзакъ представилъ себя, а въ г-жѣ Морсовъ—Dilect'у. Кто такая была эта Dilecta, узнали случайно Габрiель Ганото и Габрiель Викеръ, когда писали «Balsac imprimeur» и для этого просматривали различные документы, относившiеся прямо или косвенно къ его банкротству. Между прочимъ, въ одномъ изъ документовъ находилось имя Луизы-Антуанеты Гиннеръ, жены де-Берни, которая отвратила разоренiе, грозящее Бальзаку. Ганото и Викеръ принялись собирать подробности объ этой личности. Вспомнивъ, что у королевы Марiи-Антуанеты былъ придворный артистъ Гиннеръ, они справились, не его ли это родственница. Оказалось, что Гиннеръ женился на Луизѣ-Маргаритѣ-Эмили-Гётцэ де-Лабордъ, камерфрау королевы, и у нихъ родилась дочь. Ея воспрiемниками были король и королева, которыхъ замѣнили при обрядѣ крещенiя Антуанъ Дюплесси де-Ришелье, герцогъ Фронсакъ и герцогини Фицъ-Джемсъ, принцесса Шимэ. Эта дочь и была Dilecta. Впослѣдствiи ея мать, овдовѣвъ, вышла за Ренье де Жоржэ, который вмѣстѣ съ Ферзеномъ и барономъ Батцомъ были самыми преданными слугами королевской семьи. Предъ своею смертью король послалъ Жоржэ въ Туринъ съ порученiемъ къ графу Прованскому, а г-жа Жоржэ съ дочерью остались однѣ. Предъ казнью Марiя-Антуанета, любившая ее, передала ей на память прядь своихъ волосъ и серьги кольцами, которыя королева носила въ ушахъ во время своего заключенiя въ тюрьмѣ. Этотъ подарокъ обратилъ вниманiе революцiоннаго трибунала на г-жу Жоржэ, и она была заключена въ тюрьму вмѣстѣ съ дочерью. Тамъ послѣдняя познакомилась съ де-Берни, и 8 мая 1793 г. состоялась ихъ свадьба. Въ это время ей было 15 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ, а жениху 24 года. О мужѣ Dilect'ы извѣстно только, что у него былъ безпокойный, брюзгливый характеръ, и что Бальзакъ посвятилъ ему свой романъ «Madame Firmiani»; объ ихъ отношенiяхъ ничего не упоминается. Повидимому, мужъ Dilect'ы умеръ ранѣе ея, но о его похоронахъ нигдѣ не говорится, между тѣмъ это интересно знать для большаго выясненiя отношенiй между Бальзакомъ и Dilect'ой. У г-жи Берни было девять человѣкъ дѣтей, но они доставляли ей одни лишь огорченiя и были отчасти причиной ея болѣзни сердца, длившейся два года. Она была умной, образованной, способной и сентиментальной женщиной, и, по мнѣнiю Ганото и Викера, вполнѣ олицетворяла въ то время прославленный типъ «непонятой женщины». Можетъ быть, по ихъ словамъ, она часто вспоминала прежнее величiе и сокрушалась, къ тому же подошли годы, въ это время она встрѣтила Бальзака, и его молодость и сила очаровали ее. Жизненныя невзгоды сблизили ихъ, а взаимное сожалѣнiе сроднило ихъ души; сентиментальность сначала заставила ихъ позабыть разницу лѣтъ. Благодаря Dilect'ѣ, женщины получили право любить лишнiя пятнадцать лѣтъ, не

вызывая насмѣшекъ за слабость сердца, тогда какъ до Бальзака романисты не допускали проявленія любви у женщины за тридцать лѣтъ. Впрочемъ, новѣйшіе французскіе писатели идутъ дальше Бальзака, и ихъ героини имѣютъ право на любовь, уже будучи бабушками. Авторъ «Человѣческой комедіи» обязанъ г-жѣ Берни не только открытіемъ, что женщина за сорокъ лѣтъ можетъ заставить себя любить, но и сформированіемъ своего ума и направленіемъ его идей. Наслѣдуя отъ родителей монархическія идеи, что̀ подтверждаетъ сочиненіе о Бальзакѣ Эдмона Бирэ, онъ еще болѣе укрѣпилъ ихъ, благодаря вліянію на него г-жи Берни. Ея разсказы о придворной жизни, о пережитыхъ страданіяхъ королевской семьи, о подкладкѣ революціи, воскресили въ его воображеніи прошлое, и потому въ его «Les Chouans», «Madame de la Chanterie», «Un episode sous la Terreur» и т. д. живо и вѣрно представлены типы стараго режима. Обнаружившаяся связь Бальзака съ г-жею Берни вполнѣ должна удовлетворить неустанное любопытство его поклонниковъ, жаждавшихъ узнать, насколько онъ былъ искрененъ въ описаніи любви, какихъ женщинъ онъ любилъ, и какъ онѣ его любили. Бальзакъ болѣе, чѣмъ какой либо другой писатель, возбуждалъ во всѣхъ любопытство, какъ романистъ, спеціально описывающій женщинъ всего XIX вѣка. Его связь съ г-жею Берни не оставляетъ никакого сомнѣнія относительно точности изображенныхъ имъ чувствъ всевозможныхъ оттѣнковъ, которыя онъ заставлялъ переживать своихъ героинь. Любовь къ Dilect'ѣ, о которой онъ вѣчно напоминалъ г-жѣ Ганской, можетъ служить послѣдней оправданіемъ ея холодныхъ отношеній къ Бальзаку предъ его смертью, за которыя на нее такъ жестоко нападаетъ парижское общество.

— Пятидесятилѣтіе кончины Гейне. 17 февраля нынѣшняго года исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня смерти великаго поэта и общечеловѣческаго дѣятеля — Генриха Гейне. Восторженно откликнулись всѣ культурныя страны на этотъ юбилей, и на всевозможныхъ языкахъ сочувственно помянули знаменитаго автора «Книги пѣсенъ», «Путевыхъ картинъ», «Романцеро» и т. д. И, несмотря на это, дикое противодѣйствіе большинства Германіи все еще не дозволяетъ его соотечественнакамъ воздвигнуть памятникъ своему незабвенному поэту и гражданину. Только на островѣ Корфу, предъ замкомъ покойной австрійской императрицы, возвышается статуя Гейне прямо противъ моря, которое онъ такъ великолѣпно воспѣвалъ. Вдвоемъ съ такимъ же великаномъ поэзіи и мысли—Байрономъ, Гейне раздѣляетъ честь не имѣть памятника, что̀, конечно, позоритъ не великихъ, славныхъ поэтовъ, а ихъ лицемѣрныхъ, недостойныхъ соотечественниковъ. За неимѣніемъ памятника не было и достойнаго у его подножія прославленія того, чье имя никогда не умретъ во всемъ свѣтѣ, но все-таки драгоцѣнную память Гейне величали на всѣхъ языкахъ, какъ на словахъ, такъ и въ печати, въ тотъ день, когда пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ скончался поэтъ послѣ девятилѣтней роковой агоніи въ своей «матрацной могилѣ», какъ онъ юмористически называлъ тѣ двѣнадцать матрацовъ, на которыхъ ему было суждено лежать во время его страшной болѣзни спинного мозга. Всячески чествуя Гейне, писатели всѣхъ странъ вспоминали о послѣднихъ временахъ, проведенныхъ имъ на землѣ, когда, среди самыхъ страшныхъ мученій, онъ писалъ однѣ изъ лучшихъ своихъ

произведеній, говоря: «Какъ ослѣпленная ласточка, я пою тѣмъ прекраснѣе». Его другъ Мейснеръ справедливо приходя въ восторгъ, восклицалъ: «Какіе стихи, какіе звуки! Вы никогда не писали ничего подобнаго». А Гейне отвѣчалъ: «Не правда ли? Да, я самъ знаю, что это прекрасно. Это жалоба, выходящая какъ бы изъ гроба; тутъ кричитъ во тьмѣ заживо погребенный. Да, да, такихъ звуковъ еще не слышала нѣмецкая лирика, да и не могла ихъ слышать, потому что до сихъ поръ ни одинъ поэтъ не находился въ такомъ положеніи». Въ послѣднія свои минуты онъ заканчивалъ «Романцеро», «Лазаря» и «Послѣднія стихотворенія», которыя дышатъ мрачнымъ отчаяніемъ, задушевной прелестью и безнадежнымъ пессимизмомъ. Тѣмъ ужаснѣе было положеніе несчастнаго Гейне, что за нимъ ухаживала его жена, Матильда Мира̀,— типичная, легкомысленная парижанка, которая сама иногда не понимала, что говорила страдальцу. Такъ, напримѣръ, когда однажды онъ выражалъ желаніе умереть, и тѣмъ прекратить свои страданія, она воскликнула: «Нѣтъ, нѣтъ, Анри, ты не долженъ теперь умереть; сегодня утромъ только что умеръ мой душка попугай, и если ты также теперь умрешь, то я этого не вынесу». Самъ Гейне, разсказывая этотъ анекдотъ одному своему пріятелю, прибавилъ: «Видишь, я и продолжаю жить, какъ мнѣ приказано: ужъ очень хороша представленная мнѣ причина, чтобы не умирать». Этотъ грустно-комическій инцидентъ былъ противоположенъ другому мрачному эпизоду, случившемуся за нѣсколько дней до его смерти. Съ нимъ захотѣлъ проститься знаменитый историкъ древней Франціи, Огюстэнъ Тьери, и его довели до «роковыхъ матрацовъ», такъ какъ онъ былъ совершенно слѣпъ; онъ не видѣлъ Гейне, но тихо нагнулся къ нему, а умирающій поэтъ едва двигавшимися пальцами поднялъ свои опущенныя вѣки, чтобы кое-какъ разглядѣть слѣпца. Послѣдніе годы, когда Гейне превратился изъ революціоннаго поэта въ поэта индивидуальной жизни, онъ пѣлъ о своихъ страданіяхъ, о своихъ фантастическихъ видѣніяхъ и только нѣсколько утѣшался посѣщеніями «Мухи» (Камиллы Сельденъ), которую онъ полюбилъ чистой, наивной любовью. За нѣсколько дней до смерти поэта кто-то спросилъ его: примирился ли онъ съ церковью? «Не безпокойтесь,— отвѣтилъ онъ: — Богъ мнѣ проститъ: это Его ремесло». Почти до послѣдней минуты онъ писалъ по шести часовъ въ день свои мемуары, до сихъ поръ вполнѣ не напечатанные, и накануне смерти онъ еще потребовалъ бумагу и карандашъ; но это были его послѣднія слова, и на другое утро онъ умеръ.

Изъ всѣхъ литературныхъ изреченій Гете относительно Гейне, быть можетъ, самое извѣстное, что автору «Романцеро», обладающему многими блестящими качествами, недостаетъ любви. Эти слова приводятся многими писателями въ стихахъ и прозѣ, какъ подлинныя и заимствованныя изъ разговора Гёте съ Эккерманомъ, но, по случаю юбилея Гейне, англійскій критикъ, Джемсъ Гендерсонъ, занялся спеціальнымъ изученіемъ этихъ разговоровъ ради этой знаменитой фразы и отвергаетъ это. Въ Ateneum'ѣ» онъ приводитъ результатъ своей работы, и оказывается, что у Эккермана нигдѣ не упоминается въ этой фразѣ имени Гейне, а въ нѣкоторыхъ изданіяхъ даже вовсе нѣтъ имени поэта, которому, по словамъ Гете, недостаетъ любви; въ первомъ же изданіи Эккермана 1836 г. упоминается нѣмецкій поэтъ, но не Гейне, а Платенъ, врагъ

и противникъ Гейне. Такимъ образомъ къ пятидесятилѣтнему юбилею Гейне уничтожилась одна клевета противъ него. Замѣчательно, что великій поэтъ самъ говорилъ въ своемъ сочиненіи «Über Polen», написанномъ въ 1822 г., что французская школа философіи тоже отличалась недостаткомъ любви. Также по случаю этого юбилея вышли двѣ французскія книжки М. Легра и А. Лихтанберже съ интересными характеристиками Гейне, какъ поэта, мыслителя, художника и влюбленнаго. Рядомъ съ его великой способностью къ лирической поэзіи, онъ обладалъ и сатирическимъ талантомъ. Онъ принималъ энергичное участіе во всѣхъ политико-литературныхъ поединкахъ своего времени и всегда говорилъ: «Я—мечъ, я—пламя». Сначала до ссоры съ Бёрне онъ былъ послѣдователемъ Сенъ-Симона, потомъ республиканцемъ, радикаломъ и сторонникомъ Лассаля и Карла Маркса; но его художественное чутье было такъ нѣжно, что онъ отворачивался отъ народной черни. Какъ объясняетъ Лихтанберже, «онъ любилъ народъ, но какъ аристократъ, и ничего такъ не боялся, какъ правленія черни, у которой руки грязны, которая, по его словамъ, воняетъ табакомъ, атеизмомъ и водкой». Она мечтаетъ только уничтожить своими мозолистыми руками музеи, статуи, всю красоту. Онъ ожидалъ вмѣстѣ съ достиженіемъ власти чернью возвращеніе къ варварству. Еще во время іюльской монархіи, сдѣлавшись писателемъ не германскимъ, а французскимъ, онъ предсказывалъ возвращеніе бонапартизма, и съ величайшей радостью привѣтствовалъ на своемъ смертномъ одрѣ декабрьскій переворотъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ предсказывалъ и коммуну, уничтоженіе Вандомской колонны интернаціналистами и роковой результатъ франко-германской войны. Никто болѣе Гейне не издѣвался, не смѣялся надъ нѣмцами, но и о французахъ онъ также говорилъ: «голубое небо Франціи для меня омрачается; этотъ легкомысленный народъ становится мнѣ въ тягость». Наконецъ онъ не жалѣлъ и своего родного народа—еврейскаго; вообще, этотъ страшный насмѣшникъ и жестокій сатирикъ одинаково былъ опасенъ для друзей и враговъ. Въ шутку онъ называлъ себя первымъ человѣкомъ XIX столѣтія, увѣряя, что онъ родился 1 января 1800 г., но по новѣйшимъ изслѣдованіямъ онъ родился 13 декабря 1797 г., слѣдовательно его столѣтній юбилей пропущенъ уже девять лѣтъ тому назадъ. Гейне родился въ Дюссельдорфѣ, а умеръ въ Парижѣ: онъ пришелъ на свѣтъ евреемъ, а удалился въ вѣчность лютераниномъ. Впрочемъ, онъ торжественно заявлялъ въ своемъ завѣщаніи, что «вѣруетъ въ Единаго Бога, въ Творца міра», и проситъ себя хоронить безъ всякаго духовенства. На скромномъ Монмартрскомъ кладбищѣ, подъ уединеннымъ памятникомъ съ простой надписью «Анри Гейне» покоится уже пятьдесятъ лѣтъ несравненный пѣвецъ, который говорилъ о себѣ: «Гейне не умретъ, какъ первый встрѣчный, и когти тигра переживутъ тигра».

— Столѣтній юбилей Элизабеты Барретъ Броунингъ. 6 марта праздновали въ Англіи столѣтіе величайшей англійской поэтессы Элизабеты Барретъ Броунингъ. По случаю этого юбилея не только въ Англіи вышла интересная книга Перси Люббока, «Elisabeth Barrett Browning in her lettres», но и во Франціи за нѣсколько мѣсяцевъ до юбилея появился прелестный очеркъ г-жи Дюкло: «Ménage de poétes», чрезвычайно основательная, научно соста-

вленная монографія г-жи Мерлеттъ: «Etude sur la vie et les oeuvres d'Elesabeth Barrett Browning», а также новый переводъ на французскій языкъ поэмъ и стиховъ знаменитой поэтессы. Такимъ образомъ можно составить полную характеристику Элизабеты Барретъ, родившейся 6 марта 1806 г. въ Лондонѣ. Она была дочерью богатаго англійскаго купца, бывшаго плантатора, отца одиннадцати дѣтей. Воспитаніе она получила превосходное, и одинаково изучала философію, естественныя науки и классическіе языки. Съ дѣтства она отличалась поэтическимъ талантомъ и въ молодыхъ лѣтахъ писала стихи и статьи о греческихъ и древнихъ христіанскихъ поэтахъ. Ея первымъ крупнымъ литературнымъ трудомъ былъ переводъ въ стихахъ трагедіи Эсхила «Прометей», а затѣмъ вышла ея поэма «Серафимъ», въ которой она пыталась выразить христіанскую мистерію въ формѣ греческой трагедіи. Отличаясь поэтическими стремленіями, миссъ Барретъ провела юность очень печально, такъ какъ долгіе годы находилась на одрѣ болѣзни. Причиной ея была неожиданная смерть любимаго брата, который утонулъ. Въ теченіи девяти лѣтъ она лежала то въ постелѣ, то на кушеткѣ, со всѣхъ сторонъ окруженная англійскими и греческими книгами и бюстами Гомера и Чосери, красовавшимися на стѣнѣ. Хотя ея отецъ, по странной эксцентричности, своимъ дѣтямъ запрещалъ жениться или выходить замужъ, но Елизабета на это не жаловалась, такъ какъ она не имѣла ни малѣйшаго стремленія къ браку и вела самую уединенную жизнь съ своей любимой собачкой «Флешъ», принимая у себя только добраго стараго пріятеля отца, мистера Кеньона. Этотъ добрый старикъ однажды привелъ къ больной дѣвушкѣ молодого поэта, Роберта Броунинга, который восторгался ея поэзіей, какъ и она его стихами. Мало-по-малу молодые люди сблизились, и Робертъ ежедневно сталъ посѣщать больную или переписываться съ нею. До тѣхъ поръ мрачная, унылая Елизабета просіяла и собралась съ силами, благодаря свѣточу, наконецъ блеснувшему въ ея жизни. «Берегись, — говорилъ ей ея дядя, — если ты полюбишь, то полюбишь не на половину». Дѣйствительно, она полюбила Броунинга, несмотря на всѣ мѣры, принятыя противъ этого. Она боялась этой любви и всячески боролась противъ нея. Робертъ со своей стороны страстно влюбился въ больную дѣвушку, да еще старше его, но непреодолимыя препятствія, какъ болѣзнь Элизабеты и запретъ отца вступать въ бракъ—мѣшали ихъ союзу. Несмотря на все, любовный романъ завязался въ тюрьмѣ больной, и молодая дѣвушка стала мало-по малу ощущать блаженство счастья. Въ письмѣ къ Роберту, написанномъ 20 декабря 1842 г. она говорила: «Самая большая моя способность—любить. Я это чувствовала, я объ этомъ мечтала даже раньше чѣмъ васъ увидѣла. И хотя всякая женщина могла бы васъ полюбить, но ни одна не полюбила бы съ такою страстью, какъ я. Вы для меня — все, вы для меня счастье, блаженство. Изъ глубины бездны люди лучше видятъ блескъ звѣздъ и de profundis amavi». Отголоскомъ ея глубокой любви было лучшее ея произведеніе: «Португальскіе сонеты», которые она нарочно назвала португальскими, какъ будто они переведены съ португальскаго языка, въ сущности же они выражали источникъ ея любви. Наконецъ, въ 1847 г. ея здоровье какъ бы немного поправилось и она пошла въ маленькую сосѣднюю церковь и тамъ тайно обвѣнчалась съ Ро-

бертомъ. Затѣмъ они поѣхали въ Италію, гдѣ прожили до смерти великой поэтессы въ 1861 г. Большую часть времени они провели во Флоренціи, гдѣ она и похоронена подъ скромнымъ мраморнымъ мавзолеемъ, на которомъ красуются только три буквы: Е. В. В. Въ Италіи окончательно развилась ея благородная, гуманная и возвышенная поэзія, и тамъ вышелъ ея романъ въ стихахъ: «Aurora Leigh», который считается ея лучшимъ произведеніемъ и заключаетъ въ себѣ защиту женской свободы. Кромѣ того она написала: «The casa Guidi windorvs» и «Poems befor congress», въ которыхъ она пламенно воспѣвала свободу и единство Италіи. Проведя четырнадцать лѣтъ въ самомъ идеалистическомъ блаженствѣ среди прелестной итальянской природы, Елизабета Барреттъ Броунингъ сорокъ пять лѣтъ тому назадъ разсталась съ своимъ обожаемымъ мужемъ и любимымъ сыномъ.

— Смерть Евгенія Рихтера. 25 февраля скончался въ Лихтерфельдѣ знаменитый германскій политическій дѣятель, журналистъ и публицистъ—Евгеній Рихтеръ. Онъ родился въ Дюссельдорфѣ въ 1838 г. и былъ сыномъ военнаго доктора, но самъ предпочелъ медицинѣ—право, и, окончивъ высшее образованіе въ Боннѣ, Берлинѣ и Гейдельбергѣ, поступилъ на государственную службу въ своемъ родномъ городѣ. Однако онъ вскорѣ навлекъ на себя неудовольствіе правительства за свои политическія рѣчи и статьи въ газетахъ и когда его выбрали бургомистромъ въ Нельвидѣ, то онъ не былъ утвержденъ, а переведенъ насильно въ Ромбергъ. Оскорбленный Рихтеръ вышелъ въ отставку и съ тѣхъ поръ, т.-е. съ 1864 г. посвятилъ себя политикѣ. Чрезъ три года онъ былъ избранъ депутатомъ рейхстага, а съ 1871 г. членомъ германскаго рейхстага, гдѣ и засѣдалъ до своей смерти, хотя въ послѣднее время онъ не могъ уже присутствовать на засѣданіяхъ вслѣдствіе слѣпоты и тяжелой болѣзни. Кромѣ того онъ еще состоялъ депутатомъ прусскаго ландтага. Сначала онъ былъ главою прогрессивной партіи, а потомъ остался во главѣ той же партіи, когда она переименовалась въ свободомыслящую народную партію. Онъ постоянно боролся на два фронта: съ бисмарковской политикой и съ соціализмомъ. Долгое время этотъ природный политическій боецъ стоялъ во главѣ либераловъ, но съ усиленіемъ соціалистовъ онъ потерялъ свою силу, и его партія значительно сократилась. Во времена Бисмарка Рихтеръ былъ его главнымъ противникомъ, и желѣзный канцлѳръ называлъ его «чортомъ», или какъ нѣмцы выражаются, «духомъ отрицанія». Дѣйствительно, всю свою жизнь Рихтеръ представлялъ великій духъ отрицанія: онъ отрицалъ и правительство и соціалистовъ и католиковъ. Однако, когда того требовали выгоды его партіи, онъ заключалъ коалицію съ католиками, и такимъ образомъ добивался большинства въ парламентѣ противъ Бисмарка. Послѣдователь Манчестерской школы, онъ пламенно защищалъ свободу торговли, возставалъ противъ казенной монополіи желѣзныхъ дорогъ и колоніальной, правительственной политики, а также противъ государственнаго соціализма. Хотя онъ не отличался особымъ даромъ краснорѣчія и говорилъ въ парламентѣ съ своего мѣста, глухимъ, незвучнымъ голосомъ, но его рѣчи отличались рѣдкой выразительностью, и каждая его фраза вонзалась въ грудь противника, какъ отравленная стрѣла; особенно ѣдко и зло онъ говорилъ противъ бюджетовъ, и

его нападки на правительственную систему финансовъ и военные законы производили сильное впечатлѣніе. Рихтеръ дѣйствовалъ всегда принципіально и никогда не дѣлалъ уступокъ даже ради интересовъ партіи, такъ что Бебель не разъ называлъ его измѣнникомъ меньшинства. Такимъ образомъ въ послѣднее время съ уменьшеніемъ его партіи, стало слабѣть и его вліяніе, а правительственные официозы, для позора нѣкогда великой фигуры Рихтера, стали его похваливать. Однако всѣ депутаты, къ какой бы партіи они не принадлежали, отдаютъ полную справедливость его уму, знанію, честности и постоянной борьбѣ за свободу парламентаризма. Поэтому въ день смерти Рихтера консервативный депутатъ Гидебрандъ произнесъ при громкихъ единодушныхъ рукоплесканіяхъ самую лестную рѣчь въ пользу человѣка, который всегда и всѣми силами защищалъ то, что онъ считалъ пользой отечества. Умеръ Рихтеръ еще не старымъ человѣкомъ, шестидесяти семи лѣтъ, отъ склероза артерій. Кромѣ политической дѣятельности онъ занимался публицистикой и напечаталъ нѣсколько замѣчательныхъ книгъ: «О государственномъ долгѣ Пруссіи», «Политическая азбука», «Ошибки соціальной демократіи», «Воспоминанія: старый парламентъ» и т. д.

— Поминки Грохова. 2 (25) февраля исполнилось семьдесятъ пять лѣтъ со времени битвы подъ Гроховымъ. Гроховъ—въ настоящее время чуть не предмѣстье Варшавы—75 лѣтъ тому назадъ былъ подгороднею деревнею, уже и тогда памятною въ польской исторіи. Въ 1656 г. 16—18 іюля здѣсь произошло сраженіе между Яномъ-Казиміромъ, и шведскимъ королемъ Карломъ-Густавомъ, окончившееся занятіемъ Варшавы шведами. Въ 1809 г. 25 апрѣля, тутъ же генералъ Сокольницкій разбилъ австрійскаго генерала Мора. Битвѣ 12—13 февраля (ст. ст.) 1831 г., предшествовало пораженіе польской кавалеріи Янковскаго и пѣхоты Малаховскаго подъ деревнею Бялолэнкою. Русскихъ было свыше 72.000. Начальствовалъ надъ ними фельдмаршалъ графъ Дибичъ. Большинство командировъ частей были нѣмцы (Мейендорфъ, Розенъ, Гейсмаръ, Сонъ и др.). Поляками предводительствовали: Михаилъ Радзивиллъ, Круковецкій, Кицкій, Чужевскій; верховнымъ вождемъ состоялъ Хлопицкій. Убитыхъ и раненыхъ осталось на полѣ сраженія въ общей сложности до 20.000 человѣкъ. О результатѣ битвы, покойный А. К. Пузыревскій даетъ такой отзывъ: оба войска покрыли себя въ этой важной битвѣ неувядаемою славою, благодаря своему мужеству и храбрости. Мы побѣдили, но только тактикою, а не стратегіею. Наша побѣда не была полною, польское войско осталось на своихъ позиціяхъ. Положеніе воюющихъ сторонъ послѣ Гроховской битвы измѣнилось даже не въ нашу пользу. Фельдмаршалъ полагалъ, что, побѣдивъ польскую армію, покоритъ Варшаву и поляковъ, которые на другой день пришлютъ депутацію съ выраженіемъ покорности. Но онъ жестоко ошибся. Настало утро, и поляки приготовились къ дальнѣйшей яростной защитѣ. О сдачѣ не было даже рѣчи. Польская варшавская пресса, пользуясь относительною свободою печати, почтила день Грохова многочисленными обширными статьями. «Tygodnik Illustrowany» и другія періодическія изданія помѣстили рисунки и иллюстраціи, относящіеся къ гроховскому бою. «Kurier Warszawski»—одна изъ наиболѣе старыхъ газетъ—издалъ стихотворенія поэтовъ, современ-

никовъ «Грохова»: Стефана Гарчинскаго (1805 † 1833), Константина Гашинскаго († 1866) и др., произведенія которыхъ не могли до сихъ поръ появиться у насъ по цензурнымъ соображеніямъ. Въ той же газетѣ появилась весьма интересная статья г. Владислава Коротынскаго—«Въ годовщину Грохова». Мысли, высказанныя въ ней авторомъ, заслуживаютъ нашего особеннаго вниманія. Сославшись на приведенныя выше слова Пузыревскаго, г. Коротынскій говоритъ: «итакъ, мы имѣемъ право гордиться битвою подъ Гроховомъ и съ почтеніемъ вспоминать павшихъ тамъ защитниковъ отечества, не питая ненависти къ тѣмъ, отъ чьей руки они пали. Не народъ русскій боролся съ поляками въ олешникѣ Грохова, на болотахъ Остроленки и пескахъ Воли, но правительственный абсолютизмъ, осужденный тѣми «друзьями москалями», которыхъ «братскую руку» пожималъ Мицкевичъ,—абсолютизмъ, нынѣ осужденный и отвергнутый самимъ русскимъ правительствомъ. Польскій народъ не велъ борьбы съ русскимъ народомъ. Студенчество въ первые же дни возстанія двинулось толпою въ греческую церковь на Подвале, желая выразить свое сочувствіе русскому народу. Юный Юлій Словацкій въ распространенномъ всѣми газетами гимнѣ «Богородица» взывалъ: «и тамъ есть люди, и тамъ существуютъ души». Русскіе плѣнные были окружены предупредительнымъ вниманіемъ, офицеры-плѣнники даже бывали на сеймовыхъ собраніяхъ. А подъ Гроховомъ надъ польскими полками развѣвались знамена съ надписью «Za naszą wolnosc i waszą» (за нашу и вашу свободу!). Въ манифестѣ польскаго народа, санкціонированномъ сеймомъ, 20 декабря 1830 г., сказано: «не руководила никакая національная ненависть противъ русскихъ, великой, какъ и мы, отрасли славянскаго племени. Мы услаждали первый моментъ исторгнутой нами вновь независимости тою мыслію, что соединеніе подъ однимъ скипетромъ доставитъ сорокамилліонному народу участіе въ свободахъ конституціонныхъ, кои стали во всемъ цивилизованномъ мірѣ потребностью какъ правящихъ, такъ и управляемыхъ... Если Провидѣніе предназначило землѣ этой быть въ вѣчномъ рабствѣ, если въ этомъ послѣднемъ бою польская свобода падетъ на развалинахъ городовъ и трупахъ своихъ защитниковъ,—истинный полякъ погибнетъ съ утѣхою въ сердцѣ, что если небеса не дали ему спасти собственной свободы и отчизны, то онъ борьбою не на животъ, а на смерть заслонилъ, хотя бы на минуту, находящіяся въ опасности свободы европейскихъ народовъ». И—на самомъ дѣлѣ—возстаніе черезъ полгода послѣ Гроховской битвы было подавлено, но русскіе полки не пошли поднимать опрокинутые троны Франціи и Бельгіи... В. Коротынскій кончаетъ свою статью напоминаніемъ завѣта Мицкевича: «идолопоклонники справляютъ свои праздники—веселые или печальные—всегда одинаково: ѣдою и выпивкою, столъ—ихъ алтарь, а брюхо—Богъ. Вы же празднуйте ваши народные праздники—праздникъ возстанія, и праздникъ Грохова, и праздникъ Вавра, по обычаю вашихъ предковъ: утромъ идя въ костелъ и цѣлый день постясь. Такого празднованія никакое правительство не запретитъ, и для такого празднованія нѣтъ надобности ни нанимать большіе дома, ни собираться толпами на рынкахъ».

СМѢСЬ.

Императорское историческое общество. 9 марта, въ 9 час. вечера, состоялось въ царскосельскомъ Александровскомъ дворцѣ, подъ предсѣдательствомъ его императорскаго величества государя императора, при участіи его императорскаго высочества великаго князя Николая Михаиловича, годичное общее собраніе императорскаго Русскаго историческаго общества. По открытіи засѣданія предсѣдатель А. А. Половцовъ представилъ отчетъ о дѣятельности общества. Общество продолжаетъ печатаніе томовъ: 1) переписка императора Николая I съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ съ 1825 по 1831 г., подъ редакціею Д. Ѳ. Кобеко; 2) бумаги Екатерининской комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія (часть XI), подъ редакціей В. И. Сергѣевича; 3) бумаги кабинета министровъ императрицы Анны Іоанновны за 1738 г. (часть VIII), подъ редакціей А. Н. Филиппова; 4) политическая переписка императрицы Екатерины II (часть VIII), подъ редакціей барона Ѳ. Р. Остенъ-Сакена; 5) донесенія князя Лобковича князю Кауницу съ 1772 г. Если за истекшіе два года печатаніе «Сборника» происходило не съ такой быстротою, какъ бы то было желательно, то къ настоящему собранію были представлены четыре тома «Русскаго Біографическаго Словаря», на буквы Д, О, П и Ч—Ш, по порядку изданія 8-й, 9-й, 10-й и 11-й. Представивъ отчетъ о трудахъ общества, докладчикъ перешелъ къ понесеннымъ утратамъ. 12 іюня 1904 г., общество лишилось одного изъ дѣятельнѣйшихъ своихъ тружениковъ, Николая Ѳедоровича Дубровина. 26 ноября 1904 г., умеръ дѣйствительный членъ общества Александръ Николаевичъ Пыпинъ, и 5 февраля 1905 г. скончался великій князь Сергій Александровичъ, избранный въ члены общества 10 марта 1904 г.

Послѣ сего были прочитаны и послужили предметомъ бесѣды доклады: С. Ѳ. Платонова: «Изъ первыхъ лѣтъ царствованія царя Михаила Ѳедоровича» (наблюденія надъ составомъ московскаго правительственнаго круга за 1613—1619 г.г.); А. З. Мышлаевскаго: «Военное дѣло въ Московскомъ государствѣ предъ реформами Петра Великаго», и графа В. Н. Ламздорфа: «Критика реформъ Петра Великаго при его ближайшихъ преемникахъ» (прочелъ А. Н. Куломзинъ). Кромѣ того, собранію были прочтены два не обнародованные историческіе документа: письмо императора Александра Николаевича, написанное государемъ въ первые дни по воцареніи и живо рисующее тогдашнія отношенія наши къ Австріи, и письмо королевы Гортензіи къ императору Александру I, писанное въ сентябрѣ 1814 г., подтверждающее то впечатлѣніе, какое императоръ произвелъ на парижское населеніе, не исключая и тѣхъ лицъ, которыя пострадали отъ сверженія Наполеона. Въ заключеніе были избраны на новое трехлѣтіе въ предсѣдатели А. А. Половцовъ, въ члены совѣта Д. Ѳ. Кобеко, Ѳ. Ѳ. Мартенсъ и избраны: въ вице-предсѣдатели А. Н. Куломзинъ, въ члены ревизіонной комиссіи С. А. Панчулидзевъ, въ дѣйствительные члены: заслуженный профессоръ В. С. Иконниковъ и профессоръ Г. В. Форстенъ и въ члены корреспонденты Альбертъ Сорель.

Пріостановленныя изданія. До 10 марта, опредѣленіями с.-петербургской и московской судебныхъ палатъ, по сообщеніямъ «Русск. Госуд.», пріостановлены до судебнаго приговора слѣдующіе повременные органы печати: въ гор. С.-Петербургѣ — газеты на русскомъ языкѣ: «Свободное слово», «Русская Газета», «Сынъ Отечества», «Новая Жизнь», «Свободный Народъ», «Начало», «Сѣверный Голосъ», «Набатъ», «Наши дни», «Рабочій Голосъ», «Буревѣстникъ», «Народная Свобода», «Нашъ Голосъ», «Обновленная Россія», «Молодая Россія», «Еврейскій Рабочій» и «Радикалъ». На еврейскомъ языкѣ: «Деръ Фрайндъ». На эстонскомъ языкѣ: «Edasi» («Впередъ»). На латышскомъ: «Peterburgas Awises» и «Galwas Filsehtas Awises». На финскомъ: «Uusi Unkeri». Журналы: «Дятелъ», «Свобода», «Сигналъ», «Зритель», «Паяцъ», «Книжка за книжкой», «Знамя», «Русское Богатство», «Страна Мечты», «Голосъ Средне-Учебныхъ Заведеній». Въ Москвѣ—газеты: «Борьба», «Впередъ» и «Вечерняя Почта». Кромѣ того, наложенъ арестъ на отдѣльные номера выходящихъ въ гор. С.-Петербургѣ журналовъ: «Забіяка», «Журналъ» («Зритель»), «Зеркало», «Девятый Валъ», «Ядъ», «Рабочая Недѣля» — на первые номера, «Жупелъ» — на первый, второй и третій номера, «Буреломъ» — на второй номеръ, «Митингъ»—на четвертый, «Стрѣлы»—на девятый и «Крестьянинъ и Рабочій»—на декабрскій номеръ. Журналы: «Молодость», «Буря», «Паяцы» и «Гвоздь»; газета «Рабочая Жизнь»; журналы: «Рабочій Народъ», «Голосъ Фармацевта» и «Фискалъ». Наложенъ арестъ на листокъ подъ названіемъ «Воззваніе къ русскому народу», пріостановленъ журналъ «Современныя Записки». По опредѣленію с.-петербургской судебной палаты — пріостановлены слѣдующія повременныя изданія на латышскомъ и эстонскомъ языкахъ въ г. Ригѣ: 1) «Peterburgas Latwetis», 2) «Apskats», 3) «Fauna Deenas Lapa», 4) «Darbs», 5) «Kahwi»; въ г. Ревелѣ: 1) «Uus Aeg», 2) «Teataja» и 3) «Eesti Postimees». По опредѣленію ярославскаго окружнаго суда пріостановлена вы-

ходящая въ гор. Ярославлѣ газета «Сѣверная Область». Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати и московскимъ центральнымъ комитетомъ возбуждены уголовныя преслѣдованія: въ С. Петербургѣ—противъ редактора «Полярная звѣзда» П. Б. Струве; издателя-редактора журнала «Гвоздь» — И. М. Муравкина; издателя-редактора газеты «Рабочая Жизнь» — В. Ф. Андреева, издателя-редактора журнала «Водоворотъ»—С. Н. Мендельсона; редакторовъ газетъ: «Страна»—М. М. Ковалевскаго и И. И. Иванюкова, «Вечерній Голосъ»—М. И. Кофтуновскаго, и журналовъ: «Заноза»—Р. Л. Антропова, «Наканунѣ»—В. К. Агафонова, «Безъ Заглавія»—С. Н. Прокоповича, «Истина»—А. Ф. Семенова, «Альманахъ» — С. В. Чухонина, «Рабочій Народъ» гг. Кирьякова и Сафонова, издателя-редактора газеты «Право» прив.-доцента В. М. Гессена, журнала «Голосъ Фармацевта»—Л. М. Клячко, «Голосъ Средне-Учебныхъ Заведеній»—А. С. Волгиной, издателя-редактора «Фискалъ»—Г. В. Нарусбека, «Наша Мысль»—А. Г. Циммермана, издателя-редактора газеты «Современная Жизнь»—П. П. Сойкина, редактора «Русской Газеты»—И. Исакова, редактора журнала «Буревалъ» В. Е. Турока «Прометей». Въ Москвѣ: противъ редактора газеты «Вѣкъ». Московскимъ цензурнымъ комитетомъ—возбуждены уголовныя преслѣдованія противъ редакторовъ газетъ: «Жизнь и Свобода», «Другъ Народа», «Русское Дѣло»; журналовъ: «Булочникъ», «Русская Мысль», «Новое Слово», «Будущее», «Новости Дня», журналовъ: «Ветеринарное Обозрѣніе», «Голосъ Жизни», «Свѣтастъ», «Дикарь», «Земля и Свобода». Изъ провинціальныхъ изданій,—съ 1 января по 4 февраля с. г., по свѣдѣніямъ главнаго управленія по дѣламъ печати, подверглись уголовнымъ преслѣдованіямъ слѣдующія: «Саратовскій Листокъ», «Саратовскій Дневникъ», «Волжско-Уральскій Листокъ», «Сибирская Народная Газета», «Жизнь Крыма», «Тавричанинъ», «Крымъ», «Днѣпровскій Вѣстникъ«, «Смоленскій Вѣстникъ», «Смоленскій Голосъ», «Народный Голосъ», «Русскій Туркестанъ», «Волна», «Южный Край», «Царицынская Жизнь», «Витебская Жизнь», «Южный Курьеръ», «Сѣверный Край», «Сѣверная Область», «Сѣверная Газета», «Nedeldienio Skaitymas», «Витебская Жизнь», «Новая Заря», «Сѣверо-Западный Голосъ», «Der Wecker», «Вечернее Эхо» «Волжскій Листокъ», «Южный Курьеръ», «Бессарабская Жизнь», «Громадьска Думка», «Курскія Записки», «Курское Эхо», «Neue Lodzer Zeitung», «Нижегородскій Листокъ», «Одесскій Листокъ», «Оренбургскій Край», «Оренбургскій Листокъ», «Полтавщина», «Звѣньковецъ», «Рідний Край», «Полтавское Дѣло», «Полтавскій Работникъ», «Самаркандъ», «Самарская Газета» и «Самарскій Курьеръ», «Костромской Голосъ»; «Запорожже», «Добра Порада», «Смоленскій Вѣстникъ», «Rozwoj», «Южный Вѣстникъ», «Харьковская Жизнь», «Южный Край». Итого пріостановлено: въ Петербургѣ 24 газеты и 18 журналовъ; въ Москвѣ 3 газеты и въ провинціи 9 газетъ. Наложенъ арестъ на отдѣльные номера журналовъ въ Петербургѣ на 13 номеровъ.

Возбуждены уголовныя преслѣдованія: въ Петербургѣ противъ 6 газетъ и 12 журналовъ, въ Москвѣ противъ 5 газетъ и 9 журналовъ, и въ провинціи противъ 56 газетъ, а всего пріостановлено 36 газетъ и 18 журналовъ и возбуждено 86 уголовныхъ преслѣдованій.

Защита диссертаціи. Профессоръ Томскаго университета С. Е. Сабининъ 24 февраля успѣшно защитилъ въ Московскомъ университетѣ диссертацію: «О договорѣ займа по римскому праву», представленную имъ на соисканіе степени магистра русскаго права. Трудъ профессора С. Е. Сабинина былъ признанъ юридическимъ факультетомъ Московскаго университета солиднымъ вкладомъ въ науку римскаго права. При громкихъ аплодисментахъ присутствующей публики диспутантъ былъ объявленъ достойнымъ искомой имъ степени.

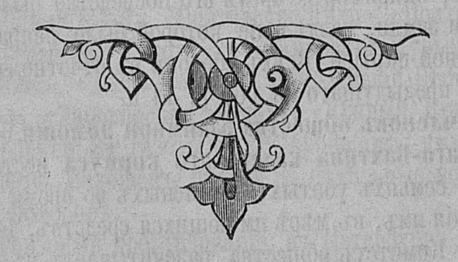
Составъ комитета литературнаго фонда въ нынѣшнемъ году слѣдующій: предсѣдатель—П. И. Вейнбергъ (Фонтанка, 25; личныхъ пріемовъ нѣтъ); товарищъ предсѣдателя—Ф. Д. Батюшковъ (Надеждинская, 1; пріемъ по воскресеньямъ и четвергамъ отъ 11 до 1 ч.); секретарь—Д. Н. Овсянико-Куликовскій (Николаевская, 75; пріемъ по субботамъ отъ 2—4 ч.); казначей—С. А. Венгеровъ (Разъѣзжая, 39; пріемъ по четвергамъ отъ 11—1 ч.). Остальные члены комитета: Н. А. Котляревскій, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, Н. А. Меншуткинъ, П. Н. Милюковъ, Л. Ф. Пантелѣевъ, С. Е. Савичъ и П. Ѳ. Якубовичъ.

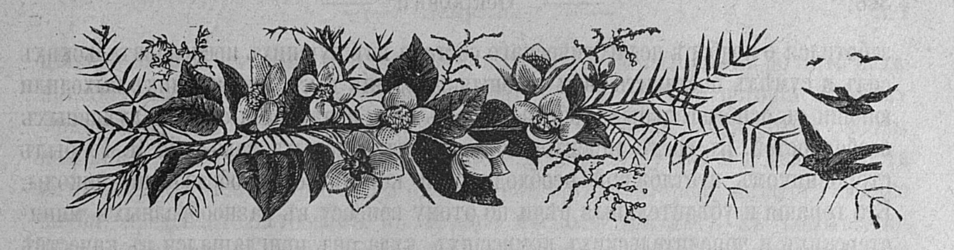
Томскій отдѣлъ православнаго миссіонерскаго общества. 6 марта состоялось годичное собраніе Томскаго православнаго миссіонерскаго общества. Послѣ спѣтой хоромъ архіерейскихъ пѣвчихъ молитвы и нѣсколькихъ вступительныхъ словъ преосвященнаго томскаго Макарія, епископомъ бійскимъ Иннокентіемъ былъ прочтенъ отчетъ комитета православнаго миссіонерскаго общества за 1905 г. Томскій комитетъ существуетъ уже 35 лѣтъ. Задачей его дѣятельности было, какъ и въ прежніе годы, содѣйствіе православному миссіонерскому обществу въ его стремленіи къ просвѣщенію язычниковъ свѣтомъ христіанства и утвержденію новокрещенныхъ въ правилахъ святой вѣры. Главное вниманіе комитета обращала алтайская миссія. Изъ многочисленныхъ ея нуждъ была выдвинута на первый планъ необходимость прочной постановки пріютовъ для сиротъ крещеныхъ инородцевъ—Чемальскаго и Чулышманскаго. До сего времени былъ лишь 1 пріютъ въ селѣ Улалѣ. Значеніе такихъ пріютовъ очень велико. Они являются питомниками и разсадниками религіозно-нравственной жизни среди инородцевъ и вѣрнымъ средствомъ ихъ христіанскаго просвѣщенія. Привлекалъ вниманіе комитета также упадокъ миссіонерскаго значенія Чулышманскаго монастыря и изысканы средства для его поднятія. Не оставался комитетъ равнодушнымъ и къ различнымъ нуждамъ новокрещеныхъ: такъ, напримѣръ, чрезъ его посредство была назначена комиссія для передѣлки земли, раздѣленіе которой было неправильно произведено землеустроительной партіей. Всѣхъ сборовъ въ отчетномъ году поступило 4331 р. 48 к., болѣе предыдущаго на 164 р. 44 к.

Общее собраніе членовъ общества взаимной помощи бывшихъ воспитанниковъ Орловскаго-Бахтина кадетскаго корпуса постановило собрать подробныя свѣдѣнія о семьяхъ убитыхъ и раненыхъ во время японской войны товарищей для оказанія имъ, въ мѣрѣ имѣющихся средствъ, денежной помощи или иной поддержки. Комитетъ общества разсчитываетъ на дружное содѣйствіе всѣхъ членовъ общества въ исполненіи этого святого долга и усердно проситъ бывшихъ орловцевъ и всѣхъ непричастныхъ къ обществу лицъ, коимъ извѣстны мѣстопребываніе, составъ и настоятельныя нужды семей раненыхъ

или убитыхъ въ японской войнѣ бывшихъ орловскихъ кадетъ, безотлагательно сообщить всѣ данныя о нихъ секретарю комитета (С.-Петербургъ, Гулярная, 4, кв. 3), съ указаніемъ той формы помощи этимъ семьямъ, какая для нихъ наиболѣе нужна (ссуды, пособія, содѣйствіе въ опредѣленіи дѣтей въ учебныя заведенія, въ исходатайствованіи пенсій и пособій изъ казны, въ пріисканіи службы и т. п.). Комитетъ проситъ указывать при этомъ, въ которомъ году убитый и раненый окончилъ курсъ въ корпусѣ, изъ какого училища выпущенъ въ офицеры и въ какой части служилъ во время войны.

Правленіе общественной библіотеки имени Бѣлинскаго въ городѣ Чембарѣ, Пензенской губерніи, желая увѣковѣчить память знаменитаго своего земляка—Виссаріона Григорьевича, который дѣтскіе и первые учебные годы провелъ въ Чембарѣ, пришло къ мысли, что наиболѣе достойнымъ памятникомъ для великаго творца русской художественной критики и славнаго проповѣдника народническихъ идеаловъ будетъ устройство въ городѣ Чембарѣ народнаго дома памяти Бѣлинскаго. Въ народномъ домѣ «Бѣлинскаго» должны быть сосредоточены слѣдующія образовательныя учрежденія: 1) общественная библіотека имени писателя, существующая и въ настоящее время, но не имѣющая собственнаго помѣщенія и вынужденная кочевать по квартирамъ, 2) народная аудиторія для народныхъ чтеній спектаклей, лекцій, образовательныхъ курсовъ и т. п., 3) небольшая первоначальная школа. Для осуществленія указанной мысли правленіе библіотеки имени В. Г. Бѣлинскаго въ Чембарѣ рѣшило обратиться чрезъ посредство печати къ русскому обществу съ приглашеніемъ откликнуться своими пожертвованіями и тѣмъ посодѣйствовать осуществленію вышеизложеннаго предположенія. Правленіе чембарской общественной библіотеки имени Бѣлинскаго, принимая пожертвованія, сочтетъ своимъ непремѣннымъ долгомъ публиковать какъ имена жертвователей и сумму пожертвованій, такъ и дальнѣйшія практическія мѣропріятія по устройству въ Чембарѣ народнаго дома памяти Бѣлинскаго. Правленіе проситъ направлять пожертвованія по адресу: Городъ Чембаръ Пензенской губерніи, предсѣдателю правленія общественной библіотеки имени В. Г. Бѣлинскаго, Николаю Семеновичу Серебрякову.

НЕКРОЛОГИ.

Виталій, епископъ. † 14 марта въ Петербургѣ скончался отъ паралича старообрядческій епископъ Виталій. Онъ родился въ 1846 г. въ деревнѣ Богатьково, Александровскаго уѣзда, Тульской губерніи, служилъ долгое время причетникомъ при старообрядческомъ храмѣ въ городѣ Тулѣ. 10 апрѣля 1888 г. московскимъ архіепископомъ Савватіемъ рукоположенъ въ священника въ городъ Егорьевскъ; 5 апрѣля 1904 г. московскимъ архіепископомъ Іоанномъ постриженъ въ иночество и 9 числа того же мѣсяца, согласно соборнаго постановленія, архіепископомъ Іоанномъ въ сослуженіи съ епископомъ Иннокентіемъ былъ рукоположенъ въ санъ епископа, съ назначеніемъ на каѳедру петроградскую. Покойный пользовался особенной любовью своей паствы, отличался начитанностью, знаніемъ церковнаго устава и строгимъ исполненіемъ церковной службы.

† **Гуревичъ, Я. Г.** 3 марта въ Петербургѣ скончался скоропостижно Яковъ Григорьевичъ Гуревичъ. Покойный пользовался извѣстностью и популярностью въ педагогическомъ мірѣ. Онъ былъ педагогомъ въ истинномъ значеніи этого слова, посвятивъ съ двадцатипятилѣтняго возраста свои силы воспитанію и образованію дѣтей и юношей. Онъ всецѣло отдался учительству и въ дѣлѣ просвѣщенія былъ горячимъ и энергичнымъ поборникомъ такого образованія, которое считалось бы съ индивидуальными особенностями учащихся. Онъ не мало поработалъ также надъ вопросомъ подготовленія преподавателей къ дѣлу воспитанія и обученія. Дѣятельность покойнаго расширилась, когда онъ въ 1883 г. сталъ во главѣ собственной гимназіи, пріобрѣтенной имъ послѣ Бычкова. Онъ соединилъ подъ одной кровлей гимназію и реальное училище,

заботился о подборѣ педагогическаго состава изъ лучшихъ преподавательскихъ силъ и сумѣлъ поставить свои учебныя заведенія такъ, что изъ нихъ выходили юноши съ основательнымъ образованіемъ безъ подавленія своихъ духовныхъ особенностей. Въ средѣ директоровъ среднихъ учебныхъ заведеній Я. Г. былъ сторонникомъ неотложной необходимости коренного преобразованія школы. Его горячія и убѣдительныя рѣчи по этому вопросу въ разнообразныхъ министерскихъ и попечительскихъ комиссіяхъ, куда онъ приглашался въ качествѣ свѣдущаго и опытнаго педагога, имѣли значительное вліяніе на выработку новыхъ учебныхъ плановъ и программъ. Кромѣ того, Я. Г. имѣлъ крупное значеніе въ педагогическомъ мірѣ, какъ редакторъ-издатель «Русской Школы»— изданія, чуждаго административной опеки и посвященнаго вопросамъ низшей и средней школы. Онъ издавалъ журналъ въ теченіе шестнадцати лѣтъ и лично принималъ въ немъ живѣйшее участіе. Я. Г. родился въ Одессѣ 1 января 1843 г. Учился въ мѣстной гимназіи, затѣмъ въ Московскомъ университетѣ на юридическомъ и историко-филологическомъ факультетахъ; перешелъ въ С.-Петербургскій университетъ, въ которомъ кончилъ курсъ кандидатомъ историко-филологическихъ наукъ. Получивъ университетскій дипломъ, покойный избралъ для своей дѣятельности педагогическое поприще и началъ учительство въ новгородской гимназіи. Онъ преподавалъ исторію и географію. Вскорѣ для усовершенствованія своихъ знаній онъ отправился за границу и слушалъ въ Берлинскомъ и Боннскомъ университетахъ лекціи профессоровъ Дройзена, Момзена, Зибеля и Кампфшульте по исторіи и Гельда по политической экономіи и государственному праву, занимаясь одновременно въ семинаріи Дройзена. По возвращеніи въ Петербургъ онъ былъ назначенъ преподавателемъ въ только что открывшійся петербургскій учительскій институтъ. Въ учительскомъ институтѣ онъ занимался десять лѣтъ, преподавалъ исторію и методику исторіи. Одновременно онъ состоялъ преподавателемъ исторіи въ третьей гимназіи и читалъ лекціи по всеобщей и русской исторіи въ Константиновскомъ и Михайловскомъ артиллерійскихъ училищахъ. Послѣ смерти профессора Бауэра, съ начала 1883 г., въ теченіе трехъ лѣтъ онъ читалъ лекціи по новой исторіи на высшихъ женскихъ курсахъ. Въ 1883 г. покойный былъ назначенъ директоромъ перешедшей къ нему отъ Бычкова гимназіи. Въ 1885 г. былъ избранъ приватъ-доцентомъ Петербургскаго университета по каѳедрѣ всеобщей исторіи и въ теченіе трехъ лѣтъ читалъ на старшихъ курсахъ лекціи по новой и новѣйшей исторіи. Гуревичъ считался однимъ изъ выдающихся преподавателей исторіи. Онъ умѣлъ пріохотить своихъ учениковъ къ изученію своего предмета и развить въ нихъ любовь къ чтенію историческихъ сочиненій. Въ 1870-хъ годахъ Я. Г. напечаталъ цѣлый рядъ статей въ различныхъ педагогическихъ журналахъ по методикѣ исторіи, составилъ историческія конспективныя таблицы по новѣйшей исторіи, издалъ одинъ изъ лучшихъ учебниковъ: «Исторія Греціи и Рима», удостоенный преміи императора Петра Великаго два тома: «Исторической христоматіи по новой исторіи» и три тома «Христоматіи по русской исторіи». Нѣкоторые томы христоматіи были составлены имъ совмѣстно съ Б. А. Павловичемъ, затѣмъ уже переработаны и дополнены единоличнымъ трудомъ. Его учебникъ и христоматіи составили

цѣнный вкладъ въ нашу историческую литературу и выдержали до пяти изданій. Затѣмъ подъ его редакціей переведены: «Общій очеркъ исторіи Европы» Фримана и «Герои Рима» Штоля. Досуги отъ своей педагогической работы покойный посвящалъ дѣлу сближенія педагоговъ между собою и дѣятельности литературнаго фонда, онъ былъ однимъ изъ организаторовъ педагогическаго клуба, предсѣдательствовалъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ педагогическомъ обществѣ, былъ казначеемъ и членомъ комитета литературнаго фонда и въ послѣдніе годы товарищемъ предсѣдателя кассы взаимопомощи бывшихъ студентовъ С.-Петербургскаго университета. Я. Г. отличался необычайно доброжелательнымъ характеромъ и замѣчательной привѣтливостью и отзывчивостью. Его волновало каждое общественное событіе и находило живой откликъ въ его кипучей натурѣ. Умеръ онъ внезапно, почувствовавъ себя на извозчикѣ дурно и заѣхавъ въ одинъ изъ магазиновъ выпить воды. Добрая память о немъ будетъ долго жить среди его многочисленныхъ учениковъ и всѣхъ знавшихъ его.

† **Кошкаровъ, М. П.** Послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни скончался 18 февраля членъ совѣта министра финансовъ Михаилъ Павловичъ Кошкаровъ на 50 году жизни. По окончаніи въ 1878 г. курса въ С-. Петербургскомъ университетѣ, покойный со степенью кандидата математическихъ наукъ поступилъ на службу въ государственную канцелярію. Въ дальнѣйшемъ прохожденіи службы былъ помощникомъ статсъ-секретаря государственнаго совѣта, членомъ ученаго комитета министерства финансовъ и наконецъ въ 1901 г. сдѣлался членомъ совѣта министра финансовъ. Эти сухія офиціальныя данныя ровно ничего не прибавляютъ для выясненія значенія человѣка, не какъ чиновника, а какъ извѣстнаго полезнаго дѣятеля, не даютъ никакого представленія о томъ, что имъ сдѣлано хорошаго, дающаго право сказать о немъ, что недаромъ прошла его жизнь, что онъ не зарылъ своего таланта въ землю. Вотъ о томъ полезномъ, что сдѣлано покойнымъ М. П., и слѣдуетъ сказать и напомнить. А сдѣлано имъ немало: избравъ своей спеціальностью исторію и статистику русскихъ финансовъ новѣйшаго времени, онъ оказался крупнымъ и солиднымъ работникомъ въ этой области, внесшимъ, какъ принято выражаться, цѣнные вклады въ нашу финансовую литературу. И вкладовъ этихъ М. П. внесъ немалое число: помимо сотрудничества въ «Вѣстникѣ Финансовъ» и «Русскомъ Экономическомъ Обозрѣніи», онъ далъ пять большихъ работъ. Первою изъ нихъ былъ «Обзоръ бюджетнаго законодательства Россіи за 1862—1890 гг.», вышедшій въ 1891 г. Книга эта содержитъ въ себѣ, въ обработанномъ видѣ, сводъ матеріаловъ для исторіи преобразованія нашего бюджетнаго дѣла и контроля со всѣми позднѣйшими до 1891 г. дополненіями и перемѣнами. Это необходимая справочная книга для интересующихся нашимъ бюджетнымъ и контрольнымъ дѣломъ. Въ 1894 г. появилась другая работа того же характера: «Историческій обзоръ законодательныхъ работъ по общему устройству земскихъ повинностей»—книга, безусловно полезная для имѣющихъ касательство къ земскимъ вопросамъ и ими интересующихся. Въ слѣдующемъ 1895 г. Кошкаровъ является уже съ новымъ трудомъ; это были: «Главнѣйшіе результаты государственнаго денежнаго хозяйства за послѣднее

десятилѣтіе (1885—1894). Статистическое изслѣдованіе». Тутъ сведены всѣ важнѣйшія бюджетныя и контрольныя данныя о состояніи нашего финансоваго хозяйства за означенный періодъ времени, приблизительно на рубежѣ перехода завѣдыванія финансами изъ рукъ осторожнаго Н. Х. Бунге въ руки смѣлаго и рѣшительнаго И. А. Вышнеградскаго. Для интересующихся этой эпохой исторіи нашихъ финансовъ книга эта цѣнный источникъ свѣдѣній, дающій изложеніе офиціальныхъ матеріаловъ въ сжатомъ и удобочитаемомъ видѣ. Въ 1898 г. появилась новая работа неутомимаго изслѣдователя: «Денежное обращеніе въ Россіи» (2 тома). Тутъ изложенъ въ стройномъ обзорѣ законодательный и статистическій матеріалъ по вопросу о денежномъ нашемъ обращеніи и денежной реформѣ 1897 г. Это самая интересная работа Кошкарова. Эпоха финансоваго управленія С. Ю. Витте не могла не обратить на себя вниманія нашего усерднаго изслѣдователя, и вотъ въ 1903 г. появились «Финансовые итоги послѣдняго десятилѣтія» (2 тома). Тутъ рукой опытнаго изслѣдователя искусно сгрупированы всѣ данныя, какія можно было извлечь изъ офиціальныхъ матеріаловъ для оцѣнки блистательной въ своемъ родѣ финансовой политики С. Ю. Витте. Во всѣхъ своихъ работахъ Кошкаровъ является не только усерднымъ собирателемъ и искуснымъ обрабатывателемъ матеріаловъ, но и спеціалистомъ, близко знакомымъ съ разнообразными сторонами техники финансоваго хозяйства. Не навязывая читателю своихъ взглядовъ и умозаключеній, онъ говоритъ совершенно объективно, фактами и цифрами, выводы изъ которыхъ сами собой напрашиваются читателю. Къ сожалѣнію, далеко не всегда выводы эти слагаются въ пользу бывшихъ руководителей финансовъ нашихъ въ разсмотрѣнное авторомъ время.

† **Крыловъ, В. А.** Въ Москвѣ скончался 28 февраля писатель-драматургъ, Викторъ Александровичъ Крыловъ. Покойный былъ хорошо извѣстенъ своими многочисленными пьесами. Большинство ихъ были поставлены на сценахъ Александринскаго и московскаго Малаго театровъ, отличались рѣдкой сценичностью и свидѣтельствовали о замѣчательномъ знаніи автора условій сцены. Рѣдкій театральный сезонъ въ 70, 80 и 90 годахъ обходился безъ новыхъ, иногда нѣсколькихъ пьесъ покойнаго, подписанныхъ обычно псевдонимомъ «Викторъ Александровъ». Крыловъ не только хорошо изучилъ сцену, но близко зналъ особенности таланта наиболѣе выдающихся артистовъ. Это знаніе позволяло ему писать такія пьесы, въ которыхъ дарованіе современныхъ артистическихъ силъ могло проявиться выпуклѣе, рельефнѣе. Его пьесы очень часто выбирались для бенефисныхъ спектаклей и создавали крупный успѣхъ, какъ бенефиціантамъ, такъ и ихъ автору. Можно безошибочно утверждать, что В. А. былъ однимъ изъ самыхъ плодовитыхъ драматурговъ. Онъ разрабатывалъ въ пьесахъ разнообразные вопросы общественной жизни, считаясь въ большинствѣ случаевъ съ условіями времени и настроеніемъ общества. В. А. родился въ Москвѣ 29 января 1838 г. въ семьѣ стряпчаго изъ духовнаго званія. Его мать была нѣмка, и съ этой стороны онъ приходился въ дальнемъ родствѣ съ извѣстнымъ Брокгаузомъ, основателемъ издательской фирмы «Энциклопедическаго Лексикона». Учился сначала въ одной изъ московскихъ гимназій, затѣмъ въ Николаевскомъ инженерномъ училищѣ и академіи. По

окончаніи курса былъ недолго преподавателемъ начертательной геометріи въ нѣсколькихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, затѣмъ посвятилъ свои силы литературѣ, выйдя въ отставку капитаномъ. На литературномъ поприщѣ Крыловъ выступилъ въ 1862 г., въ годы подъема общественнаго движенія и обличительной гласности. На страницахъ тогдашнихъ журналовъ стали появляться его произведенія въ видѣ пьесъ и разсказовъ съ характеристикой отрицательныхъ элементовъ общественной жизни и обличеніемъ отдѣльныхъ крупныхъ провинціальныхъ дѣятелей. Иногда мѣткость его пера заставляла обличенныхъ преслѣдовать его судомъ, но судебная волокита всегда кончалась оправдательнымъ приговоромъ. Таковъ его романъ «Столбы» съ характеристикой помѣщиковъ-эксплоататоровъ крестьянской темноты, бывшій предметомъ громкаго процесса въ 1869 г. На театральной сценѣ произведенія покойнаго появились впервые въ 1865 г. Въ этомъ году была представлена его драма изъ крѣпостного быта «Противъ теченія», доставившая автору крупный успѣхъ. Затѣмъ его пьесы завоевали себѣ почетное и видное мѣсто въ современномъ репертуарѣ. Въ разное время имъ написано болѣе тридцати оригинальныхъ пьесъ и болѣе семидесяти переводнымъ или съ заимствованнымъ содержаніемъ. Изъ его первыхъ оригинальныхъ пьесъ извѣстны «Земцы», «Не ко двору», драма изъ жизни учительницы, «Къ мировому». Затѣмъ появились «По духовному завѣщанію», «Горе-злосчастье», «Въ духѣ времени», «Семья», «Городъ упраздняется», «Отрава жизни», «Змѣй-Горынычъ» и друг. Жанръ какъ оригинальныхъ, такъ и передѣланныхъ пьесъ Крылова разнообразенъ. Чаще же всего онъ писалъ комедіи веселаго характера. Большимъ успѣхомъ пользовались его «Лакомый кусочекъ», «Шалость», «Баловень», «Сорванецъ», «Кому живется весело», «Лѣтнія грезы». Въ послѣдніе годы имъ написана пьеса спеціально для народнаго театра «Петръ Великій». В. А. являлся неоднократно дѣятельнымъ сотрудникомъ въ творчествѣ другихъ авторовъ пьесъ. Вмѣстѣ съ П. Н. Полевымъ онъ писалъ историческія пьесы «Царевна Софія» и «Дѣвичій переполохъ», вмѣстѣ съ Величко комедію «Первая муха», съ Мёрдеръ «Генеральша Матрена», съ Эфрономъ «Контрабандисты» (поставлена на сценѣ театра литературно-художественнаго общества). Пьесы покойнаго собраны и изданы въ семи томахъ. В. А. Крыловъ помимо пьесъ написалъ цѣлый рядъ статей о театрѣ. Изъ нихъ «Драма страстей Господнихъ въ Оберъ-Аммергау» была напечатана въ «Вѣстникѣ Европы» въ 1881 г., «Очерки театральнаго дѣла въ Европѣ» въ «Русской Мысли» въ 1893 г., нѣсколько статей въ «Историческомъ Вѣстникѣ», между прочимъ, «Сестры Самойловы» (изъ театральныхъ впечатлѣній), «Воспоминанія о композиторѣ Кюи», «Эпизодъ на литературномъ конгрессѣ въ Вѣнѣ», «Святыни города Лурда» и друг. Нѣкоторое время, съ переходомъ «Спб. Вѣд.» къ В. Ѳ. Коршу въ 1863 г., В. А. былъ постояннымъ сотрудникомъ театральнаго отдѣла, но оставилъ критику, когда пьесы его стали появляться на сценѣ. Онъ владѣлъ стихомъ и писалъ стихотворенія. Извѣстенъ его стихотворный переводъ «Натана Мудраго» Лессинга съ подробными комментаріями и библіографическими указаніями. Словомъ, покойный работалъ на литературномъ поприщѣ, какъ говорится, не покладая рукъ. Въ 1893 г., когда поднятъ былъ вопросъ о необходимости улучшеній императорскихъ драматическихъ

театровъ, В. А. былъ приглашенъ завѣдывать репертуарной частью Александринскаго театра. Онъ былъ начальникомъ репертуара около трехъ лѣтъ и за это время много потрудился надъ постановкой классическихъ пьесъ европейскихъ и русскихъ авторовъ. Покойный до послѣднихъ лѣтъ своей жизни сохранилъ свою удивительную работоспособность и энергію. Въ концѣ жизни онъ ослѣпъ на одинъ глазъ, и параличъ разбилъ одну руку его, но онъ продолжалъ интересоваться театромъ и собиралъ матеріалъ для пьесы изъ жизни Екатерины Второй. Достигнувъ того, что провелъ на сцену Петра Великаго, онъ хотѣлъ провести и Екатерину. Умеръ онъ 68 лѣтъ, завоевавъ себѣ замѣтное мѣсто въ исторіи нашей драматической литературы. Лучшіе актеры и актрисы императорскихъ и провинціальныхъ театровъ многимъ обязаны его пьесамъ. Въ теченіе двухъ десятковъ лѣтъ, по крайней мѣрѣ, репертуаръ не обходился безъ его пьесъ оригинальныхъ, передѣланныхъ съ французскаго и нѣмецкаго (оба языка онъ зналъ прекрасно) или переведенныхъ. Успѣхъ В. А. Крылова, давшій ему возможность составить довольно значительное состояніе, создалъ ему много враговъ, которые старались всячески набросить тѣнь не только на его литературную дѣятельность, но и на частную жизнь. По духовному завѣщанію онъ назначилъ крупныя суммы на разныя просвѣтительныя литературныя цѣли, между прочимъ, 55 тысячъ рублей на учрежденіе въ Петербургѣ или Москвѣ школы его имени.

† **Мердеръ, Н. И.** 13 марта въ Москвѣ скончалась писательница, Надежда Ивановна Мердеръ, рожденная Свѣчина, болѣе извѣстная подъ псевдонимомъ Северинъ. Она родилась въ 1839 г. и довольно поздно начала свою литературную дѣятельность. Первая ея повѣсть «Не въ порядкѣ вещей» появилась въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1877 г. Затѣмъ, ея романы, повѣсти и разсказы ежегодно печатались въ разныхъ журналахъ: въ «Дѣлѣ», «Живописномъ Обозрѣніи», «Вѣстникѣ Европы», «Русской Мысли», «Наблюдателѣ», «Русскомъ Богатствѣ», «Новомъ Времени», «Нивѣ», «Гуслярѣ», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Всемірной Иллюстраціи», «Русскомъ Обозрѣніи», «Историческомъ Вѣстникѣ», «Сѣверѣ» и др. Плодовитость ея была необычайна. Ею написано болѣе ста разнообразныхъ беллетристическихъ произведеній. Въ одномъ «Историческомъ Вѣстникѣ», въ періодъ времени съ 1891 по 1806 г., напечатано восемь ея романовъ, преимущественно бытового содержанія. Кромѣ того, ей принадлежатъ нѣсколько театральныхъ пьесъ, имѣвшихъ въ свое время успѣхъ на сценѣ: драма «За Волгой» (написанная вмѣстѣ съ Свободинымъ), комедіи: «Супружеское счастіе», «Познакомились», «Перепутала», «Генеральша Матрена» (вмѣстѣ съ В. А. Крыловымъ) и др. Воспитанная въ старинной дворянской семьѣ, Н. И. Мердеръ хорошо изучила бытъ и нравы того общества, которое описывала въ своихъ произведеніяхъ, отличающихся вѣрностью эпохѣ и талантливостью. Но всѣ романы и повѣсти ея послѣднихъ годовъ имѣютъ строго консервативное направленіе, и потому наша критика обходила ихъ молчаніемъ, и никто изъ современныхъ историковъ литературы не удостоилъ упомянуть, хотя бы въ нѣсколькихъ словахъ, объ этой даровитой писательницѣ. Въ текущемъ году Н. И. рѣшила попробовать свои силы въ историческомъ романѣ

и, по нашему мнѣнію, весьма удачно, такъ какъ мы охотно приняли и печатаемъ «Звѣзду цесаревны» въ «Историческомъ Вѣстникѣ».

† **Случевскій, К. К.** 14 марта скончался бывшій членъ военнаго совѣта и совѣта государственной обороны, инженеръ-генералъ Капитонъ Константиновичъ Случевскій. Покойный приходился младшимъ братомъ извѣстному К. К. Случевскому и пользовался на военномъ поприщѣ репутаціей опытнаго полевого инженера. Особенно памятно участіе покойнаго въ послѣдней русско-японской войнѣ. Онъ отправился на войну, какъ командиръ 10 армейскаго корпуса. Во главѣ корпуса онъ участвовалъ въ нѣсколькихъ дѣлахъ съ японцами. Вмѣстѣ съ генераломъ Величко укрѣплялъ Лаоянъ, распоряжался боемъ у Анпина, работалъ надъ укрѣпленіемъ мукденской позиціи и находился во время боевъ при Шахэ на Мандаринской дорогѣ, удерживая наступленіе Куроки. Въ октябрѣ 1904 г. покойный передалъ командованіе корпусомъ генералу Церпицкому, а самъ получилъ назначеніе состоять при главнокомандующемъ для объединенія технической части всѣхъ трехъ армій. Въ мартѣ 1905 г. генералъ Случевскій отбылъ съ театра военныхъ дѣйствій. Его опытность, техническія знанія и заслуги въ это время отмѣчены двумя крупными орденами, Бѣлаго орла и св. Александра Невскаго, оба съ мечами, и назначеніемъ его членомъ вновь образованнаго совѣта государственной обороны. Предыдущая служба генерала протекала преимущественно въ инженерныхъ войскахъ и въ послѣдовательномъ командованіи гвардейскимъ саперныймъ батальономъ, первой саперной бригадой, 19 и 10 армейскими корпусами. Во время русско-турецкой войны онъ въ чинѣ полковника былъ отправленъ во главѣ гренадерскаго сапернаго батальона на театръ военныхъ дѣйствій для подкрѣпленія дѣйствовавшей арміи, но ему не удалось участвовать въ дѣлахъ съ турками. К. К. родился въ 1843 г., образованіе получилъ въ Николаевскихъ инженерныхъ училищѣ и академіи. Въ послѣдней кончилъ курсъ по первому разряду. Послѣ него осталась интересная переписка съ главными дѣятелями японской войны и подробныя воспоминанія о нихъ. Эта своя домашняя лѣтопись нашихъ военныхъ неудачъ въ свое время явится интереснымъ матеріаломъ для историка войны.

† **Черепнинъ, Н. П.** 26 февраля въ Петербургѣ внезапно скончался докторъ медицины, Николай Петровичъ Черепнинъ. Это былъ извѣстный популяризаторъ врачебной науки вообще и ученія объ острозаразныхъ болѣзняхъ въ особенности. Его «Бесѣды врача о заразныхъ болѣзняхъ» выдержали рядъ изданій. Немало напечаталъ онъ статей по вопросамъ школьной и дѣтской гигіены. Спеціальностью его были внутреннія и накожныя болѣзни. По этой спеціальнести онъ напечаталъ нѣсколько работъ въ «Медицинскомъ Журналѣ», «Врачѣ и другихъ изданіяхъ. Какъ врачъ-практикъ, дѣятельность котораго протекла исключительно въ Петербургѣ, Черепнинъ пользовался популярностью опытнаго медика и человѣка рѣдкой доброты и отзывчивости. Н. П. Черепнинъ родился въ 1841 г., среднее образованіе получилъ въ петербургской третьей гимназіи, а высшее на физико-математическомъ факультетѣ Петербургскаго университета по естественному отдѣленію и въ медико-хирургической академіи. Въ 1869 г. по выдержаніи установленнаго испытанія на

степень доктора медицины, онъ былъ командированъ за границу съ ученой цѣлью, гдѣ слушалъ лекціи лучшихъ дерматологовъ, главнымъ образомъ, германскихъ. По возвращеніи изъ-за границы онъ предпринялъ поѣздки по большимъ городамъ и изучалъ острую форму заразныхъ болѣзней.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Къ воспоминаніямъ объ Е. П. Кадминой.

(Отвѣтъ г. Журналисту).

Въ началѣ марта былъ мнѣ доставленъ по почтѣ отъ неизвѣстнаго (изъ Чугуева), которому я очень благодаренъ за вниманіе, № 8713 (отъ 26 февраля) харьковской газеты: «Южный Край», гдѣ въ статьѣ «У забытой могилы» г. Журналистъ, почему-то не рѣшившійся назвать свою фамилію, между прочимъ бросаетъ мнѣ странный, совершенно несправедливый упрекъ, при этомъ выраженный въ крайне рѣзкой, неприличной формѣ, по поводу моихъ воспоминаній объ Е. П. Кадминой («Историч. Вѣстникъ», 1905 г., № 12). Только глубокое уваженіе къ покойной артисткѣ заставляетъ меня отвѣчать, иначе я, понятно, не тратилъ бы напрасно времени на безполезную полемику съ человѣкомъ, не имѣющимъ яснаго представленія объ истинѣ.

Привожу дословно его фразы.

«...Хочу съ памяти этой замѣчательно талантливой женщины и глубоко несчастнаго, какъ многіе отечественные таланты, человѣка снять... то подозрѣніе, которое бросилъ на нее съ такой неосмотрительностью г. В. Умановъ-Каплуновскій въ декабрьской книгѣ «Историческаго Вѣстника». Не знаю, откуда взялъ этотъ писатель,— извините за вульгарное выраженіе, — ту чушь, которою онъ заканчиваетъ свои воспоминанія, вообще коротенькія и невѣрныя. Вотъ этотъ скверный вымыселъ: «У памятника, воздвигнутаго на могилѣ Кадминой, появился большой образъ св. Евлаліи, въ ликѣ которой замѣчалось сходство съ чертами лица артистки, и одна высокопоставленная духовная особа зачастую пріѣзжала сюда молиться у этой иконы»... Вникните въ этотъ вымыселъ. Что ни слово здѣсь, то вздоръ и грубая ложь! Высопоставленная духовная особа эта, конечно, епископъ, и вотъ такая особа могла дозволить себѣ подобное, совершенно немыслимое, и притомъ еще, частное посѣщеніе могилы актрисы, чтобы молиться у иконы, изображающей ее! Хотя это и явная нелѣпость, но, вѣдь, это же напечатано въ «Историческомъ Вѣстникѣ»!.. Отъ всякой клеветы, какъ извѣстно, что нибудь да остается. Если она не можетъ коснуться бывшихъ въ тѣ времена въ Харьковѣ епископовъ

(въ началѣ 80-хъ годовъ архіерейскую каѳедру занималъ здѣсь извѣстный аскетъ, епископъ Нектарій), то на памяти Кадминой остается подозрѣніе о возможной близости ея съ какою-то духовною особою... а, между тѣмъ, память Кадминой въ этомъ смыслѣ чиста, какъ жемчугъ; она была безупречна. Въ чемъ-въ чемъ, но въ любовныхъ конвенансахъ и авантюрахъ Кадмина не была грѣшна. Я зналъ близко и хорошо ея жизнь и утверждаю, что среди роя ея обожателей и поклонниковъ не было близкаго ей человѣка. Г. Умановъ-Каплуновскій слыхалъ звонъ, да не знаетъ, откуда онъ. Была, дѣйствительно, исторія съ образомъ св. Евлаліи, но совсѣмъ не та, которую онъ разсказывалъ»...

Далѣе г. Журналистъ повѣствуетъ, какъ этотъ образъ былъ повѣшенъ въ кладбищенской церкви, какъ по настоянію ключаря собора и двухъ членовъ консисторіи былъ снятъ и спрятанъ въ шкапѣ, и какъ затѣмъ онъ безслѣдно исчезъ, и заканчиваетъ свою, повторяю, странную и непонятную полемическую статью словами: «Какъ видите, вся эта исторія рѣшительно ничего не имѣетъ общаго съ тѣмъ, что сообщалъ «Историческій Вѣстникъ». Положительно, недоумѣваю, чѣмъ я провинился въ отношеніи правды, которой вообще служу вѣрно и неизмѣнно! Г. оппонентъ самъ же подтверждаетъ существованіе образа и положительно не вноситъ ничего новаго, кромѣ исторіи исчезновенія иконы, которой я совсѣмъ не касался. Относительно посѣщенія могилы «духовной особой» г. Журналистъ высказываетъ упрямое недовѣріе, бравируя его тѣмъ, что «частныя посѣщенія» (?) могилы актрисы не мыслимы для епископа, да еще къ тому же аскета (?). Самъ того, вѣроятно, не подозрѣвая, онъ забрасываетъ грязью и память артистки, которую я старался окружить въ моихъ воспоминаніяхъ свѣтлымъ ореоломъ, и ту «духовную особу», которую онъ даже называетъ по имени — епископомъ Нектаріемъ (!).

Г. Журналистъ — плохой защитникъ. Своей непрошенной апологіей онъ оказалъ медвѣжью услугу и Кадминой, и «духовной особѣ». Почему посѣщеніе кладбища и молитва у могилы есть непремѣнно результатъ бывшей любовной связи?.. И до такого неостроумнаго вывода могъ додуматься неожидаемый защитникъ артистки!.. Во всей статьѣ сквозитъ какая-то логическая прискачка мысли. Съ больной фантазіей нельзя браться за обличительное перо, вѣдь, иной услужливый другъ бываетъ «опаснѣе врага», что г. Журналистъ и доказалъ на этотъ разъ собственной неосмотрительностью, обвиняя, однако, въ этомъ меня...

Я убѣжденъ, что каждый безпристрастный читатель ничего оскорбительнаго для памяти Кадминой не найдетъ въ моемъ воспоминаніи, напротивъ, вынесетъ одни хорошія впечатлѣнія, а г. Журналисту не мѣшало бы помнить стихи Тютчева:

«Ахъ, если бы живыя крылья
Души, парящей надъ толпой,
Спасали отъ насилья
Безсмертной пошлости людской!»

В. Умановъ-Каплуновскій.

II.

По поводу статьи «Нищіе-милліонеры» [1]).

Въ февральскомъ номерѣ журнала «Историческій Вѣстникъ» 1906 г. (т. CIII, стр. 539 — 545) помѣщена замѣтка Н. С. Колынина «Нищіе-милліонеры», въ которой отъ имени стараго нищаго-милліонера разсказывается, будто казна обидѣла крестьянъ Олонецкой губерніи, Вытегорскаго уѣзда, деревни Стрѣльниковскаго-Починка, отнявъ у нихъ пожалованныя имъ въ старину царемъ Василіемъ Шуйскимъ земли. «А лѣса наши рубитъ и губитъ начальство. Когда этому будетъ конецъ, и кто насъ защититъ отъ озорного начальства?»—спрашиваетъ разсказчикъ.

Легенда объ обидѣ крестьянъ деревни Стрѣльниковской казною довольно давняго происхожденія и до сихъ поръ живетъ среди стрѣльниковцевъ. Дѣйствительно, царь Василій Шуйскій, за оказанныя ему услуги, пожаловалъ предкамъ стрѣльниковскихъ крестьянъ находившіяся у нихъ въ то время во владѣніи земли въ собственность, какъ тогда говорили, «обѣлилъ» земли, откуда и крестьяне получили названіе «обѣльныхъ», т.-е. не платящихъ поземельныхъ сборовъ. Грамота царя Василія Шуйскаго объ обѣленіи стрѣльниковцевъ точно указываетъ, какое именно количество земли пожаловано крестьянамъ. Преемники Василія Шуйскаго своими грамотами подтверждали привилегію стрѣльниковцевъ. Въ 1787 г., при производствѣ генеральнаго межеванія нынѣшней Олонецкой губерніи (въ то время Бѣлозерской провинціи), между прочимъ, была вымежевана казенная дача въ 35 тысячъ десятинъ, названная, по правиламъ межеванія, по имени находившейся въ дачѣ деревни — Стрѣльниковской. При этомъ крестьянамъ Стрѣльниковскаго-Починка было вымежевано 55 десятинъ, принадлежавшихъ имъ, согласно жалованнымъ грамотамъ, а, сверхъ того, еще отведено изъ казенной земли по 15 десятинъ надѣльной земли на душу; этимъ дѣйствіямъ межевыхъ чиновъ крестьяне вполнѣ подчинились. Впослѣдствіи, однако, среди стрѣльниковцевъ возникло ни на чемъ не основанное предположеніе, будто имъ принадлежитъ вся Стрѣльниковская дача, а вовсе не одинъ отмежеванный въ ихъ собственность въ 1787 г. участокъ. Права свои крестьяне рѣшили отстаивать судебнымъ порядкомъ. Послѣ цѣлаго ряда лѣтъ, въ которыя дѣло переходило изъ одной инстанціи въ другую, состоялось, наконецъ, окончательное рѣшеніе правительствующаго сената въ пользу казны. Именно, указомъ отъ 22 января 1891 г. правительствующій сенатъ установилъ, что: 1) обѣльнымъ крестьянамъ деревни Стрѣльниковскаго-Починка изъ общаго количества земли въ генерально-отмежеванной въ 1787 г. Стрѣльниковской дачѣ (35.130 дес. 497 саж.) принадлежитъ въ собственность по жалованнымъ грамотамъ лишь 55 дес. 2.051 саж., согласно рѣшенію палаты 7 февраля 1795 г. и указу правительствующаго се-

---

[1]) Настоящее разъясненіе и опроверженіе свѣдѣній, сообщенныхъ въ статьѣ г. Колынина «Нищіе-милліонеры», прислано намъ управленіемъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ Олонецкой губерніи, за подписью за начальника управленія г. Маршнера и чиновника особыхъ порученій г. Розенберга.

ната 22 октября 1808 г., по произведеннымъ въ исполненіе сихъ рѣшеній нарѣзкамъ землемѣровъ Сучкина и Артемьева 1810 г., каковая земля и должна быть оставлена во владѣніи крестьянъ, какъ равно и земля, нарѣзанная имъ тѣмъ же землемѣромъ Артемьевымъ въ томъ же 1810 г. въ 15-десятинную пропорцію, въ количествѣ 1.337 дес. 733 саж., и 2) притязанія обѣльныхъ крестьянъ на остальную землю въ дачѣ, а именно 33.970 дес. 1.397 саж., поступившую въ казну въ качествѣ примѣрной, на основаніи тѣхъ же судебныхъ рѣшеній 1795 и 1808 г.г., лишены законнаго основанія.

Не удовлетворившись такимъ рѣшеніемъ правительствующаго сената, крестьяне принесли на него жалобу на высочайшее имя. Государь императоръ, въ 6 день мая 1892 г., высочайше повелѣть соизволилъ: всеподданнѣйшую жалобу на опредѣленіе межевого департамента правительствующаго сената обѣльныхъ крестьянъ Стрѣльниковскаго-Починка по дѣлу съ казною о владѣніи Стрѣльниковскою дачею оставить безъ послѣдствій.

Въ настоящее время производится возстановленіе границъ, проведенныхъ въ 1810 г. землемѣромъ Артемьевымъ, но не полюбовно, а судебнымъ порядкомъ, во исполненіе рѣшенія правительствующаго сената отъ 31 мая 1903 г. Это рѣшеніе состоялось опять-таки по жалобѣ стрѣльниковскихъ крестьянъ, не пожелавшихъ размежеваться съ казною полюбовно и попрежнему настаивавшихъ на вымежеваніи въ ихъ собственность всей Стрѣльниковской дачи. 1 сентября минувшаго года состоялось рѣшеніе петрозаводскаго окружнаго суда, признавшаго правильными границы, указанныя олонецкимъ управленіемъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ. На это рѣшеніе жалоба крестьянами до сего времени не принесена.

III.

Отвѣтъ рецензенту А. Я.

Въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», за 1906 г. А. Я. напечаталъ небольшой отзывъ о первомъ выпускѣ моихъ работъ по описанію книжныхъ богатствъ Патріаршей библіотеки въ Москвѣ, посвященномъ Новоспасской коллекціи рукописей. Казалось бы, въ краткой рецензіи не трудно было бы избѣгнуть ошибокъ, но не то вышло на дѣлѣ.

1) А. Я., утверждаетъ, напримѣръ, что «за послѣднее время» въ Патріаршую библіотеку поступили рукописи «нѣсколькихъ подмосковныхъ монастырей», тогда какъ со времени патріарха Никона ни одно собраніе ни изъ одной подмосковной обители въ нее не передавалось, да и въ срединѣ XVII вѣка для исправленія богослужебныхъ книгъ отчуждались не цѣльныя коллекціи, а отдѣльныя рукописи.

2) Бросивъ лишь поверхностный взглядъ на описаніе одной псалтири № 1 въ началѣ ея, рецензентъ, тѣмъ не менѣе, нашелъ возможнымъ послать по моему адресу цѣлый рядъ упрековъ. Такъ онъ укоряетъ меня за то, что я опустилъ при описаніи названной псалтири указанія Ундольскаго и Григорьева, признавая ихъ для меня совершенно необходимыми. Если бы А. Я. прочелъ мой этюдъ о псалтири № 1, помѣщающійся въ той именно книгѣ, которую онъ

рецензировалъ, то, безъ сомнѣнія, не послалъ бы мнѣ укора въ небрежности. Я не только зналъ описанія Ундольскаго и Григорьева, но изучалъ и самыя рукописи, ихъ вызвавшія: о позднихъ и крайне неисправныхъ отрывкахъ псалтири № 15 изъ собранія Ундольскаго я не упомянулъ въ своей книгѣ, такъ какъ рѣшительно ничѣмъ не обязанъ имъ, а псалтирь архивская (но рефератъ г. Григорьева) дала мнѣ многое. Я установилъ (худо или хорошо — другой вопросъ), что псалтирь № 1 и однородная съ ней архивская принадлежатъ школѣ А. М. Курбскаго и покрыты примѣчаніями, вышедшими изъ-подъ его пера. Этого-то рецензія и не примѣтила, все равно, будемъ ли мы признавать его дѣйствительнымъ или иллюзорнымъ: перваго А. Я. долженъ былъ отмѣтить, а противъ второго выступить съ научной критикой.

3) Не прочитавъ въ книгѣ, что слѣдовало, рецензентъ нашелъ въ ней то, чего не слѣдовало: «доносъ автора», пишетъ онъ про меня, «на своего предшественника по работѣ, г. Лотоцкаго (с. VI), производитъ на читателя необыкновенно гадливое впечатлѣніе». Простая порядочность требовала бы повѣдать читателю, у котораго легко можетъ не быть подъ руками моей книги, что именно А. Я. считаетъ доносомъ, а не вводить въ заблужденіе людей, стоящихъ не въ курсѣ дѣла, таинственной цифрой вмѣсто факта. Въ моей же книгѣ отмѣчено, что г. Лотоцкій, разрисовывая бумажныя филиграни ветхой рукописи XIV вѣка карандашемъ прямо по тексту, прорѣзалъ книгу Варлаама и Іоасафа, и потому знаки ея скоро выпадутъ и утратятся вмѣстѣ съ приходящимся на нихъ текстомъ. Опубликованіе этого факта и названо со стороны А. Я. доносомъ. Но понятіе доноса поддается учету, и разобраться въ немъ не трудно. Доносъ (denunciatio, delatio) есть сообщеніе частнымъ лицемъ подлежащей власти о совершенномъ кѣмъ либо преступленіи или проступкѣ съ цѣлью вызвать судебное разслѣдованіе или наказаніе виновнаго. Какъ ясно съ перваго взгляда, ничего подобнаго нѣтъ въ опубликованномъ фактѣ: свѣдѣніе сообщено не власти, а немногочисленной ученой средѣ, читающей описанія рукописей, сообщено не для разслѣдованія или наказанія виновнаго, а въ назиданіе людямъ, малоопытнымъ въ обращеніи съ памятниками древности. Кромѣ того, опубликованіемъ факта ограждалась репутація моя личная, другихъ ученыхъ и Патріаршей библіотеки, ибо, разъ не указанъ виновникъ порчи рукописи, подозрѣніе въ этомъ дѣяніи могло бы падать на меня (кромѣ насъ съ Лотоцкимъ, никто не штудировалъ книги), на другихъ людей, которые займутся памятникомъ, и на библіотеку за то, что она не умѣетъ охранять своихъ сокровищъ отъ поврежденія. Кстати замѣчу критику, что аналогичными съ моими доносами занимались: Карамзинъ, Малиновскій, Гебгардтъ всѣ о хищеніяхъ и порчѣ рукописей Маттеи; А. Н. Поповъ — о раскольникѣ, выжегшемъ букву «и» въ имени Іисусъ на протяженіи всей книги, Пападопуло-Керамевсъ о вырѣзываніи листовъ епископомъ Порфиріемъ Успенскимъ; и друг.

Въ заключеніе не могу обойти молчаніемъ того факта, что кто дѣлалъ критическіе отзывы о моей книгѣ по ознакомленіи съ ней, относятся къ работѣ далеко не съ тѣмъ высокомѣріемъ, которое проявилъ г. А. Я. въ своей рецензіи.

Н. Поповъ.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ"

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.).

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемѣсячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ безплатно, за пересылку въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ МАРТѢ 1906 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 3-й.

I. Богословіе.

А—зовъ, И. Религіозная правда русскаго самодержавія. Харьковъ. 1906. Ц. 10 к.

Бобровскій. Библейскія изреченія, цитаты изъ книгъ Священнаго писанія Ветхаго и Новаго Завѣта. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1906. Ц. 25 к.

Вишневецкій, М., протоіерей. Противъ неправильно понимающихъ главнѣйшія истины православной христіанской религіи. Изданіе 2-е, дополненное. Кіевъ. 1906. Ц. 1 р. 20 к.

Гарнакъ, Адольфъ. Сущность христіанства. 16 лекцій, прочитанныхъ въ Берлинскомъ университетѣ въ теченіе зимняго семестра слушателямъ всѣхъ факультетовъ. Перев. В. Б. Вып. I (1 и 2 лекціи). Спб. 1906. Ц. 15 к.

Дмитріевскій, А. А. Епископъ Порфирій Успенскій, какъ иниціаторъ и организаторъ первой русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ, и его заслуги на пользу православія и въ дѣлѣ изученія христіанскаго востока. По поводу столѣтія со дня его рожденія. Спб. 1906. Ц. 75 к.

Елеонскій, Ѳ., проф. Слѣды вліянія еврейскаго текста и древнѣйшихъ, кромѣ 70-ти, переводовъ на древній славянскій переводъ Библіи. Спб. 1906. Ц. 30 к.

Кармелюкъ. Новая нагорная проповѣдь. Спб. 1905. Ц. 1 к.

Ламенэ. Слова вѣрующаго. Памфлетъ. Переводъ съ франц. В, и Л. Андрусонъ. Спб. 1906. Ц. 25 к.

Михаилъ, А. «Евангеліе мѣщанъ» (Ренанъ и его Іисусъ). Спб. 1906. Ц. 18 к.

— Проклятые вопросы и христіанство. Спб. 1906. Ц. 10 к.

— Пророкъ христіанской свободы и свободнаго христіанства (Ламенэ и его «Слова вѣрующаго»). Спб. 1906. Ц. 15 к.

— «Священникъ-соціалистъ» и его соціальный романъ. Спб. 1906. Ц. 10 к.

— Христіанство и соціалъ-демократія. Спб. 1906. Ц. 15 к.

— Христосъ и Варѳоломеевскія ночи. (Еврейскіе погромы). Спб. 1906. Ц. 12 к.

— «Царь-голодъ». Спб. 1906. Ц. 10 к.

Нижегородецъ. Христосъ и церковь. Популярное изложеніе труда кн. Трубецкого о Логосѣ. М. 1906. Ц. 12 к.

Поповъ, Анатолій. Воспоминанія о Саровѣ. Спб. 1906. Ц. 15 к.

Религія и нравственность. Л. Н. Толстой. Проф. В. Д. Кудрявцевъ-Платоновъ. Проф. А. Ѳ. Гусевъ. (Религіозно-философская библіотека, в. X). Вышній-Волочекъ. 1906. Ц. 30 к.

Ренанъ, Эрнестъ. Жизнь Іисуса, популярное изданіе. Переводъ съ 69-го изданія. М. Синявскаго. М. 1906. Ц. 60 к.

Розановъ, В. Около церковныхъ стѣнъ. Т. II. Спб. 1906. Ц. 2 р.

Сперанскій, Н. Вѣдьмы и вѣдовство. Очеркъ по исторіи церкви и школы въ Западной Европѣ. М. 1906. Ц. 1 р. 40 к.

Тихомировъ, Н. А. Путеводитель по церквамъ г. С.-Петербурга и ближайшихъ его окрестностей (съ видами нѣкоторыхъ церквей). Спб. 1906. Ц. 50 к.

Толстой, Л. Н. Въ чемъ моя вѣра? Спб. 1906. Ц. 50 к.

— Исповѣдь. Спб. 1906. Ц. 20 к.

— Исповѣдь. М. 1906. Ц. 15 к.

II. Философія, психологія, логика.

Бэнъ, А. Психологія. Переводъ съ англійскаго и предисловіе прив.-доц. Вл. Н. Ивановскаго. Т. II. М. 1906. Ц. 2 р. 50 к.

Карышевъ, И. А. Рожденіе антихриста и обновленіе земли. (Медіумическое сообщеніе). Спб. 1906. Ц. 10 к.

Краинскій, Н. В. Энергетическая психологія. Вып. I. Вильна. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

Мысли Иммануила Канта, выбранныя Л. Н. Толстымъ. Переводъ съ нѣмецкаго С. А. Порѣцкаго. II. Избранныя мысли Лихтенберга. Переводъ съ нѣмецкаго. Л. П. Никифорова и А. В. Гельденвейзера. М. 1906. Ц. 40 к.

Нитцше, Ф. Несвоевременныя размышленія. Переводъ А. и Е. Герцыкъ. М. 1906. Ц. 1 р. 25 к.

Толстой, Л. Н. О жизни. Новое жизнепониманіе. М. 1906. Ц. 30 к.

Фонсегривъ, Жоржъ, проф. Элементы психологіи. Переводъ подъ редакціей П. П. Соколова. 3-е изд. Сергіевъ Посадъ. 1906. Ц. 1 р. 25 к.

III. Словесность.

Аверкіевъ, Д. В. Драмы. Т. II. Княгиня Ульяна Вяземская.—Разрушенная невѣста.—Франческа Риминійская.—Царевичъ Алексѣй.—Непогрѣшимые. Изданіе 2-е, А. С. Суворина. Спб. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

— Драмы, т. III. Смерть Мессалины.—Сидоркино дѣло. — Трогирскій воевода.—Столичный слетокъ.—Теофано. Изданіе 2-е, А. С. Суворина. Спб. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

Авсѣенко, В. Г. Сочиненія. Т. VI. На распутьи. Романъ. Повѣсти и разсказы: Очарованные.—Послѣдняя воля. — Беззаботные. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Анненскій, И. Ѳ. Книга отраженій.—Проблема Гоголевскаго юмора.—Достоевскій до катастрофы.—Умирающій Тургеневъ.—Три соціальныхъ драмы.—Драма настроеній.—Бальмонтъ-лирикъ. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Батюшковъ, К. Н. Стихотворенія. LXXIII лирическихъ стихотворенія.—XVIII сатирическихъ пьесъ.—Объяснительныя статьи. (Русск. классн. библ., издав. подъ редакціей А. Н. Чудинова, в. XXXI). Спб. 1906. Ц. 50 к.

Бобровъ, Евгеній, проф. О байронизмѣ А. И. Полежаева. Къ столѣтнему юбилею поэта (1805—1905), Варшава. 1906. Ц. 15 к.

Веселовскій, Алексѣй. Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. 3-е переработанное изданіе. М. 1906. Ц. 1 р. 75 к.

Воронова, Е. А. Къ тихой пристани. Сборникъ повѣстей, размышленій и біографическихъ очерковъ. Въ 3-хъ частяхъ. Изданіе 2-е, дополненное и иллюстр. Спб. 1906. Ц. 80 к.

Горбуновъ-Посадовъ, И. Пѣснь о дѣтяхъ. Сборникъ стихотвореній. Рисун. на обложкѣ Е. М. Бемъ. М. 1905. Ц. 20 к.

— Слезы людскія. Сборникъ стихотвореній. М. 1906. Ц. 20 к.

Джіованіоли. Спартакъ. Романъ. Переводъ съ итальянскаго А. Каррикъ и С. А. Гулишамбаровой. Спб. 1906. Ц. 80 к.

Диккенсъ, Ч. Собраніе сочиненій. Перев. Иринарха Введенскаго со вступительной статьей Д. П. Силочевскаго. Т. I, II и III. Давидъ Копперфильдъ, 3 ч. Спб. Ц. 2 р. 25 к.

Достоевскій, Ѳ. М. Полное собраніе сочиненій. Изданіе 6-е. Т. VIII. Спб. Ц. по подпискѣ на 14 т. 25 р.

— То же. Изданіе 7-е. Т. VII. Спб. 1906. Ц. по подпискѣ на 12 т. 10 р.

Ждановъ, Левъ, и Генъ. Вопросы чести. Сцены изъ военной жизни. Спб. 1906. Ц. 40 к.

Козловъ, И. И. Стихотворенія. Лирическія стихотворенія, оригинальныя и переводныя. — Поэмы. — Объяснительныя статьи. (Русская классная библіотека подъ редакціей А. Н. Чудинова, в. XXX). Спб. 1906. Ц. 55 к.

Козминъ, Н. Н. И. Надеждинъ и Е. В. Сухово-Кобылина (Евгенія Туръ). По новымъ даннымъ. Ц. 40 к.

Кольцовъ, А. В. Полное собраніе стихотвореній и писемъ. Подъ редакціей Арс. И. Введенскаго. Спб. Ц. 1 р.

Крестовскій, М. В. Къ солнцу. (Путевые очерки). Тѣни. (Изъ дневника). М. 1905. Ц. 1 р.

Кривошъ, Владиміръ. Толстовецъ, драма въ 5 дѣйствіяхъ. Спб. 1906. Ц. 50 к.

Макшеева, Н. А. А. В. Кольцовъ, его жизнь и пѣсни. Съ портретомъ и видомъ памятника А. В. Кольцова и съ рисунками въ текстѣ Н. Н. Совена. Спб. 1905. Ц. 25 к.

На крейсерѣ «Россія». (Изъ дневника). Ц. 30 к.

Недешева, В. И. Бунтъ. Разсказъ. Посвящается русской женщинѣ. Спб. 1906. Ц. 10 к.

Пальгуновъ, С. А. Русско-японская война. Стихотворенія. 1904 г. 7-й мѣсяцъ. 1-е изданіе. Евпаторія. 1906. Ц. 20 к.

Паткановъ, К. М. На поверхности. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Спб. 1906. Ц. 40 к.

Пахарнаевъ, А. I. Передъ революціей. Повѣсть. Спб. 1906. Ц. 10 к.

Первый литературный сборникъ сибиряковъ. Разсказы и стихотворенія. Томскъ. 1906. Ц. 1 р.

Покровскій, Н. А. П. Чеховъ въ значеніи русскаго писателя-художника. Изъ критической литературы о Чеховѣ. М. 1906. Ц. 1 р.

Пѣсни ста поэтовъ. Японская антологія. Спб. 1905. Ц. 30 к.

Родіоновъ, И. В. На Пасху. Сборникъ произведеній. Т. I. Спб. 1906. Ц. 50 к.

Рукавишниковъ, Г. П. Сила жизни. (Отъ разума къ чувству). Спб. 1906. Ц. 30 к.

Свирскій, А. И. Вѣчные странники. Записки комми-вояжера и другіе разсказы. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Сементковскій, Р. И. Сочиненія. Т. I. Русское общество и литература. Отъ Кантемира до Чехова. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

— Т. II. Русское общество и государство. Пересмотръ господствующихъ у насъ политическихъ взглядовъ. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

— Т. III. Повѣсти и разсказы. Русское общество и жизнь. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

Собраніе стихотвореній декабристовъ. Т. I. Стихотворенія К. Ѳ. Рылѣева, А. И. Одоевскаго, А. А. Бестужева (Марлинскаго) и Г. С. Батенкова съ ихъ портретами, кратк. біографическами очерками и литературнымъ указателемъ. М. 1906. Ц. 3 р.

Толстой, Л. Н. «Одумайтесь!» Статья по поводу русско-японской войны. Christchurch. 1904. Ц. 50 к.

— Корней Васильевъ. Разсказы. М. 1906. Ц. 10 к.

— Молитва. М. 1906. Ц. 5 к.

— Письмо къ либераламъ. Спб. 1906. Ц. 3 к.

— Ягоды. Разсказъ. М. 1906. Ц. 10 к.

Толстой, Л. Н., гр. Возстановленіе ада. Легенда. Спб. 1906. Ц. 5 к.

— Единственное средство. Спб. 1906. Ц. 5 к.

— Къ политическимъ дѣятелямъ. Спб. 1906. Ц. 5 к.

— Стыдно! Спб. 1906. Ц. 1 к.

Тургеневъ, И. С. Порогъ. (Не вошедшее въ собраніе сочин. «Стихотвореніе въ прозѣ»). Спб. 1906. Ц. 3 к.

Т—ъ. Изъ жизни. Спб. 1906. Ц. 25 к.

Уоллесъ, Льюисъ. Во время оно. (Бэнъ-Хуръ). Повѣствованіе изъ временъ земной жизни Іисуса Назарея. Полный переводъ съ англійскаго. Съ 75 рисунками нѣмецкаго художника А. Баваровскаго. 2-е изданіе. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Франсъ, Анатоль. Подъ старымъ вязомъ. Повѣсть нашихъ дней. Переводъ А. и Е. Герцыкъ. М. 1906. Ц. 1 р.

Чеботаревъ, Ѳ. М. Враги. (Семья Плетухиныхъ). Пьеса въ 5-ти актахъ и 6-ти картинахъ. Полтава. 1904. Ц. 1 р.

Чернышевскій, Н. Г. Полное собраніе сочиненій въ 10 томахъ. Т. VIII. «Современникъ» 1861. (Критика и библіографія. Статьи экономическія. Отдѣлъ «Политика»). Спб. 1906. Ц. по подпискѣ 15 р.

Шлафа, I. Врачи мѣщанства. Переводъ Н. П. Дадоновой. М. 1906. Ц. 80 к.

Эки-Зангъ. Изъ драмы Бьернстерне-Бьернсона: «Сверхъ силъ». Переводъ съ французскаго Л. Юрьевой. Харьковъ. 1906. Ц. 15 к.

Junger Ewig. Жизнь — борьба. Разсказъ. Переводъ Н. Юдина. Спб. 1906. Ц. 2 к.

IV. Исторія, біографія и археологія.

Бабенко, В. Волчанское городище. (Опытъ изслѣдованія его въ 1903 г.). Харьковъ. 1905. Ц. 20 к.

Бабенко, В. А. Раскопки катакомбнаго могильника въ Верхнемъ Салтовѣ, Волчанскаго уѣзда, Харьковской губерніи. Дневники раскопокъ. Харьковъ. 1905.

— Этнографическій очеркъ народнаго быта Екатеринославскаго края. Изданіе Екатеринославскаго губернскаго земства къ XIII археологическому съѣзду. (Съ 75 фототипіями, рисунками и чертежами въ текстѣ). Екатеринославъ. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Борхардъ, Бруно, д-ръ. Въ началѣ столѣтія. (Культурныя завоеванія XIX столѣтія). Переводъ съ нѣмецкаго Ѳ. Бернштейна. М. 1905. Ц. 40 к.

Готье, Ю. Замосковный край въ XVII вѣкѣ. Опытъ изслѣдованія по исторіи Московской Руси. М. 1906. Ц. 5 р.

— Матеріалы по исторической географіи Московской Руси. Замосковные уѣзды и входившія въ ихъ составъ станы и волости по писцовымъ и переписнымъ книгамъ XVII столѣтія. М. 1906. Ц. 1 р.

Гунтеръ, С. Матеріалистическое пониманіе исторіи и практическій идеализмъ. Перев. съ нѣмецкаго. Кіевъ. 1906. Ц. 7 к.

Жоресъ, Ж., и Лафаргъ, П. Идеалистическое и матеріалистическое пониманіе исторіи. Спб. 1906. Ц. 8 к.

К—нъ, В. П. Дни революціи въ Гельсингфорсѣ. Харьковъ. 1906. Ц. 10 к.

Купчинскій, Ф. П. Въ японской неволѣ. Очерки изъ жизни русскихъ плѣнныхъ въ Японіи въ городѣ Мацуяма на островѣ Сикоку. (Съ картой города Мацуяма и 168 иллюстраціями въ текстѣ и отдѣльно). Спб. 1906. Ц. 3 р.

Мерингъ, Фр. Исторія германской соціалъ-демократіи. Т. I. До революціи 1848 г. Переводъ съ 2-го нѣмецк. изданія М. К. Ландау. Спб. 1906. Ц. по подпискѣ 4 р. 60 к.

Немировъ, Г. А. Троицкій соборъ, что на Петербургской сторонѣ, въ 1706—1903 гг. Историческая справка. Юбилейное изданіе. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Notovitch, Nicolas. La Russie et l'alliance anglaise. Etude historique. Paris. 1906. Ц. 2 р.

Ночь на еврейскомъ кладбищѣ въ Прагѣ. (Глава изъ историко-политической хроники сэра Джона Редклифа: «До Седана»). Переводъ съ англійск. И. Асова. Харьковъ. 1906. Ц. 15 к.

Оларъ, Ф. А. Великая французская революція. Внутренняя исторія. Со вступительной главой Э. Шампіона и съ приложеніемъ статьи П. де-Віолл›: «Французское законодательство въ эпоху революціи». М. 1906. Ц. 70 к.

Ончуковъ, Н. Е. Печерская старина. (Рукописи и архивы церквей Низовой Печеры). Спб. 1906. Ц. 50 к.

Пороховщиковъ, А. Правда и сила въ лицахъ. Люди не боги. Изъ архива. Полководецъ-гражданинъ Константинъ Викентьевичъ Церпицкій. Спб. 1905. Ц. 75 к.

Радищевъ, А. Н. Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. Изданіе 5-е, А. С. Суворина. Спб. 1906. Ц. 60 к.

Самойловъ-Давидъ. Революція 48-го года во Франціи. М. 1906. Ц. 15 к.

Степнякъ, С. Подпольная Россія. 2-е изданіе, вышедшее въ Россіи. Спб. 1906. Ц. 80 к.

Терентьевъ, М. А. Начало революціи въ Россіи 9-го января 1905 года. Спб. 1906. Ц. 10 к.

Успенскій, Александръ. Записныя книги и бумаги старинныхъ дворцовыхъ приказовъ. Документы XVIII—XIX вв. бывшаго архива Оружейной палаты. Въ концѣ изданія помѣщены алфавитн. указатели А. Е. Викторова. М. 1906. Ц. 4 р.

Частная переписка князя Петра Ивановича Хованскаго, его семьи и родственниковъ. М. 1906. Ц. 1 р. 20 к.

Швальбе, Доисторическій человѣкъ (Die Vorgeschichte des Menschen). Переводъ съ нѣмецк. Г. Г. Оршанскаго. Харьковъ. 1906. Ц. 40 к.

Энгельсъ, Фридрихъ. Крестьянская война въ Германіи. Переводъ Котляра подъ редакціей А. Ю. Финна-Енотаевскаго. Спб. Ц. 25 к.

V. Географія, этнографія, путешествія.

Митричинъ Кристенъ. Терскіе калмыки. 1777—1905. Спб. 1906. Ц. 50 к.

Плотность населенія сѣверныхъ странъ и ея отношеніе къ эмиграціи. (Къ вопросу о колонизаціи Сибири). Съ діаграммами плотности, эмиграціи и прироста въ западно-европейскихъ странахъ. Москва. 1906. Ц. 20 к.

VI. Сельское хозяйство.

Вигура, В., инж.-техн. Проектъ зерносушилки. (По Сиверсу). Спб. Ц. 50 к.

Заводская книга русскихъ рысаковъ. Подъ редакціею С. Г. Карузо. Т. XXVIII. Спб. 1906. Ц. 3 р. 50 к.

Калугинъ, И. И., проф. Кормовыя нормы и кормовыя таблицы съ 2 рисунк. въ текстѣ. Изданіе 2-е. Спб. 1906. Ц. 50 к.

Клингенъ, И. Воздѣлываніе кормовыхъ растеній и польза отъ нихъ. Руководство для удѣльныхъ арендаторовъ. Ч. I, съ 107 рисунк. въ текстѣ и 3-мя таблицами. Какія бываютъ кормовыя растенія, какъ они живутъ, и какъ ими пользоваться? Научныя основы полевого травосѣянья. Спб. 1906. Ц. 40 к.

Лебединцевъ, А. Возможенъ ли былъ заморъ рыбы въ озерѣ Гокча? (Изъ гидро-химической лабораторіи Никольскаго рыбоводнаго завода). Ц. 15 к.

Лисицынъ, М. И. Краткое описаніе культуры изъ порядка початко-цвѣтныхъ. М. 1905. Ц. 20 к.

— Краткое описаніе культуры цвѣтущихъ луковичныхъ растеній, встрѣчающихся въ садовопромышленной и любительской культурѣ. М. 1905. Ц. 20 к.

— Практическая замѣтка о разведеніи ананасовъ. М. 1905. Ц. 20 к.

— Хвойныя растенія для грунтовой и оранжерейной культуры. М. 1905. Ц. 20 к.

Теодоръ, М. Курсъ парижской кройки. Ч. I. Изданіе 6-е. Спб. 1906. Ц. 2 р.

Хуторъ, новый практическій сельско-хозяйственный журналъ. 1906. № 1. Ц. 40 к.

VII. Технологія, строительное и инженерное искусства. Ремесла.

Гордѣенко, Я. Н. Курсъ желѣзныхъ дорогъ. По программѣ, утвержд. г. министромъ путей сообщенія 4-го апрѣля 1888 г., для экзамена на званіе техника путей сообщенія. Съ 22 лист. чертежей и 20 №№ приложеній. Изданіе 4-е, дополн. Спб. 1906. Ц. 4 р. 50 к.

Деппъ, Г. Ф. Паровые котлы. Лекціи, читанныя въ технологическомъ институтѣ императора Николая I. Спеціальная часть. Спб. 1906. Безплатно по подпискѣ.

Зеестъ, В. А. Сигнализація и блокировка желѣзныхъ дорогъ. Спб. 1906. Ц. 2 р. 50 к.

Klar, М. Анализъ продуктовъ и матеріаловъ сухой перегонки дерева. Перев. инж.-техн. Н. И. Козловскій. Спб. 1904. Ц. 40 к.

Козловскій, Н. И., инжен.-техн. Сухая перегонка дерева лиственныхъ и хвойныхъ породъ. Съ атласомъ чертежей. Казань. 1905. Ц. 2 р. 50 к.

— Сухая перегонка органическихъ веществъ. Скипидаръ, канифоль и канифольныя масла. Казань. 1902. Ц. 25 к.

Кремлевъ, Б. Самодѣльный волшебный фонарь. Практическое руководство къ постройкѣ волшебнаго фонаря. Съ 9 рисунк. Спб. 1906. Ц. 15 к.

Перовъ, П. Работы изъ стружекъ и бересты. Съ 21 рис. Спб. 1906. Ц. 15 к.

Ритшель, Г. Руководство къ расчету и проектированію системъ вентиляцій и отопленій. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ре-

дакц. ад.-проф. В. Г. Залѣсскаго, препод. В. М. Чаплина и инж.-техн. В. И. Кашкарова. 2 т. М. 1906. Ц. 10 р.

Селивановъ, А. В. Второе прибавленіе къ книгѣ: фарфоръ и фаянсъ Россійской имперіи. Владиміръ. 1906. Ц. 50 коп., на велен. бумагѣ 75 коп.

Федотьевъ, П. П, проф. Техническій анализъ минеральныхъ веществъ. Съ 78 рисунками въ текстѣ. Спб. 1906. Ц. 3 р.

VIII. Правовѣдѣніе и общественныя науки.

А. Б. Административно-карательная власть земскихъ и крестьянскихъ начальниковъ. (57 и 444 ст. Пол. устан. крест., изд. 1902 г.). М. 1902. Ц. 75 к.

А—скій, В. П. Къ крестьянскому земельному вопросу. Куда ведутъ люди, которые ходятъ съ краснымъ флагомъ. Аккерманъ. 1906. Ц. 20 к.

Атлантикусъ. Взглядъ въ государство будущаго. Подъ редакц. В. Я. Желѣзнова. Кіевъ. 1906. Ц. 40 к.

Бебель, А. В. Составъ соціалъ-демократической партіи въ Германіи. Переводъ съ нѣмецк. Л. Неманова. Спб. 1906. Ц. 5 к.

Бебель, А. Соціалъ-демократія и всеобщее избирательное право. Переводъ И. Б. Спб. 1905. Ц. 25 к.

Бельтовъ, И. Критика нашихъ критиковъ. Спб. 1906. Ц. 2 р.

Библіотека рабочаго, еженедѣльное изданіе подъ редакціей В. А. Поссе. 1906 г. № 2. I. Основы рабочаго законодательства. II. Исторія рабочаго законодательства въ Россіи. Ц. 20 к.

— № 3. 1. Политическія слова, понятія и вещи. 2. Національная автономія и всемірная федерація. 3. Форма правленія и демократія. Ц. 20 к.

— № 4. Народное представительство и народное законодательство. Ц. 30 к.

Бинкъ. Развитіе Бельгійской рабочей партіи. Кіевъ. 1906. Ц. 8 к.

Бржескій, Н. Натуральныя повинности крестьянъ и мірскіе сборы. Спб. 1906. Ц. 2 р. 50 к.

Брилліантъ, Л. М., и С. Я. Шкляверъ. Алфавитный указатель къ рѣшеніямъ гражданскаго кассаціоннаго департамента и общихъ собраній правительствующаго сената. Выпускъ 2-й съ 1899 до 1905 г. Спб. 1906. Ц. 1 р. 25 к.

Бутми, Г. Россія на распутьи. Кабала или свобода? 3-е дополн. изданіе. Спб. 1906. Ц. 10 к.

— Франмасонство и государственная измѣна. 2-е дополн. изданіе. Спб. 1906. Ц. 20 к.

Бутырскій, Д. Справочная книга для нижнихъ чиновъ полиціи: урядниковъ, стражниковъ, сотскихъ, десятскихъ и пр. Съ разъясненіями правительствующаго сената, министерскими циркулярами, образцами бумагъ и предметнымъ алфавитнымъ указателемъ. Подъ редакц. Ф. В. Бусыгина. М. 1905. Ц. 2 р. 50 к.

Вандервельдъ, Эмиль. Положеніе рабочаго класса въ Бельгіи. Переводъ съ рукописи Н. Северина. Спб. Ц. 40 коп.

Вандервельде, Е. Соціалистическіе этюды. I. Введеніе. Соціализмъ и алкоголь. Переводъ Е. и И. Леонтьевыхъ. Спб. 1906. Ц. 25 к.

Винаверъ, М. Адвокатура и правовое государство. Спб. 1905. Ц. 15 к.

Гагенъ, В. А. Французскій законъ 14-го іюля 1905 г., объ обязательномъ призрѣніи престарѣлыхъ, немощныхъ и неизлѣчимо-больныхъ. Спб. 1906. Ц. 20 к.

Гейне, А. Н. Замѣчанія на проектъ книги пятой гражданскаго уложенія. I. Бумаги на предъявителя. II. Договоръ комиссіи. Спб. 1906. Ц. 50 к.

Геркнеръ, Г., проф. Соціалъ-демократическое движеніе въ Германіи. Переводъ съ примѣчаніями Б. Линскаго (съ портретомъ Ф. Лассаля). Спб. 1906. Ц. 20 к.

Гессенъ, Ю. И. Евреи въ Россіи. Очерки общественной, правовой и экономической жизни русскихъ евреевъ. Спб. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

Гиляровъ-Платоновъ, Н. П. Еврейскій вопросъ въ Россіи. Составлено на основаніи статей и писемъ Гилярова-Платонова. Спб. 1906. Ц. 30 к.

Горожанкинъ, Н. Наглядная таблица государственныхъ доходовъ и расходовъ по росписи на 1906 г. (Съ приложеніемъ росписи и всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ). М. 1906. Ц. 15 к.

Грейлихъ, Германъ. Что такое историческій матеріализмъ? Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1906. Ц. 8 к.

Грибовскій, В. Что такое «зубояжа», какъ преступленіе? Актовая рѣчь, читанная въ Императорскомъ археологическомъ институтѣ 8 мая 1905 г. Спб. 1905. Ц. 30 к.

Гуго и Штегманъ. Справочная книга соціалиста. Пер. съ нѣм. подъ ред. В. Богучарскаго и Л. Марковича. Т. I, в. I, II, III. Спб. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

Гумецкій, И. И. Значеніе русскаго Прикарпатья для Россіи. Прикарпатье будущее—второе Приамурье для Россіи, въ предстоящей ей борьбѣ съ вѣроломною Западною Европою. Спб. 1904. Ц. 70 к.

Гумпловичъ, Влад., д-ръ. Фердинандъ Лассаль. Страничка изъ исторіи соціализма въ Германіи. Перев. съ польск. А. Котика. Спб. 1906. Ц. 8 к.

Д'Арманъ, П. Темы дня. Статьи, напечатанныя въ фельетонахъ газеты «Русская Рѣчь», в. I. Общее содержаніе: Тактика революціонеровъ въ вопросахъ рабочемъ и аграрномъ. Прямое, равное, всеобщее и тайное голосованіе. — Учредительное собраніе.—Еврейскій вопросъ.—По поводу программы конституціонно - демократической партіи. 1906 г. Одесса. 1906. Ц. 20 к.

Дель, Эмиль. Судьба всѣхъ утопій, въ особенности соціалдемократической, Дюрингова

эмансипація личности. Со 2-го нѣм. изд. перевелъ Дм. Ройтманъ. Спб. 1906. Ц. 15 к.

Демченко, Я. Правда объ украинофильствѣ. Кіевъ. 1906. Ц. 20 к.

Дѣло 1-го марта 1881 г. Къ 25-лѣтію 1881—1906 гг. Процессъ Желябова, Перовской и др. (Правительственный отчетъ). Со статьей и примѣчаніями Льва Дейча. Спб. 1906. Ц. 75 к.

Езерскій, Э. В. Оно само взойдетъ—посѣйте только сѣмя доброе. Зло само сгніетъ—закройте лишь клапаны его. Открытое письмо членамъ государственной думы. Изданіе 3-е, дополненное. Спб. 1906. Ц. 10 к.

Елпатьевскій, С. О черносотенцахъ. Спб. 1906. Ц. 10 к.

Ефимовъ-Мизинъ. Право и правда. Что нужно Россіи? Спб. 1906. Ц. 15 к.

Женщинѣ наканунѣ ея освобожденія. Спб. 1906. Ц. 15 к.

Жоресъ, Жанъ. Соціализмъ и миръ. Перев. съ франц. Спб. 1905. Ц. 4 к.

Зибель, фонъ, Генрихъ, проф. Ученія современнаго соціализма и коммунизма. Перев. съ нѣмецк. М. Э. Гюнсбур а. Спб. 1906. Ц 15 к.

Зомбартъ, В., проф. Промышленный рабочій вопросъ. Перев. съ нѣм. М. Даниловской. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1906. Ц. 35 к.

Ильменскій, А. Статистическій очеркъ о глухонѣмыхъ въ Россіи. Спб. 1906. Ц. 40 к.

Каіенъ, Жоржъ. Союзы чиновниковъ во Франціи. Перев. съ франц. В. Астрова. Спб. 1906. Ц. 8 к.

Казанскій, П., проф. Выборы въ государственную думу по законамъ 6 августа, 18 сентября, 11 октября, 17 и 20 октября, 11 декабря 1905 г. и пр. Спб. Ц. 10 к.

Карты хода выборовъ въ государственную думу за вторую половину февраля 1906 г. Спб. 1906. Ц. 20 к.

Каутскій, Карлъ. Непосредственное народное законодательство и классовая борьба. Кіевъ. 1906. Ц. 7 к.

О еврейскомъ пролетаріатѣ. Спб. Ц. 2 к.

Каутскій, К., и Бебель, А. Патріотизмъ, война и соціалдемократія. Перев. съ нѣмецк. Спб. Ц. 5 к.

— **Гуго, К., Лафаргъ, П., и Бернштейнъ, Э.** Изъ исторіи общественныхъ теченій. Т. II. Спб. 1906. Ц. 2 р.

Комитетъ министровъ о еврейскомъ вопросѣ. Спб. Ц. 10 к.

Курти, Теодоръ. Всенародное голосованіе въ Швейцаріи. Перев. въ нѣмецк. Спб. Ц. 7 к.

Лафаргъ, П. Кампанелла. Страница изъ исторіи соціализма. Переводъ съ нѣмецк. Спб. 1906. Ц. 12 к.

Лозинскій, С. А. Объ избирательныхъ системахъ. Харьковъ. 1906. Ц. 5 к.

Лукашевичъ, А. А. Наши враги. Сравнительный очеркъ правыхъ партій. Спб. 1906. Ц. 7 к.

Марксъ, К. 18-е Брюмера Луи Бонапарта. Переводъ съ французск. подъ редакц. прив.-доц. Н. А. Рожкова. М. 1906. Ц. 20 к.

— Капиталъ. Критика политической экономіи. Т. I. Книга I. Процессъ производства капитала. Полный переводъ съ 4 провѣреннаго Ф. Энгельсомъ, нѣмецк. изданія, подъ редакціей П. Струве. Изданіе 2-е. Спб. 1906. Ц. 2 р. 50 к.

— Нищета философія. Отвѣтъ на «Философію нищеты» Прудона. Съ предисловіемъ Фридриха Энгельса. Переводъ В. Д. Ульриха. Спб. 1905. Ц. 39 к.

— Наемный трудъ и капиталъ. Съ двумя приложеніями. Переводъ и предисловіе Л. Дейча. Подъ редакціей Г. В. Плеханова. Спб. Ц. 10 к.

— Первый манифестъ международнаго товарищества рабочихъ. Спб. Ц. 2 к.

— Рѣчь о свободѣ торговли. Переводъ и предисловіе Г. В. Плеханова. Спб. Ц. 8 к.

Масарикъ Ѳ. О., проф. Начала соціалистическаго общества. (Главные вопросы марксистской политики). 1. Революція или эволюція? Переводъ подъ редакц. Н. Ястребова. Спб. 1906. Ц. 35 к.

Масарикъ, Ѳ. О., проф. Начала соціалистическаго общества (главные вопросы марксистской политики). 2. Марксизмъ и парламентаризмъ (съ библіографіей по вопросамъ политики). Переводъ подъ редакц. пр.-доц. Н. Ястребова. Спб. 1906. Ц. 25 к.

Мауренбрехеръ. Интеллигенція и соціалъ-демократія. Переводъ С. М. Компанейца. Спб. 1906. Ц. 7 к.

Мейеръ, Георгъ. Избирательное право. Переводъ съ нѣмецк. подъ редакціей и съ предисловіемъ Ф. Мускатблита. Одесса. 1906. Ц. 75 к.

Менгеръ, А. Право на полный продуктъ труда. Переводъ съ нѣмецк. подъ редакц. и съ предисловіемъ прив.-доц. Н. А. Рожкова. М. 1905. Ц. 30 к.

Мерингъ, Фр. Юношескіе годы Карла Маркса. Перев. съ нѣмецк. М. И. Толмачевой. М. 1906. Ц. 15 к.

— Объ историческомъ матеріализмѣ. Переводъ съ нѣмецк. Спб. 1906. Ц. 15 к.

Мигулинъ, П. П., проф. Русскій автономный центральный эмиссіонный государственный банкъ. Проектъ. Харьковъ. 1906. Ц. 1 р.

Мироновъ, Мих. Государственные акты освободительной эпохи. Отъ указа 12 декабря 1904 г. до указа 11 декабря 1905 г., съ приложеніемъ официально опубликованныхъ извлеченій изъ журналовъ комитета министровъ по всѣмъ пунктамъ указа 12 декабря. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Наказъ земскимъ начальникамъ. Ч. I. О порядкѣ дѣйствій земскихъ начальниковъ по дѣламъ административнымъ. М. Ц. 30 к.

Недешева, В. Къ свободѣ... Лекція 1-я. Спб. 1906. Ц. 10 к.

Новоторжскій, Г. Что такое правовое государство. Спб. 1906. Ц. 10 к.

Организація сельскохозяйственныхъ рабочихъ. I) К. Pramполини: Къ крестьянамъ; II) Э. Маттіа: Помѣщики и крестьяне. Переводъ съ итальянскаго А. П. Колтоновскаго. Спб. 1906. Ц. 8 к.

Плехановъ, Г. В. Патріотизмъ и соціализмъ. (Изъ «Дневника соціалъ-демократа»). Спб. Ц. 4 к.

— Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи. (По личнымъ воспоминаніямъ). Спб. Ц. 15 к.

— I. Соціализмъ и политическая борьба. II. Еще разъ соціализмъ и политическая борьба. Спб. 1906. Ц. 25 к.

Проектныя предположенія по введенію механической тяги на приладожскихъ каналахъ. Труды комиссіи при управленіи внутреннихъ водныхъ путей и шоссейныхъ дорогъ. Съ 6 листами чертежей. Спб. 1906. Ц. 1 р. 25 к.

Прокоповичъ, С. Аграрный вопросъ и аграрное движеніе. Ростовъ-на-Д. 1905. Ц. 5 к.

Процессъ Вѣры Засуличъ. (Судъ и послѣ суда). Спб. Ц. 80 к.

Пѣшехоновъ, А. В. Аграрная проблема въ связи съ крестьянскимъ движеніемъ. Спб. 1906. Ц. 40 к.

Рейхесбергъ, Н., проф. Соціальный вопросъ на Западѣ. Спб. 1906. Ц. 6 к.

Рубинштейнъ, А. Г. Политика и религія. Мысли. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Н. Штраухъ. Спб. 1906. Ц. 20 к.

Русиновъ, Д. Христіанскій міръ и воинствующее іудейство. Харьковъ. 1906. Ц. 15 к.

Русское самодержавіе и манифестъ 17 октября 1905 г. Спб. 1906. Ц. 10 к.

Саблинъ, К. Женщина-работница. Спб. Ц. 5 коп.

Самодержавіе и печать въ Россіи. Предисловіе. Всеподданнѣйшее прошеніе 114 русскихъ писателей. Записка о нуждахъ русской печати. Мартирологъ русской печати. Спб. 1906. Ц. 25 к.

Сборникъ программъ политическихъ партій въ Россіи. Подъ редакціей В. В. Водовозова. В. II. Спб. 1906. Ц. 10 к.

Современное положеніе Россіи и дружба Франціи. Перев. К. Ж. Спб. 1906. Ц. 8 к.

Стефановичъ, Я. В. Неприкосновенность личности (Habeas Corpus). Ц. 4 к.

Таможенные тарифы по европейской торговлѣ (общій и конвенціонный), съ измѣненіями и дополненіями по 16 февраля 1906. г. Изданіе министерства торговли и промышленности. Спб. 1906. Ц. 1 р.

«Текущій моментъ». Сборникъ. Н. Рожковъ. Текущій моментъ. В. Фриче. Западная Европа и русская революція. Пикъ. Прибалтійскій край. В. Канель. Либералы и рабочій вопросъ. М. Таганскій. Обзоръ аграрныхъ программъ и т. д. М. 1906. Ц. 1 р.

Тимоѳеевъ, П. Чѣмъ живетъ заводскій рабочій. Спб. 1906. Ц. 40 к.

Трипель, Генрихъ, проф. Избирательное право и избирательная обязанность. Одесса. 1906. Ц. 12 к.

Тумановъ, М. Н. Вліяніе русской литературы второй половины XVIII вѣка на общественные нравы, законодательную дѣятельность правительства и государственное управленіе. Керчь. 1905. Ц. 2 р. 50 к.

Франко, Ив. Звѣриный бюджетъ. Свинская конституція. Исторія одной конфискаціи. Переводъ съ украинскаго С. Буды. Спб. 1906. Ц. 60 к.

Фреезе, Г. Участіе рабочихъ въ прибыляхъ предпріятія. Переводъ Л. А. Левенстерна. Спб. 1906. Ц. 10 к.

Хижняковъ, В. В. Начатки политическихъ знаній. (Справочная книжка). Спб. 1906. Ц. 10 к.

Цадекъ, д-ръ. Рабочій день и вырожденіе. «Восемь часовъ для труда, восемь—для сна, восемь свободныхъ!» Переводъ Л. К. Ц. 9 к.

Циглеръ, Теобальдъ, проф. Индивидуализмъ и соціализмъ въ умственной жизни XIX вѣка. Переводъ съ нѣмецк. Одесса. 1906. Ц. 10 к.

Чулковъ, Ив. Алфавитный указатель къ Своду Законовъ Россійской имперіи, изд. 1857—1904 гг. Редактировалъ М. А. Малюгинъ. М. 1906. Ц. 4 р. 50 к.

Энгельсъ, Фридрихъ. Людвигъ Фейербахъ. Съ приложеніями: I) К. Марксъ о французскомъ матеріализмѣ XVIII ст., II) К. Марксъ о Фейербахѣ. Переводъ съ предисловіемъ и примѣчаніями Г. В. Плеханова. Спб. 1906. Ц. 25 к.

Энгельсъ, Ф. Нѣмецкій крестьянинъ. Чѣмъ онъ былъ? Чѣмъ онъ теперь? Чѣмъ онъ могъ бы быть? Перев. съ нѣмецк. Кіевъ. 1906. Ц. 7 к.

— Общественное движеніе въ Германіи. Кіевъ. 1906. Ц. 6 к.

IX. Медицина, гигіена и анатомія.

Albers-Schönеberg. Техника примѣненія рентгеновскихъ лучей. Учебникъ для врачей и учащихся. Переводъ со 2-го нѣмецкаго изданія д-ра Я. Б. Эйгера. Съ приложеніемъ статьи A. Strebel: Радіотерапія. Съ 150 рисунками въ текстѣ. Спб. 1906. Ц. 2 р.

Аѳанасьвъ, М. И., проф., Ваксъ, П. Б., д-ръ. Тифы (сыпной, возвратный, брюшной и паратифъ). Въ сжатомъ монографическомъ изложеніи. Спб. 1906. Ц. 80 к.

Brieger, L., проф., и **Laqueur, A.**, д-ръ. Новѣйшая гидротерапія. Перев. д-ра В. А. Волкенштейнъ. Спб. 1906. Ц. 50 к.

Imhofer, R. (Имгоферъ), д-ръ. Болѣзни голоса у пѣвцовъ. Для врачей. Перев. д-ра М. И. Эльясона. Спб. 1906. Ц. 80 к.

Мечниковъ, Илья. Нѣсколько замѣчаній о кисломъ молокѣ. Перев. съ французскаго Н. Н. Зворыкина. 1906. Ц. 5 к.

Stevenson. W. F., проф. (Стивенсонъ). Раненія на войнѣ. Механизмъ ихъ возникновенія и ихъ лѣченіе. Съ 141 рисункомъ. Переводъ со 2-го англійскаго изданія съ примѣчаніями д-ра мед. М. Я. Брейтмана. Спб. 1906. Ц. 8 р.

Сухановъ, С. А. I) Первичное слабоуміе взрослыхъ. II) Объ острой спутанности. Изъ клиническихъ лекцій, читанныхъ при лѣчебницѣ для душевно-больныхъ воиновъ въ Москвѣ. М. 1906. Ц. 70 к.

Уваровъ, М. С. Гигіена. Систематическій курсъ для лицъ, получившихъ среднее образованіе, для старшихъ классовъ гимна-

зій, учительскихъ семинарій, фельдшерскихъ школъ и проч. Изданіе 2-е, значительно дополненное и исправленное. Спб. 1906. Ц. 80 к.

Fischer, Alfred, проф. Лекціи о бактеріяхъ. Съ 69 рисунками. Перев. со 2-го нѣмецкаго изданія д-ра М. Раскиной. Спб. 1906. Ц. 2 р. 50 к.

X. Искусство.

Альбомъ избранныхъ картинъ музея императора Александра III. Цѣна 10 рублей.

Борцы за свободу и знаніе. Подъ редакціей и съ обширной вступительной статьей проф. Московск. унив. В. Хвостова (31 портретъ). Вып. VI. Ц. по подпискѣ 10 р. 85 к.

Искусство быть красивой. Иллюстрированн. ежемѣсячный журналъ, № 2. Спб. 1906. Ц. 25 к.

Маріинскій театръ. Въ пятницу, 10 февраля 1906 г. Прощальный бенефисъ солистки его величества Маріи Даниловны Каменской, за 25 лѣтъ службы. Ц. 50 к.

Московская городская художественная галлерея П. и С. Третьяковыхъ. Вып. XXXIII. М. 1906. Ц. по подп. на 12 вып. 24 р.

Московская Румянцевская галлерея. Вып. 14. М. 1906. Ц. по подпискѣ за кажд. вып. 2 р.

Портреты русскихъ писателей, въ геліогравюрахъ, по оригиналамъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ. Редакція Б. Б. Каллаша, в. 11. М. 1906. Ц. по подпискѣ за каждый выпускъ 2 р.

Русскій музей императора Александра III. Вып. VI. М. 1906. Ц. по подп. за каждый вып. 2 р.

Сборникъ классныхъ работъ учениковъ центральнаго училища техническаго рисованія барона Штиглица за 1902 г. Спб. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

Сребрянскій, А. П. Мысли о музыкѣ. Спб. 1906. Ц. 25 к.

Театръ и искусство. 1906 г. №№ 6 — 10. Спб. Ц. по 20 к.

XI. Военное и морское дѣло.

Вѣстникъ русской конницы. 1906. № 3. Ц. 30 к.

Ризничъ, И., лейтенантъ. Подводная лодка «Голланда» типа № 7 р. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Цытовичъ, Н., проф. Начала теоріи вѣроятностей и примѣненіе ея къ основнымъ вопросамъ пристрѣлки. Ч. II. Спб. 1906. Ц. 1 р.

XII. Коммерческія науки.

Гуляевъ, А, Календарь для бухгалтеровъ на 1906 г. Москва. 1906. Ц. 75 к.

— Торговое дѣло. Справочная книга для лицъ, занимающихся торговыми и конторскими дѣлами. М. 1906. Ц. 2 р. 50 к.

Чернышевъ, Ѳ. Ф. Международная бухгалтерія. «Провѣрочная» система, приспособленная для контроля коммерческихъ книгъ и оборотовъ. Необходимое руководство для владѣльцевъ коммерческихъ предпріятій и бухгалтеровъ. Харьковъ. 1906. Ц. 75 к.

XIII. Воспитаніе, обученіе и учебники.

Вентцель, К. Н. Освобожденіе ребенка. М. 1906. Ц. 10 к.

Кросби, Эрнестъ. Л. Н. Толстой, какъ школьный учитель. Переводъ съ англійскаго. Съ дополненіями изъ писемъ Л. Н. Толстого о воспитаніи. М. 1906. Ц. 40 к.

Лесгафтъ, П. Семейное воспитаніе ребенка и его значеніе. Ч. I. Школьные типы (5-е изданіе). Ч. II. Основныя проявленія ребенка (4-е изданіе). Спб. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

Мироновъ, П. М. Приготовительный курсъ геометріи съ приложеніемъ собранія геометрическихъ задачъ и развертокъ тѣлъ. Курсъ 3-го и 4-го отдѣленій городскихъ училищъ. Изданіе 2-е, исправл. Уфа. 1905. Ц. 45 к.

Прангъ. Преподаваніе искусства дѣтямъ. Т. II. Элементарный курсъ преподаванія искусства въ начальныхъ школахъ. Руководство для учащихъ, составила Мери Гиксъ. Иллюстрировала Эдитта Чадвикъ. Годъ II. Полный переводъ съ американскаго изданія В. И. Бейеръ. Подъ редакціей А. Н. Смирнова. Спб. Ц. 1 р. 75 к.

Сальниковъ, А. Н. Русскіе писатели послѣ гоголевскаго періода въ біографіяхъ, образцахъ и характеристикахъ. Съ портретами въ текстѣ и спискомъ темъ для ученическихъ сочиненій и классныхъ бесѣдъ. Курсъ VIII класса гимназій и реальныхъ училищъ. Спб. 1906. Ц. 2 р. 50 к.

Санчурскій, Н. Краткая грамматика латинскаго языка. Вполнѣ примѣнена къ новымъ гимназическимъ программамъ 1904 г. Ч. II. Синтаксисъ. Изданіе 8-е. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Санчурскій, Н. В. Латинская хрестоматія. Составлена примѣнительно къ программѣ конкурса на соисканіе преміи императора Петра I въ 1906 году. Ч. I. Курсъ третьяго класса. Съ 70 иллюстраціями. Спб. 1906. Ц. въ переплетѣ 1 р. 10 к.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени"** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ** и **Ростовѣ-на-Дону** при книжныхъ магазинахъ **„Новаго Времени"**.

Программа **„Историческаго Вѣстника"**: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

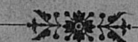
Къ **„Историческому Вѣстнику"** прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

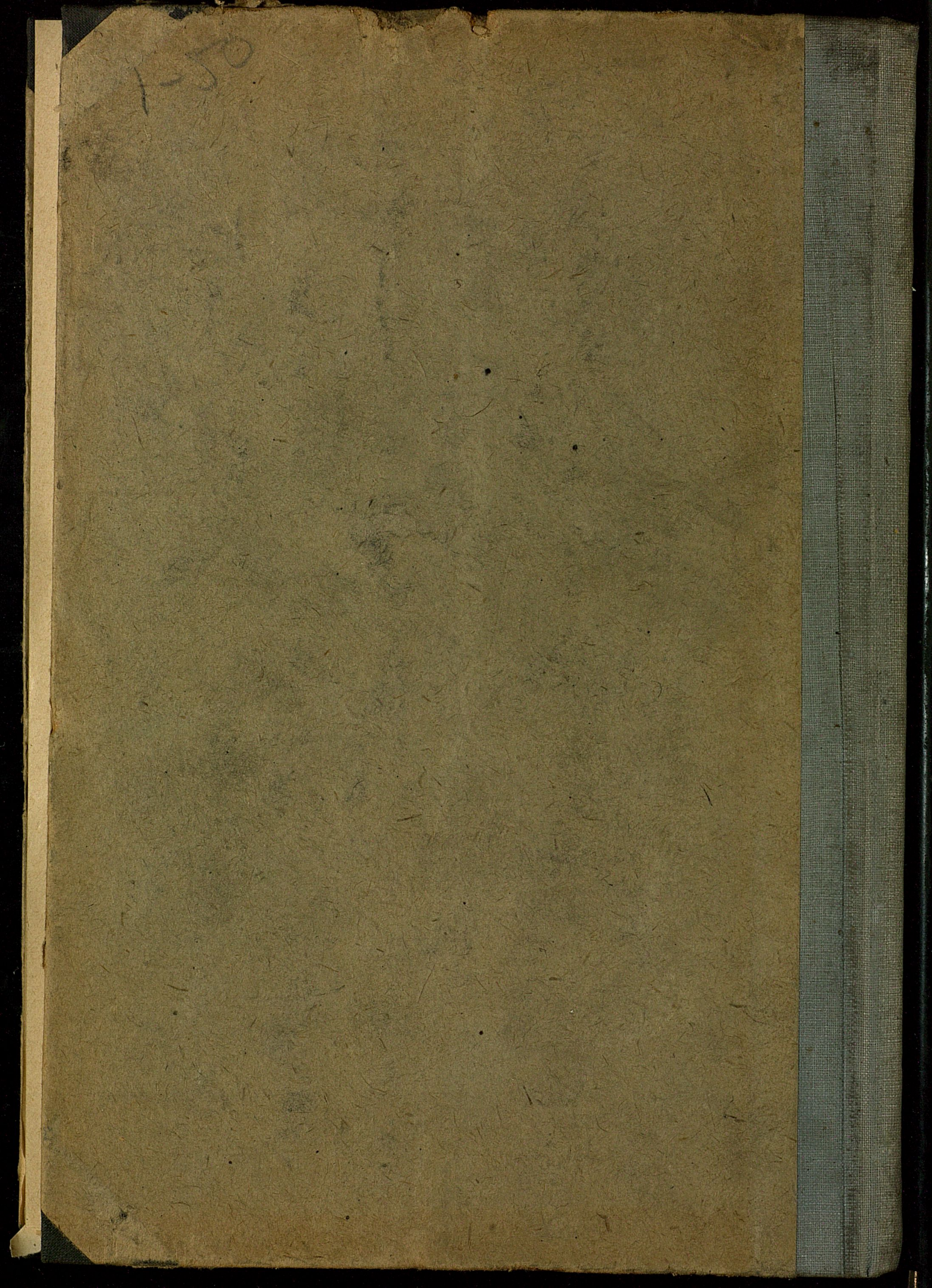
О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель **А. С. Суворинъ**. Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

 ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

1-50